Русскія народныя сказки А. Н. Аѳанасьева

Томъ II.

А. Комаровъ

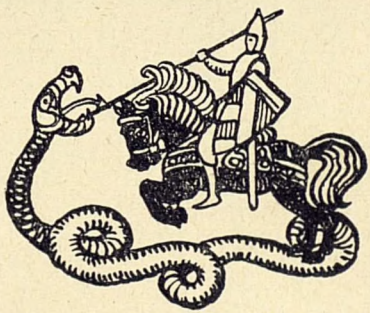
О 10/1116

Д.Н. ОРЛОВА
ИЗ КНИГ
ВЕРЬ, ЧТО ВО МНЕ НЕ-
ОБ'ЯТНО-БЕЗМЕРНАЯ
КРЫЛАСЬ К НА-
РОДУ ЛЮБОВЬ.
Н. А. НЕКРАСОВ

10
1116 1 накл.
ф1-78
15644

Русскія народныя сказки А.Н. Аѳанасьева

А.Комаровъ.

Т. 2

Подъ ред. А.Е. Грузинскаго.

Съ картинами А.Комарова и М.Щеглова. Изданіе четвертое въ пяти томахъ

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
10573-38

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1914.

2007053986

Сказка въ сѣверномъ краѣ.

Рис. *М. Щеглова.*

Бис. Л. Шестова
Сказка в стихах

10573-38

Типография Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1914.

71. Три царства: мѣдное, серебряное и золотое.

а. Бывало да живало — жили-были старикъ да старушка; у нихъ было три сына: первой — Егорушко Залётъ, второй — Миша Косолапой, третій — Ивашко Запечникъ. Вотъ вздумали отецъ и мать ихъ женить; послали большаго сына присматривать невѣсту, и онъ шелъ да шелъ — много времени; гдѣ ни посмотритъ на дѣвокъ, не можетъ прибрать себѣ невѣсты, — все не глянутся [1]). Потомъ встрѣтилъ на дорогѣ змѣя о трехъ головахъ и испугался; а змѣй говоритъ ему: «Куда, доброй человѣкъ, направился?» Егорушко говоритъ: «Пошелъ свататься, да не могу невѣсты пріискать». Змѣй говоритъ: «Пойдемъ со мной: я поведу тебя: можешь ли достать невѣсту?» Вотъ шли да шли, дошли до большого камня. Змѣй говоритъ: «Отвороти камень; тамъ чего желаешь, то и получишь». Егорушко старался отворотить, но ничего не могъ сдѣлать. Змѣй сказалъ ему. «Дакъ нѣтъ же тебѣ невѣсты!» И Егорушко воротился домой, сказалъ отцу и матери обо всемъ. Отецъ и мать опять думали-подумали, какъ жить да быть, послали середняго сына Мишу Косолапаго. Съ тѣмъ то же самое случилось. Вотъ старикъ и старушка думали-подумали, не знаютъ, что дѣлать: если послать Ивашка Запечнаго, тому ничего не сдѣлать!

А Ивашко Запечный сталъ самъ проситься посмотрѣть змѣя; отецъ и мать сперва не пускали его, но послѣ пустили. И Ивашко тоже шелъ да шелъ и встрѣтилъ змѣя о трехъ головахъ. Спросилъ его змѣй: «Куда направился, доброй человѣкъ?» Онъ сказалъ: «Братья хотѣли жениться, да не смогли достать невѣсту; а теперь мнѣ черёдъ выпалъ».— «Пожалуй, пойдемъ, я покажу; сможешь ли ты достать невѣсту?» Вотъ пошли змѣй съ Ивашкомъ, дошли до того же камня; и змѣй приказалъ камень отворотить съ мѣста. Ивашко хватилъ его, и камень какъ не бывалъ — съ мѣста слетѣлъ; тутъ оказалась дыра въ землю, и близъ нея утверждены ремни. Вотъ змѣй и говоритъ: «Ивашко! садись на ремни: я тебя спущу, и ты тамъ пойдешь и дойдешь до трехъ царствъ, а въ каждомъ царствѣ увидишь по дѣвицѣ».

---

[1]) Т.-е. не нравятся.

Ивашко спустился и пошелъ; шелъ да шелъ и дошелъ до мѣднаго царства; тутъ зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекрасную изъ себя. Дѣвица говоритъ: «Добро пожаловать, небывалой гость! приходи и садись, гдѣ мѣсто просто [1]) видишь, да скажись, откуда идешь и куда?» — «Ахъ, дѣвица красная,—сказалъ Ивашко,—не накормила, не напоила, да стала вѣсти спрашивать». Вотъ дѣвица собрала на столъ всякаго кушанья и напитковъ; Ивашко выпилъ и поѣлъ и сталъ разсказывать, что иду де искать себѣ невѣсты; если милость твоя будетъ—прошу выйтить за меня. «Нѣтъ, доброй человѣкъ,—сказала дѣвица,—ступай ты впередъ, дойдешь до серебрѣнаго царства: тамъ есть дѣвица еще прекраснѣе меня!» — и подарила ему серебреной перстень. Вотъ доброй мо́лодецъ поблагодарилъ дѣвицу за хлѣбъ, за соль, распростился и пошелъ; шелъ да шелъ и дошелъ до серебренаго царства; зашелъ сюда и увидѣлъ: сидитъ дѣвица прекраснѣе первой. Помолился онъ Богу и билъ челомъ: «Здорово, красная дѣвица!» Она отвѣчала: «Добро пожаловать, прохожій молодецъ! садись да хвастай: чей да откуль и какими дѣлами сюда зашелъ?»—«Ахъ, прекрасная дѣвица!—сказалъ Ивашко,—не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать». Вотъ собрала дѣвица столъ, принесла всякаго кушанья и напитковъ; тогда Ивашко попилъ, поѣлъ, сколько хотѣлъ, и началъ разсказывать, что онъ пошелъ искать невѣсты, и просилъ ее замужъ за себя. Она сказала ему: «Ступай впередъ, тамъ есть еще золотое царство, и въ томъ царствѣ есть еще прекраснѣе меня дѣвица!» — и подарила ему золотой перстень. Ивашко распростился и пошелъ впередъ, шелъ да шелъ, и дошелъ до золотого царства, зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекраснѣе всѣхъ. Вотъ онъ Богу помолился и, какъ слѣдуетъ, поздоровался съ дѣвицей. Дѣвица стала спрашивать его: откуда и куда идетъ? «Ахъ, красная дѣвица,—сказалъ онъ,—не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать». Вотъ она собрала на столъ всякаго кушанья и напитковъ, чего лучше требовать нельзя. Ивашко Запечникъ угостился всѣмъ хорошо и сталъ разсказывать: «Иду я, себѣ невѣсты ищу, если ты желаешь за меня замужъ, то пойдемъ со мною». Дѣвица согласилась и подарила ему золотой клубокъ, и пошли они вмѣстѣ. Шли да шли, и дошли до серебренаго царства; тутъ взяли съ собой дѣвицу; опять шли да шли и дошли до мѣднаго царства — и тутъ взяли дѣвицу, и всѣ пошли до дыры, изъ которой надобно вылѣзать, и ремни тутъ висятъ; а старшіе братья уже стоятъ у дыры, хотятъ лѣс(зт)ь туда же искать Ивашку.

Вотъ Ивашко посадилъ на ремни дѣвицу изъ мѣднаго царства и затрясъ за ремень; братья потащили и вытащили дѣвицу, а ремни опять опустили. Ивашко посадилъ дѣвицу изъ серебренаго царства— и ту вытащили, а ремни опять опустили; потомъ посадилъ онъ дѣвицу

---

[1]) Пусто, незанято.

изъ золотого царства — и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и самъ Ивашко сѣлъ; братья потащили и его, тащили-тащили, да какъ увидѣли, что это—Ивашко, подумали: «Пожалуй, вытащимъ его, дакъ онъ не дастъ ни одной дѣвицы!»—и обрѣзали ремни; Ивашко упалъ внизъ. Вотъ, дѣлать нечего, поплакалъ онъ, поплакалъ и пошелъ впередъ; шелъ да шелъ, и увидѣлъ: сидитъ на пнѣ старикъ-самъ съ четверть, а борода съ локоть, и разсказалъ ему все, какъ и что съ нимъ случилось. Старикъ научилъ его итти дальше: «Дойдешь до избушки, а въ избушкѣ лежитъ длинной мужичина изъ угла въ уголъ, и ты спроси у него, какъ выйти на Русь». Вотъ Ивашко шелъ да шелъ и дошелъ до избушки; зашелъ туда и сказалъ: «Сильной Идолищо! не погуби меня, скажи, какъ на Русь попас(т)ь?»—«Фу-фу!—проговорилъ Идолищо,—русскую коску [1]) никто не звалъ, сама пришла. Ну, пойди же ты за тридцать озеръ; тамъ стоитъ на куриной ножкѣ избушка, а въ избушкѣ живетъ ега-баба; у ней есть орелъ птица, и она тебя вынесетъ». Вотъ доброй мо́лодецъ шелъ да шелъ и дошелъ до избушки; зашелъ въ избушку, ега-баба закричала: «Фу-фу-фу! русская коска, зачѣмъ сюда пришла?» Тогда Ивашко сказалъ: «А вотъ, бабушка, пришелъ я по приказу сильнаго Идолища попросить у тебя могучей птицы-орла, чтобы она вытащила меня на Русь».—«Иди же ты,—сказала ега-баба,—въ садокъ; у дверей стоитъ караулъ, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; какъ будешь отпирать послѣднія двери—тогда орелъ встрепенется крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми съ собою говядины, и когда онъ станетъ оглядываться, ты давай ему по куску мяса». Ивашко сдѣлалъ все по приказанію егой-бабки, сѣлъ на орла и полетѣлъ; летѣлъ-летѣлъ, орелъ оглянулся—Ивашко далъ ему кусокъ мяса; летѣлъ-летѣлъ и часто давалъ орлу мяса, ужъ скормилъ все, а еще летѣть не близко. Орелъ оглянулся, а мяса нѣтъ; вотъ орелъ выхватилъ у Ивашка изъ холки кусокъ мяса, съѣлъ и вытащилъ его въ ту же дыру на Русь. Когда сошелъ Ивашко съ орла, орелъ выхаркнулъ кусокъ мяса и велѣлъ ему приложить къ холкѣ. Ивашко приложилъ, и холка заросла. Пришелъ Ивашко домой, взялъ у братьей дѣвицу изъ золотого царства, и стали они жить да быть и теперь живутъ. Я тамъ былъ, пиво пилъ; пиво-то по усу текло, да въ ротъ не попало.

(Записана въ Пинежскомъ уѣздѣ, Архангельской губ.).

b. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ былъ-жилъ царь Бѣлъ-Бѣлянинъ; у него была жена Настасья-золотая коса и три сына: Петръ-царевичъ, Василій-царевичъ и Иванъ-царевичъ. Пошла царица съ своими мамушками и нянюшками прогуляться по́ саду. Вдругъ поднялся сильной вихрь, что́—и Боже мой! схватилъ царицу

[1]) Костку, кость.

и унесъ невѣдомо куда. Царь запечалился-закручинился и не вѣдаетъ, какъ ему быть. Подросли царевичи, онъ и говоритъ имъ: «Дѣти мои любезные! кто изъ васъ поѣдетъ — мать свою отыщетъ?» Собрались два старшіе сына и поѣхали; а за ними и младшій сталъ у отца проситься. «Нѣтъ,—говоритъ царь,—ты, сынокъ, не ѣзди, не покидай меня одного старика!» — «Позволь, батюшка! Страхъ какъ хочется по бѣлу свѣту пострaнствовать да матушку отыскать». Царь отговаривалъ-отговаривалъ — не могъ отговорить: «Ну, дѣлать нечего, ступай; Богъ съ тобой!» Иванъ-царевичъ осѣдлалъ сваво (своего) добраго коня и пустился въ дорогу. Ѣхалъ-ѣхалъ, долго ли, коротко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; пріѣзжаетъ къ лѣсу. Въ томъ лѣсу богатѣйшій дворецъ стоитъ. Иванъ-царевичъ въѣхалъ на широкій дворъ, увидалъ старика и говоритъ: «Много лѣтъ здравствовать, старичокъ!» — «Милости просимъ! кто таковъ, доброй мóлодецъ?» «Я— Иванъ-царевичъ, сынъ царя Бѣла-Бѣлянина и царицы Настасьи-золотой косы». — «Ахъ, племянникъ родной! куда тебя Богъ несетъ?» — «Да такъ и такъ, говоритъ, ѣду отыскивать свою матушку. Не можешь ли ты сказать, дядюшка, гдѣ найдти ее?» — «Нѣтъ, племянникъ, не знаю. Чѣмъ могу, тѣмъ и послужу тебѣ: вотъ тебѣ шарикъ, брось его передъ собою: онъ покатится и приведетъ тебя къ крутымъ, высокимъ горамъ. Въ тѣхъ горахъ есть пещера: войди въ нее, возьми желѣзные когти, надѣнь нá руки и нá ноги и полѣзай на горы: авось, тамъ найдешь свою мать Настасью-золотую косу». Вотъ хорошо. Иванъ-царевичъ попрощался съ дядею и пустилъ передъ собою шарикъ; шарикъ катится-катится, а онъ за нимъ ѣдетъ. Долго ли, коротко ли, видитъ: братья его Петръ-царевичъ и Василій-царевичъ стоятъ въ чистомъ полѣ лагеремъ и множество войска съ ними. Братья его встрѣнули: «Ба! куда ты, Иванъ-царевичъ?» — «Да что, говоритъ, соскучился дóма и задумалъ ѣхать отыскивать матушку. Отпустите войско домой да поѣдемте вмѣстѣ». Они такъ и сдѣлали: отпустили войско и поѣхали втроемъ за шарикомъ. Издали еще завидѣли горы—такія крутыя, высокія, чтó — и Боже мой! — верхушками въ небо уперлись. Шарикъ прямо къ пещерѣ прикатился; Иванъ-царевичъ слѣзъ съ коня и говоритъ братьямъ: «Вотъ вамъ, братцы, мой доброй конь; я пойду на горы матушку отыскивать, а вы здѣсь оставайтеся; дожидайтесь меня ровно три мѣсяца, а не буду черезъ три мѣсяца — и ждать нечего!» Братья думаютъ: «Какъ на эти горы влѣзать, да тутъ и голову поломать!» «Ну, говорятъ, ступай съ Богомъ, а мы здѣсь подождемъ». Иванъ-царевичъ подошелъ къ пещерѣ, видитъ — дверь желѣзная; толкнулъ со всего размаху — дверь отворилася; вошелъ туда — желѣзные когти ему нà руки и нà ноги сами надѣлися. Началъ на горы взбираться; лѣзъ-лѣзъ — цѣлой мѣсяцъ трудился, насилу наверхъ взобрался. «Ну, говоритъ, слава Богу!» Отдохнулъ немного и пошелъ по горамъ; шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, смотритъ — мѣдной дворецъ стоитъ, у воротъ страшные змѣи

на мѣдныхъ цѣпяхъ прикованы, такъ и кишатъ! А подлѣ колодезь, у колодезя мѣдной корецъ на мѣдной цѣпочкѣ виситъ. Иванъ-царевичъ взялъ, почерпнулъ корцомъ воды, напоилъ змѣй; онѣ присмирѣли, прилегли,—онъ и прошелъ во дворецъ. Выскакиваетъ къ нему мѣднаго царства царица: «Кто таковъ, доброй мо́лодецъ?» — «Я Иванъ-царевичъ!» — «Что, спрашиваетъ, своей охотой, али неволей зашелъ сюда, Иванъ-царевичъ?» — «Своей охотой; ищу мать свою Настасью-золотую косу. Какой-то Вихрь ее изъ сада похитилъ. Не знаешь ли, гдѣ она?» «Нѣтъ, не знаю; а вотъ недалеко отсюда живетъ моя середняя сестра, серебренаго царства царица; можетъ, она тебѣ скажетъ!» Дала ему мѣдной шарикъ и мѣдное колечко: «Шарикъ, говоритъ, доведетъ тебя до середней сестры, а въ этомъ колечкѣ все мѣдное царство состоитъ. Когда побѣдишь Вихря, который ч меня здѣсь держитъ и летаетъ ко мнѣ черезъ каждые три мѣсяца, то не забудь меня, бѣдной, — освободи отсюда и возьми съ собой на вольный свѣтъ!» — «Хорошо», отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, взялъ - бросилъ мѣдной шарикъ — шарикъ покатился, а царевичъ за нимъ пошелъ. Приходитъ въ серебреное царство и видитъ дворецъ лучше прежняго — весь серебреной: у воротъ страшные змѣи на серебреныхъ цѣпяхъ прикованы, а подлѣ колодезь съ серебренымъ корцомъ. Иванъ-царевичъ почерпнулъ воды, напоилъ змѣй — онѣ улеглись и пропустили его во дворецъ. Выходитъ царица серебренаго царства: «Ужъ скоро три года, говоритъ, какъ держитъ меня здѣсь могучій Вихрь, — я русскаго духу слыхомъ не слыхала, видомъ не видала, а теперь русской духъ въ очью совершается. Кто таковъ, доброй мо́лодецъ?» — «Я Иванъ-царевичъ!» — «Какъ же ты сюда попалъ — своею охотою, али неволею?» — «Своею охотою, ищу свою матушку; пошла она въ зеленомъ саду погулять, какъ поднялся Вихрь и умчалъ ее невѣдомо куда. Не знаешь ли, гдѣ найдти ее?» — «Нѣтъ, не знаю; а живетъ здѣсь недалечко старшая сестра моя, золотого царства царица, Елена Прекрасная; можетъ, она тебѣ скажетъ. Вотъ тебѣ серебреной шарикъ, покати его передъ собою и ступай за нимъ слѣдомъ: онъ тебя доведетъ до золотого царства. Да смотри, какъ убьешь Вихря, не забудь меня, бѣдной: вызволь отсюда и возьми съ собою на вольный свѣтъ; держитъ меня Вихрь въ заключеніи и летаетъ ко мнѣ черезъ каждые два мѣсяца». Тутъ подала ему серебреное колечко. «Въ этомъ колечкѣ все серебреное царство состоитъ!» Иванъ-царевичъ покатилъ шарикъ: куда шарикъ покатился, туда и онъ направился. Долго ли, коротко ли, увидалъ — золотой дворецъ стоитъ, какъ жаръ горитъ; у воротъ кишатъ страшные змѣи — на золотыхъ цѣпяхъ прикованы, а возлѣ колодезь, у колодезя золотой корецъ на золотой цѣпочкѣ виситъ. Иванъ-царевичъ почерпнулъ корцомъ воды и напоилъ змѣй; онѣ улеглись, присмирѣли. Входитъ царевичъ во дворецъ; встрѣчаетъ его Елена Прекрасная: «Кто таковъ, доброй мо́лодецъ?» — «Я Иванъ-царевичъ!» — «Какъ же ты сюда зашелъ — своей

ли охотою, али неволею?» — «Зашелъ я охотою: ищу свою матушку Настасью-золотую косу. Не вѣдаешь ли, гдѣ найдти ее?»—«Какъ не вѣдать! Она живетъ недалеко отсюдова, и летаетъ къ ней Вихрь разъ въ недѣлю, а ко мнѣ разъ въ мѣсяцъ. Вотъ тебѣ золотой шарикъ, покати передъ собою и ступай за нимъ слѣдомъ — онъ доведетъ тебя куда надобно; да вотъ еще возьми золотое колечко — въ этомъ колечкѣ все золотое царство состоитъ! Смотри же, царевичъ: какъ побѣдишь ты вихря, не забудь меня, бѣдной, возьми съ собой на вольной свѣтъ!»—«Хорошо, говоритъ, возьму!» Иванъ-царевичъ покатилъ шарикъ и пошелъ за нимъ; шелъ-шелъ и приходитъ къ такому дворцу, что—и Господи, Боже мой!—такъ и горитъ въ брилліантахъ и самоцвѣтныхъ каменьяхъ. У воротъ шипятъ шестиглавые змѣи; Иванъ-царевичъ напоилъ ихъ, змѣи присмирѣли и пропустили его во дворецъ. Проходитъ царевичъ большими покоями и въ самомъ дальнемъ находитъ свою матушку: сидитъ она на высокомъ тронѣ, въ царскіе наряды убрана, драгоцѣнной короной увѣнчана. Глянула на гостя и вскрикнула: «Ахъ, Боже мой! ты ли, сынъ мой возлюбленной? какъ сюда попалъ?» — «Такъ и такъ, говоритъ, за тобой пришелъ». — «Ну, сынокъ! трудно тебѣ будетъ. Вѣдь здѣсь на горахъ царствуетъ злой, могучій Вихрь, и всѣ духи ему повинуются: онъ-то и меня унёсъ. Тебѣ съ нимъ бороться надо! пойдемъ поскорѣй въ погребъ!» Вотъ сошли они въ погребъ; тамъ стоятъ двѣ кади съ водою: одна на правой рукѣ, другая—на лѣвой. Говоритъ царица Настасья-золотая коса: «Испей-ка водицы, что́ направо стоитъ!» Иванъ-царевичъ испилъ. «Ну, что, сколько въ тебѣ силы?» — «Да такъ силёнъ, что весь дворецъ одной рукой поверну!» — «А ну, испей еще!» Царевичъ еще испилъ. «Сколько теперь въ тебѣ силы?» — «Теперь—захочу—весь свѣтъ поворочу!» «Охъ, уже это дюже (очень) много! Переставь-ка эти кади съ мѣста на мѣсто: ту, что́ стоитъ направо, отнеси на лѣвую руку, а ту, что́ налѣво, отнеси на правую руку!» Иванъ-царевичъ взялъ кади и переставилъ съ мѣста на мѣсто. «Вотъ видишь ли, любезной сынъ: въ одной кади — сильная вода, въ другой — безсильная; кто первой напьется—будетъ сильномогучимъ богатыремъ, а кто второй изопьетъ—совсѣмъ ослабѣетъ. Вихрь пьетъ всегда сильную воду и становитъ ее по правую сторону; такъ надо его обмануть, а то съ нимъ никакъ не сладить!» Воротились во дворецъ. «Скоро Вихрь прилетитъ,—говоритъ царица Ивану-царевичу,—садись ко мнѣ подъ порфиру, чтобъ онъ тебя не увидѣлъ. А какъ Вихрь прилетитъ да кинется меня обнимать-цѣловать, ты и схвати его за палицу. Онъ высоко-высоко поднимется, будетъ носить тебя и надъ морями и надъ пропастями; ты смотри, не выпущай изъ рукъ палицы. Вихрь уморится, захочетъ испить сильной воды, спустится въ погребъ и бросится къ кади, что́ на правой рукѣ поставлена; а ты пей изъ кади на лѣвой рукѣ. Тутъ онъ совсѣмъ обезсилѣетъ, ты выхвати у него мечъ и однимъ ударомъ отруби ему голову. Какъ срубишь ему голову, тотчасъ сзади

тебя кричать будутъ: руби еще! руби еще! А ты, сынокъ, не руби, а въ отвѣтъ скажи: «богатырская рука два раза не бьетъ, а все съ одного разу!» Только Иванъ-царевичъ успѣлъ подъ порфиру укрыться, какъ вдругъ на дворѣ потемнѣло и все кругомъ затряслось; налетѣлъ Вихрь, ударился о землю, сдѣлался добрымъ мóлодцемъ и входитъ во дворецъ; въ рукахъ у него боевая палица. «Фу-фу-фу! что у тебя русскимъ духомъ пахнетъ? аль кто въ гостяхъ былъ?» Отвѣчаетъ царица: «Не знаю, отчего тебѣ такъ сдается». Вихрь бросился ее обнимать-цѣловать, а Иванъ-царевичъ тотчасъ за палицу. «Я тебя съѣмъ!» закричалъ на него Вихрь. «Ну, бабка нàдвое сказала: либо съѣшь, либо нѣтъ!» Вихрь рванулся—въ окно да въ поднебесье; ужъ онъ носилъ-носилъ Ивана-царевича—и надъ горами: «хошь, говоритъ, зашибу?» и надъ морями: «хошь, грозитъ, утоплю?» Только нѣтъ, царевичъ не выпускаетъ изъ рукъ палицы. Весь свѣтъ Вихрь вылеталъ, уморился и началъ спускаться; спустился прямо таки въ погребъ, подбѣжалъ къ той кади, чтó на правой рукѣ стояла, и давай пить безсильную воду, а Иванъ-царевичъ кинулся налѣво, напился сильной воды и сдѣлался первымъ могучимъ богатыремъ во всемъ свѣтѣ. Видитъ онъ, что Вихрь совсѣмъ ослабѣлъ, выхватилъ у него острый мечъ да разомъ и отсѣкъ ему голову. Закричали позади голоса: «Руби еще! руби еще! а то оживетъ!»—«Нѣтъ,—отвѣчаетъ царевичъ,—богатырская рука два раза не бьетъ, а все съ одного разу кончаетъ!» Сейчасъ разложилъ огонь, сжегъ и тѣло и голову и пóпелъ по вѣтру развѣялъ [1]). Мать

---

[1]) *Варіантъ:* Иванъ-царевичъ, взявъ родительское благословеніе, осѣдлалъ своего добраго коня и поѣхалъ въ дорогу. Ѣхалъ-ѣхалъ и забрался въ великую глушь. Стоятъ передъ нимъ горы высокія—ни взойдти, ни въѣхать, а подъ горами видны шатры бѣлые, въ тѣхъ шатрахъ—его старшіе братья. Поздоровались. Говоритъ имъ Иванъ-царевичъ: «Оставайтесь здѣсь да ждите меня ровно три мѣсяца, а я на горы поѣду». Ударилъ коня по крутымъ бедрамъ; его конь возъярился, поднялся выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго и принесъ молодца на высокія горы. Видитъ Иванъ-царевичъ мѣдной дворецъ, у дворца — мѣдной столбъ стоитъ, на столбѣ — мѣдное кольцо виситъ. Въѣзжаетъ на широкій дворъ, слѣзаетъ съ коня, привязываетъ его за то кольцо мѣдное, и идетъ въ палаты бѣлокаменныя. Въ палатахъ на тронѣ сидитъ дѣвица-красавица. «Здравствуй, умница!»—«Здравствуй, доброй человѣкъ! Напрасно ты сюда заѣхалъ...» — «Отчего такъ?»—«Не быть тебѣ живому! Вотъ скоро прилетитъ трехглавой змѣй, онъ тебя пожретъ и съ косточками». — «А можетъ—подавится! Не бойся, умница; лучше спрячь меня до времени». Она спрятала его въ укромное мѣстечко. Поднималася сильная буря — громъ гремитъ, земля дрожитъ, дремучій лѣсъ долу преклоняется: летитъ трехглавой змѣй. Прилетѣлъ, ударился объ полъ и сдѣлался молодцемъ: «Фу! русскимъ духомъ воняетъ...»—«Помилуй, змѣй! кто изъ русскихъ посмѣлъ бы сюда зайти? Въ наши горы ни звѣри не рыскаютъ, ни птицы не залетываютъ».—«Говори не говори, а я не боюсь, на свою силу надѣюсь! Во всемъ свѣтѣ нѣтъ мнѣ другого соперника, кромѣ Ивана-царевича, чтò народился у царя Бѣла Бѣлянина; да онъ еще молодъ, даже воронъ костей его сюда не занесетъ!» Иванъ-царевичъ не вытерпѣлъ, выско-

Ивана-царевича радая такая: «Ну, говоритъ, сынъ мой, возлюбленный! повеселимся, покушаемъ, да какъ бы намъ домой поскорѣй; а то здѣсь скучно, никого изъ людей нѣту!» — «Да кто же здѣсь прислуживаетъ?» — «А вотъ увидишь.» Только задумали они кушать, сейчасъ столъ самъ накрывается, разныя ѣствы и вина сами на столъ являются; царица съ царевичемъ обѣдаютъ, а невидимая музыка имъ чудныя пѣсни наигрываетъ. Наѣлись-напились они, отдохнули; говоритъ Иванъ-царевичъ: «Пойдемъ, матушка, пора! насъ подъ горами братья дожидаются. Да дорóгою надобно трехъ царицъ избавить, чтó здѣсь у Вихря жили». Забрали все, что нужно, и отправились въ путь-дорогу; сначала зашли за царицей золотого царства, потомъ за царицей серебренаго, а тамъ и за царицей мѣднаго царства; взяли ихъ съ собою, захватили полотна и всякой всячины и въ скоромъ времени пришли къ тому мѣсту, гдѣ надо съ горъ спускаться. Иванъ-царевичъ спустилъ на полотнѣ сперва мать, потомъ Елену Прекрасную и двухъ сестеръ ея. Братья стоятъ внизу — дожидаются, а сами думаютъ: «Оставимъ Ивана-царевича наверху, а мать да царицъ повеземъ къ отцу, и скажемъ, что мы ихъ отыскали». — «Елену Прекрасную я за себя

чилъ и говоритъ громкимъ голосомъ: «Врешь, проклятой змѣй! не воронъ богатыря заноситъ, а доброй конь завозитъ».—«А, Иванъ-царевичъ! такъ ты здѣсь... Ну, что жъ, станемъ съ тобой биться, али мириться?» Отвѣчаетъ царевичъ: «Не за тѣмъ я пріѣхалъ, чтобы мириться, а за тѣмъ, чтобъ предать тебя злой смерти».—«Коли такъ, пойдемъ въ чистое поле токъ дѣлать, чтобъ было на чёмъ разгуляться, силами помѣриться». Вышли въ чистое поле. Змѣй дунулъ — сдѣлался на три версты желѣзный токъ. «Ну,— говоритъ змѣй, станемъ воевать на этомъ мѣстѣ».—«Нѣтъ, твой токъ не годится!» сказалъ Иванъ-царевичъ, и какъ дунулъ — сдѣлался стальной токъ на шесть вёрстъ. «Вотъ теперь будетъ гдѣ потѣшиться! Начинай ты, проклятой змѣй!» Разошлись богатыри и опять сошлись; ударилъ змѣй Ивана-царевича и вогналъ его по косточки въ стальной токъ. Разошлись и сошлись въ другой разъ; ударилъ Иванъ-царевичъ змѣя и съ одного маху отрубилъ ему мечомъ три головы; наклалъ костеръ, сжогъ змѣя въ пепелъ и пустилъ по вѣтру. Послѣ того пріѣзжаетъ царевичъ къ серебряному дворцу и сражается съ шестиглавымъ змѣемъ. Змѣй дунулъ — сдѣлался на шесть верстъ мѣдной токъ. Иванъ-царевичъ дунулъ — сдѣлался токъ серебряной на двѣнадцать верстъ. Побѣдивъ этого непріятеля, царевичъ ѣдетъ къ золотому дворцу и сражается съ девятиглавымъ змѣемъ: змѣй дунулъ — сдѣлался токъ серебряной на девять верстъ; Иванъ-царевичъ дунулъ—сдѣлался токъ золотой на осьмнадцать верстъ. Убилъ царевичъ и это чудище и ѣдетъ къ алмазному дворцу, въ которомъ жила его матушка Настастья-золотая коса у двѣнадцатиглаваго змѣя. Алмазной дворецъ, словно мельница, вертится, а съ того дворца вся вселенная видна — всѣ царства и земли какъ на ладони. Царевичъ поздоровался съ своей матерью и говоритъ: «Какъ стану я съ змѣемъ сражаться, а мой доброй конь начнетъ съ привязи рваться, ты, матушка, бѣги и отвязывай коня наскоро». Сказалъ и спрятался въ укромное мѣстечко. Прилетѣлъ двѣнадцатиглавый змѣй: «Фу! русскимъ духомъ воняетъ».—«Помилуй, змѣй!—говоритъ царица,—какъ сюда русскому духу зайти?

возьму, говоритъ Петръ-царевичъ;—царицу серебренаго царства возьмешь ты, Василій-царевичъ; а царицу мѣднаго государства отдадимъ хоть за генерала». Вотъ какъ надо было Ивану-царевичу съ горъ спускаться, старшіе братья взялись за поло́тна, рванули и совсѣмъ оторвали. Иванъ-царевичъ на горахъ остался. Что дѣлать? Заплакалъ горько и пошелъ назадъ; ходилъ-ходилъ и по мѣдному царству, и по серебреному, и по золотому—нѣтъ ни души! Приходитъ въ брилліантовое царство—тоже нѣтъ никого. Ну, что одинъ? скука смёртная! Глядь — на окнѣ лежитъ дудочка [1]). Взялъ ее въ руки: «Дай, — говоритъ, — поиграю отъ скуки». Только свистнулъ — выскакиваютъ хромой да кривой. «Что угодно, Иванъ-царевичъ?» — «Ѣсть хочу». Тотчасъ откуда ни возьмись — столъ накрытъ, на столѣ и вина и кушанья самыя первыя. Иванъ-царевичъ покушалъ и думаетъ: «Теперь отдохнуть бы не худо». Свистнулъ въ дудочку, явились хромой да кривой. «Что угодно, Иванъ-царевичъ?» — «Да чтобы постель была готова». Не успѣлъ выговорить, а ужъ постель постлана, что́ ни есть лучшая. Вотъ онъ легъ, выспался славно и опять свистнулъ въ дудочку. «Что угодно?» спрашиваютъ его хромой да кривой. «Такъ, стало быть все можно?»—спрашиваетъ царевичъ. «Все можно, Иванъ-царевичъ! Кто въ эту дудочку свистнетъ, мы для того все сдѣлаемъ. Какъ прежде Вихрю служили, такъ теперь тебѣ служить рады; только надобно, чтобъ эта дудочка завсегда при тебѣ была». — «Хорошо же, говоритъ Иванъ-царевичъ; — чтобъ я сейчасъ сталъ въ моемъ государствѣ!» Только сказалъ, и въ ту же минуту очутился въ своемъ государствѣ посередъ базара. Вотъ ходитъ по базару; идетъ навстрѣчу башмачникъ — такой весельчакъ! Царевичъ спрашиваетъ: «Куда, мужичекъ, идешь?» — «Да несу черевики

Въ наши горы ни звѣри не рыскаютъ, ни птицы не зале́тываютъ».—«Полно, обманывать! я самъ видѣлъ, что на нашемъ дворѣ богатырской конь у столба привязанъ». Иванъ-царевичъ выскочилъ, и пошли они воевать въ чистое поле. Змѣй дунулъ — сдѣлался золотой токъ на двѣнадцать верстъ; а царевичъ дунулъ — сдѣлался алмазный токъ на двадцать четыре версты. Сошлись они, словно громовыя тучи въ небѣ сходятся; ударились такъ сильно, ажъ земля застонала... Бились-бились; загналъ змѣй Ивана-царевича въ алмазной токъ подъ самыя руки, а Иванъ-царевичъ срубилъ змѣю десять головъ. Видитъ Настасья-золотая коса, что богатырской конь съ привязи рвется, побѣжала наскоро и отвязала его; богатырской конь бросился на побоище и началъ змѣя зубами грызть и копытами топтать. Тѣмъ временемъ Иванъ-царевичъ вылѣзъ, оправился и снесъ змѣю остальныя двѣ головы, сжогъ его на кострѣ и пустилъ пепелъ по вѣтру. «Спасибо тебѣ, доброй конь! сослужилъ ты мнѣ службу великую, отпущаю тебя на всѣ на четыре стороны». Конь пустился стрѣлой по́ полю и вмигъ съ глазъ пропалъ; а царевичъ сдѣлалъ блоки, розыскалъ много крѣпкихъ холстовъ, связалъ вмѣстѣ и началъ спущать съ высокихъ горъ свою матушку и трехъ дѣвицъ изъ мѣднаго, серебрянаго и золотого царствъ...

[1]) *Варіантъ:* золотой перстень; царевичъ взялъ перстень, только надвинулъ на палецъ—тотчасъ явились два арапа: «Что угодно, Иванъ-царевичъ?»

(башмаки) продавать: я башмачникъ». — «Возьми меня къ себѣ въ подмастерья». — «Раз(в)ѣ ты умѣешь черевики шить?» — «Да все, что угодно, умѣю; не то черевики — и платье сошью». — «Ну, пойдемъ!» Пришли они домой; башмачникъ и говоритъ: «Ну-ка, смастери! вотъ тебѣ товаръ самой первой; посмотрю, какъ ты умѣешь». Иванъ-царевичъ пошелъ въ свою комнатку, вынулъ дудочку, свистнулъ — явились хромой да кривой: «Что угодно, Иванъ-царевичъ?» — «Чтобы къ завтраму башмаки были готовы». «О, это службишка, не служба!» — «Вотъ и товаръ!» «Что это за товаръ! дрянь — и только! надо за окно выкинуть». Назавтра царевичъ просыпается, на столѣ башмаки стоятъ, прекрасные, самые первые. Всталъ и хозяинъ: «Что, молодѣцъ, пошилъ башмаки?» — «Готовы». — «А ну, покажь!» Взглянулъ на башмаки и ахнулъ: «Вотъ такъ мастера добылъ себѣ! не мастеръ, а чудо!» Взялъ эти башмаки и понесъ на базаръ продавать. Въ эту самую пору готовились у царя три свадьбы: Петръ-царевичъ сбирался жениться на Еленѣ Прекрасной, Василій-царевичъ на царицѣ серебрянаго царства, а царицу мѣднаго царства отдавали за генерала. Стали накупать къ тѣмъ свадьбамъ наряды; для Елены Прекрасной понадобились черевики. У нашего башмачника объявились черевики лучше всѣхъ; привели его во дворецъ. Елена Прекрасная какъ глянула: «Что это?—говоритъ,— только на горахъ могутъ такіе башмаки дѣлать». Заплатила башмачнику дорого и приказываетъ: «Сдѣлай мнѣ безъ мѣрки другую пару черевикъ, чтобъ были на диво сшиты, драгоцѣнными каменьями убраны, брильянтами усажены. Да чтобъ къ завтраму поспѣли, а не то — на висѣлицу!» Взялъ башмачникъ деньги и драгоцѣнныя каменья; идетъ домой— такой пасмурной. «Бѣда!—говоритъ,—что теперь дѣлать? гдѣ такіе башмаки пошить къ завтраму, да еще безъ мѣрки? Видно, повѣсятъ меня завтра! Дай хоть напослѣдки погуляю съ горя съ своими друзьями». Зашелъ въ трактиръ; друговъ-то у него много было, вотъ они и спрашиваютъ; «Что ты, братъ, пасмуренъ?» — «Ахъ, други любезные, вѣдь завтра повѣсятъ меня!» — «За что такъ?» Башмачникъ разсказалъ свое горе: «Гдѣ ужъ тутъ о работѣ думать? Лучше погуляемъ напослѣдки». Вотъ пили-пили, гуляли-гуляли, башмачникъ ужъ качается. «Ну,—говоритъ,—возьму домой боченокъ вина да лягу спать. А завтра, какъ только придутъ за мной вѣшать, сейчасъ полведра выдую; пускай ужъ безъ памяти меня вѣшаютъ». Приходитъ домой: «Ну, окаянной!—говоритъ Ивану-царевичу,—вотъ что твои черевики надѣлали... такъ и такъ... поутру, какъ придутъ за мной, сейчасъ меня разбуди». Ночью Иванъ-царевичъ вынулъ дудочку, свистнулъ — явились хромой да кривой. «Что угодно, Иванъ-царевичъ?» — «Чтобъ такіе-то башмаки были готовы». — «Слушаемъ!» Иванъ-царевичъ легъ спать; поутру просыпается— башмаки на столѣ стоятъ, какъ жаръ горятъ. Идетъ онъ будить хозяина: «Хозяинъ! вставать пора!» — «Что, али за мной пришли? Давай скорѣе боченокъ съ виномъ, вотъ кружка — наливай; пусть ужъ пья-

наго вѣшаютъ!» — «Да башмаки-то готовы». — «Какъ готовы? гдѣ они?» Побѣжалъ хозяинъ, глянулъ: «Ахъ, когда жъ это мы съ тобой дѣлали?» — «Да ночью; неужто, хозяинъ, не помнишь, какъ мы кроили ди шили?» — «Совсѣмъ заспалъ, братъ; чуть-чуть помню!» Взялъ онъ башмаки, обернулъ, бѣгитъ во дворецъ. Елена Прекрасная увидала башмаки и догадалась: «Вѣрно, это Ивану-царевичу дѹхи дѣлаютъ». — «Какъ это ты сдѣлалъ?» — спрашиваетъ она у башмачника. «Да я, говоритъ, все умѣю дѣлать!» — «Коли такъ, сдѣлай мнѣ платье подвѣнечное, чтобъ было оно золотомъ вышито, брилліантами да драгоцѣнными камнями усѣяно. Да чтобъ заутро было готово, а не то — голову долой!» Идетъ башмачникъ опять пасмурной, а други давно его дожидаютъ: «Ну, что?» — «Да что, говоритъ, одно окаянство! Вотъ проявилась переводчица роду христіанскаго! велѣла къ завтраму платье сшить съ золотомъ, съ каменьями. А я какой портной! Ужъ вѣрно завтра съ меня голову снимутъ». — «Э, братъ! утро вечера мудренѣе; пойдемъ-погуляемъ». Пошли въ трактиръ, пьютъ-гуляютъ. Башмачникъ опять нализался, притащилъ домой цѣлой боченокъ вина и говоритъ Ивану-царевичу: «Ну, малой! завтра, какъ разбудишь, такъ цѣлое ведро и выдую: пусть пьяному рубятъ голову! А эдакаго платья мнѣ и въ жизнь не сдѣлать». Хозяинъ легъ спать, захрапѣлъ, а Иванъ-царевичъ свистнулъ въ дудочку — явились хромой да кривой: «Что *в*годно, царевичъ?» — «Да чтобъ къ завтраму платье было готово — точно такое, какъ Елена Прекрасная у Вихря носила». «Слушаемъ! Будетъ готово». Чѣмъ свѣтъ проснулся Иванъ-царевичъ, а платье на столѣ лежитъ, какъ жаръ горитъ — такъ всю комнату и освѣтило. Вотъ онъ будитъ хозяина; тотъ продралъ глаза: «Что, аль за мной пришли — голову рубить? Давай поскорѣй вино!» — «Да вѣдь платье готово...» — «Ой ли! когда жъ мы сшить успѣли?» — «Да ночью, раз(в)ѣ не помнишь? Ты самъ и кроилъ». «Ахъ, братъ, чуть-чуть припоминаю, какъ во снѣ вижу». Взялъ башмачникъ платье, бѣгитъ во дворецъ. Вотъ Елена Прекрасная дала ему много денегъ и приказываетъ: «Смотри, чтобъ завтра къ разсвѣту на седьмой верстѣ на̀ морѣ стояло царство золотое и чтобъ оттуда до нашего дворца сдѣланъ былъ мостъ золотой, тотъ мостъ устланъ дорогимъ бархатомъ, а около перилъ по обѣимъ сторонамъ росли бы деревья чудныя и пѣвчія бъ птицы разными голосами воспѣвали. Не сдѣлаешь къ завтраму — велю четверить тебя!» Пошелъ башмачникъ отъ Елены Прекрасной и голову повѣсилъ. Встрѣчаютъ его други: «Что, братъ?» — «Да что! пропалъ я, завтра четверить меня. Такую службу задала, что никакой чортъ не сдѣлаетъ». — «Э, полно! утро вечера мудренѣе; пойдемъ въ трактиръ». — «И то пойдемте! напослѣдяхъ надо хоть повеселиться». Вотъ они пили-пили; башмачникъ до того къ вечеру нашился, что домой по̀дъ руки привели. «Прощай, малой! говоритъ онъ Ивану-царевичу: завтра казнятъ меня». — «Али новая служба задана?» «Да, вотъ такъ и такъ!» Легъ и захрапѣлъ; а Иванъ-царевичъ то́тчасъ въ свою

комнату, свистнулъ въ дудочку — явились хромой да кривой: «Что вгодно, Иванъ-царевичъ?» — «Можете ль сослужить мнѣ вотъ эдакую службу...» — «Да, Иванъ-царевичъ, это служба! Ну, да дѣлать нечего — къ утру все готово будетъ». Назавтрева, чуть свѣтать стало, Иванъ-царевичъ проснулся, смотритъ въ окно — батюшки свѣты! — все какъ есть сдѣлано: золотой дворецъ словно жаръ горитъ. Будитъ онъ хозяина; тотъ вскочилъ: «Что? аль за мной пришли? давай вина поскорѣй! пусть казнятъ пьянаго». — «Да вѣдь дворецъ готовъ». — «Что ты!» Глянулъ башмачникъ въ окно и ахнулъ отъ удивленія: «Какъ это сдѣлалось?» — «Да раз(в)ѣ не помнишь, какъ мы съ тобой мастерили?» — «Ахъ, видно, я заспался; чуть-чуть помню!» Побѣжали они въ золотой дворецъ — тамъ богатство невиданное и неслыханное. Говоритъ Иванъ-царевичъ: «Вотъ тебѣ, хозяинъ, крылушко, поди обметай на мосту перила; а коли придутъ да спросятъ: кто такой во дворцѣ живетъ? ты ничего не говори, только отдай эту записочку». Вотъ хорошо, пошелъ башмачникъ и сталъ обметать на мосту перила. Утромъ проснулась Елена Прекрасная, увидала золотой дворецъ и сейчасъ побѣжала къ царю: «Поглядите, ваше величество, что у насъ дѣлается: на морѣ золотой дворецъ построенъ, отъ того дворца мостъ на семь верстъ тянется, а вокругъ моста чудныя деревья растутъ, и пѣвчія птицы разными голосами поютъ». Царь сейчасъ посылаетъ спрашивать: «Что бы это значило? ужъ не богатырь ли какой подъ его государство подступилъ?» Приходятъ посланные къ башмачнику, стали его разспрашивать; онъ говоритъ: «Я не знаю, а есть у меня записка къ вашему царю». Въ этой запискѣ Иванъ-царевичъ разсказалъ отцу все, какъ было: какъ онъ мать освободилъ, Елену Прекрасную добылъ, и какъ его старшіе братья обманули. Вмѣстѣ съ запискою посылаетъ Иванъ-царевичъ золотыя кареты и проситъ пріѣхать къ нему царя съ царицею, Елену Прекрасную съ ея сестрами; а братья пусть назади въ простыхъ дровняхъ будутъ привезены. Всѣ тотчасъ собрались и поѣхали; Иванъ-царевичъ встрѣтилъ ихъ съ радостью. Царь хотѣлъ было старшихъ сыновъ разказнить за ихъ неправду, да Иванъ-царевичъ отца упросилъ, и вышло имъ прощеніе. Тутъ начался пиръ горой; Иванъ-царевичъ женился на Еленѣ Прекрасной, за Петра-царевича отдалъ царицу серебренаго государства, за Василья-царевича отдалъ царицу мѣднаго государства, а башмачника въ генералы произвели. На томъ пиру и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

(Записана въ Воронежскомъ уѣздѣ; доставлена Н. И. Второвымъ).

С. Въ то давнее время, когда міръ Божій наполненъ былъ лѣшими, вѣдьмами да русалками, когда рѣки текли молочныя, берега были кисельные, а по полямъ летали жареныя куропатки, въ то время жилъ-былъ царь, по имени Горохъ, съ царицею Анастасіею Прекрасною; у нихъ было три сына-царевича. Сотряслась бѣда немалая — утащилъ

царицу нечистый духъ. Говоритъ царю большой сынъ: «Батюшка! благослови меня, поѣду отыскивать матушку». Поѣхалъ и пропалъ — три года про него ни вѣсти, ни слуху не было. Сталъ второй сынъ проситься: «Батюшка! благослови меня въ путь дорогу; авось мнѣ посчастливится найти брата и матушку». Царь благословилъ; онъ поѣхалъ и тоже безъ вѣсти пропалъ — словно въ воду канулъ. Приходитъ къ царю меньшой сынъ, Иванъ-царевичъ: «Любезной батюшка! благослови меня въ путь-дорогу; авось розыщу и братьевъ и матушку». — «Поѣзжай, сынокъ!» [1]) Иванъ-царевичъ пустился въ чужедальнюю сторону; ѣхалъ-ѣхалъ и пріѣхалъ къ синю морю, остановился на бережку и думаетъ: «куда теперь путь держать?» Вдругъ прилетѣли на̀ море тридцать три колпицы, ударились о́земь и стали красныя дѣвицы, всѣ хороши, а одна лучше всѣхъ; раздѣлись и бросились въ воду. Много ли, мало ли онѣ купались, — Иванъ-царевичъ подкрался, взялъ у той дѣвицы, что́ всѣхъ краше, кушачокъ и спряталъ за пазуху. Искупались дѣвицы, вышли на́ берегъ, начали одѣваться — одного кушачка нѣтъ. «Ахъ, Иванъ-царевичъ! — говоритъ красавица, — отдай мой кушачокъ».—«Скажи прежде, гдѣ моя матушка?» — «Твоя матушка у моего отца живетъ — у Во́рона

---

[1]) *Варіантъ 1-й:* Въ нѣкоторомъ государствѣ пропала у царя царица. Кликнулъ царь кличъ: не вызовется ли кто разыскать царицу? Вызвались два генерала, забрали царской казны несчетное число и уѣхали невѣдомо куда. Царь ждалъ ихъ, ждалъ—и ждать пересталъ; вздумалъ онъ нарядиться въ простое платье, пойти потолкаться промежь чорнаго народа да послушать людскихъ рѣчей: «можетъ, что доброе услышу!» Вотъ заходитъ онъ въ кабакъ, — въ кабакѣ гуляетъ съ своими однокашниками веселой, разухабистой солдатъ: вино пьетъ, пѣсни поетъ да быль съ небылицей мѣшаетъ. Царь тотчасъ выставилъ полштофа водки, присталъ къ нимъ въ товарищи и завелъ рѣчь про тѣхъ генераловъ, что̀ взялись разыскать царицу. Солдатъ опьянѣлъ порядкомъ, да съ пьяну и вымолвилъ: «Хороши генералы! царскую казну огребли, изъ столицы ушли, засѣли въ чужестранномъ городѣ и кутятъ себѣ съ утра до вечера да по трактирамъ денежки переводятъ. Правду-матку сказать: и царь-то глупъ! Ну, какъ такимъ плутамъ повѣрить было? Если бъ онъ догадался да пожаловалъ мнѣ хоть десятую часть этихъ денегъ, такъ я бы ему давнымъ-давно отыскалъ царицу!»—«Что жъ ты хвастаешь? говоритъ ему царь. Пошелъ бы во дворецъ, явился бы государю и доложилъ все, какъ слѣдуетъ...»—«Э, любезной! куда намъ грѣшнымъ къ праведникамъ? Во дворецъ меня на сто шаговъ не подпустятъ; а пойдешь—шею накостыляютъ, да, пожалуй, еще подъ судъ попадешь!» На другой день царь отдалъ приказъ взять этого солдата и представить къ себѣ. Привели солдата. Говоритъ ему царь: «Вчера въ кабакѣ ты при всемъ народѣ похвалялся, что можешь царицу отыскать. Сказывай: станетъ ли тебя съ этакое дѣло?»— «Станетъ, ваше величество!» Царь далъ ему денегъ сорокъ тысячей и открытой листъ за своей рукою: куда хошь — туда и ступай! (Солдатъ отправляется искать царицу и совершаетъ тѣ же самые подвиги, что̀ и Иванъ-царевичъ).

Варіантъ 2-й: Сдѣлалъ царь кличъ по всему государству: «Кто найдетъ мою царицу, того чинами пожалую, деревнями надѣлю, золотомъ съ ногъ до головы осыплю». Никто не вызывается; старой за малаго хоронится, а

Вороновича. Ступай вверхъ по́ морю, попадется тебѣ серебреная птичка-золотой хохолокъ: куда она полетитъ, туда и ты иди». Иванъ-царевичъ отдалъ ей кушачокъ и пошелъ вверхъ по́ морю; тутъ повстрѣчалъ своихъ братьевъ, поздоровался съ ними и взялъ съ собою. Идутъ они вмѣстѣ берегомъ, увидали серебреную птичку-золотой хохолокъ и побѣжали за ней слѣдомъ. Птичка летѣла-летѣла и бросилась подъ плиту желѣзную, въ яму подземельную. «Ну, братцы! — говоритъ Иванъ-царевичъ, — благословите меня вмѣсто отца, вмѣсто матери: опущусь я въ эту яму и узнаю, какова земля иновѣрная, не тамъ ли наша матушка?» Братья его благословили, онъ сѣлъ на рели, полѣзъ въ ту яму глубокую и спущался ни много ни мало — ровно три года; спустился и пошелъ путемъ-дорогою. Шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, увидалъ мѣдное царство; во дворцѣ сидятъ тридцать три дѣвицы-колпицы, вышиваютъ полотенцы хитрыми узорами — городками съ пригородками. «Здравствуй, Иванъ царевичъ! говоритъ царевна мѣднаго царства. Куда идешь, куда путь держишь?» — «Иду свою матушку искать». — «Твоя матушка у моего отца, у Во́рона Вороновича; онъ хитёръ и мудёръ, по горамъ, по доламъ, по вертепамъ, по облакамъ леталъ; онъ тебя, добра мо̀лодца убьетъ! Вотъ тебѣ клубочекъ, ступай къ моей середней сестрѣ — что она тебѣ скажетъ? А назадъ пойдешь, меня не забудь». Иванъ-царевичъ покатилъ клубочекъ и пошелъ вслѣдъ за нимъ. Приходитъ въ серебреное царство; тамъ сидятъ тридцать три дѣвицы-колпицы. Говоритъ царевна сереб-

---

отъ малаго отвѣту нѣтъ. На ту пору жилъ у царя на кухнѣ поваренокъ— мальчикъ невеличекъ, лѣтъ десяти—не больше; завсегда сидѣлъ онъ на печкѣ да въ золѣ валялся, и прозвали его Иванъ Затрубникъ. Услыхалъ Иванъ Затрубникъ, что на царской кличъ никто не вызывается, и сталъ поварамъ сказывать: «Кто царицу унёсъ — я не вѣдаю, а разыскать ее да назадъ привести — дѣло плёвое! хоть сейчасъ готовъ!» На̀большой поваръ разсердился: «Экой дуракъ расхвастался!» схватилъ чумичку и ударилъ его по̀ лбу. Съ того горя закричалъ-заревѣлъ Иванъ Затрубникъ громкимъ голосомъ; отъ его крику дѣтскаго съ царскихъ теремовъ крыша свалилася. Царь всполошился: «Кто, говоритъ, крышу повалилъ?—Тотчасъ доложили царю про Ивана Затрубника. Спрашиваетъ его царь: «Съ дуру ты похвалялся, али впрямь сказывалъ?»—«Что сказалъ, отъ того не отрекаюся; дай мнѣ три года сроку, подросту да въ силу войду — твою царицу достану». Далъ ему царь три года сроку. Предъ царскимъ дворцомъ былъ зеленой лугъ, на томъ лугу три дуба стояло: одинъ дубъ въ пятнадцать обхватовъ, другой въ двадцать, а третій въ двадцать пять. Прошелъ первой годъ, Иванъ Затрубникъ побѣжалъ на лугъ силу пробовать: ухватился своими богатырскими руками за дубъ въ пятнадцать обхватовъ, вырвалъ его съ кореньемъ ударилъ о землю — только щепки посыпались. Еще годъ совершился — Иванъ Затрубникъ вырвалъ дубъ въ двадцать обхватовъ и разбилъ его вдребезги. На исходѣ третьяго года сталъ онъ силу пробовать, взялся за дубъ въ двадцать пять обхватовъ, выдернулъ совсѣмъ съ кореньемъ, поднялъ вверхъ и ударилъ о землю — лѣсъ зашумѣлъ, земля затряслась, сине море взволновалося, а дубъ пепломъ разсыпался. «Теперь никого не убоюсь!» сказалъ Иванъ Затрубникъ и пошелъ добывать царицу...

ренаго царства: «Доселева русскаго духа было видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, а нынче русской духъ въ-очью проявляется! Что, Иванъ-царевичъ, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?» — «Ахъ, красная дѣвица! иду искать матушку». — «Твоя матушка у моего отца, у Вòрона Вороновича; и хитёръ онъ и мудёръ, по горамъ, по доламъ леталъ, по вертепамъ, по облакамъ носился! Эхъ! царевичъ, вѣдь онъ тебя убьетъ! Вотъ тебѣ клубочекъ, ступай-ка ты къ меньшой моей сестрѣ — что она тебѣ скажетъ: впередъ ли итти, назадъ ли вернуться?» Приходитъ Иванъ-царевичъ къ золотому царству; тамъ сидятъ тридцать три дѣвицы-колпицы, полотенцы вышиваютъ. Всѣхъ выше, всѣхъ лучше царевна золотого царства — такая краса, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Говоритъ она: «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! куда идешь, куда путь держишь?» — «Иду матушку искать». — «Твоя матушка у моего отца, у Вòрона Вороновича; и хитёръ онъ, и мудёръ, по горамъ, по доламъ леталъ, по вертепамъ, по облакамъ носился! Эхъ, царевичъ, вѣдь онъ тебя убьетъ! На̀ тебѣ клубочекъ, ступай въ жемчужное царство: тамъ твоя мать живетъ. Увидя тебя, она возрадуется и тотчасъ прикажетъ: «няньки-мамки! подайте моему сыну зелена̀ вина.» А ты не бери; проси, чтобъ дали тебѣ трехгодовалаго вина, что̀ въ шкапу стоитъ, да горѣлую корку на закусочку. Не забудь еще: у моего батюшки есть на дворѣ два чана воды — одна вода сильная, а другая малосильная; переставь ихъ съ мѣста на мѣсто и напейся сильной воды». Долго царевичъ съ царевною разговаривали и такъ полюбили друга друга, что и разставаться имъ не хотѣлося; а дѣлать было нечего, — попрощался Иванъ-царевичъ и отправился въ путь дорогу. Шелъ-шелъ, приходитъ къ жемчужному царству. Увидала его мать, обрадовалась и крикнула: «Мамки-няньки! подайте моему сыну зелена̀ вина̀.» — «Я не пью простого вина, подайте мнѣ трехгодовалаго, а на закуску горѣлую корку». Выпилъ трехгодовалаго вина, закусилъ горѣлою коркою, вышелъ на широкой дворъ, переставилъ чаны съ мѣста на мѣсто и принялся сильную воду пить. Вдругъ прилетаетъ Вóронъ Вороновичъ: былъ онъ свѣтелъ, какъ ясный день, а увидалъ Ивана-царевича и сдѣлался мрачнѣй темной ночи; опустился къ чану и сталъ тянуть безсильную воду. Тѣмъ временемъ Иванъ-царевичъ палъ къ нему на крылья. Вóронъ Вороновичъ взвился высоко-высоко, носилъ его и по доламъ, и по горамъ, и по вертепамъ, и облакамъ, и началъ спрашивать: «Что тебѣ нужно, Иванъ-царевичъ? Хочешь, казной надѣлю?» — «Ничего мнѣ не надобно, только дай мнѣ посошокъ-пёрушко». — «Нѣтъ, Иванъ-царевичъ! больно въ широкій сани садишься!» И опять понёсъ его Вóронъ по горамъ и по доламъ, по вертепамъ и облакамъ. Иванъ-царевичъ крѣпко держится; налёгъ всею своей тяжестью и чуть-чуть не обломилъ ему крылья. Вскрикнулъ тогда Вóронъ Вороновичъ: «Не ломай ты мои крылушки, возьми посошокъ-пёрушко!» Отдалъ царевичу посошокъ-пёрушко, самъ сдѣлался

простымъ вóрономъ и полетѣлъ на крутыя горы. А Иванъ-царевичъ пришелъ въ жемчужное царство, взялъ свою матушку и пошелъ въ обратный путь; смотритъ — жемчужное царство клубочкомъ свернулося да вслѣдъ за нимъ покатилося. Пришелъ въ золотое царство, потóмъ въ серебреное, а потóмъ и въ мѣдное; взялъ-повёлъ съ собою трехъ прекрасныхъ царевенъ, а тѣ царства свернулись клубочками да за ними жъ покатилися. Подходитъ къ релямъ и затрубилъ въ золотую трубу: «Братцы рóдные! если живы, меня не выдайте». Братья услыхали трубу, ухватились за рели и вытащили на бѣлой свѣтъ душу-красную дѣвицу, мѣднаго царства царевну; увидали ее и начали межъ собою ссориться: одинъ другому уступить ее не хочетъ. «Что вы бьетесь, добрые мóлодцы! тамъ есть лучше меня красная дѣвица!» Царевичи опустили рели и вытащили царевну серебренаго царства. Опять начали спорить и драться; тотъ говоритъ: «Пусть мнѣ достанется!» А другой: «Не хочу! пусть моя будетъ!» — «Не ссорьтесь, добрые мóлодцы! тамъ есть краше меня дѣвица». Царевичи перестали драться, опустили рели и вытащили царевну золотого царства. Опять было принялись ссориться, да царевна-красавица тóтчасъ остановила ихъ: «Тамъ ждетъ ваша матушка!» Вытащили они свою матушку и опустили рели за Иваномъ-царевичемъ; подняли его до половины и обсѣкли веревки. Иванъ-царевичъ полетѣлъ въ пропасть, крѣпко ушибся и полгода лежалъ безъ памяти; очнувшись, посмотрѣлъ кругомъ, припомнилъ все, что съ нимъ сталося, вынулъ изъ кармана посошокъ-пёрушко и ударилъ имъ ò землю. Въ ту жъ минуту явилось двѣнадцать мóлодцевъ: «Что, Иванъ-царевичъ, прикажете?» — «Вынесть меня на вольной свѣтъ». Мóлодцы подхватили его пòдъ руки и вынесли на вольной свѣтъ. Сталъ Иванъ-царевичъ про своихъ братьевъ развѣдывать, и узналъ, что они давно поженились: царевна изъ мѣднаго царства вышла замужъ за середняго брата, царевна изъ серебренаго царства за старшаго брата, а его нареченная невѣста ни за кого нейдетъ. И вздумалъ на ней самъ отецъ-старикъ жениться; собралъ думу, обвинилъ свою жену въ совѣтѣ съ злыми духами и велѣлъ отрубить ей голову; послѣ казни спрашиваетъ онъ царевну изъ золотого царства: «Идешь за меня замужъ?» — «Тогда пойду за тебя, когда сошьешь мнѣ башмаки безъ мѣрки». Царь приказалъ кличъ кликать, всѣхъ и каждаго выспрашивать: не сошьётъ ли кто царевнѣ башмаковъ безъ мѣрки? На ту пору приходитъ Иванъ-царевичъ въ свое государство, нанимается у одного старичка въ работники и посылаетъ его къ царю: «Ступай, дѣдушка! бери на себя это дѣло. Я тебѣ башмаки сошью, только ты на меня не сказывай». Старикъ пошелъ къ царю: «Я-де готовъ за эту работу взяться». Царь далъ ему товару на пару башмаковъ и спрашиваетъ: «Да потрафишь ли ты, старичокъ?» — «Не бойся, государь! у меня сынъ чеботарь» [1]). Воротясь домой, отдалъ старичокъ

[1]) Сапожникъ.

товаръ Ивану-царевичу; тотъ изрѣзалъ товаръ въ куски, выбросилъ за окно, потомъ растворилъ золотое царство и вынулъ готовые башмаки: «Вотъ, дѣдушка! возьми, отнеси къ царю». Царь обрадовался, пристаетъ къ невѣстѣ: «Скоро ли къ вѣнцу ѣхать?» Она отвѣчаетъ: «Тогда за тебя пойду, когда сошьешь мнѣ платье безъ мѣрки». Царь опять хлопочетъ, сбираетъ къ себѣ всѣхъ мастеровыхъ, даетъ имъ большія деньги, только чтобъ платье безъ мѣрки сшили. Иванъ-царевичъ говоритъ старику: «Дѣдушка! иди къ царю, возьми матерію; я тебѣ платье сошью, только на меня не сказывай». Старикъ поплёлся во дворецъ, взялъ атласовъ и бархатовъ, воротился домой и отдалъ царевичу. Иванъ-царевичъ тотчасъ за ножницы, изрѣзалъ на клочки всѣ атласы и бархаты и выкинулъ за окно; растворилъ золотое царство, взялъ оттуда что ни есть лучшее платье и отдалъ старику: «Неси во дворецъ!» Царь радёхонекъ: «Что, невѣста моя возлюбленная, не пора ли намъ къ вѣнцу ѣхать?» Отвѣчаетъ царевна: «Тогда за тебя пойду замужъ, когда возьмешь старикова сына да велишь въ молокѣ сварить». Царь не задумался, отдалъ приказъ, и въ тотъ-же день собрали со всякаго двора по ведру молока, налили большой чанъ и вскипятили на сильномъ огнѣ. Привели Ивана-царевича; началъ онъ со всѣми прощаться, въ землю кланяться; бросили его въ чанъ: онъ разъ нырнулъ, другой нырнулъ, выскочилъ вонъ, и сдѣлался такимъ красавцемъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Говоритъ царевна: «Посмотри-ка, царь! за кого мнѣ замужъ итти: за тебя ли, стараго, или за него, добраго молодца?» Царь подумалъ: «Если и я въ молокѣ искупаюсь, такимъ же красавцемъ сдѣлаюся!» Бросился въ чанъ и сварился въ молокѣ. А Иванъ-царевичъ поѣхалъ съ царевной изъ золотого царства вѣнчаться; обвѣнчались и стали жить-поживать, добра наживать.

72. Фролка-сидень.

Жилъ-былъ царь, у него было три дочери, да такія красавицы, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать; любили онѣ по вечерамъ гулять въ своемъ садѣ, а садъ былъ большой и славной! Вотъ змій черноморской и повадился туда летать. Однажды дочери царскія припоздали въ саду, засмотрѣлись на цвѣты; вдругъ откуда ни взялся змій черноморской — и унёсъ ихъ на своихъ огненныхъ крыльяхъ. Царь ждать-пождать — нѣтъ дочерей! Послалъ служанокъ искать ихъ въ саду, но все было напрасно: служанки не нашли царевенъ. Утромъ царь сдѣлалъ тревогу; народу собралось множество. Тутъ царь и говоритъ: «Кто разыщетъ моихъ дочерей, тому сколько угодно дамъ денегъ».

Вотъ и избрались трое: солдатъ-пьяница, Фролка-сидня [1]) и Ерёма, уговорились съ царемъ и пустились искать царевенъ. Шли они, шли

[1]) Сидень.

и пришли въ дремучій густой лѣсъ. Только взошли въ него, сильной сонъ сталъ одолѣвать ихъ. Фролка-сидня вытащилъ изъ кармана табакерку, постукалъ, открылъ ее и пхнулъ въ носъ охапку табаку; потомъ зашумѣлъ: «Эй, братцы! не уснемъ, не воздремлемъ! идите дальше». Вотъ и пошли; шли-шли и приходятъ, наконецъ, къ огромному дому, а домъ этотъ былъ пятиглаваго змія. Долго они стучали въ ворота и не могли достучаться. Вотъ Фролка-сидня оттолкнулъ солдата и Ерёму: «Пустите-ка, братцы!» Понюхалъ табаку и стукнулъ въ двери такъ сильно, что расшибъ ихъ. Тутъ вошли на дворъ, сѣли въ кружокъ и собираются закусить, чѣмъ Богъ послалъ. А изъ дома выходитъ дѣвица, собою такая красавица; вышла и говоритъ: «Зачѣмъ вы, голубчики, сюда зашли? Вѣдь здѣсь живетъ прелихой змій; онъ васъ съѣстъ! Счастливы вы, что его теперь дома нѣтъ». Фролка отвѣчаетъ ей: «Мы сами его съѣдимъ!» Не успѣлъ вымолвить эти слова, вотъ и летитъ змій, летитъ и рычитъ: «Кто мое царство разорилъ? Ужель въ свѣтѣ есть мнѣ противники? Есть у меня одинъ противникъ, да его и костей сюда воронъ не занесётъ!»—«Воронъ меня не занесётъ,—сказалъ Фролка,—а доброй конь завезётъ!» Змій, услыхавъ такія слова, сказалъ: «Мириться что-ли, али драться?» — «Не мириться я пришелъ, — говоритъ Фролка,—а драться!» Вотъ разошлись они, состушились, и Фролка съ одного маху срубилъ всѣ пять головъ змію, взялъ и положилъ ихъ подъ камень, а туловище зарылъ въ землю. Тутъ дѣвица обрадовалась и говоритъ этимъ молодцамъ: «Возьмите меня, голубчики, съ собою». — «Да ты чья?»—спросили они. Она говоритъ, что царская дочь; Фролка также разсказалъ ей, что было нужно; вотъ и сошлось у нихъ дѣло! Царевна позвала ихъ въ хоромы, накормила, напоила и проситъ, чтобъ они выручили и другихъ ея сестёръ. Фролка отвѣчалъ: «Да мы за этимъ и посланы!» Царевна разсказала, гдѣ живутъ ея сёстры: «У средней сестры еще страшнѣе моего! съ нею живетъ змій семиголовой». — «Нужды нѣтъ! — сказалъ Фролка, — мы и съ тѣмъ справимся; развѣ долго покопаюсь я съ двѣнадцатиглавымъ зміемъ!» Распростились и пошли дальше.

Приходятъ къ средней сестрѣ. Палаты, въ которыхъ она заключена была, огромныя, а вокругъ палатъ ограда высокая, чугунная. Вотъ подошли они и начали искать ворота; нашли. Фролка что ни есть силы бухнулъ въ ворота, и ворота растворились; вошли они на дворъ и опять попрежнему сѣли позакусить. Вдругъ летитъ семиглавой змій. «Что-то русскимъ духомъ пахнетъ!—говоритъ онъ. Ба! это ты, Фролка, сюда зашелъ. Зачѣмъ?» — «Я знаю, зачѣмъ!» — отвѣчалъ Фролка, сразился съ зміемъ и съ одного маху сшибъ ему всѣ семь главъ, положилъ ихъ подъ камень, а туловище зарылъ въ землю. Потомъ вошли они въ палаты; проходятъ комнату, другую и третью, въ четвертой увидали среднюю царскую дочь — сидитъ на диванѣ. Какъ разсказали они ей, какимъ образомъ и для чего сюда пришли, она повеселѣла, начала уго-

щать ихъ и просила выручить отъ двѣнадцатиглаваго змія ея меньшую сестру. Фролка сказалъ: «А какъ-же! мы за этимъ и посланы. Только что-то робитъ[1]) сердце; ну, да авось Богъ!.. Поднеси-ка намъ еще по чарочкѣ»!

Вотъ вышли они и пошли; шли-шли и пришли къ оврагу крутому-раскрутому. На другой сторонѣ оврага стояли вмѣсто воротъ огромные столбы, а къ нимъ прикованы были два страшные льва и рычали такъ громко, что Фролка только одинъ устоялъ на ногахъ, а товарищи его отъ страха попадали на землю. Фролка сказалъ имъ: «Я не такія страсти видалъ и то не робѣлъ; пойдемте со мною!» — и пошли дальше. Вдругъ вышелъ изъ палатъ старецъ — примѣтно лѣтъ семидесяти; увидалъ ихъ, пошелъ къ нимъ навстрѣчу и говоритъ: «Куда вы идете, мои родимые?» — «Да вотъ въ эти палаты», отвѣчалъ Фролка. «И, мои родимые! не на добро вы идете: въ этихъ палатахъ живётъ двѣнадцатиглавой змій. Теперь его нѣтъ дома, а то бы онъ васъ сейчасъ поѣлъ!» — «Да намъ его-то и нужно». — «Когда такъ,—сказалъ старикъ,—ступайте, — я проведу васъ туда». Старикъ подошелъ ко львамъ и началъ ихъ гладить; тутъ Фролка пробрался съ своими товарищами на дворъ. Вотъ взошли они и въ палаты; старикъ повелъ ихъ въ ту комнату, гдѣ жила царевна. Увидѣла она ихъ, проворно (в)скочила съ кровати, подошла и поразспросила, кто они таковы и зачѣмъ пришли. Они разсказали ей. Царевна угостила ихъ, а сама ужъ начала сряжаться [2]). Только стали они выходить изъ хоромъ, вдругъ видятъ: въ верстѣ отъ нихъ летитъ змій. Тутъ царская дочь бросилась назадъ въ хоромы, а Фролка съ товарищами пошелъ навстрѣчу и сразился съ зміёмъ. Змій сначала очень шибко напалъ на нихъ, но Фролка — парень расторопный — успѣлъ одержать побѣду, сшибъ ему всѣ двѣнадцать головъ и кинулъ ихъ въ оврагъ. Потомъ вошли назадъ въ хоромы и начали гулять отъ радости пуще прежняго, а послѣ отправились въ путь и зашли за другими царевнами, и всѣ вмѣстѣ прибыли на родину. Царь оченно обрадовался, растворилъ имъ свою царскую казну и сказалъ: «Ну, вѣрные мои слуги! берите, сколько угодно, себѣ денегъ за работу». Фролка былъ тороватъ: принёсъ свою большую шапку-треуху, солдатъ принёсъ свой ранецъ, а Ерёма принёсъ куриное лукошко. Вотъ Фролка первый сталъ насыпать: сыпалъ-сыпалъ, треуха и прорвалась, и серебро утонуло въ грязь. Фролка опять началъ сыпать: сыпитъ, а изъ треухи валится. «Нечего дѣлать!—сказалъ Фролка, вѣрно вся царская казна за меня пойдетъ». — «А намъ-то что останется?»—спросили его товарищи. «У царя достанетъ казны и на васъ!» Ерёма, давай-ка, пока деньги есть, насыпать лукошко, а солдатъ ранецъ; насыпали и пошли себѣ домой. А Фролка съ треухою остался подлѣ царской казны и понынѣ сидитъ да насыпаетъ. Когда насыпитъ треуху, тогда дальше скажу, а теперь нѣтъ мочи и духу.

(Записана въ Тамбовской губ.).

[1]) Робѣетъ. [2]) Снаряжаться — приготовляться къ отъѣзду.

73. Норка-звѣрь.

Живъ собѣ царь да царица. У нихъ было три сына: два разумныхъ, а третій дурень. У царя бывъ звѣринецъ, у каторамъ множества(о) было разныхъ звѣрей. Въ етатъ звѣринецъ унадився великій звѣрь — Норка яго звали — и богата рабивъ шкоды [1]): каждаю ночь поѣдавъ звѣрей. Царь чаго не рабивъ — не могъ истребить яго; во упасли сзывая сваихъ сыновъ, да и кажа: «Хто истребить Норку-звѣря, дамъ тому палавину царства». Во старшій и памався [2]): якъ толька наступила ночь, јонъ взявъ аружіе и пашовъ; да не пашодши въ звѣринецъ, зайшовъ у трактиръ и тамъ прагулявъ цѣлаю ночь. Схамянувся [3]), якъ разсвяло, да поздно. Стыдно яму было передъ аццомъ, да нечага рабить. На другій день и средній братъ зрабивъ такжа; батько лаявъ-лаявъ ихъ и да и переставъ.

Во на третій день собрався меньшій. Смѣялись всѣ з' яго, бо бувъ дурный, и яны думали, што јонъ ничего не зробя; а јонъ, узявши аружія, пашовъ прямо у звѣринецъ, да и сѣвъ надъ дерномъ, штобъ — якъ толька начне засыпать — яны яго кальнули, јонъ (бы) и проснувся. Уже звярнуло съ павночи. Во застагнала земля: то Норка-звѣрь бяжить и прямо черезъ аграду въ звѣринецъ, бо такій бывъ вяликій. Царевичъ схамянувся, уставъ, перекрестився и пашовъ прямо на звѣря; јонъ назадъ, царевичъ за имъ, а далѣ бача [4]), што не дагоня пѣшкомъ, пабѣгъ у канюшню, узявъ самага лучшага жеребца да у пагоню: дагнавъ таго звѣря, да и давай бицца. Бились яны, бились. Царевичъ давъ звѣрю три раны. Во у(о)бое выбились изъ мочи, да и лягли аддыхать. Якъ толька царевичъ заснувъ, звѣрь уставъ, да й на утёки [5]). Конь будя царевича; јонъ схапився, да у пагоню; дагнавши, изнова зачали бицца. Царевичъ и тутъ зрабивъ звѣрю три раны, а далѣ лягли аддыхать. Звѣрь утёкъ; царевичъ, дагнавши, знова зрабивъ три раны; а далѣ, якъ у четвертый разъ ставъ даганять, звѣрь дабѣгъ да великага бѣлага камня, паднявъ яго и пашовъ на тей свѣть, сказавши царевичу: «Тагда мене пабѣдишь, якъ сюда придешь.»

Царевичъ паѣхавъ и разсказавъ аццу свайму все и прасивъ яго, штобъ јонъ вялѣвъ звить кожанный канатъ такій довгій, штобъ доставъ да таго свѣту. Атецъ вялѣвъ. Якъ зрабили канатъ, царевичъ, забравши сваихъ братовъ, набравши слугъ и всяго, што треба было на цѣлый годъ, паѣхавъ туда, гдѣ звѣрь пашовъ подъ камень. Пріѣхавши, яны пастроили тамъ дворецъ и стали жить. Пригатовились; мѐньшій братъ и кажа старшимъ: «Ну, братцы! хто падымя сей камень?» Ни адинъ и з' мѣста не двинувъ, а јонъ якъ хативъ, дакъ камень далеко па-

---

[1]) Убытокъ, вредъ. [2]) Взялся (по-имался). [3]) Очнулся, опомнился. [4]) Видитъ. [5]) Да и бѣжать.

летѣвъ, а бувъ вяликій, вяликій — з' гару. Кинувши камень, јонъ изнова и кажа братáмъ: «А хто паидя на тей свѣтъ пабивать Норку-звѣря?» Не аднъ не взявсь; јонъ, насмѣявшись надъ ими, што яны трусы, гавòря: «Ну, братцы! прощайтя; апускайтя мене на тей свѣтъ, а самы не атходтя адъ сяго мѣста, и якъ толька закалишицца канатъ— тащитя». Браты апустили яго.

Ачнувшись на томъ свѣтѣ, падъ землею, царевичъ пашовъ; ишовъ да ишовъ; дивицца [1]), ажъ ходя конь въ богатой збруѣ и кажа яму: «А, здраствуй (здравствуй), Иванъ-царевичъ; долга я дожидавъ тебе!» Јонъ сѣвъ на того коня и паѣхавъ; ѣдя да ѣдя, глядитъ, ажъ стаить мѣдный дворецъ. Јонъ взъѣхавъ на дворъ, привязавъ каня, да и пашовъ у комнаты. Тамъ нагатована абѣдать; јонъ сѣвъ, паабѣдавъ, пашовъ у спальню: тамъ пастель и јонъ легъ аддыхать. Во приходя панночка да такая красивая, что не задумать, не згадать, только въ казцѣ [2]) сказать, да и кажа: «Хто въ моемъ домѣ — азавися: кали старый — будешь батюшка, кали среднихъ лѣтъ — братъ, а кали маладой — мужъ любезный; а кали женщина (да) старая — будешь бабушка, среднихъ лѣтъ — матушка, а кали маладая — сестра родная». Јонъ вышавъ. Яна, якъ пабачила яго, взрадовалась, да и кажа: «Чаго, Иванъ-царевичъ (мужъ мой ты будешь любезный), чаго суда пріѣхавъ!» Јонъ разсказавъ ей што и якъ. Яна и кажа: «Тей звѣрь, што ты хочешь пабѣдить,— мой братъ. Јонъ тяперь у средняй сястры, што живе недалеко атсуда въ серебряномъ дварцѣ; я яму залячила три раны, што ты зрабивъ».

Во упасли [3]) сяго яны пили, гуляли, добры мысли мали [4]); а далѣ царевичъ, напращавшись, паѣхавъ да другой сестры, што въ серебряномъ дварцѣ, и въ той такжа пагастивъ. Яна сказала яму, што братъ яе Норка тяперь у меньшай сястры. Јонъ паѣхавъ да меньшай, што жила въ залатомъ дварцѣ. Ета сказала яму, што братъ яе тяперь спитъ на синемъ морѣ, а далѣ дала яму напицца сильнай вады, дала мечъ кладенецъ и сказала, штобъ јонъ рубавъ галаву брату адъ разу. Јонъ, выслухавши ета, паѣхавъ. Пріѣзжая царевичъ къ синяму морю, дивицца — ажъ спить Норка на камнѣ, на серединѣ моря, и якъ храп(н)е — адъ таго на семь верстъ ажъ вална бье. Јонъ перекрястився, падъѣхавъ къ яму, ударивъ мечомъ па галавѣ. Галава адскачила, да и кажа: «Ну, тяперь жа я прапавъ!» а далѣ и повалився у море.

Убивши звѣря, царевичъ вярнувся, набравъ всѣхъ трехъ сястеръ съ сабою, штобъ вывести ихъ на етатъ свѣтъ; бо всѣ яго любили и не хатѣли з' имъ растацца. Каждая изъ нихъ изъ свайго дварца зрабила яичко (бо были валшебницы); яго научили, якъ изъ яичка зрабить дварецъ и наабаротъ, аддали яму яички и пашли къ таму мѣсту, гдѣ треба было падымацца на сей свѣтъ. Якъ пришли яны къ канату, царевичъ пасадивъ дѣвушекъ, дерганувъ за канатъ; јонъ закалѣхався,

---

[1]) Смотритъ. [2]) Сказкѣ. [3]) Послѣ. [4]) Т. е. имали (брали).

браты патащили. Якъ вытащили да пабачили [1]) диковинныхъ красавицъ, аташли адъ ихъ, да и кажуть: «Пустимъ канатъ, падымемъ брата, канатъ перярѣжимъ: нехай убьецца, а то јонъ намъ не дастъ сихъ красавицъ замужъ». Во, сгаварившись, пустили канатъ; братъ бывъ не промахъ, дагадався, што братья думаютъ, узявъ да и палаживъ камень, дерганувъ; братья падняли яго высока, да и перярѣзали канатъ. Той камень упавъ и разбився. Јонъ заплакавъ да и пашовъ.

Ишовъ-ишовъ царевичъ. Во якъ паднялась буря, заблискала маланья, загремѣвъ громъ, полився дождь. Јонъ пришовъ къ деряву, штобъ захавацца [2]) падъ имъ; глядитъ, ажъ на томъ дерявѣ маленькія птушки [3]) савсѣмъ измокли; јонъ изнявъ съ себе адёжу, да и накрывъ ихъ, а самъ сѣвъ падъ деревамъ. Кали лятитъ птица, да такая вяликая, што и свѣтъ затмився; то было темна, а то яще патямнѣло. То — матка тыхъ птушакъ, што накрывъ царевичъ. Прилятѣвши тая птица, якъ пабачила, што яе дятенашы адѣты, и кажа: «Хто накутавъ маихъ птушакъ?» А далѣ, пабачивши царевича, и кажа: «Ета ты зрабивъ? Спасибо тябѣ. Чаго хочешь, праси адъ мене за ета: все сдѣлаю для тебе!» Јонъ кажа: «Выняси мене на тей свѣтъ». Яна говоря: «Зраби жъ ты вяликій засѣкъ, налови всякай дичи, да накидай туда, а въ другую палавину налій вады, штобъ было чимъ мене кармить». Царевичъ все зрабивъ. Тая птица, взятши етатъ засѣкъ на сябе, а царевичъ сѣвъ у серядинѣ, — палятѣла. Лятѣвши — чи багата, чи мала — вынесла яго, папращалась и палятѣла; а јонъ пашовъ да и приставъ къ аднаму партному у хлощы: такій јонъ бывъ абодранный, такъ перемѣнився, што и не въ дамекъ [4]), што царскій сынъ. Ставши у таго хазяина за работника, царевичъ начавъ распрашуватъ, што у ихъ царствѣ и якъ? Той хазяинъ и кажа: «Наши два царевича (бо третій прапавъ) привязли съ таго свѣта невѣстъ и хочутъ жаницца, да тыя невѣсты упируютъ [5]); хочуть, штобъ имъ къ вянцу нашити всякаго платья, такога, якъ у нихъ было на томъ свѣтѣ, и безъ мѣрки. Царь звавъ всихъ мастяровъ, да не адинъ не беряцца». Выслухавши все ета, царевичъ и кажа: «Иди, хазяинъ, къ царю и скажи, што ты нашіешь все па твайму ремяслу». Хазяинъ и кажа: «Чи мини жъ брацца за такое платье? я шію на простонародья». Царевичъ кажа: «Иди, хазяинъ, я отвѣчаю за все». Той хазяинъ пашовъ. Царь бывъ радъ, што нашовся хоть адинъ мастяръ, давъ яму денегъ, сколько јонъ хатѣвъ. Хазяинъ той, справившись, прихóдя дамовъ [6]). Царевичъ и гавóря яму: «Ну, мались Богу да лажись спать: завтра все будя гатова». Јонъ, паслухавъ свайво паробка, легъ спать.

Звярнуло съ павночи. Царевичъ вставъ, пашовъ за горадъ — на поле, вынявъ изъ кармана тыя яички, што дали яму невѣсты, и якъ научили яго, здѣлавъ изъ ихъ три дварцы; вашовъ, набравъ у каждомъ

---

[1]) Увидѣли. [2]) Спрятаться. [3]) Пташки. [4]) Не въ домекъ. [5]) Упираются [6]) Домой.

ихъ платья, вышавъ, звярнувъ тые дварцы въ яички и пашовъ дамовъ. Пришовши, развѣшавъ платья на стянѣ, да и легъ спать. Рано проснувся хазяинъ, глядь—ажъ висить такоя платья, што јонъ и не видавъ! все сьяе [1]) златомъ да серебромъ да камнями самоцвѣтными. Јонъ зрадовавсь, взявъ-панёсъ тоя платья къ царю. Царевны, якъ убачили, што то платья, што у ихъ на томъ свѣтѣ, дагадались, што Иванъ-царевичъ на семъ свѣтѣ, переглянулись, да и замовкли. Хазяинъ тей, аддавши платья, пашовъ дамовъ, да не заставъ уже свайго дарагога работника. Јонъ пашовъ да приставъ къ башмашнику, да и таго паславъ къ царю и той зарабивъ; только абхадивъ јонъ всихъ мастяровъ, и усѣ благодарили яго, што наживились чрезъ яго у царя.

Якъ абхадивъ царевичъ-работникъ всихъ мастяровъ, царевны палучили своё желанье: у ихъ все платья было такоя, якъ на томъ свѣтѣ; только яны горько плакали, што царевичъ не прихòдя, а наравить [2]) было нельзя, нада была вянчацца. Якъ сабрались къ вянцу, меньшая невѣста и кажа царю: «Пазвольте мнѣ, батюшка, пайти самой падарить нищихъ!» Јонъ пазволивъ. Яна пашла и начала дарить да приглядацца. Падхòдя къ аднаму; якъ стала давать яму деньги, набачила кольцо, што дала царевичу на томъ свѣтѣ, и кольца сястёръ сваихъ (бо то бывъ јонъ!) — хватила яго за руку и привяла яго въ комнату и кажа царю: «Во той, што насъ вывявъ изъ таго свѣту! Братья, кажа, запрятили гаварить намъ, што јонъ живъ, и абѣщали набить насъ, кали мы скажемъ». Царь на тыхъ сыновъ разсердився, наказавъ ихъ, якъ самъ знавъ; а послѣ гуляли три свадьбы, и я тамъ бывъ, медъ-вино пивъ, въ ротѣ не было, а толька па барадѣ тякло.

(Запис. въ гор. Погарѣ, Черниговской губ., учителемъ Н. Матросовымъ).

Примѣчаніе къ №№ 71—73. См. варіанты у Худяк., I, № 2; II, 43; III, 82; Эрленвейнъ, № 4 и 41; въ Матер. для изуч. нар. словесн., стр., 101—118 (финскія сказки); сравни конецъ сказки въ нашемъ сборникѣ подъ № 104, *а*. Обѣ названныя сказки представляютъ только разныя редакціи одного и того же разсказа, и обѣ основаны на обычномъ эпическомъ мотивѣ о трехъ братьяхъ: двухъ умныхъ, но злыхъ, и третьемъ — простодушномъ и довѣрчивомъ. На этомъ мотивѣ народная фантазія создала много различныхъ разсказовъ. Укажемъ на сказку о жаръ-птицѣ, встрѣчаемую у разныхъ народовъ; здѣсь также выведены на сцену три брата; меньшой братъ смѣлъ и рѣшителенъ; онъ добываетъ чудесную жаръ-птицу, коня золотогриваго и прекрасную царевну, а старшіе братья, пользуясь его сномъ, убиваютъ бѣдняка и все добытое имъ присвоиваютъ себѣ. Сказка эта, даже по своему изложенію, въ началѣ весьма сходна со сказкою «Норка-звѣрь»; только вмѣсто жаръ-птицы, похищающей золотыя яблоки, въ послѣднемъ разсказѣ является

[1]) Сіяетъ. [2]) Норовить (норовъ) — противиться.

чародѣй въ образѣ чудеснаго Норки-звѣря, который когда спитъ, то отъ его храпа бьетъ волна на семь верстъ. Въ другихъ варіантахъ этой сказки, вмѣсто звѣря-Норки, является вѣдьма въ видѣ большого сокола (Повѣсти и предан. нар. слав. плем., стр. 107—111) или волкъ, захватывающій табуны лошадей (въ издан. Эрленвейна стр. 164).

Меньшой, третій братъ, въ сказкѣ о трехъ царствахъ названъ Ивашко *Запечный* или *Затрубникъ;* то же прозваніе дано въ венгерской сказкѣ меньшому брату, который постоянно сидѣлъ у печки (Повѣсти и предан. нар. славян. племени, стр. 127 — 9), что́ напоминаетъ намъ сказочнаго Емелю: тотъ весь вѣкъ свой лежалъ на печи и даже отправился на ней къ царскому двору. Въ одной сказкѣ (№ 75) третій братъ названъ Иванъ *По́пяловъ* «jонъ двѣнадцать лѣтъ ляжавъ у по́пялѣ, вопосля таго вставъ изъ по́пялу, и якъ стряхнувся, дакъ изъ ягá злятѣло шесть пудовъ по́пялу». Такое представленіе вполнѣ согласуется съ показаніями сказокъ норвежскихъ и нѣмецкихъ. Въ норвежскихъ (I, № 1, 6, 27; II, № 1, 6, 19, 21) третій, глупый сынъ, на долю котораго подъ конецъ выпадаетъ довольство и счастіе, называется Aschenbrödel, ибо онъ постоянно сидитъ у родного очага, возится въ золѣ и ходитъ замарашкою; въ нѣмецкихъ сказкахъ ему придаютъ названіе: Aschenputtel (Грим., I, № 21), а въ словацкихъ — Popelvar (Slov. pohadky, стр. 338). Въ Тидрекъ-сагѣ Тетлейфъ всю свою молодость проводитъ *запечникомъ*, а потомъ, разомъ стряхнувъ съ себя накопившуюся годами золу, отправляется на богатырскіе подвиги (О. Миллера: Илья Муромецъ, стр. 174). Сидѣть близъ очага, нѣкогда обожаемого цѣлой семьей, — знакъ, что человѣкъ отдаетъ себя подъ покровительство и охраненіе родныхъ пенатовъ, — знакъ особенной привязанности къ домашнему крову, семейной жизни и ея кроткимъ добродѣтелямъ, знакъ полнаго подчиненія семейной власти и принятія на себя хозяйственныхъ заботъ и трудовъ. Подъ замаранною отъ дыму и пепла одеждою таятся чувства набожности, любви, кротости, распорядительность и трудолюбіе; всѣми этими качествами и надѣлены сказочные герои, извѣстные подъ именемъ: Aschenbrödel и Aschenputtel. По польскимъ и чешскимъ преданіямъ родоначальникомъ и представителемъ славянскаго племени былъ *Попелъ*.

Въ сказкѣ № 71 *а*, три брата отправляются *искать себѣ невѣстъ*. Такое исканіе невѣсты есть тоже обычный мотивъ народныхъ эпическихъ сказаній; оно сопряжено съ преодолѣніемъ многихъ трудностей и опасностей, описаніе которыхъ и наполняетъ содержаніе сказки. На такой основѣ создалась бóльшая часть народныхъ сказокъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Обыкновенно сказка начинается желаніемъ героя добыть себѣ славную красотой невѣсту или освободить мать, жену, сестеръ, похищенныхъ враждебными силами. На первомъ планѣ народныхъ эпическихъ разсказовъ является поразительная красота женщины, ради которой совершаются многіе трудные подвиги. Вѣрный из-

бранной цѣли, герой сказки отправляется странствовать, дѣлается вольнымъ искателемъ приключеній и подвергается страшнымъ опасностямъ: путь его—есть путь постоянныхъ лишеній, долгихъ трудовъ и почти неотразимыхъ препятствій. Онъ знаетъ, что эти препятствія внѣ власти слабыхъ человѣческихъ силъ, но, съ избыткомъ надѣленный чрезвычайною смѣлостію духа и добротою сердца, рѣшается на борьбу съ ними. Чтобы преодолѣть всѣ затрудненія, какія противупоставляются сказочному герою гигантскими силами природы и чародѣйства, необходимы ему и необычайная крѣпость мышцъ и сверхъестественная помощь «вѣщихъ» людей и миѳическихъ дѣятелей. Иліада разсказываетъ про героическую борьбу боговъ и витязей, вызванную похищеніемъ прекрасной Елены, жены Менелая. Финская поэма «Калевала» повѣствуетъ о трехъ братьяхъ, одаренныхъ высшими божественными силами, какъ они добываютъ себѣ невѣсту, о красотѣ которой идетъ далекая молва, ради ея подвергаются страшнымъ опасностямъ. Въ кельтской сказкѣ, «Кильвшъ и Ольвена», Кильвшъ, сынъ правителя Келиддона Килидда, ищетъ красавицу Ольвену, и чтобы получить ее, долженъ, по условію съ ея отцомъ, совершить многіе трудные подвиги, повѣствованіе о которыхъ и составляетъ содержаніе эпопеи [1]). Сказанія о подвигахъ, совершаемыхъ съ цѣлію добыть красавицу-невѣсту, встрѣчаемъ у славянъ, нѣмцевъ, скандинавовъ, и въ подробностяхъ этихъ сказаній замѣчается большое сходство. Зная характеристическія черты первобытныхъ обществъ, въ обычаѣ которыхъ долго удерживались *похищеніе* и *купля женъ*, для насъ понятно, почему такимъ богатымъ мотивомъ народныхъ эпическихъ сказаній послужило добываніе невѣсты. Чтобы добыть невѣсту, славящуюся своей необычайной красотой, необходимы были: доблесть, сила, хитрость (умъ); не удивительно, что искатели обязаны были подчиняться волѣ ея родителей и выполнять много трудныхъ *задачъ*, въ уплату за несказанную красоту невѣсты. А что же составляетъ содержаніе народнаго эпоса, какъ не доблесть, сила, хитрость и совершеніе трудныхъ и опасныхъ подвиговъ?

Въ сообщенныхъ нами сказкахъ «о трехъ царствахъ» и «Норка-звѣрь» герой, искатель приключеній, или спускается въ подземный край чрезъ глубокое отверстіе *(нору)*, которое прикрыто громадною скалою, или, напротивъ, подымается на вершину крутой и высокой горы. Это странствованіе на высокую гору упоминается и въ лубочной сказкѣ о трехъ царствахъ. Хотя текстъ лубочнаго изданія и носитъ на себѣ явные слѣды испорченности, но какъ изданіе это представляетъ нѣкоторыя любопытныя подробности, согласныя съ народными преданіями, то мы перепечатываемъ его здѣсь:

Сказка о золотомъ, серебряномъ и мѣдномъ царствахъ [2]). Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ го-

[1]) Кельтич. поэзія британскихъ бардовъ—въ Отеч. Записк. 1854 г., № 8, стр. 27—28. [2]) Въ другихъ спискахъ: «Сказка о золотой горѣ»; сравни у Гана, I, №16.

сударствѣ жилъ царь съ супругою своею, и имѣли они у себя трехъ прекрасныхъ сыновей, изъ которыхъ называли большаго: Василій-царевичъ, а средняго Ѳедоръ-царевичъ, а меньшаго Иванъ-царевичъ. Въ одинъ день царь прогуливался въ саду съ супругою своею. Вдругъ поднялся вихорь и унесъ царицу изъ глазъ его [1]), о чемъ царь весьма былъ печаленъ, долгое время соболѣзнуя о своей супругѣ. Старшіе его два сына испросили у печальнаго отца своего благословеніе и отправились въ путь свой искать матери своей. Ѣдучи съ своими людьми долгое время, заѣхали они въ дикую степь, раскинули палатки и ожидали, не увидятъ ли кого, кто бы указалъ имъ дорогу; однако, черезъ три года, никого не видали, а между тѣмъ подросъ меньшой братъ Иванъ-царевичъ. И тотъ также, испрося у отца своего благословеніе и простясь, отправился въ путь. По долговременномъ путешествіи увидѣлъ онъ вдали палатки и поѣхалъ къ нимъ, и какъ сталъ подъѣзжать ближе, то и узналъ, что это были его братья. Пріѣхавши, сказалъ онъ: «Что вы, братцы, въ какой дикой степи остановились? Отпустимте своихъ людей въ наше государство и поѣдемъ лучше одни искать своей матери». Братья, по его совѣту, учинили и поѣхали въ путь, и ѣхали они долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро-то сказка сказывается, а дѣло-то не скоро дѣлается, и усмотрѣли вдали дворецъ хрустальной, обнесенъ такою же стѣною вокругъ, и пріѣхали къ оному. Тогда Иванъ-царевичъ, найдя вороты, взъѣхалъ на дворъ и, подъѣзжая къ крыльцу, увидѣлъ столбъ, въ которомъ было два кольца: одно золотое, другое серебряное. Продѣвши поводъ въ оба кольца, привязалъ онъ своего коня богатырскаго; потомъ пошелъ на крыльцо. И встрѣчаетъ его самъ король, и по довольномъ разговорѣ король узналъ, что онъ былъ ему племянникъ, и повелъ его въ покои, куда и братьевъ Ивана-царевича пригласилъ. Погостили они недолгое время и получили отъ короля въ подарокъ волшебный шаръ, который покатя передъ собою, доѣхали до высочайшей горы, гдѣ и остановились. Крутизна горы была столь высока, что на нее взлѣзть имъ никакъ было не можно. Послѣ того Иванъ-царевичъ нашелъ скважину, гдѣ попались ему на́ руки и на́ ноги желѣзные когти, помощію коихъ взошелъ онъ на самый верхъ горы. Уставши, сѣлъ онъ подъ дубъ для отдохновенія, и лишь только снялъ съ себя когти, — вдругъ оные исчезли. Вставши, увидѣлъ онъ вдали палатку, сдѣланную изъ самаго тонкаго батиста, на коемъ изображалось мѣдное государство, а на верху оной палатки поставленъ былъ шаръ мѣдной. При входѣ оной лежали два превеликіе льва, которые не допускали войти въ палатку. Иванъ-царевичъ, увидя стоявшіе при нихъ тазы пустые, налилъ воды и утолилъ ихъ жажду, и они дали свободный входъ въ палатку. По входѣ въ оную, увидѣлъ онъ на софѣ

[1]) Сличи съ подобнымъ же разсказомъ въ лубочномъ и печатномъ изданіяхъ сказки объ Иванѣ-царевичѣ и царь-дѣвицѣ.

сидящую прекрасную царевну, а въ ногахъ у ней спалъ змѣй треглавой, которому онъ однимъ махомъ всѣ три головы отсѣкъ, за что̀ царевна его благодарила и подарила ему яйцо мѣдное, скрывающее въ себѣ мѣдное государство. Итакъ, царевичъ, простясь съ нею, отправился въ путь и, шедши долгое время, увидѣлъ вдали палатку, сдѣланную изъ самаго тонкаго флера и привязанную къ кедровымъ деревьямъ серебряными шнурками, у коихъ кисти были изумрудныя, а на палаткѣ изображено серебряное государство и на верху былъ поставленъ серебряной шаръ. При входѣ оной палатки лежали два превеличайшіе тигра, которыхъ жажду отъ солнечнаго зноя утолилъ онъ водою, и сдѣлалъ себѣ свободный входъ въ палатку. И какъ вошелъ туда Иванъ-царевичъ, то увидѣлъ на софѣ сидящую весьма богато убранную царевну, красотою превосходнѣе первой. У ногъ ея лежалъ шестиглавой змѣй и вдвое противъ прежняго бо̀льшій, которому онъ за одинъ разъ отрубилъ всѣ головы, за что́ царевна, видя его силу и неустрашимость, подарила ему серебряное яйцо, сокрывающее въ себѣ серебряное государство. Простясь и съ этой царевной, пошелъ Иванъ-царевичъ далѣе и достигъ, наконецъ, до третьей палатки, которая была сдѣлана изъ самаго чистаго каротку (?), на коемъ было вышито золотое государство, а на палаткѣ былъ шаръ изъ самаго чистаго золота; она была прикрѣплена къ лавровымъ деревьямъ золотыми шнурками, у коихъ были привѣшены алмазныя кисти. При входѣ оной лежали два великіе крокодила, которые отъ великаго жару испущали огненное пламя. Царевичъ, видя ихъ жажду, наполнилъ ихъ пустые тазы водою и тѣмъ учинилъ себѣ свободный входъ въ палатку. И тамъ увидѣлъ царевичъ на софѣ сидящую царевну, красотою превосходнѣе прежнихъ; у ногъ ея лежалъ двѣнадцатиглавой змѣй, которому съ двухъ разъ всѣ головы отрубилъ. Царевна за сіе подарила ему золотое яйцо, содержащее въ себѣ золотое государство, а съ яйцомъ вручила ему свое сердце, и по довольномъ разговорѣ указала ему, гдѣ живетъ его мать, и желала ему счастливо предпріятіе окончать. По довольномъ путешествіи достигъ Иванъ-царевичъ до великолѣпнаго дворца и въ немъ прошелъ многіе покои и не нашелъ ни одного человѣка. Напослѣдокъ пришелъ въ пребогато-убранную залу и увидѣлъ мать свою въ царской одеждѣ, сидящую въ креслахъ, и по нѣжныхъ между ими ласкательствахъ и учтивыхъ разговорахъ объявилъ ей, что онъ съ братьями многія лѣта странствовалъ. Вдругъ мать почувствовала духа и сказала Ивану-царевичу: «Спрячься подъ мою одежду, и какъ Вихорь прилетитъ и станетъ меня ласкать, то старайся ухватиться руками за его волшебную палицу; онъ подымется на воздухъ — ты не страшися, а какъ опустится на землю и разсыпется на мелкія части, — ты все собери и сожги, а пепелъ развѣй по полю». Лишь только мать успѣла сказать и спрятать Ивана-царевича подъ свою одежду, ту минуту Вихорь прилетѣлъ и началъ ласкаться къ царицѣ. Тогда царевичъ, по совѣту матери своей, ухва-

тился за волшебную палицу. Вихрь, осердясь на царевича, поднялся на высоту, потомъ опустился на землю и разсыпался на мелкія части. Царевичъ, всѣ части подобравъ, сжегъ, а пепелъ развѣялъ по̀ полю и овладѣлъ волшебною палицею. Взявши мать свою и трехъ царевенъ, Иванъ-царевичъ пришелъ къ дубу, гдѣ всѣхъ по полотну спустилъ внизъ. Братья его, какъ Иванъ-царевичъ одинъ остался на горѣ, обрѣзали полотно и уѣхали съ матерью и царевнами въ свое государство и велѣли имъ клясться, что отцу скажутъ, будто онѣ найдены старшими царевичами. А Иванъ-царевичъ, оставшись одинъ на горѣ, не смѣлъ спуститься съ оной, видя, что полотны обрѣзаны, и ходилъ по горѣ, перекидывая палицу съ руки на̀ руку. Какъ вдругъ предсталъ передъ него человѣкъ, который снесъ его съ горы и поставилъ на площади его государства, гдѣ Иванъ-царевичъ и встрѣтился съ однимъ башмачникомъ, у коего нанялся онъ въ работники. Хозяинъ, накупя кожъ довольное число, напился пьянъ и легъ спать. Иванъ-царевичъ, видя, что въ хозяинѣ проку мало, призвалъ духа, который снесъ его съ горы, и приказалъ ему къ утру сдѣлать башмаки; духъ по приказу его все учинилъ. Поутру Иванъ-царевичъ, разбудя хозяина, послалъ съ товаромъ въ городъ, гдѣ тотъ и продалъ башмаки купцу, который рекомендовалъ его знатнымъ господамъ. Наконецъ самъ царь, увидя его работу, приказалъ ему носить къ себѣ во дворецъ; а между тѣмъ находившаяся тутъ золотаго государства царевна, примѣтя, что сія работа золотого государства духа, приказала призвать къ себѣ сапожника. А какъ скоро онъ пришелъ, то и приказала ему, чтобы завтрашняго дня поутру передъ симъ дворцомъ поставилъ дворецъ золотого государства, а отъ него золотой мостъ до самаго царскаго дворца, покрытый зеленымъ бархатомъ, — и съ тѣмъ отъ него пошла. Хозяинъ пришелъ домой весьма печаленъ и сказалъ все то работнику, а самъ съ горя такъ напился пьянъ, что и самъ себя не помнилъ, только и говоритъ: «Теперь хотя голову руби, такъ и нужды нѣтъ!» Царевичъ, услыша сіе, приказалъ духу, чтобъ немедленно къ завтраму поставилъ дворецъ и золотое государство, сокрывающееся въ золотомъ яйцѣ. Духъ по приказанію все исполнилъ и поутру рано перенесъ туда Ивана-царевича, который, изготовясь для встрѣчи отца своего и матери, послалъ по нихъ великолѣпныя колесницы, а по братьевъ самыя срамныя телѣги, прося притомъ всѣхъ откушать. Царь, услыша, что сынъ его меньшой Иванъ-царевичъ живъ и здравствуетъ, весьма обрадовался и сѣлъ съ царицею и съ тремя царевнами въ присланную для нихъ пребогато-убранную колесницу, а дѣтей своихъ насильно приказалъ посадить въ срамныя телѣги, говоря притомъ, что вы по винѣ своей и того не заслуживаете. Иванъ-царевичъ встрѣтилъ ихъ великолѣпно и простилъ братьямъ своимъ ихъ вину; потомъ назначилъ Василью-царевичу въ супруги серебрянаго государства царевну Елену, а Ѳедору-царевичу мѣднаго государ-

ства царевну Земиру, а себѣ взялъ золотого государства царевну Плѣниру и отдалъ братьямъ серебряное и мѣдное яйца, сокрывающія въ себѣ оныя государства. На другой день совершенъ былъ бракъ всѣхъ братьевъ къ великой радости подданныхъ. Итакъ, обладали они своими подданными и всѣми государствами, которыя были поставлены на одномъ морѣ.

Дорога въ подземный край или на чудную гору сопряжена съ большими затрудненіями; въ эти невѣдомыя страны ведетъ волшебный шаръ. Тамъ герой странствуетъ по тремъ царствамъ *мѣдному*, *серебряному* и *золотому* и сражается со змѣями о трехъ, шести и двѣнадцати головахъ. Эти металлическія названія царствъ находятся въ тѣсной связи съ миѳическимъ значеніемъ металловъ и съ преданіями объ огненномъ змѣѣ, который стережетъ злато, серебро и похищаетъ красавицъ. Въ словацкой сказкѣ одинъ охотникъ ѣздилъ, по указанію бабы-яги, въ адъ, въ который надо было спускаться въ подземный міръ — въ глубокое отверстіе (яму). Его везъ драконъ, и когда не хватило взятаго для него охотникомъ мяса, — сказочный герой отрѣзалъ кусокъ отъ собственной икры и остался навсегда хромъ (Пов. и пред. народ. слав. племени, стр. 152—5), что̀ совершенно сходно съ возвращеніемъ героя нашихъ сказокъ съ того свѣта на Русь. Драконъ здѣсь заступаетъ мѣсто той громадной птицы, которая затемняетъ собою дневной свѣтъ, и на которой переносятся на Русь искатели приключеній нашихъ сказокъ. Подобные разсказы встрѣчаемъ въ изданіи Боричевскаго (ibid., стр. 107—111) и въ собраніяхъ греческихъ, нѣмецкихъ и норвежскихъ сказокъ. «Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени» сообщаютъ сказку: «Подземный край»; но здѣсь выноситъ сказочнаго героя изъ подземнаго царства колдунъ [1]). Въ греческой сказкѣ (Ганъ, I, 61; II, 70) герою помогаютъ орлы: было дерево, на которомъ орелъ и орлица свили свое гнѣздо; а многоглавый змѣй задумалъ всползти по дереву и пожрать птенцовъ. Сказочный герой убиваетъ змѣя; въ благодарность за это орлы выносятъ его на бѣлый свѣтъ. Норвежская сказка (I, № 3): «Der Vogel Dam», основана на тѣхъ же преданіяхъ. Двѣнадцать царевенъ были похищены троллемъ; онѣ осуждены были сидѣть вокругъ тролля и искать вшей въ его двѣнадцати головахъ. На спасеніе явился царевичъ; онъ отрубилъ троллю всѣ двѣнадцать головъ, и кровь изъ него зажурчала цѣлою рѣкою. Отправляясь на корабль, царевны забыли взять свои золотые вѣнцы. Царевичъ возвратился за вѣнцами, но братья его и дядька, не дожидаясь, пустились въ путь. Обманутый царевичъ долго грус-

[1]) Сличи съ печатной сказкою объ Ивашкѣ-медвѣжьемъ ушкѣ (Собр. старин. рус. сказокъ, 1830) и съ сказкою объ Иванѣ-царевичѣ и волкѣ-мѣдномъ лбѣ (Москвитян. 1852 г., № 21, стр. 28); см. Сочиненія А. Пушкина, т. I, стр. 439 (въ сказкѣ о царѣ Берендеѣ упоминается «подземельное» царство).

тилъ. Разъ онъ заснулъ и слышитъ во снѣ голосъ: «Приготовь для меня четыре бочки ржи, чтобъ я могла насытиться и укрѣпить свои силы». Царевичъ проснулся и увидѣлъ близъ своей постели огромную птицу «Dam», которая имѣла на затылкѣ перо — столь великое, что оно равнялось наполовину выросшей ели (Nackenföder). Царевичъ исполнилъ требованіе птицы, потомъ сѣлъ ей на спину, схватился за чудесное перо, и она вынесла его въ родныя страны. Царевны узнали своего избавителя по доставленнымъ золотымъ вѣнцамъ. Когда уже дѣйствіе близко къ счастливому концу, народная сказка, вѣрная обычному эпическому пріему, умѣетъ нѣсколько продлить его: возвратившійся герой никогда не открывается прямо, а, скрываясь въ нищенскихъ лохмотьяхъ или въ скромной одеждѣ простолюдина, заставляетъ узнавать себя по разнымъ вещамъ, съ которыми связано воспоминаніе прошлаго, и по которымъ царевны узнаютъ близость своего избавителя.

Объясненіе сказки о трехъ царствахъ см. въ Поэт. Воззр., II, стр. 530.

74. Покатигорошекъ.

а. Бувъ соби человикъ да жинка, а у нихъ було два сына и дочка̀. Отъ батько посылаетъ сыновъ орать [1]); воны кажуть: «а хто намъ обидать прынесе?» Батька каже: «дивка». А дивка каже: «я дороги не знаю». Отъ браты кажуть: «якъ зыйдешь на гору, такъ буде тры дороги; на которой дорози стружки будуть лыжать, то ты по тій и иды». Змій бачыть, що два браты ѣдуть и все по дорози стружки стружуть; винъ узявъ стружки позбиравъ, да кидà по тій дорози, що до ёго норы. Маты наварыла обидать и дала дочки несты. Вона вышла на гору и пишла по тій дорози, по которой стружки лыжать; дошла до норы, а змій узявъ еји да въ нору и кинувъ. Браты ждалы-ждалы обиду да-й выпряглы волы; волы пустылы пасты, а сами пошлы до дому да-й питаютъ матери: «дѣ-жъ вашъ, мамо, обидъ?» Маты каже: «я жъ давно вамъ з' дивкою послала». Отъ воны до самаго вичера еји ждалы; уранци всталы — еји нима! Браты кажутъ: «мабуть еји той проклятущій змій узявъ!» Воны удяглысь да-й пишлы сестры шукать. Идуть да идуть — колы чередникъ череду [2]) пасе. Воны поздоровалысь; чередникъ питае: «куда вы йдыте?» Воны кажуть: «до змія — сестры отыймати». — «Якъ хочете вы отнять отъ змія сестру, то изъjижте у мене самого бильшого вола». Воны не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть — колы пастухъ пасе овечки. Воны из' нымъ поздоровалысь. Винъ ихъ питае: «куды вы йдыте?» — «До змія — сестры отыймать». — «Колы хочете еји отнять, то изъjижте у мене самого бильшо-

[1]) Пахать. [2]) Череда — стадо крупнаго скота; чередникъ — пастухъ.

го барана». Воны не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть — колы свинарь пасе свини. Воны поздоровалысь. Винъ ихъ питае: «куды вы йдыте?» — «До змія — сестры отыймать». — «Колы хочете еји отнять, то изъјижте у мене самого бильшого кабана». Воны не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть — ажъ змій стоить коло свого дому. Змій каже: «здраствуйте! чого васъ сюды Богъ занисъ?» — «До тебе за сестрою». — «Колы хочьте свою сестру узять, такъ изъјижте двѣнадцять воливъ, двѣнадцять баранивъ и двѣнадцять кабанивъ». Воны по малесенькому кусочку изъјилы да-й бильше не захотилы. Винъ ихъ узявъ да пидъ камынь шидвернувъ.

Маты плакала, що нема ни сынивъ ни дочки; узяла видра да-й пишла по́ воду до колодязя, набрала воды да иде — колы горошина катытця по дорози да-й вскочила у видро, а вона и не бачила. Пришла до до́му, выливае воду — колы дывитця: горошина у видри; вона узяла да-й изъјила, и отъ тей горошины уродился сынъ. Далы ёму имя Покатыгорошко; винъ росте не по часамъ, а по минутамъ. Посидалы вичеряти, Покатыгорошко питае: «чи у васъ, мамо, булы јищо диты?» — «Було у мене двое сынивъ и одна дочка». — «А дѣ жъ воны?» — «Змій укравъ дочку, такъ сыны пишлы еји шукать; да нима ни сынивъ ни дочки». Винъ повичерявъ, обувся и одягся: «шиду жъ и я теперь за ными». Просить коваля: «изробы мини велыку булаву». Коваль изробывъ ёму булаву; Покатыгорошко узявъ булаву, заплатывъ да-й пишовъ. Иде да иде — колы пасе чередникъ череду. Винъ из' нымъ поздоровалысь; чередникъ ёго питае: «куды ты идешь?» — «Иду до змія — сестры отыймать». — «Изъјижъ у мене самого бильшего вола, такъ отыймешъ!» Винъ изъјивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде — колы пастухъ пасе овечки. Покатыгорошко из' нымъ поздоровалысь; пастухъ ёго питае: «куды ты идешь?» Винъ каже: «до змія — сестры отыймать». — «Изъјижъ у мене самого бильшего барана, такъ отыймешъ!» Винъ изъјивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде — колы свинарь пасе свини. Покатыгорошко из' нымъ поздоровалысь; свинарь его питае: «куда ты идешь?» — «До змія — сестры отыймать». — «Изъјижъ у мене самого бильшего кабана, такъ отыймешъ!» Винъ изъјивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде — ажъ стоитъ домъ змія, и сестра бере коло колодезя воду. «Здравствуй, сестра!» каже Покатыгорошко. Вона ёму: «якій ты мини братъ?» Винъ каже: «побачишъ, якій я тоби братъ!» Отъ выходыть змій: «а, здравствуй!» каже. «Здравствуй!» Змій ёго питае: «чого ты пришовъ?» — «За сестрою да за братьями». — «Изъјижъ двѣнадцять воливъ, двѣнадцять баранивъ и двѣнадцять кабанивъ». Винъ узявъ вси поjивъ. Змій каже: «молодецъ!.. ну, теперь чи будемъ битьця, чи миритьця?» — «Будемъ битьця! я съ тобой не хо́чу миритьця». — «Дмы токъ», каже змій. — «Дмы ты, — каже Покатыгорошко: бо ты въ своемъ добри хозяинъ, а не я». Отъ змій якъ дунувъ — такъ у ёго ставъ чегунный; а Покатыгорошко якъ дунувъ —

такъ у ёго ставъ мидный. Отъ Покатыгорошко якъ давъ змію булавою, такъ змій ставъ по колѣна въ земли; ударивъ другой разъ и убивъ змія. Тоди узявъ змія посикъ-порубавъ, на пошилъ перевиявъ; братьевъ съ-шидъ камыня извернувъ, забравъ ихъ и сестру да-й пишовъ дòму. Батько и маты булы рады!

(Доставлена М. А Максимовичемъ).

b. Неукаторомъ царствѣ и неукаторомъ государствѣ, на мори(ѣ)-океани(ѣ), на островѣ на Буяни(ѣ), стаиць дубъ зелёны, а подъ дубомъ быкъ печоны, и у яго боку ножъ точоны: сейчасъ ножикъ добываецца — изволь кушаць! И то еще не казка, только приказка; а хто мою казку будзе слухаць, такъ тому сабòль и куница и прекрасная дзѣвица, сто рублеу на свадзьбу, а пяцьдзесяць на прагулянье.

Быу сабѣ мужикъ и быу у яго саламяны языкъ (?), имѣу јонъ два сына и адну дочь; хоця яна стану [1]) простаго, але неописанной красоты. Ацецъ и маць были достаточны; паработàли яны свае хлѣбопашество сваимъ пара(я)дкомъ во времени, и ихъ ацецъ гавориць сынамъ: «Дзѣци! не нада сподзѣвацца [2]) на гэто, што есць, ни сподзѣвацца на гэто, што зроблено, а нада щэ призапасицца: пущай будзе!» Атпрауляюцца яны у чужое панство на хлѣбопашество и беруць хлѣба на три дня. «Когда вы тотъ хлѣбъ зъядзице, вамъ сестра принесець больштъ». А имъ было идци такъ, якъ бы черезъ Городзилоуски лѣсъ. Сестра и гавориць имъ, што я не буду знаць, куда несци вамъ ѣсцы. Старшы братъ гавориць: «Мы будземъ для цебе дарогу одзначаць, будземъ салому трусиць [3]), — на гэтой дарозѣ просто къ намъ придзешъ». И яны пашли и дарогу одзначили; а у томъ лѣсѣ быу глауны змѣй и тые разгаворы слыхау и переслау дарогу у свой дворецъ. Якъ вышло три дня, атпрауляецца яна къ нимъ з' абѣдомъ; пашла яна и прыходзиць просто у змѣины дворецъ, пацерала [4]) пуць-дарогу и гавориць: «Куды я зайшла?» Выходзиць къ ёй семигаловой змѣй и гавориць: «Пайдзи, пайдзи сюда, умница! я цебе дауно дажидау, я до цебе дауно дабираусь; ну, якъ ты харошаго ацца и мацяры, яны цебе трымали [5]) падъ бальшимъ надзорамъ, и я не могъ до цебе дабицца. Я бы не сматрѣу, што ты простаго роду, я бы табою не брезгавау, дауно была бы мая... а ужъ цеперъ именно мая! забывай ацца и маць, бо ты уже ихъ видзѣць не будзешъ; а у мене будзешъ ты усѣмъ давольна». Брацья јіѣ пахали три дня, и не стало имъ пищи; яны бросили пахаць и приходзяць дамой и з' великою гразою къ аццу и мацяри: «Атчего вы не прислали пищы?» Ацецъ гавориць, што вамъ сестра панесла такого-то дня. Яны гаворяць къ аццу: «Когда ёй ужо

---

[1]) Станъ — порода, состояніе. [2]) Надѣяться. [3]) Разсыпать, сорить. [4]) Потеряла. [5]) Тримаць — держать.

нима, то и не будзе!» — «Я пайду, — сказау адзинъ, — сваю сестру шукаць [1]); хоць жизнь сваю паложу, а пайду шукаць». Ацецъ гавориць: «Не йдзи, сынокъ, бо сваю жизнь кончишъ, а ёй ужо не увидзишъ». А јонъ гавориць: «Пайду!» И прыходзиць јонъ къ гэтаму самаму змѣю и видзиць яну (ее) на дварѣ. Яна яму гавориць: «Зачимъ ты сюда прышоу? ты сваю галаву паложишъ. Я цеперъ несчастная, я цеперъ не твая сестра, а ты не мой братъ! папалася я у катаржны руки». Братъ гавориць: «Пущай же я здзѣсь пагибну, абы [2]) я на цебе насматрѣуся». Яна яму гавариць: «Пастой ты здзѣсь, а я пайду спрашу, што јонъ скаже, што̀ ты прышоу у госьци». Прыходзиць яна къ змѣю у спальню: «Што бы ты, душенька, дзѣлау, кабъ мой старшы братъ у госьци прышоу?» Јонъ гавориць: «За госця прыняу бы». Яна вышла и уводзиць яго у горницу; јонъ устаець из' койки сваей и зачау годоваць [3]) яго, якъ добрый человѣкъ. «Ступай, жонка, прынеси жалѣзнаго бобу и жалѣзнаго хлѣба... Ну, кушай, швагеръ!» [4]). Узяу яму урѣзау хлѣба: јонъ узяу хлѣба и зёрнышко бобу, подзержау и положыу. Змѣй гавориць: «Вѣрно ты, швагеръ, сытъ, бо ты гардзишъ [5]) маимъ хлѣбомъ и солью. Пайдземъ же цеперь пасмотримъ: ци ты багаче, ци я?» И повёу яго по усѣмъ харомамъ, и есць у яго усякаго добра видимо и невидимо! Повёу яго у канюшню къ лошадзямъ, и стоиць у яго дванаццаць жарабцоу, и усякой жарабецъ на дванаццаць цѣпоу прикованъ. «Ну что, швагеръ, ты багаче или я?» Јонъ яму атвѣчаець: «У мене того трецьей доли нима, што у швагра». — «Ну, пайдзи же зо мною; я табѣ пакажу штуку». И прыводзить ягó къ калодзи — чатыри сажни талщыны, а дванаццать длины. «Ци видзишъ ты, швагре, тую калоду?» Јонъ яму гавориць: виджу. «Если ты яну безъ тапара парубаешъ, а безъ агню спалишъ, такъ пайдзешъ дамой». А јонъ гавориць: «Хоць сейчасъ ты мене паруби, а я гэтаго не зроблю». — «Когдаш(ж)ъ ты гэтаго не сдзѣлаешъ, полно табѣ сюда хадзиць дураку-мужику, саламянному языку; а ты зо мною набратауся! Кали ты мнѣ братъ, то и свиня сестра! Ты не только зо мною рѣчи гавориць, не доуженъ на мене глазомъ пасматрѣць; бо ты не достоинъ сюда хадзиць и мой домъ пакасциць!» И убиу яго и глазы выняу, уложыу у чарапокъ, а яго узяу за воласы и павѣсиу на бельцы [6]).

Цеперъ и другой братъ тоже пашоу шукаць сваей сестры и нашоу яну на дварѣ у змѣя. Яна яму гавориць: «Ахъ, братъ! убьецъ јонъ и цебе такъ, якъ першаго». — «Пущай убьець, абы я з' табою видзѣуся!» — «Пастой же тутъ; я пайду запытаюся, што јонъ скаже». И прыходзиць яна къ змѣю у спальню. Јонъ устаець из' сваей койки: «Што скажешъ, жонка? вижу я твой усердный видъ и пакорное лицо». —

---

[1]) Искать. [2]) Только бы. [3]) Кормить, потчевать. [4]) Шуринъ и зять (Schwager). [5]) Брезгаешь. Польск. gardzić—пренебрегать, гнушаться. [6]) На балкѣ. Польск. balka, belka — бревно, брусъ.

«Ахъ, милый мой мужъ! што бы ты робиу, кабъ втарой мой братъ у госьци прышоу?» — «Што бъ я робиу? за госьця прыняу бы». Яна гавориць: «Може прыняли бъ яго такъ, якъ першаго?» — «Я першаго убиу, бо јонъ зо мною грубиу, не умѣу зо мною честно абхадзицца. Пущай приходзиць, гэтаго я прыму». Яна выходзиць на дворъ и говориць брату: «Пакорно абхадзись!» — «Давай, жонка, гавориць змѣй, жалѣзнаго бобу и жалѣзнаго хлѣба». Яна приносиць поухлѣба и чашку бобу. «Бо старшы твой братъ недаволенъ быу, то може мало было; возьми гэто, а прынеси большъ». А госьць и у руки не узяу, гавориць: «Пакорнѣйше благадару, швагеръ, бо я ѣсць не хачу». — «Пайдземъ же мы, швагре, пасмотримъ на мае багацство: ци ты багаче, ци я?» И повёу яго па усѣмъ сваимъ харомамъ, и видзиць јонъ, што змѣй багатъ, багатъ незличито! Прыводзиць яго змѣй у сваю багатырскую канюшню: стаиць дванаццаць жарабцоу, и каждая лошадзь на дванаццаць цѣпоу прикована. Јонъ гавориць змѣю, што у мене трецьей доли таго нима. «Ну, пайдзижъ, я табѣ пакажу штуку!» И показау яму калоду чатыри сажени талщыны, а дванаццаць длины, и гавориць: «Видзишъ ты тую калоду? Если ты безъ тапара яну парубаешъ, безъ агня спалишъ, то пайдзешъ да дому, а не то — будзешъ висѣць з' братомъ». Швагеръ яму сказау: «Хоць сейчасъ убій, а не зроблю гэтаго!» Тотчасъ змѣй яго убиу, вмѣсцѣ воласы звязау и черезъ балку [1]) перекинуу. Прыходзиць јонъ у сваи палаты и видзиць жонку у большой тоскѣ и у жалобѣ. «Ахъ, мужу, ты мой мужу! што ты мнѣ зробиу? братоу убиу; я не маю больше ни роду ни племени, тольки ацца и маць. Преда(й) и мене злой смерци, пущай не буду жиць!» — «Нјѣтъ, милая! я табѣ таго не сдзѣлаю; а кали бъ достау ацца и маць, то и ихъ убиу бы: тобъ ты ни объ комъ не думала и весѣльшая была бъ!» — «Пущай же яны жывуць и клоцья жуюць, а мы хлѣбъ, бо у ихъ нјѣтъ.»

Пашла матка по ваду, узяушы ведра, и набраушы вады, идзець да дому и вельми плаче, и думаець яна сабѣ усердными думками: «Ахъ, Боже мой! чаго я цеперъ даждалася на старосьци». Узяу Господь јіѣ усердное уздыханіе, и удругъ видзиць яна: кацицца гароховае зёрнушко. Яна думаець сабѣ: «Гэто даръ Божый!» Узяла яго и зъѣла. З' гэтаго зернушка удругъ завязауся јіѣ рабенокъ, и вынасиушы свае время дажидаець, што доужень јонъ нарадзицца на сей свјѣтъ. Вод(т)ъ полегли спаць, и у самое поуночнае время на утихомиріи [2]) и гласиць у јіѣ брюхѣ человѣческимъ голасамъ: «Не сподзѣвайсе [3]) мене, маманька, у скорае время, бо я защитникъ буду вамъ и добрымъ людзямъ». Понасила яго щэ нѣсколько времене, и раждаецца јонъ на сей свјѣтъ и расцець не па гадамъ, а па часамъ, якъ пшоннае цѣсто на дражджахъ: и пестуюцца и цѣлуюцца з' имъ, якъ не нада лучше; и даюць

---

[1]) Балку. [2]) Когда настала совершенная тишина. [3]) Не надѣйся. Польское spodziewać się.

яго у школу: которые училисе гадовъ по три-чатыри, а јонъ узнау у адзинъ годъ, не стало яму грамоты. Прыходзиць јонъ з' учылища къ аццу и мацяри: «Ну, татанька и маманька, благотворице маихъ учителей, бо ужъ мнѣ хадзиць въ учылище поуно. Я, благодара Бога, знаю больше ихъ. И прошу васъ з' усѣмъ усердіемъ сказаць мнѣ праудуу: какой я у васъ есць? чи я раждзёнъ первый, чи паслѣдній?» Яны гавораць: «Ахъ, сыну нашъ милы, ты у насъ паслѣдній!» и сказали яму па истиннай праудзѣ, што у ягò былò два брата и сестра. «А гдзѣшъ яны дзѣлися? Кали померли, то я не супратиуникъ Богу, а кали што зробилосе отъ худыхъ людзей, то я могу узыскать». Яны яму гаворяць: «Ахъ, сыну нашъ милы! якъ же ты уйдзешъ и насъ при старасьци, древнихъ людзей, бросишъ? хто насъ да смерци даховаець?» [1]). Јонъ имъ гавориць: «Чій вы прежде ѣли хлѣбъ, той васъ будзе хараниць! бо мене вы не удзержице, мене людзи дауно ждуць. Ну, маманька и татанька, лажимся спаць: утро мудренѣй вечера; дасць Богъ дзень — дастъ Богъ и пищу!»

Поутру јонъ устау, умыуся и Богу памалиуся и на всѣ четыре стороны пакланиуся. «Пазвольце, баицъ, мнѣ передъ паходамъ погуляць». Ну, пашоу сабѣ на улицѣ гуляць, и находзиць јонъ шпильку и приносиць къ аццу и мацяри. Гавориць јонъ аццу: «На табѣ гэто жалѣзо, неси до каваля [2]) и сдзѣлай мнѣ булаву семипудаву». Ацецъ яму славесно не гавориць, а только у думкѣ думаецъ: «дау мнѣ Господь дзѣцыще не такъ, якъ людзямъ; я жъ давёу яго да средственнаго разуму, а јонъ цеперъ изъ мене кпиць [3])! Можець ли то быци, штобы з' шпильки была булава семипудава». Ацецъ, имѣушы бальшую сумму — залатую, серебраную и бумажную манету, паѣхау у горадъ, купиу жалѣза семъ пудоу и дау кавалю сдѣлаць булаву. Сдзѣлали яму булаву семипудаву и прывозяць да дому. Пакацигарошакъ выходзиць з' горницы, берецъ сваю булаву семипудаву и слышыць небесни штурмъ [4]) и пущаець яну за облаки. И прыходзиць јонъ у сваю горницу: «Матка, на у мене у галавѣ паищы передъ паходамъ, а то мене брудъ [5]) заѣсьць, бо я младъ юноша...» Вод(т)ъ устаушы изъ маткиныхъ калѣнъ, выходзиць јонъ на дворъ и видзиць небесни тучи. Упау јонъ да сырой земли правымъ ухомъ и, устаушы, кличець свайго ацца: «Бацько, падзи сюды, сматри, што шуме и гудзе, мая булава да земли идзе». Паставіу јонъ калѣно процiу сваёй булавы; ударила ягò булава па калѣни и переламилася попаламъ. Јонъ разсердиуся на свайго ацца: «Ну, ацецъ, отчаго ты мнѣ не сдзѣлау булавы з' гэнтаго жалѣза, што я табѣ дау; а калибъ ты сдзѣлау, то яна не сламилась бы, только согнулась бы! На-ш(ж)ъ табѣ гэто самое жалѣзо, ступай

---

[1]) Dochować (ховать)—сохранить, соблюсти, сберечь. [2]) Кузнеца. [3]) Шутить, насмѣхаться. [4]) Шумъ, буря, гроза (Sturm). [5]) Пол. brud — нечистота, гадость; здѣсь: вши.

дзѣлай; свайго не прыкладàй». Кавали укинули жалѣзо у агонь и зачали малатами биць и цянуць и сдзѣлали булаву семипудаву; щэ асталося.

Берецъ Пакацигарошакъ сваю булаву семипудаву и атпрауляецца у пуць, у чистую дарогу и приходзиць јонъ къ гэтаму самаму змѣю семигаловаму, гдзѣ находзяцца яго браты и сестра. Выходзиць яна къ яму на устрѣчу; јонъ з' ей здароукаецца и гавориць: «Здра(в)ствуй, милая и родная сестра!» Яна отвѣчаець: «Какой ты мнѣ братъ!» И јонъ падаéць ей ацца и мацяры рукописаніе, што јонъ есць радной јіѣ братъ. «Пастой же ты, брациць, здзѣсь, а я пайду спрашу, што змѣй на отвѣтъ скаже». Прыходзиць яна у яго багатырскую спальню; змѣй у ёй спрашиваець: «Ахъ, жонка, ты да мене не з' веселымъ видомъ идзешь!» — «Я пришла да цебе, мой мужу, што мой самый меньшый братъ пришоу у госьци». — «Ажъ у цебе не было болше братоу, якъ только два». — «Јонъ раждзёнъ безъ мене». Заразъ змѣй устаець и берець валшебницкую книгу, смотриць и мовиць да жены: «Ну, жонка, щэ будзе у цебе братъ!.. Кали јонъ безвременно уродзиусе, я з' имъ разгавариваць мало буду, ступай, призави яго». Пакацигарошакъ уходзиць да яго у комнату: «Здраствуй, швагеръ!» — «Але ты щэ младъ, бо у цебе мацярино малако на губахъ не засохло! Калибъ цебе мать вынасила (щэ) дзевяць дзёнъ, дзевяць часоу и дзевяць минутъ, тобъ ты мой супратиуникъ быу; але пагасти...» И становиць яму желѣзнае кресло. Якъ јонъ на креслѣ сѣу, кресло и треснуло. «А што, швагеръ, у лѣсу жывешъ, а у цебе кресла худыя; ай ли нѣтъ у цебе плотникау харошихъ, штобы кресло сдзѣлали пакрѣпче?» Змѣй думаець сабѣ: вѣрно я папауся у добрыя клещы! «Ну, давай, жена, напитковъ и наѣдковъ». Прыносиць яна рѣшато жалѣзнаго бобу и жалѣзнаго хлѣба. «Изволь кушаць, швагеръ!» — «Благадару, швагеръ! — гавориць Пакацигарошакъ: я безъ усякой прозьбы буду кушаць, такъ якъ у свайго, бо з' паходу я ѣсци хачу». И стау ѣсць умѣсци з' имъ: тотъ зъѣсць хлѣба кусокъ, а гэтотъ зъѣсць два. «Даволенъ ли ты, швагеръ, у мене?» — «Даволенъ, не даволенъ — кали больше нима!» — «Ну, пайдземъ, швагеръ, пасмотримъ на мае багацство: ци ты багаче, ци я?» И павёу ягó по усёмъ сваёмъ добрѣ. «Якъ табѣ здаецца: у цебе больше или у мене?» — «Я не багатъ, але и у цебе нима ничаго!» Јонъ гавориць: «Ты, швагре, зо мною грубишь!.. Ну, пайдзи же, я табѣ покажу штуку». И прыводзиць яго къ гэтой самой калодзѣ, куда и братоу прыводзиу, каторая чатыре сажни талщыны, а дванаццаць сажонъ длины. «Кагда ты яну безъ тапара парубаешь, а безъ агню спалишъ, такъ пайдзешъ дамой: а не такъ — будзешъ тамъ, гдзѣ и браты!» — «Не сердзись, дай мнѣ дзѣло кончиць!» сказау Пакацигарошакъ и узяу мизиннымъ пальцомъ таркану [1]) сію калоду, такъ яна у мелкіе друзги [2])

---

[1]) Толкнулъ, тронулъ. [2]) Щепки. Пол. druzgać — разможжить, раздробить, сокрушить.

палецѣла, а якъ дмухнуу [1]) — попелъ стау, ажъ не было! «Ну што? я свае дзѣло споуниу!» — «Пайдземъ цеперь поборимся: ци ты сильнѣе, ци я?» Пакацигарошакъ гавориць яму: «Дай руку, я падзержу,— папробуемсе такъ: хто сильнѣе?» А змѣй говориць: «Гдзѣ табѣ, малакасосу, за руку мене браць!» Јонъ каже: «Усе единственно намъ пабицца?» — «Ну, гавориць змѣй, на табѣ руку». И схватилисе яны за руки и якъ здавили дружка дружку, Пакацигарошкава рука тольки пасинѣла, а змѣиная рука зо всѣми пальцами асталася у Пакацигарошка. «Адначе я тымъ не доволенъ», гавориць змѣй, и якъ дмухнуу— зробиу мѣдны токъ. А Пакацигарошакъ якъ дмухнуу, зробиу серебраны токъ. И схватилисе яны бароцца. Якъ дмухнуу змѣй — убиу Пакацигарошка у серебраны токъ, а Пакацигарошакъ якъ дмухнуу — убиу змѣя у мѣдны токъ адразу па калѣна. Змѣй якъ дмухнуу другой разъ— убиу Пакацигарошка па калѣна, а Пакацигарошакъ якъ дмухнуу другой разъ — такъ убиу змѣя па поясъ. Змѣй говориць: «Пастой, швагеръ, а(т)дахнемъ!» — «Ще ни очень патамились,—каже Пакацигарошакъ,—я з' паходу, да и то не умариуся». Змѣй да яго гавориць: «Видно, швагеръ, я у цебе пагибъ!» Пакацигарошакъ каже: «Бо я за тымъ пришоу». — «Астау мнѣ сколько-нибуць жызни, — просиць яго змѣй, — и бери сабѣ залатую, серебраную и бумажную маю казну, скольки угодно». — «Я бы аставиу табѣ жызни на сколько-нибуць, але ты мене для перваго случаю абезчесциу, назвау малакасосомъ: то мнѣ очень цяжало знесци. Нјѣтъ табѣ пращенія! Большъ з' табою и гавориць не хачу». Змѣй, упаушы у велику злобу, распусциу сваю кроу па усимъ сваимъ жиламъ, дау прасторъ сваимъ рыцивымъ [2]) плечамъ и удариу Пакацигарошка и убиу яго па поясъ. «Ну, што, нацѣшыуся, швагеръ? гавориць Пакацигарошакъ. Да поуно мнѣ з' табою шутки шуциць! бо я дуракъ передъ табою, доуго балую; дауно бы нада цебе прыбраць». Якъ удариу яго Пакацигарошакъ трецій разъ, убиу яго па самую шыю у мѣдны токъ, и берець јонъ сваю булаву семипудаву и кончиу яму жызнь, да узяушы змѣя, замазау яго завсѣмъ у мѣдны токъ.

И пашоу Пакацигарошакъ у багатырскую канюшню, гдзѣ стаяли багатырскіе жарабцы; узяушы перваго жарабца за хвостъ, јонъ здернуу изъ яго тулуномъ [3]) шкуру, выпатрашыу яго и самъ у гэтое тулобище улѣзъ. Прилетая крукъ [4]) съ кручанятами и начали ѣсць, јонъ адно кручаня и злавиу за нагу, и гэты воранъ стау чоловѣческимъ гласомъ гавориць: «Хто у томъ тулобищѣ есць — акажись!» — «Я, Пакацигарошакъ». Крукъ яму гавориць: «Што ты адъ мене жалаешь?» — «Што я адъ цебе жалаю? Прыстау мнѣ цѣлющай и живущай вады, а кали не доставишь, то скольки васъ есць — усѣ пагибнице». Тогда

---

[1]) Дунулъ. [2]) Ретивымъ. [3]) Тулунъ—мѣшокъ безъ разрѣза изъ содранной съ какого-либо животнаго кожи. [4]) Черный воронъ.

крукъ, узяуши пузырки, палецѣу за трыдзевяць земель у дзесятая царство, иншае государство, и дастау вады з' подъ великой стражы и приносиць Пакацигарошку. Палучиушы сію ваду, Пакацигарошакъ для вѣрнасьци узяу яго дзиця за обѣ наги и разарвау напаламъ. «Я цеперь увѣраю [1]), ци вѣрная то вада?» Јонъ адною вадою памачиу, стала кручаня цѣло, а другою памачиу, и кручаня аджило [2]); стау благодариць и пусциу яму дзиця. Цеперь јонъ приходзиць къ сваимъ братамъ и узяу памачиу ихъ цѣлющаю вадою, и стали яны цѣлы, а другою памачиу, стали живы. И приводзиць јонъ ихъ да сестры. «Ну, сестра и браццы! берице залатую, серебряную и бумажную казну, сколькі вамъ угодно, и несице да дому». И пашли яны усѣ учетверомъ.

Вотъ браты, войшоушы у лѣсъ, и прывязали Пакацигарошка къ дубу. «Браццы! што вы робице надо мною?» — «Какой ты намъ братъ? у насъ брата не было и не будзе». Јонъ, атпусциушы ихъ адъ себе на небольшое разстоянье и узяушы сабѣ великіе злобіе, выкруциу дубъ з' корнемъ и павалокъ за ими. Выходзиць јонъ изъ лѣсу и увидзиушы свой домъ, свае жыцельство, приходзиць дамой и крикнуу на ацца и маць: «Извольце вамъ дроу!» — «Идзи, сынокъ, у хату». А јонъ гавариць: «Я баюсь! кали у лѣсѣ хацѣли мене спотребиць [3]), то у хаци тымъ лучше. Пращайце, ацецъ и маци, браццы и сестра! жывице сабе з' Богомъ!»

Пашоу јонъ назадъ: шоу-шоу — и пападаецца яму на устрѣчу Вернигара. «Здрастуй, братъ, Пакацигарошакъ! куды идзешъ, куды пуць-дарогу дзержишъ?» А Пакацигарошакъ спрашивая у ягò: «Хто ты есць такой?» Јонъ ему адвѣчая: «Я есць сильно-магущи багатыръ Вернигара». — «Ци хочешъ быци маимъ таварищамъ?» гавориць Пакацигарошакъ. А јонъ: «Можно! хачу табѣ служиць». И пашли яны умѣсци; шли-шли — и пападаецца имъ на устрѣчу сильно-магущи багатырь, Вернидубъ. «Здраствуйце, братцы!» — «Здоровъ!» [4]) — «Какіе вы людзи есць?» спрашывая Вернидубъ. — «Пакацигарошакъ и Вернигара». — «Кудыжъ вы идзеце?» — «Мы идземъ у такой-то горадъ. Змѣй людзей выѣдая: то идземъ яго биць». — «Ци нельзя мнѣ къ вамъ у таварищы прыстаць?» — «Можно!» гавариць Пакацигарошакъ. И прыходзяць яны у горадъ и являюцца царю. «Какіе вы людзи есць?» — «Мы сильно-магущи багатыры». — «Ци не можно вамъ сей горадъ защициць? Унадзиуся [5]) змѣй и губиць много народу; треба ягò пабѣдзиць!» — «На штош(ж)ъ мы называемсе сильно-магущи багатыры, штобы яго не пабѣдзили?» Прыходзиць самая поуначъ, и пашли яны падъ калиновы мостъ, на огненну рѣку. Вод(т)ъ прыходзиць шестиглавы змѣй и астанавиуся надъ мостомъ, и сейчасъ конь заржау, сакоу [6]) защабетау, а хортъ [7]) заскимлиу [8]). Јонъ каня у лобъ: «Ты, чортаво стерво,

---

[1]) Повѣрю. [2]) Ожило. [3]) Истребить. [4]) Здорово! [5]) Повадился. [6]) Сокольъ. [7]) Борзая собака. [8]) Завылъ. Zaskowlič — завижжать, завыть.

не ржы, а ты, сакоу, не щабечы, а ты, хортъ, не скимли! бо тутъ есць Пакацигарошакъ! Ну, гавориць, выхадзи, Пакацигарошакъ! либо будземъ бицца, либо мирицца». Гавориць Пакацигарошакъ: «Ни за тымъ добры маладзецъ ходзиць, штобъ мирицца, только за тымъ, штобъ бицца». И начали яны стражацьсь [1]); Пакацигарошакъ з' таварищами сваими збили у траихъ [2]) змѣю па галавѣ. Змѣй, видзѣушы, што вѣрно треба яму пагинуць, гавориць: «Ну, браццы! только Пакацигарошакъ мнѣ мѣшаець, я бы з' вами двумя управиусе!» Водъ яны ще стали стражацьсь и пабѣдзили [3]) паслѣднія галавы, каня змѣинаго узяли у стайню [4]), сакалà у клѣтку, а хорта у псарню; а Пакацигарошакъ узяу павырѣзываy языки за всѣхъ шесци галовъ и палажыу сабѣ у карманъ, а тулобище скатили у огненную рѣку. Прыходзяць яны къ царю, и Пакацигарошакъ прыносиць яму языки для именной прауды. Царь ихъ благодариць: «Виджу, што вы есць сильно-магущи багатыры и защитники горада и усегò народа! Што вамъ угодно пиць-ѣсць, берице усякія напитки и наѣдки безденежно и безпошлино». И з' радосьци удариу јонъ публикацію па усему гораду, штобъ были аткрытые усѣ трахтиры, кабаки и малыя карчмы для сильно-магущихъ багатыроу. Водъ яны хадзили паусюду, пили, гуляли, прахлаждалисе и разными славàми забаулялисе.

Прыходзиць ночъ, и у самую поуначъ идуць яны падъ калиновы мостъ, на огненну рѣку, и удругъ падходзиць семиглавы змѣй. Сейчасъ конь заржау, сакоу защабетау, хортъ заскимлиу. Змѣй сейчасъ коня у лобъ: «Ты, чортаво стерво, не ржы, ты, сакоу, не щабечы, а ты, хортъ, не скимли! бо тутъ есць Пакацигарошакъ. Ну, гавориць јонъ, вылазь [5]), Пакацигарошакъ! либо будземъ бицца, либо мирицца».— «Ни за тымъ добры маладзецъ ходзиць, штобы мирицца; только за тымъ, штобы бицца!» И начали яны стражацьсь, збили багатыры змѣю шесць галоу: седмая зосталася. Змѣй гавориць: «Дай-ка а(т)дахнемъ!» А Пакацигарошакъ гавориць: «Не дажидай, кабъ я табѣ а(т)дыхаць дау!» Стали яны апяць стражацьсь, збиу јонъ и паслѣдне(ю)ю галаву, павырѣзываy языки и палажиу у карманъ, а тулобище бросиу у огненную рѣку. Прыходзиць къ царю и прыносиць языки для именной прауды.

У треци разъ тожъ пауночно идуць яны къ калинову масту и къ огненной рѣкѣ; удругъ падходзиць къ имъ дзевяциглавы змѣй. Сейчасъ конь заржау, сакоу защабетау, а хортъ заскимлиу. Змѣй каня у лобъ: «Ты, чортаво стерво, не ржы, ты, сакоу, не щабечы, а ты, хортъ, не скимли! бо тутъ есць Пакацигарошакъ. А ну, вылазь, Пакацигарошакъ! либо будземъ бицца, либо мирицца». Пакацигарошакъ гавориць: «Ни за тымъ добры маладзецъ ходзиць, штобы мирицца; только

---

[1]) Сражаться. [2]) Втроёмъ. [3]) Посбивали. [4]) Въ конюшню (хлѣвъ, сарай). [5]) Выходи.

Государственная

за тымъ, штобы бицца!» И стали яны стражацьсь, и збили багатыры восемъ галоу, дзевятая засталася. Пакацигарошакъ гавориць: «Дай-ка а(т)дахнемъ, нечыстая сила!» Яна гавориць: «Адыхай-не адыхай, а са мною не свладзѣешъ; ты и братоу маихъ пабѣдзиу абманомъ, не силаю». Пакацигарошакъ ни стольки ваюець, какъ думаець, якъ-бы змѣя абмануць; адначе и здумалъ и гавориць: «Да щэ вашего брата много есць иззади — усѣхъ прыберу!» Удругъ яна аглянулася, а јонъ и дзевятую галаву зняу, павырѣзывау языки, палажиу сабѣ у карманъ, а тулобище у огненную рѣку бросиу. Прыходзяць яны къ царю. Царь гавориць: «Благодару васъ, сильно-магущи багатыры! жывице сабѣ з' Богомъ и з' радосьцью и смѣлосьцью, и берице, сколько вамъ нужно золота, серебра и бумажной манеты».

После сёго усѣ три змѣиныя жоны сашлисе у адно мѣсто и укладываюць между собою совѣтъ [1]): «Аткудава яны узялись, што нашихъ мужоу пабили? Ну, не женщыны мы будземъ, если не зведземъ ихъ з' свѣту!» То меньшая гавориць: «Ну, сестрицы! пайдземъ мы па бальшой дарозѣ, куда яны будуць идци. Я зраблюся прекрасною койкаю, и яны, утамиушыся, якъ сядуць на койкѣ, то усѣмъ трёмъ будзе смерць!» А другая гавориць къ ёй: «Кагда ты имъ ничаго не зробишъ, то я зроблюся яблынькаю надъ бальшою дарогаю, и якъ стануць яны ка мнѣ падхозиць, — возме ихъ пріятны запахъ, а якъ папробуюць тыхъ яблакъ, то усѣмъ будзе смерць!» Вотъ падъѣжаюць багатыри къ прекрасной койкѣ; Пакацигарошакъ махнуу по ней наухрестъ саблею— дакъ палилася кроу! Падъѣжаюць яны къ яблынькѣ. «Братъ Пакацигарошакъ, дай-ка зъѣдимъ па яблычку», гаворацъ багатыры. А јонъ каже: «Кады можно, браццы, такъ зъѣдимъ, а кагда не можно, такъ дальшъ паѣдзимъ». Выймая јонъ саблю и махнуу яблыньку наухрестъ, и палилась удругъ кроу. Поспѣшаець за ними трецяя змѣя и пусцила сваю пасць адъ земли да неба. Видзиць Пакацигарошакъ, што имъ каратко прыходзицца; какъ спасцись? Аглядаецца јонъ и увидау, што яна на яго напираець, и бросиу ёй три кани у ротъ. Палецѣла змѣя да синя моря ваду пиць, а яны ушли дальшъ. Наганяець яна абратно; видзиць јонъ, што яна близко, и бросиу ёй у ротъ три сакалы. Апяць змѣя да синяго моря палецѣла ваду пиць, а яны ушли дальшъ. Аглядываецца Пакацигарошакъ, змѣя апяць ягò наганяець, и видзиць јонъ сваю неустойку, узяу да бросиу ёй три хорты у ротъ. Апяць яна да синяго моря палецѣла ваду пиць; пакудава напилась, яны щэ дальше ушли. Аглядываецца јонъ и видзиць, што апяць яна даганяець; Пакацигарошакъ, узяушы абоихъ таварищей, и убросиу у ротъ. Змѣя палецѣла да синяго моря ваду пиць, а јонъ дальшъ. Даганяець яна апяць; јонъ аглядываецца, видзиць, што недалеко, и гавориць: «Господи, сохрани мене и спаси маю душу!» И видзиць јонъ упередъ себе жалѣз-

[1]) Уговариваются.

ны заводъ, и упадаець [1]) у гэту кузницу. Кузнецы гавораць да яго: «Што, чужостранны чоловѣкъ, такъ абрабѣу?» — «Пачтенѣйшіе гаспада! сахранице мене адъ нечыстай силы и спасице маю душу». Яны узяушы кузьню заперли наглухо. «Аддайтце маё!» гавориць змѣя. Вотъ кузнецы гавораць ёй: «Пралижы желѣзны дзвери, а мы яго табѣ на языкъ паложымъ». Яна прализала дзвери и языкъ у средзину усадзила. Кузнецы узяли у траихъ гара(я)чими клещами за языкъ и гавораць: «Ступай, чужостранны чоловѣкъ! што хочешь з' нею роби». Јонъ выходзиць на дворъ и давай змѣю биць и пабиу на ёй шкуру да косьцей, а костци да мозгоу, и узяу яну з' усѣмъ тулобищомъ закапау на семъ сажонъ глубины. Водъ јонъ и цеперъ живець да клочье жуець, а мы хлѣбъ, бо у яго нјѣтъ! И я тамъ быу, медъ-вино шиу; па барадзѣ цекло, а у губѣ не было.

(Записана въ Новогрудскомъ уѣздѣ, Гродненской губ., М. Дмитріевымъ).

Примѣчаніе. Сказка эта, какъ и многія другія, начинается похищеніемъ дѣвицы лютымъ змѣемъ, который убиваетъ двухъ ея братьевъ. Осиротѣлая ихъ мать молитъ Бога, и ради этой молитвы совершается чудо: катится горошинка. «Божій даръ!» думаетъ она, подняла горошинку и съѣла — отъ того понесла и родила богатыря, будущаго побѣдителя страшныхъ сказочныхъ змѣевъ. Богатырь выросъ, названъ Покатигорошкомъ; сила его чрезмѣрна. Подобно другому сказочному богатырю, Ивану Попялову, онъ пробуетъ скованную для него желѣзную семи-пудовую булаву о свое колѣно; онъ вырываетъ дубъ съ корнемъ, разбиваетъ мизинцемъ въ щепы колоду въ четыре сажени толщины и въ двѣнадцать длины, а дуновеніемъ своихъ устъ превращаетъ ее въ пепелъ, вмѣстѣ съ змѣемъ онъ ѣстъ желѣзный хлѣбъ и желѣзные бобы [2]). Съ Покатигорошкомъ соединяются другіе сказочные богатыри *Вернигора* и *Вернидубъ*, имена которыхъ указываютъ уже на степень ихъ силы: одинъ поворачиваетъ горы, другой вывертываетъ дубы. Но оба они уступаютъ въ силѣ Покатигорошку; мы еще встрѣтимся съ ними въ другихъ народныхъ сказкахъ. Въ сказкѣ № 82 выведенъ богатырь *Горыня*. — Сказка о Покатигорошкѣ подробностями своими сближается со сказками, напечатанными подъ №№ 75 — 79. Г. Максимовичъ передаетъ содержаніе украинской сказки о Катигорошкѣ (см. Русск. Бесѣда,- 1856 г., III, стр. 100 — 101): бездѣтная жонка шла по воду, увидѣла — катится по дорогѣ горошина, подняла и съѣла; родился богатырь, который, при помощи своего вѣщаго вороного коня, совершаетъ разныя чудныя похожденія, между прочимъ захватываетъ морскую пани; но подвиги эти совсѣмъ иные, а не тѣ, какіе составляютъ содержаніе напечатанныхъ нами списковъ. — Ржа-

---

[1]) Вбѣгаетъ, вваливается. [2]) Сличи съ сказкою въ изданіи Кулиша: Записки о южной Руси», II, стр. 52.

ніе коня, вой собаки, крикъ сокола — все это примѣты къ бѣдѣ, несчастью.

Съ весьма знаменательными отличіями передана сказка въ хорутанскихъ приповѣдкахъ Валявца (стр. 116 — 9). Мѣсто змѣя занимаетъ здѣсь чортъ (vrag), а роль Покатигорошка играетъ мальчикъ съ пальчикъ, что вполнѣ согласуется съ содержаніемъ древняго преданія, развиваемаго сказкою [1]). Сестра несетъ въ поле обѣдъ братьямъ, которые нарочно провели сохой борозду, чтобъ она знала — какой дорогой итти; а чортъ прооралъ другую борозду. Дѣвица не попала на настоящій путь и очутилась у нечистаго. Братья идутъ освобождать ее; чортъ ѣстъ олово и потчуетъ ихъ тѣмъ же кушаньемъ, но они отказываются; затѣмъ рубитъ имъ головы и забрасываетъ въ олово. Не осталось у бѣдной матери дѣтей, стала она молить Бога и родила малютку Palčėk: съ перваго дня уже Пальчикъ ходилъ, на другой день началъ говорить, а на третій узналъ про судьбу своихъ братьевъ и сестры и отправился къ чорту. Нечистый приказалъ подать полную чашку олова; Пальчикъ съѣлъ все дочиста. Пошли пробовать силу; чортъ подбросилъ мечъ такъ высоко, что его полдня назадъ не бывало; а Пальчикъ подбросилъ — мечъ полгода не ворочался. Начали другъ друга кидать; Пальчикъ ухватилъ чорта, забросилъ въ олово и сталъ разспрашивать про братьевъ. Чортъ указалъ ихъ головы и туловища, велѣлъ помазать шеи мазью и ударить палицею; какъ скоро это было сдѣлано — братья ожили. Тогда Пальчикъ отсѣкъ нечистому голову и освободилъ свою сестру. Объясненіе этого миѳическаго сказанья смотри въ Поэт. Воззр., II, стр. 491 — 2.

Любопытны черты, указывающія на сродство Покатигорошка съ Пальчикомъ: Покатигорошекъ *мизинцемъ* разбиваетъ въ щепы огромную колоду и дуновеніемъ устъ превращаетъ ее въ пепелъ; вмѣстѣ съ змѣемъ онъ ѣстъ желѣзный хлѣбъ и желѣзные бобы — подобно тому какъ Пальчикъ поѣдаетъ олово (см. также Slav. Čitanka, стр. 49 — 54). Связь драконовъ и карликовъ съ металлами засвидѣтельствована и языкомъ, и сказками, и безчисленными повѣрьями. Золото, по древненѣмецкому выраженію, есть драконово ложе; а по выраженію русской святочной пѣсни: серебро и золото — змѣиныя крылица (Терещ., Бытъ рус. народа, VII, стр. 177). Змѣи и карлики живутъ въ горахъ; послѣдніе устраиваютъ тамъ свои кузнечныя мастерскія и приготовляютъ несокрушимое оружіе и разныя драгоцѣнныя вещи. Интересная словацкая сказка о владыкѣ металловъ (o kovladu) вся основана на преданіи о миѳическомъ народѣ, который обиталъ въ горныхъ пропастяхъ и питался металлами. Была-жила вдова, у ней была дочь — красавица, но такая гордая, что всѣмъ женихамъ наотрѣзъ отказывала;

---

[1]) Въ греческой сказкѣ (Ганъ, II, стр. 181) Цоцосъ (маленькой), прійдя къ ламіи воровать ея коня, превращается въ горошину и прячется въ навозѣ.

чѣмъ больше за нею ухаживали, тѣмъ она становилась неприступнѣе. Однажды красавица спала́ и весело разсмѣялась во снѣ. «Вѣрно, ей приснилось что-нибудь хорошее!» подумала мать, глядя на свое дитя. Поутру она спросила у дочери, что̀ ей привидѣлось во снѣ и чему она смѣялась. «Мнѣ снилось, отвѣчала дѣвица, будто пріѣзжалъ къ намъ знатный господинъ, въ мѣдной колесницѣ и подарилъ мнѣ перстень, въ которомъ сіялъ камень, какъ сіяютъ звѣзды на небѣ, и когда я пришла въ церковь, то весь народъ смотрѣлъ только на меня, да на Пречистую Дѣву.» — «Ахъ, дитя мое, какіе гордые сны тебѣ видятся!» сказала мать и покачала головой, а дочь, припѣвая, пошла на работу. Въ тотъ же день посватался за нее молодой крестьянинъ; мать обрадовалась жениху, но гордая невѣста сказала ему: «Если бъ даже пріѣхалъ ты въ мѣдной колесницѣ и предложилъ мнѣ кольцо, въ которомъ сіялъ бы камень, какъ сіяютъ звѣзды на́ небѣ, я и тогда тебѣ отказала!» На другую ночь красавица еще громче разсмѣялась во снѣ. Утромъ на вопросъ матери она отвѣчала: «Снилось мнѣ, будто пріѣзжалъ къ намъ знатный господинъ, въ серебряной колесницѣ и подарилъ мнѣ золотую повязку на голову, и когда я пришла въ церковь, то весь народъ не столько смотрѣлъ на Пречистую Дѣву, сколько на меня». — «Ахъ, что ты говоришь, мое дитя! какой гордый сонъ! Молись, дочка, молись, чтобы не впасть въ искушеніе». Дочь хлопнула дверью и ушла, чтобы не слыхать материнской проповѣди. Въ тотъ же день она отказала другому жениху. На третью ночь дѣвичій сонъ опять сопровождался громкимъ смѣхомъ. Утромъ сказала дочь матери: «Мнѣ снилось нынче, будто пріѣзжали за мной въ золотой колесницѣ и привезли мнѣ наряды изъ чистаго золота, и когда я пришла въ церковь, то весь народъ смотрѣлъ только на меня». Мать выслушала ее съ горестью. Немного погодя въѣхали на дворъ три колесницы: мѣдная, серебряная и золотая, запряженныя парою, четверкою и восемью ретивыми конями. Изъ золотой колесницы спрыгнулъ прекрасный юноша въ золотой одеждѣ. Сонъ сбывался. Дѣвица получила отъ жениха и блестящій перстень, и головную повязку, и дорогіе наряды изъ чистаго золота. Послѣ вѣнца, не спросивъ у матери благословенія и не прощаясь съ нею, невѣста сѣла съ женихомъ въ золотую колесницу и понеслась къ высокимъ горамъ. Здѣсь повернули они въ расщелину—и вслѣдъ затѣмъ потряслась земля, и позади ихъ обрушились огромныя скалы; кругомъ было темно̀. Невѣста испугалась, но женихъ ее успокоилъ: «Не бойся, подожди — будетъ и свѣтло и прекрасно!» Тотчасъ со всѣхъ сторонъ выбѣжали горные карлики (ludvike) въ красныхъ штанахъ и зеленыхъ шапочкахъ, съ горящими факелами въ рукахъ, и привѣтствовали своего господина. Изъ мрачныхъ скалъ въѣхали они въ дремучіе лѣса; и горы и деревья были свинцовыя. Снова потряслась земля — и путники очутились на прекрасной равнинѣ, посредине которой стоялъ золотой дворецъ, украшенный

драгоцѣнными каменьями. Владыка металловъ ввелъ свою невѣсту во дворецъ и сказалъ, что отнынѣ все это принадлежитъ ей. Съ удивленіемъ и радостью смотрѣла она на безчисленныя богатства. Вскорѣ красавица почувствовала голодъ и съ удовольствіемъ увидѣла, что прислуга накрыла золотой столъ; но — увы, всѣ поданныя кушанья были изъ чистой мѣди, серебра и золота. Горные жители спокойно ѣли, а она ничего не могла укусить и попросила себѣ кусочекъ хлѣба. «Охотно, моя милая», сказалъ женихъ и велѣлъ принести мѣднаго хлѣба. Но красавица не могла его ѣсть. Принесли серебряный хлѣбъ — она отказалась; принесли золотой — и тотъ не годился. «Я радъ тебѣ услужить, — сказалъ владыка металловъ, — но у меня нѣтъ другого хлѣба!» Невѣста заплакала; напрасно! Судьба ея совершилась: она должна была оставаться въ подземномъ царствѣ и терпѣть голодъ, потому что выше всего цѣнила золото и золото. Только въ продолженіе трехъ дней въ году, когда владыка металловъ открываетъ двери къ своимъ подземнымъ сокровищамъ, можетъ она насыщаться человѣческой пищею. Эти три дня — понедѣльникъ, вторникъ и среда на пятой недѣлѣ послѣ пасхи; тогда выходитъ она на Божій свѣтъ и проситъ себѣ хлѣба какъ милостыни (Б. Нѣмцова, 321 — 8; Westslawischer Märchenschatz, стр. 10 — 14).

Въ тѣсной связи съ преданіями, приписывающими драконамъ обладаніе металлами, стоитъ эпизодъ о борьбѣ змѣя съ Покатигорошкомъ: змѣй дунулъ — и тотчасъ явился мѣдный или чугунный токъ [1]), дунулъ Покатигорошекъ — и явился серебряный токъ (сравни сказки №№ 71 b и 79, гдѣ змѣи и ихъ враги дѣлаютъ токи желѣзный, стальной, серебряный, золотой и алмазный; Лѣтоп. рус., литерат., кн. V, стр. 8 — 45: сказка о Иванѣ Бѣломъ); противники, сражаясь, вколачиваютъ другъ друга въ эти металлическіе токи, подобно тому, какъ мальчикъ съ пальчикъ вбиваетъ нечистаго въ олово. О поѣденіи металловъ и борьбѣ на металлическихъ токахъ см. Поэт. Воззр., гл. 20 и 21.

Приводимъ варіантъ, записанный г. Броницынымъ.

Сказка о Василисѣ-золотой косѣ, непокрытой красѣ, и объ Иванѣ-Горохѣ.

Жилъ былъ царь Свѣтозаръ. У него, у царя, было два сына и красавица дочь. Двадцать лѣтъ жила она въ свѣтломъ теремѣ; любовались на нее царь съ царицею, еще мамушки и сѣнныя дѣвушки, но никто изъ князей и богатырей не видалъ ея лица. А царевна-краса называлась Василиса-золотая коса; никуда она изъ терема не ходила, вольнымъ воздухомъ царевна не дышала; много было у ней и нарядовъ цвѣтныхъ и каменьевъ дорогихъ, но царевна скучала: душно ей въ теремѣ, въ тягость покрывало! Волосы ея густые, златошелковые, непокрытые ничѣмъ, въ косу связанные, упадали до пятъ, и царевну Васи-

[1]) Гладкое, ровное мѣсто.

лису стали люди величать: *золотая коса, непокрытая краса.* Но земля слухомъ полнится: многіе цари узнавали и пословъ присылали царю Свѣтозару челомъ бить, царевну въ замужество просить. Царь не спѣшилъ; только время пришло, и отправилъ онъ гонцовъ во всѣ земли съ вѣстью, что будетъ царевна жениха выбирать, чтобъ цари и царевичи съѣзжались, сбирались къ нему ировать, а самъ пошелъ въ теремъ высокій сказать Василисѣ Прекрасной. Царевнѣ на сердцѣ весело; глядя изъ окошка косящатаго, изъ-за рѣшетки золотой на садъ зеленый, лужокъ цвѣтной, захотѣла она погулять; попросила ее отпустить въ садъ—съ дѣвицами поиграть. «Государь-батюшка!» она говорила: «я еще свѣту Божія не видала, по травѣ, по цвѣтамъ не ходила, на твой царской дворецъ не смотрѣла; дозволь мнѣ съ мамушками, съ сѣнными дѣвушками въ саду проходиться». Царь дозволилъ, и сошла Василиса Прекрасная съ высокаго терема на широкій дворъ. Отворились ворота тесовы, очутилась она на зеленомъ лугу передъ крутою горой; по горѣ той росли деревья кудрявыя, на лугу красовались цвѣты разновидные. Царевна рвала цвѣточки лазоревые; отошла она немного отъ мамушекъ — въ молодомъ умѣ осторожности не было; лицо ея было открыто, красота безъ покрова... Вдругъ поднялся сильный вихрь, какого не видано, не слыхано, людьми старыми не запомнено; закрутило, завертѣло, глядь — подхватилъ вихорь царевну, понеслась она по воздуху! Мамки вскрикнули, ахнули, бѣгутъ, оступаются, во всѣ стороны мечутся; но только и увидѣли, какъ помчалъ ее вихрь. И унесло Василису-золотую косу черезъ многія земли великія, рѣки глубокія, черезъ три царства въ четвертое — въ область змѣя лютаго. Мамки бѣгутъ въ палаты, слезами обливаются, царю въ ноги бросаются: «Государь! неповинны въ бѣдѣ, а повинны тебѣ; не прикажи насъ казнить, прикажи слово молвить: вихрь унёсъ наше солнышко, Василису-красу, золотую косу, и невѣдомо — куда». Все разсказали, какъ было. Опечалился царь, разгнѣвался, а и въ гнѣвѣ бѣдныхъ помиловалъ. Вотъ наутро князья и королевичи въ царскія палаты наѣхали и, видя печаль, думу царскую, спросили его: что случилося? «Грѣхъ надо мною!—сказалъ имъ царь: вихремъ унесло мою дочь дорогую, Василису-косу золотую, и не знаю — куда». Разсказалъ все, какъ было. Пошелъ говоръ межъ пріѣзжими, и князья и королевичи подумали, перемолвились, — не отъ нихъ ли царь отрекается, выдать дочь не рѣшается, — бросились въ теремъ царевны — нигдѣ не нашли ея. Царь ихъ одарилъ, каждаго изъ казны надѣлилъ; сѣли они на коней, онъ ихъ съ честію проводилъ; свѣтлые гости откланялись, по своимъ землямъ разъѣхались. Два царевича молодые, братья удалые Василисы-золотой косы, видя слезы отца-матери, стали просить родителей: «Отпусти ты насъ, государь-отецъ! благослови, государыня-матушка! вашу дочь, а нашу сестру отыскивать». — «Сыновья мои милые, дѣти одимыя! — сказалъ царь не весело: куда жъ вы поѣдете?» — «Поѣдемъ

мы, батюшка, вездѣ — куда путь лежитъ, куда птица летитъ, куда глаза глядятъ; авось, мы и сыщемъ ее!» Царь ихъ благословилъ, царица въ путь снарядила; поплакали, разстались. Ѣдутъ два царевича; близко ли путь, далеко ли, долго ль въ ѣздѣ, коротко ли—оба не знаютъ. Ѣдутъ годъ они, ѣдутъ два, проѣхали три царства, и синѣются-виднѣются горы высокія, между горъ степи песчаныя: то земля змѣя лютаго. И спрашиваютъ царевичи встрѣчныхъ: не слыхали ли, не видали ли, гдѣ царевна Василиса-золотая коса? И отъ встрѣчныхъ въ отвѣтъ имъ (одно): «Мы ея не знали; гдѣ она — не слыхали». Давъ отвѣтъ, идутъ въ сторону. Подъѣзжаютъ царевичи въ великому городу; стоитъ на дорогѣ предряхлый старикъ — и кривой и хромой, и съ клюкой, и съ сумой, проситъ милостыни. Пріостановились царевичи, бросили ему деньгу серебряную и спросили его: не видалъ ли онъ гдѣ, не слыхалъ ли чего о царевнѣ Василисѣ-золотой косѣ, непокрытой красѣ? «Эхъ, дружки! — отвѣчалъ старикъ: знать, что вы изъ чужой земли. Нашъ правитель, лютый змѣй запретилъ крѣпко-накрѣпко толковать съ чужеземцами; намъ подъ страхомъ заказано говорить, пересказывать, какъ пронёсъ мимо города вихрь царевну прекрасную». Тутъ догадались царевичи, что близко сестра ихъ родимая; рьяныхъ коней понукаютъ, къ дворцу подъѣзжаютъ. А дворецъ тотъ золотой, и стоитъ на одномъ столбѣ на серебряномъ, а навѣсъ надъ дворцомъ самоцвѣтныхъ каменьевъ, лѣстницы перламутровыя, какъ крылья, въ обѣ стороны расходятся-сходятся. На ту пору Василиса Прекрасная смотритъ въ грусти въ окошечко, сквозь рѣшетку золотую и отъ радости вскрикнула — братьевъ своихъ вдалекѣ распознала, словно сердце сказало. И царевна тихонько послала ихъ встрѣтить, во дворецъ проводить; а змѣй лютый въ отлучкѣ былъ. Василиса Прекрасная береглася, боялася, чтобы онъ не увидѣлъ ихъ. Лишь только вошли они, застоналъ столбъ серебряной, расходилися лѣстницы, засверкали всѣ кровельки, весь дворецъ сталъ повертываться, по мѣстамъ передвигаться. Царевна испугалась и братьямъ говоритъ: «Змѣй летитъ! змѣй летитъ! отъ того и дворецъ кругомъ повертывается. Скройтесь, братья!» Лишь сказала, какъ змѣй лютый влетѣлъ, и онъ крикнулъ громкимъ голосомъ, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ: «Кто тутъ, живой человѣкъ?» — «Мы, змѣй лютый,» не робѣя, отвѣчали царевичи: «изъ родной зёмли за сестрой пришли». — «А, это вы, молодцы!» вскрикнулъ змѣй, крыльями хлопая. «Незачѣмъ бы вамъ отъ меня пропадать, здѣсь сестры искать; вы братья ей родные, богатыри, да небольшіе!» И змѣй подхватилъ на крыло одного, ударилъ имъ въ другого и свистнулъ и гаркнулъ. Къ нему прибѣжала дворцовая стража, подхватили мертвыхъ царевичей, бросили обоихъ въ глубокій ровъ. Залилась царевна слезами. Василиса-коса золотая ни пищи, ни питья не принимала, на свѣтъ бы глядѣть не хотѣла; дня два и три проходитъ — ей не умирать стать, умереть не рѣшилася — жаль красоты своей, голода

послушала, на третій покушала. А сама думу думаетъ, какъ бы отъ змѣя избавиться, и стала вывѣдывать ласкою: «Змѣй лютый!—сказала она: велика твоя сила, могучъ твой полётъ, неужели тебѣ сопротивника нѣтъ?» — «Еще не пора!—молвилъ змѣй: на роду моемъ написано, что будетъ мнѣ сопротивникъ Иванъ-Горохъ, и родится онъ отъ горошинки».

Змѣй въ шутку сказалъ, сопротивника не ждалъ. Надѣется сильный на силу, а и шутка находитъ на правду. Тосковала мать прекрасной Василисы, что нѣтъ вѣсточки о дѣтяхъ; за царевною царевичи пропали. Вотъ пошла она однажды разгуляться въ садъ съ боярынями. День былъ знойный; пить царица захотѣла. Въ томъ саду изъ пригорка выбѣгала струею ключевая вода, а надъ ней былъ колодезь бѣломраморный. Зачерпнувъ золотымъ ковшомъ воды чистой, какъ слезинка, царица пить поспѣшила, а вдругъ проглотила съ водою горошинку. Разбухла го ошинка, и царицѣ тяжелёхонько; горошинка растетъ да растетъ, а царицу все тягчитъ да гнетётъ. Прошло нѣсколько времени — родила она сына; дали ему имя Иванъ-Горохъ, и растетъ онъ не по годамъ, а по часамъ, гладенькій, кругленькій! глядитъ, усмѣхается, прыгаетъ, выскочитъ да въ пескѣ онъ катается, и все прибываетъ въ немъ силы, такъ что лѣтъ въ десять сталъ могучъ богатырь. Началъ онъ спрашивать царя и царицу, много ли было у него братьевъ и сестеръ, и узналъ, какъ случилось, что сестру вихорь унёсъ — невѣдомо куда; два брата отпросились отыскивать сестру и безъ вѣсти пропали. «Батюшка! матушка! — просился Иванъ-Горохъ: и меня отпустите, братьевъ и сестру отыскать благословите». — «Что ты, дитя мое! — въ одинъ голосъ сказали царь и царица: ты еще зеленёхонекъ-молодёхонекъ; братья твои пошли да пропали и ты какъ пойдешь — пропадешь».—«Авось не пропаду!—сказалъ Иванъ-Горохъ: я братьевъ и сестры доискаться хочу». Уговаривали и упрашивали сына милаго царь съ царицею, но онъ просится, всплачетъ, взмолится; въ путь-дорогу снарядили, со слезами отпустили. Вотъ Иванъ-Горохъ на волѣ, выкатился въ чистое поле; ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой, къ ночи въ лѣсъ темный въѣзжаетъ. Въ лѣсу томъ избушка на курьихъ ножкахъ, отъ вѣтра шатается, сама перевертывается. По старому присловью, по мамкину сказанью: «Избушка, избушка, — молвилъ Иванъ, подувъ на нее: стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ». И вотъ повернулась къ Ивану избушка, глядитъ изъ окошка сѣдая старушка и молвитъ: «Кого Богъ несётъ?» Иванъ поклонился, спросить торопился: «Не видала ли, бабушка, вихря залётнаго? въ какую онъ сторону уноситъ красныхъ дѣвицъ?» — «Охъ-охъ, молодецъ! — отвѣчала старуха, покашливая, на Ивана посматривая: меня тоже напугалъ этотъ вихорь, такъ что сто двадцать лѣтъ я въ избушкѣ сижу, никуда не выхожу: неровно налетитъ да умчитъ! Вѣдь это не вихорь, а змѣй лютый!» — «Какъ бы дойти къ нему?» спросилъ Иванъ. «Что ты, мой свѣтъ, змѣй прогло-

титъ тебя». — «Авось не проглотитъ!» — «Смотри, богатырь, головы не спасти; а если вернешься, дай слово изъ змѣиныхъ палатъ воды принести, которою всплеснешься — помолодѣешь!» примолвила она, черезъ силу шевеля губами. «Добуду — принесу, бабушка! слово даю». — «Вѣрю на совѣсть твою. Иди же ты прямо, куда солнце катится; черезъ годъ дойдешь до Лисьей горы, тамъ спроси — гдѣ дорога въ змѣиное царство». — «Спасибо, бабушка!» — «Нé на чемъ, батюшка!» Вотъ Иванъ-Горохъ пошелъ въ сторону, куда солнце катится. Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Прошелъ онъ три государства, дошелъ и до змѣинаго царства. Передъ городскими воротами увидѣлъ онъ нищаго — хромого, слѣпого старика съ клюкой — и, подавъ милостыню, спросилъ его: «Нѣтъ ли въ томъ городѣ царевны, молодой Василисы-косы золотой?» — «Есть, да не велѣно сказывать!» отвѣчалъ ему нищій. Иванъ догадался, что сестра его тамъ; добрый молодецъ смѣлъ, прибодрился и къ палатамъ пошелъ. На ту пору Василиса-краса, золотая коса, смотритъ въ окошко, не летитъ ли змѣй лютый, и примѣтила издалека богатыря молодаго, знать объ немъ пожелала, тихонько развѣдать послала: изъ какой онъ земли, изъ какого онъ рода, не отъ батюшки ли присланъ, не отъ матушки ль родимой? Услышавъ, что пришелъ Иванъ, братъ меньшой (а царевна его и въ лицо не знавала), Василиса къ нему подбѣжала, встрѣтила брата со слезами. «Бѣги поскорѣе,—закричала: бѣги, братецъ! скоро змѣй будетъ, увидитъ — погубитъ!» — «Сестрица любезная! — отвѣчалъ ей Иванъ: не ты бы говорила, не я бы слушалъ. Не боюсь я змѣя и всей силы его». — «Да развѣ ты — Горохъ,—спросила Василиса-коса золотая: чтобъ сладить съ нимъ могъ?» — «Погоди, другъ-сестрица! прежде напой меня: шелъ я подъ зноемъ, пріусталъ я съ дороги, такъ хочется пить». — «Что же пьешь, братецъ?» — «По ведру меду сладкаго, сестрица любезная!» Василиса-коса золотая велѣла принести ведро меду сладкаго, и Горохъ вышилъ ведро за одинъ разъ, однимъ духомъ; попросилъ налить другое. Царевна приказать торопилась, а сама смотрѣла, дивилась: «Ну, братецъ!—сказала: тебя я не знала, а теперь повѣрю, что ты Иванъ-Горохъ». — «Дай же присѣсть немного — отдохнуть съ дороги». Василиса велѣла стулъ крѣпкій придвинуть, но стулъ подъ Иваномъ ломается, въ куски разлетается; принесли другой стулъ, весь желѣзомъ окованный, и тотъ затрещалъ и погнулся. «Ахъ, братецъ!— вскричала царевна: это стулъ змѣя лютаго». — «Ну, видно, я потяжеле!» сказалъ Горохъ усмѣхнувшись, всталъ и пошелъ на улицу, изъ палатъ въ кузницу. И тамъ заказалъ онъ старому мудрецу, придворному кузнецу, сковать посохъ желѣзный въ пятьсотъ пудъ. Кузнецы за работу взялись, принялись, куютъ желѣзо, день и ночь молотами гремятъ, только искры летятъ; черезъ сорокъ часовъ былъ посохъ готовъ. Пятьдесятъ человѣкъ несутъ — едва тащутъ, а Иванъ-Горохъ взялъ одной рукой, бросилъ посохъ вверхъ — посохъ поле-

тѣлъ, какъ гроза загремѣлъ, выше облака взвился, изъ вида скрылся. Весь народъ прочь бѣжитъ, отъ страха дрожитъ, думая: когда посохъ на городъ упадётъ, стѣны прошибётъ, людей передавитъ, а въ море упадётъ — море расплеснётъ, городъ затопитъ. Но Иванъ-Горохъ спокойно въ палаты пошелъ, да только сказать велѣлъ, когда посохъ назадъ полетитъ. Побѣжалъ съ площади народъ, смотрятъ изъ-подъ воротъ, смотрятъ изъ оконъ, не летитъ ли посохъ. Ждутъ часъ, ждутъ другой, на третій задрожали, сказать прибѣжали, что посохъ летитъ. Тогда Горохъ выскочилъ на площадь, руку подставилъ, на лету подхватилъ, самъ не нагнулся, а посохъ на ладони согнулся; Иванъ посохъ взялъ, на колѣнкѣ поправилъ, разогнулъ и пошелъ во дворецъ. Вдругъ послышался страшный свистъ — мчится змѣй лютый, конь его вихорь стрѣлою летитъ, пламенемъ пышетъ; съ виду змѣй — богатырь, а голова змѣиная. Когда онъ летитъ, еще за десять верстъ весь дворецъ начнетъ повертываться, съ мѣста на мѣсто передвигаться; а тутъ дворецъ съ мѣста не трогается. Видно, сѣдокъ есть! Змѣй призадумался, присвистнулъ, загаркалъ; конь-вихрь тряхнулъ черною гривою, размахнулъ широкія крылья, взвился, зашумѣлъ; змѣй подлетаетъ ко дворцу, а дворецъ съ мѣста не трогается. «Ого!—заревѣлъ змѣй лютый: видно, есть сопротивникъ; не Горохъ ли въ гостяхъ у меня?» Скоро пришелъ богатырь. «Я посажу тебя на ладонь одною рукою, пришлепну другою — костей не найдутъ!» — «Увидимъ!» молвилъ Иванъ-Горохъ; съ посохомъ выходитъ, а змѣй съ вихря кричитъ: «Расходись, Горохъ, не катайся!» — «Лютый змѣй, разъѣзжайся!» Иванъ отвѣчалъ, посохъ поднялъ. Змѣй разлетѣлся ударить Ивана (хочетъ), взоткнуть на копье, (и) промахнулся; Горохъ отскочилъ — не шатнулся. «Теперь я тебя!» зашумѣлъ Горохъ, пустилъ въ змѣя посохъ и такъ огорошилъ, что змѣя въ куски разорвалъ, разметалъ, а посохъ землю пробилъ, ушелъ черезъ два въ третье царство. Народъ шапки вверхъ побросалъ, Ивана царемъ величалъ; но Иванъ тутъ, примѣтя кузнеца-мудреца, въ награду, что посохъ скоро сработалъ, старика подозвалъ и народу сказалъ: «Вотъ вамъ голова! слушайте его, на добро радѣя, какъ прежде на зло слушали вы лютаго змѣя». Иванъ добылъ и живо-мертвой воды, спрыснулъ братьевъ; поднялись молодцы, протираютъ глаза, сами думаютъ: «Долго спали мы; Богъ вѣсть, что сдѣлалось!» — «Безъ меня и вѣкъ бы спали, братья милые, други родимые!» сказалъ имъ Иванъ-Горохъ, прижимая къ ретивому сердцу. Не забылъ онъ взять и змѣиной водицы; корабль снарядилъ и по рѣкѣ лебединой съ Василисой-красой, золотою косой, поплылъ въ земли свои черезъ три царства въ четвертое; не забылъ и старушки въ избушкѣ, далъ ей умыться змѣиной водицей: обернулась она молодицей, запѣла-заплясала, за Горохомъ бѣжала, въ пути провожала. Отецъ и мать Ивана встрѣчали съ радостью, съ честью; гонцовъ разослали во всѣ земли съ вѣстью, что возвратилась дочь ихъ родная, Василиса-коса золотая. Въ городѣ

звонъ, по ушамъ трезвонъ, трубы гудятъ, бубны стучатъ, самопалы гремятъ. Василиса жениха дождалась, а царевичу невѣста нашлась. Четыре вѣнца заказали, двѣ свадьбы пировали; на весельи и на радостяхъ пиръ горой, медъ рѣкой. Дѣды дѣдовъ тамъ были, медъ пили, и до насъ дошло, по усамъ текло, въ ротъ не попало; только вѣдомо стало, что Иванъ по смерти отца принялъ царскій вѣнецъ, правилъ со славой державой, и въ роды родовъ славилось имя царя Гороха.

75. Иванъ По́пяловъ.

Живъ себѣ дѣдъ да баба, и было у ихъ три сына: два разумныхъ, а третій дурень—по имени Иванъ, по прозванію По́пяловъ. Јонъ двѣнадцать лѣтъ ляжавъ у попялѣ [1]), вопасля таго вставъ изъ по́пялу, и якъ стряхнувся, дакъ изъ яго злятѣло шесть пудовъ по́пялу. Въ томъ царствѣ, гдѣ живъ Иванъ, не было дня, а все ночь; ета зрабивъ змѣй. Во Иванъ и абазвався, штобъ истрябить етаго змѣя, да и кажа свайму батьку: «Тату! зраби мини куцабу́ [2]) въ пять пудовъ». Узявши тую куцабу, јонъ пашовъ на поля и кинувъ яе у гару [3]) и пашовъ дамо́въ. На другій день прише́въ Иванъ на по́ля, на то́я мѣста, гдѣ падкинувъ куцабу́, наста́вивъ лобъ—якъ лятитъ тая куцаба, якъ уда́ря яго́ въ лобъ, да и разбилась надво́я. Иванъ прише́въ дамо́въ, да и ка́жа свайму батьку: «Тату! зраби мини другую куцабу́ въ десять пудовъ». Узявши тую куцабу́, Иванъ паше́въ на по́ля да и кинувъ яе у гару; лятѣла тая куцаба́ три дня и три ночи. На четвертый день паше́въ Иванъ на то́я мѣста—якъ лятитъ тая куцаба́; јонъ наста́вивъ калѣно, а тая куцаба́ разбилась на три части. По́пяловъ, прише́вши дамо́въ, загада́въ [4]) батьку зрабить третью куцабу у пятнадцать пудовъ. Узявъ тую куцабу́, прише́въ на по́ля и падкинувъ яе́ у гару́: лятѣла тая куцаба́ шесть дней. На сёмый день Иванъ паше́въ на то́я мѣста; лятитъ тая куцаба́, якъ уда́рицца абъ лобъ Иванавъ, дакъ ажъ лобъ падався. Во́ јонъ и ка́жа: «Эта куцаба́ издержа змѣя!»

Во́ сабравшись, Иванъ паѣхавъ съ братами пабивать таго змѣя. Ѣдя јонъ да ѣдя, ажъ стаитъ хатка на куриной ножкѣ, а въ той хатцѣ живе́ змѣй. Яны та́матка [5]) астанавились. Иванъ павѣсивъ сваи рукавицы, да и ка́жа брата́мъ: «Якъ изъ маихъ рукавицъ патяче́ кровь, дакъ прибѣга́йтя ка мнѣ на по́мачь». Сказавши эта, Иванъ пашовъ у хату да и сѣвъ надъ мастомъ [6])—ажъ ѣдя змѣй на трехъ галавахъ: конь спаткну́вся, собака завыла, соколъ затвелѣвъ. Змѣй гаворя: «Чаго ты, конь, спаткнувся, сабака завыла, соколъ затвелѣвъ?»—«Якъ же мини не спатыкацца, кажа конь, кали падъ мастомъ сядить Иванъ По́пяловъ». Во змѣй и ка́жа: «Выхади-ка суда, Иванушка! памѣряемъ

---

[1]) Въ золѣ, въ пеплѣ (т.-е. на печкѣ.) [2]) Дубинку. [3]) Вверхъ. [4]) Заставилъ. [5]) Тамъ. [6]) Мостъ (мостить)—полъ.

съ табою силы». Јонъ выхо́дя, и стали яны бицца. Иванъ пабивъ таго змѣя, да и сѣвъ изнова надъ мостъ. Ѣдя другій змѣй на шести галавахъ; јонъ и таго змѣя пабивъ, ажъ ѣдя третій на двѣнадцати галавахъ. Јонъ и съ тымъ ставъ бицца и збивъ ямў девять галовъ: не стало у змѣя силы. Глядять яны—ажъ лятить воранъ и кричитъ: «Кровь! кровь!» Змѣй и ка̀жа таму ворану: «Ляти да маей жонки; яна заѣсть Ивана Попялова». А јонъ кажа: «Ляти къ маимъ брата̀мъ; якъ яны прiѣдутъ, мы етаго змѣя убьемъ и тябѣ мяса аставимъ». Во́ранъ паслўхавъ Ивана, палятѣвъ къ яго́ брата̀мъ да и ставъ ка̀ркать надъ ихъ галавами. Браты праснулись и, пачувши воранавъ крикъ, пабѣгли на помочь къ брату; убили таго змѣя, взяли змѣеву галавў и, пришо́вши къ яго̀ хатѣ, яны разламили галавў — и ставъ бѣлый свѣтъ па всяму царству.

Пабивши змѣя, Иванъ По̀пяловъ съ брата̀ми паѣхавъ дамо̀въ и забывъ взять рукавицы; вялѣвъ братамъ падаждать яго̀, а самъ вярнўвся за рукавицами. Якъ падъѣхавъ къ ха̀тѣ и хотѣвъ взять рукавицы, глядить — ажъ тамъ змѣиха и змѣевы дочкѝ размавля́ютъ [1]) промѣжъ сабою. Јонъ зрабився като̀мъ да и ставъ курня́вкать [2]) надъ дверями. Яны пустили яго̀ у хату. Јонъ, выслухавши все, што яны гаварили, ухвативъ рукавицы и пабѣгъ. Прибѣгши къ братамъ, сѣвъ на каня; во̀ яны и паѣхали. Ѣдутъ яны да ѣдутъ; во предъ ими зеленый лугъ, а на томъ лугу падушки шавковыя. Во братья и кажуть: «Папасемъ туточка [3]) ко̀ней, а сами адышемъ» [4]). Иванъ ка́жа: «Пастойтя, братцы!» да взявши куцабў, ударивъ па падушкамъ; изъ тыхъ падушакъ патякла кровь. Во̀ яны паѣхали дальше. Ѣдутъ-ѣдутъ — ажъ стаитъ ябланька и на той ябланькѣ залатыя и серебряныя яблочки. Во́ братья и кажуть: «Давайтя зъѣдимъ па яблачку». Иванъ гаворя: «Пастойтя, братцы! я напробую»—и узявши куцабў, ударивъ па той ябланѣ: изъ яѐ патякла кровь. Яны и паѣхали дальше. Ѣдутъ яны да ѣдутъ; во̀ предъ ими крыница [5]). Братья и кажуть: «Напьемся вады». А Иванъ Попяловъ и гаво̀ря: «Стойтя, братцы!» Узявши куцабў, јонъ ударивъ па крыницѣ, и изъ той вады зрабилася кровь. Лугъ, шавко̀выя падушки, ябланя и крыница — ета все были дачкѝ змѣевы.

Пабивши змѣевыхъ до̀чакъ, Иванъ По̀пяловъ паѣхавъ съ брата̀ми дамо̀въ — ажъ лятить за ими змѣиха, раз(з)явила ротъ адъ неба да земли и хатѣла Ивана прагли(т)нўть [6]). Иванъ и бра́тцы яго̀ кинули ей три пуды(а) соли. Яна пригли(т)нўла тую соль, падумавши, што то Иванъ По̀пяловъ, а далѣ — якъ разсмакавала [7]) тую соль и убачила [8]), што ета не Иванъ, пабѣгла знова вслѣдъ. Во́ јонъ ба́ча, што бѣда,

---

[1]) Разговариваютъ. [2]) Мяукать. [3]) Тутъ. [4]) Отдохнемъ, [5]) Ключъ, родникъ. [6]) Проглотить; глита̀ть — глотать съ жадностью. [7]) Раскушала, распробовала. [8]) Увидѣла.

якъ припустивъ каня да и схавàвся [1]) ў кузьню къ Кузьмѣ и Демьяну за двѣнадцать дверей. Змѣиха прилятѣла да и кàжа Кузьмѣ и Демьяну: «Адàйтя мини Ивана Пóпялова!» А яны кажутъ: «Пралижи языкомъ двѣнадцать дверей да и бери!» Змѣиха зачала лизáть двери; а яны разагрѣли жалѣзныя щипцы, и якъ толька янà прасўнула языкъ у кузьню, яны ухватили яѐ за языкъ и начали бить малатáми. Убивши змѣиху спалили и пóпялъ па вѣтру разсыпали, а сами поѣхали дамóвъ; стали жить да паживать, гулять да пировать, медъ да вино пашивать. И я тамъ бывъ, вино шивъ, и въ ротѣ не былó, а па барадѣ толька тякло.

(Зап. въ г. Погарѣ, Черниг. губ., учит. уѣзднаго училища г. Матросовымъ).

Примѣчаніе. Въ эту сказку внесены любопытныя миѳическія преданія. Здѣсь является змѣй (представитель мрачной тучи), въ головѣ котораго скрывается дневной свѣтъ (см. Поэт. Воззр., I, стр. 357, II, 511 — 28); здѣсь является исполинская змѣиха, которая разѣваетъ свою пасть отъ земли до неба; здѣсь разсказывается о разныхъ превращеніяхъ. Противъ всѣхъ этихъ чародѣйныхъ силъ выступаетъ богатырь и все побѣждаетъ крѣпостію своихъ мышцъ, смѣлостью и догадливостью. Интересенъ разсказъ о битвѣ богатыря съ двѣнадцатиголовымъ змѣемъ. Бились они, бились, змѣй потерялъ уже девять головъ и ослабѣлъ. Пролетаетъ надъ полемъ битвы воронъ и каркаетъ: «Кровь! кровь!» — «Лети къ моей женѣ, говоритъ ему змѣй: она заѣстъ Ивана Пòпялова». А богатырь говоритъ: «Лети къ моимъ братьямъ; какъ убьемъ змѣя, тебѣ достанется его мясо!» Воронъ полетѣлъ къ братьямъ богатырямъ и сталъ каркать надъ ихъ головами. Братья послышали крикъ ворона, пробудились и побѣжали на помощь Ивану Пòпялову. Воронъ — птица вѣщая, и съ карканьемъ его поселяне до сихъ поръ соединяютъ разныя примѣты. Въ народныхъ сказкахъ воронъ играетъ видную роль; онъ приноситъ живую и мертвую воды и золотыя яблоки (Поэт. Воззр., I, стр. 364 — 365, II, стр. 311).

76. Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ король съ своей королевою; не имѣли они дѣтей, а жили вмѣстѣ годовъ до десяти, такъ что король послалъ по всѣмъ царямъ, по всѣмъ городамъ, по всѣмъ пародамъ — по чернети [2]): кто бы могъ полѣчить, чтобы королева забеременѣла? Съѣхались князья и бояры, богатые купцы и крестьяне; король накормилъ ихъ дóсыта, напоилъ всѣхъ дóпьяна и началъ выспрашивать. Никто не знаетъ не вѣдаетъ, никто не берется сказать, отъ чего-бы королева могла плодъ понести; только

[1]) Спрятался. [2]) Чѐрнеть — простой народъ, чернь.

взялся крестьянскій сынъ. Король вынимаетъ и даетъ ему полну̀ горсть червонцевъ и назначаетъ срокъ три дня. Ну, крестьянскій сынъ взяться-взялся, а что̀ сказать — того ему и во снѣ не снилося: вышелъ онъ изъ города и задумался крѣпко. Попадается ему навстрѣчу старушка: «Скажи мнѣ, крестьянской сынъ, о чемъ ты задумался?» Онъ ей отвѣчаетъ: «Молчи, старая хрычовка, не досаждай мнѣ!» Вотъ она впередъ забѣжала и говоритъ: «Скажи мнѣ думу свою крѣпкую: я человѣкъ старой, все знаю». Онъ подумалъ: «За что я ее избранилъ? Можетъ-быть, что̀ и знаетъ. Вотъ, бабушка, взялся я королю сказать, отчего бы королева плодъ понесла, да самъ не знаю». — «То-то, а я знаю; поди къ королю и скажи, чтобъ связали три невода шёлковые; которое море подъ окошкомъ — въ немъ есть щука златокрылая, противъ самаго дворца завсегда гуляетъ. Когда поймаетъ ее король да изготовитъ, а королева покушаетъ, тогда и понесетъ дѣтище». Крестьянскій сынъ самъ поѣхалъ ловить на море; закинулъ невода шелковые — щука вскочила и порвала всѣ три невода. Въ другой разъ закинулъ — тожъ порвала. Крестьянской сынъ снялъ съ себя поясъ и съ шеи шелковый платочекъ, завязалъ эти невода, закинулъ въ третій разъ — и поймалъ щуку златокрылую; несказанно обрадовался, взялъ и понёсъ къ королю. Король приказалъ эту щуку вымыть, вычистить, изжарить и подать королевѣ. Повара щуку чистили да мыли, помои за окошко лили; пришла корова, ополощины [1]) выпила. Какъ скоро повара щуку изжарили, прибѣжала дѣвка-чернавка, положила ее на блюдо, понесла къ королевѣ, да дорѡгой оторвала крылышко и попробовала. Всѣ три понесли въ одинъ день, въ одинъ часъ: корова, дѣвка - чернавка и королева. Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Черезъ нѣсколько времени приходитъ со скотнаго двора скотница, докладываетъ королю, что корова родила человѣка. Король весьма удивился; не успѣлъ онъ принять эти рѣчи, какъ бѣгутъ сказать ему, что дѣвка-чернавка родила мальчика точь въ точь, какъ коровій сынъ; а вслѣдъ за тѣмъ приходятъ докладывать, что и королева родила сына точь въ точь, какъ коровій — голосъ въ голосъ и волосъ въ волосъ. Чудные уродились мальчики! Кто растетъ по годамъ, а они растутъ по часамъ: кто въ годъ — они въ часъ таковы, кто въ три года — они въ три часа. Стали они на возрастѣ, заслышали въ себѣ силу могучую, богатырскую, приходятъ къ отцу-королю и просятся въ городъ погулять, людей посмотрѣть и себя показать. Онъ имъ позволилъ, наказалъ гулять тихо и мирно и далъ денегъ столько, сколько взять смогли. Пошли добрые мо̀лодцы: одинъ назывался Иванъ-царевичъ, другой Иванъ дѣвкинъ сынъ, третій Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ; ходили-ходили, ничего не купили. Вотъ Иванъ-царевичъ завидѣлъ стеклянные шарики и говоритъ братьямъ: «Давайте, братцы, кушимъ по шарику

[1]) Помои.

да станемъ вверхъ бросать: кто броситъ выше, тотъ у насъ будетъ старшій». Братья согласились; кинули жребій — кому бросать впередъ. Вышло Ивану-царевичу. Онъ кинулъ высоко, а Иванъ-дѣвкинъ сынъ еще выше, а Буря-богатырь-коровій сынъ такъ закинулъ, что̀ изъ виду пропалъ, и говоритъ: «Ну, теперь я надъ вами старшій!» Иванъ-царевичъ разсердился: «Какъ такъ, коровій сынъ, а хочетъ быть старшимъ!» На то Буря-богатырь ему отвѣчалъ: «Видно, такъ Богу угодно, чтобъ вы меня слушались». Пошли они путемъ-дорогою, приходятъ къ Черному морю, въ морѣ клохчетъ гадъ. Иванъ-царевичъ говоритъ: «Давайте, братцы, кто этотъ гадъ уйметъ, тотъ изъ насъ будетъ большой!» Братья согласились. Буря-богатырь говоритъ: «Унимай ты, Иванъ-царевичъ! уймешь — будешь надъ нами старшій». Онъ началъ кричать-унимать, гадъ пуще разозлился. Потомъ началъ унимать Иванъ-дѣвкинъ сынъ — тоже ничего не сдѣлалъ. А Буря-богатырь закричалъ да свою тросточку въ воду бросилъ — гаду какъ не бывало! и опять говоритъ: «Я надъ вами старшій!» Иванъ-царевичъ разсердился: «Не хотимъ быть меньшими братьями!» — «Ну, такъ оставайтесь сами по себѣ!» сказалъ Буря-богатырь и воротился въ свое отечество; а тѣ два брата пошли — куда глаза глядятъ. Король узналъ, что Буря-богатырь одинъ пришелъ, и приказалъ посадить его въ крѣпость: не даютъ ему ни пить ни ѣсть трое сутокъ. Богатырь застучалъ кулакомъ въ каменную стѣну и закричалъ богатырскимъ голосомъ: «Доложите-ка своему королю, а моему названному отцу, за что-про что онъ меня не кормитъ? Мнѣ ваши стѣны не стѣны и рѣшетки не рѣшетки, захочу — все кулакомъ расшибу!» Тотчасъ докладываютъ все это королю; король приходитъ къ нему самъ и говоритъ: «Что ты, Буря-богатырь, похваляешься?» — «Названной мой батюшка! за что-про что ты меня не кормишь, трое сутокъ голодною смертію моришь? я не знаю за собой никакой вины». — «А куда ты дѣвалъ моихъ сыновей, а своихъ братьевъ?» Буря-богатырь-коровій сынъ разсказалъ ему, какъ и что было: «Братья живы, здоровы, ничѣмъ невредимы, а пошли—куда глаза глядятъ». Король спрашиваетъ: «Отчего же ты самъ съ ними не пошелъ?» — «Оттого, что Ивану-царевичу хочется быть старшимъ, а по жребью мнѣ достается». — «Ну, хорошо! я пошлю воротить ихъ». Буря-богатырь говоритъ: «Никто, окромя меня, не догонитъ ихъ; они пошли въ такія мѣста — въ змѣиные края, гдѣ выѣзжаютъ изъ Чернаго моря три змѣя шести, девяти и двѣнадцатиглавые». Король началъ его просить; Буря-богатырь коровій сынъ собрался во путь во дороженьку, взялъ палицу боевую и мечъ-кладенецъ и пошелъ. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; шелъ-шелъ, догналъ братьевъ близъ Чернаго моря, у калиноваго моста; у того моста столбъ стоитъ, на столбѣ написано, что тутъ выѣзжаютъ три змѣя. «Здравствуйте, братцы!» Они ему обрадовались и отвѣчаютъ: «Здравствуй, Буря-богатырь, нашъ старшій братъ!» — «Что видно, невкусно вамъ, что на столбѣ написано?» Осмотрѣлся кругомъ — около моста избушка на курьихъ нож-

кахъ, на пѣтуховой головкѣ, и къ лѣсу передомъ, а къ нимъ задомъ; Буря-богатырь и закричалъ: «Избушка, избушка! устойся да улягся къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ». Избушка перевернулась: взошли въ нее, а тамъ столъ накрытъ, на столѣ всего много—и кушаньевъ и напитковъ разныхъ; въ углу стоитъ кровать тесовая, на ней лежитъ перина пуховая. Буря-богатырь говоритъ: «Вотъ, братцы! если бъ не я, вамъ бы ничего этого не было». Сѣли, пообѣдали, потомъ легли отдохнуть. Вставши, Буря-богатырь сказываетъ: «Ну, братцы! сегоднишнюю ночь будетъ выѣзжать змѣй шестиглавой; давайте кидать жребій — кому караулить?» Кинули—досталось Ивану-дѣвкину сыну; Буря-богатырь ему и говоритъ: «Смотри же, выскочитъ изъ моря кувшинчикъ и станетъ передъ тобою плясать, ты на него не гляди, а возьми наплюй на него да и разбей». Дѣвкинъ сынъ какъ пришелъ, такъ и уснулъ. А Буря-богатырь, зная, что его братья — люди ненадёжные, самъ пошелъ; ходитъ по мосту, да тросточкой постукиваетъ. Вдругъ выскочилъ передъ нимъ кувшинчикъ, такъ и пляшетъ; Буря-богатырь наплевалъ-нахаркалъ на него и разбилъ на мелкія части. Тутъ утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось:— лѣзетъ чудо-юда, мосальская губа: змѣй шестиглавой; свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Конь бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ-подъ ногъ ископыть по сѣнной копнѣ летитъ, изъ ушей и ноздрей дымъ валитъ. Чудо-юда сѣлъ на него и поѣхалъ на калиновой мостъ; конь подъ нимъ спотыкается. «Что ты, воронье мясо, спотыкаешься: друга слышишь, али недруга!» Отвѣчаетъ доброй конь: «Есть намъ недругъ — Буря-богатырь-коровій сынъ». — «Врёшь, воронье мясо! его костей сюда ворона въ пузырѣ не занашивала, не только ему самому быть». — «Ахъ ты, чудо-юда, — отозвался Буря-богатырь коровій сынъ: ворона костей моихъ не занашивала, — я самъ здѣсь погуливаю». Змѣй его спрашиваетъ: «Зачѣмъ ты пріѣхалъ? сватать моихъ сестеръ, али дочерей?» — «Нѣтъ, братъ! въ полѣ съѣзжаться, родней не считаться; давай воевать». Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся — три головы ему снёсъ; въ другой разъ остальныя снёсъ. Взялъ туловище, разсѣкъ да и въ море бросилъ, го́ловы подъ калиновой мостъ спряталъ, а коня привязалъ къ ногамъ дѣвкину сыну мечъ кладенецъ положилъ ему въ головы; самъ пошелъ въ избушку и легъ спать, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Иванъ-дѣвкинъ сынъ проснулся, увидѣлъ коня и очень обрадовался, сѣлъ на него и поѣхалъ къ избушкѣ и кричитъ: «Вотъ, Буря-богатырь, не велѣлъ мнѣ смотрѣть на кувшинчикъ, а я посмотрѣлъ, такъ Господь и коня мнѣ далъ!» Тотъ отвѣчаетъ: «Тебѣ далъ, а намъ еще посулилъ!» На другую ночь доставалось Ивану-царевичу караулить. Буря-богатырь и ему тоже сказалъ о кувшинчикѣ. Царевичъ сталъ по мосту похаживать, тросточкой постукивать — выскочилъ кувшинчикъ и началъ передъ нимъ плясать; онъ на него засмотрѣлся и заснулъ

крѣпкимъ сномъ. А Буря-богатырь, не надѣясь на брата, самъ пошелъ; пò мосту похаживаетъ, тросточкой постукиваетъ — выскочилъ кувшинчикъ, такъ и пляшетъ. Буря-богатырь наплевалъ-нахаркалъ на него и разбилъ вдрезбезги. Вдругъ утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лѣзетъ чудо-юда, мосальская губа; свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Конь бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ ушей и ноздрей дымъ столбомъ валитъ, изо рта огненное пламя пышетъ; сталъ передъ нимъ, какъ вкопаной. Сѣлъ на него чудо-юда, змѣй девятиглавой, поѣхалъ на калиновой мостъ; нà мостъ въѣзжаетъ, подъ нимъ конь спотыкается. Бьетъ его чудо-юда по крутымъ бедрамъ: «Что, воронье мясо, спотыкаешься — слышишь друга, али недруга?» — «Есть намъ недругъ, Буря-богатырь-коровій сынъ». — «Врёшь ты! его костей ворона въ пузырѣ не занашивала, не только ему самому быть!»—«Ахъ ты, чудо-юда, мосальская губа! — отозвался Буря-богатырь: самъ я здѣсь другой годъ разгуливаю». — «Что же, Буря-богатырь, на сестрахъ моихъ али на дочеряхъ сватаешься?» — «Въ полѣ съѣзжаться, не родней считаться; давай воевать!» Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся — три головы, какъ кочни, снёсъ; въ другой размахнулся — еще три головы снёсъ, а въ третій и остальныя срубилъ. Взялъ туловище, разсѣкъ да въ Черное море бросилъ, гóловы подъ калиновой мостъ запряталъ, коня привязалъ къ ногамъ Ивана-царевича, а мечъ-кладенецъ положилъ ему въ головы; самъ пошелъ въ избушку и легъ спать, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Утромъ Иванъ-царевичъ проснулся, увидѣлъ коня еще лучше перваго, обрадовался, ѣдетъ и кричитъ: «Эй,Буря-богатырь, не велѣлъ ты мнѣ смотрѣть на кувшинчикъ, а мнѣ Богъ коня далъ лучше перваго». Тотъ отвѣчаетъ: «Вамъ Богъ далъ, а мнѣ только посулилъ!» Подходитъ третья ночь, сбирается Буря-богатырь на караулъ; поставилъ столъ и свѣчку, воткнулъ въ стѣну ножикъ, повѣсилъ на него полотенце, далъ братьямъ колоду картъ и говоритъ: «Играйте, ребята, въ карты, да меня не забывайте; какъ станетъ свѣча догорать, а съ этого полотенца будетъ въ тарелкѣ кровь прибывать, то бѣгите скорѣе нà мостъ ко мнѣ на подмогу». Буря-богатырь пò мосту похаживаетъ, тросточкой постукиваетъ — выскочилъ кувшинчикъ, такъ и пляшетъ; онъ на него наплевалъ-нахаркалъ и разбилъ на мелкія части. Вдругъ утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лѣзетъ чудо-юда, мосальская губа: змѣй двѣнадцатиглавой; свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Конь бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ ушей и ноздрей дымъ столбомъ валитъ, изо рта огненное пламя пышетъ; прибѣжалъ и сталъ передъ нимъ, какъ вкопаной. Чудо-юда сѣлъ на него и поѣхалъ; въѣзжаетъ на мостъ, конь подъ

нимъ спотыкается. «Что ты, воронье мясо, спотыкаешься? или почуялъ недруга?» — «Есть намъ недругъ, Буря-богатырь-коровій сынъ».— «Молчи, его костей сюда ворона въ пузырѣ не занашивала!»—«Врёшь ты, чудо-юда, мосальская губа! я самъ здѣсь третій годъ погуливаю».— «Что же, Буря-богатырь, на моихъ сестрахъ али дочеряхъ хочешь жениться?» — «Въ полѣ съѣзжаться, родней не считаться; давай воевать».— «А, ты убилъ моихъ двухъ братьевъ, такъ думаешь и меня побѣдить!»— «Тамъ что Богъ дастъ! только послушай, чудо-юда, мосальская губа, ты съ конемъ, а я пѣшкомъ; уговоръ лучше всего: лежачаго не бить». Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся — и сразу снёсъ три головы; въ другой разошелся — змѣй его сшибъ. Богатырь кричитъ: «Стой, чудо-юда! уговоръ былъ: лежачаго не бить». Чудо-юда далъ ему справиться; тотъ всталъ — и сразу три головы полетѣли какъ кочни. Начали они биться; нѣсколько часовъ возились, оба изъ силъ выбились: у змѣя еще три головы пропали, у богатыря палица лопнула. Буря-богатырь коровій сынъ снялъ съ лѣвой ноги сапогъ, кинулъ въ избушку — половину ея долой снёсъ, а братья его спятъ, не слышутъ; снялъ съ правой ноги сапогъ, бросилъ — избушка по бревну раскатилася, а братья все не просыпаются. Буря-богатырь взялъ обломокъ палицы, пустилъ въ конюшню, гдѣ два жеребца стояли, и выломилъ изъ конюшни дверь; жеребцы прибѣжали на̀ мостъ и вышибли змѣя изъ сѣдла вонъ. Тутъ богатырь обрадовался, подбѣжалъ къ нему и отсѣкъ ему остальныя три головы; змѣиное туловище разсѣкъ да въ Черное море кинулъ, а го̀ловы подъ калиновой мостъ засунулъ. Послѣ взялъ трехъ жеребцовъ, свелъ въ конюшню, а самъ подъ калиновой мостъ спрятался, на мосту и кровь не подтёръ. Братья поутру проснулись, смотрятъ — избушка вся разсыпалась, тарелка полна крови; вошли въ конюшню — тамъ три жеребца; удивляются — куда дѣлся старшій братъ? Искали его трое сутокъ — не нашли и говорятъ промежъ себя: «Видно, они убили другъ друга, а тѣла ихъ пропали; поѣдемъ теперь домой!» Только-что́ коней осѣдлали, приготовились было ѣхать, Буря-богатырь проснулся и выходитъ изъ-подъ моста: «Что же вы, братцы, товарища своего покидаете? я васъ отъ смерти избавлялъ, а вы все спали и на по̀мочь ко мнѣ не приходили». Тутъ они пали передъ нимъ на колѣни: «Виноваты, Буря-богатырь, большой нашъ братъ!» — «Богъ васъ проститъ!» Пошепталъ онъ надъ избушкою: «Какъ прежде была, такъ и нынѣ будь!» Избушка явилась попрежнему — и съ кушаньемъ и съ напитками. «Вотъ, братцы, пообѣдайте, а то безъ меня, чай, замерли; а потомъ и поѣдемъ». Пообѣдали и поѣхали въ путь-въ дорожку; отъѣхавши версты двѣ, говоритъ Буря-богатырь-коровій сынъ: «Братцы! я забылъ въ избушкѣ плёточку: поѣзжайте шажкомъ, пока я за ней слетаю». Пріѣхалъ онъ къ избушкѣ, слѣзъ съ своего коня, пустилъ его въ заповѣдные луга; «Ступай, добрый конь, пока не спрошу тебя». Самъ оборотился мушкой, полетѣлъ

въ избушку и сѣлъ на печку. Немного погодя, пришла туда баба-яга и сѣла въ передній уголъ; приходитъ къ ней молодая невѣстка: «Ахъ, матушка! вашего сына, а моего мужа, погубилъ Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ. Да я отсмѣю ему эту насмѣшку: забѣгу впередъ и пущу ему день жаркой, а сама сдѣлаюсь зеленымъ лугомъ: въ этомъ зеленомъ лугу оборочусь я колодцемъ, въ этомъ колодцѣ станетъ плавать серебряная чарочка [1]); да еще оборочусь я тесовой кроваткою. Захотятъ братья лошадей покормить, сами отдохнуть и воды попить; тутъ-то и разорветъ ихъ по макову зёрнышку!» Говоритъ ей матка: «Такъ ихъ, злодѣевъ, и надобно!» Приходитъ вторая невѣстка: «Ахъ, матушка! вашего сына, а моего мужа, погубилъ Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ. Да я отсмѣю ему эту насмѣшку: забѣгу впередъ, оборочусь прекраснымъ садомъ, черезъ тынъ будутъ висѣть плоды разные — сочные, пахучіе! Захотятъ они сорвать — что̀ кому понравится; тутъ-то ихъ и разорветъ по макову зёрнышку!» Отвѣчаетъ ей матка: «И ты хорошо вздумала». Приходитъ третья меньшая невѣстка: «Ахъ, матушка! погубилъ Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ вашего сына, а моего мужа. Да я отсмѣю ему эту насмѣшку: оборочусь старой избушкою; захотятъ они обночевать въ ней, только взойдутъ въ избушку— тотчасъ и разорветъ ихъ по макову зёрнышку!» — «Ну, невѣстки мои любезныя! если вы ихъ не сгубите, то завтрашній день сама забѣгу наперёдъ, оборочусь свиньею и всѣхъ троихъ проглочу». Буря-богатырь, сидя на печѝ, выслушалъ эти рѣчи, вылетѣлъ на улицу; ударился о̀земь и сдѣлался опять мо̀лодцемъ; свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ, посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Конь бѣжитъ, земля дрожитъ. Буря-богатырь сѣлъ на него и поѣхалъ; навязалъ на палочку мочалочку, догоняетъ своихъ товарищей и говоритъ имъ: «Вотъ, братцы, безъ какой плёточки я жить не могу!» — «Эхъ, братъ, за какою дрянью ворочался! съѣхали бы въ городъ, купили бы новую». Вотъ ѣдутъ они степями, долинами; день такой жаркой, что̀ терпѣнья нѣтъ, — жажда измучила! Вотъ и зеленый лугъ, на лугу трава муравая, на травѣ кровать тесовая. «Братъ, Буря-богатырь! давай лошадей накормимъ на этой травкѣ и сами отдохнемъ на тесовой кроваткѣ; тутъ и колодезь есть — холодной водицы попьемъ». Буря-богатырь говоритъ своимъ братьямъ: «Колодезь стоитъ въ степяхъ и въ даляхъ; никто изъ него воды не беретъ-не пьетъ». Соскочилъ съ своего коня добраго, началъ этотъ колодезь сѣчь и рубить — только кровь брызжетъ; вдругъ сдѣлался день туманной, жара спала и пить не хочется. «Вотъ видите, братцы! какая вода настойчивая, словно кровь». Поѣхали они дальше. Долго ли, коротко ли — ѣдутъ мимо прекраснаго сада. Говоритъ Иванъ-царевичъ старшему брату: «Позволь намъ сорвать по яблочку». — «Эхъ,

[1]) *Вар.* ковшъ.

братцы! садъ стоитъ въ степяхъ-въ даляхъ; можетъ-быть, яблоки-то старинныя да гнилыя; коли съѣшь — еще хворь нападетъ. Вотъ я пойду, посмотрю наперёдъ!» Сошелъ онъ въ садъ и началъ сѣчь и рубить, перерубилъ всѣ деревья до единаго. Братья на него разсердились, что по-ихнему не дѣлаетъ. Ѣдутъ они путемъ-дорогою, пристигаетъ ихъ темная ночь; подъѣзжаютъ къ одной хижинѣ. «Братъ, Буря-богатырь! вишь дождикъ заходитъ, давай обночуемъ въ этой хижинѣ».— «Эхъ, братцы! лучше раскинемъ палатки и въ чистомъ полѣ обночуемъ, чѣмъ въ этой хижинѣ; эта хижина старая, взойдемъ въ нее — она насъ задавитъ; вотъ я сойду да посмотрю». Сошелъ онъ въ эту избушку и началъ рубить ее — только кровь прыщетъ! «Сами видите, какая это избушка — совсѣмъ гнилая! поѣдемте лучше вперёдъ». Братья ворчатъ про себя, а виду не подаютъ, что сердятся. Ѣдутъ дальше; вдругъ дорога расходится надвое. Буря-богатырь говоритъ: «Братцы! поѣдемте по лѣвой дорогѣ». Они говорятъ: «Поѣзжай — куда хочешь, а мы съ тобой не поѣдемъ». И поѣхали они вправо, а Буря-богатырь влѣво. Пріѣзжаетъ Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ въ деревню; въ этой деревнѣ двѣнадцать кузнецовъ работаютъ. Вотъ онъ кликнулъ-свистнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «Кузнецы, кузнецы! подите всѣ сюда». Кузнецы услыхали, всѣ двѣнадцать къ нему прибѣжали: «Что тебѣ угодно?» — «Обтягивайте кузницу желѣзнымъ листомъ». Они кузницу духомъ обтянули. «Куйте, кузнецы, двѣнадцать прутьевъ желѣзныхъ, да накаливайте клещи докрасна! Прибѣжитъ къ вамъ свинья и скажетъ: кузнецы, кузнецы! подайте мнѣ виноватаго; не подадите мнѣ виноватаго, я васъ всѣхъ и съ кузницей проглочу. А вы скажите: ахъ, матушка свинья! возьми отъ насъ этого дурака, онъ давно надоѣлъ намъ; только высунь языкъ въ кузницу, такъ мы его на языкъ тебѣ посадимъ». Только успѣлъ Буря-богатырь имъ приказъ отдать, вдругъ является къ нимъ свинья большущая и громко кричитъ: «Кузнецы, кузнецы! подайте мнѣ виноватаго». Кузнецы всѣ вразъ отвѣчали: «Матушка свинья! возьми ты отъ насъ этого дурака, онъ намъ давно надоѣлъ; только высунь языкъ въ кузницу, мы тебѣ на языкъ его и посадимъ». Свинья была проста, недогадлива, высунула языкъ на цѣлую сажень; Буря-богатырь схватилъ ее за языкъ горячими клещами и вскричалъ кузнецамъ: «Возьмите прутья желѣзные, катайте ее хорошенечко!» До тѣхъ поръ ее колотили, пока рёбра оголились. «А ну, сказалъ Буря-богатырь: возьмите-ка ее, подержите: дайте, я ее поподчую!» Схватилъ онъ желѣзной прутъ, какъ ударитъ ее — такъ всѣ рёбра пополамъ. Взмолилась ему свинья: «Буря-богатырь! пусти мою душеньку на покаяніе». Буря-богатырь говоритъ: «А зачѣмъ моихъ братьевъ проглотила?» — «Я твоихъ братьевъ сейчасъ отдамъ». Онъ схватилъ ее за уши; свинья харкнула — и выскочили оба брата и съ лошадьми. Тогда Буря-богатырь приподнялъ ее и со всего размаху ударилъ о сырую землю; свинья

разсыпалась аредомъ [1]). Говоритъ Буря-богатырь своимъ братьямъ: «Видите ли, глупцы, гдѣ вы были?» Они пали на колѣни: «Виноваты, Буря-богатырь коровій сынъ!» — «Ну, теперь поѣдемте во путь-во дороженьку; помѣхи намъ никакой не будетъ». Подъѣзжаютъ они къ одному царству — къ индѣйскому королю — и раскинули въ его заповѣдныхъ лугахъ палатки. Король поутру проснулся, поглядѣлъ въ подзорную трубу, увидалъ палатки и призываетъ къ себѣ перваго министра: «Поди, братецъ! возьми съ конюшни лошадь, поѣзжай въ заповѣдные луга и узнай: что тамъ за невѣжи пріѣхали, безъ моего позволенія палатки раскинули и огни разложили въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ?» Пріѣхалъ министръ и спрашиваетъ: «Что вы за люди, цари ли-царевичи, или короли-королевичи, или сильномогучіе богатыри?» Отвѣчаетъ Буря-богатырь коровій сынъ: «Мы сильно-могучіе богатыри, пріѣхали на королевской дочери свататься; доложи своему королю, чтобъ отдавалъ свою дочь за Ивана-царевича въ супружество; а коли не отдастъ дочери — чтобъ высылалъ войско». Спрашиваетъ король у своей дочери: пойдетъ ли она за Ивана-царевича? — «Нѣтъ, батюшка, я за него итти не хочу; высылайте войско». Сейчасъ въ трубы затрубили, въ тимпаны забили, войско скопилось и отправилось въ заповѣдные луга; столько вышало войска, что́ Иванъ-царевичъ и Иванъ-дѣвкинъ сынъ испугались. Въ то время Буря-богатырь коровій сынъ варилъ пустоварку къ завтраку и мѣшалъ поварёшкой [2]) эту кашицу; вышелъ, какъ махнулъ поварёшкою — такъ половину войска и положилъ; вернулся, помѣшалъ кашицу, вышелъ да махнулъ — и другую половину на мѣстѣ положилъ, только оставилъ одного кривого да другого слѣпого. «Доложите, говоритъ, королю, чтобы выдавалъ свою дочь, Марью-королевну, за Ивана-царевича замужъ; а не отдастъ, такъ войско бы высылалъ, да и самъ выѣзжалъ». Кривой и слѣпой приходятъ къ своему королю и говорятъ: «Государь, Буря-богатырь приказалъ тебѣ доложить, чтобы ты отдавалъ свою дочь за Ивана-царевича въ замужество; а самъ-то онъ больно сердитъ былъ, всѣхъ насъ поварёшкою перебилъ». Приступалъ король къ своей дочери: «Дочь моя любезная ступай за Ивана-царевича замужъ». Дочь ему отвѣчаетъ: «Дѣлать нечего, надо будетъ итти за него. Прикажи, батюшка, за нимъ карету послать». Король тотчасъ карету послалъ, а самъ у воротъ стоитъ, дожидается. Иванъ-царевичъ пріѣхалъ съ обоими братьями; король принялъ ихъ съ музыкой, съ барабаннымъ боемъ, учтиво и ласково, посадилъ за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣствы сахарныя.

---

[1]) Аредъ—нечистой духъ, колдунъ. Въ другомъ спискѣ: свинья глотаетъ коня Ивана-коровьина сына; онъ, съ помощію кузнецовъ, хватаетъ ее за языкъ раскаленными клещами, запрягаетъ въ соху и начинаетъ пахать землю. Свинья провела борозду до самаго моря и бросилась пить воду пила-пила, пока лопнула. Кузнецы сковали Ивану-коровьину сыну желѣзнаго коня, на которомъ онъ и поѣхалъ дальше. [2]) Уполовникъ.

за питья медвяныя. Тутъ Буря-богатырь шепнулъ Ивану-царевичу: «Смотри, Иванъ-царевичъ, королевна подойдетъ и спросится у тебя: позволь мнѣ уйти на одинъ часокъ! а ты скажи: ступай хоть на два!» Посидѣвши нѣсколько времени, подходитъ королевна къ Ивану-царевичу и говоритъ: «Позволь мнѣ, Иванъ-царевичъ, выйти въ другую горницу — переодѣться». Иванъ-царевичъ отпустилъ ее; она вышла изъ комнатъ вонъ, а Буря-богатырь за ней взади тихимъ шагомъ идетъ. Королевна ударилась о крыльцо, оборотилась голубкою и полетѣла на̀ море. Буря-богатырь ударился о̀земь, оборотился соколомъ и полетѣлъ за ней слѣдомъ. Королевна прилетѣла на̀ море, ударилась о̀земь, оборотилась красной дѣвицей и говоритъ: «Дѣдушка-дѣдушка, золотая головушка, серебряная бородушка! поговоримъ-ка съ тобою». Дѣдушка высунулся изъ синя-моря: «Что тебѣ, внученька, надобно?» — «Сватается за меня Иванъ-царевичъ; не хотѣлось бы мнѣ за него замужъ итти, да все наше войско побито. Дай мнѣ, дѣдушка, съ твоей головы три волоска, такъ я покажу Ивану-царевичу: узнай де, Иванъ-царевичъ, съ какого корешка эта травка?» Дѣдушка далъ ей три волоска; она ударилась о̀земь, оборотилась голубкой и полетѣла домой; а Буря-богатырь ударился о̀земь, оборотился такой же дѣвицей и говоритъ: «Дѣдушка-дѣдушка! выйди еще, поговори со мною: позабыла тебѣ словечко сказать». Только дѣдушка высунулъ изъ воды свою голову, Буря-богатырь схватилъ и сорвалъ ему голову, ударился о̀земь, оборотился орломъ и прилетѣлъ во дворецъ скорѣй королевны. Вызываетъ Ивана-царевича въ сѣни: «На̀ тебѣ, Иванъ-царевичъ, эту голову; подойдетъ къ тебѣ королевна, покажетъ три волоса: узнай де, Иванъ-царевичъ, съ какого корешка эта травка? Ты и покажь ей голову». Вотъ подходитъ королевна, показываетъ Ивану-царевичу три волоса: «Угадай, царевичъ, съ какого корешка эта травка? Если узнаешь, то пойду за тебя замужъ, а не узнаешь — не прогнѣвайся!» А Иванъ-царевичъ вынулъ изъ-подъ полы голову, ударилъ объ столъ: «Вотъ тебѣ и корень!» Королевна сама про себя подумала: «Хороши молодцы!» Просится: «Позволь, Иванъ-царевичъ, пойти переодѣться въ другой горницѣ». Иванъ-царевичъ ее отпустилъ; она вышла на крыльцо, ударилась о̀земь, оборотилась голубкою и опять полетѣла на̀ море. Буря-богатырь взялъ у царевича голову, вышелъ на дворъ, ударилъ эту голову объ крыльцо и говоритъ: «Гдѣ прежде была, тамъ и будь!» Голова полетѣла, прежде королевны на мѣсто поспѣла и срослась съ туловищемъ. Королевна остановилась у моря, ударилась о̀земь, оборотилась красной дѣвицей: «Дѣдушка-дѣдушка! выйди, поговори со мною». Тотъ вылѣзаетъ: «Что, внученька, тебѣ надобно?» — «Никакъ твоя голова тамъ была?» — «Не знаю, внученька! никакъ я крѣпко спалъ». — «Нѣтъ, дѣдушка, твоя голова была тамъ». — «Знать, какъ была ты въ послѣдній разъ, да хотѣла мнѣ словечко молвить, втѣпоры, видно, мнѣ и сорвали голову». Ударилась она о̀земь, оборотилась го-

лубкою и полетѣла домой; переодѣлась въ другое платье, пришла и сѣла съ Иваномъ-царевичемъ рядомъ. На другой день поѣхали они къ вѣнцу законъ принять; какъ скоро отъ вѣнца пріѣхали, Буря-богатырь повелъ Ивана-царевича показывать — гдѣ ему спальня приготовлена, подаетъ ему три прута: одинъ желѣзный, другой мѣдной, а третій оловянный, и говоритъ: «Коли хочешь быть живъ, позволь мнѣ лечь съ королевною на твое мѣсто». Царевичъ согласился. Повелъ король молодыхъ въ постель укладывать. Въ то время Буря-богатырь-коровій сынъ смѣнилъ царевича, и какъ лёгъ, такъ и захрапѣлъ; наложила королевна на него ногу, наложила и другую, потомъ взгребла подушку и начала его душить. Буря-богатырь выскочилъ изъ-подъ нея, взялъ желѣзной прутъ и началъ ее бить, до тѣхъ поръ билъ, пока весь прутъ изломалъ; потомъ принялся за мѣдной и тотъ весь изломалъ; послѣ мѣднаго началъ бить оловяннымъ. Замолилась королевна, великими клятвами заклялась, что не станетъ эдакихъ дѣлъ дѣлать. Поутру всталъ Буря-богатырь, пошелъ къ Ивану-царевичу: «Ну, братъ, ступай посмотри, какъ твоя жена у меня выучена; которые были приготовлены три прута, всѣ объ нее изломалъ. Теперь живите благополучно, любите другъ друга и меня не забывайте» [1]).

(Записана въ Оренбургской губ.).

Примѣчаніе. Эпическое преданіе, послужившее темою настоящей сказки, повторяется во многихъ разнообразныхъ варіаціяхъ; сличи сказки объ Иванѣ Попяловѣ (№ 75), Иванѣ Быковичѣ (№ 77), Иванѣ Сученко и Бѣломъ Полянинѣ (№ 79) и другія (№ 78, въ изд. Эрлен-

---

[1]) Въ другомъ спискѣ сказка оканчивается такъ: Поутру всталъ Буря-богатырь и говоритъ царевичу: «Теперь ничего не бойся! твоя жена выучена. Только смотри, какъ пойдешь съ ней въ баню париться, не моги ахать!» Пришло время, пошелъ Иванъ-царевичъ съ королевною въ баню; глянулъ онъ на ея тѣло бѣлое, такъ и ахнулъ: «Ахъ, какіе рубцы значатся!» — А, думаетъ королевна, такъ это не ты меня билъ, а твой братъ, Буря-богатырь». Съ той поры стала она приставать къ царевичу: «Отруби своему старшему брату ноги: вѣдь онъ надо мной насмѣялся!» Иванъ-царевичъ отрубилъ ему сонному ноги. Буря-богатырь взяль свои отрубленныя ноги, выбрался ползкомъ въ чистое поле, натянулъ тугой лукъ, пустилъ калену стрѣлу и убилъ своего коня; выпотрошилъ, залѣзъ въ лошадиное брюхо и сидитъ-дожидается. Прилетѣлъ воронъ съ воронятами и спустился падали поклевать. Буря-богатырь хвать — и поймалъ воронёнка. «Отдай, богатырь, мое дѣтище!» кричитъ воронъ. «Принеси мнѣ живой и мертвой воды, тогда отдамъ».— «Хорошо, отвѣчаетъ воронъ: только привяжи мнѣ на хвостъ два пузырёчка». Скоро слеталъ воронъ и принесъ живой и мертвой воды. Буря-богатырь выпустилъ воронёнка, брызнулъ тою водой себѣ на ноги — и хоть сейчасъ бѣжать готовъ; брызнулъ на коня — и конь ожилъ. Воротился домой, а Иванъ-царевичъ свиней пасетъ: такъ ему жена присудила. Какъ увидѣла королевна, что Буря-богатырь коровій сынъ опять съ ногами сталъ, тотчасъ повинилася. Съ того времени жила она съ Иваномъ-царевичемъ въ любви и совѣтѣ, никакого дурна не дѣлала.

вейна, № 3 и 19; у Худяк., II, № 45 и 46, Рудченко, № 23; Lud Ukrain., I, стр. 254 — 277; Narodne prip. Валявца, стр. 120 — 7; Ганъ, II, 22). Прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе чудесная рыба, дающая бытіе сказочнымъ богатырямъ. У царицы не было дѣтей; чтобы удовлетворить ея сердечному желанію имѣть сына, закидываютъ въ море шелковый неводъ, связанный малолѣтними дѣвочками, и ловятъ чудесную рыбу, которой въ нѣкоторыхъ спискахъ присвоивается эпитетъ *золотой*. Рыба приготовлена на кухнѣ и съѣдена царицею; остатки обгладываетъ кухарка, а помои вышиваетъ корова (иногда: быкъ, кобыла и собака), и отъ того самаго понесли онѣ плодъ и въ одно время родили трехъ сыновей: Ивана-царевича, Ивана-кухаркина сына и Ивана-коровьина сына. Выросли три мо́лодца и стали могучіе богатыри; но всѣхъ сильнѣе, всѣхъ отважнѣе послѣдній. Эта чудная рыба, надѣляющая плодородіемъ, напоминаетъ собою сказочную щуку, во имя которой Емеля-дурачокъ можетъ творить все, что̀ ему ни пожелается. Въ любопытномъ варіантѣ сказки объ Емелѣ (№ 101) царевна тотчасъ забеременѣла, какъ скоро выражено было подобное желаніе, скрѣпленное словами: «по щучьему велѣнью». Золотая рыбка замѣняется иногда плавающей въ водѣ *золотою головою;* а въ сказкѣ про «Надзея-попова внука» богатырь зарождается отъ *пепла сгорѣвшей головы*, съѣденнаго неосторожной дѣвицей (№ 82; сличи съ преданіемъ о рожденіи Семена Безбатченка Палія — въ «Основѣ» 1861 г., XII, з' народ. устъ, стр. 29 — 30; Срп. рјечник, стр. 808). Здѣсь очевидна миѳическая основа, объясненіе которой см. къ Поэт. Воззр., I, стр. 533. Сказочные богатыри, изумляющіе насъ громадными силами и чрезвычайными размѣрами, воплощаютъ въ своихъ человѣческихъ образахъ грозныя явленія природы; оттого они и растутъ не по днямъ не по часамъ, а по минутамъ, такъ же быстро, какъ быстро надвигаются на небо громовыя тучи и вздымаются вихри. Именно таковъ богатырь Иванъ-коровинъ или кобылинъ сынъ (См. Поэт. Воззр. II, стр. 534). Побѣдивши змѣевъ, Иванъ-коровинъ сынъ долженъ былъ бороться съ ихъ матерью, еще болѣе страшною змѣихою, которая разинула на него пасть свою отъ земли до неба и «jakby chmara jaka zasłonila słońce» (Lud Ukraiński, I, стр. 267); иногда эта змѣиха преслѣдуетъ богатыря въ видѣ огромной прожорливой свиньи. Богатырь спасается отъ нея бѣгствомъ на кузницу, и тамъ «нечистая» свинья, будучи схвачена за языкъ горячими клещами, погибаетъ подъ кузнечными мо́лотами; или, по другому сказанію, запряженная въ соху она вышиваетъ цѣлое море и лопается [1]). Какъ естественный результатъ пораженія змѣевъ или, прямѣе, разгрома темныхъ тучъ, является скрывавшійся за ними

[1]) Въ одномъ варіантѣ пріѣхали три богатыря верхами къ морю. Стали скакать на другую сторону; двое пали посерёдъ моря и начали тонуть, появился змѣй и проглотилъ витязей; а третій Буръ-храбёръ, кобылинъ

благотворный свѣтъ солнца. Такое появленіе сіяющаго солнца народный эпосъ представляетъ освобожденіемъ изъ-подъ власти чудовищныхъ змѣевъ похищенной ими красавицы; въ сказкѣ же объ Иванѣ Пòпяловѣ, любопытной по свѣжести и яркости передаваемаго ею древняго миѳа, прямо повѣствуется: въ томъ государствѣ, гдѣ жилъ Иванъ Пòпяловъ, не было дня, а царствовала вѣчная ночь, и сдѣлалъ это проклятой змѣй; вотъ и вызвался богатырь истребить змѣя, взялъ боевую палицу въ пятнадцать пудовъ и послѣ долгой борьбы убилъ его дò смерти, пòднялъ змѣиную голову, разломалъ ее — и въ ту же минуту по всей землѣ сталъ бѣлый свѣтъ, т.-е. изъ-за разбитой тучи явилось красное солнце. Чтобы нагляднѣе показать, что именно таковъ смыслъ разбираемыхъ нами преданій, мы приведемъ превосходную словацкую сказку «Slncovi kuoň (солнцевъ конь), напечатанную въ изданіи Slovénske pohadky a povesti, od B. Némcové, стр. 215 — 229 (см. также Slovanská čitanka, стр. 58 — 63; Westslaw. Märchenschatz, стр. 181 — 190). Сказка эта развиваетъ ту же самую тему, что́ и наши русскія объ Иванѣ Пòпяловѣ и Иванѣ-коровьемъ сынѣ, и весьма близка къ нимъ своими подробностями. Была нѣкогда страна, печальная какъ могила, темная какъ ночь, потому что въ ней никогда не свѣтило Божье солнце. Люди давно бы оттуда разбѣжались, покинувъ ее со вамъ и летучимъ мышамъ, если бы не владѣлъ, по счастью, король конемъ съ солнцемъ во лбу, которое разсыпало свѣтлые лучи во всѣ стороны. Король приказалъ водить этого солнцева коня по своему государству отъ одного края до другого, и тамъ, гдѣ вели коня, отъ него разливался такой свѣтъ, какъ будто бы стоялъ прекрасный день, а тамъ, откуда онъ удалялся, все погружалось въ густой мракъ. Вдругъ солнцевъ конь исчезъ; тьма — ужаснѣе самой ночи — облегла печальную страну; ужасъ и отчаяніе напали на жителей. Король собралъ войско и отправился искать своего коня съ солнцемъ во лбу. Выступя за границу своего королевства, онъ попалъ въ непроходимые, дремучіе лѣса. Тамъ въ бѣдной хижинѣ обрѣлъ онъ вѣщаго мужа (veštec), который и заступаетъ въ словацкой сказкѣ мѣсто русскаго богатыря Ивана Пòпялова. Вѣщій мужъ отсылаетъ короля съ войскомъ назадъ и берется самъ найти ему и возвратить похищеннаго коня. На другой же день отправился онъ съ слугою на розыски, и вотъ прибыли они въ нѣкое государство, въ которомъ царствовало трое братьевъ-королей, женатыхъ на трехъ родныхъ сестрахъ, дочеряхъ злой стриги (stryga, чешск. striha, польск. strzyga — колдунья). Короли эти играютъ здѣсь ту же роль, какую въ нашихъ сказкахъ змѣи. Остановясь у дворца,

---

сынъ, перескочилъ черезъ морскую пучину — его добрый конь все море хвостомъ застлалъ. Змѣй полетѣлъ за нимъ въ погоню; богатырь пріѣхалъ въ кузницу, взялъ *балду* (молотъ) и давай бить змѣя: «харкай, говоритъ моихъ братьевъ!»

вѣдунъ сказалъ своему слугѣ: «Подожди меня тутъ: я пойду въ палаты развѣдать — дома ли короли? Вѣдь они-то и похитили солнцева коня, и младшій всегда на немъ ѣздитъ». Въ одно мгновеніе оборотился онъ зеленою птичкою, полетѣлъ къ свѣтлицѣ старшей королевы, началъ порхать вокругъ и стучаться клювомъ такъ неотступно, что она впустила его въ комнату. Королева обрадовалась какъ дитя, потому что птичка была красивая и нѣжно ласкалась къ ней. «Ахъ, жаль, что моего мужа нѣтъ дома! птичка навѣрно бъ ему понравилась. Онъ поѣхалъ осмотрѣть третью часть государства и воротится только къ вечеру». Такъ говорила королева, играя съ маленькой пташкою. Вдругъ вошла въ комнату старая стрига, увидала птичку и вскрикнула: «Задуши ее, проклятую, или она тебя окровавитъ!» — «Окровавитъ? О, погляди, какъ она мила и невинна!» возразила дочь. «Обманчивая невинность! Давай, я ее задушу!» сказала колдунья и кинулась было за птичкою. Но птичка превратилась въ человѣка, и вслѣдъ затѣмъ онъ бросился въ двери и скрылся. Точно такъ же, оборачиваясь птичкою, посѣтилъ вѣдунъ и двухъ другихъ королевенъ и узналъ о времени, въ которое должны были воротиться ихъ мужья. Потомъ вмѣстѣ съ слугою засѣлъ онъ подъ мостъ и сталъ поджидать королей. Въ первый день онъ убилъ старшаго брата, на другой день — средняго, а на третій увидѣлъ, что подъѣзжаетъ къ мосту, сидя на солнцевомъ конѣ, меньшой братъ: это былъ самый могучій и сильный изъ трехъ королей. Оружіемъ не могъ одолѣть его вѣдунъ: мечи ихъ поломались въ битвѣ. «Обернемся лучше мы колесами,—предложилъ онъ королю,— и покатимся съ горы: чье колесо будетъ разбито, тотъ и побѣжденъ!» Обратились оба колесами и покатились съ горы. Колесо вѣдуна налетѣло на своего противника и раздробило его; но тотъ, перекинувшись мо́лодцемъ, заявилъ, что вѣдунъ разможжилъ ему только пальцы, а не побѣдилъ. Съ своей стороны онъ предложилъ оборотиться въ бѣлое и красное пламя: чье пламя осилитъ другое, тотъ и побѣдитъ. Король оборотился бѣлымъ пламенемъ, а вѣдунъ — краснымъ. Долго они палили другъ друга, и никоторой не могъ одолѣть противника. На ту пору шелъ мимо старый нищій съ длинною бѣлою бородою. «Старикъ!— воскликнуло бѣлое пламя,—принеси воды и залей красное пламя: я тебѣ подарю грошъ». А красное пламя перебило: «Старикъ! я тебѣ дамъ червонецъ, только залей бѣлое пламя». Нищій, конечно, принялъ сторону послѣдняго; вѣдунъ побѣдилъ и овладѣлъ солнцевымъ конемъ (см. Поэт. Воззр., I, стр. 207 — 9). Стрига, узнавъ о смерти трехъ королей, сѣла на кочергу, ухватила по́дъ руки своихъ дочерей, поднялась на воздухъ и полетѣла мстить за обиду. Одна изъ дочерей ея превратилась яблоней, другая — источникомъ, а третья розовымъ кустомъ; вѣдунъ рубитъ ихъ мечомъ, и вслѣдъ за ударами его — изъ яблони, источника и розоваго куста брызжетъ алая кровь. Наконецъ послѣ разныхъ приключеній, онъ доставилъ солнцева коня въ печаль-

ную страну мрака, и тогда въ ней всѣ ожило, и поля зазеленѣли въ весеннемъ убранствѣ. Нѣмецкая сказка, напечатанная въ сборникѣ Гальтриха (№ 20), также упоминаетъ о бѣломъ солнечномъ конѣ (weisses Sonnenross), у котораго, подобно Одинову Слейпниру, восемь ногъ. Этотъ конь бѣгаетъ съ быстротою вѣтра, прыгая съ одной горы на другую; въ чело его вставляется камень, блестящій какъ самое солнце (Karfunkel), и если это будетъ сдѣлано ночью, то темная ночь обращается въ свѣтлый день.

О древнѣйшемъ представленіи солнца конемъ см. Поэт. Воззр., I, гл. 5. Сходно съ словацкою сказкою о солнцевомъ конѣ, русская про Ивана Быковича (№№ 77 и 78) заставляетъ этого богатыря отбивать у змѣя коня о двѣнадцати крыльяхъ, съ серебряной шерстью, съ золотою гривою и такимъ же хвостомъ (или коня, во лбу котораго свѣтѣлъ мѣсяцъ, а по бокамъ часты звѣзды). Другая русская сказка (№ 94) упоминаетъ о кобылицѣ, которая *каждый день облетаетъ вокругъ свѣта.*

Подвиги русскаго богатыря не всегда оканчиваются избіеніемъ змѣевъ. Въ спискѣ, напечатанномъ подъ № 77, Иванъ Быковичъ не осиливаетъ змѣиной матери: она схватываетъ его за̀ руку и увлекаетъ съ собой въ мрачныя подземелья къ своему старому, но могучему мужу, съ огромными бровями и длинными рѣсницами. Брови и рѣсницы у чуднаго старика такъ заросли, что совсѣмъ затемнили его зрѣніе; чтобы онъ могъ посмотрѣть на плѣнника, является нѣсколько силачей и желѣзными вилами поднимаютъ ему густыя брови и рѣсницы (сличи № 128, b). Этотъ эпизодъ напоминаетъ намъ малороссійское преданіе о миѳическомъ существѣ *віи*, котораго вѣки опускаются до самой земли [1]); если поднять ему вѣки вилами, то вій взглядомъ своимъ сожигаетъ все, на что̀ ни посмотритъ (см. Поэт. Воз., I, стр. 171 и 550). Грозный старикъ съ огромными бровями и рѣсницами посылаетъ богатыря добыть ему царицу-золотыя кудри, и затѣмъ дальнѣйшій разсказъ уже сближается съ содержаніемъ другой сказки (см. № 83; точно такъ же окончаніе сказки № 76 сближается съ напечатанною подъ № 133).

Остановимся еще на одномъ любопытномъ повѣрьѣ, занесенномъ во многія произведенія народнаго эпоса. Отправляясь на битву, богатырь втыкаетъ въ стѣну ножъ (или вѣшаетъ полотенце, иногда рукавицу) и ставитъ подъ нимъ миску: если закапаетъ съ ножа (или полотенца) кровь и наполнитъ миску, значитъ — ему угрожаетъ смертная опасность въ бою (см. примѣч. къ сказкѣ № 93 и сказки подъ №№ 92 и 160; сборн. Валявца, стр. 33; Grimm, Kinder-und Hausmärch., I, стр. 364; Памятн. стар. рус. лит., I, стр. 125). Въ сказкѣ объ Иванѣ Пономаревичѣ (Памятн. ст. рус. лит., II, стр. 319 — 321) герой этотъ,

[1]) Слово *віи* значитъ: рѣсницы (Основа, 1861 г., іюнь).

уѣзжая воевать съ турками, говоритъ своему отцу: «Ѣду я на моемъ добромъ конѣ, а другой богатырскій конь пусть на конюшнѣ стоитъ, и если меня убьютъ — тотъ конь очутится въ крови по колѣна». Въ другой сказкѣ (№ 165, а) добрый конь, чуя бѣду своему молодому хозяину, стоитъ въ крови (или въ слезахъ) по щиколки. То же вѣщее значеніе приписывается серебрянымъ и золотымъ вещамъ, нарочно оставленнымъ при отъѣздѣ: когда эти металлы потускнѣютъ, то — вѣрный знакъ, что богатырь померъ (№ 94).

77. Иванъ Быковичъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; дѣтей у нихъ не было. Стали они Бога молить, чтобъ создалъ имъ дѣтище во младости на поглядѣніе, а подъ старость на прокормленіе; помолились, легли спать и уснули крѣпкимъ сномъ. Во снѣ имъ привидѣлось, что недалёко отъ дворца есть тихой прудъ, въ томъ прудѣ златопёрой ёршъ [1]) плаваетъ; коли царица его скушаетъ, сейчасъ можетъ забеременѣть. Просыпались царь съ царицею, кликали къ себѣ мамокъ и нянекъ, стали имъ разсказывать свой сонъ. Мамки и нянки такъ разсудили: что́ во снѣ привидѣлось, то и на яву можетъ случиться. Царь призвалъ рыбаковъ и строго наказалъ поймать ерша златопёраго. На зарѣ пришли рыбаки на тихой прудъ, закинули сѣти, и, на ихъ счастье, съ первою жъ тонею попался златопёрой ёршъ. Вынули его, принесли во дворецъ; какъ увидала царица, не могла на мѣстѣ усидѣть, скоро къ рыбакамъ подбѣгала, за́ руки хватала, большой казной награждала; послѣ позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златопёраго съ рукъ на́ руки: «На́, приготовь къ обѣду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся». Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на дворъ выставила; по́ двору ходила корова [2]), тѣ помои выпила; рыбку съѣла царица, а посуду кухарка подлизала. И вотъ разомъ забрюхатѣли: и царица, и ея любимая кухарка, и корова, и разрѣшились всѣ въ одно время тремя сыновьями; у царицы родился Иванъ-царевичъ, у кухарки — Иванъ-кухаркинъ сынъ, у коровы Иванъ Быковичъ [3]). Стали ребятки расти не по днямъ, а по

---

[1]) *Вар.* карась, окунь.

[2]) *Вар.* кобыла; отъ нея родится Иванъ-кобылинъ сынъ.

[3]) *Варіантъ 1-й:* Не было у царя дѣтей; вздумалъ онъ черезъ болота-трясины непроходимыя мостъ построить, созвалъ мастеровыхъ и приказалъ дѣлать мостъ съ бесѣдками. Какъ скоро готовъ былъ мостъ, посылаетъ царь своего слугу: «Поди, сядь по́дъ мостомъ да людскихъ рѣчей послушай». Сидитъ слуга по́дъ мостомъ, идутъ двое нищихъ. Одинъ и говоритъ: «Спасибо нашему царю, что мостъ построилъ и бесѣдки подѣлалъ: есть гдѣ отдохнуть странникуˮ. А другой говоритъ: «Надо ему пожелать наслѣдника. Если бъ онъ догадался да велѣлъ за́ ночь, пока пѣтухи не споютъ, шелковой бредень

часамъ; какъ хорошее тѣсто на опарѣ поднимается, такъ и они вверхъ тянутся. Всѣ три мо̀лодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто изъ нихъ дитя царское, кто — кухаркино, и кто отъ коровы народился. Только по тому и различали ихъ: какъ воротятся съ гулянья, Иванъ-царевичъ проситъ бѣлье перемѣнить, кухаркинъ сынъ норовитъ съѣсть что-нибудь, а Иванъ Быковичъ прямо на отдыхъ ложится. По десятому году пришли они къ царю и говорятъ: «Любезный нашъ батюшка! сдѣлай намъ желѣзную палку въ пятьдесятъ пудовъ». Царь приказалъ своимъ кузнецамъ сковать желѣзную палку въ пятьдесятъ пудовъ; тѣ принялись за работу и въ недѣлю сдѣлали. Никто палки за одинъ край приподнять не можетъ, а Иванъ-царевичъ, да Иванъ-кухаркинъ сынъ, да Иванъ Быковичъ между пальцами ее повертываютъ, словно перо гусиное. Вышли они на широкій царской дворъ. «Ну, братцы!—говоритъ Иванъ-царевичъ,—давайте силу пробовать: кому быть бо̀льшимъ братомъ». — «Ладно, — отвѣчалъ Иванъ Быковичъ,—бери палку и бей насъ по плечамъ». Иванъ-царевичъ взялъ желѣзную палку, ударилъ Ивана-кухаркина сына да Ивана Быковича по плечамъ и вбилъ того и другого по колѣна въ землю. Иванъ-ку-

---

связать да тѣмъ бреднемъ золотую рыбку въ морѣ изловилъ; царица покушала бъ золотой рыбки и родила бъ ему сына». Слуга побѣжалъ къ царю и разсказалъ, что̀ слышалъ. Царь приказалъ за̀ ночь до первыхъ пѣтуховъ связать шелковой бредень и съ тѣмъ бреднемъ послалъ рыбаковъ на̀ море. Рыбаки разъ бредень закинули — ничего не вытащили, въ другой закинули— опять ничего, а за третьимъ разомъ попалась имъ золотая рыбка; взяли ее и отнесли къ царю.

Варіантъ 2-й: Жилъ былъ царь, у него была дочь. Разъ какъ-то поѣхалъ онъ на охоту за краснымъ звѣремъ и перелетными птицами, подъѣзжаетъ къ одному озеру, глядь — плаваетъ въ озерѣ золотая голова. Говоритъ царь: «Кто поймаетъ мнѣ эту голову, того щедро буду жаловать». Бросились охотники въ воду, плавали-плавали — никто не поймалъ золотую голову, а поймалъ ее самой послѣдній псарь. Царь обрадовался, привезъ волотую голову, никому про нее не сказалъ и поставилъ въ своей комнатѣ. Черезъ нѣсколько времени собрался онъ опять на охоту, отдаетъ ключи своей дочери: «Вездѣ ходи, только въ мою спальню не заглядывай!» Вотъ царевна пошла съ своей нянькою по дворцу гулять, не утерпѣла и зашла въ отцовскую комнату; увидала тутъ золотую голову: «Что за диво! посмотри-ка, нянька». Съ того самаго часу и царевна и нянька обѣ сдѣлались беременны. Воротился король, видитъ, что дочь тяжела, и сталъ ее допрашивать: «Говори, съ кѣмъ живешь?»—«Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, отчего это приключилося. Зашли мы съ нянькой въ твою комнату, увидали тамъ золотую голову, и съ того часу обѣ сдѣлались беременны». — «Хорошо, — говоритъ царь, — если вы обѣ въ одинъ день, въ одинъ часъ разрѣшитесь— правда твоя; а если да въ разные часы, тотчасъ твою голову срублю». Пришло время рожать, и царевна и нянька въ одинъ день, въ одинъ часъ, въ одну минуту родили себѣ по сыну и нарекли ихъ однимъ именемъ: Иванъ-царевичъ, да Иванъ-нянькинъ сынъ. (Послѣдній въ дальнѣйшемъ разсказѣ исполняетъ тѣ же подвиги, какіе въ другихъ спискахъ приписывается Ивану-коровину или кобылину сыну).

харкинъ сынъ ударилъ — вбилъ Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь въ землю; а Иванъ Быковичъ ударилъ — вбилъ обоихъ братьевъ по самую шею. «Давайте,—говоритъ царевичъ, — еще силу попытаемъ: станемъ бросать желѣзную палку кверху; кто выше заброситъ — тотъ будетъ бо́льшій братъ». — «Ну что жъ, бросай ты!» Иванъ-царевичъ бросилъ — палка черезъ четверть часа назадъ упала; Иванъ-кухаркинъ сынъ бросилъ — палка черезъ полчаса упала, а Иванъ Быковичъ бросилъ — только черезъ часъ воротилась. «Ну, Иванъ Быковичъ! будь ты большой братъ». Послѣ того пошли они гулять по́ саду и нашли громадной камень. «Ишь, какой камень! Нельзя ль его съ мѣста сдвинуть?» сказалъ Иванъ-царевичъ, уперся въ него руками, возился-возился — нѣтъ, не беретъ сила; попробовалъ Иванъ-кухаркинъ сынъ — камень чуть-чуть подвинулся. Говоритъ имъ Иванъ Быковичъ: «Мелко же вы плаваете! постойте, я попробую». Подошелъ къ камню, да какъ двинетъ его ногою — камень ажно загудѣлъ, покатился на другую сторону сада и переломалъ много всякихъ деревьевъ. Подъ тѣмъ камнемъ подвалъ открылся, въ подвалѣ стоятъ три коня богатырскіе, по стѣнамъ виситъ збруя ратная: есть на чемъ добрымъ мо́лодцамъ разгуляться. Тотчасъ побѣжали они къ царю и стали проситься: «Государь-батюшка, благослови насъ въ чужія земли ѣхать, самимъ на людей посмотрѣть, себя въ людяхъ показать». Царь ихъ благословилъ, на дорогу казной наградилъ; они съ царемъ простились, сѣли на богатырскихъ коней и въ путь-дорогу пустились. Ѣхали по доламъ, по горамъ, по зеленымъ лугамъ и пріѣхали въ дремучій лѣсъ; въ томъ лѣсу стоитъ избушка на курячьихъ ножкахъ, на бараньихъ рожкахъ, когда надо — повертывается. «Избушка, избушка! повернись къ намъ передо́мъ, къ лѣсу задо́мъ: намъ въ тебя лѣзти, хлѣба-соли ѣсти». Избушка повернулась. Добрые мо́лодцы входятъ въ избушку — на печкѣ лежитъ баба-яга, костяная нога, изъ угла въ уголъ, носъ въ потолокъ. «Фу-фу-фу! прежде русскаго духу слыхомъ не слыхано, видомъ не видано; нынче русскій духъ на ложку садится, самъ въ ротъ катится» [1]). — «Эй, старуха! не бранись, слѣзь-ка съ печки да на лавочку садись. Спроси: куда ѣдемъ мы? я добренько скажу». Баба-яга слѣзла съ печки, подходила къ Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко: «Здравствуй,батюшка Иванъ Быковичъ! куда ѣдешь, куда путь держишь?» — «Ѣдемъ мы, бабушка, на́ рѣку Смородину, на калиновой мостъ; слышалъ я, что тамъ не одно чудо-юдо живетъ». — «Ай да, Ванюша! за дѣло хватился: вѣдь они, злодѣи, всѣхъ приполонили, всѣхъ разорили, ближнія царства шаромъ покатили». Братья переночевали у бабы-яги, поутру рано встали и отправились въ путь-дорогу. Пріѣз-

---

[1]) *Вар.* На печи лежитъ баба-яга, ноги раскорячила изъ угла въ уголъ, зубы на полку положила, а уши по землѣ волочатся. «Фу-фу!—говоритъ,— давно не случалось русскаго духу носомъ слышать, а теперь глазами вижу; только подумала: чего бы покушать, а тутъ само кушанье явилося!»

жаютъ къ рѣкѣ Смородинѣ; по всему берегу лежатъ кости человѣческія, — по колѣно будетъ навалено! Увидали они избушку, вошли въ нее — пустёхонька, и вздумали тутъ остановиться. Пришло дѣло къ вечеру; говоритъ Иванъ Быковичъ: «Братцы! мы заѣхали въ чужедальную сторону, надо жить намъ съ осторожкою: давайте по очереди на дозоръ ходить». Кинули жеребій — доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую — Ивану-кухаркину сыну, а третью— Ивану Быковичу. Отправился Иванъ-царевичъ на дозоръ, залѣзъ въ кусты и крѣпко заснулъ. Иванъ Быковичъ на него не понадѣялся: какъ пошло время за̀ полночь, онъ тотчасъ готовъ былъ, взялъ съ собой щитъ и мечъ, вышелъ и сталъ подъ калиновой мостъ. Вдругъ на рѣкѣ воды взволновалися, на дубахъ орлы закричали — выѣзжаетъ чудо-юдо шестиглавое [1]); подъ нимъ конь споткнулся, чорный воронъ на плечѣ встрепенулся, позади хортъ ощетинился. Говоритъ чудо-юдо шестиглавое: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься? ты, ворóнье перо, трепещешься? а ты, песья шерсть, ощетинилась? Аль вы думаете, что Иванъ Быковичъ здѣсь? Такъ онъ, добрый мо̀лодецъ, еще не родился, а коли родился — такъ на войну не згодился; я его на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокрéнько будетъ!» Выскочилъ Иванъ Быковичъ: «Не хвались, нечистая сила! не поймавъ ясна сокола, рано перья щипать; не отвѣдавъ добра мо̀лодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолѣетъ, тотъ и похвалится». Вотъ сошлись они — поровнялись, такъ жестоко ударились, что кругомъ земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось: Иванъ Быковичъ съ одного розмаху сшибъ ему три головы. «Стой, Иванъ Быковичъ! дай мнѣ роздыху». — «Что за роздыхъ! у тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вотъ какъ будетъ у тебя одна голова, тогда и отдыхать станемъ» [2]). Снова они сошлись, снова ударились; Иванъ Быковичъ отрубилъ чуду-юду и послѣднія головы, взялъ туловище, разсѣкъ на мелкія части и побросалъ въ рѣку Смородину, а шесть головъ подъ калиновой мостъ сложилъ. Самъ въ избушку вернулся. Поутру приходитъ Иванъ-царевичъ. «Ну, что, не видалъ ли чего?» — «Нѣтъ, братцы, мимо меня и муха не пролетала». На другую ночь отправился на дозоръ Иванъ-кухаркинъ сынъ, забрался въ кусты и заснулъ. Иванъ Быковичъ на него не понадѣялся: какъ пошло время за̀ полночь — онъ тотчасъ снарядился, взялъ съ собою щитъ и мечъ, вышелъ и сталъ подъ калиновой мостъ. Вдругъ на рѣкѣ воды взволновались, на дубахъ орлы раскричались — выѣзжаетъ чудо-юдо девятиглавое; подъ нимъ конь споткнулся, черный воронъ на плечѣ встрепенулся, позади хортъ ощетинился. Чудо-юдо коня по бедрамъ,

[1]) *Вар.* Вдругъ собаки залаяли, соловьи запѣли, чугунный мостъ загудѣлъ — выѣзжаетъ шестиглавой змѣй. [2]) *Вар.* «Стой, Иванъ Быковичъ! дай поправиться». —«Что за поправа! по-нашему: бей да руби, себя не береги!»

ворона по перьямъ, хорта по ушамъ: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься? ты, воронье перо, трепещешься? ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иванъ Быковичъ здѣсь? Такъ онъ еще не родился, а коли родился — такъ на войну не згодился: я его однимъ пальцемъ убью!» Выскочилъ Иванъ Быковичъ: «Погоди — не хвались, прежде Богу помолись, руки умой да за дѣло пріймись! Еще невѣдомо — чья возьметъ!» Какъ махнетъ богатырь своимъ острымъ мечомъ разъ-два, такъ и снёсъ у нечистой силы шесть головъ; а чудо-юдо ударилъ — по колѣна его въ сыру землю вогналъ. Иванъ Быковичъ захватилъ горсть земли и бросилъ своему сопротивнику прямо въ очи. Пока чудо-юдо протиралъ свои глазища, богатырь срубилъ ему и остальныя головы, взялъ туловище, разсѣкъ на мелкія части и побросалъ въ рѣку Смородину, а девять головъ подъ калиновой мость сложилъ. На утро приходитъ Иванъ-кухаркинъ сынъ. «Что, братъ, не видалъ ли за̀ ночь чего?» — «Нѣтъ, возлѣ меня ни одна муха не пролетала, ни одинъ комаръ не пищалъ!» Иванъ Быковичъ повелъ братьевъ подъ калиновой мостъ, показалъ имъ на мертвыя головы и сталъ стыдить: «Эхъ вы, сони! гдѣ вамъ воевать? Вамъ бы дома на печи лежать». На третью ночь собирается на дозоръ итти Иванъ Быковичъ; взялъ бѣлое полотенце, повѣсилъ на стѣнку, а подъ нимъ на полу миску поставилъ и говоритъ братьямъ: «Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, какъ будетъ съ полотенца кровь течь: если половина миски набѣжитъ — ладно дѣло, если полна миска набѣжитъ — все ничего, а если черезъ край польетъ — тотчасъ спускайте съ цѣпей моего богатырскаго коня и сами спѣшите на помочь мнѣ». Вотъ стоитъ Иванъ Быковичъ подъ калиновымъ мостомъ; пошло время за̀ полночь, на рѣкѣ воды взволновалися, на дубахъ орлы раскричалися — выѣзжаетъ чудо-юдо двѣнадцатиглавое; конь у него о двѣнадцати крылахъ, шерсть у коня серебряная, хвостъ и грива золотые [1]). Ѣдетъ чудо-юдо; вдругъ подъ нимъ конь споткнулся, чорный воронъ на плечѣ встрепенулся, позади хортъ ощетинился. Чудо-юдо коня по бедрамъ, во́рона по перьямъ, хорта по ушамъ: «Что ты, соба̀чье мясо, спотыкаешься? ты, во́ронье перо, трепещешься? ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иванъ Быковичъ здѣсь? Такъ онъ еще не родился, а коли родился — такъ на войну не згодился: я только дуну — его и праху не останется!» Выскочилъ Иванъ Быковичъ: «Погоди — не хвались, прежде Богу помолись!» — «А, ты здѣсь! зачѣмъ пришелъ?» — «На тебя, нечистая сила, посмотрѣть, твоей крѣпости испробовать». — «Куда тебѣ мою крѣпость пробовать? ты муха передо мной!» Отвѣчаетъ Иванъ Быковичъ: «Я пришелъ съ тобой не сказки разсказывать, а на смерть воевать». Размахнулся своимъ

---

[1]) *Вар.* Конь у него вороной — во лбу мѣсяцъ золотой, по бокамъ часты звѣзды.

острымъ мечомъ и срубилъ чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватилъ эти головы, черкнулъ по нимъ своимъ огненнымъ пальцемъ — и тотчасъ всѣ головы приросли, будто и съ плечъ не падали! Плохо пришлось Ивану Быковичу: чудо-юдо сталъ одолѣвать его, по колѣна вогналъ въ сыру землю. «Стой, нечистая сила! цари-короли сражаются— и тѣ замиренье дѣлаютъ; а мы съ тобой ужли будемъ воевать безъ роздыху? Дай мнѣ роздыху хоть до трехъ разъ». Чудо-юдо согласился [1]); Иванъ Быковичъ снялъ правую рукавицу и пустилъ въ избушку. Рукавица всѣ окны побила, а его братья спятъ, ничего не слышутъ. Въ другой разъ размахнулся Иванъ Быковичъ сильнѣй прежняго и срубилъ чуду-юду шесть головъ; чудо-юдо подхватилъ ихъ, черкнулъ огненнымъ пальцемъ — и опять всѣ головы на мѣстахъ, а Ивана Быковича забилъ онъ по поясъ въ сыру землю. Запросилъ богатырь роздыху, снялъ лѣвую рукавицу и пустилъ въ избушку. Рукавица крышу пробила, а братья все спятъ, ничего не слышутъ. Въ третій разъ размахнулся онъ еще сильнѣе и срубилъ чуду-юду девять головъ; чудо-юдо подхватилъ ихъ, черкнулъ огненнымъ пальцемъ — головы опять приросли, а Ивана Быковича вогналъ онъ въ сыру землю по самыя плечи. Иванъ Быковичъ запросилъ роздыху, снялъ съ себя шляпу и пустилъ въ избушку: отъ того удара избушка развалилася, вся по бревнамъ раскатилася. Тутъ только братья проснулись, глянули — кровь изъ миски черезъ край льется, а богатырскій конь громко ржетъ, да съ цѣпей рвётся. Бросились они на конюшню, спустили коня, а слѣдомъ за нимъ и сами на по́мочь спѣшатъ. «А!—говоритъ чудо-юдо,— ты обманомъ живешь: у тебя помочь есть». Богатырской конь прибѣжалъ, началъ бить его копытами; а Иванъ Быковичъ тѣмъ временемъ вылѣзъ изъ земли, приловчился и отсѣкъ чуду-юду огненной палецъ. Послѣ того давай рубить ему головы, сшибъ всѣ до единой, туловище

---

[1]) *Варіантъ:* На третью ночь надо итти на дозоръ Ивану Быковичу; онъ вышелъ въ чистое поле, ударился о сырую землю, обернулся воробушкомъ и полетѣлъ къ змѣиной матери; прилетѣлъ къ ея окошечку, сѣлъ и слушаетъ. Змѣиха на печкѣ сидитъ, кота поглаживаетъ, а сама говоритъ: «Котикъ-котокъ, сѣропѣгой лобокъ! на рѣкѣ на Смородинѣ появился Иванъ Быковичъ, убилъ у меня двухъ сыновей—середняго да младшаго; теперь я пошлю старшаго о двѣнадцати головахъ — тотъ его доканаетъ. Потому доконаетъ, что есть у него вода сильная и вода слабая; сильная стоитъ на правой рукѣ моста, а слабая на лѣвой». Иванъ Быковичъ выслушалъ, полетѣлъ на рѣку Смородину, на калиновой мостъ, обернулся добрымъ мо́лодцемъ, переставилъ сильную воду налѣво, а слабую направо,—и ждетъ змѣя. Ѣдетъ змѣй о двѣнадцати головахъ, увидалъ Ивана Быковича: «Теперь-то я вдоволь натѣшусь! давай, — говоритъ, — сражаться». — «Ладно! только напередъ уговоръ сдѣлаемъ: кто въ бою ослабѣетъ, тому давать роздыху». Стали они сражаться, началъ змѣй одолѣвать. Иванъ Быковичъ запросилъ роздыху, и бросились оба воду пить: богатырь — сильную, а змѣй—слабую. У Ивана Быковича много силы прибыло, а у змѣя убыло. Стали опять сражаться, и богатырь убилъ змѣя.

на мелкія части разнялъ и побросалъ все въ рѣку Смородину [1]). Прибѣгаютъ братья. «Эхъ вы, сони! — говоритъ Иванъ Быковичъ, — изъ-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился».

Поутру ранёшенько вышелъ Иванъ Быковичъ въ чистое поле, ударился о́земь и сдѣлался воробушкомъ, прилетѣлъ къ бѣлокаменнымъ палатамъ и сѣлъ у открытаго окошечка. [2]) Увидала его старая вѣдьма, посыпала зёрнушковъ и стала сказывать: «Воробушекъ-воробей! ты прилетѣлъ зёрнушковъ покушать, моего горя послушать. Насмѣялся надо мною Иванъ Быковичъ, всѣхъ зятьевъ моихъ извелъ». — «Не горюй, матушка! мы ему за все отплатимъ», говорятъ чудо-юдовы жены. «Вотъ я, — говоритъ меньшая, — напущу голодъ, сама выйду на дорогу, да сдѣлаюсь яблоней съ золотыми и серебряными яблочками [3]): кто яблочко сорветъ — тотъ сейчасъ лопнетъ». — «А я, — говоритъ середняя, — напущу жажду, сама сдѣлаюсь колодяземъ: на водѣ будутъ двѣ чаши плавать: одна золотая, другая серебряная: кто за чашу возьмется — того я утоплю». — «А я, — говоритъ старшая, — сонъ напущу, а сама перекинусь золотою кроваткою: кто на кроваткѣ ляжетъ—тотъ огнемъ сгоритъ». Иванъ Быковичъ выслушалъ эти рѣчи, полетѣлъ назадъ, ударился о́земь и сталъ попрежнему добрымъ мо̀лодцемъ. Собрались три брата и поѣхали домой. Ѣдутъ они дорогою, голодъ ихъ сильно мучаетъ, а ѣсть нечего. Глядь — стоитъ яблоня съ золотыми и серебряными яблочками; Иванъ-царевичъ да Иванъ-кухаркинъ сынъ пустились было яблочки рвать, да Иванъ Быковичъ напередъ заскакалъ и давай рубить яблоню крестъ-на̀-крестъ — только кровь брызжетъ! То же сдѣлалъ онъ и съ колодяземъ и съ золотою кроваткою. Сгибли чудо-юдовы жены; какъ провѣдала о томъ старая вѣдьма, нарядилась нищенкой, выбѣжала на дорогу и стоитъ съ котомкою. Ѣдетъ Иванъ Быковичъ съ братьями; она протянула руку и стала просить милостины. Говоритъ царевичъ Ивану Быковичу: «Братецъ! развѣ у нашего батюшки мало золотой казны? подай этой нищенкѣ святую милостину». Иванъ Быковичъ вынулъ червонецъ и подаетъ старухѣ; она не берется за деньги, а беретъ его за̀ руку и ѓмигъ съ нимъ исчезла. Братья оглянулись — нѣтъ ни старухи, ни Ивана Быковича — и со страху поскакали домой, хвосты поджавши. А вѣдьма утащила Ивана Быковича

---

[1]) *Вар.* Шляпа упала на конюшню и разломала всѣ двери и затворы; выскочили оттуда два коня, два ворона и два хорта — тѣ самые, что Иванъ Быковичъ у змѣя шестиглаваго да у змѣя девятиглаваго отобралъ въ прежнія двѣ ночи. Бросились они помогать Ивану Быковичу. Говоритъ имъ змѣй о двѣнадцати головахъ: «Что вы меня бьете? вѣдь вы наши были!»—«Да; сколько мы у васъ не жили—никогда такого корму не ѣдали, какой намъ теперь даютъ». И забили того змѣя кони копытами, хорты на мелкія части его разорвали, а вороны до тла исклевали. [2]) *Вар.* сдѣлался голубемъ; прилетѣлъ къ бѣлокаменнымъ палатамъ, обернулся мурашомъ и залѣзъ въ щелочку—сидитъ да слушаетъ. [3]) *Вар.* сдѣлаюсь прекраснымъ цвѣточкомъ.

въ подземелье и привела къ своему мужу — старому старику: «На, тебѣ, — говоритъ, — нашего погубителя!» Старикъ лежитъ на желѣзной кровати, ничего не видитъ: длинныя рѣсницы и густыя брови совсѣмъ глаза закрываютъ. Позвалъ онъ двѣнадцать могучихъ богатырей и сталъ имъ приказывать: «Возьмите-ка вилы желѣзныя, подымите мои брови и рѣсницы чорныя; я погляжу, что онъ за птица, что убилъ моихъ сыновей». Богатыри подняли ему брови и рѣсницы вилами; старикъ взглянулъ: «Ай да молодецъ, Ванюша! дакъ это ты взялъ смѣлость съ моими дѣтьми управиться! Что жъ мнѣ съ тобою дѣлать?» — «Твоя воля! что хочешь, то и дѣлай; я на все готовъ». — «Ну, да что много толковать, вѣдь дѣтей не поднять; сослужи-ка мнѣ лучше службу: съѣзди въ невиданное царство, въ небывалое государство и достань мнѣ царицу-золотыя кудри: я хочу на ней жениться». Иванъ Быковичъ про себя подумалъ: «Куда тебѣ, старому чорту, жениться, развѣ мнѣ мо̀лодцу!» а старуха взбѣсилась, навязала камень на шею, бултыхъ въ воду и утопилась. «Вотъ тебѣ, Ванюша, дубинку,—говоритъ старикъ: ступай ты къ такому-то дубу, стукни въ него три раза дубинкою и скажи: выйди, корабль! выйди, корабль! выйди, корабль! Какъ выйдетъ къ тебѣ корабль, въ то самое время отдай дубу трижды приказъ, чтобы онъ затворился; да смотри, не забудь! Если этого не сдѣлаешь, причинишь мнѣ обиду великую».Иванъ Быковичъ пришелъ къ дубу, ударяетъ въ него дубинкою безсчетное число разъ и приказываетъ: «Все что̀ есть, выходи!» Вышелъ первый корабль; Иванъ Быковичъ сѣлъ въ него и крикнулъ: «Всѣ за мной!» — и поѣхалъ въ путь-дорогу. Отъѣхавъ немного, оглянулся назадъ — и видитъ: сила несмѣтная кораблей и лодокъ! всѣ его хвалятъ, всѣ благодарятъ. Подъѣзжаетъ къ нему старичокъ въ лодкѣ: «Батюшка Иванъ Быковичъ, много лѣтъ тебѣ здравствовать! Пріими меня въ товарищи». — «А ты что умѣешь?» — «Умѣю, батюшка, хлѣбъ ѣсть». Иванъ Быковичъ сказалъ: «Фу, про́пасть! я и самъ на это гораздъ; однако, садись на корабль, я добрымъ товарищамъ радъ». Подъѣзжаетъ въ лодкѣ другой старичокъ: «Здравствуй, Иванъ Быковичъ! возьми меня съ собой». — «А ты что умѣешь?» — «Умѣю, батюшка, вино-пиво пить». — «Нехитрая наука! ну, да полѣзай на корабль». Подъѣзжаетъ третій старичокъ: «Здравствуй, Иванъ Быковичъ! возьми и меня». — «Говори: что умѣешь?» — «Я, батюшка, умѣю въ банѣ париться». — «Фу, лихая те́ побери! Эки, подумаешь, мудрецы!» Взялъ на корабль и этого; а тутъ еще лодка подъѣхала, говоритъ четвертой старичокъ: «Много лѣтъ здравствовать, Иванъ Быковичъ! пріими меня въ товарищи». — «Да ты кто такой?» — «Я, батюшка, звѣздочётъ».— «Ну, ужъ на это я негораздъ; будь моимъ товарищемъ». Принялъ четвертаго, просится пятой старичокъ. «Прахъ васъ возьми! куды мнѣ съ вами дѣваться? Сказывай скорѣй: что умѣешь?» — «Я, батюшка, умѣю ершомъ плавать». — «Ну, милости просимъ!» Вотъ поѣхали они за царицей-золотыя кудри. Пріѣзжаютъ въ невиданное царство, небы-

валое государство; а тамъ уже давно свѣдали, что Иванъ Быковичъ будетъ и цѣлые три мѣсяца хлѣбъ пекли, вино курили, пиво варили. Увидалъ Иванъ Быковичъ несчетное число возовъ хлѣба да столько же бочекъ вина и пива; удивляется и спрашиваетъ: что́ бъ это значило? «Это все для тебя наготовлено». — «Фу, про́пасть! да мнѣ столько въ цѣлый годъ не съѣсть, не выпить». Тутъ вспомнилъ Иванъ Быковичъ про своихъ товарищей и сталъ вызывать: «Эй вы, старички-молодцы! кто изъ васъ пить-ѣсть разумѣетъ?» Отзываются Объѣдайло да Опивайло: «Мы, батюшка! наше дѣло ребячье». — «А ну, принимайтесь за работу!» Подбѣжалъ одинъ старикъ, началъ хлѣбъ поѣдать: разомъ въ ротъ кидаетъ, не то что́ караваями, а цѣлыми возами. Все пріѣлъ— и ну кричать: «Мало хлѣба, давайте еще!» Подбѣжалъ другой старикъ, началъ пиво-вино пить, все выпилъ и бочки проглотилъ: «Мало!—кричитъ,—подавайте еще!» Засуетилась прислуга, бросилась къ царицѣ съ докладомъ, что ни хлѣба, ни вина не достало. А царица-золотыя кудри приказала вести Ивана Быковича въ баню париться. Та баня топилась три мѣсяца и такъ накалена была, что за пять верстъ нельзя было подойти къ ней. Стали звать Ивана Быковича въ баню париться; онъ увидалъ, что отъ бани огнемъ пышетъ, и говоритъ: «Что вы, съ ума сошли? да я згорю тамъ!» Тутъ ему опять вспомнилось: «Вѣдь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! кто изъ васъ умѣетъ въ банѣ париться?» Подбѣжалъ старикъ: «Я, батюшка! мое дѣло ребячье». Живо вскочилъ въ баню, въ уголъ дунулъ, въ другой плюнулъ — вся баня остыла, а въ углахъ снѣгъ лежитъ. «Охъ, батюшки! замёрзъ, топите еще три года!» кричитъ старикъ что́ есть мочи. Бросилась прислуга съ докладомъ, что баня совсѣмъ замерзла; а Иванъ Быковичъ сталъ требовать, чтобъ ему царицу-золотыя кудри выдали. Царица сама къ нему вышла, подала свою бѣлую руку, сѣла на корабль и поѣхала. Вотъ плывутъ они день и другой; ей сдѣлалось грустно, тяжко — ударила себя въ грудь, оборотилась звѣздой и улетѣла на́ ьебо. «Ну,—говоритъ Иванъ Быковичъ,—совсѣмъ пропала!» Потомъ вспомнилъ: «Ахъ, вѣдь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! кто изъ васъ звѣздочётъ?» — «Я, батюшка, мое дѣло ребячье», отвѣчалъ старикъ, ударился о́земь, сдѣлался самъ звѣздою, полетѣлъ на небо и сталъ считать звѣзды; одну нашелъ лишнюю, и ну толкать ее! Сорвалась звѣздочка съ своего мѣста, быстро покатилась по небу, упала на корабль и обернулась царицею-золотыя кудри. Опять ѣдутъ день, ѣдутъ другой; нашла на царицу грусть-тоска, ударила себя въ грудь, обратилась щукою и поплыла въ море. «Ну, теперь пропала!» думаетъ Иванъ Быковичъ, да вспомнилъ про послѣдняго старичка и сталъ его спрашивать: «Ты, что ли, гораздъ ершомъ плавать?» — «Я, батюшка, мое дѣло ребячье!» ударился о́земь, оборотился ершомъ, поплылъ въ море за щукою и давай ее подъ бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сдѣлалась царицею-золотыя кудри. Тутъ старички съ Иваномъ

Быковичемъ распростились; а онъ поѣхалъ къ чудо-юдову отцу. Пріѣхалъ къ нему съ царицею-золотыя кудри; тотъ позвалъ двѣнадцать могучихъ богатырей, велѣлъ принести вилы желѣзныя и поднять ему брови и рѣсницы черныя. Глянулъ на царицу и говоритъ: «Ай да Ванюша! молодѣцъ! теперь тебя прощу, на бѣлой свѣтъ отпущу».—«Нѣтъ, погоди! — отвѣчаетъ Иванъ Быковичъ: — не подумавши сказалъ!» — «А что?» — «Да у меня приготовлена яма глубокая, черезъ яму лежитъ жёрдочка; кто по жёрдочкѣ пройдетъ, тотъ за себя и царицу возьметъ».— «Ладно, Ванюша! ступай ты напередъ». Иванъ Быковичъ пошелъ по жёрдочкѣ, а царица-золотыя кудри про себя говоритъ: «Легче пуху лебединаго пройти!» Иванъ Быковичъ прошелъ — и жёрдочка не погнулась; а старой старикъ пошелъ — только на середину ступилъ, такъ и полетѣлъ въ яму. Иванъ Быковичъ взялъ царицу-золотыя кудри и воротился домой; скоро они обвѣнчались и задали пиръ на весь міръ. Иванъ Быковичъ сидитъ за столомъ да своимъ братьямъ похваляется: «Хоть долго я воевалъ, да молодую жену досталъ! а вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!» На томъ пиру и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало; тутъ меня угощали: отняли лоханку отъ быка да налили молока; потомъ дали калача, въ ту жъ лоханку помочà. Я не пилъ, не ѣлъ, вздумалъ утираться, со мной стали драться; я надѣлъ колпакъ, стали въ шею толкать!

78. Иванъ-крестьянской сынъ и мужичекъ-самъ съ перстъ, усы на семь верстъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; у этого царя на дворѣ былъ столбъ, а въ этомъ столбѣ три кольца: одно золотое, другое серебряное, а третье мѣдное. Въ одну ночь царю привидѣлся такой сонъ: будто у золотого кольца былъ привязанъ конь — что̀ ни шерстинка, то серебринка, а въ лбу свѣтѣлъ мѣсяцъ. Поутру всталъ онъ и приказалъ кличъ кликать: кто этотъ сонъ разсудитъ и коня того достанетъ, за того свою дочь отдамъ и половину царства въ придачу. Собралось на царской кличъ множество князей, бояръ и всякихъ господъ; думали-думали—никто не можетъ сна растолковать, никто не берется коня достать. Наконецъ доложили царю, что у такого-то нищаго-старичка есть сынъ Иванъ, который можетъ сонъ растолковать и коня достать. Царь приказалъ призвать его. Призвали Ивана. Спрашиваетъ его царь: «Разсудишь ли ты мой сонъ и достанешь ли коня?» Иванъ отвѣчаетъ: «Разскажи напередъ, что̀ за сонъ и какой тебѣ конь надобенъ?» Царь говоритъ: «Въ прошлой ночи привидѣлось мнѣ: будто у золотого кольца на моемъ дворѣ былъ привязанъ конь — что̀ ни шерстинка, то серебринка, а во лбу свѣтѣлъ мѣсяцъ».—«Это не сонъ, а быль, потому что въ прошлую ночь на этомъ конѣ пріѣзжалъ къ тебѣ двѣнадцатиглавой змѣй и хотѣлъ царевну украсть».—«А можно ли достать этого коня?»

Иванъ отвѣчаетъ: «Можно—только тогда, какъ минетъ мнѣ пятнадцать лѣтъ». Въ то время было Ивану только двѣнадцать годочковъ; царь взялъ его во дворецъ, кормилъ и поилъ до пятнадцати. Вотъ какъ минуло Ивану пятнадцать лѣтъ, сказалъ онъ царю: «Давай, государь, мнѣ коня, на которомъ можно бъ доѣхать до того мѣста, гдѣ змѣй находится». Царь повёлъ его въ конюшни и показалъ всѣхъ своихъ лошадей: только онъ не могъ ни одной выбрать по своей силѣ и тяжести: какъ наложитъ на которую лошадь свою богатырскую руку, та и упадетъ. И сказалъ онъ царю: «Пусти меня въ чистое поле поискать себѣ подъ силу коня». Царь его отпустилъ. Иванъ-крестьянской сынъ три года искалъ, нигдѣ не могъ сыскать. Идетъ со слезами обратно къ царю; попадается ему на встрѣчу старичекъ и спрашиваетъ: «Что ты, парень, плачешь?» Онъ ему на спросъ грубо отвѣчалъ, просто-напросто отъ себя прогналъ; старикъ молвилъ: «Смотри, малой! не помяни меня». Иванъ немного отошелъ отъ старика, подумалъ самъ съ собою: «За что я старика обидѣлъ; стары люди много знаютъ». Воротился, догналъ старика, упалъ ему въ ноги и сказалъ: «Дѣдушка! прости меня, со кручины тебя обидѣлъ. Я плачу вотъ о чемъ: три года ходилъ я по полю по разнымъ табунамъ — нигдѣ не могъ сыскать по себѣ коня». Старикъ отвѣчаетъ: «Поди въ такое-то село, тамъ у мужичка на конюшнѣ стоитъ кобыла, а отъ той кобылы народился поршивой жеребенокъ; ты возьми его и выкорми: онъ тебѣ будетъ подъ силу.» Иванъ поклонился старику и пошелъ въ село. Приходитъ къ мужику прямо въ конюшню, увидалъ кобылу съ поршивымъ жеребенкомъ и наложилъ на того жеребенка руку. Жеребенокъ нимало не поробилъ; онъ взялъ его у крестьянина, покормилъ нѣсколько времени, пріѣхалъ къ царю и разсказалъ ему, какъ добылъ себѣ коня. Потомъ сталъ снаряжаться въ гости къ змѣю. Царь спросилъ: «Сколько тебѣ, Иванъ-крестьянскій сынъ, надобно силы?» Отвѣчаетъ Иванъ: «На что мнѣ твоя сила; я одинъ могу достать; развѣ только для посылокъ дай человѣкъ шесть». Далъ ему царь шесть человѣкъ; вотъ они собрались и поѣхали. Долго ли, коротко ли они ѣхали — никому невѣдомо; вѣдомо только то, что пріѣхали они къ огненной рѣкѣ, черезъ рѣку мостъ лежитъ, а кругомъ рѣки огромный лѣсъ. Въ томъ лѣсу раскинули шатёръ, достали разныхъ напитковъ, начали пить, ѣсть, веселиться. Иванъ-крестьянскій сынъ говоритъ товарищамъ: «Давайте, ребята, каждую ночь поочерёдно караулить: не будетъ ли кто проѣзжать черезъ эту рѣку?» И случилось такъ: кто ни пойдетъ изъ его товарищей караулъ держать, всякой напьется съ вечера пьянъ и ничего не видитъ. Наконецъ, пошелъ караулить Иванъ-крестьянской сынъ; смотритъ: въ самую полуночь ѣдетъ черезъ рѣку змѣй о трехъ головахъ и подаетъ голосъ: «Нѣтъ мнѣ ни спорщика, ни наговорщика: есть развѣ одинъ спорщикъ и наговорщикъ — Иванъ - крестьянской сынъ, да и того воронъ въ пузырѣ костей не заносилъ!» Иванъ крестьянской сынъ изъ-подъ моста выскочилъ: «Врешь ты! я здѣсь»!—«А если здѣсь, то давай поспо-

римъ!» И выѣхалъ змѣй противъ Ивана на конѣ, а Иванъ выступилъ пѣшій, размахнулся своей саблей и срубилъ змѣю всѣ три головы, а коня себѣ взялъ и привязалъ у шатра. На другую ночь Иванъ-крестьянской сынъ убилъ шестиглаваго змѣя, на третью ночь девятиглаваго и побросалъ ихъ въ огненную рѣку. А какъ пошелъ караулить на четвертую ночь, то пріѣхалъ къ нему двѣнадцатиглавой змѣй и сталъ говорить гнѣвно: «Кто таковъ Иванъ-крестьянской сынъ? сейчасъ выходи ко мнѣ! зачѣмъ побилъ моихъ сыновей?» Иванъ-крестьянской сынъ выступилъ и сказалъ: «Позволь мнѣ напередъ сходить къ своему шатру, а послѣ сражаться будемъ». — «Хорошо, ступай!» Иванъ побѣжалъ къ товарищамъ: «Ну, ребята, вомъ вамъ тазъ! Смотрите въ него: когда онъ полонъ нальется крови, пріѣзжайте ко мнѣ». Воротился и сталъ противъ змѣя, и когда они разошлись и ударились, то Иванъ съ перваго раза срубилъ у змѣя четыре головы, а самъ по колѣна въ землю ушелъ; во второй разъ разошлись — Иванъ три головы срубилъ, а самъ по́ поясъ въ землю ушелъ; въ третій разъ разошлись — еще три головы отсѣкъ, самъ по грудь ушелъ; наконецъ, одну срубилъ — по шейку ушелъ. Тогда только вспомянули про него товарищи, посмотрѣли въ тазъ и увидѣли, что кровь черезъ край льется; прибѣжали и срубили у змѣя послѣднюю голову, а Ивана изъ земли вытащили. Иванъ-крестьянской сынъ взялъ змѣинаго коня и увелъ къ шатру. Вотъ прошла ночь, настаетъ утро; начали добрые мо́лодцы пить, ѣсть, веселиться. Иванъ-крестьянской сынъ всталъ отъ веселья и сказалъ своимъ товарищамъ: «Вы, ребята, меня подождите!» А самъ оборотился котомъ, пошелъ по́ мосту черезъ огненную рѣку, пришелъ въ тотъ домъ, гдѣ змѣи жили, и сталъ дружиться съ тамошними кошками. А въ цѣломъ домѣ осталось въ живыхъ только сама змѣиха да три ея снохи; сидятъ онѣ въ горницѣ и говорятъ между собою: «Какъ бы намъ злодѣя, Ивана-крестьянскаго сына сгубить?» Малая сноха говоритъ: «Куда бъ ни поѣхалъ Иванъ-крестьянской сынъ, сдѣлаю на пути голодъ, а сама оборочусь яблоней; какъ онъ съѣстъ яблочко, сейчасъ разорветъ его!» Средняя сказала: «А я на пути ихъ сдѣлаю жажду, и оборочусь колодцемъ; пусть попробуетъ выпить!» Старшая сказала: «А я наведу сонъ, а сама сдѣлаюсь кроватью: если Иванъ-крестьянской сынъ ляжетъ, то сейчасъ помретъ». Наконецъ сама свекровь сказала: «А я разину пасть свою отъ земли до неба и всѣхъ ихъ пожру!» Иванъ-крестьянской сынъ выслушалъ все, что онѣ говорили, вышелъ изъ горницы, оборотился человѣкомъ, и пришелъ къ своимъ товарищамъ: «Ну, ребята! сряжайтесь въ путь». Собрались, поѣхали въ путь, и въ первый разъ на пути сдѣлался ужасный голодъ, такъ что нечего было перекусить: видятъ они—стоитъ яблоня; товарищи Ивановы хотѣли нарвать яблоковъ, но Иванъ не велѣлъ. «Это,—говоритъ,—не яблоня!» и началъ ее рубить; изъ яблони кровь пошла. Во второй разъ напала на нихъ жажда; Иванъ увидалъ колодецъ, не велѣлъ пить, началъ его рубить — изъ колодца кровь потекла. Въ третій разъ напалъ на

нихъ сонъ; стоитъ на дорогѣ кровать. Иванъ и ее изрубилъ. Подъѣзжаютъ они къ пасти, разинутой отъ земли до неба: что дѣлать? Вздумали съ разлету черезъ пасть скакать. Никто не могъ перескочить; только перескочилъ одинъ Иванъ-крестьянской сынъ: вынесъ его изъ бѣды чудесной конь — что ни шерстинка, то серебринка, а во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ. Пріѣхалъ онъ къ одной рѣкѣ; у той рѣки стоитъ избёнка. Тутъ попадается ему на встрѣчу мужичокъ-самъ съ пёрстъ, усы на семь вёрстъ, и говоритъ ему: «Отдай мнѣ коня; а коли не отдашь честью, то насилкой возьму!» Отвѣчаетъ Иванъ: «Отойди отъ меня, проклятой гадъ, покудова тебя конемъ не раздавилъ!» Мужичокъ-самъ съ пёрстъ, усы на семь вёрстъ сшибъ его на̀ земь, сѣлъ на коня и уѣхалъ. Входитъ Иванъ въ избёнку и сильно о конѣ тужитъ. Въ той избёнкѣ лежитъ на печѝ безногой-безрукой и говоритъ Ивану: «Послушай, доброй мо̀лодецъ—не знаю, какъ тебя по имени назвать: зачѣмъ ты связывался съ нимъ бороться? Я не эдакой былъ богатырь, какъ ты, да и то онъ у меня и руки и ноги отъѣлъ!» — «За что?» — «А за то, что я у него на столѣ хлѣбъ поѣлъ!» Иванъ началъ спрашивать, какъ бы назадъ коня достать. Говоритъ ему безногой-безрукой: «Ступай на такую-то рѣку, сними перевозъ, три года перевози, ни съ кого денегъ не бери, развѣ тогда достанешь!» Иванъ-крестьянской сынъ поклонился ему, пошелъ на̀ рѣку, снялъ перевозъ и цѣлыхъ три года перевозилъ безденежно. Однажды случилось ему перевозить трехъ старичковъ; они даютъ ему денегъ, онъ не беретъ. «Скажи, доброй мо̀лодецъ, почему ты денегъ не берешь?» Онъ отвѣчаетъ: «По обѣщанію».—«По какому?»—«У меня ехидной человѣкъ коня отбилъ; такъ меня добрые люди научили, чтобъ я перевозъ снялъ да три года ни съ кого денегъ не бралъ». Старички сказали: «Пожалуй, Иванъ-крестьянской сынъ, мы готовы тебѣ услужить—твоего коня достать».—«Помогите, родимые». Старички были не простые люди,— это были: Студенецъ [1]), Обжора и колдунъ. Колдунъ вышелъ на̀ берегъ, нарисовалъ на пескѣ лодку и говоритъ: «Ну, братцы! видите вы эту лодку?» — «Видимъ!» — «Садитесь въ нее». Сѣли всѣ четверо въ эту лодку. Говоритъ колдунъ: «Ну, легкая лодочка! сослужи мнѣ службу, какъ прежде служила». Вдругъ лодка поднялась по воздуху и мигомъ, словно стрѣла, изъ лука пущенная, привезла ихъ къ большой каменистой горѣ. У той горы домъ стоитъ, а въ домѣ живетъ самъ съ пёрстъ, а усы на семь вёрстъ. Послали старики Ивана коня спрашивать. Иванъ началъ коня просить: мужичокъ-самъ съ пёрстъ, усы на семь вёрстъ сказалъ ему: «Украдь у царя дочь и привези ко мнѣ, тогда отдамъ коня». Иванъ сказалъ про то своимъ товарищамъ, и тотчасъ они его оставили, а сами къ царю отправились. Пріѣзжаютъ; царь узналъ, по что они пріѣхали, и приказалъ слугамъ баню истопить, докрасна накалить: пусть де задо́хнутся! Послѣ попросилъ гостей въ баню; они поблагодарили и

[1]) *Вар.* Морозъ.

пошли. Колдунъ велѣлъ напередъ Студенцу итти. Студенецъ взошелъ въ баню и прохладилъ; вотъ они вымылись, выпарились и пришли къ царю. Царь приказалъ большой обѣдъ подавать; множество всякихъ ѣствъ на столъ было подано; Обжора принялся и всё поѣлъ. Ночью собрались гости потихоньку, украли царевну, привезли къ мужичку-самъ съ пёрстъ, усы на семь вёрстъ, царевну ему отдавали, а коня выручали. Иванъ - крестьянской сынъ поклонился старичкамъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ царю. Ѣхалъ-ѣхалъ, остановился въ чистомъ полѣ отдохнуть, разбилъ шатёръ и лёгъ опочивъ держать. Проснулся, хвать— подлѣ него царевна лежитъ. Онъ обрадовался, началъ ее спрашивать: «Какъ сюда угодила?» Царевна сказала: «Я оборотилась булавкою, да въ твой воротникъ воткнулась». Въ ту жъ минуту оборотилась она опять булавкою; Иванъ - крестьянской сынъ воткнулъ ее въ воротникъ и поѣхалъ дальше. Пріѣзжаетъ къ царю; царь увидалъ чуднаго коня, принимаетъ добраго мо̀лодца съ честію и разсказываетъ, какъ у него дочь украли. Иванъ говоритъ: «Не горюй, государь! Я ее назадъ привезъ». Вышелъ въ другую комнату: царевна оборотилась красной дѣвицей. Иванъ взялъ ее за̀ руку и привелъ къ царю. Царь еще больше возрадовался, взялъ себѣ коня, а дочь отдалъ замужъ за Ивана - крестьянскаго сына. Иванъ и понынѣ живетъ съ молодой женою.

(Записана въ Саратовской губ. г. Гуськовымъ).

79. Иванъ Сученко и Бѣлой Полянинъ.

Начинается сказка отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей каурки. На морѣ, на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоѝтъ быкъ печеный, возлѣ него лукъ толченый; и шли три молодца, зашли да позавтракали, а дальше идутъ — похваляются, сами собой забавляются: были мы, братцы, у такого-то мѣста, наѣдались пуще, чѣмъ деревенская баба тѣста! Это присказка, сказка будетъ впереди.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь на гладкомъ мѣстѣ, словно на скатерти, съ роду не имѣлъ у себя дѣтей. Пришелъ до него нищій. Царь его пытаетъ: «Не знаешь ли ты, что́ мнѣ такое сдѣлать, что̀бъ были у меня дѣти?» Онъ ему отвѣчаетъ: «Собери-ка ты мальчиковъ да дѣвочекъ — семилѣтокъ, чтобъ дѣвочки напряли, а мальчики выплели за одну ночь неводъ; тѣмъ неводомъ вели изловить въ морѣ леща златопёраго и дай его царицѣ съѣсть». Вотъ поймали леща златопёраго, отдали въ кухню изжарить; поварка [1]) вычистила, вымыла леща, кишки собакѣ бросила, помои отдала тремъ кобыламъ выпить, сама оглодала косточки, а рыбу царица скушала. Вотъ разомъ родили: царица сына и поварка сына, и собака сына, а три кобылы ожеребились тремя жеребятами. Царь далъ имъ

[1]) Стряпуха.

всѣмъ имена: Царевичъ Иванъ, Поваренко Иванъ и Сученко Иванъ. Растутъ они, добрые молодцы, не по днямъ, не по часамъ, а по минутамъ; выросли большіе, и посылаетъ Иванъ-Сученко Ивана-Царевича до царя: «Поди, попроси, чтобъ позволилъ намъ царь осѣдлать тѣхъ трехъ коней, что́ кобылы принесли, да поѣхать по городу погулять-покататься». Царь позволилъ; они посѣдлали коней, выѣхали за́ городъ и начали межъ собой говорить: «Чѣмъ намъ у батюшки у царя жить, лучше въ чужія земли поѣдемъ!» Вотъ они взяли-купили желѣза, сдѣлали себѣ по булавѣ—каждая булава въ девять пудовъ, и погнали коней. Немного погодя, говоритъ Иванъ-Сученко: «Какъ намъ, братцы, будетъ путь держать, когда нѣтъ у насъ ни старшаго, ни младшаго? Надо такъ сдѣлать, чтобъ былъ у насъ старшій братъ». Царенко говоритъ, что меня отецъ старшимъ поставилъ, а Сученко—свое, что надо силу попробовать—по стрѣлкѣ бросить. Кидаютъ стрѣлки одинъ за другимъ: сначала Царенко Иванъ, за Царенкомъ Поваренко, за Поваренкомъ Сученко. Ѣдутъ не далеко, не близко—ажъ лежитъ царенкова стрѣла; немного подальше того упала поваренкова стрѣлка, а сученковой нигдѣ не видать! Ѣдутъ все впередъ да впередъ и заѣхали за тридевять земель въ тридесятое царство, въ иншее государство — ажъ тамъ лежитъ сученкова стрѣлка. Тутъ и порѣшили: Царенко будетъ меньшой братъ, Поваренко — подстаршій, а Сученко — самый найстаршій, и пустились опять въ путь-дорогу. Смотрятъ — передъ ними степь разстилается, на той степи палатка разбита, у палатки конь стоитъ, ярую пшеницу ѣстъ, медовой сытой запиваетъ. Посылаетъ Иванъ-Сученко Иванъ-Царевича: «Пойди, узнай: кто въ палаткѣ?» Вотъ Царенко приходитъ въ палатку, а тамъ на кровати Бѣлой Полянинъ лежитъ. И ударилъ его Бѣлой Полянинъ мизинцомъ по́ лбу — Царенко упалъ; онъ взялъ его да подъ кровать и бросилъ. Посылаетъ Сученко Ивана-Поваренка; Бѣлой Полянинъ и этого ударилъ мизинцомъ по́ лбу и бросилъ подъ кровать. Сученко ждалъ-ждалъ, не дождался; прибѣгаетъ туда самъ, какъ ударитъ Бѣлаго Полянина разъ — онъ и глаза подъ лобъ! Послѣ вынесъ его изъ палатки; свѣжій вѣтерокъ пахнулъ, Бѣлой Полянинъ ожилъ и проситъ: «Не убивай меня! пріими за самаго мѣньшаго брата!» Иванъ-Сученко его помиловалъ.

Вотъ всѣ четыре брата посѣдлали своихъ коней и поѣхали пущами да рощами; долго ли, коротко ли ѣхали — стоитъ передъ ними домъ въ два этажа подъ золотой крышею. Зашли въ этотъ домъ — вездѣ чисто, вездѣ убрано, напитковъ, наѣдковъ вдоволь запасено, а живыхъ людей нѣтъ никого; подумали-подумали и положили пока здѣсь проживать-дни коротать. Утромъ три брата на охоту поѣхали, а Ивана-царевича дома оставили за хозяйствомъ смотрѣть. Онъ наварилъ, нажарилъ къ обѣду всякой всячины, сѣлъ на лавкѣ да трубку покуриваетъ. Вдругъ ѣдетъ старой дѣдъ въ ступѣ, толкачомъ подпирается, подъ нимъ ковета (?) на семь саженей лита, и проситъ милос-

тины. Царенко даетъ ему цѣлой хлѣбъ; дѣдъ не за хлѣбъ, за него берется, крючкомъ да въ ступу — толкъ-толкъ! снялъ у него со спины полосу до самыхъ плечей, взялъ половою натёръ да по́дъ полъ [1]) бросилъ... Вернулись братья съ охоты, спрашиваютъ Царенка: «Никого у тебя не было!» — «Я никого не видалъ; развѣ вы кого?» — «Нѣтъ, и мы не видали!» На другой день дома остался Иванъ-Поваренко, а тѣ на охоту поѣхали; наварилъ обѣдать, сѣлъ на лавкѣ и куритъ трубку — ажъ ѣдетъ дѣдъ въ ступѣ, толкачомъ подпирается, подъ нимъ ковета на семь саженей лита, и проситъ милостины. Поваренко даетъ ему булку; онъ не за булку, а за него, крючкомъ да въ ступу — толкъ-толкъ! снялъ кожу до самыхъ плечей, половою натёръ да по́дъ полъ бросилъ... Вернулись братья съ охоты и спрашиваютъ: «Никого у тебя не было?» — «Нѣтъ, никого! а вы развѣ видѣли?» — «Нѣтъ, и мы не видали!» На третій день дома остался Бѣлой Полянинъ; наварилъ обѣдать, сѣлъ на лавкѣ и куритъ трубку — ажъ ѣдетъ дѣдъ въ ступѣ, толкачомъ подпирается, подъ нимъ ковета на семь саженей лита, и проситъ милостины. Бѣлой Полянинъ даетъ ему булку; онъ не за булку, а за него, крючкомъ да въ ступу — толкъ-толкъ! снялъ кожу до самыхъ плечей, половою натёръ да по́дъ полъ бросилъ... Пріѣхали братья съ охоты: «Ты никого не видалъ?» — «Нѣтъ, никого; а вы?» — «И мы то жъ!» На четвертой день остался дома Иванъ-Сученко; наварилъ обѣдать, сѣлъ на лавкѣ и куритъ трубку — ажъ опять ѣдетъ старой дѣдъ въ ступѣ, толкачомъ подпирается, подъ нимъ ковета на семь саженей лита, и проситъ милостины. Сученко даетъ ему булку; онъ не за булку, а за него, крючкомъ да въ ступу — ступа и разбилась. Иванъ-Сученко ухватилъ дѣда за̀ голову, притащилъ до вербоваго пня, раскололъ пень на̀двое да всадилъ дѣдову бороду въ разщелину, а самъ — въ горницу. Вотъ ѣдутъ его братья, межъ собой разговариваютъ. «Что, братцы! вамъ ничего не случилось?—спрашиваетъ Царенко,—а у меня такъ рубаха совсѣмъ къ тѣлу присохла!» — «Ну, и намъ досталось! до спины доторкнуться нельзя. Проклятой дѣдъ! вѣрно, онъ и Сученку содралъ». Пріѣхали домой: «А что, Сученко-Иванъ, никого у тебя не было?» — «Былъ одинъ нахаба [2]), такъ я ему по-своему задалъ!» — «Что жъ ты ему сдѣлалъ?» — «Пень раскололъ да бороду всадилъ». — «Пойдемъ, посмотримъ!» Пришли на дѣда смотрѣть, а его и слѣдъ простылъ! Какъ попалъ онъ въ тиски, началъ биться, рваться — и таки выворотилъ весь пень съ корнемъ и унесъ съ собой на тотъ свѣтъ; а съ того свѣта онъ приходилъ до своего дома подъ золотою крышею.

Братья пошли по его слѣдамъ, шли-шли — стоитъ гора: въ той горѣ ляда [3]); взяли ее, отворили, привязали до каната камень и опу-

---

[1]) Помостъ въ избахъ, замѣняющій кровати. [2]) Наглый, непріятный гость. [3]) Поперечная дверь.

стили въ нору; какъ достали камнемъ дно, вытянули его назадъ и привязали до каната Ивана Сученка. Говоритъ Сученко: «Черезъ три дня какъ встряхну канатъ — сейчасъ меня вытягайте!» Вотъ опустили его на тотъ свѣтъ. Онъ вспомнилъ про царевенъ, что́ покрали на тотъ свѣтъ три змія: «Пойду ихъ шукать!» [1]) Шелъ-шелъ — стоитъ двухъ-этажной домъ; вышла оттуда дѣвка: «Чего, русской человѣкъ, коло нашего двора ходишь?» — «А ты что за спросъ? Дай-ка мнѣ наперёдъ воды — глаза промыть, накорми меня, напои, да тогда и спрашивай». Она принесла ему воды, накормила, напоила и повела къ царевнѣ. «Здравствуй, прекрасная царевна!» — «Здравствуй, доброй молодецъ! чего сюда зашелъ?» — «За тобою; хочу съ твоимъ мужемъ воевать». — «Охъ, не отымешь ты меня! мой мужъ дюже сильный, съ шестью головами!» — «Я и съ одною, да буду воевать, какъ мнѣ Богъ поможетъ!» Царевна его за двери спрятала — ажъ летитъ змій: «Фу, русска кость воня!» — «Ты, душечка, на Руси леталъ, русской кости напахалъ!» [2]) говоритъ царевна, подаетъ ему ужинать, а сама тяжело вздохнула. «Чего, голубка, такъ тяжело вздыхаешь?» — «Какъ мнѣ не вздыхать! четвертый годъ за тобою, не видѣла ни отца, ни матери. Ну что, если бы кто-нибудь изъ моихъ родныхъ да сюда пришелъ? что бъ ты ему сдѣлалъ?» — «Что сдѣлалъ? пилъ да гулялъ бы съ нимъ». На тѣ рѣчи выходитъ изъ-за дверей Иванъ Сученко. «А, Сученко! здравствуй; зачѣмъ пришелъ: биться или мириться?» — «Давай биться! дми точокъ!» [3]) Змій дунулъ — у него сталъ чугунный точокъ съ серебряными пругами, а Сученко дунулъ — у него серебряный съ золотыми пругами. Ударилъ онъ змія разъ и убилъ до́ смерти, въ пепелъ перепалилъ, на вѣтеръ перепустилъ; царевна дала ему кольцо; онъ взялъ и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ — опять двухъэтажной домъ; вышла ему на встрѣчу дѣвка и спрашиваетъ: «Чего ты, русской человѣкъ, коло нашего двора ходишь?» — «А ты что за спросъ? Дай напередъ мнѣ воды — глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!» Вотъ она принесла ему воды, накормила его, напоила и къ царевнѣ проводила. «Чего ты пришелъ?» говоритъ царевна. «За тобою; хочу съ твоимъ мужемъ воевать». — «Куда тебѣ воевать съ моимъ мужемъ! мой мужъ дюже сильный, съ девятью головами!» — «Я и съ одною, да буду съ нимъ воевать, какъ мнѣ Богъ поможетъ!» Царевна спрятала гостя за двери — ажъ летитъ змій: «Фу, какъ русска кость воня!» — «Это ты по Руси леталъ, русской кости напахалъ!» говоритъ царевна, стала подавать ужинать и тяжело вздохнула. «Чего ты, душечка, вздыхаешь?» — «Какъ мнѣ не вздыхать, когда я ни отца, ни матери не вижу. Что бъ ты сдѣлалъ, если бы кто-нибудь изъ моихъ родныхъ сюда пришелъ?» — «Пилъ да гулялъ бы съ нимъ!» Иванъ-Сученко выходитъ изъ-за две-

---

[1]) Искать. [2]) Т. е. русскаго духу набрался; пахнуть — вѣять и запахъ, сравни съ словами: дунуть и духъ. [3]) Токъ, ровное мѣсто.

рей. «А, Сученко! здравствуй,—говоритъ змій;—чего ты пришелъ сюда: биться, или мириться?» — «Станемъ биться! дми точокъ!» Змій дунулъ— у него сталъ чугунный точокъ съ серебряными пругами, а Иванъ Сученко дунулъ — у него серебряный съ золотыми пругами; ударилъ онъ змія и убилъ до́ смерти, въ пепелъ перепалилъ, на вѣтеръ перепустилъ. Царевна ему дала кольцо; онъ взялъ и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ — опять такой же домъ съ двумя этажами. Вышла на встрѣчу дѣвка: «Чего, русской человѣкъ, коло нашего двора ходишь?» — «Ты прежде воды дай — глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!» Она принесла ему воды, накормила, напоила и къ царевнѣ проводила. «Здравствуй, Иванъ-Сученко! чего ты пришелъ?» — «За тобою: хочу тебя у змія отнять». — «Куда тебѣ отнять! мой мужъ дюже сильный, съ двѣнадцатью головами!» — «Я и съ одною, а его повою, коли Богъ поможетъ!» Входитъ въ горницу, а тамъ двѣнадцатиглавой змій дрыхнетъ [1]): какъ змій вздохнётъ, такъ увесь потолокъ ходоромъ [2]) заходитъ! А его сорокопудавая булава въ кутку [3]) стоитъ. Иванъ-Сученко свою булаву въ кутокъ поставилъ, а зміеву взялъ; размахнулся, какъ ударитъ змія — пошелъ гулъ по всему двору! съ до́му крышу сорвало! Убилъ Иванъ-Сученко двѣнадцатиглаваго змія, въ пепелъ перепалилъ, на вѣтеръ перепустилъ. Царевна даетъ ему кольцо и говоритъ: «Будемъ со мною жить!» А онъ зоветъ ее съ собою. «Какъ же я свое богатство брошу?» Взяла все свое богатство, въ золотое яйцо своротила и отдала Ивану-Сученку; онъ положилъ то яйцо въ карманъ и вмѣстѣ съ нею пошелъ назадъ до ея сестеръ. Подстаршая царевна своротила свое богатство въ серебряное яйцо, а самая меньшая — въ мѣдное, и ему жъ отдали.

Приходятъ они вчетверомъ до норы; Иванъ-Сученко привязалъ меньшую царевну и встряхнулъ канатъ: «Какъ тебя (говоритъ) вытянутъ наверхъ, то покличь: Царенко! Онъ озовется: га! а ты скажи: я твоя!» Послѣ привязалъ другую царевну и опять встряхнулъ канатъ, чтобъ наверхъ тянули: «Какъ тебя вытянутъ, то покличь: Поваренко! Онъ озовется: га! а ты скажи: я твоя!» Сталъ третью царевну до каната привязывать, и говоритъ ей: «Какъ тебя вытянутъ, ты молчи— моя будешь!» Вытянули царевну, она молчитъ; вотъ Бѣлой Полянинъ разсердился, и какъ стали тянуть Ивана-Сученка, взялъ да-й перерѣзалъ канатъ...Сученко упалъ, приподнялся и пошелъ до стараго дѣда. Дѣдъ его пытаетъ: «Чего ты пришелъ?» — «Биться!» Начали воевать; бились-бились, устали и бросились до воды. Дѣдъ ошибся, далъ Сученку сильной воды напиться, а самъ простой выпилъ. Сталъ Иванъ-Сученко осиливать; дѣдъ и говоритъ: «Не добивай меня! возьми себѣ въ погребѣ кремень, кресало да трехъ сортовъ шерсть — въ бѣдѣ пригодится!» Иванъ-Сученко взялъ кремень, кресало и трехъ сортовъ шерсть;

---

[1]) Спитъ. [2]) Ходенемъ. [3]) Въ углу.

вырубилъ огонь и припалилъ сѣрую шерсть — бѣжитъ до него сѣрой конь, изъ-подъ копытъ шматья [1]) летятъ, изо рта пáра [2]) пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ. «Много ль нужно времени, пока ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?» — «А столько, сколько нужно людямъ, чтобъ обѣдъ наварить!» Сученко припалилъ вороную шерсть — бѣжитъ вороной конь, изъ-подъ копытъ шматья летятъ, изо рта пáра пышетъ, изъ ушей дымъ валитъ. «Скоро ль ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?»—«Люди пообѣдать не успѣютъ!» Припалилъ рыжую шерсть — бѣжитъ рыжій конь, изъ-подъ копытъ шматья летятъ, изо рта пáра пышетъ, изъ ушей дымъ валитъ. «Скоро ль ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?» — «Плюнуть не успѣешь!» Сѣлъ на того коня и очутился на своей землѣ.

Приходитъ до золотаря: «Я,—говоритъ,—буду твоимъ помощникомъ!» Меньшая царевна приказываетъ золотарю: «Сдѣлай мнѣ къ свадьбѣ золотой перстень!» Онъ взялся за ту работу, а Иванъ-Сученко говоритъ: «Постой, я тебѣ перстень сдѣлаю, а ты мнѣ мѣшокъ орѣховъ дай». Золотарь принесъ ему мѣшокъ орѣховъ; Иванъ-Сученко орѣхи поѣлъ, золото молоткомъ разбилъ, вынулъ царевнино колечко, вычистилъ и отдалъ хозяину. Царевна приходитъ въ субботу за кольцомъ, глянула: «Ахъ, какое прекрасное колечко! я такое отдала Ивану-Сученку, да его нѣтъ на этомъ свѣтѣ!» И проситъ золотаря къ себѣ на свадьбу. На другой день золотарь пошелъ на свадьбу; а Иванъ-Сученко дома остался, припалилъ сѣрую шерсть — бѣжитъ до него сѣрой конь. «Чего ты меня требуешь?» — «Надо на весильномъ [3]) домѣ трубу сорвать!»— «Садись на меня, заглянь въ лѣвое ухо, выглянь въ правое!» Онъ заглянулъ въ лѣвое ухо, а въ правое выглянулъ—и сталъ такой молодецъ, что́ ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать. Поскакалъ и снялъ трубу съ дома; тутъ всѣ закричали, перепугались, свадьба разъѣхалась. Другая царевна принесла золото, проситъ кольцо сдѣлать. Иванъ-Сученко говоритъ золотарю: «Дай мнѣ два мѣшка орѣховъ, я тебѣ кольцо сдѣлаю». — «Ну, что жъ, сдѣлай». Сученко орѣхи поѣлъ, золото молоткомъ разбилъ, вынулъ царевнино кольцо, вычистилъ и отдалъ. Царевна увидала кольцо: «Ахъ, какое славное! я точно такое отдала Ивану - Сученку, да его теперь нѣтъ на этомъ свѣтѣ!» Взяла кольцо и зоветъ золотаря на свадьбу. Тотъ пошелъ на свадьбу, а Иванъ - Сученко припалилъ вороную шерсть — бѣжитъ вороной конь. «Чего ты отъ меня требуешь?» — «Надо сорвать съ весильнаго дома крышу».—«Сядь на меня; въ лѣвое ухо заглянь, въ правое выглянь!» Онъ заглянулъ въ лѣвое ухо, выглянулъ въ правое — сталъ молодецъ молоддомъ! Конь понесъ его такъ шибко, что сорвалъ съ дома крышу; всѣ закричали, принялись стрѣлять въ коня, только не попали; свадьба опять разъѣхалась. Вотъ и старшая царевна проситъ, чтобы ей колечко сдѣлали: «Не хотѣла я,—говоритъ,—за Бѣлого Полянина замужъ итти, да, видно,

---

[1]) Большіе куски грязи, земли. [2]) Паръ. [3]) Свадебномъ.

Богъ такъ судилъ!» Иванъ - Сученко говоритъ золотарю: «Дай мнѣ три мѣшка орѣховъ, я тебѣ кольцо сдѣлаю». Опять орѣхи поѣлъ, золотомолоткомъ разбилъ, вынулъ царевнино кольцо, вычистилъ и отдалъ. Въ субботу приходитъ царевна за кольцомъ, глянула: «Ахъ, какое славное колечко! Боже мой! гдѣ ты досталъ этотъ перстень? я точно такой отдала тому, кого любила». И проситъ золотаря: «Приходи завтра на свадьбу ко мнѣ!» На другой день золотарь пошелъ на свадьбу; а Иванъ-Сученко дома остался, припалилъ рыжую шерстину — бѣжитъ рыжій конь. «Чего ты отъ меня требуешь?»—«Неси меня, какъ хочешь, только бы намъ впередъ ѣхать—потолокъ на весильномъ домѣ сорвать, а назадъ ѣхать — Бѣлого Полянина за чубъ взять!» — «Сядь на меня, въ лѣвое ухо заглянь, въ правое выглянь!» Понесъ его рыжій конь шибко-шибко. Туда ѣдучи, Сученко потолокъ съ дома снялъ, а назадъ ѣдучи, ухватилъ Бѣлаго Полянина за чубъ, поднялся высоко вверхъ и бросилъ его на̀земь: Бѣлой Полянинъ на кусочки разбился. А Иванъ-Сученко опустился внизъ, обнялся, поцѣловался съ своею невѣстою; Иванъ-царевичъ и Поваренко ему обрадовались; всѣ они обвѣнчались на прекрасныхъ царевнахъ и стали жить вмѣстѣ богато и счастливо.

(Сообщена М. А. Максимовичемъ).

80. Зорька, Вечорка и Полуночка.

Въ нѣкоемъ государствѣ жилъ - былъ король; у него было три дочери красоты неописанной. Король берегъ ихъ пуще глаза своего, устроилъ подземныя палаты и посадилъ ихъ туда, словно птичекъ въ клѣтку, чтобы ни буйные вѣтры на нихъ не повѣяли, ни красное солнышко лучомъ не опалило. Разъ какъ-то вычитали королевны въ одной книгѣ, что есть чудной бѣлой свѣтъ, и когда пришелъ король навѣстить ихъ, онѣ тотчасъ начали его со слезами упрашивать: «Государь, ты нашъ батюшка! выпусти насъ на бѣлой свѣтъ посмотрѣть, въ зелено́мъ саду погулять». Король принялся было ихъ отговаривать, — куда! — и слышать не хотятъ; чѣмъ больше отказываетъ, тѣмъ онѣ пуще къ нему пристаютъ. Нечего дѣлать, согласился король на ихъ неотступную просьбу. Вотъ прекрасныя королевны вышли въ садъ погулять, увидали красное солнышко и деревья, и цвѣты, и несказанно возрадовались, что имъ воленъ бѣлой свѣтъ; бѣгаютъ по́ саду — забавляются, всякою травкою любуются, какъ вдругъ подхватило ихъ буйнымъ вихремъ и унесло высоко-далеко — невѣдомо куда. Мамки и няньки всполошилися, побѣжали къ королю докладывать; король то́тчасъ разослалъ во всѣ стороны своихъ вѣрныхъ слугъ: кто на слѣдъ нападетъ, тому посулилъ большую награду пожаловать. Слуги ѣздили-ѣздили, ничего не провѣдали, съ чѣмъ поѣхали — съ тѣмъ и назадъ воротились. Король созвалъ свой большой совѣтъ, сталъ у думныхъ бояръ

спрашивать: не возьмется ли кто розыскать его дочерей? Кто это дѣло сдѣлаетъ, за того любую королевну замужъ отдастъ и богатымъ приданымъ на всю жизнь надѣлитъ. Разъ спросилъ — бояре молчатъ, въ другой — не отзываются, въ третій — никто ни полслова! Залился король горючими слезами: «Видно, нѣтъ у меня ни друзей ни заступниковъ!» и велѣлъ по всему государству кличъ кликать: не выищется ли кто на такое дѣло изъ простыхъ людей? А въ то самое время жила-была въ одной деревнѣ бѣдная вдова, и было у нея трое сыновъ — сильномогучихъ богатырей; всѣ они родились въ одну ночь: старшій съ вечера, середній въ полночь, а меньшой на ранней утренней зорѣ, и назвали ихъ по тому: Вечорка, Полуночка и Зорька [1]). Какъ дошелъ до нихъ королевской кличъ, они тотчасъ взяли у матери благословеніе, собрались въ путь и поѣхали въ столичной градъ. Пріѣхали къ королю, поклонились ему низко и молвили: «Многолѣтно здравствуй, государь! мы пришли къ тебѣ не пиръ пировать, службу служить; позволь намъ поѣхать, твоихъ королевенъ розыскать». — «Исполать вамъ, добрые молодцы! какъ васъ по имени зовутъ?» — «Мы — три брата родные: Зорька, Вечорка и Полуночка». — «Чѣмъ же васъ на дорогу пожаловать?» — «Намъ, государь, ничего не надобно; не оставь только нашей матушки, призри ее въ бѣдности да въ старости». Король взялъ старуху, помѣстилъ во дворецъ и велѣлъ кормить ее и поить съ своего стола, одѣвать-обувать изъ своихъ кладовыхъ.

Отправились добрые молодцы въ путь-дорогу; ѣдутъ мѣсяцъ, и другой, и третій и заѣхали въ широкую пустынную степь. За той степью дремучій лѣсъ, а у самаго лѣса стоитъ избушка; постучались въ окошко — нѣтъ отзыва; вошли въ двери — а въ избушкѣ нѣтъ никого. «Ну, братцы! останемся здѣсь на время, отдохнемъ съ дороги». Раздѣлись, помолились Богу и легли спать. На утро меньшой братъ Зорька говоритъ старшему брату Вечоркѣ: «Мы двое на охоту пойдемъ, а ты оставайся дома да приготовь намъ обѣдать». Старшій братъ согласился; возлѣ той избушки былъ хлѣвецъ полонъ овецъ; вотъ онъ, долго не думая, взялъ что ни есть лучшаго барана [2]), зарѣзалъ, вычистилъ и зажарилъ къ обѣду. Приготовилъ все, какъ надобно, и легъ на лавочку отдохнуть. Вдругъ застучало, загремѣло — отворилась дверь, и вошелъ старичокъ-самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ [3]), глянулъ сердито и закричалъ на Вечорку: «Какъ смѣлъ въ моемъ домѣ хозяйничать, какъ смѣлъ моего барана зарѣзать?» Отвѣчаетъ Вечорка: «Прежде вырости, а то тебя отъ земли не видать! Вотъ возьму щей ложку да хлѣба крошку — всѣ глаза заплесну!» Старичокъ-съ ноготокъ еще пуще озлобился: «Я малъ, да удалъ!» Схватилъ горбушку хлѣба—

---

[1]) *Вар.* было у нея три сына: Вечеръ, Полночь и Зоря.

[2]) *Вар.* На дворѣ было много всякаго скота; вотъ онъ выбралъ самаго большого быка... [3]) *Вар.* старичокъ-самъ въ аршинъ, борода—семь аршинъ.

и давай его въ голову бить: до полусмерти прибилъ, чуть-чуть живого оставилъ и бросилъ подъ лавку; потомъ съѣлъ зажаренаго барана и ушелъ въ лѣсъ. Вечорка обвязалъ голову тряпицею, лежитъ да охаетъ. Воротились братья, спрашиваютъ: «Что съ тобой подѣялось?» — «Эхъ, братцы! затопилъ я печку, да отъ великаго жару разболѣлась у меня головушка — весь день какъ шальной провалялся, не могъ ни варить, ни жарить!» На другой день Зорька съ Вечоркою на охоту пошли, а Полуночку дома оставили: пусть де обѣдъ приготовитъ. Полуночка развёлъ огонь, выбралъ самаго жирнаго барана, зарѣзалъ его, поставилъ въ печь; управился и лёгъ на лавку. Вдругъ застучало, загремѣло — вошелъ старичокъ-самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ — и давай его бить-колотить, — чуть-чуть совсѣмъ не ухлопалъ; съѣлъ жаренаго барана и ушелъ въ лѣсъ. Полуночка завязалъ платкомъ голову, лежитъ подъ лавкою да охаетъ. Воротились братья: «Что съ тобой?» спрашиваетъ Зорька. «Угорѣлъ, братцы! всю головушку разломило, и обѣда вамъ не готовилъ». На третій день старшіе братья на охоту пошли, а Зорька дома остался; выбралъ что ни есть лучшаго барана, зарѣзалъ, вычистилъ и зажарилъ. Управился и легъ на лавочку. Вдругъ застучало, загремѣло — идетъ во дворъ старичокъ-самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, на головѣ цѣлой стогъ сѣна тащитъ, а въ рукахъ большой чанъ воды несетъ; поставилъ чанъ съ водою, раскидалъ сѣно по двору и принялся овецъ считать. Видитъ— опять не хватаетъ одного барана, разсердился, побѣжалъ въ избушку, бросился на Зорьку и крѣпко ударилъ его въ голову. Зорька вскочилъ, ухватилъ старичка за длинную бороду — и ну таскать въ поволочку во всѣ стороны; таскаетъ да приговариваетъ: «Не узнавъ броду, не суйся въ воду!» Взмолился старичокъ-самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ: «Смилуйся, сильно могучій богатырь! не предавай меня смерти, отпусти душу на покаяніе». Зорька вытащилъ его на дворъ, подвелъ къ дубовому столбу и въ тотъ столбъ забилъ ему бороду большимъ желѣзнымъ клиномъ; послѣ воротился въ избу, сидитъ да братьевъ дожидается. Пришли братья съ охоты и дивуются, что онъ цѣлъ-невредимъ. Зорька усмѣхается и говоритъ: «Пойдемте-ка, братцы! вѣдь я вашъ угаръ поймалъ, къ столбу привязалъ» [1]). Выходятъ на дворъ, смотрятъ — старичокъ-съ ноготокъ давно убѣжалъ, только половина

---

[1]) *Варіантъ 1-й:* Зорька ухватилъ старика за̀ бороду и до тѣхъ поръ садилъ его объ полъ, пока совсѣмъ борода не оторвалась. Старичокъ-съ ноготокъ вырвался и убѣжалъ, а борода его осталась у богатыря въ рукахъ. Зорька взялъ ее, прибилъ къ стѣнѣ гвоздемъ, и какъ только братья съ охоты пришли, сталъ имъ на ту бороду показывать: «Вотъ де ваша головная боль! Угорѣли вы не отъ печки, а отъ этой бородки».

[1]) *Вар. 2-й.:* Зорька раздвинулъ въ полу двѣ доски, просунулъ старичку бороду, защемилъ—и давай его бить желѣзнымъ прутомъ. Тотъ рвался-рвался—и ушелъ безъ бороды.

бороды на столбѣ мотается; а гдѣ онъ бѣжалъ, тутъ кровь лилась. По тому слѣду добрались братья до глубокаго провала. Зорька пошелъ въ лѣсъ, надралъ лыкъ, свилъ верёвку и велѣлъ спустить себя подъ землю. Вечорка и Полуночка спустили его подъ землю. Очутился онъ на томъ свѣтѣ, отвязался отъ цѣпи и пошелъ, куда глаза глядятъ. Шелъ-шелъ — стоитъ мѣдной дворецъ; онъ во дворецъ, встрѣчаетъ его младшая королевна—краше цвѣта алаго, бѣлѣй снѣгу бѣлаго, и ласково спрашиваетъ: «Какъ зашелъ сюда, доброй молодецъ, по волѣ, аль по неволѣ?» — «Твой родитель послалъ васъ, королевенъ, розыскивать». Она тотчасъ посадила его за столъ, накормила-напоила и даетъ ему пузырёкъ съ сильной водою: «Испей-ка этой водицы, — у тебя силы прибавится». Зорька вышилъ тотъ пузырёкъ и почуялъ въ себѣ мощь великую: «Теперь,—думаетъ,—хоть кого осилю!» Тутъ поднялся буйной вѣтеръ, королева испугалась: «Сейчасъ,—говоритъ,—мой змѣй прилетитъ!» взяла его за руку и схоронила въ другой комнатѣ. Прилетѣлъ трехглавой змѣй, ударился о сыру землю, обернулся мо́лодцемъ и закричалъ: «А! русскимъ духомъ пахнетъ... кто у тебя въ гостяхъ?» — «Кому у меня быть? ты по Руси леталъ, тамъ русскаго духу набрался — оттого и здѣсь тебѣ чудится». Змѣй запросилъ ѣсть и пить; королевна принесла ему разныхъ кушаньевъ и напитковъ, а въ тѣ напитки подсыпала соннаго зелья. Змѣй наѣлся-напился, стало его въ сонъ бросать; онъ заставилъ королевну искать у себя въ головахъ, легъ къ ней на колѣни и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Королевна вызвала Зорьку; тотъ вышелъ, размахнулъ мечомъ и отрубилъ змѣю всѣ три головы; пото́мъ разложилъ костёръ, сжогъ змѣя поганаго и пустилъ пепелъ по чистому полю. «Теперь прощай, королевна! пойду искать твоихъ сестеръ; а какъ найду — за тобой ворочусь»,—сказалъ Зорька и пошелъ въ дорогу; шелъ-шелъ, видитъ — серебряной дворецъ, въ томъ дворцѣ жила средняя королевна. Зорька убилъ тутъ шестиглаваго змѣя и пошелъ дальше. Долго ли, коротко ли — добрался онъ до золотого дворца, въ томъ дворцѣ жила старшая королевна; онъ убилъ двѣнадцатиглаваго змѣя и освободилъ ее отъ заключенія. Королевна возрадовалась, стала домой собираться, вышла на широкій дворъ, махнула краснымъ платочкомъ — золотое царство въ яичко скаталось; взяла то яичко, положила въ карманъ и пошла съ Зорькою-богатыремъ за своими сестрицами. Тѣ то же самое сдѣлали: скатали свои царства въ яички, забрали съ собой и отправились къ провалу. Вечорка и Полуночка вытащили своего брата и трехъ королевенъ на бѣлой свѣтъ. Пріѣзжаютъ они всѣ вмѣстѣ въ свое государство; королевны покатили въ чистомъ полѣ своими яичками — и тотчасъ явились три царства: мѣдное, серебряное и золотое. Король такъ обрадовался, что и разсказать нельзя; тотчасъ же обвѣнчалъ Зорьку, Вечорку и Полуночку на своихъ дочеряхъ, а по смерти сдѣлалъ Зорьку своимъ наслѣдникомъ.

81. Медвѣдко, Усыня, Горыня и Дубыня богатыри.

а. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ со старухою; дѣтей у нихъ не было. Говоритъ разъ старикъ: «Старуха! поди, купи рѣпку — за обѣдомъ съѣдимъ». Старуха пошла, купила двѣ рѣпки: одну кое-какъ изгрызли, а другую въ печь положили, чтобы распарилась. Погодя немного, слышутъ — что-то въ печи кричитъ: «Бабушка! откутай: тутъ жарко!» Старуха открыла заслонку, а въ печи лежитъ живая дѣвочка. «Что тамъ такое?» спрашиваетъ старикъ. «Ахъ, старикъ! Господь далъ намъ дѣвочку». И старикъ и старуха крѣпко обрадовались и назвали эту дѣвочку Рѣпкою. Вотъ Рѣпка росла-росла и выросла большая. Въ одно время приходятъ деревенскія дѣвки и просятъ: «Бабушка! отпусти съ нами Рѣпку въ лѣсъ за ягодами» [1]).—«Ни пущу, к....ны дѣти! вы ее въ лѣсу покинете».—«Нѣтъ, бабушка! ни за что не кинемъ». Старуха отпустила Рѣпку. Собрались дѣвки, пошли за ягодами и зашли въ такой дремучій лѣсъ, что зги не видать. Глядь — стоитъ въ лѣсу избушка; вошли въ избушку, а тамъ на столбѣ медвѣдь сидитъ. «Здравствуйте, красныя дѣвицы!— сказалъ медвѣдь;—я васъ давно жду». Посадилъ ихъ за столъ, наклалъ имъ каши и говоритъ: «Кушайте, хорошія-пригожія! которая ѣсть не будетъ, тоё замужъ возьму». Всѣ дѣвки кашу ѣдятъ, одна Рѣпка не ѣстъ. Медвѣдь отпустилъ дѣвокъ домой, а Рѣпку у себя оставилъ; притащилъ сани, прицѣпилъ къ потолку, лёгъ въ эти сани и заставилъ себя качать. Рѣпка стала качать, стала приговаривать: «Бай-бай, старой хрѣнъ!»—«Не такъ!—говоритъ медвѣдь:—сказывай: бай-бай, милый другъ!» Нечего дѣлать, стала качать да приговаривать: «Бай-бай, милый другъ!» Вотъ такъ-то прожилъ медвѣдь съ нею близко года. Рѣпка забрюхатѣла и думаетъ: какъ бы выискать случай да уйти домой. Разъ медвѣдь пошелъ на добычу, а ее въ избушкѣ оставилъ и заклалъ дверь дубовыми пнями. Рѣпка давай выдираться, силилась-силилась, кое-какъ выдралась и убѣжала домой. Старикъ со старухой обрадовались, что она нашлась; живутъ они мѣсяцъ, другой и третій, а на четвертой Рѣпка родила сына — половина человѣчья, половина медвѣжья; окрестили его и дали имя Ивашко-Медвѣдко [2]). Зачалъ Ивашко расти не по годамъ, а по часамъ: что часъ, то на вершокъ выше подается, словно кто его въ гору [3]) тащитъ. Стукнуло ему пятнадцать лѣтъ, сталъ онъ ходить съ ребятами на игры и шутить шутки нехорошія: кого ухватитъ за руку — рука прочь, кого за голову — голова прочь. Пришли мужики жаловаться, говорятъ старику: «Какъ хочешь, землякъ, а чтобъ сына твоего здѣсь не было! намъ для его удали не погубить своихъ дѣтокъ!» Старикъ запечалился-закручинился. «Что ты, дѣдушка, такъ невеселъ?—спрашиваетъ Ивашко-Медвѣдко: али кто тебя обездолилъ?»

---

[1]) *Вар.* за грибами. [2]) Максимъ-семи аршинъ. [3]) Т. е. вверхъ.

Старикъ трудно вздохнулъ: «Ахъ, внучекъ! одинъ ты у меня былъ кормилецъ, и то велятъ тебя изъ села выслать». — «Ну, что жъ, дѣдушка! это еще не бѣда; а вотъ бѣда, что нѣтъ у меня обороны. Поди-ка, сдѣлай мнѣ желѣзную дубинку въ двадцать-пять пудъ». Старикъ пошелъ и сдѣлалъ ему двадцатипятипудовую дубинку. Ивашко простился съ дѣдомъ, съ бабою, взялъ свою дубинку и пошелъ—куда глаза глядятъ.

Идетъ путёмъ-дорогою, пришелъ къ рѣкѣ шириной въ три версты; на берегу стоитъ человѣкъ, спёръ рѣку ртомъ, рыбу ловитъ усомъ, на языкѣ варитъ да кушаетъ. «Здравствуй, Усыня-богатырь!» — «Здравствуй, Ивашко-Медвѣдко! куда идешь?» — «Самъ не вѣдаю; иду — куда глаза глядятъ». — «Возьми и меня съ собой». — «Пойдемъ, братъ! я товарищу радъ». Пошли двое и увидали богатыря: захватилъ тотъ богатырь цѣлую гору, понёсъ въ логъ и верстаетъ дорогу. Ивашко удивился: «Вотъ чудо, такъ чудо! ужъ больно силёнъ ты, Горынюшка!»— «Охъ, братцы! какая во мнѣ сила? Вотъ есть на бѣломъ свѣтѣ Ивашко-Медвѣдко, такъ у того и впрямь сила великая!» — «Да вѣдь это я!»— «Куда жъ ты идешь?» — «А куда глаза глядятъ». — «Возьми и меня съ собой». — «Ну, пойдемъ; я товарищамъ радъ». Пошли трое и увидѣли: чудо-богатырь дубьё верстаетъ: который дубъ высокъ, тотъ въ землю пихаетъ, а который низокъ, изъ земли тянетъ [1]). Удивился Ивашко: «Что за сила, за могута великая!» — «Охъ, братцы! какая во мнѣ сила? Вотъ есть на бѣломъ свѣтѣ Ивашко-Медвѣдко, такъ тотъ и прямь силёнъ!» — «Да вѣдь это я!» — «Куда жъ тебя Богъ несетъ?» — «Самъ не знаю, Дубынюшка! [2]) иду — куда глаза глядятъ». — «Возьми и меня съ собой». — «Пойдемъ; я товарищамъ радъ». [3]) Стало ихъ четверо.

---

[1]) *Вар.* Богатырь въ лѣсу работаетъ: возьмется за ель — тотчасъ съ корнемъ вонъ, за сосну—и ту выдернетъ. [2]) *Варіантъ:* Лѣсиня-богатырь (отъ слова *лѣсъ*), или Еленя-богатырь (отъ слова *ель*). [3]) *Варіантъ:* Растетъ Ивашко не по годамъ, а по часамъ, ѣстъ по цѣлой квашнѣ на день; не донялся тѣмъ, что по цѣлой квашнѣ съѣдалъ, и сталъ говорить старику со старухою: «Вы мнѣ больше не кормильцы; пойду по дорогамъ гулять».—«Что ты, дитятко! живи съ нами».—«Нѣтъ, коли съ вами жить, надо мной смѣяться будутъ; въ лѣсу де родился, пнямъ Богу молился!» Сковалъ себѣ палицу въ девяносто пудъ, подбросилъ ее высоко вверхъ и подставилъ свой лобъ; палица упала — чуть-чуть погнулась. «Годится!» сказалъ Ивашко, взялъ эту палицу и пошелъ, куда самъ зналъ. Идетъ онъ путемъ-дорогою и видитъ: въ нѣкоторомъ царствѣ, въ чужой сторонѣ, противъ неба на землѣ одинъ богатырь горохъ вѣетъ. «Богъ помочь, богатырь-Горошникъ!»—«Спасибо, Ивашко-Медвѣдко!»—«Нечто пособить тебѣ?»—«Пожалуй, пособи!» Ивашко началъ горохъ вѣять: броситъ одну горсть—сдѣлается четверть, броситъ другую горсть—двѣ четверти,—живо весь горохъ перевѣялъ. Спрашиваетъ его богатырь-Горошникъ: «Возьми меня съ собой: я твоимъ меньшимъ братомъ буду».—«Ладно, и мнѣ веселѣй съ товарищемъ! Чѣмъ эдакимъ богатырямъ дома сидѣть, лучше по бѣлу свѣту погулять, себя показать, людей посмотрѣть». Пошли вмѣстѣ. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли—доходятъ до высокой горы. Ту гору богатырь копаетъ. «Здравствуй, богатырь-

Пошли они путемъ-дорогою, долго ли, коротко ли — зашли въ темный, дремучій лѣсъ; въ томъ лѣсу стоитъ малая избушка на курячей ножкѣ и все повертывается. Говоритъ Ивашко: «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ». Избушка поворотилась къ нимъ передомъ, двери сами растворилися, окна открылися; богатыри въ избушку — нѣтъ никого, а на дворѣ и гусей, и утокъ, и индѣекъ — всего вдоволь! «Ну, братцы! — говоритъ Ивашко-Медвѣдко, — всѣмъ намъ сидѣть дома не годится; давайте, кинемъ жеребей: кому дома оставаться, а кому на охоту итти». Кинули жеребей: палъ онъ на Усыню-богатыря. Названные братья его на охоту ушли, а онъ настряпалъ-наварилъ, чего только душа захотѣла, вымылъ голову, сѣлъ подъ окошечко и началъ гребешкомъ кудри расчесывать. Вдругъ закутилося-замутилося, въ глаза зелень выступила — становится земля пупомъ, изъ-подъ земли камень выходитъ, изъ-подъ камня баба-яга, костяная нога, ж... жиленая, на желѣзной ступѣ ѣдетъ, желѣзнымъ толкачомъ погоняетъ [1]), сзади собачка побрёхиваетъ. «Тутъ мнѣ попить-поѣсть у Усыни-богатыря!» — «Милости прошу, баба-яга, костяная нога!» Посадилъ ее за столъ, подалъ часточку, она съѣла. Подалъ другую, она собачкѣ отдала: «Такъ-то ты меня потчуешь!» Схватила толкачъ, начала бить Усынюшку, била-била, подъ лавку забила, со спины ремень вырѣзала, поѣла все дочиста и уѣхала. Усыня очнулся, повязалъ голову платочкомъ, сидитъ да охаетъ. Приходитъ Ивашко-Медвѣдко съ братьями: «Ну-ка, Усынюшка! дай намъ пообѣдать, что ты настряпалъ»? — «Ахъ, братцы! ничего не варилъ, не жарилъ; такъ угорѣлъ, что насилу избу прокурилъ». На другой день остался дома Горыня-богатырь, наварилъ-настряпалъ, вымылъ голову, сѣлъ подъ окошечкомъ и началъ гребнемъ кудри расчесывать. Вдругъ закутилося-замутилося, въ глаза зелень выступила — становится земля пупомъ, изъ-подъ земли камень, изъ-подъ камня баба-яга, костяная нога, на желѣзной ступѣ ѣдетъ, желѣзнымъ толкачемъ погоняетъ, сзади собачка побрёхиваетъ. «Тутъ мнѣ попить-погулять у Горынюшки!» — «Милости прошу, баба-яга, костяная нога!» Она сѣла, Горыня подалъ ей часточку — баба-яга съѣла; подалъ другую — собачкѣ отдала: «Такъ-то ты меня потчуешь!»

Горникъ! зачѣмъ гору копаешь?»—«Отъ скуки: нонче время мирное, воевать не съ кѣмъ, дѣлать нечего—хоть надъ горою потѣшиться!» — «Что-жъ ты долго возишься? аль пособить тебѣ?» сказалъ Ивашко, схватилъ гору и разомъ съ мѣста сдвинулъ. «Пойдемъ лучше съ нами!» Пошли трое. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли—пришли къ озеру; на томъ озерѣ богатырь усами рыбу ловитъ. «Здравствуй, Усыня-богатырь! что дѣлаешь?» — «Отъ скуки рыбу ловлю». «А много поймалъ?»—«Нѣтъ, братцы, еще и почину не сдѣлалъ». — «Плохо твое дѣло!—сказалъ Ивашко;—нечто пособить тебѣ». Нагнулъ голову къ озеру и давай тянуть воду; вытянулъ все озеро досуха, вся рыба на днѣ оказалася: сколько хошь—руками бери! Просится Усыня-богатырь: «Возьмите и меня съ собой!»—«Пойдемъ!»

[1]) *Вар.* пестомъ упираетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ.

Схватила желѣзной толкачъ, била его-била, подъ лавку забила, со спины ремень вырѣзала, поѣла все до послѣдней крошки и уѣхала. Горыня опомнился, повязалъ голову и, ходя, охаетъ. Воротился Ивашко-Медвѣдко съ братьями: «Ну-ка, Горынюшка! что ты намъ на обѣдъ сготовилъ?» — «Ахъ, братцы! ничего не варилъ; печь угарная, дрова сырыя, насилу прокурилъ». На третій день остался дома Дубыня-богатырь, настряпалъ-наварилъ, вымылъ голову, сѣлъ подъ окошечкомъ и началъ кудри расчесывать. Вдругъ закутилося-замутилося, въ глаза зелень выступила — становится земля пупомъ, изъ-подъ земли камень, изъ-подъ камня баба-яга, костяная нога, на желѣзной ступѣ ѣдетъ, желѣзнымъ толкачомъ погоняетъ, сзади собачка побрёхиваетъ. «Тутъ мнѣ попить-погулять у Дубынюшки!» — «Милости прошу, баба-яга, костяная нога!» Баба-яга сѣла, часточку ей подалъ — она съѣла; другую подалъ — собачкѣ бросила: «Такъ-то ты меня потчуешь!» Ухватила толкачъ, била его-била, подъ лавку забила, со спины ремень вырѣзала, поѣла все и уѣхала. Дубыня очнулся, повязалъ голову и, ходя, охаетъ. Воротился Ивашко: «Ну-ка, Дубынюшка! давай намъ обѣдать».— «Ничего не варилъ, братцы! такъ угорѣлъ, что насилу избу прокурилъ». На четвертый день дошла очередь до Ивашки; остался онъ дома, наварилъ-настряпалъ, вымылъ голову, сѣлъ подъ окошечкомъ и началъ гребнемъ кудри расчесывать. Вдругъ закутилося-замутилося — становится земля пупомъ, изъ-подъ земли камень, изъ-подъ камня баба-яга, костяная нога, на желѣзной ступѣ ѣдетъ, желѣзнымъ толкачомъ погоняетъ, сзади собачка побрёхиваетъ. «Тутъ мнѣ попить-погулять у Ивашки-Медвѣдка!» — «Милости прошу, баба-яга, костяная нога!» Посадилъ ее, часточку подалъ — она съѣла; другую подалъ — она сучкѣ бросила: «Такъ-то ты меня потчуешь!» Схватила толкачъ и стала его осаживать; Ивашко осердился, вырвалъ у бабы-яги толкачъ и давай ее бить изо всей мочи; билъ-билъ, до полусмерти избилъ, вырѣзалъ со спины три ремня, взялъ-засадилъ въ чуланъ и заперъ. Приходятъ товарищи: «Давай, Ивашко, обѣдать!» — «Извольте, други! садитесь». Они сѣли, а Ивашко сталъ подавать: всего много настряпано. Богатыри ѣдятъ, дивуются да промежъ себя разговариваютъ: «Знать, у него не была баба-яга!» Послѣ обѣда Ивашко-Медвѣдко истопилъ баню, и пошли они париться. Вотъ Усыня съ Дубыней да съ Горынею моются, и все норовятъ стать къ Ивашкѣ передомъ. Говоритъ имъ Ивашко: «Что вы, братцы, отъ меня свои спины прячете?» Нечего дѣлать богатырямъ, признались, какъ приходила къ нимъ баба-яга да у всѣхъ по ремню вырѣзала. «Такъ вотъ отъ чего угорѣли вы!» сказалъ Ивашко, сбѣгалъ въ чуланъ, отнялъ у бабы-яги тѣ ремни, приложилъ къ ихнимъ спинамъ, и тотчасъ все зажило. Послѣ того взялъ Ивашко-Медвѣдко бабу-ягу, привязалъ веревкой за́ ногу и повѣсилъ на воротахъ: «Ну, братцы! заряжайте ружья да давайте въ цѣль стрѣлять: кто перешибетъ веревку пулею—молодецъ будетъ!» Первой выстрѣлилъ Усыня—промах-

нулся, второй выстрѣлилъ Горыня—мимо далъ, третій Дубыня—чуть-чуть зацѣпилъ, а Ивашко выстрѣлилъ—перешибъ веревку; баба-яга упала на́земь, вскочила и побѣжала къ камню, приподняла камень и ушла подъ землю. Богатыри бросились вдогонку; тотъ попробуетъ, другой попробуетъ — не могутъ поднять камня, и Ивашко подбѣжалъ, какъ ударитъ ногою — камень отвалился и открылась норка. «Кто, братцы, туда полѣзетъ?» Никто не хочетъ. «Ну,—говоритъ Ивашко-Медвѣдко,—видно мнѣ лѣзть приходится!» Принесъ столбъ, уставилъ на краю пропасти, на столбѣ повѣсилъ колоколъ и прицѣпилъ къ нему одинъ конецъ веревки, а за другой конецъ самъ взялся: «Теперь опускайте меня, а какъ ударю въ колоколъ — назадъ тащите». Богатыри стали спускать его въ нору; Ивашко видитъ, что веревка вся, а до дна еще не хватаетъ, вынулъ изъ кармана три большихъ ремня, что̀ вырѣзалъ у бабы-яги, привязалъ ихъ къ веревкѣ и опустился на тотъ свѣтъ. Увидалъ дорожку торную и пошелъ по ней; шелъ-шелъ—стоитъ дворецъ; во дворцѣ сидятъ три дѣвицы, три красавицы, и говорятъ ему: «Ахъ, доброй мо̀лодецъ! зачѣмъ сюда зашелъ? вѣдь наша мать — баба-яга: она тебя съѣстъ!»—«Да гдѣ она?»—«Она теперь спитъ, а въ головахъ у ней мечъ-кладенецъ лежитъ; ты меча не трогай, а коли дотронешься—она въ ту же минуту проснется да на тебя накинется. А вотъ лучше возьми два золотыхъ яблочка на серебряномъ блюдечкѣ, разбуди ягу-бабу потихонечку, поднеси ей яблочки и проси отвѣдать ласково; она подниметъ свою голову, разинетъ пасть, и какъ только станетъ ѣсть яблочко—ты выхвати мечъ-кладенецъ и сруби ей голову за одинъ разъ, а въ другой не руби; если ударишь въ другой разъ — она тотчасъ оживетъ и предастъ тебя злой смерти». Ивашко такъ и сдѣлалъ: отсѣкъ бабѣ-ягѣ голову [1]), забралъ красныхъ дѣвицъ и повелъ къ норѣ; привязалъ старшую сестру къ веревкѣ, ударилъ въ колоколъ и крикнулъ: «Вотъ тебѣ, Усыня, жена!» Богатыри ее вытащили и опустили веревку на низъ; Ивашко привязалъ другую сестру: «Вотъ тебѣ, Горыня, жена!» И ту вытащили. Привязалъ

---

[1]) *Вар.* «Баба-яга теперь больна, въ своей спальнѣ спитъ, а какъ проснется — станетъ съ тобой бороться. Ступай на погребъ, тамъ есть двѣ бочки пива: въ одной пиво сильное, въ другой безсильное; переставь ихъ съ мѣста на мѣсто. Коли это сдѣлаешь — твой верхъ будетъ!» Ивашко переставилъ бочки. Вотъ проснулась баба-яга, увидала его и говоритъ: «Здравствуй, Ивашко-Медвѣдко! зачѣмъ сюда зашелъ?» «Въ гости, баба-яга!»—«Ну, пойдемъ пиво пить». Пошли на погребъ; баба-яга пьетъ пиво безсильное, а Ивашко сильное. «Ну, Ивашко-Медвѣдко, давай бороться». — «Давай, баба-яга!» Схватились они руками, ходили-ходили, Ивашко приподнялъ бабу-ягу и ударилъ такъ сильно, что насилу на̀ ноги встала. «Пойдемъ, еще пива выпьемъ!» Припали къ бочкамъ: баба-яга пьетъ пиво безсильное, а Ивашко сильное. Стали бороться; Ивашко опять поборолъ бабу-ягу; снова бросилась баба-яга пить пиво, припала къ безсильной бочкѣ, а Ивашко подкрѣпилъ себя изъ сильной бочки, и когда стали бороться—такъ хватилъ онъ бабу-ягу, что она тутъ же упала мертвая.

меньшую сестру и крикнулъ: «А это моя жена!» Дубыня разсердился, и какъ скоро потащили Ивашку-Медвѣдка, онъ взялъ палицу и разрубилъ веревку на̀двое. Ивашко упалъ и больно зашибся: очнулся до̀брой мо̀лодецъ и не знаетъ, какъ ему быть; день, другой и третій сидитъ не ѣвши не пивши, отощалъ съ голоду и думаетъ: «Пойду-ка поищу въ кладовыхъ у бабы-яги, нѣтъ ли чего перекусить». Пошелъ по кладовымъ, наѣлся-напился и напалъ на подземный ходъ; шелъ-шелъ и выбрался на бѣлой свѣтъ. Идетъ чистымъ полемъ и видитъ — красная дѣвица скотину пасетъ; подошелъ къ ней поближе и узналъ свою невѣсту. «Что, умница, дѣлаешь?» — «Скотину пасу; сестры мои за богатырей замужъ идутъ, а я не хочу итти за Дубынюшку, такъ онъ приставилъ меня за коровами ходить». Вечеромъ красная дѣвица погнала стадо домой, а Ивашко-Медвѣдко за нею идетъ. Пришелъ въ избу: Усыня, Горыня и Дубыня богатыри сидятъ за столомъ да гуляютъ. Говоритъ имъ Ивашко: «Добрые люди! поднесите мнѣ хоть одну рюмочку». Поднесли ему рюмку зеленаго вина; онъ выпилъ и другую запросилъ; дали ему другую, выпилъ и запросилъ третью, а какъ выпилъ третью, распалилось въ немъ богатырское сердце: выхватилъ онъ боевую палицу, убилъ всѣхъ трехъ богатырей и выбросилъ ихъ тѣла въ чистое поле лютымъ звѣрямъ на съѣденіе. Послѣ того взялъ свою нарѣченную невѣсту, воротился къ старику и къ старухѣ и сыгралъ веселую свадьбу; много тутъ было выпито, много было съѣдено. И я на свадьбѣ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, во рту сухо было́; дали мнѣ пива корецъ — моей сказкѣ конецъ.

b. Жила-была старуха, дѣтей у нея не было. Въ одно время пошла она щепки собирать и нашла сосновый чурбанъ; воротилась, затопила избу, а чурбанъ положила на печку и говоритъ сама съ собою: «Пускай высохнетъ, на лучину годится!» А изба у старухи была чорная; скоро щепки разгорѣлися, и пошелъ дымъ по всей избѣ. Вдругъ старухѣ послышалось, будто на печѝ чурбанъ кричитъ: «Матушка, дымно! матушка, дымно!» Она сотворила молитву, подошла къ печкѣ и сняла чурбанъ, смотритъ — что за диво! Былъ чурбанъ, а сталъ мальчикъ. Обрадовалась старуха: «Богъ сынка далъ!» И началъ тотъ мальчикъ расти не по годамъ, а по часамъ, какъ тѣсто на опарѣ киснетъ, выросъ и сталъ ходить на дворы боярскіе и шутить шуточки богатырскія: кого схватитъ за̀ руку — рука прочь, кого за̀ ногу — нога прочь, кого за̀ голову — голова долой! Стали бояре старухѣ жаловаться; она позвала сынка и говоритъ ему: «Что ты задумалъ? живи, батюшка, потише». А онъ въ отвѣтъ: «Если я тебѣ неугоденъ, я совсѣмъ уйду!» Вышелъ изъ города и пошелъ доро̀гою; навстрѣчу ему Дугиня-богатырь — хоть какое дерево, такъ въ дугу согнётъ! Спрашиваетъ Дугиня: «Куда идешь, Соска-богатырь?» — «Куда глаза глядятъ!» — «Возьми меня съ собой». — «Пойдемъ». Пошли вдвоемъ; повстрѣчался имъ Горыня-богатырь: «Куда идете?» — «А куда глаза глядятъ!»—«Возьмите

и меня съ собой». — «Ладно, иди». Прошли еще сколько-то верстъ, попадается имъ у большой рѣки Усыня-богатырь — сидитъ на берегу, однимъ усомъ рѣку запрудилъ, а по его усу, словно по мосту, пѣшіе идутъ, конные скачутъ, обозы ѣдутъ. Спрашиваетъ Усыня: «Куда идешь, Соска-богатырь?» — «Куда глаза глядятъ!» — «Возьми и меня съ собой». — «Ладно, будь товарищъ». Вотъ идутъ они четверо, долго ли, коротко ли — подходятъ къ синю морю; хочется имъ попасть на ту сторону, а какъ — не знаютъ. Усыня-богатырь раскинулъ свои усы и по тѣмъ усамъ перебрались всѣ на другую сторону. Шли-шли и очутились въ дремучемъ лѣсу. «Стой, ребята!—говоритъ Соска-богатырь;— что намъ по бѣлу свѣту шататься? не лучше ли здѣсь на житье остаться?» Принялись за работу, срубили избу и стали ходить охотиться, а дома оставляютъ одного по очереди — обѣдъ стряпать, за хозяйствомъ смотрѣть. На первой день была очередь Дугинина; изготовилъ онъ попить-поѣсть и лёгъ на лавку отдохнуть немножко. Стукъ-стукъ! приходитъ баба-яга: «Подавай, говоритъ, обѣдъ! пить-ѣсть хочу». Дугиня поставилъ на столъ хлѣбъ-соль и жареную утку; она все сожрала да еще спрашиваетъ. «Больше нѣтъ ничего! — отвѣчаетъ Дугиня: мы сами люди заѣзжіе». Баба-яга ухватила его за́ волосы, принялась таскать по́ полу; таскала-таскала, еле живого оставила. Воротились съ охоты товарищи; «Что лежишь, Дугиня?» — «Угорѣлъ, братцы! изба новая, сырая...» На другой день то же самое случилось съ Горынею, а на третій день — съ Усынею. Дошла очередь до Соски - богатыря; приходитъ къ нему баба-яга, требуетъ: «Подавай пить-ѣсть!» Онъ поставилъ на столъ хлѣбъ-соль и жаренаго гуся. Баба-яга съѣла и еще спрашиваетъ. «Больше нѣтъ ничего, мы сами люди заѣзжіе». Она кинулась на богатыря, да Соска-богатырь самъ силёнъ, ухватилъ ее за сѣдыя космы, оттаскалъ и выкинулъ изъ избы еле живую. Баба-яга поползла на корачкахъ и ушла подъ большой камень. Воротились съ охоты товарищи; Соска-богатырь повёлъ ихъ къ этому камню и говоритъ: «Надобно, ребята, поднять его». Они пробовали-пробовали — никто своротить не можетъ; а Соска - богатырь кулакомъ ударилъ — камень за версту отлетѣлъ. Глянули, а на томъ мѣстѣ, гдѣ камень лежалъ, пропасть оказалася. «Ну, ребята, надо звѣрьё бить да веревки вить». Набили звѣрей, нарѣзали кожъ, связали длинной ремень, прицѣпили къ нему сѣтку, а въ той сѣткѣ спустили Соску-богатыря въ подземельное царство. Началъ онъ ходить по подземельному царству, набрёлъ на избушку, взошелъ туда — въ избушкѣ сидитъ дочь бабы-яги да ковёръ вышиваетъ. Увидала гостя и вскрикнула: «Ахъ, Соска-богатырь! сейчасъ моя матушка прійдетъ; куда тебя спрятать отъ нея?» Взяла-оборотила его въ булавку и воткнула въ пяльцы. Приходитъ баба-яга и спрашиваетъ: «Кто у тебя въ избѣ?» — «Никого, матушка!» — «Что же русскимъ духомъ пахнетъ?» Кинулась искать; искала-искала — никого не нашла. Какъ только баба-яга ушла, красная дѣвица бросила булавочку о́бъ

полъ—изъ булавочки явился Соска-богатырь; повела его въ чуланъ, въ томъ чуланѣ два кувшина стоятъ: въ синемъ—сильная вода, въ бѣломъ—безсильная. «Когда будешь съ матушкой драться, выскочи скорѣе въ двери да въ чуланъ, выпей всю воду изъ синяго кувшина и перелей въ него изъ бѣлаго». Только успѣла это разсказать, какъ прибѣгаетъ баба-яга и хочетъ въ богатыря вцѣпиться. «Постой, матушка,—говоритъ ей дочь,—сдѣлай прежде уговоръ: если онъ тебя сшибетъ, пускай дастъ тебѣ духъ перевести, а если ты его сшибешь, тогда ему просить отдыху». Соска-богатырь и баба-яга сдѣлали такой уговоръ и бросились другъ на друга; яга-баба ударила его о̀бъ полъ. Красная дѣвица сейчасъ закричала: «Матушка! дай ему отдохнуть». Соска-богатырь побѣжалъ въ чуланъ, выпилъ изъ синяго кувшина всю воду, перелилъ въ него изъ бѣлаго, воротился въ избу, ухватилъ бабу-ягу и ударилъ о̀бъ полъ. «Дай духъ перевести!»—закричала старуха, вскочила, побѣжала въ чуланъ и напилась безсильной воды. Стали они опять драться; Соска-богатырь ударилъ ее такъ сильно, что до̀ смерти убилъ; положилъ мертвую на огонь, сжогъ и развѣялъ пепелъ по вѣтру. Потòмъ взялъ онъ красную дѣвицу, посадилъ въ сѣтки и затрёсъ ремнемъ; богатыри: Дубыня, Горыня да Усыня, тотчасъ ее вытащили, опустили опять канатъ, подняли Соску-богатыря до половины и оборвали ремень. (Соска-богатырь упалъ; его выноситъ на Русь огромная птица, онъ женится на дочери бабы-яги, а богатыри,—его товарищи—съ испугу разбѣгаются въ разныя чужедальнія земли).

Примѣчаніе къ №№ 80 и 81. Варіанты см. у Худ., II, № 42; въ изданіи Эрленвейна, стр. 125 — 6; въ Пермскомъ сборн., II, стр. 168 — 171, и въ Собраніи старин. русскихъ сказокъ (М., 1830 г.)—объ Ивашкѣ-медвѣжьемъ ушкѣ. Сказка объ Ивашкѣ-медвѣжьемъ ушкѣ извѣстна и въ Малороссіи (см. Русск. Бесѣду 1856 г., III, стр. 100, статья г. Максимовича) и у бѣлоруссовъ (см. Пантеонъ 1853 г., № IV — «Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣрьяхъ», соч. Павла Шпилевскаго, который, впрочемъ, относился къ народнымъ сказаніямъ безъ всякаго уваженія и дозволилъ себѣ нелѣпыя прикрасы и произвольныя прибавки). Подобныя сказки существуютъ и у другихъ племенъ: Narodne pripovjedke Валявца, стр. 180 — 6; Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz, II, стр. 169—172; Slovenske pohadky, od B. Němcove, стр. 36—60; Walachische Märchen Шотта, № 10 («Petru Firitschell»); Litauische Märchen, Sprichworte etc. Шлейхера, стр. 128 — 140; сборникъ братьевъ Гриммовъ, II, № 91 и 166, III, стр. 152 — 5; Deutsche Märchen Гальтриха, № 17 («Der starke Hans»); Вѣстникъ естествен. наукъ 1854 г., стр. 378 — 391 (бурятская сказка о богатырѣ Убугунѣ); Этн.сб., VI, (Шидди-Куръ, глава 3).

Содержаніе сказки весьма любопытно; герои, дѣйствующіе въ ней, суть личности миѳическія, на что́ указываютъ и ихъ свойства, и самыя названія: это—Вечорка, Полуночка и Зорька; послѣдній родился

на зорѣ и въ спискѣ, напечатанномъ въ сборн. Эрленвейна (стр. 14) названъ *Свѣтозоромъ* — имя, получающее особенную важность, если припомнимъ, что восходящее солнце постоянно уподоблялось глазу. Въ другихъ варіантахъ героевъ этихъ замѣняютъ богатыри: Дубыня, (у словаковъ — Valibuk), Дугиня, Горыня, Усыня и Медвѣдко. *Дубыня* вырываетъ съ корнемъ столѣтніе дубы и другія деревья; *Горыня* ворочаетъ самыя высокія горы, бросаетъ ихъ, куда вздумается, катаетъ ногою словно малые шарики (см. сказку о Надзеѣ), отшибаетъ кулакомъ громадныя скалы, и отъ его могучихъ ударовъ дрожитъ земля.

Дубыня и Горыня называются иногда *Вернидубъ*, *Вернигора*, или *Вертодубъ* и *Вертогоръ* (см. № 50). Въ «Повѣстяхъ и преданіяхъ народовъ славянскаго племени», изданныхъ Боричевскимъ (стр. 112 — 6), есть разсказъ о женѣ охотника, которая родила въ лѣсу двухъ близнецовъ и тутъ же померла; одного мальчика вскормила львица, а другого волчиха, и выросли изъ нихъ силачи *Вырвидубъ* и *Валигора*, побѣдители страшнаго змѣя (дракона). Валигора бросилъ на змѣя цѣлую гору и прищемилъ ему хвостъ, а Вырвидубъ размозжилъ ему голову коренастымъ дубомъ.

Всѣ эти богатыри борются съ длиннобородымъ карликомъ. Мужичокъ-съ ноготокъ, борода-съ локотокъ, или самъ съ пёрстъ, борода на семь верстъ, — то же самое, что̀ мальчикъ-съ пальчикъ (см. № 67, b, № 71, a; № 79, № 118, *a*; № 122 и 168; Матеріалы для изуч. нар. словесн. — сербскія сказки, стр. 23 — 24). У другихъ славянъ онъ называется: Pedenj človek-laketbrada (у хорутанъ), Педячовѣкъ-лакжъбрада (Памятн. нар. быта болгаръ, кн. I, стр. 166); у литовцевъ извѣстны «парстуки»: парстукъ — человѣкъ не болѣе ступни, но съ бородою въ сажень; у нѣмцевъ Daumesdick, Daumerling, т.-е. карликъ величиною съ большой палецъ. Это миѳическое существо принадлежитъ къ древнѣйшимъ и всеобщимъ вѣрованіямъ арійскихъ народовъ; см. Поэт. Воз., II, стр. 738 — 9. Бѣлорусское преданіе говоритъ, что Перуну подвластны гарцукй — горные духи, которые живутъ въ горахъ (т.-е. тучахъ) и подобны маленькимъ дѣтямъ; когда они, играя, устремляются взапуски, то отъ ихъ быстраго бѣга подымается вихрь и начинаетъ крутить песокъ, а когда несутся по воздуху, то полётъ ихъ производитъ вѣтры и непогоду (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., Прибавленія 1841 г., кн. IV, стр. 87 — 88).

Какъ мужичокъ-съ локотокъ отличается громадною бородою, такъ богатырь *Усыня* надѣляется такими огромными усами, что онъ легко можетъ запрудить ими рѣку; по его длинному усу переправляются витязи на другой берегъ какъ по мосту. Богатырь этотъ нерѣдко сливается съ длиннобородымъ карликомъ въ одно существо: самъ съ пёрстъ, усы на семь верстъ, или Усыня самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, усы по землѣ тащатся, крылья на версту лежатъ (№ 78 и сказки Худяк.).

Преслѣдуемый сильными богатырями, мужичокъ съ ноготокъ уходитъ подъ камень, и, чтобы добраться до него, надо спуститься въ мрачныя подземелья. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ сказки, вмѣсто этого бородатаго карлика, выводится баба-яга [1]); приподымая огромный камень, она пріѣзжаетъ на ступѣ и поражаетъ богатырей своимъ страшнымъ толкачомъ.

Въ одномъ изъ наиболѣе интересныхъ литовскихъ разсказовъ, который развиваетъ то же самое содержаніе и съ довольно сходными подробностями, вмѣсто Дубыни, Горыни и бабы-яги выводятся *Перунъ*, *дьяволъ* (обыкновенная замѣна дракона или змѣя) и *Лаума*. Когда-то вздумалъ странствовать по свѣту молодой плотникъ; на дорогѣ присоединились къ нему Перунъ и дьяволъ, и пошли всѣ вмѣстѣ. Перунъ и дьяволъ добывали припасы, а мужикъ варилъ и жарилъ; жили они словно кочующіе дикари, пока не вздумалось плотнику построить избу. При помощи своихъ товарищей, которые притащили всѣ нужные матеріалы, онъ построилъ красивую избушку; потомъ сдѣлалъ соху, запрёгъ въ нее Перуна и дьявола и вспахалъ поле; смастерилъ борону и на тѣхъ же могучихъ товарищахъ взборонилъ пашню и посѣялъ рѣпу. Дѣйствіе, слѣдовательно, происходитъ во время той сѣдой древности, когда человѣкъ только-что начиналъ привыкать къ осѣдлой земледѣльческой жизни. И повадился къ нимъ ходить по ночамъ воръ и таскать рѣпу. Надо было караулъ держать. На первую ночь досталось стеречь дьяволу. Вотъ пріѣзжаетъ на телѣжкѣ воръ и началъ таскать рѣпу; дьяволъ бросился было ловить, но воръ такъ избилъ его, что еле живого оставилъ, а самъ ускакалъ. Воротившись домой, дьяволъ скрылъ отъ товарищей свою неудачу. На другую ночь пошелъ караулить Перунъ, и съ нимъ то же случилося; умолчалъ и онъ о своемъ срамѣ. На третью ночь отправился караулъ держать плотникъ и захватилъ съ собой скрипку; сѣлъ подъ дерево и сталъ наигрывать. Вотъ слышитъ онъ — ѣдетъ кто-то по́ полю, кнутомъ похлопываетъ, а самъ приговариваетъ: «Пичъ-пачъ! живѣй, желѣзная телѣжка, проволочный кнутъ!» Мужикъ продолжалъ пилить на скрипкѣ, думая тѣмъ напугать вора; но вору понравилась музыка. Онъ остановился, началъ прислушиваться; это была дикая, злая Лаума, которая жила въ томъ самомъ лѣсу, гдѣ поселились Перунъ, дьяволъ и плотникъ. Она была такъ сильна, что никто не могъ съ нею сладить. Плѣнясь музыкою, Лаума подошла къ мужику и просила, чтобы онъ далъ ей поиграть на скрипкѣ. Мужикъ подалъ скрипку; но сколько она ни прилагала усилій, музыка ей не давалась. Тогда стала она просить плотника, чтобы научилъ ее играть на скрипкѣ. Мужикъ замѣтилъ, что для этого нужны пальцы такіе же тонкіе, какъ у него, и потому надо ея пальцы немного сжать.

---

[1]) Въ словацкой сказкѣ оба эти лица смѣшиваются, и Ježibaba называется Loktibrada.

Лаума согласилась. Мужикъ сдѣлалъ трещину въ толстомъ пнѣ, забилъ туда клинъ и велѣлъ Лаумѣ всунуть въ эту трещину свои пальцы; какъ скоро она это сдѣлала, онъ вытащилъ клинъ и защемилъ ей пальцы. Потомъ взялъ проволочный кнутъ и больно отстегалъ ее. Вырвавшись, наконецъ, изъ западни, Лаума бросилась бѣжать, покинувъ свою телѣжку и свой кнутъ. На утро плотникъ вдоволь насмѣялся надъ своими товарищами, что они не сумѣли устеречь рѣпы и позволили прибить себя старой бабѣ. Тогда-то не шутя стали побаиваться его и Перунъ и дьяволъ, почитая за великаго силача. Наконецъ вздумали они разойтись и порѣшили оставить избу за тѣмъ, кто ничего не испугается. Двое должны были оставаться въ избушкѣ, а третій пугалъ. Первая очередь пугать досталася чорту. Онъ поднялъ такой вихрь и шумъ, что Перунъ отъ страха убѣжалъ въ окно; но плотникъ спокойно сидѣлъ и читалъ молитвы. Вторая очередь была за Перуномъ; онъ такъ сильно разразился громомъ и молніей, что дьяволъ въ ужасѣ бросился изъ окна. Онъ уже давно не довѣрялъ Перуну и боялся, чтобы тотъ не поразилъ его громовой стрѣлою; дьяволу хорошо было извѣстно, что Перунъ побиваетъ всѣхъ чертей, сколько ни рыщетъ ихъ по бѣлу свѣту. Это мѣсто литовской сказки прямо указываетъ, что подъ дьяволомъ скрывается здѣсь древній великанъ-туча. Плотникъ безбоязненно продолжалъ читать свой молитвенникъ. Когда очередь пугать дошла до него, онъ сѣлъ на телѣжку, покинутую Лаумой, взялъ въ руки ея кнутъ, поѣхалъ къ избушкѣ и запѣлъ, подражая Лаумѣ: «Пичъ-пачъ! живѣй, желѣзная телѣжка, проволочный кнутъ!» Перунъ и дьяволъ такъ струсили, что совсѣмъ убѣжали, оставивъ плотника хозяиномъ избы (Litauische Märchen Шлейхера, стр. 141 — 5). Сказка эта указываетъ на сродство Лаумы съ нашей бабой-ягою: она такая же старая и злая баба, проживающая въ лѣсу; ея страшный кнутъ и сама собой ѣдущая желѣзная телѣжка вполнѣ отвѣчаютъ толкачу и ступѣ бабы-яги. См. Поэт. Воззр., II, стр. 781 — 83.

82. Надзей паповъ унукъ [1]).

Какъ не въ какимъ чарстви, не въ какимъ государстви, какъ живъ [2]) попъ, попъ удовъ [3]), и какъ была у евтаго папа доцъ ягò радная. Ета, братицъ ты, такъ ёнъ бярёгъ яе, и какъ ёнъ ни ѣздить куды у приходъ, ёнъ завсягды вяжется ей гастинцыки: що евта прихожани знаютсь, що ёсь у нашаго попа доцъ и надабитсь ей какъ-нибутсь гастинцыкавъ паслатсь. И паѣхавъ ёнъ у приходъ — вёрстъ за двинадцать дзиревня; ну, ета ёнъ з' прицастямъ паѣхавъ, и тамъ ёнъ

[1]) Внукъ. — Сказка эта была напечатана въ Этнограф. сборникѣ, I, 247—250. [2]) Окончаніе *въ* вмѣсто *лъ* произносится грубо, какъ бы *у*; то же должно замѣтить и о произношеніи слова: д а м о в ъ—домой. [3]) Вдовый.

прицастивъ цалавѣка; ну ладна, и прибярягли [1]) ягò воцинна [2]) харашо. Ну, ёнъ и забывъ, щобы гастинца доцки дали, ну, ёнъ и сѣвъ з' евтсимъ и паѣхавъ дамовъ. И ѣдзитсь ёнъ па дароги, и гаритсь цалавѣццая галава на дароги, и усѝ [3]) згарѣла, тòльки пòпилъ [4]) ядинъ астаѐтцы. Ёнъ было праѣхавъ, патомъ и уздумавъ: «Щожъ я праѣхавъ? видзь цалавѣццая галава гаритсь; дай я вазьму, у карманъ евтатъ папялокъ улажу̀, связу дамовъ и пагрябу». Ну, узявъ ёнъ у карманъ ягò и усыпавъ, сѣвъ нà лашадзь, апять и паѣхавъ дамовъ. Ну, пріяжжаитсь къ двару, и сувстрикаитсь [5]) ягò дóцка, з' лошадзи знимаитсь яго; у ягò забалѣла галава, вѝдна з' вѣтру, и яна спатсь ягò палажила на пярину. Ну, патомъ яна уздумала ета: «Ахъ, батсюшка жъ мой, нябось гастинца привёзъ!» Яна и цапъ [6]) у карманъ: евтатъ жи папялокъ абаратився ларцыкамъ. Ну, ета яна выхватсила етатъ ларцыкъ и кà̀житсь [7]): «Ну, ларцыкъ, харашо; а ня знаю, какъ ягò атлажитсь» [8]). Ну, вотъ яна выхватсила и лизнула ягò и забяреминила. Хто носитсь па нядзѣлямъ, а яна па цасамъ; дайшло да таго уремя [9]), що радзѝть, и радзѝла; ну, сійцасъ патомъ ягò и ахристсили, наркли имя Надзей, паповъ унукъ.

Патомъ ставъ рось етатъ маладзеницъ [10]); хто растѐтсь па гадамъ, а ёнъ па цасамъ; шесь [11]) нядзѣль концылась — на вуличу къ рябятамъ шулугу [12]) ганятсь пайшовъ. Вдà̀ритсь ёнъ па шулугѣ, шулуга лятсить, тольки звижжить; каму вдà̀ритсь у нагу — нага процъ, каму вдà̀ритсь у руку — такъ рука процъ, каму у галаву — галава процъ. Ета атцы евтихъ дзятей и приходзятсь къ свящельнику етаму, и приходзятсь къ свящельнику съ прозьбай: «Батсюшка, ни пусшайтсе свайго унука на вуличу гулятсь къ ребятамъ, больна [13]) много ѐнъ шкоды [14]) дзѣлаитсь». Каторый гаворитсь — майму галаву атарвавъ, другéй гаворитсь — майму руку атарвавъ; «ни пусшайтсе, гаворютсь, батсюшка, какъ можна». Ну, харашо, могъ ёнъ вуздержатсь яго да самаго лѣта; ёнъ вырасъ парядашнай, и гаворитсь ёнъ: «Ну, дзѣдушка любезнай, щожъ мы будзимъ дзѣлатсь-рабатà̀тсь?» Дрянно [15]) дзѣдъ яго узрадовався и гаворитсь: «Доцъ мая любезная! Слава табѣ, Госпадзи!—гаворитсь, — далъ Богъ наслѣдницка какога; Богъ пайславъ! И какѐй хлапатнэй! [16]) що я буду з' нимъ дзѣлатсь? Ну, станимъ рабатà̀тсь. Пойдзимъ,—гаворитсь,—унуцыкъ мой, ляда [17]) вывалимъ».—«Пойдзимъ, дзѣдушка!» И зайшли яны у балота и выбрали яны мѣста такоя припадобная [18]). Дзѣдъ ставъ нацынатсь ель валитсь, ёнъ (внукъ) гаворитсь: «Дзѣдушка, ты ня поцынай, мяне бласлави».—«Ну,—гаворитсь дзѣдушка,—

---

[1]) Б е р е ч ь—ласково принимать, угощать. [2]) Очень. [3]) Вся. [4]) Пепелъ. [5]) Встрѣчать. [6]) Ц а п н у т ь — х в а т и т ь. [7]) Говоритъ. [8]) Открыть. [9]) Время. [10]) Сталъ расти этотъ младенецъ. [11]) Шесть. [12]) Ш у л у г а—небольшой шаръ, свитый изъ лыкъ. [13]) Очень. [14]) Убытка, вреда. [15]) Очень весьма. [16]) Хлопотливой. [17]) Л я д а — болото или другое неудобное мѣсто поросшее кустарникомъ и лѣсомъ. [18]) Хорошее.

унуцыкъ, Богъ тсябе бласла́вится!» Енъ сійцасъ, какъ на̀цавъ, какъ поцавъ, да какъ ставъ валится, анда лѣсъ трящится; такъ сяканéтсь з' яднаго бока тапаромъ, съ другога дзерива(о) палятсѣла. Да двинадцатага цасу ёнъ вываливъ палтары дясатсины ляда. Дзѣдъ кажится: «Нўжна сѣць мéльця [1]) да жечь». А ёнъ гаворитсь: «Дзѣдушка, мы и такъ у груддё [2]) складзёмъ». У три дни ета ляда паспѣла сѣятсь. Узя́ли яны з' дѣдамъ и пасѣяли, да врадзився жъ авёсъ, такъ етакай авёсъ нисказа̀ннай. Ну, павадзився въ евтатъ авёсъ мядзвѣдзь. Пасматрѣвъ попъ, схадимши, ляда — многа зъѣдзина ау(в)са. Приходзится ёнъ дамовъ, спрашиваится унукъ: «Що, дзѣдушка, ти какаво наша ляда?» — «Дрянно, унуцыкъ, харашо, тольки жъ повадзилась какая-то дзикая лошадзь, дрянно ись [3]) и многа (и)зъяну сдзѣлала».— «Какъ такъ, дзѣдушка, сколькі трудився я, а яна, евтакая шельма, сколькі зъяну надзѣлала! Пайду, пакаравулю. Пайщи-тка мнѣ колькі ни на ёсь пяноцкі» [4]). Сѣвъ ёнъ, звивъ абротсь [5]), паабѣдавъ, въ лѣсъ пайшовъ. Приходзится ёнъ въ ляда и вдивився ёнъ, удалъ добрай моладзицъ: «Ахъ, Богъ мой, колькі шкоды сдзѣлала — тсирпѣтсь ни вазможна!» и сѣвъ ёнъ сирёдъ ляда на пни. Ну, и сидзится; патомъ сійцасъ мядзвѣдзь йдзится з' лѣсу и пряма у авёсъ, и взнявся [6]), и панёсъ [7]) авёсъ смунится [8]). Енъ, добрай моладзицъ, и вдивився: «Щожъ евта за дива, я евтакихъ лошадзей не видывавъ; щожъ евта за аказія такая, какъ яна авёсъ каститсь» [9]). Ета падходзится ёнъ — мядзвѣдзь— къ няму близка, къ самому ка пню. Мядзвѣдзь е́таго и ни внываитсь [10]), що цалавѣкъ стаитсь; ёнъ думаитсь, що ета пень стаитсь, и падходзится къ няму близка. Енъ сійцасъ са пня — и цапъ! — яго за вўши и схватавъ; ета схватавъ и притиснувъ къ зямли яго. Мядзвѣдзь думаитсь: що такѣ́й, и хатсѣвъ паправитца; ну, вужъ позна: ёнъ ямў и папя́сца [11]) ня давъ, узявъ яго етай аброттю забратавъ [12]) и дамовъ павёвъ. И вёвъ ёнъ яго дамовъ, мядзвѣдзь какоя дзерива захватсится—з' корнимъ варотсится. Ну, и привёвъ ёнъ яго дамовъ, привязавъ сиредзь двара къ столбу и приходзится у вызбу. «Ну, ты, Госпадзи,— гаворитсь, — какая лошадзь, дзѣдушка, разъѣлась! [13]) Какъ я умарився, тянумши яе дамовъ!» Дзѣдъ вышавъ на дворъ и вжахнувся [14]). «Пасматри-тка, — гаворитсь, — доць мая любезная, що твой сынокъ, а мой унуцыкъ, сдзѣлавъ» — и колькі время дзивавалися яны. Енъ (внукъ) гаворитсь: «Ни дзивуйтсися, а гаворьти, що мы надъ етай лошаддю дзѣлатсь будзимъ, какъ яна сильна дужа, и ще на ёй рабататсь?» — «Вази, — кажитсь дзѣдъ, — унуцыкъ, дровы». Взявъ ёнъ етаго мядзвѣдзя и запрѐгъ яго у тсялѣгу и панёсъ ёнъ вазитсь дровы на мядзвѣ́дзю,

---

[1]) Мельче. [2]) Груда — куча. [3]) Ѣстъ. [4]) Пеньки. [5]) Пеньковая узда (о̀броть). [6]) Няться — взяться, приняться, начать. [7]) Началъ. [8]) Мять. [9]) Сдѣлать порчу, повредить. [10]) Не унываетъ. [11]) Поправиться. [12]) Надѣлъ о̀броть, зануздалъ. [13]) Въ Этнограф. сборникѣ напечатано: «разъѣлалась». [14]) Ужаснулся.

и у три дни усё цыста [1]) загрузивъ, абклавъ кругомъ усё сялѐнне. Етимъ прицетникомъ ни выйтси ни выихатсь: усё загрузивъ цыста! И приходзятсь эти прицетники къ етаму священьнику и гаворютсь: «Дзѣ хоцьте, дзѣньте яго, щобъ ёнъ ня бывъ: щожъ ета за аказія, що у три дни усё сяло загрузивъ — ни выйтси ни выихатсь никакъ ни вазможна». — «Ахъ, доцъ мая, — говорится дзѣдъ — що мы будзимъ дзѣлатсь —жа̀лка табѣ сына, а мнѣ унука; нуш(ж)ъ пошлимъ яго: куда хошъ ёнъ — туды и ступай!» Ну, призываится ёнъ къ сабѣ унука и гаворитсъ: «Ну, унукъ мой любезнай, приходзятсь прицетники съ прозьбай; жалка мнѣ тсибе, а ступай ты, унуцыкъ, куда ты уздумавъ, на всѣ цатыри стораны».—«Эхъ, дзѣдушка мой любезнай, вы бъ давно и сказали мнѣ евта, я и пашовъ бы, никольки ни медлимши. Матушка мая любезная! спяки мнѣ каравашицку» [2]). Матсь яго спякла яму каравашицку, улажила у хатомацку [3]).

Вставъ ёнъ ранёшинька, вмывався бялёшинька. Узявъ ёнъ евту хатомацку, надзѣвъ яе на плецы, блаславится: «Матушка мая любезная и дзѣдушка мой радзимай, блаславитсе на путсь, на дарогу». Памаливсѧ ёнъ Богу и пашовъ, и вышавъ ёнъ у цыста поля и наставивъ [4]) ёнъ ни путсёмъ ни дарогай, и наставивъ ёнъ лясáмъ дрямýцымъ, грязямъ тапýцымъ, и ишовъ ёнъ семь дёнъ, безъ полдёнъ, ротъ на апашку и языкъ на атмашку; вышавъ ёнъ у тридзевятую землю, у тридзесятая чарства, и выходзитсь ёнъ у цыстая поля, у крутыя горы, — и гуляитсъ Гарыня-багатырь и горы капкомъ [5]) капаитсь. Приходзитсь Надзей, паповъ унукъ, къ няму и говóритсь: «Богъ помаць, Гарыня-багатырь! куды какая въ тсибѣ сила нязмѣтная. Какъ ты,—гавòритсь,—гарамъ капаишь, какъ шулугу?» А ёнъ гаворитсь ямý: «Эхъ,—говоритсь,—удалъ моладзицъ! ни вдивляйся ты маей сѝли. Въ тридзевятай зямли, у тридзесятамъ чарстви,—говòритсь,—какъ ёсь Надзей, паповъ унукъ, такъ у таго ня евтакая сила! Какъ привёзъ ёнъ мядзвѣдзя з' лѣсу да на мядзвѣдзи усѐ цысто сяло загрузивъ. Ягò, гавòритсь, вòранъ кастёвъ ни заноситсь, добрай моладэй конь ни завозитсь!» А ёнъ говòритсъ: «Ахъ, братъ Гарыня-багатырь! ня вòранъ кости заноситсь, а самъ добрай моладзицъ заходзитсь». А ёнъ говоритсь: «Ахъ, братъ, ты̀къ евта ты Надзей, паповъ унукъ! вазьми, братъ, мяне у мяньшіе братья». Ёнъ яго и узявъ, и яны многа хадзили и многа багатырёвъ пабядзили, и много гарадовъ захватсили; патомъ яны пажанились и багата жили.

(Записана въ Ржевскомъ уѣздѣ, Тверской губ., священникомъ С. Разумихинымъ).

---

[1]) Чисто. [2]) Коровай — коврига хлѣба. [3]) Котомка. [4]) Направился. [5]) Ногою (Этнограф. Сбор., 1, 244).

83. Летучій корабль.

Былъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ было три сына: два разумныхъ, а третій дурень. Первыхъ баба любила, чисто одѣвала, а послѣдній завсегда былъ одѣтъ худо — въ черной сорочкѣ ходилъ. Послышали они, что пришла отъ царя бумага: «Кто состроитъ такой корабль, чтобы могъ летать, за того выдастъ замужъ царевну». Старшіе братья рѣшились итти пробовать счастья и попросили у стариковъ благословенія; мать снарядила ихъ въ дорогу, надавала имъ бѣлыхъ паляницъ, разнаго мясного и фляжку горѣлки и выпроводила въ путь-дорогу. Увидя то, дурень началъ и себѣ проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтобъ не ходилъ: «Куда тебѣ, дурню: тебя волки съѣдятъ!» Но дурень заладилъ одно: пойду да пойду! Баба видитъ, что съ нимъ не сладишь, дала ему на дорогу черныхъ паляницъ и фляжку воды и выпроводила изъ дому. Дурень шелъ-шелъ и повстрѣчалъ старика. Поздоровались. Старикъ спрашиваетъ дурня: «Куда идешь?» — «Да царь обѣщалъ отдать свою дочку за того, кто сдѣлаетъ летучій корабль».— «Развѣ ты можешь сдѣлать такой корабль?» — «Нѣтъ, не сумѣю!» — «Такъ зачѣмъ же ты идешь?» — «А Богъ его знаетъ!» — «Ну, если такъ,—сказалъ старикъ,— то садись здѣсь; отдохнемъ вмѣстѣ и закусимъ: вынимай, что у тебя есть въ торбѣ». — «Да такое, что и показать стыдно людямъ!» — «Ничего, вынимай; что Богъ далъ — то и поснѣдаемъ!» Дурень развязалъ торбу — и глазамъ своимъ не вѣритъ: вмѣсто чорныхъ паляницъ лежатъ бѣлыя булки и разныя приправы; подалъ старику. «Видишь, — сказалъ ему старикъ, — какъ Богъ дурней жалуетъ! Хоть родная мать тебя и не любитъ, а вотъ и ты не обдѣлёнъ... Давай же, выпьемъ напередъ горѣлки». Во фляжкѣ намѣсто воды очутилась горѣлка; выпили, перекусили, и говоритъ старикъ дурню: «Слушай же: ступай въ лѣсъ, подойди къ первому дереву, перекрестись три раза и ударь въ дерево топоромъ, а самъ упади наземь ничкомъ и жди, пока тебя ни разбудятъ. Тогда увидишь передъ собою готовый корабль, садись въ него и лети, куда надобно; да по дорогѣ забирай всякаго встрѣчнаго». Дурень поблагодарилъ старика, распрощался съ нимъ и пошелъ къ лѣсу. Подошелъ къ первому дереву, сдѣлалъ все такъ, какъ ему велѣно: три раза перекрестился, тюкнулъ по дереву сѣкирою [1]), упалъ на землю ничкомъ и заснулъ. Спустя нѣсколько времени началъ кто-то будить его. Дурень проснулся и видитъ готовый корабль; не сталъ долго думать, сѣлъ въ него — и корабль полетѣлъ по воздуху. Летѣлъ-летѣлъ, глядь — лежитъ внизу на дорогѣ человѣкъ, ухомъ къ сырой землѣ припалъ. «Здоровъ, дядьку!»— «Здоровъ, небоже!» — «Что ты дѣлаешь?» — «Слушаю, что на томъ свѣтѣ дѣлается». — «Садись со мною на корабль». Тотъ не захотѣлъ отговариваться, сѣлъ на корабль, и полетѣли они дальше. Летѣли-летѣли, глядь—

[1]) Топоромъ.

идетъ человѣкъ на одной ногѣ, а другая до ўха привязана. «Здоровъ, дядьку! что ты на одной ногѣ скачешь?» — «Да коли бъ я другую отвязалъ, такъ за одинъ бы шагъ весь свѣтъ перешагнулъ!» — «Садись съ нами!» Тотъ сѣлъ и опять полетѣли. Летѣли-летѣли, глядь—стоитъ человѣкъ съ ружьемъ, прицѣливается, а во что — невѣдомо. «Здоровъ, дядьку! куда ты мѣтишь? ни одной птицы не видно». — «Какъ-же! стану я стрѣлять близко... Мнѣ бы застрѣлить звѣря или птицу вёрстъ за тысячу отсюда: то по мнѣ стрѣльба!» — «Садись же съ нами!» Сѣлъ и этотъ, и полетѣли они дальше. Летѣли-летѣли, глядь — несетъ человѣкъ за спиною полонъ мѣхъ хлѣба. «Здоровъ, дядьку! куда идешь?» — «Иду,— говоритъ, — добывать хлѣба на обѣдъ». — «Да у тебя и такъ полонъ мѣшокъ за спиною». — «Что тутъ! для меня этого хлѣба и на одинъ разъ укусить нечего». — «Садись-ка съ нами!» Объѣдало сѣлъ на корабль, и полетѣли дальше. Летѣли-летѣли, глядь — ходитъ человѣкъ вокрўгъ озера. «Здоровъ, дядьку! что ищешь?»—«Пить хочется, да воды не найду».— «Да передъ тобой цѣлое озеро; что жъ ты не пьешь?» — «Эка! Этой воды на одинъ глотокъ мнѣ не станетъ». — «Такъ садись съ нами!» Онъ сѣлъ, и опять полетѣли. Летѣли-летѣли, глядь — идетъ человѣкъ въ лѣсъ, а за плечами вязанка дровъ. «Здоровъ, дядьку! зачѣмъ въ лѣсъ дрова несешь?» — «Да это не простыя дрова». — «А какія жъ?» — «Да такія: коли разбросать ихъ, такъ вдругъ цѣлое войско явится.» — «Садись съ нами!» Сѣлъ онъ къ нимъ, и полетѣли дальше. Летѣли-летѣли, глядь — человѣкъ несетъ куль соломы. «Здоровъ, дядьку! куда несешь солому?» — «Въ село». — «Развѣ въ селѣ-то мало соломы?» — «Да это такая солома, что какъ ни будь жарко лѣто, а коли разбросаешь ее — такъ заразъ холодно сдѣлается: снѣгъ да морозъ!» — «Садись и ты съ нами!» — «Пожалуй!» Это была послѣдняя встрѣча: скоро прилетѣли они до царскаго двора. Царь на ту пору за обѣдомъ сидѣлъ; увидалъ летучій корабль, удивился и послалъ своего слугу спросить, кто на томъ кораблѣ прилетѣлъ. Слуга подошелъ къ кораблю, видитъ, что на немъ все мужики, не сталъ и спрашивать, а, воротясь назадъ въ покои, донёсъ царю, что на кораблѣ нѣтъ ни одного пана, а все чорные люди. Царь разсудилъ, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, сталъ думать, какъ бы отъ такого зятя избавиться. Вотъ и придумалъ: «Стану ему задавать разныя трудныя задачи». Тотчасъ посылаетъ къ дурню съ приказомъ, чтобы онъ досталъ ему, пока царскій обѣдъ покончится, цѣлющей и живущей воды. Въ то время, какъ царь отдавалъ этотъ приказъ своему слугѣ, первой встрѣшной (тотъ самой, которой слушалъ, что на томъ свѣтѣ дѣлается) услыхалъ царскія рѣчи и разсказалъ дурню. «Что жъ я теперь дѣлать буду? Да я и за̀ годъ, а можетъ-быть, и весь свой вѣкъ не найду такой воды!»—«Не бойся!—сказалъ ему скороходъ:—я за тебя справлюсь». Пришелъ слуга и объявилъ царскій приказъ. «Скажи — принесу!»—отозвался дурень; а товарищъ его отвязалъ свою ногу отъ уха, побѣжалъ и мигомъ набралъ цѣлющей и живущей

воды. «Успѣю,—думаетъ, — воротиться!» — присѣлъ подъ мельницей отдохнуть и заснулъ. Царскій обѣдъ къ концу подходитъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ; засуетились всѣ на кораблѣ. Первой встрѣшной приникъ къ сырой землѣ, прислушался и сказалъ: «Экой! спитъ себѣ подъ мельницей». Стрѣлокъ схватилъ ружье, выстрѣлилъ въ мельницу и тѣмъ выстрѣломъ разбудилъ скорохода; скороходъ побѣжалъ и въ одну минуту принесъ воду: царь еще изъ-за стола не всталъ, а приказъ его выполненъ, какъ нельзя вѣрнѣе. Нечего дѣлать, надо задавать другую задачу. Царь велѣлъ сказать дурню: «Ну, коли ты такой хитрой, такъ покажи свое удальство: съѣшь съ своими товарищами за одинъ разъ двѣнадцать быковъ жареныхъ да двѣнадцать кулей печенаго хлѣба» [1]). Первой товарищъ услыхалъ и объявилъ про то дурню. Дурень испугался и говоритъ: «Да я и одного хлѣба за одинъ разъ не съѣмъ!» — «Не бойся,—отвѣчаетъ Объѣдало: — мнѣ еще мало будетъ!» Пришелъ слуга, явилъ царскій указъ. «Хорошо,—сказалъ дурень:—давайте, будемъ ѣсть». Принесли двѣнадцать быковъ жареныхъ да двѣнадцать кулей хлѣба печенаго: Объѣдало одинъ все поѣлъ: «Эхъ — говоритъ, — мало! еще бъ хоть немножко дали...» Царь велѣлъ сказать дурню, чтобы выпито было сорокъ бочекъ вина, каждая бочка въ сорокъ ведеръ. Первой товарищъ дурня подслушалъ тѣ царскія рѣчи и передалъ ему попрежнему; тотъ испугался: «Да я и одного ведра не въ силахъ заразъ выпить». — «Не бойся, — говоритъ Опивало: — я одинъ за всѣхъ выпью; еще мало будетъ!» Налили виномъ сорокъ бочекъ; Опивало пришелъ и безъ роздыху выпи ... всѣ до одной; выпилъ и говоритъ: «Эхъ, маловато! еще бъ выпилъ». Послѣ того царь приказалъ дурню къ вѣнцу готовиться, итти въ баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велѣлъ натопить жарко-жарко, чтобъ дурень въ ней въ одну минуту задохся. Вотъ раскалили баню докрасна, пошелъ дурень мыться, а за нимъ слѣдомъ идетъ мужикъ съ соломою: подостлать-де надо. Заперли ихъ обоихъ въ банѣ; мужикъ разбросалъ солому — и сдѣлалось такъ холодно, что едва дурень вымылся, какъ въ чугунахъ вода стала мерзнуть; залѣзъ онъ на печку и тамъ всю ночь пролежалъ. Утромъ отворили баню, а дурень живъ и здоровъ, на печи лежитъ да пѣсенки поетъ. Доложили царю; тотъ опечалился, не знаетъ, какъ бы отвязаться отъ дурня; думалъ-думалъ и приказалъ ему, чтобы цѣлой полкъ войска поставилъ, а у самаго на умѣ: «Откуда простому мужику войско достать? ужъ этого онъ не сдѣлаетъ!» Какъ узналъ про то дурень, испугался и говоритъ: «Теперь-то я совсѣмъ пропалъ! Выручали вы меня, братцы, изъ бѣды не одинъ разъ, а теперь, видно, ничего не подѣлаешь». — «Эхъ, ты! — отозвался мужикъ съ вязанкой дровъ, — а про меня развѣ забылъ? Вспомни, что я мастеръ на такую штуку, и не бойся!» Пришелъ слуга,

---

[1]) *Вар.* Съѣшь за одинъ разъ столько хлѣба, сколько въ сорока печахъ будетъ испечено.

объявилъ дурню царскій указъ: «Коли хочешь на царевьѣ жениться, поставь кь завтраму цѣлой полкъ войска». — «Добре, зроблю! Только если царь и послѣ того станетъ отговариваться, то повою все его царство и насильно возьму царевну». Ночью товарищъ дурня вышелъ въ поле, вынесъ вязанку дровъ и давай раскидывать въ разныя стороны: тотчасъ явилось несмѣтное войско — и конное, и пѣшее, и съ пушками. Утромъ увидалъ царь и въ свой чередъ испугался; поскорѣй послалъ къ дурню дорогіе уборы и платья, велѣлъ во дворецъ просить съ царевной вѣнчаться. Дурень нарядился въ тѣ дорогіе уборы, сдѣлался такимъ молодцомъ, что и сказать нельзя! Явился къ царю, обвѣнчался съ царевною, получилъ большое приданое и сталъ разумнымъ да догадливымъ. Царь съ царицею его полюбили, а царевна въ немъ души не чаяла [1]).

Примѣчаніе. Герой сказки отправляется добывать несказанную красавицу; странствованіе въ ея далекое царство онъ совершаетъ на летучемъ кораблѣ; а чтобы получить невѣсту — долженъ, слѣдуя обычному эпическому пріему, совершать разныя трудныя задачи; въ исполненіи этихъ задачъ ему помогаютъ могучіе товарищи, встрѣчаемые и въ другихъ сказкахъ (№ 77, 78 и 125, *a;* Рудченко, № 25; Lud Ukrainski, I, стр. 270 — 7; Westslaw. Märchenschatz, стр. 61 — 63; Deutsche Hausmärch. Вольфа, стр. 307 — 311; Kinder-und Hausmärch., I, стр. 405 — 7; Ганъ, II, № 63). Летучій корабль (см. также кн. II, стр. 358), подобно птицѣ, можетъ носиться по воздушнымъ пространствамъ съ изумительною скоростью; по свидѣтельству одной сказки, онъ находится во власти миѳи-

---

[1]) Записана въ Пирятинскомъ уѣздѣ Полтавской губ., но, къ сожалѣнію, записавшій сказку не подорожилъ малороссійскимъ текстомъ и передалъ ее на великорусскомъ нарѣчіи.

Варіантъ: Царь задаетъ дураку разныя задачи, онъ исполняетъ ихъ съ помощью своихъ необыкновенныхъ товарищей; наконецъ приказалъ царь вырыть глубокую яму, налить ее горячею смолою, а поверхъ протянуть веревку. Говоритъ дураку: «Пройди взадъ и впередъ!»—«Я не сумѣю; покажи, какъ дѣлать». Царь сталъ на веревку, а дуракъ выхватилъ мечъ и перерубилъ ее, царь повалился въ горячую смолу. Тутъ набѣжала стража, подхватили виновнаго и повела на висѣлицу. Дуракъ началъ просить, чтобъ позволили ему въ послѣдній разъ передъ смертью поѣздить на своемъ крылатомъ конѣ. Судьи позволили; онъ сѣлъ на коня, конь поднялся на воздухъ и понесъ его на родину. Увидала это царевна, ударилась оземь, обратилась голубемъ, догнала дурака, сѣла съ нимъ вмѣстѣ. «Возьми меня съ собою; я иду за тебя замужъ». Долго летѣли они; захотѣлось дураку отдохнуть, онъ остановилъ коня и спустился на чистое поле. «Ложись ко мнѣ на колѣна,— говоритъ царевна, — я у тебя въ головѣ поищу». Онъ легъ и крѣпко уснулъ; царевна положила его голову на кочку, а сама сѣла на лошадь и воротилась въ свое царство взять свои драгоцѣнныя вещи. Какъ скоро дуракъ проснулся да увидалъ, что нѣтъ ни коня, ни царевны, то горько восплакалъ: «Вотъ когда пропалъ я, несчастной!» Глянулъ на небо, а царевна назадъ летитъ; спустилась, посадила его, и полетѣли вмѣстѣ — куда надо. Послѣ обвѣнчались и стали жить-поживать, добра наживать.

ческаго старика, отличительнымъ признакомъ котораго служатъ чудовищныя брови и рѣсницы. Дабы вызвать появленіе этого корабля, герой ударяетъ въ дубъ, что напоминаетъ намъ объ одномъ изъ семи Семіоновъ: взялъ Семіонъ топоръ, срубилъ громадный дубъ, тяпъ да ляпъ— и слѣлалъ корабль, который могъ плавать и по водѣ и подъ водою. Вообще сказка о семи Семіонахъ по содержанію своему родственна со сказкою о летучемъ кораблѣ: это только разныя варіаціи одного и того же эпическаго преданія (см. № 84). Другіе народы также знаютъ о летучемъ кораблѣ; въ норвежскихъ сказкахъ упоминается о диковинномъ корабликѣ, который такъ малъ, что его можно въ карманъ спрятать, но который тотчасъ же вырастаетъ въ большое судно, какъ скоро поставишь на него ногу, и свободно несется черезъ горы и долы по воздуху; упоминается еще о лодкѣ съ такой рукоятью, что если приподнять ее слегка — подуетъ попутный вѣтеръ, а приподыми выше — и зашумитъ буря (Norweg. Volksmärch., I, № 3 и 24; Вольфъ, стр. 202 — 3, 308 — 9; Kinder - und Hausmärch., I, стр. 407; Slovanskà čitanka, стр. 94). О значеніи этого представленія см. Поэт. Воз., I, стр. 277.

Одинъ изъ списковъ разсматриваемой нами сказки замѣняетъ летучій корабль *крылатымъ конемъ* (см. Поэт. Воз., I, стр. 611 — 631). «Тысяча и одна ночь» повѣствуетъ о быстромъ полетѣ царевича на хитро-сдѣланномъ волшебномъ конѣ (т. XI, стр. 157 — 228); варіанты же, сообщенные гг. Худяковымъ (III, №102) и Чудинскимъ (№ 16), — о полетѣ на искусно сработанномъ деревянномъ орлѣ (см. Поэт. Воз., I., стр. 492). Въ арабской сказкѣ и въ варіантѣ г. Худякова конь и орелъ представляются уже не живыми существами, а хитро устроенными машинами: черта позднѣйшаго вымысла, указывающая на то, какъ мало-по-малу утрачивается въ народѣ связь съ древними преданіями и какъ, въ заботахъ своихъ пояснить для себя непонятную старину, онъ силится подновить ее и тутъ же искажаетъ неудачными попытками на кажущуюся естественность.

Вмѣстѣ съ героемъ сказки отправляются на летучемъ кораблѣ разные спутники, очевидно принадлежащіе къ породѣ *великановъ*. Великаны, такъ часто упоминаемые въ нѣмецкихъ сказкахъ, не чужды и нашимъ народнымъ вѣрованіямъ. Старики разсказываютъ, «що колись булѝ люде зовсимъ не таки, якъ тепереньки: були, кажуть, и великіи и гонкіи, такъ що одна нога намъ по плече досягала, а въ нашихъ хатахъ теперенько би имъ и жить не по мири». Но съ теченіемъ времени люди все мельчаютъ, и до того дойдетъ, что сравняются съ мурашками; тогда-то и будетъ конецъ свѣту! (Зап. о южн. Руси, I, стр. 172 — 3; Черниг. Губ. Вѣдом. 1855 г., № 16). Въ Малороссіи исполинскихъ людей зовутъ *велетнями* и *песиголовцами* (статья Чужбинского въ Морск. Сборн. 1856 г., № 14); великорусскія сказки называютъ ихъ *дикими* и *великанами*. Спутники героя въ сказкѣ о летучемъ кораблѣ являются подъ слѣдующими именами: а) *Объѣдало*, который разомъ пожи-

раетъ двѣнадцать быковъ, хлѣбъ кидаетъ въ ротъ полными возами и все кричитъ: мало! b) *Опивало*, которому цѣлое озеро на одинъ глотокъ станетъ; опорожнить сорокъ огромныхъ бочекъ вина—для него совершенные пустяки; c) *Скороходъ* — на одной ногѣ идетъ, а другая къ уху подвязана; если же захочетъ воспользоваться обѣими ногами, то за одинъ шагъ весь свѣтъ перешагнетъ; d) *Стрѣлокъ*, который на тысячу верстъ такъ мѣтко попадаетъ въ цѣль, что ему нипочемъ попасть въ глазъ мухи (Худяк., I, стр. 119; Kinder-und Hausmärch., I., стр. 433); e) *Чуткой* — слухъ его такъ тонокъ, что онъ слышитъ, какъ трава растетъ: прилегая ухомъ къ землѣ, онъ узнаетъ, что на томъ свѣтѣ дѣлается. f) *Морозъ-Трескунъ* или *Студенецъ* — онъ входитъ въ чугунную, докрасна накаленную баню, въ одномъ углу *дунулъ*, въ другомъ *плюнулъ*, глядь — ужъ вездѣ иней да сосульки висятъ; g) наконецъ старикъ съ вязанкою дровъ, которыя стóитъ только разбросать, какъ вмигъ явится безчетное войско. Царь, отецъ красавицы, требуетъ отъ добраго мóлодца, чтобы онъ заявилъ свою богатырскую мощь. И вотъ, по приказу царя, выставлены для него горы печóныхъ хлѣбовъ, двѣнадцать жареныхъ быковъ и сорокъ бочекъ вина; надо все съѣсть и выпить. Въ этомъ дѣлѣ помогаютъ ему Объѣдало да Опивало. Потомъ приказываетъ царь мóлодцу, чтобы онъ въ короткое время, пока будетъ обѣдъ продолжаться, добылъ и принесъ живой воды. Вмѣсто мóлодца бѣжитъ за водою скороходъ; но на обратномъ пути засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Чуткой услыхалъ его храпъ и сказалъ стрѣлку; стрѣлокъ разбудилъ соню своимъ выстрѣломъ, и живая вода была доставлена во-время. Морозъ-Трескунъ спасаетъ молодца отъ раскаленной чугунной бани; а старикъ съ вязанкою дровъ выставляетъ столько войска, что царь покоряется и уступаетъ жениху свою прекрасную дочь. Варіантъ, сообщенный г. Худяковымъ (I, № 33), отличается нѣкоторыми любопытными особенностями; здѣсь выведены еще два богатыря: *Дубыня*, исторгающій крѣпкіе вѣковые дубы съ корнями, и другой, съ такою силою дующій изъ своихъ ноздрей, что за тысячу верстъ вертитъ крылья мельницъ, гонитъ по морю корабли, опрокидываетъ и уноситъ на воздухъ царскія войска. Является въ нѣкое царство доброй молодецъ Ивашка и слышитъ — по всему народу объявлено, что царевна выйдетъ за того замужъ, кто ее перегонитъ и прежде ея принесетъ изъ колодца воды; а кто возьмется за это дѣло, да не перегонитъ — съ того голова долой. Сама же царевна куда шибко бѣгала! Ивашка выставилъ за себя скорохода; понесся скороходъ быстрѣе стрѣлы, добѣжалъ до колодца, почерпнулъ въ кружку — и назадъ; на половинѣ дороги поставилъ кружку нàземь и, утомленный, легъ спать. А царевна еще далеко до колодца не добѣжала; увидала, спящаго соперника, взяла его полную кружку, а свою пустую поставила на мѣстѣ, и повернула домой. Пробужденный стрѣлою, скороходъ успѣлъ сбѣгать къ колодцу и воротился съ водою раньше царевны. Не захотѣлось царю выдавать дочери за Ивашку, вздумалъ откупаться

деньгами. Ивашка потребовалъ столько золота, сколько одинъ человѣкъ поднять можетъ, и велѣлъ собирать со всего царства холсты и шить огромный мѣшокъ. Сшили мѣшокъ, наполнили золотомъ; думаютъ— никто не подыметъ, а Дубыня взялъ его и спокойно понесъ. Жалко стало царю золота, послалъ за богатырями въ погоню большое воинство. Ивашко съ товарищами уже плыли въ ладьяхъ по морю; видя то, и царское войско посажалось на корабли и пустилось за ними. Тогда тотъ изъ богатырей, что былъ мастеръ дуть, поднялъ сильные вѣтры; изъ одной ноздри направилъ онъ вихрь противъ царскихъ кораблей, а изъ другой подулъ на свои собственные паруса; корабли назадъ отбросило, а ладьи живо къ другому берегу прибило. Точно такая же сказка существуетъ у сербовъ: «Дјевојка бржа од коња» (В. Карадж., № 24). Красота этой дѣвицы такъ описана: «Била је некака ђевојка која није рођена од оца и мајке, него је начиниле виле од снијега извађена из јаме безданье према сунцу Илијнскоме, вјетар је оживио, роса је подојила, а гора лишћем обукла и ливада цвијећем накитила и наресила. Она је била бјелья од снијега, руменија од ружице, сјајнија од сунца». Чудная дѣва объявила по всему свѣту: кто, сидя на конѣ, перегонитъ ее, за того она пойдетъ замужъ; но такой подвигъ былъ весьма труденъ, потому что на бѣгу она выпускала «некака мала крила испод пазуха» и съ помощью своихъ крыльевъ неслась быстрѣе всякаго коня. Смотри также Narodne pripovjedke Валявца, стр. 214 — 6; Slovanska čitanka Эрбена, стр. 35 — 36; Kinder-und Hausmärch., т. I, № 71 и Der Pentamerone oder das Märchen aller Märchen, т. I, № 28. Содержаніе итальянской сказки слѣдующее: Масціоне отправляется закупать товары, на пути встрѣчаетъ разныхъ богатырей и беретъ ихъ съ собою. «Я,—говоритъ о себѣ одинъ изъ богатырей,—называюсь *Молнія изъ Стрѣлограда* и могу бѣгать такъ же быстро, какъ вѣтеръ». — «Меня,—говоритъ другой,—называютъ *Заячье ухо изъ города Любопытныхъ:* если я прилягу ухомъ къ землѣ, то узнаю все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ».—«Мое имя,— замѣчаетъ третій, — *Хорошо стрѣляй* изъ мѣстечка *Прямо-въ-цѣль*».—«А меня,—прибавилъ четвертый,—зовутъ *Дуй-богатыръ* (Blasius) *изъ Вѣтрограда;* своимъ ртомъ я могу производить всякіе вѣтры: захочу — и повѣетъ тихій зефиръ, вздумаю — и зашумитъ свирѣпый борей»; и въ подтвержденіе своихъ словъ онъ началъ дуть такъ сильно, что поднялась буря и низвергла цѣлые ряды вѣковыхъ дубовъ. «Мое имя,—говоритъ, наконецъ, пятый,—*Крѣпкая Спина*, родомъ изъ *Твердой Скалы;* я могу поднять на плеча огромную гору, и она покажется мнѣ не тяжеле пера». Спутники прибыли въ нѣкоторое государство, гдѣ царствовалъ король, а у него была дочь, которая бѣгала съ быстротой и легкостью вѣтра; когда она неслась по нивамъ— подъ ея стопами даже не гнулись колосья. Король обѣщалъ выдать свою дочь за того, кто превзойдетъ ее въ бѣгѣ. Богатырь Молнія опередилъ ее; но король назначилъ перебѣжку, а королевна подарила

своему сопернику перстень съ волшебнымъ камнемъ: тотъ, кто надѣвалъ этотъ перстень на палецъ, ни за что не могъ тронуться съ мѣста. Заячье ухо прислушался и узналъ про коварный умыселъ; стрѣлокъ пустилъ съ тугаго лука стрѣлу и сбилъ съ кольца волшебный камень; королева была побѣждена, король предложилъ за дочь выкупъ, и Крѣпкая Спина забралъ у него все серебро и золото.

Нѣмецкая редакція передаетъ такія подробности (въ сбор. братьевъ Гриммовъ, II, № 134): Царевичъ отправляется свататъ прекрасную королеву, мать которой была волшебница. На дорогѣ ему попадаются великаны: a) *Толстякъ* (der Dicke); несмотря на то, что его брюхо равнялось горѣ, онъ могъ расширяться по произволу и сдѣлаться еще толще — хоть въ три тысячи разъ; b) *Длинный* (der Lange), который могъ вытягиваться вверхъ, по своему желанію, и когда хотѣлъ — превосходилъ ростомъ самыя высокія горы; c) *Чуткій на ухо* (der Horcher) и d) двое съ необычайно-острымъ зрѣніемъ (die Scharfäugigen); одинъ изъ нихъ обладалъ такою длинною шеею, что могъ глядѣть черезъ горы, и такими зоркими очами, что могъ видѣть весь свѣтъ; а другой вынужденъ былъ носить на глазахъ повязку, ибо взгляды его были такъ остры, что отъ нихъ распадалось все вдребезги. Первая задача, которую возложила на жениха королева-волшебница, была: достать брошенное въ море кольцо. Толстякъ припалъ къ морю устами и потянулъ въ себя воду; волны покатились въ его брюхо, словно въ пропасть, и въ короткое время онъ вытянулъ все море; на открытомъ днѣ товарищъ его съ свѣтлыми очами усмотрѣлъ кольцо, а Длинный досталъ и принесъ то кольцо царевичу. Вторая задача состояла въ повелѣніи съѣсть триста жирныхъ, откормленныхъ быковъ съ костями, кожею и рогами — такъ, чтобы не оставался несъѣденнымъ ни единый волосъ, и осушить до капли триста бочекъ вина. Царевичъ испросилъ позволеніе раздѣлить этотъ обѣдъ съ однимъ изъ своихъ товарищей и пригласилъ Толстяка, которой все пожралъ и выпилъ. Задавая царевичу третью задачу, волшебница сказала: «Сегодня вечеромъ я приведу въ твою комнату мою дочь; ты долженъ держать ее въ своихъ объятіяхъ; но берегись, чтобы не заснуть. Ровно въ двѣнадцать часовъ явлюсь я, и если ея не будетъ въ твоихъ рукахъ — ты погибъ!» Вечеромъ царевичъ взялъ королевну въ свои объятія; вокругъ ихъ обвился Длинный, а Толстякъ заставилъ собою дверь такъ плотно, что ни одна живая душа не могла пролѣзть въ комнату. Время шло, а красавица не промолвила ни слова. Въ одинадцать часовъ королева наслала на царевича и его помощниковъ крѣпкій сонъ, и въ это мгновеніе невѣста была похищена. Когда было уже безъ четверти двѣнадцать, очарованіе потеряло силу, царевичъ проснулся и воскликнулъ. «Увы, теперь я погибъ!» — «Тише! — возразилъ Чуткій: — дайте-ка я прислушаюсь». Онъ прислушался и сказалъ: Королева сидитъ въ скалѣ, на триста часовъ разстоянія отсюда, и клянетъ свою судьбу. Но

Длинный можетъ поправить дѣло: пара шаговъ — и онъ будетъ тамъ».— «Да, — отвѣчалъ Длинный, — только пусть со мной отправится товарищъ съ завязанными глазами, чтобы разрушить скалу». Быстро очутились они передъ *заколдованною скалою, и когда Острозоркій снялъ повязку съ своихъ очей и взглянулъ, то скала въ тотъ же мигъ разлетѣлась на тысячи кусковъ*. Длинной взялъ королевну на руки и принесъ къ жениху. Задачи были исполнены, царевичъ поѣхалъ вѣнчаться съ своею красавицей; но королева послала за ними войска и велѣла силой отнять свою дочь. Тогда Толстякъ выплюнулъ часть морской воды, выпитой имъ прежде, и тотчасъ стало большое озеро и потопило погоню. Королева отправила новое войско, но и это погибло отъ сокрушительныхъ очей другого товарища. — Подобная же сказка есть у чеховъ «Dlouhý, Široký a Bystrozraký» (Slov. čitanka, стр. 7 — 14; Westslaw. Märchenschatz, стр. 130 — 140; сличи Slov. pohàdky, od Němcové, стр. 605 — 618). Царевичъ ѣдетъ добывать красавицу-невѣсту, *заключенную злымъ чародѣемъ въ желѣзномъ замкѣ*. Ему помогаютъ: а) *Длинный*, который можетъ вытянуться такъ высоко, что головой своей достанетъ облака̀; при такомъ ростѣ ему ничего не значитъ пространства: стоитъ сдѣлать шагъ или два — и онъ очутился далеко-далеко! b) *Широкій* (Толстякъ), брюхо котораго можетъ скоро расти во всѣ стороны и сравняться съ любою горою, и с) *Огнеокій* (у словаковъ: Zarooky), отъ взглядовъ котораго воспламеняется огнемъ все, что̀ только можетъ горѣть, а крѣпчайшія скалы трескаются и разсыпаются въ песокъ. Царевичъ и его помощники являются къ старику-чародѣю, съ сѣдой бородой по колѣна; на чародѣѣ длинная черная одежда и вмѣсто пояса три *желѣзныхъ обруча*. «Если ты, — сказалъ онъ царевичу, — сумѣешь уберечь красавицу три ночи — она будетъ твоя; въ противномъ же случаѣ ты самъ и твои товарищи будете *превращены въ камень* — точно такъ же, какъ превращены всѣ тѣ, которые являлись прежде тебя». Наступила ночь, и царевичъ сѣлъ возлѣ блѣдной и печальной красавицы; она не смѣялась и не говорила ни слова, точно была изъ мрамора. Царевичъ рѣшился не спать цѣлую ночь; для большей безопасности Длинный вытянулся, подобно ремню, и обвился вокругъ всей комнаты по стѣнамъ; Широкій заложилъ собою двери, а Огнеокій сталъ за столбомъ на стражу. Но это нисколько не помогло, всѣ они заснули крѣпкимъ сномъ, а пробудясь, не нашли красавицы: «За сто миль отсюда есть лѣсъ, середи лѣса старый дубъ, на дубѣ жолудь, и этотъ жолудь—она!»—сказалъ богатырь съ зоркими очами. Благодаря своимъ товарищамъ, царевичъ возвращаетъ ее назадъ вовремя. На вторую ночь красная дѣвица очутилась за двѣсти миль: тамъ была гора, на горѣ скала, въ скалѣ драгоцѣнный камень, и этотъ камень — сама невѣста; а на третью ночь — за триста миль: на днѣ чернаго моря лежала раковина; въ раковинѣ кольцо, а это кольцо— красная дѣвица! Царевичъ находитъ ее и въ скалѣ и на днѣ моря,

и каждое утро, какъ только увидитъ чародѣй красавицу въ комнатѣ жениха, съ его тѣла спадаетъ по одному желѣзному обручу, и вмѣстѣ съ тѣмъ оживляются понемногу и окаменённые имъ герои съ ихъ конями и слугами. Когда лопнулъ послѣдній обручъ — чародѣй *превратился въ ворона* и улетѣлъ въ разбитое окно; красавица зарумянилась какъ роза и стала благодарить царевича за свое избавленіе; въ замкѣ и въ окрестностяхъ все пришло въ движеніе: окаменённые ожили, деревья зазеленѣли, поля запестрѣли цвѣтами, воздухъ огласился пѣснями жаворонковъ, и въ рѣкѣ появились стаи маленькихъ рыбокъ. Всюду жизнь, всюду радость! Смыслъ этихъ сказокъ и значеніе дѣйствующихъ въ нихъ богатырей см. въ Поэт. Воззр., II, стр. 642—716.

84. Семь Семіоновъ.

а. Въ одномъ мѣстѣ у мужика было семь сыновъ, семь Семёновъ— все молодецъ молодца лучше, а такіе лѣнтяи, неработицы — во всемъ свѣтѣ поискать! — ничево не дѣлали. Отецъ мучился-мучился съ ними и повезъ къ царю; привозитъ туда, сдаетъ всѣхъ въ царскую службу. Царь поблагодарилъ ево за такихъ молодцовъ и спросилъ: «Чево они умѣютъ дѣлать?» — «У самихъ спросите, вашо царское величество!» Царь наперво созвалъ большова Семёна, спросилъ: «Чево ты умѣёшь дѣлать?» — «Воровать, вашо царское величество». — «Ладно: мнѣ такой человѣкъ навремя надобенъ». Созвалъ второва: «А ты чево?» — «Я умѣю ковать всяки дороги вешши». — «Мнѣ и такой человѣкъ надобенъ». Созвалъ третьева Семёна, спрашиваетъ: «А ты чево умѣёшь дѣлать?»— «Я умѣю стрѣлять на лету птицу, вашо царское величество». — «Ладно!» Спрашиваетъ четвертаво: «А ты чево?» — «Если стрѣлецъ подстрѣлитъ птицу, я вмѣсто собаки сплаваю за ней и приташшу». — «Ладно!»—говоритъ царь. «А ты чему мастеръ?»—спросилъ пятова. «Я буду смотрѣть съ высокова мѣста во всѣ царства и стану сказывать, гдѣ чево дѣлатся». — «Хорошо, хорошо!» Спросилъ шестова. «Я знаю дѣлать корабли: только тяпъ-ляпъ — у меня и будетъ кораб(л)ь». — «Хорошо; а ты чево знашь?»—спросилъ седьмова. «Я умѣю лѣчить людей». — «Ладно!»

Царь отпустилъ ихъ. Живутъ долго ужъ; царь и вздумалъ попытать одново Семёна: «Ну-ко, Семёнъ, узнай, гдѣ чево дѣлатся?» Семёнъ забился куда-то наверхъ, посмотрѣлъ по сторонамъ и разсказалъ: «Тутъ вотъ то-то дѣлатся, тамъ то-то». Послѣ сличили съ газетами — точно такъ! Прошло опеть много время; царь вздумалъ женит(ь)ся на одной царевнѣ: какъ ее достать? не знатъ, неково послать! И вспомнилъ семь Семёновъ, созвалъ ихъ, далъ службу: достать эту царевну; далъ имъ сколько-то солдатства. Семёны скоро собрались, все мастера — тяпъ да ляпъ и сдѣлали корабль, сяли и поплыли. Подплываютъ подъ то царство, гдѣ была невѣста-царевна; одинъ посмотрѣлъ съ высокава

шеста, сказалъ, что царевна теперь одна—украсть можно; другой сковалъ какія-то самыя дорогія вещши, и пошли съ воромъ продавать; только дошли — воръ тотчасъ и укралъ царевну. Отсикли якоря, поплыли. Царевна видитъ, что ее везутъ, обернулась бѣлой лебедью и полетѣла съ корабля. Стрѣлецъ не оробѣлъ, схватилъ ружье, стрѣлилъ и попалъ ей въ лѣвое крыло; вмѣсто собаки кинулся другой Семёнъ, схватилъ лебедь на морѣ и принесъ на корабль. Лебедь обернулась опеть царевной, только лѣва рука у неё была подстрѣлёна. Лѣкарь у нихъ свой, тотчасъ руку у царевны вылѣчилъ. Пріѣхали къ своему царству здоровы, благополучны, выстрѣлили изъ пушки. Царь услышалъ и забылъ ужъ про Семёновъ—думатъ, что за корабь пришолъ тамъ? «Поди-ко,— говоритъ,—сбѣгайте, узнайте тамъ». Кто-то сбѣгалъ ли, съѣздилъ ли; сколь скоро доложили царю о семи Семёнахъ вмѣстѣ съ царской невѣстой, — онъ обрадовался Семёновымъ трудамъ, приказалъ встрѣтить ихъ съ честью, съ пушечной пальбой, съ барабаннымъ боёмъ. Только царевна не пошла за царя въ замужъ: онъ былъ ужъ старъ. Онъ ее и спросилъ: за ково она хочотъ выйти? Царевна говоритъ: «За тово, кто меня воровалъ!» — а воръ Сенька былъ бравый дѣтина, царевнѣ поглянулся [1]). Царь, не говоря больше ни слова, приказалъ ихъ обвѣнчать; потомъ самъ захотѣлъ на спокой, Семёна поставилъ на свое мѣсто, а братовей ево сдѣлалъ всѣхъ большими боярами.

(Зап. въ Пермской губ., Шадринскомъ округѣ, госуд. крестьян. А. Зыряновымъ).

b. Жилъ-былъ старикъ со старухой среди поля. Пришелъ часъ,— мужикъ Богу душу отдалъ; а старуха, погодя немного мѣста, родила семь близнецовъ-однобрюшниковъ, что по прозванію семь Симеоновъ. Вотъ они растутъ да растутъ, всѣ одинъ въ одного и лицомъ, и статьями, и каждое утро выходятъ пахать землю всѣ семеро. Случилось такъ, что тою стороной ѣхалъ царь; видитъ съ дороги, что далеко въ полѣ пашутъ землю никакъ барщиной — такъ много народу! — а ему вѣдомо, что въ той сторонѣ не причитается барской земли. Вотъ посылаетъ царь своего конюшаго узнать: что за люди такіе пашутъ, какого рода и званія: барскіе или царскіе, дворовые ли какіе или наемные? Приходитъ къ нимъ конюшій, спрашиваетъ: «Что вы за люди такіе есть, какого роду и званія?» Отвѣчаютъ ему: «А мы такіе люди, что мать родила насъ семь Симеоновъ-однобрюшниковъ, а пашемъ мы землю отцову и дѣдину». И разсказываетъ, воротясь, конюшій царю все, какъ слышалъ. Удивляется царь. «Такого чуда не слыхивалъ я!»—говоритъ онъ и тутъ-же посылаетъ сказать семи Симеонамъ-однобрюшникамъ, что онъ ждетъ ихъ къ себѣ въ теремъ на услуги и посылки.

Собрались всѣ семеро и приходятъ въ царскія палаты, становятся въ рядъ. Ну, — говоритъ царь, — отвѣчайте: х(к)ъ какому мастерству кто

---

[1]) Понравился.

способенъ, какого ремесла кто придерживается?» Выходитъ старшій: «Я,— говоритъ, — могу сковать желѣзный столбъ сажóнъ въ двадцать вышиною». «А я, — говоритъ второй, — могу уставить его въ землю». — «А я, — говоритъ третій, — могу взлѣзть на него и осмотрѣть кругомъ далёко-далёко все, что по бѣлому свѣту творится». — «А я, — говоритъ четвертый, — могу срубить корабль, что ходитъ по морю, какъ по суху». — «А я, — говоритъ пятый, — могу торговать разными товарами по чужимъ землямъ». — «А я, говоритъ шестой, — могу съ кораблемъ, людьми и товарами нырнуть въ море, плавать подъ водою и далѣ вынырнуть опять, гдѣ надо». — «А я воръ,—говоритъ седьмой,—могу украсть, что приглядится иль полюбится». «Такого ремесла я не терплю въ своемъ царствѣ-государствѣ, — отвѣчалъ сердито царь послѣднему, седьмому Симеону, — и даю тебѣ три дня сроку выбираться изъ моей земли, куда тебѣ любо: а всѣмъ другимъ шестерымъ Симеонамъ приказываю остаться здѣсь». Пригорюнился седьмой Симеонъ, заслышавъ рѣчи царскія; не знаетъ, какъ ему быть и что дѣлать. Въ то время царю была по сердцу красавица-царевна, что живетъ за горами, за морями, и никакъ не могъ онъ достать её, чтобъ жениться. Вотъ бояре, воеводы царскіе и вспомнили, что воръ, молъ, пригодится и, можетъ-быть, сумѣетъ похитить чудную царевну, и стали они просить царя оставить вора Симеона до поры до времени. Подумалъ царь и приказалъ его оставить.

Вотъ на другой день царь собралъ бояръ своихъ и воеводъ и весь народъ, приказываетъ семи Симеонамъ показать свои ремесла. Старшій Симеонъ, не долго мѣшкая, сковалъ желѣзный столбъ въ двадцать сажóнъ вышиною. Царь приказываетъ своимъ людямъ уставить желѣзный столбъ въ землю; но какъ ни бился народъ, не могъ уставить. Тогда приказалъ царь второму Симеону уставить желѣзный столбъ въ землю. Симеонъ второй, не долго думая, поднялъ и уперъ столбъ въ землю. Затѣмъ Симеонъ третій взлѣзъ на этотъ столбъ, сѣлъ на маковку и сталъ глядѣть кругомъ далече, какъ и что творится по бѣлу свѣту; и видитъ синія моря, на нихъ какъ пятна мрѣютъ корабли, видитъ села, города, народа тьму; но не примѣчаетъ той чудной царевны, что̀ полюбилась царю [1]). И сталъ пуще глядѣть во всѣ виды и вдругъ запримѣтилъ: у окна въ далекомъ теремѣ сидитъ красавица-царевна, румяна, бѣлолица и тонкокожа, ажъ видно — какъ мозги переливаются по косточкамъ [2]). «Видишь?»— кричитъ ему царь. «Вижу». — «Слѣзай же поскорѣе внизъ и доставай царевну, какъ тамъ знаешь, чтобъ была мнѣ во что бы ни стало!» Собрались всѣ семеро Симеоновъ, срубили корабль, нагрузили его всякимъ товаромъ и гостьми, и всѣ вмѣстѣ поплыли моремъ доставать царевну по-за сизыми горами, по-за синими морями. Ѣдутъ - ѣдутъ между небомъ и землей, пристаютъ къ невѣдомому острову у пристани. А Симеонъ меньшой

---

[1]) Въ подлинномъ спискѣ читаемъ: что̀ повредила царя. [2]) Или: какъ мозжечекъ изъ косточки въ косточку переливается.

взялъ съ собою въ путь сибирскаго кота ученаго, что̀ можетъ по цѣпу [1] ходить, вещи подавать, разны нѣмецки штуки выкидать. И вышелъ воръ-Симеонъ съ своимъ котомъ съ сибирскимъ, идетъ по острову, а товарищей-ребятъ проситъ не выходить на землю, пока онъ самъ не прійдетъ назадъ. Идетъ по острову, приходитъ въ городъ и на площади предъ царевнинымъ теремомъ забавляется съ котомъ ученымъ съ сибирскимъ: приказываетъ ему вещи подавать, черезъ плетку скакать, нѣмецкія штуки выкидать. На ту пору царевна сидѣла у окна и завидѣла невѣдомаго звѣря, какого у нихъ нѣтъ и не водилось отродясь. Тотчасъ же посылаетъ прислужницу свою узнать: что за звѣрь такой, и продажной али нѣтъ? Слушаетъ воръ-Симеонъ красную молодку, царевнину прислужницу, и говоритъ: «Звѣрь мой — котъ сибирскій; а продавать — не продаю ни за какія деньги; а коли крѣпко кому онъ полюбится, тому подарить — подарю». Такъ и разсказала прислужница своей царевнѣ, а царевна снова подсылаетъ свою молодку къ Симеону-вору: «Крѣпко, молъ, звѣрь твой полюбился». Пошелъ Симеонъ во теремъ царевнинъ и принесъ ей въ даръ кота своего сибирскаго; проситъ только за это — пожить въ ея теремѣ три дня и покушать царскаго хлѣба-соли, да еще прибавляетъ: «Научить тебя, прекрасная царевна, какъ играться и забавляться съ невѣдомымъ звѣремъ, съ сибирскимъ котомъ». Царевна позволила, и воръ-Симеонъ остался ночевать въ царскомъ теремѣ. Пошла вѣсть по палатамъ, что у царевны завелся дивный, невѣдомый звѣрь; собрались всѣ: и царь, и царица, и царевичи, и царевны, и бояре, и воеводы — всѣ глядятъ, любуются—не налюбуются на веселаго звѣря, ученаго кота. Всѣ желаютъ достать и себѣ такого и просятъ царевну; но царевна не слушаетъ никого, не даритъ никому своего сибирскаго кота, гладитъ его по шерсти шелковой, забавляется съ нимъ день и ночь, а Симеона приказываетъ поить и угощать въ волю, чтобъ ему было хорошо. Благодаритъ Симеонъ за хлѣбъ-соль, за угощенье и за ласки и на третій день проситъ царевну пожаловать къ нему на корабль — поглядѣть на устройство его и на разныхъ звѣрей виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, что привезъ онъ съ собою. Царевна успросилась у батюшки-царя и вечеркомъ съ прислужницами и нянъками пошла смотрѣть корабль Симеона и звѣрей его виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ. Приходитъ: у берега поджидаетъ её Симеонъ меньшой и проситъ царевну не прогнѣваться и оставить на землѣ нянекъ и прислужницъ, а самоё пожаловать на корабль: «Тамъ-де много звѣрей разныхъ и красивыхъ; какой тебѣ полюбится — тотъ и твой! а всѣхъ одарить, кому что полюбится, — и нянекъ и прислужницъ — не могимъ». Царевна согласна и приказываетъ нянькамъ да прислужницамъ подождать её на берегу, а сама идетъ за Симеономъ на корабль — глядѣть

[1] По цѣпи.

дива дивныя, звѣрей чудныхъ. Какъ взошла — корабль и отплылъ и пошелъ гулять по синему морю. Царь ждетъ — не дождется царевны. Приходятъ няньки и прислужницы, плачутся, разсказываютъ свое горе. И распалился гнѣвомъ царь, приказываетъ сейчасъ же устроить погоню. Снарядили корабль, натѣснили народу, и погнался царской корабль за царевной. Чуть мрѣетъ далече — плыветъ корабль Симеоновъ, и не вѣдаетъ, что за нимъ царская погоня летитъ — не плыветъ! Вотъ ужъ близко! Какъ увидали семь Симеоновъ, что погоня ужъ близко, вотъ-вотъ догонитъ!—нырнули и съ царевной и съ кораблемъ. Долго плыли подъ водою и поднялись наверхъ тогда, какъ близко стало до родной земли. А царская погоня плавала три дня, три ночи, ничего не нашла; съ тѣмъ и возвратилась.

Пріѣзжаютъ семь Симеоновъ съ прекрасной царевной домой, глядь— на берегу высыпало народу, что гороху, премногое множество! Самъ царь поджидаетъ у пристани и встрѣчаетъ гостей заморскихъ, семерыхъ Симеоновъ съ прекрасной царевной, съ радостью великою. Какъ сошли они на берегъ, народъ сталъ кричать и шумѣть; а царь поцѣловалъ царевну во уста сахарныя, повелъ во палаты бѣлокаменныя, посадилъ за столы дубовые, скатерти бранныя, угостилъ всякими напитками медовыми и наѣдками сахарными и въ скорости отпраздновалъ свадьбу съ душею-царевною — и было веселье и большой пиръ, что на весь крещенный міръ! А семи Симеонамъ далъ волю по всему царству-государству жить да поживать привольно, торговать безпошлинно, владѣть землей жалованной безобидно; всякими ласками обласкалъ и домой отпустилъ съ казной на разживу.

Была у меня кляченка - восковыя плечонки, плеточка гороховая. Вижу: горитъ у мужика овинъ; клячонку я поставилъ, пошелъ овинъ заливать. Покуда овинъ заливалъ, клячонка растаяла, плеточку вороны расклевали. Торговалъ кирпичомъ, остался не при чемъ; былъ у меня шлыкъ, подъ воротню шмыгъ, да калешку [1]) сшибъ — и таперя больно. Тѣмъ и сказкѣ конецъ! [2]).

(Записана въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губ., Петромъ Сокальскимъ).

с. У одного старичка, у богатаго мужичка, не было ни сына, ни дочери; сталъ онъ Бога молить, чтобы послалъ ему хоть единое дѣтище при жизни на потѣху, а по смерти на замѣну. Вотъ родилось у него

---

[1]) Ногу. [2]) *Варіантъ:* А я тамъ была да медъ пила, по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Дали мнѣ шлыкъ—въ подворотню меня швыркъ; дали мнѣ колпакъ да и ну меня толкать; дали мнѣ щуку на серебряномъ блюдѣ я — щупать, щупать! Анъ ни щуки, ни блюда; и донынѣ нѣтъ! Дали мнѣ гороховую плетку и восчаную лошадку; я стала смотрѣть, анъ лошадка растаяла, а плетку воробьи расклевали! и до сихъ поръ пѣшкомъ хожу. Дали мнѣ синій сарафанъ да красные коты; летитъ синица и кричитъ: «Синь да хорошъ!» а я думала: скинь да положь! — взяла да и скинула. Дали мнѣ кузовъ, а я и ну гузать (медлить)!

въ одинъ день семь сыновъ, и всѣхъ ихъ назвали Симіонами. Не привёлъ имъ Богъ взрасти подъ надзоромъ отца матери; остались Симіоны сиротками. Извѣстно, каково житье сиротское: хоть малъ, неразуменъ, а во всякой слѣдъ пойди, за всякое дѣло берись; такъ-то и Симіоны. Пришла пора рабочая, народъ засуетился — и жнутъ, и косятъ, и на гумно возятъ, а тутъ надо еще землю поднимать, подъ зиму надо хлѣбъ засѣвать; Симіоны подумали-подумали, и хоть силы нѣтъ, а туда же за людьми поѣхали, копаются, какъ червяки на широкомъ полѣ. Ѣдетъ мимо царь: удивился, что малыя дѣти не по силѣ работаютъ. Подозвалъ ихъ къ себѣ, сталъ разспрашивать, дознался, что у нихъ нѣтъ ни отца, ни матери. «Я, — говоритъ, — хочу быть вашимъ отцомъ; скажите мнѣ, какимъ ремесломъ желаете вы заняться?» Старшій отвѣчалъ: «Я, государь, буду кузнецъ и воздвигну столбъ такой, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать—почти до небесъ».—«А я,—отвѣчалъ второй—взойду на этотъ столбъ, стану глядѣть на всѣ стороны и тебѣ разсказывать, что дѣлается въ чужихъ царствахъ-государствахъ». Государь похвалилъ. Третій отвѣчалъ: «Я буду плотникъ и сдѣлаю корабль». — «Дѣло!» Четвертой: «А я стану кораблемъ управлять и буду кормчій». — «Хорошо!» Пятой: «А я, когда понадобится, возьму корабль за носъ и спрячу его на дно моря». Шестой: «А я, когда понадобится, со дна моря его опять выхвачу». — «Всѣ вы хотите быть дѣльными людьми! А ты, — сказалъ царь меньшому, — чему хочешь учиться?» — «Я, государь, буду воръ!» — «О, худо же ты затѣялъ! вора мнѣ не надо, вора я велю казнить». Государь простился съ дѣтьми и уѣхалъ. Симіоновъ отдали въ науку. Черезъ долгое время они выросли, выучились — чему хотѣли; государь ихъ потребовалъ налицо—испробовать ихъ мастерство, поглядѣть ихъ искусство, испытать ихъ знаніе.

Кузнецъ сковалъ столбъ такой, что̀ голову закинешь—шеѣ станетъ больно, чуть не до небесъ. Царь похвалилъ. Другой братъ, какъ бѣлка, вскочилъ на верхушку столба, глянулъ на всѣ стороны, раскрылись предъ нимъ всѣ царства-государства, и онъ сталъ разсказывать, въ которомъ изъ нихъ что дѣлается. «А въ такомъ-то царствѣ, въ такомъ-то государствѣ,—говорилъ онъ,—живетъ Елена-царевна Прекрасная — невиданной красоты: алый цвѣтъ у ней по лицу разсыпается, бѣлый пухъ по груди разстилается, и видно, какъ мозжечекъ изъ косточки въ косточку переливается». Это царю всего больше понравилось. Третій братъ тяпъ да ляпъ — выстроилъ корабль, какъ домъ хорошій. Царь обрадовался. Четвертый сталъ управлять кораблемъ: корабль побѣжалъ по̀ морю, какъ рыбка живая. Государь былъ очень доволенъ. Пятой на всемъ лету схватилъ корабль, дернулъ его за носъ — корабль потонулъ на дно моря. Шестой въ одну минуту выхватилъ его изъ моря, какъ легкую лодочку, и корабль сталъ — какъ ни въ чемъ не бывалъ. Государю и эта штука понравилась. А для меньшого брата-вора поставили висѣлицу, протянули петлю. Царь его спросилъ: «И ты въ своемъ мастерствѣ такъ

же искусенъ, какъ твои братья?» — «Я еще искуснѣе ихъ!» Тутъ же хотѣли его вздёрнуть на висѣлицу, но онъ закричалъ: «Погоди государь, можетъ, и я пригожусь! Повели, я украду для тебя Елену Прекрасную; только отпусти со мной моихъ братьевъ. Я поплыву съ ними въ кораблѣ новосдѣланномъ, и Елена-царевна будетъ твоя». А у царя изъ головы не шла Елена Прекрасная, много онъ о ней слышалъ хорошаго, сердце къ ней просилося; да жила она отъ него за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ. «Воръ затѣялъ хорошо: положиться на его удальство хоть нельзя, а попытаться можно», — подумалъ государь. Отпустилъ вора съ братьями, а корабль новосдѣланный нагрузилъ всякими богатствами. Долго ли плавали, нѣтъ ли, наконецъ, остановились въ томъ государствѣ, гдѣ жила Елена Прекрасная. Вора не учить, что надо говорить, какъ за дѣло браться. Онъ все вызналъ, вывѣдалъ; услышалъ, что въ этой землѣ нѣтъ кошекъ, нарядился купцомъ, взялъ кошечку; оглаживая, охорашивая, повелъ ее на золотомъ шнуркѣ мимо окна Елены-царевны. Царевна увидѣла, понравился ей хорошенькой звѣрекъ, приказала она его купить. Воръ отвѣчалъ, что онъ богатый купецъ, пріѣхалъ изъ богатѣйшаго государства, привёзъ всякія рѣдкости, драгоцѣнности, желаетъ явить прекрасной Еленѣ свое усердіе и проситъ ее принять отъ него кошечку въ подарокъ. Вора позвали во дворецъ; кошка дѣлала разныя штуки, царевна любовалась. Воръ наговорилъ столько о своихъ невиданныхъ рѣдкостяхъ, принёсъ и раскинулъ предъ нею такія чудныя ткани, такіе дивные уборы—глазъ бы не отвёлъ! «Да то ли еще у меня есть! — говорилъ онъ вдобавокъ:—эти вещи я могу всѣмъ показать, кто хочетъ—можетъ купить ихъ; а тебѣ, царевна, не угодно ли взглянуть на сокровище безцѣнное, никѣмъ невиданное? Оно у меня на кораблѣ подъ великой охраной; только одной тебѣ и покажу его. Оно замѣняетъ ночью огонь, днемъ — солнце и освѣщаетъ всякой мракъ чуднымъ свѣтомъ: это—камень необычайной красоты; а вынуть его невозможно, объявить о немъ — значитъ погубить себя — всякой захочетъ обладать имъ. Дорого стоило мнѣ, чтобъ достать его, но еще дороже для меня честь отъ царя моего, которому я везу это диво въ подарокъ». Царевна дала слово быть на кораблѣ и взглянуть на сокровище.

На другой день съ нянюшками, съ мамушками, съ красными дѣвушками она отправилась изъ дворца на корабль. Вся свита осталась на берегу; только Елена могла видѣть чудный свѣтъ безподобнаго камня. Все было изготовлено для ея встрѣчи; семь Симіоновъ явились, прислуживать, и только она вступила на корабль — пятой братъ схватилъ корабль за носъ, и корабль палъ на дно моря; вода плесканулась, закружилась, потомъ волны опять загуляли по-старому, какъ ничего не бывало; только на берегу кричали, плакали нянюшки-мамушки, только царь-отецъ разсылалъ погоню во всѣ концы... Но посланцы возвращались безъ царевны. Елена Прекрасная плыла далеко по синему океану; шестой братъ вывелъ корабль со дна моря; корабль шелъ какъ гусь-лебедь,

покачиваясь, и скоро приставъ къ родимому берегу. Царь обрадовался; онъ и во снѣ не видалъ, чтобъ принимать у себя Елену Прекрасную. Щедро наградилъ онъ Симіоновъ, не велѣлъ съ нихъ оброку, подушнаго брать; а самъ женился на Еленѣ Прекрасной и задалъ пиръ на весь міръ. Я нарочно за тысячу вёрстъ туда пришла, пиво-медъ пила, по усамъ текло, а въ ротъ не попало! Тамъ дали мнѣ ледяную лошадку, рѣпеное сѣдельце, гороховую уздечку; на плечики—синь кафтанъ, на голову шитъ колпакъ. Поѣхала я оттуда во всемъ нарядѣ, остановилась отдохнуть; сѣдельце, уздечку поснимала, лошадку къ деревцу привязала, сама легла на травкѣ. Откуда не возьмись — набѣжали свиньи, съѣли рѣпеное сѣдельце; налетѣли куры, склевали гороховую уздечку; взошло солнышко, растопило ледяную лошадку. Пошла я съ горемъ пѣшечкомъ; иду — по дорожкѣ прыгаетъ сорока и кричитъ: «Синь кафтанъ! синь кафтанъ!» а мнѣ послышалось: скинь кафтанъ! я скинула да бросила. Къ чему же,—подумала я,—остался на мнѣ шитъ колпакъ? Схватила его да оземь, и какъ видите теперь — осталась ни съ чѣмъ.

(Записана въ Курской губ.).

Примѣчаніе. Сказка эта была напечатана въ сборникѣ Сахарова подъ заглавіемъ: «О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ» (стр. 174); кромѣ того, г. Сахаровъ помѣстилъ ее и въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 г., № 1, смѣсь, стр. 43; а Н. Полевой передѣлалъ ее на свой ладъ и въ этой передѣлкѣ напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1841, г. № 1, стр. 17. Варіантъ, помѣщенный у г. Худякова (вып. 1, № 24), записанъ слабо; здѣсь смѣшаны двѣ различныя сказки. Сказка о семи Семіонахъ была напечатана еще въ книгѣ: «Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы», или 2-я часть настоящихъ русскихъ сказокъ, М., 1819 г.», откуда перешла она и на лубки. Попадается также отдѣльное ея изданіе (Москва 1838 г.), совершенно сходное съ помѣщеннымъ въ «Лѣкарствѣ отъ задумчивости». Вотъ какъ передана сказка о Семіонахъ въ этомъ послѣднемъ сборникѣ.

Сказка о семи Семіонахъ, родныхъ братьяхъ. Былъ-жилъ старикъ со старухой, и жили они нѣсколько лѣтъ, а дѣтей у нихъ не было, и уже къ великой старости приходили, какъ начали молить Бога, чтобъ даровалъ имъ дѣтище, которое бъ было въ старости имъ помогою въ работѣ. И молятся они годъ, другой, молятся третій и четвертой, молятся пятой и шестой, а не вымолятъ не единаго дѣтища; однако черезъ семь лѣтъ старуха понесла и послѣ родила вдругъ семь сыновъ, которыхъ всѣхъ назвали Семіонами. И когда старикъ со старухою умерли, то остались Семіоны сиротами, и были они тогда всѣ по десятому году и пахали свое поле уже сами, и не уступали своимъ сосѣдямъ. Въ нѣкое время случилось мимо той деревни ѣхать царю Адору, которой былъ самодержавецъ всей той области, и увидѣлъ работающихъ на полѣ семь Семіоновъ. Онъ весьма удивился, что такіе малые ребята и пашутъ

и боронятъ свою пашню, чего ради и послалъ къ нимъ старшаго своего боярина, чтобъ спросить — чьи они дѣти? Бояринъ, пришедши къ Семіонамъ, спрашивалъ: для чего они, такіе малые ребята, работаютъ такую тяжелую работу? На то ему отвѣтъ держалъ старшій Семіонъ, что они сироты и что за нихъ работать некому, и притомъ сказали, что всѣхъ ихъ зовутъ Семіонами. Бояринъ пошелъ отъ нихъ и сказалъ о томъ царю Адору, который весьма удивился, что столько ребятъ-братьевъ называются однимъ именемъ, — для чего и послалъ къ нимъ того жъ боярина, чтобъ ихъ взять съ собою во дворецъ. Бояринъ государевъ приказъ исполнилъ и взялъ всѣхъ Семіоновъ съ собою. Когда царь пріѣхалъ во дворецъ, тогда собралъ онъ къ себѣ всѣхъ своихъ бояръ и думныхъ дьяковъ и спрашивалъ у нихъ совѣта таковыми словесами: «Господа мои бояра и думные дьяки, вы видите сихъ семь сиротъ, которые не имѣютъ у себя никакихъ родственниковъ; я хочу сдѣлать ихъ такими людьми, чтобъ послѣ они меня благодарили, для чего и требую у васъ совѣта: въ какую науку или художество мнѣ ихъ отдать должно учиться?» На сіе отвѣчали всѣ такъ: «Милостивѣйшій государь! какъ теперь они уже на возрастѣ и въ разумѣ, то не разсудите ли за благо спросить ихъ каждаго особливо, кто въ какую науку или художество пожелаетъ пуститься». Царь принялъ сей совѣтъ съ радостію и началъ большаго Семіона спрашивать: «Слушай, другъ мой, въ какую науку или художество пуститься желаешь, то въ такую я тебя и учиться отдамъ». Семіонъ на то ему отвѣчалъ: «Ваше царское величество! я ни въ какую науку ни въ художество пуститься не желаю; а ежели бы вы приказали посреди вашего царскаго двора построить кузницу, то сковалъ бы я вамъ столбъ до самаго неба». Царь увидѣлъ, что этого Семіона учить нѣ для чего, потому что онъ и такъ уже кузнечное ремесло довольно искусно знаетъ; однако не вѣрилъ, чтобъ онъ могъ сковать столбъ до самаго неба, и потому приказалъ въ скоромъ времени посреди своего царскаго двора построить кузницу. Потомъ спрашиваетъ другого Семіона: «А ты, мой другъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь, въ такую я тебя и отдамъ». На сіе Семіонъ ему сказалъ: «Ваше величество! я ни въ какую науку ни въ художество пуститься не хочу; а ежели большой мой братъ скуетъ желѣзной столбъ до неба, то я по тому столбу взлѣзу на самой верхъ и стану смотрѣть во всѣ государства и буду тебѣ сказывать, что въ которомъ государствѣ дѣлается». Царь разсудилъ, что и того Семіона учить не надобно, потому что онъ и такъ мудренъ. Послѣ спрашивалъ третьяго Семіона: «Ты, мой другъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь?» Семіонъ на то ему сказалъ: «Ваше величество! я никакой наукѣ ни художеству учиться не хочу; а ежели бы мой большой братъ сковалъ мнѣ топоръ, я тѣмъ топоромъ тяпъ да ляпъ — тотчасъ бы сдѣлалъ корабль». Король на то ему сказалъ: «Мнѣ корабельные мастера надобны, и тебя ничему иному учить уже больше не должно».

Потомъ спросилъ онъ четвертаго Семіона: «Ты, Семіонъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь?» — «Ваше величество!—сказалъ онъ на то ему,—я никакой наукѣ учиться не желаю; а ежели бы мой третій братъ сдѣлалъ корабль, и когда бы тому кораблю случилось быть въ морѣ, и напалъ бы на него непріятель, то бъ я взялъ корабль за носъ и повелъ бы его въ подземельное государство, и когда бы непріятель ушелъ прочь, то тогда бъ я опять корабль вывелъ на̀ море». Царь удивился такимъ великимъ четвертаго Семіона чудесамъ и сказалъ ему: «И тебя учить не надобно!» Потомъ спросилъ пятаго Семіона: «А ты, Семіонъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь?» — «Я ничему учиться не желаю, ваше величество!—сказалъ Семіонъ; а ежели большой мой братъ скуетъ мнѣ ружье, то я тѣмъ ружьемъ, ежели увижу птицу — хотя за сто верстъ, то ее подстрѣлю». — «Ну, такъ ты исправной будешь у меня стрѣлецъ», сказалъ ему царь. Послѣ спросилъ шестого Семіона: «Ты, Семіонъ, въ какую науку вступить желаешь?»—«Ваше величество!—сказалъ ему Семіонъ,—я ни въ какую науку ни въ художество вступить не желаю; а ежели мой пятой братъ подстрѣлитъ птицу на лету, то я ее до земли не допущу и, подхватя, принесу къ тебѣ». — «Великой искусникъ! — сказалъ ему царь; ты у меня вмѣсто лягавой собаки въ полѣ можешь служить». Послѣ спросилъ царь послѣдняго Семіона: «А ты, Семіонъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь?»—«Ваше величество!—отвѣчалъ онъ ему,—я никакимъ наукамъ ни художествамъ учиться не желаю, потому что я и такъ ремесло имѣю предорогое».—«Да какое жъ ты имѣешь ремесло?—спросилъ его царь,—скажи мнѣ, пожалуй!» — «Я хорошо умѣю воровать,—сказалъ ему Семіонъ,—и такъ, что никто противъ меня не сворuетъ». Царь весьма осердился, услыша о такомъ дурномъ его ремеслѣ, и говорилъ потомъ къ своимъ боярамъ и думнымъ дьякамъ: «Господа мои! чѣмъ присовѣтуете мнѣ наказать сего вора Семіона, и скажите, какою казнію казнить его должно?» — «Ваше величество! — сказали ему всѣ они,—на что его казнить? Можетъ-быть, онъ воръ съ именемъ и такой, который въ случаѣ будетъ надобенъ». — «Да почему это?» — спросилъ царь. «А вотъ потому, что ваше величество уже десятый годъ, какъ достаете себѣ въ супруги царевну Елену Прекрасную, а достать не можете, и притомъ много силы и войска потеряли и множество казны и прочаго издержали; и этотъ Семіонъ-воръ, можетъ-быть, царевну Елену Прекрасную вашему величеству какъ-нибудь украдетъ». Царь на то имъ сказалъ: «Друзья мои, вы правду мнѣ говорите!» Потомъ обернулся онъ къ Семіону-вору и сказалъ ему: «Что, Семіонъ, можешь ли ты съѣздить за тридевять земель, въ тридесятое государство и украсть мнѣ царевну Елену Прекрасную, а я въ нее весьма крѣпко влюбленъ; и ежели ты мнѣ ее украдешь, то я тебѣ сдѣлаю великое награжденіе». — «Это наше дѣло, ваше величество! — отвѣчалъ седьмой Семіонъ: и я вамъ ее, ежели только прикажете,

украду». — «Не только, чтобы тебѣ приказывать, сказалъ ему царь, но я еще о томъ и прошу; и теперь не медли больше при дворѣ моемъ, и бери себѣ силы-войска и золотой казны, сколько тебѣ надобно». — «Мнѣ ни силы, ни войска, ни золотой казны не надобно, — отвѣчалъ онъ: отпусти насъ всѣхъ братьевъ вмѣстѣ, и я тебѣ царевну Елену Прекрасную достану». Царю не хотѣлось со всѣми Семіонами разстаться; однако хотя то и жалко было, но принужденъ былъ отпустить ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Между тѣмъ кузница на царскомъ дворѣ была устроена, и большой Семіонъ сковалъ желѣзной столбъ до самаго неба, а другой Семіонъ взлѣзъ по тому столбу на самой верхъ и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ было государство отца царевны Елены Прекрасной, и послѣ закричалъ онъ съ вершины столба царю Адору: «Ваше величество! вижу за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ, — царевна Елена Прекрасная сидитъ подъ окошечкомъ, и у ней изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается». Тогда царь еще больше красотою ея прельстился и потомъ вскрикнулъ къ Семіонамъ громкимъ голосомъ: «Друзья мои, отправьтесь въ путь какъ можно скорѣе, ибо я не могу жить безъ прекрасной царевны Елены». Почему большой Семіонъ сковалъ третьему Семіону топоръ, а пятому сдѣлалъ ружье; и послѣ того взяли съ собою нѣсколько хлѣба на дорогу, а Семіонъ-воръ взялъ съ собою кошку, и потомъ пошли въ путь свой. Кошку ту Семіонъ-воръ такъ къ себѣ пріучилъ, что она вездѣ за нимъ бѣгала какъ собака, и ежели онъ останавливался на дорогѣ или въ иномъ какомъ мѣстѣ, то кошка становилась на заднія лапы, а потомъ терлась около него и мурлыкала. И такъ шли они путемъ-дорогою нѣсколько времени и, наконецъ, пришли къ морю, черезъ которое надо было имъ переѣхать, а нѣ на чемъ. Они ходили долго по морскому берегу и искали какого-нибудь дерева, чтобъ сдѣлать себѣ судно, и послѣ нашли одинъ дубъ превеликой. Третій Семіонъ взялъ свой топоръ и срубилъ тотъ дубъ по самый корень, а потомъ по немъ же тяпъ да ляпъ — сдѣлалъ тотчасъ корабль, который былъ оснащенъ, а въ кораблѣ очутились разные дорогіе товары. Всѣ Семіоны сѣли на тотъ корабль и поплыли въ путь и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прибыли благополучно въ то мѣсто, въ которое имъ надобно было. Какъ скоро въѣхали они въ корабельную пристань, то тотчасъ бросили якорь. На другой день Семіонъ-воръ взялъ свою кошку и пошелъ въ городъ и, пришедши къ царскому двору, остановился противъ оконъ царевны Елены Прекрасной; въ то жъ самое время кошка сѣла на заднія лапы, а потомъ начала тереться и мурлыкать. Надобно знать, что въ томъ государствѣ совсѣмъ не знали и не слыхали, что̀ есть за звѣрь кошка. Царевна Елена Прекрасная въ то самое время сидѣла подъ окошечкомъ и, увидя кошку, тотчасъ послала своихъ нянюшекъ и мамушекъ, чтобъ спросить у Семіона — что̀ то былъ за звѣрокъ, не продастъ ли онъ его. Ежели продастъ, то какую за него

проситъ цѣну? Нянюшки и мамушки тотчасъ выбѣжали на улицу и спрашивали Семіона: какой это у него звѣрокъ, и не продастъ ли его? Семіонъ на то имъ отвѣчалъ: «Государыни мои! извольте доложить ея высочеству Еленѣ Прекрасной, что этотъ звѣрокъ называется кошкою, и что я его не продаю, а ежели она пожелаетъ этого звѣрка имѣть у себя, то онаго дарю ей безъ всякой платы». Нянюшки и мамушки тотчасъ побѣжали въ палаты и донесли о томъ ей, что отъ Семіона слышали. Царевна же Елена Прекрасная обрадовалась чрезвычайно и выбѣжала сама изъ палатъ и спрашивала Семіона : не продастъ ли кошки? Семіонъ ей сказалъ: «Ваше высочество! я сей кошки не продаю; а если она вамъ угодна, то вамъ ее дарую». Царевна, взявъ кошку къ себѣ на̀ руки, пошла въ палаты, а Семіону приказала итти за собою. Когда они пришли въ палаты, царевна пошла къ своему батюшкѣ царю Саргу и показала ему кошку и объявила, что ей подарилъ нѣкій чужестранецъ. Царь, увидя такого чуднаго звѣрка, весьма обрадовался и приказалъ призвать къ себѣ Семіона-вора, и когда онъ къ нему пришелъ, то царь хотѣлъ его наградить казною за кошку, но какъ Семіонъ не хотѣлъ принять отъ него, то сказалъ ему: «Другъ мой! живи покуда въ моемъ домѣ, и между тѣмъ временемъ кошка при тебѣ лучше можетъ привыкнуть къ моей дочери». На сіе Семіонъ также не согласился и сказалъ царю: «Ваше величество! я бы съ радостію великою могъ жить въ вашемъ домѣ, когда бы не было у меня корабля, на которомъ я въ ваше государство пріѣхалъ, и который препоручить мнѣ некому; а ежели прикажете мнѣ, то я буду ходить къ вашему величеству всякой день и стану кошку пріучать къ вашей любезной дочери». Итакъ, царь приказалъ Семіону, чтобъ ходилъ онъ къ нему всякой день. Семіонъ началъ ходить къ царевнѣ Еленѣ Прекрасной, и въ нѣкоторый день онъ ей сказалъ: «Милостивая государыня! я уже давно къ вамъ хожу, а вижу, что вы никуда прогуливаться не изволите; хотя бы ко мнѣ на корабль пожаловали; я бы показалъ вамъ такія дорогія парчи, которыхъ вы никогда еще не видывали». Царевна тотчасъ пошла къ своему батюшкѣ и начала проситься погулять на корабельную пристань. Царь ее отпустилъ и сказалъ, чтобъ она взяла съ собою нянюшекъ и мамушекъ и пошла съ Семіономъ. Какъ скоро пришли они на корабельную пристань, то тотчасъ Семіонъ просилъ царевну на свой корабль, и когда она на оной вошла, то Семіонъ-воръ и прочіе его братья начали царевнѣ показывать разныя дорогія парчи. Послѣ того Семіонъ-воръ сказалъ Еленѣ Прекрасной: «Ваше высочество! теперь извольте приказать своимъ нянюшкамъ и мамушкамъ сойти съ моего корабля, потому что я хочу вамъ показать такіе дорогіе товары, которыхъ не должны онѣ видѣть». Царевна тотчасъ приказала своимъ нянюшкамъ и мамушкамъ сойти съ корабля, и какъ скоро онѣ сошли, то въ то жъ самое время Семіонъ-воръ велѣлъ тихонько своимъ братьямъ отрубить якорь и пуститься въ море на всѣхъ

парусахъ; а самъ между тѣмъ началъ царевнѣ показывать дорогіе товары, изъ которыхъ и подарилъ ее нѣкоторыми. Прошло уже часа съ два времени, какъ онъ показывалъ царевнѣ свои товары; наконецъ, она ему сказала, что ей время уже и домой итти, потому что царь, ея отецъ, будетъ дожидаться ее обѣдать. Потомъ вышла она изъ каюты и видитъ, что корабль на ходу и что береговъ уже не видно. Тогда она ударила себя въ грудь и вдругъ оборотилась лебедемъ и полетѣла. Пятой Семіонъ взялъ тотчасъ свое ружье и подстрѣлилъ лебедя, а шестой Семіонъ и до воды ея не допустилъ и принесъ ее опять на корабль, гдѣ царевна стала попрежнему дѣвицею. Нянюшки же и мамушки, которыя стояли на корабельной пристани, увидя, что корабль отвалилъ отъ берега съ царевною, тотчасъ бросились всѣ къ царю и пересказали ему о томъ Семіоновомъ обманѣ. Царь тогда же нарядилъ цѣлой флотъ за ними въ погоню, и когда тотъ флотъ началъ нагонять Семіоновъ корабль гораздо близко, тогда четвертый Семіонъ взялъ свой корабль за носъ и увёлъ его въ подземельное государство. Когда же корабля совсѣмъ стало невидимо, то начальники флота, увидя, какъ онъ ушелъ на дно, думали, что корабль потонулъ и съ царевною Еленою Прекрасною, почему и возвратились назадъ и донесли дарю Саргу, что Семіоновъ корабль и съ Еленою Прекрасною потонулъ. Семіоны же благополучно въ свое государство прибыли, вручили царевну Елену Прекрасную царю Адору, который за такую великую Семіоновъ услугу отпустилъ ихъ всѣхъ на волю и далъ имъ довольно злата и серебра и драгоцѣннаго каменья, а самъ женился на прекрасной Еленѣ и жилъ съ нею многія лѣта благополучно и мирно.

Со сказкою о семи Семіонахъ сходны напечатанныя въ сборникѣ Валявца, стр. 44—47; Slov. čitanka, стр. 39—42; въ книгѣ Westslawischer Märchenschatz. стр. 140—3; въ Kinder-und Hausmärchen—«Die vier kunstreichen Brüder» (II, № 129) и въ изданіи Der Pentamerone—«Die fünf Söhne» (II, № 47). Въ нѣмецкой сказкѣ выведены четыре брата. Бѣдность заставила ихъ пойти въ науку къ разнымъ мастерамъ. Одинъ сдѣлался воромъ, другой звѣздочетомъ: онъ могъ въ свою трубку увидѣть все, что только происходило на землѣ и на небѣ; третій необыкновенно-мѣткимъ стрѣлкомъ; а четвертый сталъ искусный швецъ: игла его могла все сшивать такъ гладко, какъ яйцо, и такъ крѣпко, какъ сталь. Когда братья воротились изъ ученья, отецъ захотѣлъ видѣть опытъ ихъ мастерства, и вотъ второй сынъ увидѣлъ вверху большого дерева, между его тѣнистыми вѣтвями, гнѣздо, а въ гнѣздѣ пять яицъ; воръ похитилъ ихъ такъ искусно изъ-подъ сидѣвшей въ гнѣздѣ птицы, что та ничего не замѣтила. Отецъ положилъ эти яйца — четыре по угламъ и одно въ срединѣ стола; стрѣлокъ разбилъ ихъ всѣ однимъ выстрѣломъ, а швецъ тотчасъ сшилъ ихъ такъ хорошо, что они попрежнему стали цѣлы, и воръ снова положилъ ихъ въ гнѣздо. Въ это время разнеслась молва, что царская дочь похищена дракономъ. Братья рѣшаются избавить ее

и отправляются въ путь на кораблѣ. Одинъ усматриваетъ царевну на морскихъ скалахъ у дракона; другой похищаетъ ее оттуда; третій поражаетъ мѣткимъ выстрѣломъ чудовище; а четвертый исправляетъ своею иглою поврежденный корабль. Итальянская сказка выставляетъ пятерыхъ братьевъ: одинъ—воръ, другой — корабельщикъ, третій — стрѣлокъ, четвертому извѣстна трава, возвращающая жизнь, а пятому понятенъ языкъ птицъ. Этотъ послѣдній подслушалъ одну птичку, а изъ ея пѣнія узналъ, что королевская дочь похищена великаномъ. Корабельщикъ сдѣлалъ судно; воръ воспользовался сномъ великана и увлекъ королевну съ собою. Но едва они пустились въ путь, какъ великанъ помчался за кораблемъ по воздуху въ видѣ чернаго облака; стрѣлокъ натянулъ лукъ, пустилъ стрѣлы и выбилъ ему глаза. Наконецъ послѣдній возвратилъ умершей царевнѣ жизнь своею чудесною травою.

85. Никита Кожемяка.

Около Кіева проявился змѣй; бралъ онъ съ народа поборы немалые—съ каждаго двора по красной дѣвкѣ; возьметъ дѣвку да и съѣстъ ее. Пришелъ чередъ итти къ тому змѣю царской дочери. Схватилъ змѣй царевну и потащилъ ее въ себѣ въ берлогу, а ѣсть ее не сталъ: красавица собой была, такъ за жену себѣ взялъ. Полетѣлъ змѣй на свои промыслы, а царевну завалилъ бревнами, чтобъ не ушла. У той царевны была собачка, увязалась за нею изъ дому. Напишетъ, бывало, царевна записочку къ батюшкѣ съ матушкой, навяжетъ собачкѣ на шею, а та побѣжитъ, куда надо, да и отвѣтъ еще принесетъ. Вотъ разъ царь съ царицею и пишутъ къ царевнѣ: узнай, кто сильнѣе змѣя? Царевна стала привѣтливѣй къ своему змѣю, стала у него допытываться, кто его сильнѣе. Тотъ долго не говорилъ, да разъ и проболтался, что живетъ въ городѣ Кіевѣ Кожемяка—тотъ и его сильнѣе. Услыхала про то царевна, написала къ батюшкѣ: сыщите въ городѣ Кіевѣ Никиту Кожемяку да пошлите его меня изъ неволи выручать. Царь, получивши такую вѣсть, сыскалъ Никиту Кожемяку, да самъ пошелъ просить его, чтобы освободилъ его землю отъ лютаго змѣя и выручилъ царевну. Въ ту пору Никита кожи мялъ: держалъ онъ въ рукахъ двѣнадцать кожъ; какъ увидалъ онъ, что къ нему пришелъ самъ царь, задрожалъ отъ страху, руки у него затряслись и разорвалъ онъ тѣ двѣнадцать кожъ. Да сколько ни упрашивалъ царь съ царицею Кожемяку, тотъ не пошелъ супротивъ змѣя. Вотъ и придумали собрать пять тысячъ дѣтей малолѣтнихъ, да и заставили ихъ просить Кожемяку: авось на ихъ слезы сжалобится! Пришли къ Никитѣ малолѣтные, стали со слезами просить, чтобъ шелъ онъ супротивъ змѣя. Прослезился и самъ Никита Кожемяка, на ихъ слезы глядя. Взялъ триста пудъ пеньки, насмолилъ смолою и весь такъ обмотался, чтобы змѣй не съѣлъ, да и пошелъ на него. Подходитъ Никита къ берлогѣ зміиной, а

змій заперся и не выходитъ къ нему. «Выходи лучше въ чистое поле, а то и берлогу размечу!»—сказалъ Кожемяка и сталъ уже двери ломать. Змѣй, видя бѣду неминучую, вышелъ къ нему въ чистое поле. Долго ли, коротко ли бился съ змѣемъ Никита Кожемяка, только повалилъ змѣя. Тутъ змѣй сталъ молить Никиту: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильнѣе насъ съ тобой въ свѣтѣ нѣтъ; раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ поровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой.» «Хорошо,—сказалъ Кожемяка,—надо межу проложить». Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, запрегъ въ нее змѣя, да и сталъ отъ Кіева межу пропахивать; Никита провелъ борозду отъ Кіева до моря Кавстрійскаго. «Ну,—говоритъ змѣй,—теперь мы всю землю раздѣлили!»—«Землю раздѣлили,—проговорилъ Никита,—давай море дѣлить: а то ты скажешь, что твою воду берутъ». Въѣхалъ змѣй на середину моря; Никита Кожемяка убилъ и утопилъ его въ морѣ. Это борозда и теперь видна; вышиною та борозда двухъ саженъ. Кругомъ ее пашутъ, а борозды не трогаютъ; а кто не знаетъ, отъ чего эта борозда,—называетъ ее валомъ. Никита Кожемяка, сдѣлавши святое дѣло, нѣ взялъ за работу ничего,—пошелъ опять кожи мять.

(Записана въ Козловѣ, Тамбовской губ., П. И. Якушкинымъ).

Примѣчаніе. Преданіе о Никитѣ-кожемякѣ было передано Далемъ въ его «Картинахъ русскаго быта» (см. Отчс. Зап. 1857 г., № VIII, стр. 427). Въ Малороссіи оно разсказывается нѣсколько иначе (Записки о южной Руси, II, стр. 27—30; Москвитянинъ 1846 г. № XI—XII, критика стр. 146—9; Lud Ukrainski, I, стр. 278—284): Былъ когда-то въ Кіевѣ князь, послалъ свою дочь змѣю въ дань, а дочь была такъ хороша, что и описать нельзя. Змѣй ее полюбилъ; она и приласкалась къ нему и спрашиваетъ: «Чи есть на свити такій чоловикъ, щобъ тебе подужавъ!»—«Есть такій у Кіеви надъ Днипромъ. Якъ затопить хату, то дымъ ажъ підъ небесами стелецца; а якъ війде на Днипръ мочить кожи, (бо винъ кожемяка), то не одну несе, а двѣнадцять разомъ, и якъ набрякнуть вони водою въ Днипри, то я возьму дай учеплюсь за ихъ, чи витягне-то винъ ихъ? А ёму й байдуже: якъ поцупить, то-й мене зъ ними трохи на берегъ не витягне! Отъ того человика тилько мини й страшно». Княжна вздумала дать про то вѣсточку домой, а при ней былъ голубокъ; написала къ отцу грамотку, привязала голубю подъ крыло и выпустила его въ окно. Голубь взвился и полетѣлъ на княжье подворье... Когда дѣти умолили Кирилу-кожемяку, онъ обмотался коноплями, обмазался смолою, взялъ булаву пудовъ въ десять и пошелъ на змѣя. «А що, Кирило?—спросилъ змѣй,—пришовъ битьця, чи миритьця?» — «Дѣ вже миритьця! битьця зъ тобою, съ Иродомъ проклятымъ!» Вотъ и начали битьця, ажъ земля гудѣтъ; что разбѣжится змѣй да хватитъ зубами Кирила, такъ кусокъ конопель да смолы и вырветъ; а тотъ его булавою какъ ударитъ, такъ и вгонитъ въ землю.

Жарко змѣю, надо хоть немного въ водѣ прохладиться да жажду утолить, и вотъ пока сбѣгаетъ онъ на Днѣпръ, кожемяка успѣетъ вновь и коноплей обмотаться и смолой вымазаться. Убилъ Кирило змѣя, освободилъ княжну и привёлъ къ отцу. Съ того времени то урочище, гдѣ жилъ богатырь, стало слыть Кожемяками. «Отъ же, Кирило, замѣчаетъ разсказчикъ, зробивъ трохи й нерозумно: взявъ змѣя спаливъ, да-й пустивъ по витру попелъ; то зъ того попелу завелась вся тая погань — мошки, комари, мухи. А якъ би винъ узявъ да закопавъ той попелъ у землю, то ничо̀го бъ сёго не бу̀ло на свити». Въ этомъ преданіи о Кирилѣ или Никитѣ-кожемякѣ явственно слышатся родственныя черты съ Несторовымъ сказаніемъ о богатырѣ-усмошвецѣ, побѣдившемъ печенѣжскаго великана. «Однажды я его бранилъ (такъ разсказывалъ о немъ старый отецъ), а онъ мялъ кожи, и, разгнѣвавшись на меня, тутъ же разорвалъ ихъ руками!» Князь Владиміръ рѣшилъ испытать его силу, и вотъ «налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка; возложиши нань желѣза горяча и быка пустиша, и побѣже быкъ мимо и (его), и похвати быка рукою за бокъ и выня кожу съ мясы, елико ему рука зая» (Полн. собр. русск. лѣтоп., I., стр. 53). Въ великорусскомъ разсказѣ о Никитѣ-кожемякѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что змѣй, запряженный въ соху, проводитъ по землѣ борозду и дѣлаетъ валъ до самаго моря. Въ Виленскомъ Атенеѣ 1842 года сообщено подобное же сказаніе. Въ незапамятныя времена наслалъ Богъ на казачій народъ чудовище-змѣя. Владѣтель страны, желая отвратить опустошенія, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому обязался давать ему по юношѣ изъ каждой семьи. Черезъ сто лѣтъ дошла очередь до царскаго сына и онъ, при общемъ сѣтованіи родныхъ, отведенъ на роковое мѣсто. Тамъ является ему ангелъ, научаетъ молитвѣ «Отче нашъ» и велитъ спасаться отъ змѣя бѣгствомъ, непрестанно повторяя эту молитву. Три дня и три ночи бѣжалъ юноша отъ змѣя; на четвертый день силы его стали изнемогать. Уже змѣй былъ близко, и дыханіе изъ его страшной пасти начало опалять несчастнаго, какъ вдругъ онъ увидѣлъ *желѣзную кузницу*, въ которой св. Глѣбъ и Борисъ ковали первый плугъ для людей. Юноша вскочилъ въ кузницу, и желѣзныя двери вслѣдъ за нимъ захлопнулись. Змѣй три раза лизнулъ дверь и просадилъ языкъ насквозь. Тогда Борисъ и Глѣбъ схватили змѣя за языкъ раскаленными клещами, запрягли въ плугъ и провели по землѣ борозду, которая и донынѣ слыветъ «Зміевымъ валомъ». Такіе валы, называемые «Зміевыми», до сихъ поръ указываются во многихъ мѣстахъ Украйны; Шафарикъ находитъ ихъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ (Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie, стр. 39 — 41; Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевск. губер. И. Фундуклея, стр. 17, 23, 30 — 32; Lud Ukraiński, I, стр. 250). Борисъ и Глѣбъ нерѣдко замѣняются Кузьмой и Демьяномъ, при чемъ эти послѣдніе сливаются въ одно лицо. Разъ Кузьма-Демьянъ, *божій коваль*, дѣлалъ плугъ, какъ вздумалъ напасть

на него великій змѣй и уже пролизалъ языкомъ желѣзную дверь въ кузницу. Божій коваль ухватилъ его клещами за языкъ, запрёгъ въ плугъ и прооралъ землю отъ моря до моря; проложенныя имъ борозды лежатъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра «Змѣевыми валами». Змѣй все просился испить воды изъ Днѣпра, а Кузьма-Демьянъ погонялъ его до самаго Чернаго моря и тамъ уже отпустилъ напиться. Чудовище выпило половину моря и лопнуло, и въ то время полѣзли изъ его нутра малыя змѣи и расползлись по всей землѣ (Русск. Бесѣда 1856 г., III, статья г. Максимовича стр. 74). Приведенное преданіе занесено въ сказку объ Иванѣ Пòпяловѣ (№ 75), гдѣ Кузьма и Демьянъ убиваютъ кузнечными молотами гигантскую змѣиху, которая разѣваетъ свою пасть отъ земли до неба; такимъ же образомъ въ другой сказкѣ (№ 76) Буря-богатырь, коровій сынъ, спасается въ кузницу отъ змѣиной матери, являющейся въ образѣ громадной свиньи. О святыхъ коваляхъ Борисѣ и Глѣбѣ, Козьмѣ и Демьяннѣ и о значеніи преданія, какъ богатырь пахалъ на змѣихѣ, см. въ Поэт. Воз., I, 560 — 2.

86. Змѣй и Цыганъ.

Въ старые годы стояла одна деревушка; повадился въ ту деревушку змѣй летать, людей пожирать. Всѣхъ поѣлъ; остался всего-нà-всего одинъ мужикъ. Втѐпоры приходитъ туда цыганъ; дѣло было позднимъ вечеромъ. Куда ни заглянетъ — вездѣ пусто! Зашелъ, наконецъ, въ послѣднюю избушку; тамъ сидитъ да плачется остальной мужикъ. «Здравствуй, доброй человѣкъ!» — «Ты зачѣмъ, цыганъ? вѣрно жизнь тебѣ надоѣла». «А что?» — «Да вѣдь сюда повадился змѣй летать, людей пожирать; всѣхъ поѣлъ, меня одного до утрà оставилъ, а завтра прилетитъ — и меня сожрётъ, да и тебѣ не сдобровать. Разомъ двухъ съѣстъ!»—«А можетъ — подавится! Дай-ка я съ тобой переночую да посмотрю завтра, какой такой змѣй къ вамъ летаетъ.» Переночевали. Утромъ поднялась вдругъ сильная буря, затряслась изба—прилетаетъ змѣй. «Ага!—говоритъ,— прибыль есть! Оставилъ одного мужика, а нашелъ двухъ, — будетъ чѣмъ позавтракать...» — «Будто и вправду съѣшь?» — спрашиваетъ цыганъ. «Да таки съѣмъ!» — «Брешешь, чортова образина! подавишься!» — «Что жъ, ты развѣ сильнѣе меня?» — «Еще бы! чай самъ знаешь, что у меня сила больше твоей». — «А ну, давай попробуемъ: кто кого сильнѣе?»— «Давай!» Змѣй досталъ изъ жернововъ камень. «Смотри, цыганъ! я этотъ камень одной рукой раздавлю». — «Ладно, посмотрю!» — Змѣй взялъ камень въ горсть и стиснулъ такъ крѣпко, что онъ въ мелкой песокъ обратился: искры такъ и посыпались! «Экое диво!—говоритъ цыганъ,— а ты такъ сожми камень, чтобъ изъ него вода потекла. Гляди, какъ я сожму!» А на столѣ лежалъ узелокъ творогу; цыганъ схватилъ его—

и ну давить — сыворотка и потекла нàземь [1]). «Что, видѣлъ? у кого силы больше? — «Правда, рука у тебя сильнѣе моей; а вотъ попробуемъ, кто изъ насъ крѣпче свистнетъ?» — «Ну, свисти!» Змѣй какъ свистнулъ— со всѣхъ деревьевъ листъ осыпался. «Хорошо, братъ, свистишь; а все не лучше моего,—сказалъ цыганъ. Завяжи-ка напередъ свои бѣльмы, а то какъ я свистну—они у тебя изо лба повыскочутъ!» Змѣй повѣрилъ и завязалъ платкомъ свои глаза. «А ну, свисти!» Цыганъ взялъ дубину да какъ свистнетъ змѣя по башкѣ — тотъ во все горло закричалъ: «Полно, полно, цыганъ! не свисти больше; и съ одного разу немного глаза не вылѣзли». — «Какъ знаешь, а я, пожалуй, готовъ и еще разокъ-другой свистнуть». — «Нѣтъ, не надо! не хочу больше спорить. Давай лучше съ тобой побратаемся: ты будь старшій братъ, а я меньшой». — «Пожалуй».

«Ну, братъ,—говоритъ змѣй,—ступай—тамъ на степи пасется стадо воловъ; выбери самаго жирнаго, возьми за хвостъ и тащи на обѣдъ». Нечего дѣлать — пошелъ цыганъ въ степь; видитъ — пасется большой гуртъ воловъ, давай ихъ ловить да другъ къ дружкѣ за хвосты связывать. Змѣй ждалъ-ждалъ, не выдержалъ и побѣжалъ самъ: «Что такъ долго?» — «А вотъ постой: навяжу штукъ пятьдесятъ да за одинъ разъ и поволоку всѣхъ домой, чтобъ на цѣлой мѣсяцъ хватило!»—«Экой ты! нѣшто намъ здѣсь вѣкъ вѣковать? Будетъ и одного». Тутъ змѣй ухватилъ самаго жирнаго вола за хвостъ, сдернулъ съ него шкуру, мясо взвалилъ на плечи и потащилъ домой. «Какъ же, братъ, я столько штукъ навязалъ — неужели такъ такъ бросить?» — «Ну, брось!» Пришли въ избу, наклали два котла говядины, а воды нѣту. «На тебѣ воловью шкуру, — говоритъ цыгану змѣй: ступай набери полную воды и неси сюда; станемъ обѣдъ варить». Цыганъ взялъ шкуру, потащилъ къ колодезю — еле-еле порожнюю тащитъ, не то что съ водою. Пришелъ и давай окапывать кругомъ колодезь. Змѣй опять ждалъ-ждалъ, не выдержалъ и побѣжалъ самъ: «Что ты, братъ, дѣлаешь?» — «Хочу колодезь кругомъ окопать да весь въ избу притащить, чтобъ не нужно было ходить по воду». — «Экой ты! много затѣваешь! Чтобъ окопать, надо много времени». Опустилъ змѣй въ колодезь шкуру, набралъ полную воды, вытащилъ и понесъ домой. «А ты, братъ, говоритъ цыгану, ступай пока въ лѣсъ, выбери сухой дубъ и волоки въ избу: пора огонь разводить!» Цыганъ пошелъ въ лѣсъ, началъ лыки драть да веревки вить; свилъ длинную-длинную веревку и принялся дубы опутывать. Змѣй ждалъ-ждалъ, не выдержалъ, побѣжалъ самъ: «Что такъ мѣшкаешь?» — «Да вотъ хочу зарàзъ дубовъ двадцать зацѣпить веревкою да и тащить всѣ съ кореньями, чтобъ нàдолго дровъ хватило!»— «Экой ты! все по-своему дѣлаешь», сказалъ змѣй, вырвалъ съ корнемъ самой толстой дубъ и поволокъ въ избу. Цыганъ притворился, что

---

[1]) Иногда, вмѣсто творогу, сказочники заставляютъ цыгана давить жирный пирогъ.

крѣпко сердитъ, надулъ губы и сидитъ молча. Змѣй наварилъ говядины, зоветъ его обѣдать, а онъ съ сердцемъ отвѣчаетъ: «Не хочу!» Вотъ змѣй сожралъ цѣлаго вола, вышилъ воловью шкуру воды и сталъ цыгана допрашивать: «Скажи, братъ, за что сердишься?» — «А за то: что я ни сдѣлаю—все не такъ, все не по-твоему!»—«Ну, не сердись, помиримся!»— «Коли хочешь со мной помириться, поѣдемъ ко мнѣ въ гости».— «Изволь, готовъ, братъ!» Тотчасъ досталъ змѣй повозку, запрёгъ тройку что ни есть лучшихъ коней, и поѣхали вдвоемъ въ цыганской таборъ. Стали подъѣзжать; увидали цыганята своего батька, бѣгутъ къ нему навстрѣчу голые да во все горло кричатъ: «Батько пріѣхалъ! змѣя привёзъ!» Змѣй испугался, спрашиваетъ цыгана: «Кто это?» — «А то мои дѣти! чай, голодны теперь; смотри, какъ за тебя пріймутся!» Змѣй изъ повозки да бѣжать; а цыганъ продалъ тройку лошадей вмѣстѣ съ повозкой и зажилъ себѣ припѣваючи.

Примѣчаніе. Настоящая сказка повѣствуетъ, какъ слабосильный цыганъ, попавши къ змѣю, хитростью и изворотливостью своего ума одерживаетъ верхъ надъ этимъ страшнымъ, но недогадливымъ чудовищемъ: силѣ ума дается перевѣсъ надъ силою матеріальною. Въ числѣ другихъ состязаній змѣй предлагаетъ попробовать: кто громче свистнетъ? Свистнулъ змѣй — и съ дерёвъ посыпались листья; а когда дошла очередь до цыгана, онъ завязалъ своему противнику глаза и хватилъ его дубиною: эта хитрость, основанная на игрѣ значеніемъ слова *свистнуть* (произвести звукъ и ударить), встрѣчается и въ сказкѣ о батракѣ и чортѣ (№ 68). У померанскихъ кашубовъ (Этногр. сборн., V, статья Гильфердинга, стр. 128 — 9) и венгровъ (Ungarische Volksmärchen, стр. 109) мѣсто змѣя заступаетъ великанъ — столь громадныхъ размѣровъ, что въ пальцѣ его рукавицы свободно помѣщается сказочный герой; а у нѣмцевъ роль эту выполняетъ чортъ (въ сборн. Гальтриха, № 27). Встрѣтившись однажды съ школьнымъ учителемъ, чортъ хотѣлъ было его сцапать. Но у того былъ въ рукахъ кусокъ сыра; не думая долго, онъ сдавилъ сыръ и вскрикнулъ: «Смотри, я тебя такъ стисну, что изъ тебя сокъ потечетъ — вотъ какъ изъ этого камня!» Затѣмъ они состязаются въ силѣ; побѣда остается за учителемъ, и нечистый долженъ былъ принести ему на домъ цѣлый мѣшокъ золота. Когда сталъ онъ приближаться къ школѣ, дѣти, наученные учителемъ, закричали изъ оконъ: «И я хочу чортова мяса! и я хочу чортова мяса!» Испуганный чортъ бросилъ мѣшокъ съ золотомъ и убѣжалъ въ пекло. Норвежская сказка (I, № 6) заставляетъ чорта спорить съ хитрымъ замарашкою (Aschenbrödel): кто изъ нихъ больше съѣстъ? Aschenbrödel привязалъ къ себѣ мѣшокъ и началъ складывать туда кушанье; а чортъ, не желая отстать отъ товарища, до того нажрался, что лопнулъ. См. также Рудченко II, № 45 и 46; Slovanska čitanka, стр. 140 — 2: «Чортъ и цыганъ»; Грим., I, № 20, и Ганъ, I, 18 и 23.

87. Батракъ.

Жилъ-былъ мужикъ; у него было три сына. Пошелъ старшій сынъ въ батраки наниматься; пришелъ въ городъ и нанялся къ купцу, а тотъ купецъ куда былъ скупъ и суровъ! Только одну рѣчь и держалъ: какъ запоетъ пѣтухъ, такъ и вставай, батракъ, да примайся за работу. Трудно, тяжело показалось парню; прожилъ онъ съ недѣлю и воротился домой. Пошелъ средній сынъ, прожилъ у купца съ недѣлю, не выдержалъ и взялъ расчетъ. «Батюшка!—говоритъ меньшой сынъ,—позволь я пойду въ батраки къ купцу».—«Куда тебѣ, дураку! зналъ бы сидѣлъ на печи! Получше тебя ходили, да ни съ чѣмъ ворочались». — «Ну, какъ хочешь, а я пойду!» Сказалъ и пошелъ къ купцу: «Здравствуй, купецъ!» — «Здравствуй, молодецъ! Что хорошаго скажешь?» — «Найми меня въ батраки». — «Изволь; только у меня, братъ, какъ пѣтухъ запоетъ — такъ и ступай на работу, на весь день». — «Знамое дѣло: нанялся, что продался!» — «А что возьмешь?» — «Да что съ тебя взять? годъ проживу — тебѣ щелчокъ да купчихѣ щипокъ; больше ничего не надо». — «Ладно, молодецъ!» отвѣчаетъ хозяинъ, а самъ думаетъ: «Экая благодать! вотъ дешево нанялъ, такъ дешево!» Ввечеру батракъ изловчился, поймалъ пѣтуха, завернулъ ему голову подъ крыло и завалился спать. Ужъ полночь давно прошла, дѣло къ утру идетъ — пора бы батрака будить, да пѣтухъ не поетъ! Поднялось солнышко на небо — батракъ и самъ проснулся. «Ну, хозяинъ! давай завтракать, время работать итти». Позавтракалъ и поработалъ день до вечера; въ сумерки опять изловилъ пѣтуха, завернулъ ему голову за крыло и завалился спать до утра. На третью ночь опять то же. Дался диву купецъ, что́ за притча такая съ пѣтухомъ: совсѣмъ пересталъ горло драть! «Пойду-ка я,—думаетъ,—на деревню, поищу иного пѣтуха». Пошелъ купецъ пѣтуха искать и батрака съ собою взялъ. Вотъ идутъ они дорогою, а на встрѣчу имъ четверо мужиковъ быка ведутъ, да и быкъ же — большой да злющій! еле-еле на веревкахъ удержатъ! «Куда, братцы?» спрашиваетъ батракъ. «Да быка на бойню ведемъ». — «Эхъ вы! четверо быка ведете; а тутъ и одному дѣлать нечего!» Подошелъ къ быку, далъ ему въ лобъ щелчокъ и убилъ до смерти; опосля ухватилъ щипкомъ за шкуру — вся шкура долой! Купецъ какъ увидѣлъ, каковы у батрака щелчки да щипки, больно пригорюнился; совсѣмъ забылъ о пѣтухѣ, вернулся домой и сталъ съ купчихой совѣтъ держать: какъ имъ бѣду-горе отбывать? [1]) «А вотъ что,

---

[1]) *Варіантъ:* Понадобился разъ одному попу батракъ, онъ и пошелъ на торгъ. Видитъ — стоитъ мужичокъ; попъ ему и говоритъ: «Не знаешь ли, свѣтъ, кого бъ мнѣ нанять въ батраки себѣ?»—«Да ежели хочешь, батюшка, то найми меня».—«Изволь, а что возьмешь?»—«Недорого: я проживу у тебя годъ, да тебѣ же дамъ три щелканца въ лобъ». Попъ тому и радъ: три щелканца не велика важность! Вотъ идутъ они вмѣстѣ; хочется попу посмотрѣть, каковы батраковы щелканцы. Глядь — человѣкъ десять дер-

говоритъ купчиха: пошлемъ-ка мы батрака поздно вечеромъ въ лѣсъ, скажемъ, что корова со стада не пришла; пускай его лютые звѣри съѣдятъ!» — «Ладно!» Дождались вечера, поужинали; вышла купчиха на дворъ, постояла у крылечка, входитъ въ избу и говоритъ батраку: «Что жъ ты коровъ въ сарай не загналъ? вѣдь одной-то, комолой, нѣту!» — «Да, кажись, онѣ всѣ были...»—«То-то всѣ! Ступай скорѣй въ лѣсъ да поищи хорошенько». Батракъ одѣлся, взялъ дубинку и побрёлъ въ дремучій лѣсъ; сколько ни ходилъ по́ лѣсу — не видать ни одной коровы; сталъ присматриваться да приглядываться — лежитъ медвѣдь въ берлогѣ, а батракъ думаетъ — то корова. «Эхма! куда затесалась, проклятая! а я тебя всю ночь ищу». И давай осаживать медвѣдя дубиною; звѣрь бросился наутекъ, а батракъ ухватилъ его за шею, приволокъ домой и кричитъ: «Отворяй ворота, принимай живота!» Пустилъ медвѣдя въ сарай и заперъ вмѣстѣ съ коровами. Медвѣдь сейчасъ принялся коровъ душить да ломать: за ночь всѣхъ до одной такъ и порѣшилъ. На утро говоритъ батракъ купцу съ купчихою: «Вѣдь корову-то я нашелъ». — «Пойдемъ, жена! посмотримъ, какую корову нашелъ онъ въ лѣсу?» Пошли въ сарай, отворили двери, глядь—коровы задушены, а въ углу медвѣдь сидитъ. «Что ты, дуракъ, надѣлалъ? зачѣмъ медвѣдя въ сарай притащилъ?» — «Постой же,—говоритъ батракъ,—не миновать ему за то смерти!» Кинулся въ сарай, далъ медвѣдю щелчокъ — изъ него и духъ вонъ! — «Плохо дѣло, — думаетъ купецъ: — лютые звѣри ему непочемъ. Развѣ одинъ чортъ съ нимъ сладитъ! Поѣзжай,—говоритъ батраку,—на чортову мельницу да сослужи мнѣ службу великую: собери съ нечистыхъ деньги: въ долгъ у меня забрали, а отдавать не отдаютъ!» — «Изволь, — отвѣчаетъ батракъ:—для чего не сослужить такой бездѣлицы?» Запрёгъ лошадь въ телѣгу и поѣхалъ на чортову мельницу; пріѣхалъ, сѣлъ на плотинѣ и сталъ веревку вить. Вдругъ выпрыгнулъ изъ воды бѣсъ: «Батракъ! что ты дѣлаешь?» — «Чай, самъ видишь: веревку вью».—

жутъ быка, да никакъ не удержутъ; попъ и говоритъ батраку: «Поди, помоги имъ унять быка». Тотъ сказалъ: «Изволь!» Пошелъ къ быку да какъ дастъ ему одинъ щелканецъ — быкъ тутъ же и упалъ: до смерти убилъ! Приходитъ попъ домой и говоритъ попадьѣ про свое горе. Попадья-то была баба хитрая и выдумала штуку—убѣжать изъ дому. Штука-то славная, да батракъ-то все слышалъ! Вотъ попъ и сбирается: поклалъ въ мѣшокъ свои книги и пошелъ посмотрѣть на свой дворъ; а батракъ тѣмъ временемъ книги всѣ повыбросалъ и засѣлъ въ мѣшокъ. Какъ только стемнѣло, попъ кликнулъ попадью, схватилъ мѣшокъ и давай бѣжать. Съ первыхъ-то поровъ попъ и самъ шибко бѣжалъ, а какъ сталъ пріумариваться, батракъ зачалъ его подгонять, кричитъ себѣ изъ мѣшка: догоню, догоню! Попъ услышитъ — сейчасъ рыси прибавитъ. А коли опять шажкомъ пойдетъ, батракъ подгонитъ. Ну, да сколько не бѣжать, а надо и умориться! Говоритъ попъ попадьѣ: «Остановимся, матушка! нѣтъ силы бѣжать больше!»—«Остановимся, батька!» Попъ остановился да кинулъ мѣшокъ на землю, а изъ мѣшка лѣзетъ батракъ и говоритъ ему: «Того уговору не было, чтобъ меня одного покидать!..»

(Записано П. И. Якушкинымъ въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, Орловской губ.)

«На что тебѣ веревка?» — «Хочу васъ, чертей, таскать да на солнышкѣ сушить, а то вы, окаянные, совсѣмъ перемокли!» — «Что ты, что ты, батракъ! мы тебѣ ничего худого не сдѣлали». — «А зачѣмъ моему хозяину долговъ не платите? занимать небось умѣли!» — «Постой немножко, я пойду — спрошу старшóва», сказалъ чортъ и нырнулъ въ воду. Батракъ сейчасъ за лопату, вырылъ глубокую яму, прикрылъ ее сверху хворостомъ, по серёдкѣ свой шлыкъ уставилъ, а въ шлыкѣ-то загодя дыру прорѣзалъ. Чортъ выскочилъ и говоритъ батраку: «Старшóй спрашиваетъ: какъ же будешь ты чертей таскать? вѣдь наши омуты бездонные». — «Великая важность! у меня на то есть веревка такая: сколько хочешь мѣряй, все конца не доберешься».—«Ну-ка, покажи!» Батракъ связалъ оба конца своей веревки, подалъ чорту; ужъ тотъ мѣрилъ-мѣрилъ, мѣрилъ-мѣрилъ— все конца нѣту! «А много долговъ платить?» — «Да вотъ насыпь этотъ шлыкъ серебромъ, какъ разъ будетъ». Чортъ нырнулъ въ воду, разсказалъ про все старшóму; жаль стало старому съ деньгами разставаться, а дѣлать нечего, пришло раскошеливаться. Насыпалъ батракъ полонъ возъ серебра и привезъ къ купцу. «Вотъ она бѣда-то! и чортъ его не беретъ!» Сталъ купецъ съ купчихой уговариваться бѣжать изъ дому; купчиха напекла пироговъ да хлѣбовъ, наклала два мѣшка и легла отдохнуть, чтобъ къ ночи съ силами собраться да отъ батрака уйти. А батракъ вывалилъ изъ мѣшка пироги и хлѣбы, да замѣсто того въ одинъ положилъ жерновъ, а въ другой самъ залѣзъ: сидитъ—не ворохнется и духъ притаилъ! Ночью разбудилъ купецъ купчиху, взвалили себѣ по мѣшку на плеча и побѣжали со двора. А батракъ изъ мѣшка подаетъ голосъ: «Эй, хозяинъ съ хозяйкою! погодите, меня съ собой возьмите». — «Узналъ, проклятой! гонитъ за нами!» говорятъ купецъ съ купчихою и побѣжали еще шибче,—во какъ уморились! Увидалъ купецъ озеро, остановился, сбросилъ мѣшокъ съ плечъ: «Отдохнемъ, говоритъ, хоть немножко!» А батракъ отзывается: «Тише бросай, хозяинъ! всѣ бока переломаешь». — «Ахъ, батракъ, да ты здѣсь!» — «Здѣсь!» [1]) Ну, хорошо; рѣшились заночевать на берегу, и легли всѣ рядышкомъ. «Смотри, жена! говоритъ купецъ: какъ только заснетъ батракъ, мы его бросимъ въ воду». Батракъ не спитъ, ворочается, съ боку на бокъ переваливается. Купецъ и купчиха ждали-ждали и уснули; батракъ тотчасъ снялъ съ себя тулупъ да шапку, надѣлъ на купчиху, а самъ нарядился въ ея шубейку и будитъ хозяина: «Вставай, бросимъ батрака въ озеро!» Купецъ всталъ; подхватили они вдвоемъ сонную купчиху и кинули въ воду. «Что ты, хозяинъ, сдѣлалъ?—закричалъ батракъ:—за что утопилъ купчиху?» Дѣлать

---

[1]) *Вар.* А батракъ сидитъ въ мѣшкѣ да свищетъ. «Побѣжимъ живѣй, батракъ гонитъ!» Бѣжали-бѣжали. Батракъ замолкъ. «Ну, жена!—говоритъ купецъ,—давай-ка пирожкомъ закусимъ». Снялъ съ плечъ мѣшокъ, распуталъ веревку; тутъ батракъ высунулъ голову: «Здорово, хозяинъ съ хозяйкою! что жъ это вы изъ дому побѣжали, а со мной не разсчитались?» Далъ купчихѣ щипокъ да купцу щелчокъ — поминай какъ звали!

нечего купцу, воротился домой съ батракомъ; а батракъ прослужилъ у него цѣлый годъ да далъ ему щелчокъ въ лобъ—только и жилъ купецъ! Батракъ взялъ себѣ его имѣніе и сталъ себѣ жить-поживать, добра припасать, лиха избывать.

88. Шабарша.

Ай потѣшить васъ сказычкой, а сказычка чудесная: есть въ ней дивы дивныя, чуды чудныя и батракъ Шабарша изъ плутовъ плутъ: ужъ какъ взялся за гужъ, такъ нѣча сказать — на все дюжъ! Пошелъ Шабарша по батракамъ [1]) жить, да година настала лихая: ни хлѣба никакого, ни овощей не родилось. Вотъ и думаетъ думу хозяинъ — думу глубокую: какъ разогнать злую кручину, чѣмъ жить-поживать, откуда деньги брать? «Эхъ, не тужи, хозяинъ! — говоритъ ему Шабарша: — былъ бы день—хлѣбъ да деньги будутъ!» И пошелъ Шабарша на мельничну плотину: «Авось, — думаетъ,—рыбки поймаю; продамъ — анъ вотъ и деньги! Эге, да веревочки-то нѣтъ на удочку... Постой, сейчасъ совью». Выпросилъ у мельника горсть пеньки, сѣлъ на бережку — и ну вить уду. Вилъ-вилъ, а изъ воды прыгъ на берегъ мальчикъ въ черной курточкѣ да въ красной шапочкѣ. «Дядюшка! что ты здѣсь подѣлываешь?» спросилъ онъ. «А вотъ веревочку вью». — «Зачѣмъ!» — «Да хочу прудъ вычищать да васъ чертей изъ воды таскать». — «Э, нѣтъ, погоди маленько: я пойду — скажу дѣдушкѣ». Чертёнокъ нырнулъ вглубь, а Шабарша принялся снова за работу. «Погоди, — думаетъ, — сыграю я съ вами окаянными штуку, принесете вы мнѣ и злата и сéребра». И началъ Шабарша копать яму, выкопалъ и наставилъ на нее свою шапку съ вырѣзанной верхушкою. «Шабарша, а Шабарша! дѣдушка говоритъ, чтобы я съ тобой сторговался... Что возьмешь, чтобы насъ изъ воды не таскать?» — «Да вотъ эту шапочку насыпьте полну злата и сéребра». Нырнулъ чертёнокъ въ воду, воротился назадъ. «Дѣдушка говоритъ, чтобы я съ тобой сперва поборолся». — «О, да гдѣ жъ тебѣ, молокососу, со мною бороться! Да ты не сладишь съ моимъ среднимъ братомъ Мишкою». — «А гдѣ твой Мишка?» [2])—«А вонъ, смотри, отдыхаетъ въ яру подъ кустикомъ». — «Какъ же мнѣ его вызвать?»—«А ты подойди да ударь его пó боку, такъ онъ и самъ встанетъ». Пошелъ чертёнокъ въ яръ, нашелъ медвѣдя и хватилъ его дубинкой пó боку. Поднялся Мишка на дыбки, скрутилъ чертёнка такъ, что у него всѣ кости затрещали. Насилу вырвался изъ медвѣжьихъ лапъ; прибѣжалъ къ водяному старику. «Ну, дѣдушка! — сказываетъ онъ въ испугѣ: — у Шабарши есть средній братъ Мишка, схватился было со мною бороться — ажно косточки у меня затрещали! Что жъ

---

[1]) Т.-е. въ батракахъ.

[2]) *Варіантъ:* «Есть у меня старый дѣдъ, семидесяти лѣтъ, — ты и съ тѣмъ не сладишь».—«А гдѣ твой дѣдъ?»

было бы, если бъ самъ-то Шабарша сталъ бороться?»—«Гмъ! ступай, попробуй побѣгать съ Шабаршой взапуски: кто кого обгонитъ?» И вотъ мальчикъ въ красной шапочкѣ опять подлѣ Шабарши; передалъ ему дѣдушкины рѣчи, а тотъ ему въ отвѣтъ: «Да куда тебѣ со мной взапуски бѣгать! Мой маленькой братъ Заинька — тотъ тебя далеко за собой оставитъ!» — «А гдѣ твой братъ Заинька?» — «Да вонъ — въ травкѣ лѣгъ, отдохнуть захотѣлъ. Подойди къ нему поближе да тронь за ушко — вотъ онъ и побѣжитъ съ тобою!» Побѣжалъ чертёнокъ къ Заинькѣ, тронулъ его за ушко; заяцъ такъ и прыснулъ, чертёнокъ было́ вслѣдъ за нимъ! «Постой, постой, Заинька! дай съ тобой поровняться... Эхъ, ушелъ!... Ну, дѣдушка! — говоритъ водяному: — я было́ бросился рѣзво бѣжать. Куды! и поровняться не́ далъ, а то еще не самъ Шабарша, а меньшой его братъ бѣгалъ!» — «Гмъ! — проворчалъ старикъ, нахмуривъ брови: — ступай къ Шабаршѣ и попробуйте, кто сильнѣе свистнетъ!» — «Шабарша, а Шабарша! дѣдушка велѣлъ попробовать: кто изъ насъ крѣпче свистнетъ?» — «Ну, свисти ты прежде». Свистнулъ чертёнокъ да такъ громко, что Шабарша насилу на ногахъ устоялъ, а съ деревъ такъ листья и посыпались. «Хорошо свистишь, — говоритъ Шабарша, — а все не по-моему! Какъ я свистну — тебѣ на ногахъ не устоять, и уши твои не вынесутъ... Ложись ничкомъ наземь да затыкай уши пальцами». Лёгъ чертёнокъ ничкомъ на землю и заткнулъ уши пальцами; Шабарша взялъ дубину да со всего размаху, какъ хватитъ его по шеѣ, а самъ: фю-фю-фю! — посвистываетъ. «Охъ, дѣдушка, дѣдушка! да какъ же здорово свистнулъ Шабарша — ажно у меня искры изъ глазъ посыпались; еле-еле съ земли поднялся, а на шеѣ да на поясницѣ, кажись, всѣ косточки поломались!» — «Ого, не силёнъ, знать, ты, бѣсёнокъ! Пойди-тка, возьми тамъ въ тростникѣ мою желѣзную дубинку, да попробуйте: кто изъ васъ выше вскинетъ ее на воздухъ!» Взялъ чертёнокъ дубинку, взвалилъ на плечо и пошелъ къ Шабаршѣ. «Ну, Шабарша! дѣдушка велѣлъ въ послѣдній разъ попробовать: кто изъ насъ выше вскинетъ на воздухъ эту дубинку!» — «Ну, кидай ты прежде, а я посмотрю». Вскинулъ чертёнокъ дубинку — высоко-высоко, полетѣла она, словно точка въ вышинѣ чернѣетъ — насилу дождались, пока на землю упала... Взялъ Шабарша дубинку — тяжела! поставилъ ее на конецъ ноги, оперся ладонью и началъ пристально глядѣть на́ небо. «Что жъ ты не бросаешь? чего ждешь?» спрашиваетъ чертёнокъ. «Жду, когда вонъ энта тучка подойдетъ — я на нее дубинку вскину: тамъ сидитъ мой братъ-кузнецъ, — ему желѣзо на дѣло пригодится». — «Э, нѣтъ, Шабарша! не бросай дубинки на тучку, а то дѣдушка разсердится!» Выхватилъ бѣсёнокъ дубинку и нырнулъ къ дѣдушкѣ. Дѣдушка, какъ услыхалъ отъ внучка, что Шабарша чуть-чуть не закинулъ его дубинки, испугался не на шутку и велѣлъ таскать изъ омута деньги да откупаться. Чертёнокъ таскалъ-таскалъ деньги, много ужъ перетаскалъ — а шапка все не

полна! «Ну, дѣдушка, на диво у Шабарши шапочка! всѣ деньги въ нее перетаскалъ, а она все пуста. Теперь остался твой послѣдній сундучокъ». — «Неси и его скорѣе! Веревку-то онъ вьётъ?» — «Вьётъ, дѣдушка!» — «То-то!» Нечего дѣлать, началъ чертёнокъ завѣтный дѣдушкинъ сундучокъ, сталъ насыпать Шабаршову шапочку, сыпалъ-сыпалъ— насилу дополнилъ! Съ той поры, съ того времени зажилъ батракъ на славу; звали меня къ нему медъ-пиво пить, да я не пошелъ: медъ, говорятъ, былъ горекъ, а пиво мутно. Отчего бы такая притча?

(Записана Д. Ханыковымъ.)

89. Иванко Медвѣдко.

Въ нѣкоторомъ селѣ жилъ-былъ богатый мужикъ съ женою. Вотъ разъ пошла она въ лѣсъ за груздями, заплуталась и забрела въ медвѣжью берлогу. Медвѣдь взялъ ее къ себѣ и долго ли, коротко ли— прижилъ съ нею сына: до-поясъ человѣкъ, а отъ пояса медвѣдь; мать назвала того сына Иванко Медвѣдко. Годы шли да шли, Иванко Медвѣдко выросъ, и захотѣлось ему съ матерью уйти на село къ людямъ; выждали они, когда медвѣдь пошелъ на пчельникъ, собрались и убѣжали. Бѣжали-бѣжали и добрались-таки до мѣста. Увидалъ мужикъ жену, обрадовался, — ужъ онъ не чаялъ, чтобъ она когда-нибудь домой воротилась; а послѣ глянулъ на ея сына и спрашиваетъ: «А это что за чудище?» Жена разсказала ему все, что̀ и какъ было, какъ она жила въ берлогѣ съ медвѣдемъ и какъ прижила съ нимъ сына: до-поясъ человѣкъ, а отъ пояса медвѣдь. «Ну, Иванко Медвѣдко!—говоритъ мужикъ,—поди на задній дворъ да заколи овцу: надо про васъ обѣдъ сготовить». — «А котору заколоть?» — «Ну, хоть ту, что̀ на тебя глядѣть станетъ». Иванко Медвѣдко взялъ ножъ, отправился на задній дворъ и только скричалъ овцамъ — какъ всѣ овцы на него и уставились. Медвѣдко тотчасъ всѣхъ перекололъ, поснималъ съ нихъ шкурки и пошелъ спросить: куда прибрать мясо и шкуры? «Какъ?—заревѣлъ на него мужикъ,—я тебѣ велѣлъ заколоть одну овцу, а ты всѣхъ перерѣзалъ!» — «Нѣтъ, батька! ты велѣлъ мнѣ ту заколоть, которая на меня взглянетъ; я на задній дворъ — онѣ всѣ до единой такъ на меня и уставились; вольно жъ имъ было на меня глазѣть!» — «Экой разумникъ! ступай же, снеси все мясо и шкуры въ амбаръ, а ночью покарауль дверь у амбара-та, какъ бы воры не украли да собаки не съѣли!»—«Хорошо, покараулю». Какъ нарочно въ ту самую ночь собралась гроза и полилъ сильный дождь. Иванко Медвѣдко выломилъ у амбара дверь, унёсъ ее въ баню и остался тамъ ночевать. Время было темное, ворамъ сподручное; амбаръ открытъ, караула нѣтъ — бери, что̀ хочешь! Поутру проснулся мужикъ, пошелъ посмотрѣть — все ли цѣло? Какъ есть ничего не осталось: что̀ собаки съѣли, а что̀ воры

покрали. Сталъ онъ искать сторожа, нашелъ его въ банѣ и принялся ругать пуще прежняго. «Ахъ, батька! чѣмъ же я виноватъ?—сказалъ Иванко Медвѣдко:—самъ ты велѣлъ дверь караулить—я дверь и караулилъ: вотъ она! ни воры не украли, ни собаки не съѣли!»— «Что съ дуракомъ дѣлать?—думаетъ мужикъ;—этакъ мѣсяцъ-другой поживетъ, совсѣмъ разоритъ! какъ бы его съ рукъ сбыть?» Вотъ надумался: на другой же день послалъ Иванка Медвѣдка на озеро изъ песку веревки вить; а въ томъ озерѣ много нечистыхъ водилось: пусть де его затащатъ черти въ омутъ! Иванко Медвѣдко отправился на озеро, сѣлъ на берегу и началъ изъ песку веревки вить. Вдругъ выскочилъ изъ воды чертёнокъ: «Что ты дѣлаешь, Медвѣдко?» — «Что! веревки вью; хочу озеро морщить, да васъ чертей корчить [1]) — затѣмъ, что въ нашихъ омутахъ живете, а руги не платите». — «Погоди, Медвѣдко! я побѣгу, скажу дѣдушкѣ» — и съ этимъ словомъ бултыхъ въ воду. Минутъ черезъ пять снова выскочилъ: «Дѣдушка сказалъ: коли ты меня перегонишь, такъ заплатимъ ругу, а коли не перегонишь — велѣлъ тащить тебя самого въ омутъ». — «Вишь прыткой! ну, гдѣ тебѣ перегнать меня?—говоритъ Иванко Медвѣдко:—у меня есть внучекъ, только вчера народился — и тотъ тебя перегонитъ! Не хочешь ли съ нимъ потягаться?» — «Какой-такой внучекъ?»—«Вонъ подъ колодой лежитъ,— отвѣчаетъ Медвѣдко, да какъ вскрикнетъ на зайца: «Ай, Заюшко, не подгадь!» Заяцъ бросился безъ памяти въ чистое поле и вмигъ скрылся изъ виду; чертёнокъ было за нимъ, да куда! — на полверсту отсталъ. «Теперь, коли хочешь,—говоритъ ему Медвѣдко —побѣжимъ со мною; только, братъ, съ уговоромъ: если отстанешь, — я тебя до смерти убью!» — «Что ты!» сказалъ чертёнокъ — и бултыхъ въ омутъ. Немного погодя, выскочилъ опять изъ воды и вынесъ дѣдушкинъ чугунный костыль: «Дѣдушка сказалъ: коли вскинешь ты вотъ этотъ костыль выше, чѣмъ я вскину, такъ заплатимъ ругу». — «Ну, кидай ты наперво!» Чертёнокъ вскинулъ костыль такъ высоко, что́ чуть видно стало; съ страшнымъ гуломъ полетѣлъ костыль назадъ и ушелъ въ землю на половину. «Кидай теперь ты!» Медвѣдко наложилъ на костыль руку — и пошевелить не смогъ: «Погоди,—говоритъ,—вотъ скоро подойдетъ облачко, такъ на него закину!» — «Э, нѣтъ! какъ же дѣдушкѣ безъ костыля-то быть?» сказалъ бѣсёнокъ, схватилъ чортову дубинку и бросился поскорѣй въ воду [2]). Погодя немножко, опять выскочилъ:

---

[1]) *Варіантъ:* «Что? оборки вью; хочу берегъ съ берегомъ сводить васъ чертей изъ омута выводить!»

[2]) *Варіантъ:* Чертёнокъ принесъ дѣдушкину палицу: «Ну, Медвѣдко, попробуемъ: кто изъ насъ выше броситъ?» — «Бросай ты прежде!» Чертёнокъ бросилъ палицу вверхъ такъ высоко, что за щепочку показалась, а назадъ упала — земля ходенемъ пошла! Стала очередь за Медвѣдкомъ; взялъ онъ палицу за одинъ конецъ — не только вверхъ бросить — и поднять не сможетъ; пустился на хитрости, поднялъ глаза на небо и началъ пристально

«Дѣдушка сказалъ: коли сможешь ты обнести эту лошадь кругомъ озера хоть одинъ разъ лишній супротивъ меня, такъ заплатитъ ругу, а не то ступай самъ въ омутъ». — «Эко диво! Начинай!» Чертёнокъ взвалилъ на спину лошадь и потащилъ кругомъ озера; разовъ десять обнёсъ и усталъ окаянный — потъ такъ и льётъ съ рыла! «Ну, теперь мой черёдъ!» сказалъ Иванко Медвѣдко, сѣлъ на лошадь верхомъ — и ну ѣздить кругомъ озера: до тѣхъ поръ ѣздилъ, пока лошадь пала! «Что, братъ, каково?» спрашиваетъ чертёнка. «Ну, — говоритъ нечистый, — ты больше моего носилъ, да еще какъ? — промежъ ногъ; этакъ мнѣ и разу не обнести! Сколько жъ руги платить?» — «А вотъ сколько: насыпь мою шляпу золотомъ, да послужи у меня годъ въ работникахъ — съ меня и довольно!» Побѣжалъ чертёнокъ за золотомъ, а Иванко Медвѣдко вырѣзалъ въ шляпѣ дно и поставилъ ее надъ глубокой ямою; чертёнокъ носилъ-носилъ золото, сыпалъ-сыпалъ въ шляпу, цѣлой день работалъ, а только къ вечеру сполна насыпалъ. Иванко Медвѣдко добылъ телѣгу, наклалъ ее червонцами и свёзъ на чертёнкѣ домой: «Разживайся, батько! вотъ тебѣ батракъ, а вотъ и золото!»

(Записана въ Уфимскомъ уѣздѣ, Оренбургской губ.).

Примѣчаніе къ сказ. 87 — 88 — 89. Любопытная сказка про батрака знакома читателямъ въ поэтической передѣлкѣ Пушкина — «О купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ» [1]). Варіанты см. въ изданіи Эрленвейна, № 29, Чудинск., № 10, Худяков., I, № 27; II, № 71; III, № 95; Рудченко, I, № 33; сличи окончаніе сказки «Фролка-сидень» (№ 72); Малый (изд. 3), стр. 177; Грим., II, № 90; Ганъ, № 75; Walachische Märchen, стр. 233 — 5. Въ Повѣстяхъ и преданіяхъ народовъ славян. племени И. Боричевскаго (стр. 66 — 72) сообщенъ украинскій варіантъ: Былъ-жилъ бѣдной мужикъ Пахомъ; вздумалъ онъ запродать свою душу бѣсу, вышелъ въ лѣсъ, сталъ на перекресткѣ и началъ призывать нечистаго. Изъ-за огромной сосны показался бѣсъ: «Здоровъ бувъ, человѣче!» — «Здоровъ бувъ, пане чорте!» — «Знать, тебѣ, сватъ, что-нибудь понадобилось?» — «Ничóго», отвѣчалъ Пахомъ, почесывая за ухомъ. «Такъ понапрасну же я прилетѣлъ!» — «Отъ таки уже и понапрасну! — перебилъ, обидѣвшись, Пахомъ. — Понюхаемъ табáки, якъ добрые люди». Понюхали; мужикъ попросилъ взаймы денегъ; бѣсъ обѣщалъ съ уговоромъ: если черезъ годъ не заплатитъ, то онъ по смерти возьметъ его душу. Пахомъ согласился, и бѣсъ полетѣлъ за день-

---

приглядываться. «Что жъ ты попусту глазѣешь?» — «А вотъ поджидаю, когда подойдетъ облачко; хочу на него забросить палицу». — «Э, нѣтъ! не бросай, пожалуйста; дѣдушка прибранитъ меня». — «Ишь, чортово племя! небось жалко...»

[1]) Текстъ сказки, записанный поэтомъ со словъ няни, см. въ Сочинен. Пушкина, изд. Анненкова, т. I, стр. 441; собственно дѣйствующее лицо здѣсь попъ-толоконный лобъ; поэтъ замѣнилъ его купцомъ-Остолопомъ.

гами; тѣмъ временемъ Пахомъ принёсъ заступъ, вырылъ яму и поставилъ на нее четверикъ безъ дна. Много пришлось бѣсу насыпать золота; а черезъ годъ мужикъ принёсъ ему въ уплату свой долгъ, только четверикъ уже былъ со дномъ. Вотъ такъ-то обдурилъ онъ бѣса! — Въ Литвѣ извѣстенъ такой же разсказъ: Былъ мудрый мужичокъ Убуртисъ; плёлъ онъ разъ лапти у горы Джуга, какъ явился къ нему чортъ. «Что ты дѣлаешь?» — «Лапти плету». — «А кто тебѣ позволилъ? какъ смѣешь ты съ моихъ деревьевъ лыки драть?» Заспорили они и побились объ закладъ: «Если, — говоритъ чортъ, — ты выиграешь — я плачу тебѣ полную шляпу денегъ; а не выиграешь — ты погибъ!» Затѣмъ слѣдуетъ борьба чорта съ медвѣдемъ и перегонки съ зайцемъ. «Ну, теперь посмотримъ, кто выше подброситъ?» сказалъ чортъ и кинулъ вверхъ камень; камень полетѣлъ высоко-высоко и упалъ назадъ черезъ три часа. А Убуртисъ зàгодя поймалъ жаворонка и выпустилъ его изъ рукъ вмѣсто камня; жаворонокъ улетѣлъ ввысь и скрылся. «Видишь ли это ядро? — спросилъ чортъ. — Въ немъ сто пудъ вѣса; давай-ка, кто его выше кинетъ?» Убуртисъ сталъ къ облакамъ приглядываться. «Что ты высматриваешь?» — «Ожидаю, чтобъ подошла вонъ та большая туча: братъ мой нá небѣ кузнецомъ, нуждается въ желѣзѣ, и это ядро ему пригодится». Чортъ пожалѣлъ ядра и принужденъ былъ насыпать Убуртису дырявую шапку золотомъ (Podania i legendy Siemieńskiego, стр. 138 — 141; Иллюстрація 1848 г., № 27, стр. 39 — 40; Сынъ Отечества 1839 г., № III, смѣсь, стр. 22 — 25). Между литовскими и жмудскими преданіями есть еще слѣдующее. Одинъ мужикъ продалъ нечистому свою душу — съ условіемъ отдать ее тогда, какъ опадетъ съ деревьевъ вся зелень; чортъ дождался осени и пришелъ за душою; но мужикъ указалъ ему на сосну и насмѣялся надъ его недогадливостью. Другой мужикъ варилъ вмѣстѣ съ чортомъ пиво, и когда дошло до раздѣла, взялъ себѣ верхнюю половину (пиво), а нечистому отдалъ нижнюю (гущу, подонки). Чортъ напился гущи и съ того питья былъ животомъ боленъ. «Постой же! — сказалъ онъ, — теперь мое будетъ верхнее, а твое — нижнее». Мужикъ согласился, посѣялъ вмѣстѣ съ чортомъ рѣпу и опять надулъ пріятеля. Желая отомстить мужику, чортъ заспорилъ: кто кого выше подброситъ? Сначала чортъ подбросилъ мужика выше трубы и тотъ едва не убился; потóмъ очередь стала за мужикомъ; онъ посмотрѣлъ на небо и сказалъ: «Я, кумъ, на мѣсяцъ смотрю: тамъ мой отецъ живетъ, такъ я жду, чтобы показался да тебя принялъ!» Испуганный чортъ убѣжалъ (Podania i legendy, стр. 141 — 2; Zarysy domowe, Войцицкаго, III, стр. 165 — 6; Глинск., III, 215 — 234; Иллюстр. 1848 г., № 28, стр. 54; Славян. народн. разсказы Боричевскаго, стр. 195 — 9). Послѣдній разсказъ передается на Руси съ тою отмѣною, что вмѣсто чорта выводится медвѣдь, съ которымъ мужикъ сѣетъ рѣпу и пшеницу и варитъ пиво (см. № 7). На островѣ Рюгенѣ существуютъ двѣ сказки о недогадливомъ чортѣ (Zeitschrift für D. M., II, стр. 147 — 8): въ

одной крестьянинъ обѣщаетъ нечистому отдать свою душу, если онъ наполнитъ ему деньгами голенище сапога; отрѣзываетъ голенище, прилаживаетъ его поверхъ пустого овина и заставляетъ сыпать деньги; чортъ сыпалъ-сыпалъ, уморился и ушелъ съ проклятіями (сличи въ Kinder-und Hausmärchen, II, № 195). Въ другой сказкѣ чортъ долженъ былъ свить моряку якорный канатъ изъ морского песку, но не могъ исполнить этой трудной задачи. — Съ русскими сказками о батракѣ и чортѣ весьма близко сходны напечатанныя въ изданіи Westslawischer Märchenschatz, стр. 164 — 7, и въ Deutsche Volksmärchen Гальтриха, № 27: «Der listige Schulmeister und der Teufel». Послѣ разныхъ испытаній чортъ предлагаетъ школьному учителю биться на палкахъ. «Хорошо!» сказалъ тотъ, далъ чорту длинную желѣзную палку, себѣ взялъ короткую, подошелъ къ нему близко — почти къ самому рылу — и ну угощать его безчисленными ударами; а чортъ съ своею длинною палкою ничего не могъ сдѣлать на такомъ близкомъ разстояніи. «Го-го!— закричалъ онъ,—помѣняемся палками». — «Охотно,—отвѣчалъ учитель. — Но мнѣ кажется, ты порядкомъ утомился, и потому я сдѣлаю тебѣ еще бо̀льшую уступку: полѣзай-ка въ свиной хлѣвъ! Это хоть сколько-нибудь защититъ тебя отъ ударовъ». Чортъ взялъ короткую палку и залѣзъ въ свиной хлѣвъ. Учитель сунулъ свой длинный шестъ въ дыру и проткнулъ нечистаго какъ разъ промежъ рёберъ; а чортъ вовсе не могъ достать своего противника. «Довольно! — закричалъ онъ, видя, что изъ него кровь такъ и прыщетъ: — давай теперь царапаться». — «Изволь! только погоди, я принесу свои когти», сказалъ учитель и принёсъ два гребня, которыми расчесываютъ пеньку; съ помощію этихъ гребней онъ такъ взборонилъ нечистаго, что тотъ запросилъ пощады. Наконецъ чортъ предложилъ послѣднее испытаніе: «Lasse uns denn zur guten Letzt noch in die Wette furzen!» Da liess der Teufel einen so fürchterlichen los, dass der Schulmeister bis an die Zimmerdecke hinaufflog. «Was machst du da oben?» sprach der Teufel. «Ich verstopfe die Ritzen und Löcher, damit du, wenn ich jetzt einen Pumps lasse, nicht hinaus kannst und an der Decke zerschmetterst!» Чортъ до того испугался, что волоса у него стали дыбомъ, и, не дожидаясь опыта, убѣжалъ въ пекло.

При обработкѣ сюжета, передаваемаго сказкою о батракѣ и чортѣ, народная фантазія допустила два главныя видоизмѣненія: въ одномъ разрядѣ варіантовъ герой сказки не отличается особенною силою, но беретъ верхъ надъ чортомъ хитростью; въ другомъ же разрядѣ варіантовъ народная фантазія надѣляетъ его, вмѣстѣ съ хитростью, и необычайной силою, даже иногда ей одной приписываетъ побѣду надъ дьяволомъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ сказочномъ героѣ замѣчаются тѣ черты тупоумія, какими обыкновенно надѣляются великаны. Въ напечатанныхъ нами спискахъ батракъ можетъ давать такіе щелчки, что отъ нихъ падаютъ мертвыми и быкъ и медвѣдь, и такіе щипки,

что съ самаго сильнаго быка сразу вся шкура слѣзаетъ. Хозяинъ нарочно посылаетъ батрака въ лѣсъ ночью, разсчитывая, что тамъ разорвутъ его лютые звѣри; а онъ хватаетъ огромнаго медвѣдя за шею и приводитъ его на дворъ, будто смирнаго телёнка (сравни № 82 и 234; Пермск. сборникъ, II, стр. 172: «Солдатъ и медвѣдь»). Такая необычайная сила сказочнаго героя въ нѣкоторыхъ варіантахъ (№ 89) объясняется тѣмъ, что онъ рожденъ матерью отъ медвѣдя [1]), почему и соединяетъ въ себѣ человѣческой образъ съ звѣринымъ (до пояса человѣкъ, а нижняя половина—медвѣжья) и называется Иванко Медвѣдко. Разсказъ о его подвигахъ представляетъ много сходнаго съ пѣснями Калевалы о великанѣ Кулерво (см. Ж. М. Н. Пр. 1846, № III, стат. Гримма, стр. 169). Богатырь Медвѣдко является въ сербскихъ приповѣдкахъ (въ издан. Караджича, № 1: «Међедовић») въ столкновеніи съ страшными великанами; а въ одной изъ русскихъ сказокъ онъ совершаетъ такіе трудные подвиги, передъ которыми сознаютъ свое безсиліе миѳическіе великаны, поворачивающіе горы и вырывающіе столѣтніе дубы (№ 81).

Въ Westslawischer Märchenschatz (стр. 124 — 7) разсказываютъ подвиги богатыря Юры. Онъ нанялся къ одному крестьянину работать за три щелчка. Посланный хозяиномъ на чортову мельницу, Юра держитъ закладъ съ чортомъ. Чортъ бросаетъ вверхъ мельничный жорновъ—и камень пять минутъ остается въ воздухѣ; а когда Юра принимается бросать, камень упадаетъ назадъ въ первый разъ черезъ полчаса, а въ другой черезъ два часа. За ружье, тяжестью въ четыре центнера, Юра простилъ хозяину выслуженные щелчки и пришелъ въ дремучій лѣсъ, посреди котораго стоялъ замокъ, а въ замкѣ была темная ночь. Здѣсь онъ нашелъ трехъ нечистыхъ, которые сторожили трехъ прекрасныхъ царевенъ. «Отдашь ли мнѣ царевну?» спросилъ богатырь чорта. «Нѣтъ, не отдамъ!» Юра схватилъ его и ударилъ объ полъ съ такою силою, что пробилъ три этажа и забросилъ нечистаго въ глубокій подвалъ. Царевна была освобождена и дала своему избавителю золотую звѣзду. Освободилъ онъ и двухъ остальныхъ царевенъ; одна изъ нихъ дала ему золотой мѣсяцъ, а другая золотое солнце. Звѣзда, мѣсяцъ и солнце заблистали и все кругомъ освѣтили такъ ярко, какъ будто бы разомъ настали и свѣтлая ночь и ясный день. Одному чорту Юра приказалъ залѣзть въ ружье и потомъ повелъ трехъ царевенъ къ ихъ отцу. Царь пожелалъ, чтобы богатырь выстрѣлилъ изъ своего ружья. «Заткните ваши уши и ноздри,—сказалъ Юра,—и крѣпче держитесь на ногахъ!» Взялъ ружье, выстрѣлилъ — и въ ту жъ минуту вылетѣлъ изъ дула нечистый, земля затряслась, башни попадали, и во всемъ городѣ окна

---

[1]) Преданія о похищеніи медвѣдемъ красныхъ дѣвицъ см. въ Русск. сказкахъ для дѣтей К. Авдѣевой, стр. 22—32, и въ Сынѣ Отечества 1839 г., № IX, стр. 63—65, въ статьѣ о миѳологіи колошей.

разсыпались на тысячи кусковъ. Наградою за подвиги богатыря была рука прекрасной царевны.

Въ нѣмецкой сказкѣ (Гальтрихъ, № 16) герой, тождественный съ нашимъ Медвѣдкою, носитъ имя Eisenhans (желѣзный Иванъ). У одной супружеской четы не было дѣтей; мужъ жаловался и приставалъ къ своей женѣ, отчего она не рожаетъ ему дѣтей. «Милый мужъ!—отвѣчала жена,—ты—кузнецъ и можешь самъ выковать ребёнка». Мужъ не заставилъ себѣ повторять этого совѣта, взялъ десять центнеровъ желѣза — изъ семи выковалъ сына, а изъ трехъ сдѣлалъ ему бичъ. Мальчикъ вышелъ здоровый и бодрый; обрадовались и мужъ и жена и назвали его Eisenhans. Вскорѣ Гансъ выросъ и сдѣлался въ тягость своимъ родителямъ, ибо поѣдалъ много и никогда не былъ сытъ; мать должна была приготовлять ему пищу въ огромномъ котлѣ. Отецъ съ матерью рѣшили не держать его больше въ своемъ домѣ: «Если онъ останется съ нами еще дней восемь, то сожретъ насъ со всѣмъ дворомъ!» И они сказали сыну: «Ты теперь и великъ и силенъ, иди-поищи себѣ службы». Гансъ радъ былъ посмотрѣть на бѣлый свѣтъ, взялъ свой бичъ и отправился въ путь. Вечеромъ пришелъ онъ въ деревню, постучался къ пастору и спросилъ, не возьметъ ли онъ его въ работники? «Малый-то здоровенный!—подумалъ пасторъ:—онъ можетъ быть мнѣ очень полезенъ. Къ тому жъ у меня есть двѣнадцать слугъ, а гдѣ кормятся двѣнадцать, тамъ и тринадцатый сытъ будетъ. Ступай!—сказалъ онъ громко,—я тебя принимаю». Двѣнадцать слугъ, цѣлый день трудившіеся въ полѣ, порядкомъ проголодались и охотно принялись за ѣду; новый работникъ также усѣлся за столъ, но онъ одинъ ѣлъ больше, чѣмъ всѣ его товарищи вмѣстѣ; чашка скоро опустѣла, и всѣ остались голодны. «Если онъ такъ же работаетъ, какъ ѣстъ, то это еще не дурно!» На другой день двѣнадцать слугъ поднялись рано и пошли убирать сѣно, а Гансъ спалъ до полудня. Пробудившись, онъ отправился въ поле, поѣлъ все, что было приготовлено на тринадцать человѣкъ, и опять легъ спать. Это раздражило слугъ: «Онъ только пожираетъ, а ничего не дѣлаетъ!—говорили они другъ другу.—Пойдемте-ка, разбудимъ его: пусть и онъ работаетъ!» Набрали прутьевъ, пришли — и ну стегать его по лицу. Сначала Гансъ отмахивался рукою, думая, что его кусаютъ мухи, но потомъ проснулся, увидалъ рабочихъ, вскочилъ и ухватилъ всѣхъ двѣнадцать за ноги. «Теперь и я поработаю!» сказалъ онъ и началъ такъ ими повертывать, что они волей-неволей со всего луга сгребали сѣно руками, словно граблями. Когда работа была покончена, онъ отпустилъ бѣдняковъ, и они потащились домой съ окровавленными руками и прихрамывая. На слѣдующій день поутру работники поѣхали въ лѣсъ за дровами. Гансъ опять проспалъ до полудня, а вставши, поѣлъ все, что было приготовлено, запрёгъ четырехъ быковъ и поѣхалъ въ лѣсъ. На дорогѣ въ одномъ мѣстѣ была такая грязь, что телѣга совсѣмъ застряла. Гансъ не сталъ долго раздумывать: поднялъ ее вмѣстѣ съ быками и вынесъ на сушь

и гладь. Въ лѣсу прибѣжалъ къ нему страшный волкъ и заревѣлъ: «Я съѣмъ одного быка!» — «Нужды нѣтъ! — отвѣчалъ Гансъ, — но тебѣ придется замѣсто его самому тащить возъ». Едва волкъ сожралъ быка, какъ желѣзный Гансъ схватилъ его за шею и запрёгъ въ телѣгу. Немного погодя, явился чортъ: «Я, — говоритъ, — изломаю у тебя ось!» — «Пожалуй! только тебѣ самому придется занять ея мѣсто». Чортъ не обратилъ вниманія на эти слова; но едва изломалъ онъ ось, какъ желѣзный Гансъ схватилъ его за шиворотъ и буквально исполнилъ свое обѣщаніе. Въ это время двѣнадцать слугъ уже успѣли нагрузить свои воза и возвращались домой. Увидя ихъ, Гансъ закричалъ: «Я буду прежде васъ дома и привезу дровъ во сто разъ больше, чѣмъ всѣ вы вмѣстѣ!» Тѣ засмѣялись и поѣхали своей дорогой. Гансъ началъ навязывать на телѣгу и позади ея цѣлыя деревья, навязалъ почти половину лѣса и повернулъ домой. Ѣдетъ по дорогѣ, глядь — двѣнадцать возовъ въ грязи застряли. Тутъ онъ взялъ свою телѣгу со всею кладью и упряжкою, взвалилъ на спину и перенесъ черезъ топкое мѣсто; очутившись такимъ образомъ впереди всѣхъ, онъ вытащилъ потóмъ изъ грязи и другія телѣги. Со всѣхъ сторонъ сбѣжался народъ смотрѣть на невиданный поѣздъ: волкъ шелъ въ упряжи, чортъ служилъ вмѣсто оси. Пріѣхавши ко двору, Гансъ отвязалъ чорта, ударилъ бичомъ и пустилъ на волю; съ визгомъ бросился нечистый улепетывать въ пекло. На другой день пасторъ призвалъ Ганса, объявилъ, что черти похитили у него дочь, и велѣлъ непремѣнно разыскать ее и доставить домой; за эту службу хозяинъ обѣщалъ Гансу столько денегъ, сколько онъ въ силахъ будетъ поднять. Гансъ обрадовался; онъ слышалъ много разсказовъ объ адѣ, и ему давно хотѣлось заглянуть туда; тотчасъ же взялъ свой бичъ и отправился въ путь. Достигнувъ адскихъ воротъ, онъ постучался бичомъ и закричалъ: «Отворите!» Нечистые всполошились и спрашивали одинъ другого: кто бы это былъ? Вотъ чортъ, уже бывшій въ передѣлкѣ, взглянулъ въ щель, узналъ гостя и съ крикомъ: «Бѣда! это желѣзный Гансъ!» убѣжалъ въ самой темный уголъ. Вслѣдъ за нимъ и другіе попрятались. Богатырскимъ ударомъ Гансъ сшибъ адскія ворота и освободилъ всѣхъ заключенниковъ, между ними и похищенную дѣвицу. Воротившись изъ ада, онъ добылъ сто локтей холста, призвалъ семь портныхъ и заставилъ ихъ шить мѣшокъ. Вскорѣ огромный мѣшокъ былъ готовъ, и надо было наполнить его деньгами. Пасторъ обмолотилъ весь свой хлѣбъ, насыпалъ мѣшокъ зерномъ, а сверху закрасилъ деньгами. Гансъ не замѣтилъ обмана, поднялъ мѣшокъ на плечи и принесъ къ отцу-къ матери: «Вотъ вамъ гостинецъ! вы не даромъ меня кормили...» Положилъ мѣшокъ наземь и отправился гулять по бѣлому свѣту.

Такое представленіе сказочнаго героя неодолимымъ, могучимъ силачомъ есть древнѣйшее; оно роднитъ его съ естественными явленіями природы: удары его также стремительны и страшны, какъ удары молніи, а молодецкій свистъ подобенъ завыванью бури. Впослѣдствіи, когда, съ

одной стороны, основа преданія болѣе или менѣе затемнилась въ народномъ сознаніи, а съ другой — выступилъ впередъ народный юморъ и овладѣлъ многими изъ эпическихъ сказаній, придавши имъ и другія краски и другія тѣни, — герой преобразился: онъ одолѣваетъ своихъ страшныхъ противниковъ уже не силою удара, не крѣпостью мышцъ, не громовыми звуками голоса, а изворотливостью хитраго ума. Отсюда возникъ цѣлый рядъ насмѣшливыхъ разсказовъ, въ которыхъ чортъ играетъ весьма жалкую роль недогадливаго простака, подобно тому какъ въ нѣмецкихъ сказкахъ роль эта вышла на долю великановъ. Въ одной изъ русскихъ сказокъ (№ 86) такимъ простакомъ выставленъ змѣй, обманутый хитрымъ цыганомъ; здѣсь, между прочимъ, встрѣчаемъ тотъ же споръ о свистѣ (кто громче свистнетъ — змѣй или цыганъ?), какъ и въ сказкѣ о батракѣ. Очевидно, что чортъ, съ которымъ состязается сказочный герой, есть не болѣе какъ позднѣйшая замѣна миѳическаго великана или змѣя.

90. Солдатъ избавляетъ царевну.

Загнали солдата на дальнія границы; прослужилъ онъ положенный срокъ, получилъ чистую отставку и пошелъ на родину. Шелъ онъ черезъ многія земли, чрезъ разныя государства; приходитъ въ одну столицу и останавливается на квартирѣ у бѣдной старушки. Началъ ее разспрашивать: «Какъ у васъ, баушка, въ государствѣ — все ли здорово?»— «И - и, служивой! у нашего царя есть дочь красавица Марѳа-царевна; сватался за нее чужестранный принцъ; царевна не захотѣла за него итти, а онъ напустилъ на нее нечистую силу. Вотъ ужъ третій годъ неможетъ! Не даетъ ей нечистая сила по ночамъ спокою: бьется, сердечная, и кричитъ безъ памяти... Ужъ чего царь не дѣлаетъ: и колдуновъ и знахарей приводилъ — никто не избавилъ!» Выслушалъ это солдатъ и думаетъ самъ съ собой: «Дай пойду, счастья попытаю; можетъ, и избавлю царевну! царь хоть что-нибудь на дорогу пожалуетъ». Взялъ шинель, вычистилъ пуговицы мѣломъ, надѣлъ — и маршъ во дворецъ. Увидала его придворная прислуга, узнала, зачѣмъ идетъ, подхватила по́дъ руки и привела къ самому царю. «Здравствуй, служба! что хорошаго скажешь?» говоритъ царь. «Здравія желаю, ваше царское величество! Слышалъ я, что у васъ Марѳа - царевна хвораетъ; я могу ее вылѣчить». — «Хорошо, братецъ! коли вылѣчишь, я тебя съ ногъ до головы золотомъ осыплю».— «Только прикажите, ваше величество, выдать мнѣ все, что требовать стану». — «Говори: что тебѣ надобно?»—«Да вотъ дайте мнѣ мѣру чугунныхъ пуль, мѣру грецкихъ орѣховъ, фунтъ свѣчей и двѣ колоды картъ, да изладьте мнѣ чугунный прутъ, чугунную царапку о пяти зубьяхъ да чугунное подобіе человѣка съ пружинами».—«Ну, хорошо: къ завтраму все будетъ готово». Вотъ изготовили, что надо; солдатъ заперъ во

дворцѣ всѣ окна и двери накрѣпко и закрестилъ ихъ православнымъ крестомъ; только одну дверь оставилъ незапертой и сталъ возлѣ нея на часахъ; комнату освѣтилъ свѣчами, на столъ положилъ карты, а въ карманы насыпалъ чугунныхъ пуль да грецкихъ орѣховъ. Управился и ждетъ. Вдругъ въ самую полночь прилетѣлъ нечистый духъ: куда ни сунется — не можетъ войти! Леталъ-леталъ кругомъ дворца и увидалъ, наконецъ, отворенную дверь; скинулся человѣкомъ и хочетъ войти. «Кто идетъ?» окликнулъ солдатъ. «Пусти, служивой! я придворный лакей».— «Гдѣ же ты, халдейская харя, до сихъ поръ таскался?» — «А гдѣ былъ, тамъ теперь нѣту! Дай-ка мнѣ орѣшковъ погрызть!» — «Много васъ тутъ, халдеевъ! всѣхъ по орѣху одѣлить—самому ничего не останется».— «Дай, пожалуйста!» — «Ну, возьми!» и даетъ ему пулю. Чортъ взялъ въ ротъ пулю, давилъ-давилъ зубами, въ лепешку ее смялъ, а разгрызть — не разгрызъ. Пока онъ съ чугунною пулей возился, солдатъ орѣховъ съ двадцать разгрызъ да съѣлъ. «Эхъ, служивой!—говоритъ чортъ: — крѣпки у тебя зубы!» — «Плохъ ты, я вижу!—отвѣчалъ солдатъ.— Вѣдь я двадцать-пять лѣтъ царю прослужилъ, надъ сухарями зубы притупилъ, а ты бъ посмотрѣлъ, каковъ съ молодыхъ годовъ я былъ!»— «Давай, служивой, въ карты играть». — «А на что играть станемъ?»— «Извѣстно — на деньги». — «Ахъ ты, халдейская харя! ну, какія у солдата деньги? Онъ всего жалованья — три денежки въ сутки получаетъ, а надо ему и мыла, и ваксы, и мѣлу, и клею купить, и въ баню сходить. Хочешь на щелчки играть?» — «Пожалуй!» Начали на щелчки играть. Чортъ наигралъ на солдата три щелчка: «Давай, — говоритъ, — бить стану!» — «Догоняй до десятку, тогда и бей; изъ трехъ щелчковъ нечего рукъ марать!» — «Ладно!» Стали опять играть; пришелъ солдату крестовый хлюстъ и нагналъ онъ на нечистаго десять щелчковъ: «Ну-ка,— говоритъ чорту,—подставляй свой лобъ; я покажу тебѣ, каково съ нашимъ братомъ на щелчки играть! По-солдатски урѣжу! И другу и недругу закажешь!..» Чортъ взмолился, проситъ, чтобъ солдатъ полегче его билъ. «То-то! съ вами, халдеями, только свяжись, самъ не радъ будешь: какъ дѣло къ расчету — такъ сейчасъ и отлынивать! А мнѣ никоимъ способомъ нельзя тебя пощадить: я—солдатъ и давалъ присягу завсегда поступать вѣрою-правдою». — «Возьми, служивой, деньгами!» — «А на что мнѣ твои деньги? я игралъ на щелчки — щелчками и плати. Развѣ вотъ что: есть у меня меньшой братъ, пойдемъ-ка къ нему, — онъ пробьетъ тебѣ щелчки потише моего; а если не хочешь, давай я самъ стану бить!» — «Нѣтъ, служивой! веди лучше къ меньшому брату». Солдатъ привелъ нечистаго къ чугунному человѣку, тронулъ за пружину да какъ щелнетъ чорта по лбу — тотъ ажно въ другую стѣну отлетѣлъ; а солдатъ ухватилъ его за руку: «Стой! еще девять щелчковъ за тобою». Тронулъ въ другой разъ пружину, да такъ урѣзалъ, что чортъ кубаремъ покатился, да чуть-чуть стѣны не пробилъ! А въ третій разъ отбросило нечистаго прямо въ окно: вышибъ онъ раму, выскочилъ вонъ и

навострилъ лыжи. «Помни, проклятой!—кричитъ солдатъ,—за тобой еще семь щелчковъ осталось!» А чортъ-то улепетываетъ, ажъ пятками въ задъ достаетъ [1]). На утро спрашиваетъ царь Марѳу-царевну: «Ну что, каково ночь проводила?» — «Спокойно, государь - батюшка!»

На другую ночь отрядилъ сатана во дворецъ иного чорта; вишь, они ходили стращать да мучить царевну по очереди. Досталось и этому на орѣхи! Въ тринадцать ночей перебывало у солдата тринадцать нечистыхъ въ передѣлкѣ и всѣмъ равно туго пришлось! Ни одинъ въ другой разъ итти не хочетъ. «Ну, внучки!—говоритъ имъ дѣдушка-сатана,—я самъ теперь пойду». Пришелъ сатана во дворецъ — и ну съ солдатомъ разговаривать: то - другое, пятое - десятое, стали въ карты играть; солдатъ обыгралъ его и повелъ къ меньшому брату щелчками угощать. Привелъ, подавилъ пружины, меньшой братъ обхватилъ сатану чугунными руками—да такъ-таки плотно, что ему ни взадъ ни впередъ нельзя пошевелиться. Солдатъ схватилъ чугунный прутъ и давай хлестать; бьетъ сатану да приговариваетъ: «Вотъ тебѣ въ карты играть! вотъ тебѣ Марѳу-царевну мучить!» Исхлесталъ чугунный прутъ и взялся царапкой строгать: сатана благимъ матомъ реветъ, а солдатъ знай себѣ деретъ — и такъ его донялъ, что тотъ какъ вырвался — безъ оглядки убѣжалъ! Вернулся въ свое болото, охаетъ: «Ахъ, внучки! чуть было солдатъ до смерти не убилъ!»—«То-то, дѣдушка! вишь онъ какой мудреной! вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я во дворцѣ былъ, а все голова трещитъ! Да еще спасибо, что не самъ билъ, а меньшого брата заставлялъ!..» Вотъ стали черти придумывать, какъ бы выжить имъ изъ дворца этого солдата. Думали - думали и рѣшились золотомъ откупиться. Прибѣжали къ солдату разомъ всѣ; тотъ увидалъ, испугался и закричалъ громкимъ голосомъ: «Эй, братъ! ступай сюда скорѣе, должники пришли, надо щелчки давать». — «Полно, полно, служивой! мы пришли къ тебѣ о дѣлѣ потолковать; сколько хочешь, возьми съ насъ золота — только выйди изъ дворца!» — «Нѣтъ! что мнѣ золото! Ужъ коли хотите услужить мнѣ, такъ полѣзайте всѣ въ ранецъ, я слы

---

[1]) *Варіантъ:* Пришелъ чортъ, сталъ съ солдатомъ въ карты играть: кто кого обыграетъ, чтобы дурака ударить разъ. Дьяволъ обыгралъ солдата и ударилъ такъ шибко, что чуть съ ногъ его не свалилъ. Потомъ солдатъ обыгралъ дьявола. Ну какъ его бить? то и есть вертится, на минуту не остановится, окаянный! «Постой-ка,—думаетъ солдатъ,—я съ тобой поправлюсь по-своему!» Показываетъ ему чугунное ядро и спрашиваетъ: «Раскусишь ли ты вотъ этотъ орѣхъ?» Дьяволъ говоритъ: раскушу! Взялъ ядро, грызъ-грызъ, всѣ зубы поломалъ, а не раскусилъ. «Эхъ ты!—говоритъ ему солдатъ;—посмотри-ка: у меня малой братишка лучше тебя». Сунулъ ядро въ ротъ чугунному мужику, потрогалъ пружину — ядро на мелкія части разлетѣлось. Дьяволъ облизнулся: «Постой! цѣлы ль зубы?» Началъ щупать; только запихалъ въ ротъ руки, у него ихъ и прижало. Солдатъ пошевелилъ другую пружину, чугунныя руки обвились вокругъ дьявола и крѣпко схватили, а солдатъ давай его угощать царапкою... Насилу чортъ вырвался и убѣжалъ; послѣ того—полно ходить къ Марѳѣ-царевнѣ. (Записано въ Пермской губ.).

халъ, что нечистая сила больно хитра, хоть въ щель — и то влѣзетъ. Вотъ коли это сдѣлаете, право слово уйду изъ дворца!» Черти обрадовались. «Ну, служивой, открывай свой ранецъ». Солдатъ открылъ, они и полѣзли туда всѣ до единаго, сатана сверху легъ. «Укладывайтесь плотнѣе,—говоритъ солдатъ,—чтобъ можно было на всѣ пряжки застегнуть». — «Застегивай, не твоя печаль!»—«Счастье вамъ, коли застегну! а не то не прогнѣвайтесь, ни за что изъ дворца не выйду!» Вотъ солдатъ взялъ, застегнулъ ранецъ на всѣ пряжки, перекрестилъ его, надѣлъ на себя и пошелъ къ царю. «Ваше царское величество! прикажите изготовить тридцать желѣзныхъ молотовъ, каждый молотъ въ три пуда». Царь отдалъ приказъ; сейчасъ изготовили тридцать молотовъ. Солдатъ принесъ ранецъ въ кузницу, положилъ на наковальню и велѣлъ бить какъ можно сильнѣе. Плохо пришлось чертямъ, а вылѣзть никакъ нельзя! Угостилъ ихъ солдатъ на славу! «Теперь довольно!» Вскинулъ ранецъ на плечи и явился къ царю съ докладомъ. «Служба-де моя кончена: больше нечистая сила не станетъ царевны тревожить». Царь поблагодарилъ его. «Молодецъ служивой! ступай гуляй по всѣмъ кабакамъ и трактирамъ, требуй, что только душѣ угодно: ни въ чемъ тебѣ нѣтъ запрету!» И приставилъ къ нему царь двухъ писарей, чтобъ всюду за нимъ ходили да записывали на казенный счетъ, гдѣ сколько солдатъ нагуляетъ. Вотъ онъ гулялъ-гулялъ, цѣлой мѣсяцъ прогулялъ и пошелъ къ царю. «Что, служба, нагулялся?» «Нагулялся, ваше величество! хочу домой итти».—«Что ты! оставайся-ка у насъ, я тебя первымъ человѣкомъ сдѣлаю».—«Нѣтъ, государь! хочется повидать своихъ сродниковъ».—«Ну, ступай съ Богомъ!» сказалъ царь, далъ ему повозку, лошадей и денегъ столько, что въ цѣлой вѣкъ не прожить.

Поѣхалъ солдатъ на родину, присталъ дорогою въ какой-то деревнѣ и увидалъ знакомаго солдата — въ одномъ полку служили. «Здравствуй, братъ!» — «Здравствуй!» — «Какъ поживаешь?» — «Все по-старому!» — «А мнѣ Господь счастье далъ, вдругъ разбогатѣлъ! На радостяхъ надо бы вышить; сбѣгай-ка, братъ, купи ведерку вина». — «Радъ бы сбѣгать, да вишь у меня скотинка еще не убрана; потрудись, сходи самъ — кабакъ вотъ недалеча!» — «Ладно, а ты возьми мой ранецъ, положи въ избѣ, да накажи бабамъ, чтобъ не трогали!» Отправился нашъ солдатъ за виномъ, а землякъ его принесъ ранецъ въ избу и говоритъ бабамъ: «Не трожьте!» Пока убиралъ онъ скотину, бабамъ не терпится: «Дай посмотримъ — что такое въ ранцѣ накладено?» Принялись разстегивать — какъ выскочатъ оттуда черти съ шумомъ да съ трескомъ, двери съ крючьевъ посбивали — и ну бѣжать! А навстрѣчу имъ солдатъ съ ведеркою: «Ахъ, проклятые! кто васъ выпустилъ?» Черти испугались и бросились въ буковище [1]) подъ мельницу да тамъ навсегда и остались. Солдатъ пришелъ въ избу, разбранилъ бабъ — и давай гулять со старымъ товарищемъ, а послѣ пріѣхалъ на родину и зажилъ богато и счастливо.

---

[1]) Мѣсто подъ колесомъ мельницы.

91. Бѣглой солдатъ и чортъ.

Отпросился солдатъ въ отпускъ, собрался и пошелъ въ походъ. Шелъ-шелъ, не видать нигдѣ воды, чѣмъ бы ему сухарики помочить да на пути на дорогѣ закусить, а въ брюхѣ давно пусто. Нечего дѣлать— потащился далѣше; глядь — бѣжитъ ручеекъ, подошелъ къ этому ручейку, досталъ изъ ранца три сухаря и положилъ въ воду. Да была еще у солдата скрипка: въ досужее время онъ на ней разныя пѣсни игралъ, скуку разгонялъ. Вотъ сѣлъ солдатъ у ручья, взялъ скрипку и давай наигрывать. Вдругъ откуда ни возьмись — приходитъ къ нему нечистой въ видѣ старца съ книгою въ рукахъ. «Здравствуй, господинъ служба!»— «Здорово, добрый человѣкъ!» Чортъ ажъ поморщился, какъ солдатъ обозвалъ его добрымъ человѣкомъ. «Послушай, дружище! помѣняемся: я отдамъ тебѣ свою книгу, а ты мнѣ скрипку». — «Эхъ, старой! на что мнѣ твоя книжка? Я хоть десять лѣтъ прослужилъ государю, а грамотнымъ никогда не бывалъ; прежде не зналъ, а теперь и учиться поздно!» «Ничего, служивой! у меня такая книга — кто ни посмотритъ, всякой прочитать сумѣетъ!» — «А ну, дай попробую!» Развернулъ солдатъ книжку и началъ читать, словно съ малыхъ лѣтъ навыкъ грамотѣ; обрадовался и тотчасъ же промѣнялъ свою скрипку. Нечистой взялъ скрипку, началъ смычкомъ водить, а дѣло не клеится — нѣтъ въ его игрѣ никакого ладу. «Слушай, братъ,—говоритъ онъ солдату,—оставайся-ка у меня въ гостяхъ дня на три да поучи на скрипкѣ играть; спасибо тебѣ скажу!»— «Нѣтъ, старикъ,—отвѣчаетъ солдатъ:—мнѣ надо на родину, а за три дня я далеко уйду». — «Пожалуйста, служивой! коли останешься да научишь на скрипкѣ играть, я тебя въ одинъ день домой доставлю — на почтовой тройкѣ довезу». Солдатъ сидитъ въ раздумьи: оставаться или нѣтъ? и вынимаетъ онъ сухари изъ ручья — хочетъ закусывать. «Эхъ, братъ служивой!—говоритъ нечистой,—плохая твоя ѣда; покушай-ка моей!» Развязалъ мѣшокъ и досталъ бѣлаго хлѣба, жареной говядины, водки и всякихъ заѣдковъ: ѣшь — не хочу! Солдатъ наѣлся, напился и согласился остаться у того незнакомаго старика и поучить его на скрипкѣ играть. Прогостилъ у него три дня и просится домой; чортъ выводитъ его изъ своихъ хоромъ — передъ крыльцомъ стоитъ тройка добрыхъ коней. «Садись, служивой! мигомъ довезу». Солдатъ сѣлъ съ чортомъ въ повозку; какъ подхватили ихъ лошади, какъ понесли — только версты въ глазахъ мелькаютъ! Духомъ довезли. «А что, узнаешь эту деревню?» спрашиваетъ нечистой. «Какъ же не узнать!— отвѣчаетъ солдатъ:—вить въ этой деревнѣ я родился и выросъ».—«Ну, прощай!» Солдатъ слѣзъ съ повозки, пришелъ къ сродственникамъ, сталъ съ ними здороваться да про себя разсказывать, когда его и насколько изъ полку отпустили. Показалось ему, что пробылъ онъ у нечистаго въ гостяхъ всего - навсего три дня, а на самомъ дѣлѣ пробылъ у него три года;

срокъ отпуску давнымъ-давно кончился, а въ полку, чай, въ бѣгахъ его считаютъ. Оробѣлъ солдатъ, не знаетъ, что́ и дѣлать ему, — и гульба на умъ не идетъ! Вышелъ за околицу и думаетъ: «Куда теперь дѣваться? Коли въ полкъ итти — такъ тамъ сквозь строй загоняютъ. Эхъ, нечистой! славно ты подшутилъ надо мною». Только вымолвилъ это слово, а нечистой тутъ какъ тутъ. «Не кручинься, служивой, оставайся со мной — вить у васъ въ полку житье незавидное, сухарями кормятъ да палками бьютъ, а я тебя счастливымъ сдѣлаю... Хочешь — купцомъ сдѣлаю?» — «Вотъ это ладно: купцы хорошо живутъ, дай и я попробую счастья!» Нечистой сдѣлалъ его купцомъ, далъ ему въ столичномъ городѣ большую лавку съ разными дорогими товарами и говоритъ: «Теперь, братъ, прощай! я уйду отъ тебя за тридевять земель, въ тридесятое государство: у тамошняго короля есть прекрасная дочь Марья-королевна; стану ее всячески мучить!»

Живетъ нашъ купецъ, ни о чемъ не тужитъ; счастье само такъ и валитъ на дворъ; въ торговлѣ такая ему задача, что лучше требовать нельзя! Стали ему другіе купцы завидовать: «Давайте-ка,—говорятъ,— его спросимъ: что онъ за человѣкъ и откуда пріѣхалъ? и можетъ ли торгъ вести? Вѣдь онъ у насъ всю торговлю отбилъ — чтобъ ему пусто было!» Пришли къ нему, стали допрашивать; а онъ отвѣчаетъ имъ: «Братцы вы мои! теперь у меня дѣлъ подошло много, некогда съ вами потолковать; приходите завтра — все узнаете». Купцы разошлись по домамъ; а солдатъ думаетъ, что ему дѣлать, какъ отвѣтъ давать. Думалъ-думалъ и рѣшился бросить свою лавку, уйти ночью изъ города. Вотъ забралъ онъ всѣ деньги, какія налицо были, и пошелъ въ тридесятое государство. Шелъ-шелъ и приходитъ на заставу. «Что за человѣкъ?» спрашиваетъ его часовой. Онъ отвѣчаетъ: «Я — лѣкарь; иду въ ваше царство, потому что у вашего короля дочь больна; хочу ее вылѣчить». Часовой доложилъ про то придворнымъ, придворные довели до самого короля. Король призвалъ солдата: «Коли ты вылѣчишь мою дочь, отдамъ ее за тебя замужъ». — «Ваше величество, прикажи́те мнѣ дать три колоды картъ, три бутылки вина сладкаго да три бутылки спирту горячаго, три фунта орѣховъ, три фунта свинцовыхъ пуль да три пучка свѣчъ воску яраго». — «Хорошо, все будетъ готово!» Солдатъ дождался вечера, купилъ себѣ скрипку и пошелъ къ королевнѣ; зажогъ въ ея горницахъ свѣчи, началъ пить-гулять, на скрипочкѣ играть. Въ полночь приходитъ нечистой, услыхалъ музыку и бросился къ солдату: «Здравствуй, братъ!» — «Здорово!» — «Что ты пьешь?» — «Квасокъ потягиваю».—«Дай-ка мнѣ!» — «Изволь!» и поднёсъ ему полный стаканъ горячаго спирту: чортъ выпилъ и глаза подъ лобъ закатилъ: «Эхъ, крѣпко забираетъ! дай-ка закусить чѣмъ-нибудь». — «Вотъ орѣхи, бери да закусывай!» говоритъ солдатъ, а самъ свинцовыя пули подсовываетъ. Чортъ грызъ-грызъ, только зубы поломалъ. Стали они въ карты играть: пока то да сё — время ушло, пѣтухи закричали, и нечистой пропалъ. Спрашиваетъ король коро-

левну: «Каково ночь спала?» — «Слава Богу, спокойно!» И другая ночь такъ же прошла; а къ третьей ночи проситъ солдатъ короля: «Ваше величество! прикажите въ пятьдесятъ пудъ клещи сковать да сдѣлать три прута мѣдныхъ, три прута желѣзныхъ и три оловянныхъ». — «Хорошо, все будетъ сдѣлано!» Въ глухую полночь является нечистой: «Здравствуй, служивой! я опять къ тебѣ погулять пришолъ». — «Здравствуй, кто не радъ веселому товарищу!» Начали пить-гулять. Нечистой увидалъ клещи и спрашиваетъ: «А это что такое?» — «Да, вишь, король взялъ меня въ свою службу да заставилъ музыкантовъ на скрипкѣ учить; а у нихъ у всѣхъ пальцы - то кривые — не лучше твоихъ, надо въ клещахъ выправлять». — «Ахъ братецъ! — сталъ просить нечистой: — нельзя ли и мнѣ выправить пальцы? а то до сей поры не умѣю на скрипкѣ играть». — «Отчего нельзя! клади сюда пальцы». Чортъ вложилъ обѣ руки въ клещи; солдатъ прижалъ ихъ, стиснулъ, потомъ схватилъ прутья — и давай его потчевать; бьетъ да приговариваетъ: «Вотъ тебѣ купечество!» Чортъ молитъ, чортъ проситъ: «Отпусти, пожалуй! за тридцать верстъ не подойду къ дворцу!» А онъ знай бичуетъ. Прыгалъ-прыгалъ чортъ, вертѣлся - вертѣлся, насилу вырвался и говоритъ солдату: «Хоть ты и женишься на королевнѣ, а моихъ рукъ не уйдешь! Только отъѣдешь за тридцать верстъ отъ города — сейчасъ захвачу тебя!» Сказалъ и исчезъ.

Вотъ женился содатъ на королевнѣ и жилъ съ нею въ любви и согласіи; а спустя нѣсколько лѣтъ померъ король, и онъ сталъ управлять всѣмъ царствомъ. Въ одно время вышелъ новый король съ своею женою въ садъ погулять. «Ахъ, какой славной садъ!» говоритъ онъ. «Это что за садъ!—отвѣчаетъ королева:—есть у насъ за городомъ другой садъ, верстъ тридцать отсюда, вотъ такъ есть на что полюбоваться!» Король собрался и поѣхалъ туда съ королевою; только вылѣзъ онъ изъ коляски, а нечистой навстрѣчу: «Ты зачѣмъ? развѣ забылъ, что тебѣ сказано? Ну, братъ, самъ виноватъ: теперь изъ моихъ лапъ не вырвешься». — «Что дѣлать! видно, такова судьба моя! Позволь хоть съ молодой женой проститься». — «Прощайся, да поскорѣй!».....

Примѣчаніе. Сказка эта напечатана не вполнѣ. Въ началѣ ея нечистый духъ является тѣмъ лукавымъ соблазнителемъ, какимъ представляетъ его христіанское ученіе; конецъ же сказки есть не болѣе какъ приставка, заимствованная изъ другихъ народныхъ разсказовъ, гдѣ чортъ выступаетъ не столько лукавымъ духомъ, сколько простоватымъ дурнемъ.

Солдатъ, взявшись выучить чорта на скрипкѣ, совѣтуетъ ему напередъ выправить кривые пальцы, схватываетъ его въ клещи и бичуетъ желѣзными прутьями; то же достается въ валахской сказкѣ (№ 10) драконамъ, а въ литовской (Шлейхеръ, стр. 143) — злой лаумѣ; см. также Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 414; Kinder-und Hausmärchen, II, стр. 171 — 2.

92. Два Ивана-солдатскихъ сына.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужикъ. Пришло время — записали его въ солдаты; оставляетъ онъ жену беременную, сталъ съ нею прощаться и говоритъ: «Смотри, жена! живи хорошенько, добрыхъ людей не смѣши, домишка не разори, хозяйничай да меня жди: авось Богъ дастъ — выйду въ отставку, назадъ прійду. Вотъ тебѣ пятьдесятъ рублевъ; дочку ли, сына ли родишь — все равно, сбереги деньги до возрасту: станешь дочь выдавать замужъ — будетъ у ней приданое; а коли Богъ сына дастъ, да войдетъ онъ въ большіе года — будетъ и ему въ тѣхъ деньгахъ подспорье немалое». Попрощался съ женою и пошелъ, куда было велѣно. Мѣсяца три погодя, родила баба двухъ близнецовъ-мальчиковъ и назвала ихъ Иванами, солдатскими сыновьями. Пошли мальчики въ ростъ; какъ пшеничное тѣсто на опарѣ, такъ кверху и тянутся. Стукнуло ребяткамъ десять лѣтъ, отдала ихъ мать въ науку; скоро они научились грамотѣ и боярскихъ и купеческихъ дѣтей за поясъ заткнули — никто лучше ихъ не сумѣетъ ни прочитать, ни написать, ни отвѣту дать. Боярскія и купеческія дѣти позавидовали, и давай тѣхъ близнецовъ кажной день покалачивать да пощипывать. Говоритъ одинъ братъ другому: «Долго ли насъ колотить да щипать будутъ? Матушка и то на насъ платьица не нашьется, шапочекъ не накупится; что ни надѣнемъ — все товарищи въ клочки изорвутъ! Давай-ка расправляться съ ними по-своему». И согласились они другъ за друга стоять, другъ друга не выдавать. На другой день стали боярскія и купеческія дѣти задирать ихъ, а они — полно терпѣть! — какъ пошли сдачу давать: тому глазъ долой, тому руку вонъ, тому голову нá сторону! Всѣхъ до единаго перебили. Тотчасъ прибѣжали караульные, связали ихъ, добрыхъ мòлодцевъ и посадили въ острогъ. Дошло то дѣло до самого царя; онъ призвалъ тѣхъ мальчиковъ къ себѣ, распросилъ про все и велѣлъ ихъ выпустить. «Они,—говоритъ,—не виноваты: на зачинщиковъ Богъ!» Выросли два Ивана-солдатскія дѣти и просятъ у матери: «Матушка! не осталось ли отъ нашего родителя какихъ денегъ? Коли остались, дай намъ: мы пойдемъ въ городъ на ярмарку, купимъ себѣ по доброму коню». Мать дала имъ пятьдесятъ рублевъ— по двадцати-пяти на брата, и приказываетъ: «Слушайте, дѣтушки! какъ пойдете въ городъ, отдавайте поклонъ всякому встрѣчному и поперечному». — «Хорошо, родимая!» Вотъ отправились братья въ городъ, пришли на конную, смотрятъ — лошадей много, а выбрать нé изъ чего; все не подъ стать имъ, добрымъ мòлодцамъ! Говоритъ одинъ братъ другому: «Пойдемъ на другой конецъ площади; глядь-ко, чтó народу тамъ толпится — видимо-невидимо!» Пришли туда, протолпились — у дубовыхъ столбовъ стоятъ два жеребца, на желѣзныхъ цѣпяхъ прикованы: одинъ на шести, другой на двѣнадцати; рвутся кони съ цѣпей,

удила кусаютъ, роютъ землю копытами. Никто подойти къ нимъ близко не сможетъ. «Что твоимъ жеребцамъ цѣна будетъ?» спрашиваетъ Иванъ-солдатской сынъ у хозяина. «Не съ твоимъ, братъ, носомъ соваться сюда! Есть товаръ, да не по тебѣ; нечего и спрашивать». — «Почóмъ знать, чего не вѣдаешь! можетъ, и купимъ; надо только въ зубы посмотрѣть». Хозяинъ усмѣхнулся: «Смотри, коли головы не жаль!» Тотчасъ одинъ братъ подошелъ къ тому жеребцу, что на шести цѣпяхъ былъ прикованъ, а другой братъ — къ тому, что на двѣнадцати цѣпяхъ держался. Стали было въ зубы смотрѣть — куда! жеребцы поднялись на дыбы, такъ и храпятъ... Братья ударили ихъ колѣнками въ грудь— цѣпи разлетѣлись, жеребцы на пять сажонъ отскочили, вверхъ ногами попадали. «Вона — чѣмъ хвастался! да мы эдакихъ клячей и даромъ не возьмемъ». Народъ ахаетъ, дивуется: что за сильные богатыри проявились! Хозяинъ чуть не плачетъ: жеребцы его поскакали за̀ городъ и давай разгуливать по всему чистому полю; приступить къ нимъ никто не рѣшается, какъ поймать — никто не придумаетъ. Сжалились надъ хозяиномъ Иваны - солдатскія дѣти, вышли въ чистое поле, крикнули громкимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ — жеребцы прибѣжали и стали на мѣстѣ словно вкопаные; тутъ надѣли на нихъ добрые молодцы цѣпи желѣзныя, привели ихъ къ столбамъ дубовымъ и приковали крѣпко-на̀крѣпко. Справили это дѣло и пошли домой. Идутъ путемъ-дорогою, а навстрѣчу имъ сѣдой старичокъ; позабыли они, что́ мать наказывала, и прошли мимо, не здороваясь, да ужъ послѣ одинъ спохватился: «Ахъ, братецъ! что жъ это мы надѣлали? старичку поклона не отдали; давай нагонимъ его, да поклонимся». Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются въ поясъ и говорятъ: «Прости насъ, дѣдушка, что прошли, не здоровались. Намъ матушка строго наказывала: кто бъ на пути ни встрѣтился, всякому честь отдавать». — «Спасибо, добрые молодцы! куда васъ Богъ носилъ?» — «Въ городъ на ярмарку ходили; хотѣли купить себѣ по доброму коню, да такихъ нѣтъ, чтобъ намъ пригодились». — «Какъ же быть? нешто подарить вамъ по лошадкѣ?» — «Ахъ, дѣдушка! если подаришь, станемъ за тебя вѣчно Бога молить».— «Ну, пойдемте!» Привелъ ихъ старикъ къ большой горѣ, отворяетъ чугунную дверь и выводитъ богатырскихъ коней. «Вотъ вамъ и кони, добрые молодцы! ступайте съ Богомъ, владѣйте на здоровье!» Они поблагодарили, сѣли верхомъ и поскакали домой; пріѣхали на дворъ, привязали коней къ столбу и вошли въ избу. Начала мать спрашивать: «Что, дѣтушки, купили себѣ по лошадкѣ?» — «Купить не купили, даромъ получили». — «Куда жъ вы ихъ дѣли?» — «Возлѣ избы поставили». — «Ахъ, дѣтушки! смотрите — не увелъ бы кто!» — «Нѣтъ, матушка! не таковскіе кони, не то что увести — и подойти къ нимъ нельзя!» Мать вышла, посмотрѣла на богатырскихъ коней и залилась слезами: «Ну, сынки! вѣрно, вы не кормильцы мнѣ». На другой день просятся сыновья у матери: «Отпусти насъ въ городъ, купимъ себѣ по сабелькѣ». — «Ступай-

те, родимые!» Они собрались, пошли на кузницу; приходятъ къ мастеру. «Сдѣлай,—говорятъ,—намъ по сабелькѣ».—«Зачѣмъ дѣлать! есть готовыя. сколько угодно — берите!» — «Нѣтъ, братъ! намъ такія сабли надобны, чтобъ по триста пудовъ вѣсили». — «Эхъ, что выдумали! да кто жъ эдакую махину ворочать будетъ? Да и горна такого во всемъ свѣтѣ не найдешь!» Нечего дѣлать — пошли добрые молодцы домой и головы повѣсили; идутъ путемъ-дорогою, а навстрѣчу имъ опять тотъ же старичокъ попадается. «Здравствуйте, младые юноши!» — «Здравствуй, дѣдушка!» — «Куда ходили?» — «Въ городъ на кузницу: хотѣли купить себѣ по сабелькѣ, да такихъ нѣтъ, чтобъ намъ по рукѣ пришлись». — «Плохо дѣло! нешто подарить вамъ по сабелькѣ?» — «Ахъ, дѣдушка! коли подаришь, станемъ за тебя вѣчно Бога молить». Старичокъ привелъ ихъ къ большой горѣ, отворилъ чугунную дверь и вынесъ двѣ богатырскія сабли. Они взяли сабли, поблагодарили старика, и радостно, весело у нихъ на душѣ стало! Приходятъ домой, мать спрашиваетъ: «Что, дѣтушки, купили себѣ по сабелькѣ?» — «Купить не купили, даромъ получили». — «Куда жъ вы ихъ дѣли?» — «Возлѣ избы поставили». — «Смотрите, какъ бы кто не унесъ!» — «Нѣтъ, матушка! не то что унесть, даже увезти нельзя». Мать вышла на дворъ, глянула — двѣ сабли тяжелыя, богатырскія къ стѣнкѣ приставлены, едва избушка держится! Залилась слезами и говоритъ: «Ну, сынки! вѣрно, вы не кормильцы мнѣ». На утро Иваны-солдатскія дѣти осѣдлали своихъ добрыхъ коней, взяли свои сабли богатырскія, приходятъ въ избу, Богу молятся, съ родной матерью прощаются: «Благослови насъ, матушка, въ путь-дорогу дальнюю». — «Будь надъ вами, дѣтушки, мое нерушимое родительское благословеніе! Поѣзжайте съ Богомъ, себя покажите, людей посмотрите; напрасно никого не обижайте, а злымъ ворогамъ не уступайте». — «Не бойся, матушка! у насъ такова поговорка есть: ѣду — не свищу, а наѣду — не спущу!» Сѣли добрые молодцы на коней и поѣхали. Близко ли—далеко, долго ли—коротко, скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, пріѣзжаютъ они на распутіе, и стоятъ тамъ два столба. На одномъ столбу надписано: кто вправо поѣдетъ, тотъ царемъ будетъ; на другомъ столбу надписано: кто влѣво поѣдетъ, тотъ убитъ будетъ. Остановились братья, прочитали надписи и призадумались: куда кому ѣхать? Коли обоимъ по правой дорогѣ пуститься — не честь-не хвала богатырской ихъ силѣ, молодецкой удали; ѣхать одному влѣво — никому помереть не хочется! Да дѣлать-то нечего; говоритъ одинъ изъ братьевъ другому: «Ну, братецъ! я посильнѣе тебя: давай я поѣду влѣво да посмотрю — отчего можетъ мнѣ смерть приключиться? А ты поѣзжай направо: авось Богъ дастъ — царемъ сдѣлаешься!» Стали они прощаться, дали другъ дружкѣ по платочку и положили такой завѣтъ: ѣхать каждому своею дорогою, по дорогѣ столбы ставить, на тѣхъ столбахъ про себя писать для знатья, для вѣдома; всякое утро утирать лицо братнинымъ платкомъ: если на платкѣ кровь окажется—значитъ, брату смерть

приключилася; при такой бѣдѣ ѣхать мертваго разыскивать. Разъѣхались добрые молодцы въ разныя стороны. Что вправо коня пустилъ, тотъ добрался до славнаго царства. Въ этомъ царствѣ жилъ царь съ царицею, у нихъ была дочь царевна Настасья Прекрасная. Увидалъ царь Ивана-солдатскаго сына, полюбилъ его за удаль богатырскую, долго не думая, отдалъ за него свою дочь въ супружество, назвалъ его Иваномъ-царевичемъ и велѣлъ ему управлять всѣмъ царствомъ. Живетъ Иванъ-царевичъ въ радости, своею женою любуется, царству порядокъ даетъ да звѣриной охотой тѣшится. Въ нѣкое время сталъ онъ на охоту сбираться, на коня збрую накладывать и нашелъ въ сѣдлѣ — два пузырька съ цѣлющей и живущей водою зашито; посмотрѣлъ на тѣ пузырьки и положилъ опять въ сѣдло: «Надо, — думаетъ, — поберечь до поры - до времени: не ровенъ часъ — понадобятся».

А братъ его Иванъ-солдатской сынъ, что лѣвой дорогой поѣхалъ, день и ночь скакалъ безъ-устали; прошелъ мѣсяцъ и другой и третій, и прибылъ онъ въ незнакомое царство — прямо въ столичный городъ. Въ томъ государствѣ печаль великая: дома́ чернымъ сукномъ покрыты, люди словно сонные шатаются. Нанялъ себѣ самую худую квартиру у бѣдной старушки; и началъ ее выспрашивать: «Разскажи, бабушка, отчего такъ въ вашемъ государствѣ весь народъ припечалился и всѣ дома́ чернымъ сукномъ завѣшаны?» — «Ахъ, доброй мо̀лодецъ! великое горе насъ обуяло: каждой день выходитъ изъ синяго моря, изъ-за сѣраго камня двѣнадцатиглавой змѣй и поѣдаетъ по человѣку за единой разъ; теперь дошла очередь до царя... Есть у него три прекрасныя царевны; вотъ только сейчасъ повезли старшую на взморье — змѣ́ю на съѣденіе». Иванъ-солдатскій сынъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ синему морю, къ сѣрому камню; на берегу стоитъ прекрасная царевна — на желѣзной цѣпи прикована. Увидала витязя и говоритъ ему: «Уходи отсюда, доброй мо̀лодецъ! Скоро прiйдетъ сюда двѣнадцатиглавой змѣй; я пропаду, да и тебѣ не миновать смерти: съѣстъ тебя лютой змѣй!» — «Не бойся, красная дѣвица! авось подавится». Подошелъ къ ней Иванъ-солдатской сынъ, ухватилъ цѣпь богатырской рукою и разорвалъ на мелкія части, словно гнилую бечёвку; послѣ прилёгъ красной дѣвицѣ на колѣни. «Ну-ка, поищи у меня въ головѣ! не столько въ головѣ ищи, сколько на̀ море смотри: какъ только туча взойдетъ, вѣтеръ зашумитъ, море всколыхается—тотчасъ разбуди меня, мо̀лодца». Красная дѣвица послушалась: не столько въ головѣ ему ищетъ, сколько на́ море смотритъ. Вдругъ туча надвинулась, вѣтеръ зашумѣлъ, море всколыхалося — изъ синя моря змѣй выходитъ, въ-гору (вверхъ) подымается. Царевна разбудила Ивана-солдатскаго сына; онъ всталъ, только на коня вскочилъ, а ужъ змѣй летитъ. «Ты, Иванушка, зачѣмъ пожаловалъ? вѣдь здѣсь мое мѣсто! Прощайся теперь съ бѣлымъ свѣтомъ да полѣзай поскорѣе самъ въ мою глотку — тебѣ жъ легче будетъ!» — «Врёшь, проклятой змѣй! не проглотишь — подавишься!» отвѣчалъ богатырь,

обнажилъ свою острую саблю, размахнулся, ударилъ и срубилъ у змѣя всѣ двѣнадцать головъ; поднялъ сѣрой камень, головы положилъ подъ камень, туловище въ море бросилъ, а самъ воротился домой къ старухѣ, наѣлся-напился, легъ спать и проспалъ трое сутокъ. Въ то время призвалъ царь водовоза: «Ступай, — говоритъ,— на взморье, собери хоть царевнины косточки». Водовозъ пріѣхалъ къ синему морю, видитъ— царевна жива, ни въ чемъ невредима, посадилъ ее на телѣгу и завёзъ въ густой, дремучій лѣсъ; завёзъ въ лѣсъ — и давай ножъ точить. «Что ты дѣлать собираешься?» спрашиваетъ царевна. «Я ножъ точу, тебя рѣзать хочу!» Царевна заплакала: «Не рѣжь меня: я тебѣ никакого худа не сдѣлала». — «Скажи отцу, что я тебя отъ змѣя избавилъ, такъ помилую!» Нечего дѣлать, согласилась. Пріѣхала во дворецъ; царь обрадовался и пожаловалъ того водовоза полковникомъ. Вотъ какъ проснулся Иванъ-солдатскій сынъ, позвалъ старуху, даетъ ей денегъ и проситъ: «Поди-ка, бабушка, на рынокъ, закупи что̀ надобно, да послушай, что̀ промежъ людьми говорится: нѣтъ ли чего новаго?» Старуха сбѣгала на рынокъ, закупила разныхъ припасовъ, послушала людскихъ вѣстей, воротилась назадъ и сказываетъ: «Идетъ въ народѣ такая молва: былъ де у нашаго царя большой обѣдъ, сидѣли за столомъ королевичи и посланники, бояре и люди именитые; въ тѣ поры прилетѣла въ окно каленая стрѣла и упала посерёдъ зала; къ той стрѣлѣ было письмо привязано отъ другого змѣя двѣнадцатиглаваго. Пишетъ змѣй: коли не вышлешь ко мнѣ середнюю царевну, я твое царство огнемъ сожгу, пепломъ развѣю. Нынче же повезутъ ее, бѣдную, къ синему морю, къ сѣрому камню». Иванъ-солдатскій сынъ сейчасъ осѣдлалъ своего добраго коня, сѣлъ и поскакалъ на взморье. Говоритъ ему царевна: «Ты зачѣмъ, добрый мо̀лодецъ? пущай моя очередь смерть принимать, горячую кровь проливать; а тебѣ за что пропадать?» — «Не бойся, красная дѣвица! авось Богъ спасетъ». Только успѣлъ сказать, летитъ на него лютой змѣй, огнемъ палитъ, смертью грозитъ. Богатырь ударилъ его острой саблею и отсѣкъ всѣ двѣнадцать головъ; головы положилъ подъ камень, туловище въ море кинулъ, а самъ домой вернулся, наѣлся-напился и опять залёгъ спать на три дня, на три ночи. Пріѣхалъ опять водовозъ, увидалъ, что царевна жива, посадилъ ее на телѣгу, повёзъ въ дремучій лѣсъ и принялся ножъ точить. Спрашиваетъ царевна: «Зачѣмъ ты ножъ точишь?» — «А я ножъ точу, тебя зарѣзать хочу! Присягни на томъ, что скажешь отцу, какъ мнѣ надобно, такъ я тебя помилую». Царевна дала ему клятву. Онъ привезъ ее во дворецъ; царь возрадовался и пожаловалъ водовоза генеральскимъ чиномъ. Иванъ-солдатскій сынъ пробудился отъ сна на четвертыя сутки и велѣлъ старухѣ на рынокъ пойти да вѣстей послушать. Старуха сбѣгала на рынокъ, воротилась назадъ и разсказываетъ: «Третій змѣй проявился, прислалъ къ царю письмо, а въ письмѣ требуетъ: вывози де меньшую царевну на съѣденіе». Иванъ-солдатскій сынъ осѣдлалъ своего добраго

коня, сѣлъ и поскакалъ къ синю морю. На берегу стоитъ прекрасная царевна, на желѣзной цѣпи къ камню прикована. Богатырь ухватилъ цѣпь, тряхнулъ и разорвалъ, словно гнилую бечёвку; послѣ прилёгъ красной дѣвицѣ на колѣни. «Поищи у меня въ головѣ! не столько въ головѣ ищи, сколько на́ море смотри: какъ только туча взойдетъ, вѣтеръ зашумитъ, море всколыхается — тотчасъ разбуди меня, мо̀лодца». Царевна начала ему въ головѣ искать... Вдругъ туча надвинулась, вѣтеръ зашумѣлъ, море всколыхалося — изъ синя моря змѣй выходитъ, въ гору подымается. Стала царевна будить Ивана-солдатскаго сына, толкала-толкала, нѣтъ — не просыпается; заплакала она слезно, и капнула горячая слеза ему на́ щеку; отъ того богатырь проснулся, побѣжалъ къ своему коню, а доброй конь ужъ на полъ-аршина подъ собой земли выбилъ копытами. Летитъ двѣнадцатиглавой змѣй, огнемъ такъ и пышетъ; взглянулъ на богатыря и воскрикнулъ: «Хорошъ ты, пригожъ ты, доброй мо̀лодецъ, да не быть тебѣ живому: съѣмъ тебя и съ косточками!»—«Врёшь, проклятой змѣй! подавишься». Начали они биться смертнымъ боемъ; Иванъ-солдатскій сынъ такъ быстро и сильно махалъ своей саблею, что̀ она докрасна раскалилась: нельзя въ рукахъ держать! Возмолился онъ царевнѣ: «Спасай меня, красная дѣвица! сними съ себя дорогой платочикъ, намочи въ синёмъ морѣ и дай обернуть саблю». Царевна тотчасъ намочила свой платочикъ и подала доброму молодцу. Онъ обернулъ саблю и давай рубить змѣя; срубилъ ему всѣ двѣнадцать головъ, головы тѣ подъ камень положилъ, туловище въ море бросилъ, а самъ домой поскакалъ, наѣлся-напился и залёгъ спать на трои сутки [1]). Царь посылаетъ опять водово̀за на взморье; пріѣхалъ водовозъ, взялъ царевну и повёзъ въ дремучій лѣсъ; вынулъ ножъ и сталъ точить. «Что ты дѣлаешь?» спрашиваетъ царевна. «Ножъ точу, тебя рѣзать хочу! Скажи отцу, что я змѣя побѣдилъ, такъ помилую». Устрашилъ красную дѣвицу, поклялась говорить по его словамъ. А меньшая дочь была у царя любимая; какъ увидѣлъ ее живою, ни въ чемъ невредимою, онъ пуще прежняго возрадовался и захотѣлъ водовоза жаловать — выдать за него замужъ меньшую царевну. Пошелъ про то слухъ по всему государству. Узналъ Иванъ-солдатскій сынъ, что у царя свадьба затѣвается, и пошелъ прямо во дворецъ, а тамъ пиръ идетъ, гости пьютъ и ѣдятъ, всякими играми забавляются. Меньшая царевна глянула на Ивана-солдатскаго сына, увидала на его саблѣ свой дорогой платочикъ, выскочила изъ-за стола, взяла его за̀ руку и стала отцу доказывать: «Государь батюшка! вотъ кто избавилъ насъ отъ змѣя лютаго, отъ смерти напрасныя; а водовозъ только зналъ ножъ

[1]) *Вар.:* Иванъ-солдатскій сынъ сражается съ змѣемъ и убиваетъ его; при прощаніи даетъ ему царевна на память свой золотой перстень. Богатырь разломилъ перстень на̀двое; одну половину себѣ взялъ, другую царевнѣ отдалъ. Послѣ, по этимъ половинкамъ, сложеннымъ вмѣстѣ, царевна узнаетъ своего избавителя.

точить да приговаривать: я де ножъ точу, тебя зарѣзать хочу!» Царь разгнѣвался, тутъ же приказалъ водовоза повѣсить, а царевну выдалъ замужъ за Ивана-солдатскаго сына, и было у нихъ веселье великое. Стали молодые жить-поживать да добра наживать.

Пока все это дѣялось, съ братомъ Ивана-солдатскаго сына, — съ Иваномъ-царевичемъ вотъ что случилось. Поѣхалъ онъ разъ на охоту, и попался ему олень быстроногой. Иванъ-царевичъ ударилъ по лошади и пустился за нимъ въ погоню; мчался-мчался и выѣхалъ на широкій лугъ. Тутъ олень съ глазъ пропалъ. Смотритъ царевичъ и думаетъ: куда теперь путь направить? Глядь — на томъ лугу ручеекъ протекаетъ, на водѣ двѣ сѣрыя утки плаваютъ. Прицѣлился онъ изъ ружья, выстрѣлилъ и убилъ пару утокъ; вытащилъ ихъ изъ воды, положилъ въ сумку и поѣхалъ дальше. Ѣхалъ-ѣхалъ, увидалъ бѣлокаменныя палаты, слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ столбу и пошелъ въ комнаты. Вездѣ пусто — нѣтъ ни единаго человѣка, только въ одной комнатѣ печь топится, на шесткѣ стоитъ сковородка, на столѣ приборъ готовъ: тарелка и вилка и ножъ. Иванъ-царевичъ вынулъ изъ сумки утокъ, ощипалъ, вычистилъ, положилъ на сковороду и сунулъ въ печку; зажарилъ, поставилъ на столъ, рѣжетъ да кушаетъ. Вдругъ откуда ни возьмись—является къ нему красная дѣвица—такая красавица, что́ ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать, и говоритъ ему: «Хлѣбъ-со́ль, Иванъ-царевичъ!» — «Милости просимъ, красная дѣвица! садись со мной кушать». — «Я бы сѣла съ тобой, да боюсь: у тебя конь волшебной». — «Нѣтъ, красная дѣвица! не узнала: мой волшебной конь до́ма остался, — я на простомъ пріѣхалъ». Какъ услыхала это красная дѣвица, тотчасъ начала дуться, надулась и сдѣлалась страшною львицею, разинула пасть и проглотила царевича цѣликомъ. Была то не простая дѣ́вица, — была то родная сестра трехъ змѣевъ, что́ побиты Иваномъ-солдатскимъ сыномъ. Вздумалъ Иванъ-солдатской сынъ про своего брата, вынулъ платокъ изъ кармана, утёрся, смотритъ — весь платокъ въ крови. Сильно онъ запечалился: «Что за притча! Поѣхалъ мой братъ въ хорошую сторону: гдѣ бы ему царемъ быть, а онъ смерть получилъ!» Отпросился у жены и тестя и поѣхалъ на своемъ богатырскомъ конѣ разыскивать брата Ивана-царевича. Близко ли — далеко́, скоро ли — коротко, пріѣзжаетъ въ то самое государство, гдѣ его братъ проживалъ; разспросилъ про все и узналъ, что поѣхалъ де царевичъ на охоту, да такъ и сгинулъ—назадъ не бывалъ. Иванъ-солдатской сынъ той же самой доро́гою поѣхалъ охотиться; попадается и ему олень быстроногой. Пустился богатырь за нимъ въ погоню; выѣхалъ на широкій лугъ — олень съ глазъ пропалъ; смотритъ — на лугу ручеекъ протекаетъ, на водѣ двѣ утки плаваютъ. Иванъ-солдатской сынъ застрѣлилъ утокъ, пріѣхалъ въ бѣлокаменныя палаты и вошелъ въ комнаты. Вездѣ пусто, только въ одной комнатѣ печь топится, на шесткѣ сковородка стоитъ. Онъ зажарилъ утокъ, вынесъ на дворъ, сѣлъ на кры-

лечкѣ, рѣжетъ да кушаетъ. Вдругъ является къ нему красная дѣвица: «Хлѣбъ-соль, доброй мо̀лодецъ! Зачѣмъ на дворѣ кушаешь?» Отвѣчаетъ Иванъ-солдатской сынъ: «Да въ горницѣ неохотно: на дворѣ веселѣй будетъ! Садись со мной, красная дѣвица!» — «Я бы съ радостью сѣла, да боюсь твоего коня волшебнаго». — «Полно, красавица! я на простой лошадёнкѣ пріѣхалъ». Она сдуру и повѣрила и начала дуться, надулась страшною львицею и только хотѣла проглотить добраго молодца, какъ прибѣжалъ его волшебный конь и облапилъ ее богатырскими ногами. Иванъ-солдатской сынъ обнажилъ свою саблю острую и крикнулъ зычнымъ голосомъ: «Стой, проклятая! ты проглотила моего брата Ивана-царевича? выкинь его назадъ, не то изрублю тебя на мелкія части». Львица рыгнула и выкинула Ивана-царевича: самъ-то онъ мертвой, въ гниль пошелъ, голова облѣзла. Тутъ Иванъ-солдатской сынъ вынулъ изъ сѣдла два пузырька съ водою цѣлющею и живущею; взбрызнулъ брата цѣлющей водою — плоть-мясо срастается; взбрызнулъ живущей водою — царевичъ всталъ и говоритъ: «Ахъ, какъ же я долго спалъ!» Отвѣчаетъ Иванъ-солдатской сынъ: «Вѣкъ бы тебѣ спать, если бъ не я!» Потомъ беретъ свою саблю и хочетъ рубить львицѣ голову; она обернулась душой-дѣвицей, такою красавицей, что́ и разсказать нельзя, начала слезно плакать и просить прощенія. Глядя на ея красу неописанную, смиловался Иванъ-солдатской сынъ и пустилъ ее на волю вольную. Пріѣхали братья во дворецъ, сотворили трехдневной пиръ; послѣ попрощались: Иванъ-царевичъ остался въ своемъ государствѣ, а Иванъ-солдатской сынъ поѣхалъ къ своей супругѣ и сталъ съ нею поживать въ любви и согласіи.

Въ нѣкое время вышелъ Иванъ-солдатской сынъ въ чистое поле прогуляться; попадается ему навстрѣчу малой ребёнокъ и проситъ милостинку. Жалко стало доброму мо̀лодцу, вынулъ изъ кармана золотой и даетъ мальчику; мальчикъ принимаетъ милостину, а самъ дуется — обратился львомъ и разорвалъ богатыря на мелкія части. Черезъ нѣсколько дней то же самое приключилось и съ Иваномъ-царевичемъ: вышелъ онъ въ садъ прогуляться, а навстрѣчу ему старичокъ, низко кланяется и проситъ милостинку; царевичъ подаетъ ему золотой. Старикъ принимаетъ милостину, а самъ дуется — обернулся львомъ, схватилъ Ивана-царевича и разорвалъ на кусочки. Такъ и сгинули сильномогучіе богатыри, — извела ихъ сестра змѣиная [1]).

---

[1]) *Варіантъ:* Убилъ Иванъ солдатской сынъ третьяго змѣя и думаетъ: «Больше нѣтъ мнѣ противника!» Вдругъ издали пыль поднимается — что бы это значило: вихрь ли играетъ, али рать-сила идетъ? Глядь-поглядь — скачетъ на желѣзной ступѣ баба-яга, костяная нога, толкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, сзади собачка побрёхиваетъ. Кричитъ она зычнымъ голосомъ: «Стой, Иванъ-солдатской сынъ! зачѣмъ заѣхалъ въ наши мѣста? Вотъ возьму толкачъ да начну твои косточки въ ступѣ толочь, такъ не скоро опомнишься!» Иванъ-солдатской сынъ ударилъ бабу-ягу острой са-

Примѣчаніе. Эта любопытная сказка повѣствуетъ о борьбѣ двухъ богатырей съ чудовищными змѣями — мотивъ, такъ часто повторяемый въ эпическихъ сказаніяхъ арійскихъ племенъ (см. сказки о трехъ царствахъ, Иванѣ Быковичѣ и многія другія; у Худ., III, № 81, 117; Litauische Märch., стр. 4 — 6; въ собр. Вольфа, стр. 369 — 376). Сказочные герои, противники змѣевъ, добываютъ себѣ изъ горы по несокрушимой саблѣ (мечъ-самосѣкъ) и богатырскому коню, къ сѣдламъ которыхъ привѣшены пузырьки съ цѣлющей и живой водою. Интересный варіантъ означенной сказки находимъ въ изданіи Lud Ukraiński, I, стр. 305 — 327, подъ заглавіемъ: «Bajka o biednej dziewczynie i o odcisku stopy na skale». Былъ когда-то человѣкъ, и была у него наймичка красная дѣвица. Разъ, когда ворочалась она съ поля, напала на нее сильная жажда; увидала она на дорогѣ двѣ ступни, полныя воды, напилась и тотчасъ же почувствовала, что въ скоромъ времени будетъ матерью. «Były to stopy boże», т.-е. тѣ живые ключи, которые бьютъ изъ-подъ копытъ Пегаса и нашихъ богатырскихъ коней. См. Поэт. Воззр., I, стр. 620 — 21. Родила наймичка двухъ сыновъ-соколовъ; быстро выросли они и семилѣтками поѣхали по свѣту странствовать. Долго ли, коротко ли — въѣзжаютъ въ густой лѣсъ, бѣжитъ стадо зайцевъ. «Выстрѣлимъ по зайцамъ!» говоритъ младшій братъ. Только было натянули луки, какъ выскочилъ наперёдъ одинъ заяцъ и провѣстился: «Не стрѣляйте насъ! мы дадимъ вамъ по единому слугѣ» — и дали молодцамъ по зайцу. То же случилось потомъ при встрѣчѣ съ лисицами, волками, медвѣдями и львами. У каждаго брата оказалось по пяти звѣриныхъ слугъ. Выѣхали молодцы въ чистое поле, прискакали къ высокому явору, отъ котораго шли двѣ разныхъ дороги, и рѣшились разстаться: одинъ задумалъ ѣхать направо, а другой—налѣво. Закопали они подъ тѣмъ яворомъ вина — красное и бѣлое: «Если приключится мнѣ смерть,—говоритъ старшій братъ младшему,—то бѣлое вино покраснѣетъ; а если съ тобой

блею и ранилъ въ самую грудь, ухватилъ ее—сунулъ подъ камень и пошелъ домой... Дня черезъ три отдохнула баба-яга, вылѣзла изъ-подъ камня — и давай вынимать оттоль змѣиныя головы; вынула головы, принялась добывать змѣиныя туловища — добыла и ихъ со дна моря. Приложила головы къ туловищамъ и оживила всѣхъ троихъ змѣевъ. На ту пору взгрустнулось Ивану-царевичу по своемъ братѣ, поѣхалъ его разыскивать, и случилось ему проѣзжать мимо сѣраго камня. Увидали его лютые змѣи, выскочили изъ-за камня и убили до смерти. А Иванъ-солдатской сынъ живетъ, съ молодой женой тѣшится, про ту бѣду и не вѣдаетъ; разъ поутру вздумалъ онъ утереть лицо братнимъ платкомъ — посмотрѣлъ: платокъ весь въ крови. Поѣхалъ онъ къ синему морю, къ сѣрому камню поглядѣть — все ли по-старому? Глянулъ, а подъ камнемъ нѣтъ ни бабы-яги, ни змѣиныхъ головъ, а лежитъ его мертвый братъ Иванъ-царевичъ. (Иванъ-солдатской сынъ снова сражается съ двѣнадцатиглавыми змѣями и убиваетъ ихъ; послѣ того бьетъ бабу-ягу, заставляетъ ее оживить царевича мертвой и живой водою, а ее самое предаетъ злой смерти: «Коли отпустить ее на волю (думаетъ богатырь), она опять оживитъ эти чудища!») Сказкѣ конецъ, давай меду корецъ.

будетъ эта бѣда, то красное вино побѣлѣетъ» — распрощались и разъѣхались. Старшій братъ, съ помощію своихъ звѣрей, поражаетъ змѣя и освобождаетъ прекрасную царевну; вырѣзываетъ изъ змѣиныхъ головъ языки, кладетъ ихъ въ мѣшокъ, а туловище—подъ камень, и затѣмъ засыпаетъ вмѣстѣ съ своими слугами крѣпкимъ сномъ. Цыганъ убиваетъ мо́лодца и выдаетъ себя за царевнина избавителя. На девятый день пробудились звѣри отъ сна и заплакали по своемъ господинѣ. «Что же мы сидимъ надъ нимъ и плачемъ,—сказалъ, наконецъ, левъ;—развѣ это поможетъ? Надо подумать, какъ бы оживить его. Когда я еще былъ во львиномъ стадѣ и бродилъ по̀ свѣту, то далеко за морями, за горами видѣлъ двѣ криницы съ водою цѣлющею и живою; но мнѣ не достать той воды, я не въ силахъ быстро бѣгать — не тѣ ужъ мои года! — и не уйду отъ во̀роновъ съ желѣзными носами, что стерегутъ криницы, не подпуская къ нимъ ни птицъ ни звѣрей и побивая похитителей клювами». Заяцъ и лиса вызвались помочь дѣлу, прибѣжали къ криницамъ, выждали время, и какъ только во̀роны полетѣли на зорѣ за добычею, набрали живой и цѣлющей воды и пустились назадъ. Дорогу охраняли толкучія горы; лиса счастливо проскользнула промежъ ихъ, а у зайца столкнувшіяся горы отбили хвостъ: отъ того онъ и куцый. Воротились лиса съ зайцемъ, а ужъ покойника давно черви ѣдятъ; окропили трупъ чудесной водою — и мо̀лодецъ ожилъ. Посылаетъ онъ къ царевнѣ быстроногаго зайца съ запискою; обманъ обнаруженъ, цыгана привязываютъ къ лошадиному хвосту, а добрый мо̀лодецъ женится на царевнѣ. Недалеко отъ дворца стояла избушка, и въ ней по цѣлымъ ночамъ огонь свѣтился. Запримѣтилъ то добрый мо̀лодецъ и сталъ разспрашивать у жены. «Тамъ живетъ старая змѣя!» сказала царевна. Онъ велѣлъ осѣдлать коня, забралъ своихъ звѣрей и, сказавшись, что ѣдетъ на охоту, пустился къ дому змѣи; пріѣхалъ на дворъ — на дворѣ столбъ стоитъ съ двумя кольцами, золотымъ и серебрянымъ, привязалъ коня къ золотому кольцу и вошелъ въ избушку. Глядь — ѣдетъ баба въ желѣзной ступѣ, желѣзнымъ толкачомъ подпирается: «Доселева,—говоритъ,—про царевича слыхомъ было не слыхать, а теперь очами вижу; что, по волѣ, аль по неволѣ?»—«Доброму мо̀лодцу всегда воля!»—«Возьми-ка, сынокъ, два прутика, что̀ на печкѣ лежатъ, и махни ими на своихъ звѣрей; не ровенъ часъ — укусятъ меня!» Царевичъ взялъ прутики, махнулъ на своихъ вѣрныхъ слугъ — и въ ту же минуту звѣри окаменѣли, а вмѣстѣ съ ними и самъ мо̀лодецъ и его добрый конь превратились въ камни. Ждетъ царевна мужа и дождаться не можетъ, только слезами обливается. А другой братъ ѣздилъ-ѣздилъ по свѣту, воротился къ явору, посмотрѣлъ — а бѣлое вино покраснѣло; отправился въ розыски и добрался до того государства, гдѣ все разсказанное случилось. Весь народъ и сама царевна приняли его за царевича: такъ близнецы были сходны! Желая развѣдать про судьбу погибшаго брата, онъ поддерживаетъ невольный обманъ, три ночи ложится

съ царевною спать на братнино ложе и кладетъ между собой и ею острый мечъ. «Если я до тебя дотронусь — пусть меня мечъ убьетъ!» [1]) Онъ также замѣтилъ огонь въ избушкѣ старой змѣи и поѣхалъ въ ту сторону; прискакалъ на дворъ — у столба стоитъ каменный конь, къ золотому кольцу привязанъ; привязалъ своего коня къ серебряному кольцу и вошелъ въ избушку. Пріѣзжаетъ баба въ желѣзной ступѣ и проситъ нежданнаго гостя махнуть на своихъ звѣрей прутиками. «А, дьявольская баба! — отвѣчалъ гость, — ты и меня хочешь превратить въ камень, какъ моего брата... Эй,—крикнулъ онъ на своихъ слугъ,—хватайте ее!» Звѣри схватили ее и начали рвать; баба смирилася и указала ему живую воду; добрый мо̀лодецъ окропилъ той водой своего брата и его звѣрей — и всѣ они ожили. Стали собираться домой; младшій братъ, садясь на коня, усмѣхнулся и сказалъ: «Не сердись на меня, братецъ! я съ твоей женой три ночи спалъ». Какъ услышалъ это старшій, тотчасъ же выхватилъ мечъ изъ ножо̀нъ и отрубилъ ему голову. Смутный и гнѣвный пріѣзжаетъ онъ домой; вечеромъ, войдя въ спальню, онъ снялъ съ себя мечъ и повѣсилъ на стѣнѣ. Царевна бросилась ему на шею: «Милый! — сказала она, — для чего ты въ прошлыя три ночи клалъ всегда мечъ между мной и собою?» Отъ тѣхъ словъ точно ножомъ кольнуло его въ сердце. «Братъ меня оживилъ, — подумалъ мо̀лодецъ,—а я у него жизнь отнялъ!» Раннимъ утромъ поѣхалъ онъ къ мертвому брату; около его трупа лежали вѣрные звѣри и плакали. Царевичъ взялъ голову убитаго, приставилъ къ туловищу, взбрызнулъ цѣлющей и живой водою — тотъ ожилъ, и все кончилось счастливо.

Сказка эта извѣстна у сербовъ (Караджичъ, № 29), хорутанъ (Валяв., стр. 120 — 7) и нѣмцевъ (Kinder-und Hausmärch., I, № 60: «Die zwei Brüder»). Въ сербской сказкѣ (хорутанская почти тождественна съ нею) рыбакъ поймалъ трехъ угрей, разрѣзалъ одного изъ нихъ на́четверо и далъ одинъ кусокъ съѣстъ женѣ, другой сукѣ, а третій кобылѣ. Жена родила двухъ близнецовъ, которые такъ были похожи другъ на друга, какъ похожи двѣ половинки одного разрѣзаннаго яблока; сука принесла двухъ щенковъ, а кобыла двухъ жеребятъ; изъ четвертаго куска рыбы сдѣлались двѣ золотыя сабли. Вмѣсто угря хорутанская редакція говоритъ о золотой рыбкѣ. Одинъ изъ братьевъ-близнецовъ женился на царевнѣ, увидѣлъ ночью огонь на горѣ и поѣхалъ туда; смотритъ— на горѣ костеръ горитъ, на рожнѣ жаба печется, а возлѣ сидитъ на деревѣ баба и кричитъ: «Уй, какъ я озябла!» — «Слѣзь погрѣться», сказалъ ей мо̀лодецъ. «Боюсь твоего коня и твоей собаки, ударь-ка ихъ прежде!» отвѣчала баба и кинула ему три прута; недогадливый мо̀лодецъ ударилъ коня и собаку, и въ тотъ же мигъ окаменѣли и самъ хозяинъ,

[1]) Этотъ эпическій пріемъ для обозначенія неприкосновенности женской чести встрѣчается въ Нибелунгахъ и во многихъ народныхъ сказкахъ (см. Ungarische Volksmärch., стр. 124; Deutsche Rechtsalterthümer, стр. 168—170; Тысяча и одна ночь, X, стр. 22).

и его конь, и песъ. Дальнѣйшее содержаніе сказки то же, что и въ малороссійскомъ варіантѣ; возвращеніе окамененныхъ къ жизни совершается силою чудесной травы. См. также Slov. čitanka, стр. 253 — 7; Slov. povesti, Skultety a Dobžinsky, I, 10 — 11; Bosanski pryatelj, II, стр. 170 — 4. Pentamerone, № I, Ганъ, I, № 22. Маннгардтъ (Germ. Mythen, стр. 216), усматриваетъ въ похожденіяхъ двухъ братьевъ миѳическое преданіе о богахъ Агни и Индрѣ, побѣждающихъ змѣя Вритру, а въ ихъ собакахъ — марутъ (вѣтры).

93. Кощей безсмертный.

а. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; у этова царя было три сына, всѣ они были на возрастѣ. Только мать ихъ вдругъ унесъ Кошъ [1]) Безсмертной. Старшо̀й сынъ и проситъ у отца благословенья искать мать. Отецъ благословилъ, онъ уѣхалъ и безъ вѣсти пропалъ. Середней сынъ пождалъ-пождалъ, тоже выпросился у отца, уѣхалъ — и тотъ безъ вѣсти пропалъ. Малой сынъ Иванъ-царевичъ говоритъ отцу: «Батюшко! благословляй меня искать матушку». Отецъ не пускаетъ, говоритъ: «Тѣхъ нѣтъ братовей, да и ты уѣдёшь: я съ кручины умру!» — «Нѣтъ, батюшко, благословишь — поѣду и не благословишь — поѣду». Отецъ благословилъ.

Иванъ-царевичъ пошолъ выбирать себѣ коня: на которова руку положитъ, тотъ и падётъ; не могъ выбрать себѣ коня, идётъ дорогой по городу, повѣсилъ голову. Неоткуда взялась старуха, спрашиватъ: «Что, Иванъ-царевичъ, повѣсилъ голову?» — «Уди [2]), старуха! на руку положу, другой пришлепну — мокренько будетъ». Старуха оббѣжала другимъ переулкомъ, идетъ опеть навстрѣчу, говоритъ: «Здра(в)ствуй, Иванъ - царевичъ! Что повѣсилъ голову»? Онъ и думатъ: «Что же старуха меня спрашиватъ? Не поможетъ ли мнѣ она?» и говоритъ ей: «Вотъ, баушка, не могу найти себѣ доброва коня». — «Дурашка, мучишься, а старухѣ не кучишься! [3])—отвѣчатъ старуха:—пойдёмъ со мной». Привела ево къ горѣ, указала мѣсто: «Скапывай эту землю». Иванъ - царевичъ скапа̀лъ, видитъ чигунную доску на двѣна(д)цати замкахъ: замкѝ онъ тотчасъ жо сорвалъ и двери отворилъ, вошолъ подъ землю: тутъ прикованъ на двѣнацати цѣпяхъ богатырской конь; онъ, видно, услышалъ ѣздока по себѣ, заржалъ, забился, всѣ двѣнацать цѣпей порвалъ! Иванъ-царевичъ надѣлъ на себя богатырскіе доспѣхи, надѣлъ на коня узду, черкасское сѣдло, далъ старухѣ денегъ и сказалъ: «Благословляй и прощай, баушка!» Самъ сѣлъ и поѣхалъ.

Долго ѣздилъ, наконецъ доѣхалъ до горы: пребольшушшая гора, крутая! взъѣхать на нее никакъ нельзя. Тутъ и братья ево ѣздятъ

---

[1]) Кошшей—Кощей. [2]) Уйди.
[3]) До-кучать, на-с-кучать.

возлѣ горы; поздоровались, поѣхали вмѣстѣ; поѣзжаютъ до чигуннова камня пудовъ въ полтораста, на камнѣ надпись: кто этотъ камень броситъ на́ гору, тому и ходъ будётъ. Старшіе братья не могли поднять камень, а Иванъ-царевичъ съ одново маху забросилъ на́ гору—и тотчасъ въ горѣ показалась лѣстница. Онъ оставилъ коня, наточилъ изъ мизинца въ стаканъ крови, подаетъ братьямъ и говоритъ: «Ежели въ стаканѣ почернѣетъ, не ждите меня: значитъ — я умру!» Простился и пошолъ. Зашолъ на́ гору; чево онъ не насмотрѣлся? Всяки тутъ лѣса! всяки ягоды, всяки птицы! Долго шолъ Иванъ-царевичъ, дошолъ до дому: огромной домъ! въ немъ жила царская дочь, уташшона Кошомъ Безсмертнымъ. Иванъ-царевичъ кругомъ ограды ходитъ, а дверей не видитъ. Царска дочь увидѣла человѣка, вышла на балхонъ, кричитъ ему: «Тутъ смотри у ограды есть шшиль [1]), потрони ее мизинцемъ — и будутъ двери». Такъ и сдѣлалось. Иванъ царевичъ пошолъ въ домъ. Дѣвица его приняла, накормила и разспросила. Онъ ей разсказалъ, что пошолъ доставать мать отъ Коша Безсмертнова. Дѣвица говоритъ ему на это: «Трудно достунать мать, Иванъ-царевичъ! онъ вѣдь безсмертной — убьетъ тебя. Ко мнѣ онъ часто ѣздитъ... вотъ у нево мечъ въ пятьсотъ пудовъ — поднимешь ли ево? Тогда ступай!» Иванъ - царевичъ не только поднялъ мечъ, еще бросилъ къ вёрху; самъ пошолъ дальше. Приходитъ къ другому дому; двери знатъ какъ искать; вошолъ въ домъ, а тутъ ево мать, обнялись, поплакали. Онъ и здѣсь испыталъ свои силы, бросилъ какой-то шарикъ въ полторы тысячи пудовъ. Время приходитъ быть Кошу Безсмертному; мать спрятала ево. Вдругъ Кошъ Безсмертной входитъ въ домъ и говоритъ: «Фу, фу! русской коски слыхомъ (было) не слыхать, видомъ не видать, а русская коска сама на дворъ пришла! кто у тебя былъ? Не сынъ ли?» — «Что ты, Богъ съ тобой! Самъ леталъ по Руси, нахватался русскова духу, тебѣ и мерещится» [2]), отвѣтила мать Иванацаревича; а сама поближе съ ласковыми словами къ Кошу Безсмертному, выспрашиватъ то—другое и говоритъ: «Гдѣ же у тебя смерть, Кошъ Безсмертной?» — «У меня смерть, — говоритъ онъ, — въ такомъ-то мѣстѣ: тамъ стоитъ дубъ, подъ дубомъ ящикъ, въ ящикѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо, въ яйцѣ моя смерть». Сказалъ это Кошъ Безсмертной, побылъ немного и улетѣлъ.

Пришло время — Иванъ - царевичъ благословился у матери, отправился по смерть Коша Безсмертнова. Идетъ дорóгой много время, не пивалъ - не ѣдалъ, хочетъ ѣсть до смерти и думатъ: кто бы на это время (попался)! Вдрукъ—волчонокъ; онъ хочотъ ево убить. Выскакиватъ изъ норы волчиха и говоритъ: «Не тронь моево дѣтища: я тебѣ пригожусь». Быть такъ! Иванъ - царевичъ отпустилъ волка; идетъ дальше; видитъ ворону [3]). «Постой,—думатъ,—здѣсь я закушу!» Зарядилъ ружье, хочотъ стрѣлять; ворона и говоритъ: «Не тронь меня: я тебѣ пригожусь».

---

[1]) Щель. [2]) Кажется. [3]) Ворониху.

Иванъ - царевичъ подумалъ и отпустилъ ворону: идетъ дальше, доходитъ до моря, остановился на берегу. Въ это время вдрукъ взметался щучонокъ и выпалъ на берегъ; онъ ево схватилъ, jись хочотъ смёртно — думатъ: «Вотъ теперь поѣмъ!» Неоткуда взялась щука, говоритъ: «Не тронь, Иванъ - царевичъ, моево дѣтища: я тебѣ пригожусь». Онъ и щучонку отпустилъ. Какъ пройдти море? Сидитъ на берегу да думатъ: щука ровно знала его думу, легла поперёгъ моря. Иванъ - царевичъ прошолъ по ней, какъ по мосту; доходитъ до дуба, гдѣ была смерть Коша Безсмертнова, досталъ ящикъ, отворилъ — заяцъ выскочилъ и побѣжалъ. Гдѣ тутъ удержать зайца! Испугался Иванъ-царевичъ, что отпустилъ зайца, призадумался, а волкъ, которова не убилъ онъ, кинулся за зайцемъ, поймалъ и несетъ къ Ивану - царевичу. Онъ обрадовался, схватилъ зайца, распоролъ ево и какъ-то оробѣлъ: утка спорхнула и полетѣла. Онъ пострѣлялъ - пострѣлялъ — мимо! задумался опеть. Неоткуда взялась ворона съ воронятами и ступай за уткой, поймала утку, принесла Ивану - царевичу. Царевичъ обрадѣлъ [1]), досталъ яйцо; пошолъ, доходитъ до моря, сталъ мыть яичко да и уронилъ въ воду. Какъ достать изъ моря? Безмѣрна глубь! Закручинился опеть царевичъ. Вдрукъ море встрепенулось — и щука принесла ему яйцо; потомъ легла поперёгъ моря. Иванъ - царевичъ прошолъ по ней и отправился къ матерѣ(и); приходитъ, поздоровались, и она ево опеть спрятала. Въ то время прилетѣлъ Кошъ Безсмертной и говоритъ: «Фу, фу! русской коски слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, а здѣсь Русью несетъ!» — «Что ты, Кошъ! у меня никово нѣтъ», отвѣчала мать Ивана - царевича. Кошъ опеть и говоритъ: «Я что-то не могу!» [2]) А Иванъ-царевичъ пожималъ яичко: Коша Безсмертнова отъ тово коробило. Наконецъ Иванъ - царевичъ вышолъ, кажотъ яйцо и говоритъ: «Вотъ, Кошъ Безсмертной, твоя смерть!» Тотъ на колѣнки противъ нево и говоритъ: «Не бей меня, Иванъ-царевичъ! станемъ жить дружно: намъ весь міръ будётъ покоренъ». Иванъ - царевичъ не обольстился ево словами, раздавилъ яичко — и Кошъ Безсмертной умеръ.

Взяли они, Иванъ-царевичъ съ матерью, что было нужно, пошли на родиму сторону; по путѣ(и) зашли за царской дочерью, къ которой Иванъ-царевичъ заходилъ вперёдъ, взяли и ее съ собой; пошли дальше, доходятъ до горы, гдѣ братья Ивана - царевича все ждутъ. Дѣвица говоритъ: «Иванъ - царевичъ! воротись ко мнѣ въ домъ, я забыла подви(ѣ)нешно платьё, брильянтовой перстень и нешитые башмаки». Между тѣмъ онъ спустилъ мать и царскую дочь, съ коёй они условились дóма обвѣнчаться ; братья приняли ихъ, да взяли—спускъ и перерѣзали, чтобы Ивану-царевичу нельзя было спуститься, мать и дѣвицу какъ-то угрозами уговорили, чтобы дóма про Ивана - царевича не сказывали. Прибыли въ

---

[1]) Радѣть — радоваться чему-либо. [2]) Я что-то нездоровъ; немога — болѣзнь, немошной—больной.

свое царство; отецъ обрадовался дѣтямъ и женѣ, только печалился объ одномъ Иванѣ-царевичѣ.

А Иванъ-царевичъ воротился въ домъ своей невѣсты, взялъ обручальный перстень, подвинешное платьё и нешитые башмаки; приходитъ нà гору, метнулъ съ руки нà руку перстень. Явилось двѣнадцать молодцовъ, спрашиваютъ. «Что прикажете?» — «Перенесите меня вотъ съ этой горы». Молодцы тотчасъ его спустили. Иванъ-царевичъ надѣлъ перстень — ихъ не стало; пошолъ въ свое царство, приходитъ въ тотъ городъ, гдѣ живетъ ево отецъ и братья, остановился у одной старушки и спрашиваетъ: «Что, баушка, новова въ вашемъ царствѣ?» — «Да чево, дитятко! вотъ наша царица была въ плѣну у Коша Безсмертнаго; ее искали три сына, двое нашли и воротились, а третьява Ивана-царевича нѣтъ, и не знатъ: гдѣ? царь кручинится объ немъ. А эти царевичи съ матерью привезли какую-то царскую дочь, большакъ жениться на ной хочотъ, да она посылаетъ наперёдъ куда-то за обручальнымъ перстнёмъ или велитъ сдѣлать такое жо (кольцо), како ей надо; колдася [1]) ужъ кличутъ кличъ, да никто не выискиватся». — «Ступай, баушка, скажи царю, что ты сдѣлашь, а я пособлю», говоритъ Иванъ-царевичъ. Старуха въ кою пору скрутилась [2]), побѣжала къ царю и говоритъ. «Вашо царско величество! обручальной перстень я сдѣлаю». — «Сдѣлай, сдѣлай, баушка! мы такимъ людямъ рады,—говоритъ царь;— а если не сдѣлаешь, то голову на плаху». Старуха перепугалась, пришла домой, заставляетъ Ивана-царевича дѣлать перстень, а Иванъ-царевичъ спитъ, мало думатъ: перстень готовъ. Онъ шутитъ надъ старухой, а старуха тре(я)сется вся, плачотъ, ругатъ ево: «Вотъ ты,—говоритъ,— самъ-отъ въ сторонѣ, а меня дуру подвелъ подъ смерть». Плакала-плакала старуха и уснула. Иванъ-царевичъ сталъ поутру рано, будитъ старуху: «Ставай, баушка, да ступай понеси перстень, да смотри: больше одново червонца за нево не бери. Если спросятъ, кто дѣлалъ перстень? скажи: сама; на меня не сказывай!» Старуха обрадовалась, снесла перстень; невѣстѣ понравился: «Такой,—говоритъ,—и надо!» Вынесли ей полно блюдо золота; она взяла одинъ только червонецъ. Царь говоритъ: «Что, баушка, мало берешь?» — «Нà что мнѣ много-то, вашо царско величество! послѣ понадобятся — ты жо мнѣ дашь». Пробаяла это старуха и ушла.

Прошло тамъ сколько время — ви(ѣ)сти носятся, что невѣста посылаетъ жениха за подвинешнымъ платьёмъ или велитъ сшить такоё жо, како ей надо. Старуха и тутъ успѣла (Иванъ-царевичъ помогъ), снесла подвинешноё платьё. Послѣ снесла нешитые башмаки, а червонцевъ брала по одному и сказывала: эти вешши (вещи) сама дѣлатъ. Слышатъ люди, что у царя въ такой-то день свадьба; дождались и тово дня. А Иванъ-царевичъ старухѣ заказалъ: «Смотри, баушка! какъ невѣсту

---

[1]) Когда. [2]) Крутиться—одѣваться, сбираться.

привезутъ подъ вѣнецъ, ты скажи мнѣ». Старуха время не пропустила: Иванъ-царевичъ тотчасъ одѣлся въ царское платье, выходитъ: «Вотъ, баушка, я какой!» Старуха въ ноги ему: «Батюшко! прости, я тебя ругала!» — «Богъ проститъ». Приходитъ въ церковь. Брата ево ишшо не было. Онъ сталъ въ рядъ съ невѣстой; ихъ обвѣнчали и повели во дворецъ. На дорогѣ попадатся навстрѣчу женихъ, большой братъ, увидялъ, что невѣсту ведутъ съ Иваномъ-царевичомъ, — ступай-ко со стыдомъ обратно. Отецъ обрадовался Ивану-царевичу, узналъ о лукавствѣ братьёвъ, и какъ отпировали свадьбу, — большихъ сыновей разослалъ въ ссылку, а Ивана-царевича сдѣлалъ наслѣдникомъ.

(Зап. Пермской губ., въ Шадринскомъ округѣ, госуд. крестьян. А. Зыряновымъ).

b. Бывало-живало — въ нѣкоторомъ государствѣ былъ-жилъ царь и царица; у нихъ родился сынъ Иванъ-царевичъ. Няньки его качаютъ, никакъ укачать не могутъ; зовутъ отца: «Царь-великой государь! поди, самъ качай своего сына». Царь началъ качать: «Спи сынокъ! спи, возлюбленной! выростешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ [1]) дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру». Царевичъ уснулъ и проспалъ трое сутокъ; пробудился — пуще прежняго расплакался. Няньки качаютъ, никакъ укачать не могутъ; зовутъ отца: «Царь-великой государь! поди, качай своего сына». Царь качаетъ, самъ приговариваетъ: «Спи, сынокъ! спи, возлюбленной! выростешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру». Царевичъ уснулъ и опять проспалъ трое сутокъ: пробудился, еще пуще расплакался. Няньки качаютъ, никакъ укачать не могутъ: «Поди, великой государь! качай своего сына». Царь качаетъ, самъ приговариваетъ: «Спи, сынокъ! спи, возлюбленной! выростешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру». Царевичъ уснулъ и опять проспалъ трое сутокъ. Пробудился и говоритъ: «Давай, батюшка, свое благословеніе: я поѣду жениться». — «Что ты, дитятко! куда поѣдешь? ты всего девятисуточной!» — «Дашь благословеніе — поѣду и не дашь — поѣду!» — «Ну, поѣзжай! Господь съ тобой!» Иванъ-царевичъ срядился и пошелъ коня доставать; отошелъ не мало отъ дому и встрѣтилъ стараго человѣка. «Куда, мо̀лодецъ, пошелъ? волей, али неволей?» — Я съ тобой и говорить не хочу!» — отвѣчаетъ царевичъ, отошелъ немного и одумался: «Что же я старику ничего не сказалъ? стары люди на умъ наводятъ». Тотчасъ настигъ старика: «Постой, дѣдушка! про что ты меня спрашивалъ?» — «Спрашивалъ: куда идешь, мо̀лодецъ? волей, али неволей?» — «Иду я сколько волею, а вдвое неволею. Былъ я въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня высватать Ненаглядную Кра-

[1]) *Вар.* матокъ.

соту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру». — «Хорошъ молодецъ, учливо говоришь! Только пѣшему тебѣ не дойти, — Ненаглядная Красота далеко живетъ». — «Сколь далеко?»— «Въ золотомъ царствѣ, по конецъ свѣту бѣлаго, гдѣ солнышко восходитъ». — «Какъ же быть-то мнѣ? Нѣтъ мнѣ молодцу по плечу коня неѣзжалаго, ни плёточки шелковой-недержалой». — «Какъ нѣтъ! у твоего батюшки есть тридцать лошадей — всѣ какъ одна; поди домой, прикажи конюхамъ напоить ихъ у синя моря: которая лошадь наперёдъ выдвинется, забредётъ въ воду по самую шею, и какъ станетъ пить — на синёмъ морѣ начнутъ волны подыматься, изъ берега въ берегъ колыхаться, ту и бери!» — «Спасибо на добромъ словѣ, дѣдушка!» Какъ старикъ научилъ, такъ царевичъ и сдѣлалъ: выбралъ себѣ богатырскаго коня, ночь переночевалъ, поутру рано всталъ, растворилъ ворота и собирается ѣхать. Проговорилъ ему конь человѣческимъ языкомъ: «Иванъ-царевичъ! припади къ землѣ; я те (тебя) трижды пихну». Разъ пихнулъ и другой пихнулъ, а въ третій не сталъ: «Ежели въ третій пихнуть, насъ съ тобой земля не снесетъ!» Иванъ-царевичъ выхватилъ коня съ цѣпей, осѣдлалъ, сѣлъ верхомъ — только и видѣлъ царь своего сына! Ѣдетъ далекимъ-далеко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что̀ городъ, изба что̀ теремъ. Пріѣхалъ на дворъ — прямо ко крыльцу, привязалъ коня къ мѣдному кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. «Ночуй, доброй мо̀лодецъ!—говоритъ ему старуха.—«Куды тя Господь понесъ?»—«Ахъ ты, старая сука! неучливо спрашиваешь. Прежде напой-накорми, на постелю повали, втапоръ и вѣстей спрашивай». Она его накормила-напоила, на постелю повалила и стала вѣстей выспрашивать. «Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру». — «Хорошъ молодецъ! учливо говоришь. Я седьмой десятокъ доживаю, а про эту красоту слыхомъ не слыхала. Впереди по дорогѣ живетъ моя бо́льшая сестра, можетъ, она знаетъ; поѣзжай-ка завтра къ ней, а теперь усни: утро вечера мудренѣе!» [1]) Иванъ-царевичъ ночь переночевалъ, поутру всталъ ранѐнько, умылся бѣлѐнько, вывелъ коня, осѣдлалъ, въ стремено ногу клалъ — только его и видѣла бабушка! Ѣдетъ онъ далекимъ-далеко, высокимъ-высоко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что̀ городъ, изба что̀ теремъ. Пріѣхалъ ко

---

[1]) *Варіантъ:* Входитъ царевичъ въ избу, а тамъ лежитъ баба-яга, костяная нога, изъ угла въ уголъ, носъ въ потолокъ. «Здравствуй, красавица!»—«Здравствуй, Иванъ-царевичъ! куда путь держишь?»—«Ѣду сватать за себя царевну-Ненаглядную Красоту».—«Куда тебѣ! ее ни одинъ богатырь доступить не можетъ, а ты еще малъ, въ лѣта не вошелъ».—«Эхъ ты, старая хрычовка! не тебѣ говорить, не мнѣ бы слушать; сидючи на одномъ мѣстѣ, ты вся зацвѣла, заплѣсневѣла; тебя, проклятую, и смерть бѣгаетъ!» Плюнулъ царевичъ и поѣхалъ дальше...

крыльцу, привязалъ коня къ серебреному кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. Говоритъ старуха: «Фу-фу! доселева было русской кости видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, а нонѣ русская коска сама на дворъ пріѣхала. Откуль, Иванъ-царевичъ, взялся?»—«Что ты, старая сука, расфукалась, неучливо спрашиваешь? Ты бы прежде накормила-напоила, на постелю повалила, тожно бы вѣстей спрашивала». Она его за столъ посадила, накормила-напоила, на постелю повалила; сѣла въ головы и спрашиваетъ: «Куды тя Богъ понёсъ?» — «Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру». — «Хорошъ мо́лодецъ! учливо говоришь. Я восьмой десятокъ доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Впереди по дорогѣ живетъ моя бо́льшая сестра, можетъ, она знаетъ; есть у ней на то отвѣтчики: первые отвѣтчики — звѣрь лѣсной, другіе отвѣтчики — птица воздушная, третьи отвѣтчики — рыба и гадъ водяной; что́ ни есть на бѣломъ свѣтѣ — все ей покоряется. Поѣзжай-ка завтра къ ней; а теперь усни: утро вечера мудренѣе!» Иванъ-царевичъ ночь переночевалъ, всталъ ранѐнько, умылся бѣлѐнько, сѣлъ на коня — и былъ таковъ! Ѣдетъ далекимъ-далеко, высокимъ-высоко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что̀ городъ, изба что̀ теремъ. Пріѣхалъ къ крыльцу, прицѣпилъ къ золотому кольцу, въ сѣни да въ избу. Богу помолился, ночевать попросился. Закричала на него старуха: «Ахъ, ты такой-сякой! желѣзнаго кольца недостоинъ, а къ золотому коня привязалъ». — «Хорошо, бабушка! не бранись: коня можно отвязать, за иное кольцо привязать». — «Что, доброй мо́лодецъ, задала тебѣ страху? А ты не страшись да на лавочку садись, а я стану спрашивать: изъ какихъ ты родовъ, изъ какихъ городовъ?» — «Эхъ, бабушка! ты бы прежде накормила-напоила, втапоръ вѣстей поспрошала; видишь—человѣкъ съ дороги, весь день не ѣлъ!» Въ тотъ часъ старуха столъ поставила, принесла хлѣба-соли, налила водки стаканъ и принялась угощать Ивана-царевича. Онъ наѣлся-напился, на постелю повалился; старуха не спрашиваетъ, онъ самъ ей разсказываетъ: «Былъ я въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру. Сдѣлай милость, бабушка, скажи: гдѣ живетъ Ненаглядная Красота и какъ до нея дойти?» — «Я и сама царевичъ, не вѣдаю: вотъ ужъ девятой десятокъ доживаю, и про эту красоту еще не слыхивала. Ну, да усни съ Богомъ; заутро соберу моихъ отвѣтчиковъ — можетъ, изъ нихъ кто знаетъ». На другой день встала старуха ранѐнько, умылась бѣлѐнько, вышла съ Иваномъ-царевичемъ на крылечко и скричала богатырскимъ голосомъ, сосвистала молодецкимъ посвистомъ. Крикнула по морю: «Рыбы и гадъ водяной! идите сюда». Тотчасъ синё море всколыхалося, собирается рыба и большая и малая, собирается всякой гадъ, къ берегу идетъ — воду укрываетъ Спрашиваетъ ста-

руха: «Гдѣ живетъ Ненаглядная Красота, трехъ мамокъ дочка, трехъ бабокъ внучка, девяти братьевъ сестра?» Отвѣчаютъ всѣ рыбы и гады въ одинъ голосъ: «Видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!» Крикнула старуха по землѣ: «Собирайся, звѣрь лѣсной!» Звѣрь бѣжитъ, землю укрываетъ, въ одинъ голосъ отвѣчаетъ: «Видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!» Крикнула старуха по поднебесью: «Собирайся, птица воздушная!» Птица летитъ, денной свѣтъ укрываетъ, въ одинъ голосъ отвѣчаетъ: «Видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!» — «Больше некого спрашивать!» говоритъ старуха; взяла Ивана-царевича за̀ руку и повела въ избу; только вошли туда, налетѣла Моголь-птица, пала на землю — въ окнахъ свѣту не стало. «Ахъ ты, птица Моголь! гдѣ была, гдѣ летала, отчего запоздала?» — «Ненаглядную Красоту къ обѣднѣ сряжала». — «Того мнѣ и надоть! сослужи мнѣ службу вѣрою-правдою: снеси туда Ивана-царевича». — «Рада бы-сослужила, много пропитанья надоть!» — «Сколь много?» — Три сороковки говядины да щ(ч)анъ воды». Иванъ-царевичъ налилъ щанъ воды, накупилъ быковъ, набилъ и наклалъ три сороковки говядины, уставилъ тѣ бочки на птицу, побѣжалъ въ кузницу и сковалъ себѣ копье длинное, желѣзное. Воротился и сталъ со старухою прощаться: «Прощай, говоритъ, бабушка! корми моего добраго коня сыто — я тебѣ за все заплачу». Сѣлъ на Моголь-птицу — въ ту жъ минуту она поднялась и полетѣла. Летитъ, а сама безперечь оглядывается: какъ оглянется, Иванъ царевичъ тотчасъ подаетъ ей на копьѣ кусъ говядины. Вотъ летѣла-летѣла немало времени, царевичъ двѣ бочки скормилъ, за третью принялся и говоритъ: «Ой птица Моголь! пади на сыру землю: мало пропитанья стало». — «Что ты, Иванъ-царевичъ! здѣсь лѣса дремучіе, грязи вязучія — намъ съ тобой по конецъ вѣка не выбраться». Иванъ-царевичъ всю говядину скормилъ и бочки спихалъ, а Моголь-птица летитъ-оборачивается. Что дѣлать?—думаетъ царевичъ, вырѣзалъ изъ своихъ ногъ ѝкры и далъ птицѣ; она проглотила, вылетѣла на луга зеленые, травы шелковыя, цвѣты лазоревые и пала на̀земь. Иванъ-царевичъ всталъ, идетъ по̀ лугу — разминается, на обѣ ноги прихрамываетъ. «Что ты, царевичъ! али хромаешь?» — «Хромаю, Моголь-птица! давеча изъ ногъ своихъ ѝкры вырѣзалъ да тебѣ скормилъ». Моголь-птица выхаркнула ѝкры, приложила къ ногамъ Ивана-царевича, дунула-плюнула, ѝкры приросли — и пошелъ царевичъ и крѣпко и бодро. Пришелъ въ большой городъ и присталъ отдохнуть къ бабушкѣ-задворенкѣ. Говоритъ ему бабушка-задворенка: «Спи, Иванъ-царевичъ! заутро, какъ ударятъ въ колоколъ, я тебя разбужу». Лёгъ царевичъ и тотчасъ уснулъ; день спитъ, ночь спитъ... зазвонили къ заутренѣ, прибѣжала бабушка-задворенка, стала его будить, — что̀ ни попадетъ въ руки, тѣмъ и бьетъ; нѣтъ, не могла сбудить. Отошла заутреня, зазвонили къ обѣднѣ, Ненаглядная Красота въ церковь поѣхала; прибѣжала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича, бьетъ его чѣмъ ни попадя, насилу-насилу разбудила. Вскочилъ Иванъ-царе-

вичъ скорёхонько, умылся бѣлёхонько, снарядился и пошелъ къ обѣднѣ. Пришелъ въ церковь, образамъ помолился, на всѣ стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; стоятъ они рядомъ да Богу молятся. На отходѣ обѣдни она первая подъ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ на рундукъ, глянулъ на синё море — идутъ корабли; наѣхало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича — и ну насмѣхаться: «Ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ ль такая красавица? Не стóишь ты ея мизиннаго пальчика!» Разъ говорятъ, въ другой говорятъ, а въ третій сказали — ему бѣдно [1]) стало: рукой махнулъ — улица, другой махнулъ — чисто, гладко кругомъ! Самъ ушелъ къ бабушкѣ-задворенкѣ. «Что, Иванъ-царевичъ, видѣлъ Ненаглядную Красоту?» — «Видѣлъ, по вѣкъ не забуду». — «Ну, ложись спать: завтра она опять къ обѣднѣ пойдетъ; какъ ударитъ колоколъ, я тебя разбужу». Лёгъ царевичъ; день спитъ, ночь спитъ... зазвонили къ заутренѣ; прибѣжала бабушка-задворенка, стала будить царевича: что̀ ни попадаетъ по̀дъ руки, тѣмъ и бьетъ его; нѣтъ, не могла разбудить. Зазвонили къ обѣднѣ, она опять его бьетъ и будитъ. Вскочилъ Иванъ-царевичъ скорёхонько, умылся бѣлёхонько, снарядился — и въ церковь. Пришелъ, образамъ помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; она на него глянула — покраснѣла. Стоятъ они рядышкомъ да Богу молятся; на исходѣ обѣдни она первая подъ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ царевичъ на рундукъ, поглядѣлъ на синё море — плывутъ корабли, наѣхало двѣнадцать богатырей; стали тѣ богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на̀ смѣхъ подымать: «Ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ ль такая красавица? Не стóишь ты ея мизиннаго пальчика!» Отъ тѣхъ рѣчей ему бѣдно показалося; махнулъ рукой — стала улица, махнулъ другой — чисто и гладко кругомъ! Самъ къ бабушкѣ-задворенкѣ ушелъ. «Видѣль ли Ненаглядную Красоту?» спрашиваетъ бабушка-задворенка. — «Видѣлъ, повѣкъ не забуду». — «Ну спи; заутро я тебя опять разбужу». Иванъ-царевичъ день спитъ и ночь спитъ; ударили въ колоколъ къ заутренѣ, прибѣжала бабушка-задворенка будить его; чѣмъ ни попадя бьетъ его, не жалѣючи, а разбудить никакъ не можетъ. Ударили въ колоколъ къ обѣднѣ, она все съ царевичемъ возится. Насилу добудилась его: Иванъ-царевичъ вскочилъ скорёхонько, умылся бѣлёхонько, снарядился — и въ церковь. Пришелъ образамъ помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; она съ нимъ поздоровалась, поставила его по правую руку, а сама стала по лѣвую. Стоятъ они да Богу молятся; на исходѣ обѣдни онъ первой подъ крестъ, она вторая за нимъ. Вышелъ царевичъ на рундукъ, поглядѣлъ на синё море — плывутъ корабли: наѣхало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича —

---

[1]) Обидно, прискорбно.

и ну надъ нимъ насмѣхаться: «Ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ ль такая красавица? Ты не стоишь ея мизиннаго пальчика!» Стали къ нему со всѣхъ сторонъ подступать да невѣсту отбивать; Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ: махнулъ рукой — улица, махнулъ другой — гладко и чисто кругомъ, — всѣхъ до единаго перебилъ. Ненаглядная Красота взяла его за руку, повела въ свои терема, сажала за столы дубовые, за скатерти браныя, угощала его, подчивала, своимъ женихомъ называла. Вскорѣ потомъ собрались они въ путь-дорогу и поѣхали въ государство Ивана-царевича. Ѣхали-ѣхали и остановились въ чистомъ полѣ отдыхать. Ненаглядная Красота спать легла, а Иванъ-царевичъ ея сонъ сторожитъ. Вотъ она выспалась, пробудилась; говоритъ ей царевичъ: «Ненаглядная Красота! похрани моего тѣла бѣлаго, я спать лягу». — «А долго ль спать будешь?» — «Девятеро сутокъ, съ боку на бокъ не поворочусь; станешь будить меня — не разбудишь, а время прійдетъ — самъ проснусь». — «Долго, Иванъ-царевичъ! мнѣ скучно будетъ». — «Скучно-нескучно, а дѣлать нечего!» Лёгъ спать и проспалъ какъ разъ девять сутокъ. Въ то время пріѣхалъ Кощей Безсмертной и увезъ Ненаглядную Красоту въ свое государство.

Пробудился отъ сна Иванъ-царевичъ, смотритъ — нѣту Ненаглядной Красоты; заплакалъ и пошелъ ни путемъ ни дорогою. Долго ли, коротко ли — приходитъ въ государство Кощея Безсмертнаго и просится на постой къ одной старухѣ. «Что, Иванъ-царевичъ, печаленъ ходишь?» — «Такъ и такъ, бабушка! былъ со всѣмъ, сталъ ни съ чѣмъ». — «Худо твое дѣло, Иванъ-царевичъ! тебѣ Кощея не потребить (истребить)». — «Я хоть посмотрю на мою невѣсту!» — «Ну, ложись — спи до утра: завтра Кощей на войну уѣдетъ». Легъ Иванъ-царевичъ, а сонъ и на умъ нейдетъ; поутру Кощей съ двора, а царевичъ во дворъ — сталъ у воротъ и стучится. Ненаглядная Красота отворила, глянула и заплакала; пришли они въ горницу, сѣли за столъ и начали разговаривать. Научаетъ ее Иванъ-царевичъ: «Спроси у Кощея Безсмертнаго: гдѣ его смерть?» — «Хорошо, спрошу». Только успѣлъ онъ со двора уйти, а Кощей во дворъ: «А! говоритъ, русской кос(т)кой пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ». — «Что ты, Кощей Безсмертной! гдѣ мнѣ Иванъ-царевича видать? Остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри съѣли!» Стали они ужинать; за ужиномъ Ненаглядная Красота спрашиваетъ: «Скажи мнѣ, Кощей Безсмертной: гдѣ твоя смерть?» — «На что тебѣ, глупая баба? Моя смерть въ вѣникѣ завязана». Рано утромъ уѣзжаетъ Кощей на войну. Иванъ-царевичъ пришелъ къ Ненаглядной Красотѣ, взялъ тотъ вѣникъ и чистымъ золотомъ ярко вызолотилъ. Только успѣлъ царевичъ уйти, а Кощей во дворъ: «А! говоритъ, русской коской пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ». — «Что ты, Кощей Безсмертной! самъ по Руси леталъ, русскаго духа нахватался, отъ тебя русскимъ духомъ и пахнетъ. А мнѣ гдѣ видать Ивана-царевича? Остался онъ въ лѣсахъ

дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри съѣли!» Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама сѣла на стулъ, а его посадила на лавку, онъ взглянулъ подъ порогъ—лежитъ вѣникъ позолоченой.—«Это что?» — «Ахъ, Кощей Безсмертной! самъ видишь, какъ я тебя почитаю: коли ты мнѣ дорогъ, такъ и смерть твоя дорога». — «Глупая баба! то я пошутилъ: моя смерть вонъ въ дубовомъ тыну задѣлана». На другой день Кощей уѣхалъ, а Иванъ-царевичъ пришелъ, весь тынъ вызолотилъ. Къ вечеру ворочается домой Кощей Безсмертной: «А! говоритъ, русской коской пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ». — «Что ты, Кощей Безсмертной? кажется, я тебѣ не разъ говаривала: гдѣ мнѣ видать Ивана-царевича? Остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри растерзали». Пришло время ужинать: Ненаглядная Красота сама сѣла на лавку, а его на стулъ посадила. Кощей взглянулъ въ окно — стоитъ тынъ позолоченой, словно жаръ горитъ!— «Это что?» — «Самъ видишь, Кощей Безсмертной! какъ я тебя почитаю: коли ты мнѣ дорогъ, такъ и смерть твоя дорога». Полюбилась эта рѣчь Кощею Безсмертному, говоритъ онъ Ненаглядной Красотѣ: «Ахъ ты, глупая баба! то я пошутилъ: моя смерть въ яйцѣ, то яйцо въ уткѣ, та утка въ кокорѣ [1]), та кокора въ морѣ плаваетъ». Какъ только уѣхалъ Кощей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожковъ и разсказала, гдѣ искать смерть Кощееву. Иванъ-царевичъ пошелъ ни путемъ ни дорогою; пришелъ къ окіанъ-морю широкому и не знаетъ, куда дальше итти, а пирожки давно вышли — ѣсть нечего. Вдругъ летитъ ястребъ; Иванъ-царевичъ прицѣлился: «Ну, ястребъ! я тебя застрѣлю да сыркомъ [2]) съѣмъ». — «Не ѣшь меня, Иванъ-царевичъ! въ нужное время я тебѣ пригожусь». Бѣжитъ медвѣдь: «Ахъ, Мишка косолапой! я тебя убью да сыркомъ съѣмъ». — «Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! въ нужное время я тебѣ пригожусь». Глядь — на берегу щука трепещется: «А, щука зубастая, попалася! я тебя сыркомъ съѣмъ». — «Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! лучше въ море брось: въ нужное время я тебѣ пригожусь». Стоитъ царевичъ и думаетъ: когда-то наступитъ нужное время, а теперь голодать пришлось! Вдругъ синё море всколыхалося, взволновалося, стало берегъ заливать. Иванъ-царевичъ бросился въ гору. Что есть силъ бѣжитъ, а вода за нимъ по пятамъ гонитъ; взбѣжалъ на самое высокое мѣсто и взлѣзъ на дерево. Немного спустя начала вода сбывать, море стихло, улеглось, а на берегу очутилась большая кокора. Прибѣжалъ медвѣдь, поднялъ кокору, да какъ хватитъ оземь — кокора развалилася, вылетѣла оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдругъ откуда ни взялся — летитъ ястребъ, поймалъ утку и вмигъ разорвалъ ее пополамъ. Вышало изъ утки яйцо — да прямо въ море; тутъ подхва-

---

[1]) Кокора — пень, лежащій на днѣ рѣки; выдобленная колода.
[2]) Сырьемъ.

тила его щука, подплыла къ берегу и отдала Ивану-царевичу. Царевичъ положилъ яйцо за пазуху и пошелъ къ Кощею Безсмертному. Приходитъ къ нему во дворъ, и встрѣчаетъ его Ненаглядная Красота, въ уста цѣлуетъ, къ плечу припадаетъ. Кощей Безсмертной сидитъ у окна да ругается: «А, Иванъ-царевичъ! хочешь ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, такъ тебѣ живому не быть». — «Ты самъ у меня её отнялъ!» отвѣчалъ Иванъ-царевичъ,— вынулъ изъ-за пазухи яйцо и кажетъ Кощею: «А это что?» У Кощея свѣтъ въ глазахъ помутился, тотчасъ онъ присмирѣлъ-покорился. Иванъ-царевичъ переложилъ яйцо съ руки на руку — Кощея Безсмертнаго изъ угла въ уголъ бросило. Любо показалось это царевичу, давай чаще съ руки на руку перекладывать; перекладывалъ-перекладывалъ и смялъ совсѣмъ — тутъ Кощей свалился и померъ. Иванъ-царевичъ запрёгъ лошадей въ золотую карету, забралъ цѣлые мѣшки серебра и золота и поѣхалъ вмѣстѣ съ своею невѣстою къ родному батюшкѣ. Долго ли, коротко ли — пріѣзжаетъ онъ къ той самой старухѣ, что̀ всякую тварь: рыбу, птицу и звѣря допрашивала, увидалъ своего коня: «Славу Богу, говоритъ, воронко живъ!» и щедро отсыпалъ старухѣ золота за его прокормъ,— хоть еще девяносто лѣтъ живи, и то не прожить! Тотчасъ снарядилъ царевичъ легкаго гонца и послалъ къ царю съ письмомъ, а въ письмѣ пишетъ: «Батюшка! (в)стрѣчай сына: ѣду съ невѣстою Ненаглядной Красотою». Отецъ получилъ письмо, прочиталъ, и вѣры не ймѣтъ: «Какъ тому быть! вить Иванъ-царевичъ уѣхалъ отсель девятисуточной». Вслѣдъ за гонцомъ и самъ царевичъ пріѣхалъ; царь увидалъ, что сынъ истинную правду писалъ, выбѣжалъ на крыльцо встрѣчать и приказалъ въ барабаны бить, музыкѣ играть. «Батюшка! благослови жениться». У царей ни пиво варить, ни вино курить — всего много; въ тотъ же день веселымъ пиркомъ да за свадебку. Обвѣнчали Ивана-царевича съ Ненаглядной Красотою и выставили по всѣмъ улицамъ большіе чаны съ разными напитками: всякой приходи и пей, сколько душа запроситъ! И я тутъ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ тёкло, во рту не было.

(Записана въ Архангельской губ.).

С. Жилъ-былъ царь, у него былъ одинъ сынъ. Когда царевичъ былъ малъ, то мамки и няньки его прибаюкивали: «Баю-баю, Иванъ-царевичъ! выростешь большой, найдешь себѣ невѣсту: за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ сидитъ въ башнѣ Василиса Кирбитьевна — изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается». Минуло царевичу пятнадцать лѣтъ, сталъ у отца проситься поѣхать-поискать свою невѣсту. «Куда ты поѣдешь? ты еще слишкомъ малъ!» — «Нѣтъ, батюшка! когда я малъ былъ, мамки и няньки меня прибаюкивали и сказывали, гдѣ живетъ моя невѣста; а теперь я поѣду ее розыскивать». Отецъ благословилъ его и далъ знать по всѣмъ государствамъ, что сынъ его Иванъ-царевичъ поѣхалъ за невѣстою. Вотъ пріѣзжаетъ царе-

вичъ въ одинъ городъ, отдалъ убрать свою лошадь, а самъ пошелъ по улицамъ погулять. Идетъ и видитъ — на площади человѣка кнутомъ наказываютъ. «За что, спрашиваетъ, вы его кнутомъ бьете?» — «А за то, говорятъ, что задолжалъ онъ одному именитому купцу десять тысячъ, да въ срокъ не выплатилъ; а кто его выкупитъ, у того Кощей Безсмертный жену унесетъ». Вотъ царевичъ подумалъ-подумалъ — и прочь пошелъ. Погулялъ по городу, выходитъ опять на площадь, а того человѣка все бьютъ; жалко стало Ивану-царевичу и рѣшился онъ его выкупить: «У меня, думаетъ, жены нѣту, — отнять у меня некого». Заплатилъ десять тысячъ и пошелъ домой; вдругъ бѣжитъ за нимъ тотъ самой человѣкъ, котораго онъ выкупилъ, и кричитъ ему: «Спасибо, Иванъ-царевичъ! если бъ ты меня не выкупилъ, ввѣкъ бы не досталъ своей невѣсты. А теперь я помогу; купи мнѣ скорѣе лошадь и сѣдло». Царевичъ купилъ ему и лошадь и сѣдло и спрашиваетъ: «А какъ твое имя?» — «Меня зовутъ Булатъ-молодецъ». Сѣли они на коней и поѣхали въ путь-дорогу; какъ только пріѣхали въ тридесятое государство, говоритъ Булатъ молодецъ: «Ну, Иванъ-царевичъ, прикажи купить да пожарить куръ, утокъ, гусей, — чтобы всего было довольно! а я пойду твою невѣсту доставать. Да смотри: всякой разъ, какъ я забѣгу къ тебѣ, ты рѣжь у любой птицы правое крылушко и подавай на тарелочкѣ». Пошелъ Булатъ-молодецъ прямо къ высокой башнѣ, гдѣ сидѣла Василиса Кирбитьевна, бросилъ полегоньку камушекъ и сломилъ у башни золоченой верхъ. Прибѣгаетъ къ Ивану-царевичу, говоритъ ему: «Что ты спишь? подавай курицу». Тотъ отрѣзалъ правое крылушко и подалъ на тарелочкѣ. Булатъ-молодецъ взялъ тарелочку, побѣжалъ къ башнѣ и закричалъ: «Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и просилъ меня отдать вамъ эту курочку». Она испугалась, сидитъ—ничего не говоритъ; а онъ самъ за нее отвѣчаетъ: «Здравствуй, Булатъ-молодецъ! здоровъ ли Иванъ-царевичъ?» — «Слава Богу, здоровъ!» — «А что же ты, Булатъ-молодецъ, стоишь? возьми ключикъ, отопри шкапчикъ, выпей рюмку водочки и ступай съ Богомъ». Прибѣгаетъ Булатъ-молодецъ къ Ивану царевичу: «Что сидишь?—говоритъ,—подавай утку». Тотъ отрѣзалъ правое крылушко, подалъ на тарелочкѣ. Булатъ взялъ тарелочку и понесъ ее къ башнѣ: «Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и прислалъ вамъ эту уточку». Она сидитъ — ничего не говоритъ, а онъ самъ за нее отвѣчаетъ: «Здравствуй, Булатъ-молодецъ! здоровъ ли царевичъ?» — «Слава Богу, здоровъ!» — «А что же ты, Булатъ-молодецъ, стоишь? возьми ключикъ, отопри шкапчикъ, выпей рюмочку и ступай съ Богомъ». Прибѣгаетъ Булатъ-молодецъ домой и опять говоритъ Ивану царевичу: «Что сидишь? подавай гуся». Тотъ отрѣзалъ правое крылушко, положилъ на тарелочку и подалъ ему. Булатъ-молодецъ взялъ и понесъ къ башнѣ: «Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и прислалъ вамъ гуся». Василиса Кирбитьевна тот-

часъ беретъ ключъ, отпираетъ шкапъ и подаетъ ему рюмку водочки. Булатъ-молодецъ не берется за рюмку, а хватаетъ дѣвицу за правую руку; вытащилъ ее изъ башни, посадилъ къ Ивану царевичу на̀ лошадь, и поскакали они, добрые мо̀лодцы, съ душой-красной дѣ̀вицей во всю конскую прыть. Поутру встаетъ-просыпается царь Кирбитъ, видитъ, что у башни верхъ сломанъ, а дочь его похищена, сильно разгнѣвался и приказалъ послать погоню по всѣмъ путямъ и дорогамъ. Много ли, мало ли ѣхали наши витязи—Булатъ-молодецъ снялъ съ своей руки перстень, спряталъ его и говоритъ: «Поѣзжай, Иванъ-царевичъ! а я назадъ ворочусь, поищу перстень». Василиса Кирбитьевна начала его упрашивать: «Не оставляй насъ, Булатъ-молодецъ! хочешь, я тебѣ свой перстень подарю». Онъ отвѣчаетъ: «Никакъ нельзя, Василиса Кирбитьевна! моему перстню цѣны нѣтъ: мнѣ дала его родная матушка; какъ давала — приговаривала: носи не теряй, мать не забывай!» Поскакалъ Булатъ-молодецъ назадъ и повстрѣчалъ на дорогѣ погоню; онъ тотчасъ всѣхъ перебилъ, оставилъ только единаго человѣка, чтобъ было кому царя повѣстить, а самъ поспѣшилъ нагнать Ивана-царевича. Много ли, мало ли они ѣхали — Булатъ-молодецъ запряталъ свой платокъ и говоритъ: «Ахъ, Иванъ-царевичъ! Я платокъ потерялъ; поѣзжайте вы путемъ-дорогою, я васъ скоро опять нагоню». Повернулъ назадъ, отъѣхалъ нѣсколько верстъ и повстрѣчалъ погоню вдвое больше, перебилъ всѣхъ и вернулся къ Ивану-царевичу. Тотъ спрашиваетъ: «Нашелъ ли платокъ?» «Нашелъ». Настигла ихъ темная ночь; раскинули они шатёръ; Булатъ-молодецъ легъ спать, а Ивана-царевича на караулъ поставилъ и говоритъ ему: «Каковъ случай — разбуди меня!» Тотъ стоялъ-стоялъ — утомился, началъ клонить его сонъ, онъ присѣлъ у шатра и заснулъ. Откуда ни взялся Кощей Безсмертной—унесъ Василису Кирбитьевну. На зарѣ очнулся Иванъ-царевичъ; видитъ, что нѣтъ его невѣсты, и горько заплакалъ. Просыпается и Булатъ-молодецъ, спрашиваетъ его: «О чемъ плачешь?»—«Какъ мнѣ не плакать? кто-то унесъ Василису Кирбитьевну». «Я же тебѣ говорилъ: стой на караулѣ! Это дѣло Кощея Безсмертнаго; поѣдемъ искать». Долго-долго они ѣхали, смотрятъ — два пастуха стадо пасутъ. «Чье это стадо?» Пастухи отвѣчаютъ: «Кощея Безсмертнаго» Булатъ-молодецъ и Иванъ-царевичъ выспросили пастуховъ: далеко ль Кощей живетъ, какъ туда проѣхать, когда они со стадомъ домой ворочаются и куда его запираютъ? Потомъ слѣзли съ лошадей, свернули пастухамъ головы, нарядились въ ихъ платье и погнали стадо домой; пригнали и стали у воротъ. У Ивана-царевича былъ на рукѣ золотой перстень — Василиса Кирбитьевна ему подарила: а у Василисы Кирбитьевны была коза — отъ той козы молокомъ она и утромъ и вечеромъ умывалась. Прибѣжала дѣвушка съ чашкою, подоила козу и несетъ молоко; а Булатъ-молодецъ взялъ у царевича перстень и бросилъ въ чашку. «Э, голубчики! — говоритъ дѣвушка, — вы озорничать стали!» Приходитъ къ Василисѣ Кирбитьевнѣ и жалуется: «Нониче пастухи надъ нами

насмѣхаются: бросили въ молоко перстень!» Та отвѣчаетъ: «Оставь молоко, я сама процѣжу». Стала цѣдить, увидала свой перстень и велѣла послать къ себѣ пастуховъ. Пастухи пришли. «Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна!» говоритъ Булатъ-молодецъ.—«Здравствуй, Булатъ-молодецъ! здравствуй, царевичъ! Какъ васъ Богъ сюда занесъ!»—«За вами, Василиса Кирбитьевна, пріѣхали; вы отъ насъ нигдѣ не скроетесь: хоть на днѣ моря — и то отыщемъ!» Она ихъ за столъ усадила, всякими яствами накормила и винами напоила. Говоритъ ей Булатъ-молодецъ: «Какъ пріѣдетъ Кощей съ охоты, разспросите его, Василиса Кирбитьевна: гдѣ его смерть? А теперь не худо намъ спрятаться». Только-что гости успѣли спрятаться, прилетаетъ съ охоты Кощей Безсмертной: «Фу-фу! говоритъ, прежде русскаго духа слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нониче русской духъ воочью является, въ уста бросается». Отвѣчаетъ ему Василиса Кирбитьевна: «Самъ ты по Руси налетался, русскаго духу нахватался, такъ онъ тебѣ и здѣсь чудится!» Кощей пообѣдалъ и легъ отдыхать; пришла къ нему Василиса Кирбитьевна, кинулась на шею, миловала-цѣловала, сама приговаривала: «Другъ ты мой милой! насилу дождалась тебя; ужъ не чаяла въ живыхъ увидать—думала, что тебя лютые звѣри съѣли!» Кощей засмѣялся: «Дура-баба! волосъ дологъ, да умъ коротокъ: развѣ могутъ меня лютые звѣри съѣсть?» «Да гдѣ же твоя смерть?»—«Смерть моя въ голикѣ подъ порогомъ валяется». Какъ скоро Кощей улетѣлъ, Василиса Кирбитьевна побѣжала къ Ивану-царевичу. Спрашиваетъ ее Булатъ-молодецъ: «Ну, гдѣ смерть Кощеева?»—«Въ голикѣ подъ порогомъ валяется». — «Нѣтъ, это онъ нарочно вретъ! надо разспросить его похитрѣе». Василиса Кирбитьевна тотчасъ придумала: взяла голикъ, вызолотила, разными лентами украсила и положила на столъ. Вотъ прилетѣлъ Кощей Безсмертной, увидалъ на столѣ вызолоченной голикъ и спрашиваетъ: зачѣмъ это сдѣлано? «Какъ же можно,—отвѣчала Василиса Кирбитьевна:—чтобъ твоя смерть подъ порогомъ валялась; пусть лучше на столѣ лежитъ!»—«Ха-ха-ха, баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; развѣ здѣсь моя смерть?» — «А гдѣ же?» — «Моя смерть въ козлѣ запрятана». Василиса Кирбитьевна, какъ только Кощей на охоту уѣхалъ, взяла-убрала козла лентами да бубенчиками, а рога ему вызолотила. Кощей увидалъ—опять разсмѣялся: «Эхъ баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; моя смерть далече; на морѣ-на океанѣ есть островъ, на томъ островѣ дубъ стоитъ, подъ дубомъ сундукъ зарытъ, въ сундукѣ — заяцъ, въ зайцѣ — утка въ уткѣ — яйцо, а въ яйцѣ моя смерть!» Сказалъ—и улетѣлъ. Василиса Кирбитьевна пересказала все это Булату молодцу да Ивану царевичу; они взяли съ собой запасъ и пошли отыскивать Кощееву смерть. Долго ли, коротко ли шли, запасъ весь пріѣли и начали голодать. Попадается имъ собака со щенятами. «Я ее убью,—говоритъ Булатъ-молодецъ,—намъ ѣсть больше нечего».—«Не бей меня,—проситъ собака,—не дѣлай моихъ дѣтокъ сиротами, я тебѣ сама пригожусь!» — «Ну, Богъ съ тобой!» Идутъ дальше — сидитъ на

дубу орелъ съ орлятами [1]). Говоритъ Булатъ-молодецъ: «Я убью орла!» Отвѣчаетъ орелъ: «Не бей меня, не дѣлай моихъ дѣтокъ сиротами: я тебѣ самъ пригожусь!» — «Такъ и быть, живи на здоровье!» Подходятъ къ окіанъ-морю широкому; на берегу ракъ ползетъ. Говоритъ Булатъ-молодецъ: «Я его пришибу!» Отвѣчаетъ ракъ: «Не бей меня, доброй мо̀лодецъ! во мнѣ корысти немного, хоть съѣшь — сытъ не будешь. Прійдетъ время — я самъ тебѣ пригожусь!» — «Ну, ползи съ Богомъ!» сказалъ Булатъ-молодецъ, посмотрѣлъ на̀ море, увидалъ рыбака въ лодкѣ и крикнулъ: «Причаливай къ берегу!» Рыбакъ подалъ лодку; Иванъ-царевичъ да Булатъ-молодецъ сѣли и поѣхали къ острову; добрались до острова и пошли къ дубу. Булатъ-молодецъ ухватилъ дубъ могучими руками и съ корнемъ вырвалъ; досталъ изъ-подъ дуба сундукъ, открылъ его — изъ сундука заяцъ выскочилъ и побѣжалъ что̀ есть духу. «Ахъ,—вымолвилъ Иванъ-царевичъ,—если бъ на эту по́ру да собака была, она бъ зайца поймала!» Глядь — а собака ужъ тащитъ зайца. Булатъ-молодецъ взялъ его, разорвалъ — изъ зайца вылетѣла утка и высоко поднялась въ поднебесье. «Ахъ,—вымолвилъ Иванъ-царевичъ,—если бъ на эту по́ру да орелъ былъ, онъ бы утку поймалъ!» А орелъ ужъ несетъ утку. Булатъ-молодецъ разорвалъ утку — изъ утки выкатилось яйцо и упало въ море. «Ахъ,—сказалъ царевичъ,—если бъ ракъ его вытащилъ!» А ракъ ужъ ползетъ, яйцо тащитъ. Взяли они яйцо, пріѣхали къ Кощею Безсмертному, ударили его тѣмъ яйцомъ въ лобъ — онъ тотчасъ растянулся и умеръ. Бралъ Иванъ-царевичъ Василису Кирбитьевну, и поѣхали въ дорогу.

Ѣхали-ѣхали; настигла ихъ темная ночь, раскинули шатёръ, Василиса Кирбитьевна спать легла. Говоритъ Булатъ-молодецъ: «Ложись и ты, царевичъ, я а буду на часахъ стоять». Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и сдѣлались двѣнадцать дѣвицъ. «Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну; не будетъ и вамъ добра: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою собачку любимую, — она вырвется у псаря и разорветъ царевича на мелкія части; а кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ по колѣна будетъ каменной!» Поутру Булатъ-молодецъ разбудилъ царевича и Василису Кирбитьевну, собрались и поѣхали въ путь-дорогу. Настигла ихъ вторая ночь; раскинули шатёръ въ чистомъ полѣ. Опять говоритъ Булатъ-молодецъ: «Ложись спать, Иванъ-царевичъ, а я буду караулить». Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и стали двѣнадцать дѣвицъ. «Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну, не будетъ и вамъ добра: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ

[1]) *Вар.* Соколъ съ соколятами.

вывести своего любимаго коня, на которомъ съизмала привыкъ кататься, конь вырвется у конюха и убьетъ царевича до смерти. А кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ будетъ по поясъ каменной!» Настало утро, опять поѣхали. Настигла ихъ третья ночь; разбили шатёръ и остановились ночевать въ чистомъ полѣ. Говоритъ Булатъ-молодецъ: «Ложись спать, Иванъ-царевичъ, а я караулить буду». Опять въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и стали двѣнадцать дѣвицъ. «Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну, да и вамъ добра не нажить: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою любимую корову, отъ которой съизмала молочкомъ питался; она вырвется у скотника и подниметъ царевича на рога [1]). А кто насъ видитъ и слышитъ, да ему скажетъ, тотъ весь будетъ каменной». Сказали, обернулись голубицами и улетѣли. Поутру проснулся Иванъ-царевичъ съ Василисой Кирбитьевной и отправились въ дорогу. Пріѣхалъ царевичъ домой, женился на Василисѣ Кирбитьевнѣ и, спустя день или два, говоритъ ей: «Хочешь, я покажу тебѣ мою любимую собачку? Когда я былъ маленькой— все съ ней забавлялся». Булатъ-молодецъ взялъ свою саблю, наточилъ остро-остро и сталъ у крыльца. Вотъ ведутъ собачку; она вырвалась у псаря, прямо на крыльцо бѣжитъ, а Булатъ-молодецъ махнулъ саблею и разрубилъ ее пополамъ. Иванъ-царевичъ на него разгнѣвался, да за старую службу промолчалъ — ничего не сказалъ. На другой день приказалъ онъ вывесть своего любимаго коня; конь перервалъ арканъ, вырвался у конюха и скачетъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ коню голову. Иванъ-царевичъ еще пуще разгнѣвался, приказалъ было схватить его и повѣсить, да Василиса Кирбитьевна упросила: «Если бъ не онъ, говоритъ, ты бъ меня никогда не досталъ!» На третій день велѣлъ Иванъ-царевичъ вывесть свою любимую корову; она вырвалась у скотника и бѣжитъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ и ей голову [2]). Тутъ Иванъ-царевичъ такъ озлобился,

---

[1]) *Вар.*: Какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, перевѣнчается и ляжетъ спать съ Василисой Кирбитьевной, втѣпоры прилетитъ двѣнадцатиглавой змѣй и унесетъ ихъ обоихъ въ свое царство.

[2]) *Варіантъ:* Воротился Иванъ-царевичъ домой и женился на Василисѣ Кирбитьевнѣ; говоритъ ему Булатъ-молодецъ: «Не спи, царевичъ, первую ночь съ женой—худо будетъ! Лучше пусти меня на свое мѣсто». Царевичъ согласился, а самъ думаетъ: «Вѣрить или не вѣрить ему»?—и приставилъ онъ слугу вѣрнаго присматривать, что будетъ дѣлать Булатъ-молодецъ. Наступила полночь; вдругъ зашумѣли вѣтры — прилетаетъ двѣнадцатиглавой змѣй; Булатъ-молодецъ началъ съ нимъ сражаться, срубилъ всѣ двѣнадцать головъ и выкинулъ въ окно. Какъ рубилъ онъ змѣю послѣднюю голову, брызнула змѣиная кровь прямо Василисѣ Кирбитьевнѣ на лицо. Увидалъ это Булатъ-молодецъ, думаетъ: «Что дѣлать? Такъ оставить — спросятъ: отчего кровь показалася? платкомъ обтереть—пожалуй, Василису Кирбить-

что никого и слушать не сталъ; приказалъ позвать палача и немедленно казнить Булата-молодца. «Ахъ, Иванъ-царевичъ! коли ты хочешь меня палачомъ казнить, такъ лучше я самъ помру. Позволь только три рѣчи сказать»... Разсказалъ Булатъ-молодецъ про первую ночь, какъ въ чистомъ полѣ прилетали двѣнадцать гулубицъ и что̀ ему говорили — и тотчасъ окаменѣлъ по колѣна; разсказалъ про другую ночь— и окаменѣлъ по поясъ. Тутъ Иванъ-царевичъ началъ его упрашивать, чтобъ до конца не договаривалъ. Отвѣчаетъ Булатъ-молодецъ: «Теперь все равно — наполовину окаменѣлъ, такъ не сто̀итъ жить!» Разсказалъ про третью ночь — и оборотился весь въ камень. Иванъ-царевичъ поставилъ его въ особой палатѣ и каждой день сталъ ходить туда съ Василисой Кирбитьевной да горько плакаться. Много прошло годовъ; разъ какъ-то плачется Иванъ-царевичъ надъ каменнымъ Булатомъ-молодцомъ и слышитъ — изъ камня голосъ раздается: «Что ты плачешь? мнѣ и такъ тяжело!» — «Какъ мнѣ не плакать? вѣдь я тебя загубилъ».— «Если хочешь, можешь меня спасти: у тебя есть двое дѣтей — сынъ да дочь, возьми ихъ, зарѣжь, нацѣди крови и той кровью помажь камень». Иванъ-царевичъ разсказалъ про то Василисѣ Кирбитьевнѣ; потужили они, погоревали и рѣшились зарѣзать своихъ дѣтей. Взяли ихъ— зарѣзали, нацѣдили крови и только помазали камень, какъ Булатъ-молодецъ ожилъ. Спрашиваетъ онъ у царевича и его жены: «Что, вамъ жалко своихъ дѣтокъ?» — «Жалко, Булатъ-молодецъ!» — «Ну, пойдемте въ ихъ комнаты». Пришли, смотрятъ — а дѣти живы! [1]) Отецъ съ матерью обрадовались и на радостяхъ задали пиръ на весь міръ. На томъ пиру и я былъ, медъ и вино пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало, на душѣ пьяно и сытно стало.

Примѣчаніе. Эта интересная сказка развиваетъ эпическое преданіе объ исканіи богатыремъ прекрасной невѣсты, о которой пѣли ему няньки еще въ то время, когда онъ лежалъ въ колыбели (сравни у Худ., III, стр. 139). Невѣста-царевна, Ненаглядная Красота живетъ въ золотомъ царствѣ, на концѣ свѣта бѣлаго, тамъ, гдѣ восходитъ ясное солнышко; она совершенно тождественна съ героинями другихъ сказокъ: съ Еленой-красою, золотой косою, съ Василисой-царевною, которая обитаетъ тамъ, гдѣ солнце изъ моря подымается, и плавая по̀ морю въ серебряной лодочкѣ, гребетъ золотымъ весломъ, и съ Марьей-Моревною (т.-е. дочерью моря — № 94). Про эту царевну часто раз-

---

евну разбудишь: дѣло непригожее!» Взялъ да языкомъ и слизнулъ кровь съ ея лица бѣлаго. А слуга Ивана-царевича только и видѣлъ, какъ Булатъ-молодецъ свою саблю точилъ да кровь слизывалъ; поутру докладываетъ онъ: «Такъ и такъ, съ вечера Булатъ-молодецъ свою саблю точилъ, а ночью Василису Кирбитьевну въ уста цѣловалъ». Иванъ-царевичъ разгнѣвался, приказалъ Булата-молодца въ желѣза заковать, злой смерти предать.

[1]) Въ другомъ спискѣ: Булатъ-молодецъ разрѣзалъ себѣ палецъ и своею кровью дѣтей помазалъ царевича на̀крестъ—и они въ ту жъ минуту ожили.

сказывается у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ: въ нѣмецкихъ сказкахъ Гальтриха (стр. 104) упоминается царевна съ золотыми косами, живущая далеко за̀ моремъ; венгерская сказка (стр. 81 — 91) говоритъ о *морской дѣвѣ*, которая выходитъ изъ глубины водъ краснаго моря; каждое утро купается она въ *молокѣ*, и тѣло ея получаетъ отъ того такую нѣжность и прелесть, какъ будто бы она снова народилась на бѣлый свѣтъ. Изъ одного источника съ этимъ сказаніемъ создался греческой миѳъ о рожденіи Афродиты изъ морской пѣны, и индійскій миѳъ о рожденіи красавицы Лакшми, супруги Вишну, въ волнахъ млечнаго моря. Смотри также Slov. pohádky стр. 100 — 112 (Mahulena krasna или slata panna, рождающая сына съ солнцемъ во лбу; красота ея такъ ослѣпительна своимъ блескомъ, что на нее нельзя взглянуть сразу а надо мало-по-малу пріучить очи: иначе сомлѣешь и сгинешь!) и стр. 627 (морская панна, дочь Morskégo krala, катающаяся по̀ морю въ золотомъ челнокѣ); Zeitschrift fur Deutsche Mythologie, т. II, стр. 398; Walachische Märchen, стр. 261 («Das goldene Meermädchen»). О значеніи этой Златовласой царевны см. въ Поэт. Воззр., II, стр. 124 — 9, III, стр. 155.

Юный царевичъ добываетъ Ненаглядную Красоту, женится на ней, но во время его сна Кощей похищаетъ царевну и уноситъ далеко-далеко. Кощей играетъ въ русскихъ преданіяхъ ту же роль похитителя красавицы, что̀ и змѣй; нерѣдко они замѣняютъ другъ друга, такъ что въ одной и той же сказкѣ въ одномъ варіантѣ дѣйствующимъ лицомъ является змѣй, а въ другомъ — Кощей Безсмертный. Въ польской сказкѣ (Slovanska čitanka, стр. 104) król podziemny Kościéj niesmiertelny заступаетъ мѣсто Морского Царя. Слѣдуя этимъ указаніямъ, Кощею должно приписать то же значеніе, что̀ и змѣю, т.-е. признать за нимъ характеръ по преимуществу враждебный, демоническій; см. подробное изслѣдованіе о томъ въ Поэт. Воззр., II, стр. 594 — 604.

Царевичъ долженъ возвратить свою похищенную подругу, но это сопряжено съ величайшими затрудненіями. Кощей потому и названъ безсмертнымъ, что жизненная сила его сокрыта въ странѣ и далекой и таинственной, и нужны необычайные усилія и труды, чтобы достать то *яйцо*, въ которомъ заключена эта сила. Но сто̀итъ только добыть чудесное яйцо и сжать его въ рукѣ, какъ тотчасъ же Кощей начинаетъ чувствовать страшную боль; сто́итъ только разбить это яйцо — и Кощей мгновенно умираетъ; сличи № 97, конецъ сказки о царь-Дѣвицѣ, № 128, *a*, и конецъ сказки о царевнѣ-лягушкѣ № 150, b; Эрленвейнъ, № 1 и стр. 56—72. Добывается Кощеево яйцо не иначе, какъ съ помощію животныхъ: волка (или медвѣдя), сокола (ворона, ястреба), рака и щуки [1]).

---

[1]) См. Kinder-und Hausmärchen, I, стр. 365, 397; II, стр. 105, 128; Српске народне припов., № 4 (сказка, сходная съ русскою о Ѳеодорѣ Тугаринѣ), и сказку о Иванѣ-купеческомъ сынѣ (М., 1847).

Въ сказкѣ о Ѳедорѣ Тугаринѣ (№ 95) Кощея безсмертнаго замѣняетъ змѣй; зятья Тугарина: Громъ Градъ и Вѣтръ берутся достать ему *смерть Змѣя;* «есть *островъ*, на островѣ — камень, въ камнѣ — *заяцъ*, въ зайцѣ — *утка*, въ уткѣ — *яйцо*, въ яйцѣ — желтокъ, въ желткѣ — каменёкъ»: это и есть смерть Змѣя; стòитъ только бросить имъ въ Змѣя — и тотъ упадетъ мертвымъ [1]). Въ сказкѣ «О весьма чудныхъ и прекрасныхъ гусляхъ самогудахъ» про смерть *Кощея Безсмертнаго* сказано: «На морѣ на океанѣ, *на островѣ на Буянѣ* есть зеленый дубъ, и подъ тѣмъ дубомъ зарытъ сундукъ желѣзный, и въ томъ сундукѣ есть коробка и въ той коробкѣ есть *заяцъ* и въ томъ зайцѣ есть *утка*, а въ уткѣ *яйцо:* и кто то яйцо достанетъ и раздавитъ — въ ту жъ минуту и умретъ Кощей». (См. также сказку подъ № 150 *c*). То же утверждаетъ норвежская сказка — о «великанѣ, въ тѣлѣ котораго не было сердца» (II № 6): два царевича отправились искать себѣ невѣстъ, но великанъ обратилъ ихъ въ камни. Меньшой царевичъ пошелъ искать братьевъ. На дорогѣ попался ему воронъ, который отъ голода и слабости не могъ поднять крыльевъ. «Дай мнѣ немного поѣсть,— сказалъ воронъ: я тебѣ пригожусь!» Царевичъ далъ ему поѣсть. Дальше увидѣлъ онъ выпрыгнувшую изъ воды семгу и кинулъ ее въ воду; затѣмъ встрѣтилъ онъ волка, который страдалъ отъ голода, и позволилъ ему съѣсть свою лошадь. Благодарный волкъ привезъ на себѣ царевича къ зáмку великана и сказалъ: «Здѣсь твои братья, превращенные въ камни; ступай туда безъ боязни! Ты найдешь царевну, которая научитъ тебя, какъ убить великана». Царевичъ вошелъ въ зàмокъ. «Господь съ тобою!—сказала ему царевна.—Твоя смерть неизбѣжна: здѣсь живетъ великанъ, котораго никто не можетъ убить, ибо у него нѣтъ въ тѣлѣ сердца».—«Я хочу попытаться», отвѣчалъ гость.—«Полѣзай же подъ эту кровать,—сказала ему царевна,—лежи тихо и слушай, что̀ станетъ говорить великанъ, какъ я начну его разспрашивать». Вечеромъ легла царевна въ постель съ великаномъ и сказала: «Я хочу тебя спросить».—«О чемъ?»—«Мнѣ хотѣлось бы узнать, гдѣ твое сердце?»— «Оно лежитъ подъ этимъ порогомъ». Утромъ великанъ ушелъ въ лѣсъ; царевичъ и царевна стали искать подъ порогомъ, но ничего не нашли. Тогда царевна убрала все это мѣсто прекрасными цвѣтами. Воротившись домой, великанъ спросилъ: «Къ чему эти цвѣты?»—«Я тебя столько люблю,—отвѣчала царевна,—что не могу не украсить мѣста, гдѣ лежитъ твое сердце».—«Я тебя обманулъ; оно не здѣсь!» Вечеромъ царевна снова спросила у великана: «Гдѣ твое сердце?» Тотъ и въ другой разъ обманулъ ее, но въ третій разъ онъ отвѣчалъ: «Мое сердце тамъ, куда тебѣ не дойти! Weit, weit von hier in einem Wasser liegt eine *Insel;* auf der Insel steht eine Kirche, in der Kirche ist ein Brunnen, in dem

[1]) Преданіе о Кощеѣ занесено Жуковскимъ въ сказку «Иванъ-царевичъ и сѣрый волкъ»; см. соч. Пушкина т. I, стр. 122 (примѣчаніе).

Brunnen schwimmt eine *Ente,* in der Ente ist ein *Ei,* und in dem Ei — *da ist mein Herz».* Волкъ довёзъ царевича въ эту далекую страну; воронъ досталъ ему ключъ отъ церкви, а семга поймала чудесное яйцо, въ которомъ крылось сердце великана и которое утка выронила въ воду. Когда царевичъ разбилъ это яйцо, великанъ въ ту жъ минуту жалобно вскрикнулъ и умеръ (сличи съ нѣмецкою сказкою у Гримма, II, № 197, стр. 525). По свидѣтельству одной нѣмецкой сказки (Гальтрихъ, стр. 189) въ этомъ яйцѣ *горитъ огонь* (in dem Ei brennt ein Licht); сличи съ примѣчаніями къ сказкѣ про утку съ золотыми яйцами, № 114. Подобная же сказка есть и у сербовъ («Аждаја и царев син», № 8): «Кад дође *аждаја* (драконъ), стане је баба питати: «Та где си за Бога? куда тако далеко идеш? никад не ћеш да ми кажеш, куда идеш». А аждаја јој отговори: «Е моја бабо, далеко ја идем». Онда јој се баба стане умиљавати: «А за што тако далеко идеш? *Кажи ми, где је твоја снага* (сила)? Ја да знам, где је твоја снага, ја не знам шта бих радила од милине, све бих оно место љубила». На то се аждаја насмеје, па јој рече: «Онде је моја снага у оном огњишту». Онда баба притисне грлити и љубити огњиште, а аждаја кад то види, удари у смех, па јој рече: «луда жено! није ту моја снага. Моја је снага у оном дрвету пред кућом». Онда баба опет притисне грлити и љубити дрво, а аждаја опет у смех, па јој рече: «Прођи се, луда жено, није ту моја снага». Онда баба запита: «Да где је?» А аждаја стане казивати: «Моја је снага далеко, не можеш ти тамо отићи. Чак у другоме царству код царева града има једно језеро, у оном језеру има једна аждаја, а у аждаји вепар, а у вепру *зец*, а у зецу *голуб*, а у голубу *врабац*, *а у онеме ie врабцу моіа снага*». (См. также Westslaw. Märchenschatz, стр. 190; Slov. pohádky, стр. 383 — 396; Narodne pripov. Валявца, стр. 155; Ганъ, II, № 64). Очевидно, что въ этихъ сказаніяхъ кроется темное преданіе, отголосокъ доисторической эпохи; иначе какъ бы могли возникнуть у разныхъ народовъ столь тождественныя сказанія? (См. Поэт. Воз., II, стр. 601 — 604).

Любопытно еще слѣдующее повѣрье, занесенное въ сказку о Кощеѣ. Пускаясь въ путь, Иванъ-царевичъ наточилъ изъ мизинца въ стаканъ *крови*, отдалъ стаканъ братьямъ и сказалъ: «Если кровь почернѣетъ, не ждите меня: это знакъ, что я умеръ!» Сходно съ этимъ, такое же загадочное значеніе придано въ сербской сказкѣ водѣ; разставаясь съ домомъ, обращается сказочный герой къ брату съ этими словами: «Брате с Богом! ја пођох главом по свијету, чувај кућу и ради о користи, оца поштуј; и ево ти ова бочица пунана воде, држи је при себи, а кад видиш, да ти се вода у њој замути, знади ондар, да сам ти погинуо» (Караджичъ, стр. 147 — 8). Въ малорусской сказкѣ (№ 75) Иванъ Пòпяловъ, отправляясь на трудный подвигъ, повѣсилъ свои рукавицы и сказалъ братьямъ: «Коли изъ рукавицъ потечетъ кровь, то приходите ко мнѣ на помощь!» Такимъ образомъ кровь служитъ

здѣсь вѣщимъ указаніемъ судьбы отсутствующаго героя. Повѣрье это встрѣчаемъ и въ финской поэмѣ «Калевала». Лемликяйненъ (разсказывается въ поэмѣ) повѣсилъ на стѣну щетку и сказалъ: «Когда потечетъ изъ щетки кровь — это будетъ знакомъ моей гибели!» Каждое утро и каждый вечеръ приходила его подруга и разсматривала щетку, и когда однажды былъ примѣченъ таинственный знакъ: кровь струилась съ оставленной Лемлинкяйненомъ щетки, — она поспѣшила съ этой печальной вѣстью къ его матери. Зарыдала несчастная мать и быстро понеслась на крыльяхъ жаворонка въ Похьёлу, разспрашивая по дорогѣ у Солнца и Мѣсяца о судьбѣ своего сына (Главн. черты изъ древн. финской поэмы, Морица Эмана). Капли крови въ народныхъ сказаніяхъ получаютъ даже даръ слова. Вотъ любопытное указаніе, встрѣчаемое въ норвежской сказкѣ (II, № 16): великанъ приказалъ убить королевича и сварить себѣ къ обѣду, а самъ растянулся и заснулъ. Но у великана томилась въ неволѣ дѣвица, которая и спасаетъ королевича; она взяла ножъ, порѣзала ему палецъ и выпустила на скамью три капли крови. Потомъ собрали они старыя лохмотья, подошвы и всякую дрянь и набросали въ котёлъ, а сами убѣжали. Великанъ спалъ доброе время; наконецъ проснулся и спросилъ: «Готово ли кушанье?» — «Только началось вариться» отвѣчала первая капля. Великанъ лежалъ-лежалъ, опять заснулъ и спалъ еще доброе время; но вотъ проснулся и опять спрашиваетъ: «Готово ли?» — «Вполовину готово», отвѣчала вторая капля. Повернулся великанъ на другой бокъ и снова заснулъ, и когда проснулся — еще разъ спросилъ: «А теперь готово?» — «Готово», сказала третья капля. Онъ всталъ, подошелъ къ котлу, попробовалъ и, раздраженный обманомъ, пустился въ догонь за бѣглецами (сличи съ № 89 во II томѣ Kinder und Hausmärchen»).

Конецъ сказки о Кощеѣ, напечатанной подъ буквою *а*, сходенъ съ окончаніемъ сказокъ о трехъ царствахъ и о звѣрѣ Норкѣ: тотъ же злобный обманъ старшихъ братьевъ и та же заботливость невѣсты замедлить день брака съ немилымъ, въ ожиданіи своего суженаго; но вмѣсто птицы, которая выноситъ на Русь героя въ сказкѣ «Норка-звѣрь», здѣсь народная фантазія создаетъ чудесный *перстень:* только Иванъ-царевичъ метнулъ этотъ перстень съ руки на́ руку, какъ въ то же мгновеніе предстали передъ нимъ двѣнадцать молодцовъ и снесли его съ высокой горы (сличи съ лубочною сказкою о трехъ царствахъ: мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ). Въ нѣмецкихъ сказкахъ упоминается Wunschring — кольцо, которое сто́итъ только надѣть на палецъ, и оно перенесетъ васъ куда угодно (Kinder und Hausmärchen, II, № 92, 193) [1]).

---

[1]) Въ сказкѣ объ Иванѣ-купеческомъ сынѣ (М., 1847, стр. 15 и далѣе) *слуги перстня* исполняютъ всѣ трудныя приказанія того, кто владѣетъ перстнемъ: строятъ дворецъ, хрустальный мостъ и добываютъ разные драгоцѣнные камни.

Въ варіантѣ сказки о Кощеѣ Безсмертномъ, напечатанной подъ буквою с, записано преданье о Булатѣ-молодцѣ, который подвергается окаменѣнію сначала по колѣно, потомъ до пояса и, наконецъ, совсѣмъ—съ головою (см. также Худяк. III, № 116; Рудченко, II, № 24; Slov. pohádky, стр. 100 — 112; Валявецъ, стр. 175 — 180; Шоттъ, № 10; Гримм., I, № 6; III, стр. 16 — 19; Вольфъ, стр. 383 — 9; Ганъ, I, № 29; Памятн. стар. рус. лит., I, стр. 117 — 8).

Сказка о Кощеѣ Безсмертномъ, разумѣется, съ обыкновенными искаженіями въ языкѣ, вошла въ изданіе: «Дѣдушкины прогулки, содержащія въ себѣ десять русскихъ сказокъ» (М., 1819 г.), — подъ заглавіемъ: «О весьма чудныхъ и прекрасныхъ гусляхъ-самогудахъ». Здѣсь встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя особенности. Королевичъ собирается ѣхать за тридевять земель въ тридесятое государство, въ царство Кощея Безсмертнаго, добывать гусли-самогуды, которыя такъ сладко играютъ, что и цѣны имъ нѣтъ. Выходитъ онъ изъ палатушекъ бѣлокаменныхъ и входитъ въ конюшню царскую, выводитъ своего добраго коня богатырскаго, надѣваетъ на него сѣдельце черкасское и подтягиваетъ подпругу шолку шемаханскаго, съѣзжаетъ съ широкаго двора и ѣдетъ въ путь-дорогу. Ѣхалъ, ѣхалъ—и увидалъ онъ старенькую избушку. Стоитъ избушка къ лѣсу передомъ, а къ нему задомъ. Королевичъ подъѣхалъ и вскричалъ богатырскимъ голосомъ: «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ». Избушка повернулась къ нему передомъ; королевичъ слѣзъ съ своего добраго коня и вошелъ въ избушку, а въ ней сидитъ на полу баба-яга и прядётъ лѣнъ: голова въ углу, а ноги въ потолокъ уперла. Баба-яга закричала страшнымъ голосомъ: «Фу, фу, фу! какъ доселева русскаго духу слыхомъ не слыхано, а нынче русской духъ въ очью совершается. Зачѣмъ ты, доброй мòлодецъ, сюда заѣхалъ, волею али неволею? Вѣдь сюда и птица не залетываетъ, и мимо моей избушки никогда ни звѣрь не прорыскивалъ ни богатырь не проѣзживалъ; а тебя какъ сюда Богъ занѣсъ?» — «Ахъ ты, глупая старая баба!—сказалъ королевичъ.—Ты прежде накорми и напой меня, добраго мòлодца, да тогда и спрашивай». Яга-баба тотчасъ накормила-напоила королевича, въ банькѣ выпарила, буйну головку вычесала, постелю ему приготовила и начала опять выспрашивать: «Скажи, доброй мòлодецъ, куда путь свой держишь, въ которую сторонушку, и ѣдешь своею волею али неволею?» Отвѣчалъ ей королевичъ: «Сколько волею, а вдвое неволею: ѣду я за тридевять земель въ тридесятое государство, въ царство Кощея Безсмертнаго: доставать гусли-самогуды».—«Го, го, го,—молвила яга-баба,—трудно достать тѣ гусли; молись-ка Богу да ложись спать: утро вечера мудренѣе». Королевичъ лёгъ спать: воутріе яга-баба пробудилась рано, встала и начала будить: «Вставай, королевичъ, пора тебѣ, доброму мòлодцу, въ путь ѣхать». Королевичъ всталъ, одѣлся, умылся, Богу помолился, на всѣ четыре стороны поклонился и началъ съ ягою-бабою прощаться. «Что жъ ты, доброй мòлодецъ!—гово-

рила яга-баба,—въ путь ѣдешь, а меня, старую бабу, не спрашиваешь, какъ тебѣ достать гусли-самогуды. Пріѣдешь ты въ царство Кощея Безсмертнаго — возлѣ его палатушекъ позолоченныхъ есть зеленой садъ, и въ саду будетъ прогуливаться красная дѣвица, царская дочь; ужъ шестой годъ какъ унесена она Кощеемъ. Ты перескочи въ садъ черезъ стѣну, и она тебѣ скажетъ, какъ достать гусли-самогуды». Королевичъ сѣлъ на своего добраго коня, поѣхалъ въ путь и ѣхалъ долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — и пріѣхалъ къ палатушкамъ позолоченнымъ Кощея Безсмертнаго; тутъ онъ остановился и чуть было не заслушался гуслей-самогудовъ: такъ хорошо гусли играли, что всякой заслушается до смерти. Какъ опомнился королевичъ, перескочилъ черезъ стѣну въ зеленой садъ, увидѣлъ царевну и сталъ ее выспрашивать, какъ достать ему гусли-самогуды. «Если ты возьмешь меня съ собою,—отвѣчала царевна,—такъ скажу тебѣ, какъ достать гусли-самогуды». Королевичъ обѣщался взять ее съ собою; царевна сказала ему, чтобъ оставался въ саду, а сама пошла къ Кощею Безсмертному, стала его обнимать, цѣловать и спрашивать: гдѣ его смерть? «Подъ порогомъ, въ голикѣ»—отвѣчалъ Кощей Безсмертный. Она тотчасъ ухватила тотъ голикъ и бросила въ огонь; но хоть голикъ и сгорѣлъ, а Кощей остался живъ. Царевна опять стала приставать да выспрашивать о Кощеевой смерти. «Слѣдъ ли тебѣ знать, гдѣ моя смерть!—отвѣчалъ Кощей. Въ чистомъ полѣ стоятъ три дуба зеленые и подъ корнемъ самаго большого есть червякъ; когда найдутъ того червяка и раздавятъ, тогда я умру». Царевна пересказала эти рѣчи королевичу; онъ поѣхалъ въ чистое поле, нашелъ три дуба зеленые, вырылъ червяка и раздавилъ. Но Кощей попрежнему остался живъ. Царевна въ третій разъ стала выспрашивать Кощея, и тогда-то сказалъ онъ всю правду: «Смерть-моя далеко! на морѣ на окіанѣ есть островъ Буянъ, на томъ островѣ зеленой дубъ, подъ дубомъ зарытъ желѣзной сундукъ, въ сундукѣ коробка, въ коробкѣ заяцъ, въ томъ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо; коли найдетъ кто это яйцо и раздавитъ, то я въ ту же минуту и умру!» Королевичъ добылъ чудесное яйцо, раздавилъ его — и Кощей повалился наземь мертвымъ (стр. 13 — 24).

94. Марья Моревна.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ Иванъ-царевичъ; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отецъ и мать у нихъ померли; умирая, они сыну наказывали: «Кто первой за твоихъ сестеръ станетъ свататься, за того и отдавай—при себѣ не держи долго!» Царевичъ похоронилъ родителей и съ горя пошелъ съ сестрами во зеленой садъ погулять. Вдругъ находитъ на небо туча чорная, встаетъ гроза страшная. «Пойдемте, сестрицы, домой!» говоритъ Иванъ-царевичъ. Только пришли

во дворецъ — какъ грянулъ громъ, раздвоился потолокъ и влетѣлъ къ нимъ въ горницу ясенъ соколъ; ударился соколъ объ полъ, сдѣлался добрымъ молодцемъ и говоритъ: «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! прежде я ходилъ гостемъ, а теперь пришелъ сватомъ: хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать».—«Коли любъ ты сестрицѣ, я ея не унимаю»; пусть съ Богомъ идетъ!» Марья-царевна согласилась; соколъ женился и унесъ ее въ свое царство. Дни идутъ за днями, часы бѣгутъ за часами — цѣлаго года какъ не бывало: пошелъ Иванъ-царевичъ съ двумя сестрами во зеленой садъ погулять. Опять встаетъ туча съ вихремъ, съ молніей. «Пойдемте, сестрицы, домой!» говоритъ царевичъ. Только пришли во дворецъ—какъ ударилъ громъ, распалася крыша, раздвоился потолокъ и влетѣлъ орелъ; ударился орелъ объ полъ и сдѣлался добрымъ молодцемъ: «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! прежде я гостемъ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ». И посваталъ Ольгу царевну. Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ. «Если ты любъ Ольгѣ-царевнѣ, то пусть за тебя идетъ; я съ нея воли не снимаю». Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замужъ; орелъ подхватилъ ее и унесъ въ свое царство. Прошелъ еще одинъ годъ; говоритъ Иванъ царевичъ своей младшей сестрицѣ: «Пойдемъ, во зеленомъ саду погуляемъ!» Погуляли немножко; опять встаетъ туча съ вихремъ, съ молніей. «Вернемся, сестрица, домой!» Вернулись домой, не успѣли сѣсть — какъ ударилъ громъ, раздвоился потолокъ и влетѣлъ воронъ; ударился воронъ объ полъ и сдѣлался добрымъ молодцемъ: прежніе были хороши собой, а этотъ еще лучше. «Ну, Иванъ-царевичъ! прежде я гостемъ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ: отдай за меня Анну-царевну». — «Я съ сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идетъ за тебя». Вышла за ворона Анна-царевна, и унесъ онъ ее въ свое государство. Остался Иванъ-царевичъ одинъ цѣлый годъ жилъ безъ сестеръ и сдѣлалось ему скучно. «Пойду, говоритъ, искать сестрицъ». Собрался въ дорогу, шелъ-шелъ и видитъ — лежитъ въ полѣ рать-сила побитая. Спрашиваетъ Иванъ царевичъ: «Коли есть тутъ живъ человѣкъ — озовися! кто побилъ это войско великое?» Отозвался ему живъ человѣкъ: «Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королевна». Пустился Иванъ-царевичъ дальше, наѣзжалъ на шатры бѣлые, выходила къ нему навстрѣчу Марья Моревна, прекрасная королевна: «Здравствуй, царевичъ, куда тебя Богъ несетъ — по волѣ, аль по неволѣ?» Отвѣчалъ ей Иванъ-царевичъ: «Добрые молодцы по неволѣ не ѣздятъ!» — «Ну, коли дѣло не къ спѣху, погости у меня въ шатрахъ». Иванъ-царевичъ тому и радъ, двѣ ночи въ шатрахъ ночевалъ, полюбился Марьѣ Моревнѣ и женился на ней. Марья Моревна, прекрасная королевна взяла его съ собой въ свое государство; пожили они вмѣстѣ сколько-то времени, и вздумалось королевнѣ на войну собираться; покидаетъ она на Ивана-царевича все хозяйство и приказываетъ: «Вездѣ ходи, за всѣмъ присматривай: только въ этотъ чуланъ не моги заглядывать!» Онъ не вытерпѣлъ: какъ только Марья Моревна уѣхала, тотчасъ бросился въ

чуланъ, отворилъ дверь, глянулъ, — а тамъ виситъ Кощей Безсмертной, на двѣнадцати цѣпяхъ прикованъ. Проситъ Кощей у Ивана-царевича: «Сжалься надо мной, дай мнѣ напиться, десять лѣтъ я здѣсь мучаюсь, не ѣлъ не пилъ — совсѣмъ въ горлѣ пересохло!» Царевичъ подалъ ему цѣлое ведро воды, онъ выпилъ и еще запросилъ: «Мнѣ однимъ ведромъ не залить жажды: дай еще!» Царевичъ подалъ другое ведро, Кощей выпилъ и запросилъ третье, а какъ выпилъ третье ведро — взялъ свою прежнюю силу, тряхнулъ цѣпями и сразу всѣ двѣнадцать порвалъ [1]). «Спасибо, Иванъ-царевичъ!—сказалъ Кощей Безсмертной.—Теперь тебѣ никогда не видать Марьи Моревны, какъ ушей своихъ!» и страшнымъ вихремъ вылетѣлъ въ окно, нагналъ на дорогѣ Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватилъ ее и у нёсъ къ себѣ. А Иванъ-царевичъ горько-горько заплакалъ, снарядился и пошелъ въ путь-дорогу: «Что ни будетъ, а розыщу Марью Моревну!» Идетъ день, идетъ другой, на разсвѣтѣ третьяго видитъ чудесной дворецъ, у дворца дубъ стоитъ, на дубу ясенъ соколъ сидитъ. Слетѣлъ соколъ съ дуба, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: «Ахъ, шуринъ мой любезной! какъ тебя Господь милуетъ?» Выбѣжала Марья-царевна, встрѣла Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье разспрашивать, про свое житье-бытье разсказывать. Погостилъ у нихъ царевичъ три дня и говоритъ: «Не могу у васъ гостить долго; я иду искать жену мою Марью Моревну, прекрасную королевну». — «Трудно тебѣ сыскать ее, — отвѣчаетъ соколъ. Оставь здѣсь на всякой случай свою серебряную ложку: будемъ на нее смотрѣть, про тебя вспоминать». Иванъ-царевичъ оставилъ у сокола свою серебряную ложку и пошелъ въ дорогу. Шелъ онъ день, шелъ другой, на разсвѣтѣ третьяго видитъ дворецъ, еще лучше перваго, возлѣ дворца дубъ стоитъ, на дубу орелъ сидитъ. Слетѣлъ орелъ съ дерева, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: «Вставай, Ольга-царевна, милой нашъ братецъ идетъ». Ольга-царевна тотчасъ прибѣжала навстрѣчу, стала его цѣловать-обнимать, про здоровье разспрашивать, про свое житье-бытье разсказывать. Иванъ-царевичъ погостилъ у нихъ три денька и говоритъ: «Дольше гостить мнѣ некогда: я иду искать жену мою Марью Моревну, прекрасную королевну». Отвѣчаетъ орелъ: «Трудно тебѣ сыскать ее. Оставь у насъ серебряную вилку: будемъ на нее смотрѣть, тебя вспоминать». Онъ оставилъ серебряную вилку и пошелъ въ дорогу. День шелъ, другой шелъ, на разсвѣтѣ третьяго видитъ дворецъ лучше первыхъ двухъ, возлѣ дворца дубъ стоитъ, на дубу воронъ сидитъ. Слетѣлъ воронъ съ дуба, ударился оземь, обернулся добрымъ

---

[1]) *Вар.* глянулъ — а тамъ змѣй о двѣнадцати головахъ, о двѣнадцати хоботахъ на желѣзныхъ крюкахъ виситъ, изъ его ранъ кровь течетъ. Говоритъ змѣй Ивану-царевичу: «Ахъ, доброй человѣкъ! обмокни въ мою кровь свой палецъ и дохни (дунь) на меня; за твою услугу я тебя три раза отъ смерти избавлю». Иванъ-царевичъ обмочилъ свой палецъ въ кровь и дохнулъ на змѣя; змѣй рванулся, поломалъ крюки и улетѣлъ.

молодцемъ и закричалъ: «Анна-царевна! поскорѣй выходи, нашъ братецъ идетъ». Выбѣжала Анна-царевна, встрѣла его радостно, стала цѣловать-обнимать, про здоровье разспрашивать, про свое житье-бытье разсказывать. Иванъ-царевичъ погостилъ у нихъ три денька, и говоритъ: «Прощайте! пойду жену искать — Марью Моревну, прекрасную королевну». Отвѣчаетъ воронъ: «Трудно тебѣ сыскать ее, оставь-ка у насъ серебряную табакерку: будемъ на нее смотрѣть, тебя вспоминать». Царевичъ отдалъ ему серебряную табакерку, попрощался и пошелъ въ дорогу [1]). День шелъ, другой шелъ, а на третій добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милаго, бросилась къ нему на шею, залилась слезами и промолвила: «Ахъ, Иванъ-царевичъ! зачѣмъ ты меня не послушался — посмотрѣлъ въ чуланъ и выпустилъ Кощея Безсмертнаго?» «Прости, Марья Моревна! не поминай стараго, лучше поѣдемъ со мной, пока не видать Кощея Безсмертнаго, авось не догонитъ!» Собрались и уѣхали. А Кощей на охотѣ былъ, къ вечеру онъ домой ворочается, подъ нимъ доброй конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?» Отвѣчаетъ конь: «Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью Моревну увезъ». «А можно ли ихъ догнать?» — «Можно пшеницы насѣять, дождаться, пока она вырастетъ, сжать ее, смолотить, въ мукѹ обратить, пять печей хлѣба [2]) наготовить, тотъ хлѣбъ поѣсть да тогда въ догонь ѣхать — и то поспѣемъ». Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича: «Ну, говоритъ, первой разъ тебя прощаю за твою доброту, что̀ водой меня напоилъ, и въ другой разъ прощу, а въ третій берегись — на куски изрублю!» Отнялъ у него Марью Моревну и увезъ; а Иванъ-царевичъ сѣлъ на камень и заплакалъ. Поплакалъ-поплакалъ и опять воротился назадъ за Марьей Моревною; Кощея Безсмертнаго дома не случилося. «Поѣдемъ, Марья Моревна!» — «Ахъ, Иванъ-царевичъ, онъ насъ догонитъ». — «Пускай догонитъ; мы хоть часокъ-другой проведемъ вмѣстѣ». Собрались и уѣхали. Кощей Безсмертной домой возвращается, подъ нимъ добрый конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?» — «Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью Моревну съ собой взялъ». — «А можно ли догнать ихъ?» — «Можно ячменю насѣять, подождать, пока онъ вырастетъ, сжать-смолотить, пива наварить, допьяну напиться, доотвалу выспаться да тогда въ догонь ѣхать — и то поспѣемъ!» Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича: «Вѣдь я жъ говорилъ, что тебѣ не видать Марьи Моревны, какъ ушей своихъ!» Отнялъ ее и увезъ къ себѣ. Остался Иванъ-царевичъ одинъ, поплакалъ-поплакалъ и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кощея дома не случилося. «Поѣдемъ, Марья Моревна!» —

---

[1]) *Вар.*: «Оставь у насъ свое золотое кольцо; будемъ на него смотрѣть, тебя вспоминать; если кольцо свѣтло—значитъ, ты и живъ и здоровъ; а если потускнетъ — тотчасъ увѣдаемъ, что съ тобой бѣда приключилася». Иванъ-царевичъ оставилъ свое золотое кольцо и пошелъ въ змѣиное царство.

[2]) *Вар.*: Пироговъ.

«Ахъ, Иванъ-царевичъ! вѣдь онъ догонитъ, тебя въ куски изрубитъ».—«Пускай изрубитъ! я безъ тебя жить не могу». Собрались и поѣхали. Кощей Безсмертный домой возвращается, подъ нимъ доброй конь спотыкается. «Что ты спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?» — «Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью Моревну съ собой взялъ». Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича, изрубилъ его въ мелкіе куски и поклалъ въ смоленую бочку; взялъ эту бочку, скрѣпилъ желѣзными обручами и бросилъ въ синее море, а Марью Моревну къ себѣ увезъ. Въ то самое время у зятьевъ Ивана-царевича серебро почернѣло. «Ахъ,—говорятъ они,—видно, бѣда приключилася!» Орелъ бросился на сине море, схватилъ и вытащилъ бочку на берегъ, соколъ полетѣлъ за живой водою, а воронъ за мертвою. Слетѣлись всѣ трое въ одно мѣсто, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склали, какъ надобно. Воронъ брызнулъ мертвой водою — тѣло срослось, съединилося; соколъ брызнулъ живой водою — Иванъ-царевичъ вздрогнулъ, всталъ и говоритъ; «Ахъ, какъ я долго спалъ!»—«Еще бы дольше проспалъ, еслибъ не мы,—отвѣчали зятья.—Пойдемъ теперь къ намъ въ гости».—«Нѣтъ, братцы! я пойду искать Марью Моревну». Приходитъ къ ней и проситъ: Разузнай у Кощея Безсмертнаго, гдѣ онъ досталъ себѣ такого добраго коня?» Вотъ Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выспрашивать. Кощей сказалъ: «За тридевять земель, въ тредесятомъ царствѣ, за огненной рѣкою живетъ баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждой день вокругъ свѣта облетаетъ. Много у ней и другихъ славныхъ кобылицъ; я у ней три дня пастухомъ былъ, ни одной кобылицы не упустилъ, и за то баба-яга дала мнѣ одного жеребеночка».—«Какъ же ты черезъ огненную рѣку переправился?» — «А у меня есть такой платокъ—какъ махну въ правую сторону три раза, сдѣлается высокой-высокой мостъ, и огонь его не достанетъ!» Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платокъ унесла да ему отдала [1]).

---

[1]) *Вар.:* Орелъ Орловичъ полетѣлъ на̀ море и поднялъ сильные вѣтры, море взволновалось и выкинуло бочку на̀ берегъ; Соколъ Соколовичъ схватилъ бочку въ когти, занесся высоко-высоко за облаки и бросилъ ее оттуда на̀земь — бочка упала и разбилась вдребезги; а Воронъ Вороновичъ принесъ воды цѣлющей да живущей, вспрыснулъ Ивана-царевича. Послѣ всѣ трое подхватили его и понесли за тридевять земель, въ тридесятое государство. Принесли въ тридесятое государство и говорятъ: «Ступай къ синему морю, тамъ гуляетъ чудная кобылица; впереди ея двѣнадцать косарей сѣно косятъ, да двѣнадцать гребцовъ сѣно гребутъ—она за ними идетъ да все поѣдаетъ; когда станетъ кобылица воду пить—синё море море волнуется и листъ съ деревъ опадаетъ, а станетъ у столѣтнихъ дубовъ чесаться—тѣ дубы, словно овсяные снопы, на̀земь валятся. Каждый мѣсяцъ выкидываетъ она по одному жеребенку; а слѣдомъ за ней ходятъ двѣнадцать волковъ да тѣхъ жеребятъ пожираютъ. Улучи время, и какъ только выкинетъ кобылица жеребенка со звѣздой на лбу—скорѣй хватай его да отъ волковъ отбивай: то тебѣ будетъ конь богатырской! Съ нимъ не догонитъ тебя и Кощей Безсмертной». Иванъ-царевичъ сдѣлалъ такъ, какъ научили его зятья...

Иванъ-царевичъ переправился черезъ огненную рѣку и пошелъ къ бабѣ-ягѣ. Долго шелъ онъ, не пивши не ѣвши. Попалась ему навстрѣчу заморская птица съ малыми дѣтками. Иванъ-царевичъ говоритъ: «Съѣмъ-ка я одного цыпленочка».— «Не ѣшь, Иванъ-царевичъ,—проситъ заморская птица,—въ нѣкоторое время я пригожусь тебѣ». Пошелъ онъ дальше; видитъ въ лѣсу улей пчелъ. «Возьму-ка я, говоритъ, сколько-нибудь медку». Пчелиная матка отзывается: «Не тронь моего меду, Иванъ-царевичъ! въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь». Онъ не тронулъ и пошелъ дальше; попадаетъ ему навстрѣчу львица со львёнкомъ. «Съѣмъ я хоть этого львёнка: ѣсть такъ хочется, ажно тошно стало!» — «Не тронь, Иванъ-царевичъ!—проситъ львица. Въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь». — «Хорошо, пусть будетъ по-твоему!» [1]) Побрелъ голодной, шелъ-шелъ — стоитъ домъ бабы-яги, кругомъ дома двѣнадцать шестовъ, на одиннадцати шестахъ по человѣчьей головѣ, только одинъ не занятой. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! почто пришелъ, по своей доброй волѣ, аль по нуждѣ?» — «Пришелъ заслужить у тебя богатырскаго коня». — «Изволь, царевичъ! у меня вѣдь не годъ служить, а всего-то три дня: если упасешь моихъ кобылицъ — дамъ тебѣ богатырскаго коня, а если нѣтъ, то не гнѣвайся: торчать твоей головѣ на послѣднемъ шестѣ». Иванъ-царевичъ согласился; баба-яга его накормила, напоила и велѣла за дѣло приниматься. Только-что выгналъ онъ кобылицъ въ поле, кобылицы задрали хвосты и всѣ врозь по лугамъ разбѣжались; не успѣлъ царевичъ глазами вскинуть, какъ онѣ совсѣмъ пропали. Тутъ онъ заплакалъ-запечалился, сѣлъ на камень и заснулъ. Солнышко уже на закатѣ, прилетѣла заморская птица и будитъ его: «Вставай, Иванъ-царевичъ! кобылицы теперь дома». Царевичъ всталъ, воротился домой, а баба-яга и шумитъ и кричитъ на своихъ кобылицъ: «Зачѣмъ вы домой воротились?» — «Какъ же намъ было не воротиться? налетѣли птицы со всего свѣта, чуть намъ глазъ не выклевали». — «Ну, вы завтра по лугамъ не бѣгайте, а разсыпьтесь по дремучимъ лѣсамъ». Переспалъ ночь Иванъ-царевичъ; на утро баба-яга ему говоритъ: «Смотри, царевичъ! если не упасёшь кобылицъ, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!» Погналъ онъ кобылицъ въ поле; онѣ тотчасъ задрали хвосты и разбѣжались по дремучимъ лѣсамъ. Опять сѣлъ царевичъ на камень, плакалъ-плакалъ, да и уснулъ». Солнышко сѣло за лѣсъ; прибѣжала львица: «Вставай, Иванъ-царевичъ! кобылицы всѣ собраны». Иванъ-царевичъ всталъ и пошелъ домой; баба-яга пуще прежняго и шумитъ и кричитъ на своихъ кобылицъ: «Зачѣмъ домой воротились?» — «Какъ же намъ было не воротиться? набѣжали лютые звѣри со всего свѣта, чуть насъ совсѣмъ не разорвали».—«Ну, вы завтра забѣгите въ синё море». Опять переспалъ ночь Иванъ-царевичъ; на утро

[1]) Вмѣсто пчелинаго улья, по другому списку, Иванъ-царевичъ встрѣчаетъ рака.

посылаетъ его баба-яга кобылицъ пасти: «Если не упасешь — быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!» Онъ погналъ кобылицъ въ поле; онѣ тотчасъ задрали хвосты, скрылись съ глазъ и забѣжали въ синé море, стоятъ въ водѣ по шею. Иванъ-царевичъ сѣлъ на камень, заплакалъ и уснулъ. Солнышко за лѣсъ сѣло, прилетѣла пчелка и говоритъ: «Вставай, царевичъ! кобылицы всѣ собраны: да какъ воротишься домой, бабѣ-ягѣ на глаза не показывайся, пойди въ конюшню и спрячься за яслями. Тамъ есть поршивой жеребенокъ—въ навозѣ валяется; ты укради его и въ глухую полночь уходи изъ дому». Иванъ-царевичъ всталъ, пробрался въ конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумитъ и кричитъ на своихъ кобылицъ: «Зачѣмъ воротились?» — «Какъ же намъ было не воротиться? налетѣло пчелъ видимо-невидимо со всего свѣта — и давай насъ со всѣхъ сторонъ жалить дò крови!» [1]) Баба-яга заснула, а въ самую полночь Иванъ-царевичъ укралъ у нея поршиваго жеребенка, осѣдлалъ его, сѣлъ и поскакалъ къ огненной рѣкѣ. Доѣхалъ до той рѣки, махнулъ три раза платкомъ въ правую сторону — и вдругъ, откуда ни взялся, повисъ черезъ рѣку высокой славной мостъ. Царевичъ переѣхалъ пò мосту и махнулъ платкомъ на лѣвую сторону только два раза — остался черезъ рѣку мостъ тоненькой-тоненькой! Поутру пробудилась баба-яга — поршиваго жеребенка видомъ не видать! бросилась въ погоню: во весь духъ на желѣзной ступѣ скачетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Прискакала къ огненной рѣкѣ, взглянула и думаетъ: «Хорошъ мостъ!» Поѣхала пò мосту, только добралась до середины — мостъ обломился и баба-яга чубурахъ въ рѣку: тутъ ей и лютая смерть приключилась! Иванъ-царевичъ откормилъ жеребенка въ зеленыхъ лугахъ; сталъ изъ него чудной конь. Пріѣзжаетъ царевичъ къ Марьѣ Моревнѣ; она выбѣжала, бросилась къ нему на шею: «Какъ тебя Богъ воскресилъ?» — «Такъ и такъ, говоритъ. Поѣдемъ со мной». — «Боюсь, Иванъ-царевичъ! если Кощей догонитъ, быть тебѣ опять изрублену».—«Нѣтъ, не догонитъ, теперь у меня славной богатырской конь, словно птица летитъ». Сѣли они на коня и поѣхали. Кощей Безсмертной домой ворочается, подъ нимъ конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?» — «Иванъ-царевичъ пріѣзжалъ, Марью Моревну увéзъ». — «А можно ли ихъ догнать?» — «Богъ знаетъ! теперь у Ивана-царевича конь богатырской лучше меня». «Нѣтъ, не утерплю!—говоритъ Кощей Безсмертной, поѣду въ погоню». Долго ли, коротко ли — нагналъ онъ Ивана-царевича, соскочилъ нàземь и хотѣлъ было сѣчь его острой саблею; втѣпоры конь Ивана-царевича ударилъ со всего размаху копытомъ Кощея Безсмертнаго и размозжилъ ему голову, а царевичъ доконалъ его пали-

---

[1]) *Вар.* Какъ намъ было не воротиться?—приползли раки со всего моря, начали въ насъ впиваться да клещами пощипывать—рады были на край свѣта бѣжать!

цей [1]). Послѣ того наклалъ царевичъ груду дровъ, развёлъ огонь, спалилъ Кощея Безсмертнаго на кострѣ и самой пепелъ его пустилъ по вѣтру. Марья Моревна сѣла на Кощеева коня, а Иванъ-царевичъ на своего, и поѣхали они въ гости сперва къ вòрону, потомъ къ орлу, а тамъ и къ соколу. Куда ни пріѣдутъ, всюду встрѣчаютъ ихъ съ радостью: «Ахъ, Иванъ-царевичъ! а ужъ мы не чаяли тебя видѣть. Ну, да не даромъ же ты хлопоталъ: такой красавицы, какъ Марья Моревна, во всемъ свѣтѣ поискать — другой не найти!» Погостили они, попировали и поѣхали въ свое царство; пріѣхали и стали себѣ жить-поживать, добра наживать да медокъ попивать.

95. Ѳедоръ Тугаринъ и Анастасія Прекрасная.

Живъ сабѣ царь да царица, и бывъ у ихъ адинъ сынъ, па имени Ѳедаръ, па прозванію Тугаринъ, и три дачки. Ти мала, ти багата яны жили, вò и умираютъ, да и приказуютъ сыну свайму, штобъ іонъ паддавàвъ сястéръ сваихъ замужъ за первыхъ жениховъ. Прашòвъ годъ, якъ царь да царица памерли. Вò адинъ день схватилась буря, завѣявъ Вѣтяръ — такъ што Боже сохрани! Якъ толька Вѣтяръ далятѣвъ да крыльца — и затихло все. Во Вѣтяръ и кажа Ѳедару Тугарину: «Аддай за мене старшаю сваю сястру, а якъ не аддашъ, я тваю хату перевярну и тебе убью!» Іонъ вывевъ сястру на крыльцо: якъ ухватило яе, якъ заревло да загуло — не знать, куда яна и дѣлась! На третій годъ Ѳедаръ аддавъ такжа средняю сваю сястру въ замужство Граду, а на четвертый и меньшую — Грому.

Паддававши замужъ сястеръ, Ѳедаръ Тугаринъ пашовъ странствавать. Ишовъ, ишовъ, ажъ глядить: ляжить рать-сила пабитая. Јонъ и спрашивая: «А хто тутачка есть живый, скажи, хто пабивъ сюю рать? Вò абазвàвся адинъ голосъ и кажа: «Падай вады напицца». Јонъ падавъ; той раненый и гавóря: «Иди папитай [2]) у другой рати». Јонъ пашовъ и убачивъ другую рать—силу пабитую, спросивъ у той: кто яё пабивъ? Тутъ голосъ сказавъ, штобъ јонъ ишовъ дальше и спрасивъ у третьей. Якъ дайшовъ јонъ да етай рати и спрасивъ, тутъ голосъ сказавъ яму, што усѣ три рати пабѣдила Анастасія Прекрасная, а сама яна тяперь въ шатрѣ аддыхая. Ѳедаръ паѣхавъ. Пріѣхавши да шатра, привязавъ каня и, вашедши въ палату, лёгъ съ боку. Анастасія Прекрасная пра-

---

[1]) *Вар.* «А можно ли ихъ догнать?—«Если сейчасъ поѣдемъ, то авось нагонимъ; у Ивана-царевича конь—мой меньшой братъ». Кощей погналъ вслѣдъ за Иваномъ-царевичемъ; вотъ-вотъ нагонитъ. «Ахъ, братъ!—говоритъ конь Ивана-царевича коню Кощееву, зачѣмъ ты служишь такому нечистому чудищу? сбрось его нàземь да ударь копытомъ!» Конь послушался, сбросилъ Кощея и убилъ его дò смерти.

[2]) Попытай, спроси.

снулась и, разбудивши Тугарина, кажа: «А што, ти [1]) будимъ бицца, ти мирицца?» Јонъ кажа: «Кали наши кони станутъ бицца, тагда и мы будимъ». Вò яны спустили сваихъ каней. Кони панюхались и стали лизать адинъ другога а воупасли [2]) начали пастись. Дакъ [3]) Анастасія Прекрасная и кажа Ѳедару Тугарину: «Будь ты мнѣ мужъ, а я тябѣ жана». И пасѣдавши на каней, паѣхали домовъ. Живутъ сабѣ да паживаютъ Ѳедаръ и Анастасія якъ галубки.

Вò разъ Анастасіи захатѣлась паѣхать на ахоту; сабравшись, яна кажа мужу свайму: «Усюды [4]) хади па майму дому, только не иди туда, гдѣ лычкомъ завязана и глиною залѣплена!» Тамъ висѣвъ Змѣй, якій хатѣвъ силаю взять за себе замужъ Анастасію; яна ягò пабѣдила и павѣсила за рябро. Якъ паѣхала Анастасія па ахоту, Ѳедаръ усюды хадивъ, всё разглядавъ, а далѣ не втерпѣвъ и пашовъ, куда яму не вялѣла жана яго. Глядить, ажъ тамъ виситъ Змѣй надномъ [5]) рябрѣ. Убачивши Ѳедара, јонъ кажа: «А, здрастуй, храбрый Ѳедаръ Тугаринъ! пасаби мини трошки» [6]). Јонъ пасабивъ. «Яще!» — јонъ и ящё; «ящё!» — јонъ и ящё. Вò Змѣй знявся съ крюка, палятѣвъ, да й кажа: «Спасиба жъ тябѣ! я тябѣ въ великой пригодѣ знадоблюсь». Пустивши Змѣя на волю, Ѳедаръ адумавсь, да и кажа: «Разсердицця на мене тяперь жена!» Падумавши такъ, јонъ узявъ да и пашовъ изъ жанинага дому.

Ишовъ Ѳедаръ да ишовъ, глядить, ажъ стаить домъ. Јонъ падашовши къ таму дому, приходя къ дверямъ, да и кажа: «Господи Ісусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ!» Женскій голасъ изъ свѣтлицы яму атвѣчая: «Кали добрый — явися, а кали ледач(щ)ій— прахомъ вазьмися!» Ѳедаръ вхòдя въ свѣтлицу, глядить, ажъ тамъ яго сястра. Убачивши брата, яна ему кажа: «Чаго ты, братику, пришовъ? Мой мужъ — Вѣтяръ; будя бѣда!» А далѣ взяла ягò да и схавала [7]). Вò лятить Вѣтяръ; улятѣвши въ хату, кажа: «Фу! Русь-кость пахня!» Жонка яму гавòря: «Вы летали па Руси и набрались русскаго духу!» А далѣ: «Што, каже, якъ бы мой братъ пріѣхавъ?» — «А што жъ,—кажа Вѣтяръ,—мы бъ пили, ѣли да гуляли!» Яна кажа: «Я вамъ яго преставлю», пашла и вывела брата. Вѣтяръ, пабачивши Тугарина, ставъ радъ; стали пить да гулять да добры мысли мать; гуляли усю недѣлю. А далѣ Ѳедаръ, напращавшись, пашовъ да другой сястры, што була замужемъ за Градомъ. Ѳедаръ разскàзувавъ зятямъ сваимъ и сястрамъ, якъ јонъ наживъ сабѣ жану, да безуміемъ патерявъ. Јонъ знавъ, што Змѣй, якъ јонъ атпустивъ яго, схватилъ изненацку [8]) Анастасію и унёсъ у сваю берлогу.

Пабывши у двухъ сястёръ, Тугаринъ ишовъ да третьей. На дарогѣ яго застигла ночь, а јонъ ящё не вышавъ изъ дремучага лѣса, па яко-

---

[1]) Вмѣсто *чи*. [2]) Послѣ. [3]) Итакъ. [4]) Всюду. [5]) На одномъ. [6]) Немножко. [7]) Спрятала. [8]) Невзначай.

му ямў треба было итти. Јонъ падумавъ, падумавъ, да и оставсь начевать въ лѣсу подлѣ крыницы. На другой день јонъ толька што праснувся, ажъ иде Анастасія Прекрасная па ваду въ крыницу. Якъ пабачили яны адинъ другаго — возрадувались. Яна разсказала яму, што Змѣй ухвативъ яе на охотѣ и принёсъ яё въ етатъ лѣсъ, и што тутъ яны живуть. Пагаварившн, яны сѣли на коней, да и давай утякать [1]). Якъ ета все тварилась, Змѣй, мужъ Анастасіи, бывъ на ахотѣ; конь падъ нимъ спаткнувся. Јонъ спрашивая яго: «Чаго ты спаткнувся, коню мой милый?»—«Якъ жа мини не спатыкацца,—кажа конь: — Анастасія утякла съ Ѳедаромъ Тугариномъ». — «Што жъ, ти можемъ мы ихъ догнать?» — гавòря Змѣй. Конь кажа: «Можемъ пшеницы пажать, намалатить, паѣсть — и дагнать». Ета все сдѣлавши, паѣхали яны даганять Ѳедара и Анастасію. Якъ толька Змѣй пабачивъ ихъ, ставъ кричать, штобъ стали; а яны все сабѣ ѣдуть. Змѣй разсердився, да якъ припудя [2]) каня, и дагнавъ бѣгляцовъ, да и кажа Ѳедару: «Я тябѣ кричавъ, штобъ ты астанавився; я бъ тябѣ прастивъ. Ты мене не паслухавъ, такъ отъ [3]) тябѣ!» Взявъ да убивъ Тугарина и, взявши Анастасію, паѣхавъ дамовъ.

Зятья Ѳедаравы, узнавши, што Змѣй ягò убивъ, палятѣли, дастали цялющей и живущей вады и, прилятѣвши, исцялили и аживили Тугарина. Аживши, Ѳедаръ каже зятямъ сваимъ: «Фу! какъ я заснувъ!» Яны кажутъ ямў: «Заснувъ бы навѣки, кали бъ не мы!» Јонъ ихъ благодаривъ, да и пашовъ изновъ да крыницы, гдѣ бачивъ Анастасію. Глядить, ажъ ана иде па ваду; якъ убачила Ѳедара, возрадувалась. Вò јонъ и ставъ прасить яё, штобъ яна выпитала у Змѣя: гдѣ можно дастать такого каня, штобъ адъ ягò утекти, и гдѣ ягò смерть? Анастасія абѣщала яму ета и, набравши вады, пашла да дому; а Змѣй бывъ на ахотѣ. Анастасія пашла дамовъ, пагаварившн съ Ѳедарамъ; а јонъ астався у крыницы дажидацца, што яму скажа ягò любезная.

Во ѣде Змѣй зъ ахоты. Анастасія вышла яму навстрѣчу, взяла каня за узду и увела въ канюшню и, пришедши въ хату, стала цѣлавать и милавать Змѣя, а далѣ и каже: «Якій у васъ конь скорый! ти можна гдѣ-нибудь дастать такога другога каня, штобъ адъ вашего утёкъ?» Змѣй разнѣжився адъ лàсакъ Анастасіи, бо яна яго никали не ласкала, савсѣмъ забывся да и признався на сваю бѣду. «Есть, гаворя, одна баба, у каторой двѣнадцать кабылицъ, и якъ дастать адъ тыхъ кабылицъ каня, то той майго перегоня; толька трудна дастать у той бабы, бо яна таго, хто сяго хоча, нанимая на три дни стерегти кабылицъ, и якъ толька сторажъ засне (бо баба дае всякому соннае зелье) — кабылицы утякуть. Вò баба сама ихъ найдя, а сторажу здяре зъ спины паласу, да и прагоня». Анастасія, приласкавшись, гавóря Змѣю; «А гдѣ твая смерть?» Јонъ кажа: «Есть на остравѣ камень, а въ томъ

---

[1]) Убѣгать. [2]) Пудить—гнать. [3]) Вотъ.

камнѣ заяцъ, а въ томъ зайцѣ вутка, а въ той вуткѣ яйцо, въ томъ яйцѣ жавтокъ, а въ томъ жавткѣ каменёкъ: то мая смерть!» Выпитавши все эта, Анастасія пересказала Ѳедару. Јонъ разсказавъ зятямъ; вò яны палятѣли шукать [1]) таго камня, а самъ Тугаринъ пашовъ да бабы даставать каня.

Иде да иде Ѳедаръ, ажъ вавкѝ [2]) бьюцца за кости. Јонъ имъ падяливъ; яны яму паблагодарили и сказали, што будутъ ямў въ великой пригодѣ. Иде Ѳедаръ да иде, ажъ пчелы бьюцца за медъ. Јонъ имъ падяливъ; яны ягò паблагадарили и абѣщали то жъ. Далѣ јонъ убачивъ, што раки бьюцца за икру. Јонъ имъ падяливъ; яны яму абѣщали то жъ, што вавкѝ и пчолы. Ишовши ти мала, ти багата, Ѳедаръ прихòдя къ хатѣ, а въ той хатѣ жила баба, у якой были двѣнадцать кабылицъ, Вашòвши у хату и паздоровавшись зъ бабою, Тугаринъ ставъ яе прасить, штобъ яна приняла яго стяречь кабылицъ. Баба и кажа яму: «Што жъ ты вазьмешь зъ мене?» Јонъ кажа: «Аднаго жеребчика». Баба кажа: «Кали устережешь три дня, то дòбре!» Јонъ сагласився.

На другій день Ѳедаръ уставъ, умывся, Богу памалився, да и пагнавъ кабылицъ на лугъ. Баба дала яму на снѣданье пиражокъ, а въ томъ пиражку соннаё зелье. Тугаринъ, пригнавши кабылицъ на лугъ, распустивъ ихъ пастись, а самъ ставъ ѣсти пиражокъ, што дала яму баба. Якъ паѣдàвъ јонъ таго пиражка, и заснувъ и спавъ два дни, а кабылицы далеко парасходились. На третій день Ѳедара штось [3]) начало кусать; јонъ праснувся, глядить, ажъ то тые раки, што јонъ имъ икру падяливъ. Вò яны и кажутъ яму: «Вставай да шукай кабылицъ, а то приде баба, буде тябѣ бѣда!» Јонъ стрепянувся да и хатѣвъ шукать кабылицъ; глядить, ажъ тые вавкѝ, што јонъ имъ падяливъ кости, и тыя пчолы, што јонъ падяливъ имъ медъ, женуть [4]) кабылицъ. Тугаринъ, пабачивши ихъ, возрадувався, паблагадаривъ раковъ, пчолъ и вавкòвъ, да и пагнавъ кабылицъ да дому. Баба, убачивши, што Ѳедаръ жане кабылицъ, вышла яму навстрѣчу, да и кажа: «Счастливъ жа ты, што устерегъ, а то была бъ тябѣ бѣда!» А далѣе привяла ягò у хату, дала яму ѣсть, а сама пашла у канюшню да кабылицъ. Ѳедаръ ти ѣвъ, ти не ѣвъ, вставъ да и пашовъ и, пришовши да канюшни, такъ што баба-ягà не бачила, ставъ падслухáть, што баба будя рабить. Яна взяла жалѣзный прутъ, стала бить кабылицъ, приказывать, штобъ усѣ яны да завтра [5]) привяли па жеребёнку, а самая лучшая штобъ привяла каростливаго, штобъ Тугаринъ не узнавъ, гдѣ лучшій. Јонъ, выслушавши все эта, пашовъ у хату и лёгъ спать.

Уставши назавтра рана, Ѳедаръ ставъ требовать у бабы платы; яна павяла ягò въ канюшню и паказывая жеребятъ, што ночью привяли кабылицы, да и кажа: «Выбирай любога!» Ѳедаръ, узявши таго

---

[1]) Искать. [2]) Волки. [3]) Что-то. [4]) Гонятъ. [5]) До завтрева.

канькя, павёвъ [1]); во јонъ и кажа Тугарину человѣческимъ голасамъ: «Дай мини три зари папастись на расѣ, тагда павидишъ!» Ѳедаръ сагласився. Якъ папасся той канёкъ день, ставъ насить въ полдерева, на другій день паверхъ дерева, на третій па паднебесью, да такій ставъ красивый, штò и узнать нельзя. Сѣвши на таго каня, Ѳедаръ паѣхавъ да затьёвъ. Яны яму дали каменёкъ, штò дастали на островѣ.

Взявши ягò, јонъ паѣхавъ въ той лѣсъ, гдѣ жила Анастасія. Пріѣхавши въ лѣсъ, јонъ паѣхавъ и ставъ дажидацца яё у крыницы. Ти мала, ти багата ждавши, глядить ажъ Анастасія бяжить па ваду. Јонъ яё узявъ пасадивъ на каня, и якъ ударивъ ягò по крутымъ бедрамъ, конь панёсъ паверхъ дерева. Змѣй бывши на ахотѣ, убачивъ, што Анастасія утякая, ударивъ и свайго каня и палятѣвъ даганять, ягò конь лятить паверхъ дерева, да и кажа: «Дагнать мы дагонимъ! бо у Тугарина мой меньшій брать, да Анастасіи не атимешъ!» Якъ только Змѣй ставъ даганять Тугарина, јонъ кинувъ каменекъ и папавъ яму въ лобъ. Змѣй упавъ и прапавъ, а Ѳедаръ Тугаринъ и Анастасія Прекрасная даѣхали благополучна да сваіго двара, стали жить да паживать, да добры мысли мать, да и тяперь сабѣ живуть. Я у гостяхъ у ихъ бывъ, медъ-вино пивъ; у роти не было, а толька па барадѣ тякло.

(Запис. въ г. Погарѣ, Черниговской губ., учит. Н. Матросовымъ).

Примѣчаніе къ 94—95. Обѣ названныя сказки представляютъ не болѣе, какъ особенныя варіаціи той же темы, какая развивается въ сказкѣ о Кощеѣ Безсмертномъ. Варіанты см. у Худ., I, № 20: II, № 62; въ сборн. Эрленвейна, № 31 и стр. 119 — 122; въ сѣромъ московскомъ изданіи 1838 года, въ типогр. Евреинова, въ Малорус. литер. сборн. Мордовцева, стр. 372 — 6; Рудченко, № 44; сличи Ганъ, № 25. Содержаніе сказки про Марью Моревну таково: прилетаютъ Соколъ, Орелъ и Воронъ, сватаются за трехъ прекрасныхъ царевенъ и уносятъ ихъ въ свои далекія царства. Эти птицы олицетворяютъ въ себѣ естественныя явленія природы, неразлучныя съ лѣтними грóзами; самый прилётъ ихъ сопровождается темными тучами, вихремъ и молніей. Въ нашей сказкѣ Орелъ воздымаетъ бурю и съ помощію своихъ товарищей оживляетъ убитаго царевича: Воронъ приноситъ цѣлющей, а Соколъ живой воды (т.-е. дождя). Въ другихъ подобныхъ сказкахъ вмѣсто этихъ чудесныхъ птицъ, оборачивающихся добрыми мòлодцами, прямо выведены силы природы подъ собственными своими названіями; такъ, въ сказкѣ о Ѳедорѣ Тугаринѣ сватаются за царевну и уносятъ ихъ съ собою *Вѣтеръ*, *Градъ* и *Громъ*. Тѣхъ же миѳическихъ героевъ, только съ замѣною Града — *Дождемъ*, встрѣчаемъ и въ сказкѣ объ Иванѣ Бѣломъ (Лѣт. рус. литерат., кн. V, стр. 8 — 15); женившись

[1]) Повелъ.

на трехъ сестрахъ-царевнахъ, они учатъ брата ихъ царевича великой премудрости: Громъ научаетъ его грохотать въ поднебесьи, Дождь — лить потоки и топить города и села, а Вѣтеръ — дуть, царства раздувать да хаты перевертàть. О похищеніяхъ царевенъ Вѣтромъ (Вихремъ) часто упоминаютъ народныя сказки (см. въ собр. сказокъ Бронницына — о Василисѣ-золотой косѣ; лубочную сказку о трехъ царствахъ и др.). Похищеніе дѣвицъ Вихремъ и похищеніе ихъ огненнымъ змѣемъ (представителемъ грозовой тучи) занимаютъ одинаковое мѣсто въ народномъ эпосѣ, среди другихъ обломковъ языческой старины, опредѣлившихъ его содержаніе и характеръ. Какъ въ природѣ оба явленія — гроза и вихрь — сопровождаютъ другъ друга, такъ и въ области миѳа они раздѣляютъ одну судьбу [1]).

Вóрона Вòроновича народный эпосъ ставитъ наряду съ Солнцемъ и Мѣсяцемъ; такъ, въ одной сказкѣ всѣ они трое женятся на родныхъ сестрахъ (№ 49); сличи Ungarische Märch., № 13, Narodne pripov. Валявца, стр. 1, и Slov. pohádky, стр. 414 — 432: «O slunečku, měsíčnicu, větrniku, o krásné Uliině a dvou Tatošikách» — три сестры выходятъ замужъ за царя-Солнце, царя-Мѣсяца и царя вѣтровъ; первый увозитъ невѣсту на солнцевой колесницѣ, второй уводитъ ее по серебряному мосту, а послѣдній уноситъ дѣвицу на своихъ крыльяхъ; въ трудныхъ случаяхъ жизни сказочные герои обращаются съ вопросами не только къ Солнцу, Мѣсяцу и Вѣтру, но и къ Вòрону (Zeitschrift fur Deutsche Mythol., I, стр. 312). Орелъ, Соколъ и Воронъ сидятъ на дубахъ передъ своими дворцами; красныя дѣвицы, которыхъ они сватаютъ и уносятъ, суть небесныя свѣтила, такъ какъ закрытіе блестящихъ звѣздъ, луны и солнца темными облаками на языкѣ метафорическомъ называлось похищеніемъ ненаглядныхъ красавицъ драконами, великанами, добрыми мòлодцами: Орломъ, Соколомъ и Вòрономъ, и вступленіемъ съ ними въ насильственный или добровольный брачный союзъ. См. Поэт. Воззр., II, стр. 580 — 1. Въ одной изъ русскихъ сказокъ похищенныя дѣвицы названы *Луной* и *Звѣздою*. Передаемъ эту любопытную сказку по лубочному изданію, съ очень незначительными сокращеніями:

Сказка о сильномъ и храбромъ непобѣдимомъ богатырѣ Иванѣ-царевичѣ и о прекрасной его супружницѣ Царь-дѣвицѣ. Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ царь по имени Ахридей, и тотъ царь жилъ съ своею супругою Дарьею много лѣтъ, а дѣтей не имѣлъ. Уже приходили они къ старости и начали Богу молиться, чтобы даровалъ имъ дѣтище. Скоро послѣ того царица Дарья обременѣла, и черезъ обыкновенное время родила прекрасную дочь, которую назвали Луною; черезъ годъ родила она другую дочь — еще краше и лучше

[1]) Въ сербской сказкѣ (№ 5) царевны, унесенныя вихремъ, найдены потомъ у огненныхъ змѣевъ.

первой: назвали ее Звѣздою. Царевны выросли, и когда большая сестра была по пятнадцатому году, а меньшая по четырнадцатому, то въ нѣкое время пошли онѣ въ зеленой садъ гулять съ своими нянюшками и мамушками и гуляли тамъ долгое время. Вдругъ поднялся превеликой вихрь и унёсъ обѣихъ царевенъ. Нянюшки и мамушки испугались, побѣжали къ царицѣ Дарьѣ и сказали ей про ту бѣду. Царица Дарья чуть не умерла съ той горькой вѣдомости, а царь Ахридей началъ кличь кликать; кто сыщетъ царевенъ, за того отдамъ любую изъ нихъ замужъ. Ни одинъ богатырь не вызвался. Царь собралъ волхвовъ, сталъ у нихъ выспрашивать. не знаютъ ли, гдѣ его дочери? Но и тѣ отреклись отъ этого дѣла. Вотъ царь Ахридей потужилъ немалое время и напослѣдокъ началъ опять просить Бога, чтобы даровалъ ему при старости наслѣдника, и роздалъ великія и щедрыя милостыни на бѣдныхъ и по церквамъ и по монастырямъ. Богъ услышалъ молитву, даровалъ ему сына Ивана-царевича. Иванъ-царевичъ росъ не по годамъ, а по часамъ — такъ, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ киснетъ, и когда пришли его совершенныя лѣта, то обучился разнымъ наукамъ. И провѣдалъ Иванъ-царевичъ, что были у него двѣ сестры родныя, да безъ вѣсти пропали, и вздумалъ проситься у отца своего-у матери, чтобъ позволили ему итти въ дальнія государства и провѣдать о сестрахъ; пришелъ къ своему родителю и поклонился до земли и сталъ говорить: «Милостивой батюшка! я пришелъ къ тебѣ не пиръ пировать, не совѣтъ совѣтовать, не крѣпкую думу думать, а пришелъ просить у тебя благословенія; хочу я итти въ дальнія государства и провѣдать о моихъ любезныхъ сестрицахъ, что̀ безъ вѣсти пропали!» — «Охъ, ты гой еси, младой юноша Иванъ-царевичъ!—сказалъ ему царь Ахридей,—куда тебя Богъ несетъ и въ какую пойдешь ты сторону? Вѣдь ты еще младъ и къ дорожнымъ трудамъ непривыченъ». Но Иванъ-царевичъ просилъ такъ неотступно и со слезами, что отецъ не выдержалъ — отпустилъ его. Царевичъ Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, съ отцомъ-съ матерью попрощался и пошелъ одинъ, какъ перстъ, безъ провожатаго.

Идетъ царевичъ путемъ-дорогою нѣсколько мѣсяцевъ, и (с)лучилось ему въ нѣкое время итти черезъ густой, дремучій лѣсъ. Услыхалъ онъ въ сторонѣ большой шумъ, направился на тотъ шумъ съ великимъ то̀помъ и увидѣлъ, что дерутся промежъ себя два лѣшія. Иванъ-царевичъ подошелъ къ нимъ: «Послушайте, спрашиваетъ, за что̀ вы деретесь? Скажите-ка мнѣ, я васъ помирю». Отвѣчалъ ему одинъ лѣшій: «Доброй человѣкъ! разсуди, пожалуйста, нашу ссору; вотъ посмотри: шли мы двое доро̀гою и нашли шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и скатерть-самобранку: сто̀итъ только развернуть скатерть, тотчасъ выпрыгнутъ изъ нея двѣнадцать добрыхъ мо̀лодцовъ да двѣнадцать красныхъ дѣвицъ, принесутъ разныхъ кушаньевъ и напитковъ и начнутъ подчивать. Изъ этой находки сапоги да шляпу беру я себѣ, а скатерть отдаю моему товарищу; а онъ хочетъ всѣмъ овладѣть и для того

вступилъ со мной въ драку». — «Хорошо, — сказалъ Иванъ-царевичъ, — я ваше дѣло разберу, только дайте и мнѣ долю». Лѣшіе согласились. Тогда Иванъ-царевичъ сказалъ имъ: «Бѣгите по этой дорогѣ изо всей мочи, и кто кого на трехъ верстахъ опередитъ, тому и достанется вся находка». Оба лѣшіе съ радостью побѣжали по указанной дорогѣ и скоро совсѣмъ изъ виду скрылись; Иванъ-царевичъ надѣлъ на себя сапоги-самоходы и шляпу-невидимку, скатерть-самобранку взялъ подъ мышку и пошелъ дальше. Когда лѣшіе воротились назадъ, то не нашли ни Ивана-царевича ни своихъ находокъ и бросились искать его по лѣсу. Однако хотя и находили на царевича, но не могли его видѣть, потому что на немъ была надѣта шляпа-невидимка. Избѣгавши по̀пусту весь лѣсъ, они напослѣдокъ разошлись по своимъ мѣстамъ; а Иванъ-царевичъ шелъ нѣсколько дней и увидѣлъ: стоѝтъ на дорогѣ малая избушка къ лѣсу передомъ, а къ нему задомъ; подошелъ къ ней и молвилъ: «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ обернѝсь передомъ». Вдругъ избушка обернулась къ лѣсу задомъ, а къ нему передомъ. Царевичъ вошелъ въ избушку; тамъ на полу сидѣла баба-яга, ноги въ потолокъ упёрши, и пряла шерсть. Увидя Ивана-царевича, баба-яга сказала: «Фу-фу-фу! какъ доселева русскаго духу слыхомъ не слыхано, а нынче русскій духъ въ-очью совершается. Зачѣмъ ты, доброй мо́лодецъ, Иванъ-царевичъ, сюда зашелъ — волею или неволею? Я здѣсь живу уже сорокъ лѣтъ, а никакой человѣкъ мимо меня не прохаживалъ-не проѣзживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролётывала; а ты какъ сюда забрёлъ?» — «Охъ ты, глупая, старая баба!—въ отвѣтъ сказалъ Иванъ-царевичъ:—ты прежде меня, добраго мо̀лодца, напой-накорми, да тогда и спрашивай». Яга-баба тотчасъ вскочила, собрала на столъ, напоила, накормила царевича и въ банѣ выпарила и стала опять спрашивать: «Какъ ты сюда зашелъ, доброй мо̀лодецъ — волею или неволею?» Отвѣтъ держалъ Иванъ-царевичъ: «Сколько волею, а вдвое того неволею. Иду я искать моихъ родныхъ сестрицъ Луну и Звѣзду: а гдѣ ихъ сыскать? — самъ не вѣдаю».— «Добро, Иванъ-царевичъ!—молвила баба-яга:—молись Богу и ложись спать: утро вечера мудренѣе». Царевичъ легъ спать и отъ дорожнаго труда заснулъ крѣпко. Поутру, чуть только на дворѣ разсвѣтать стало, яга-баба начала его будить: «Доброй молодецъ! пора тебѣ въ путь итти». Всталъ царевичъ, умылся, одѣлся, помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился и началъ съ ягою прощаться. Тогда яга-баба ему сказала: «Что жъ ты, царевичъ, со мною прощаешься, а не спросишь, куда тебѣ надобно — въ какую сторонушку? Ступай-ка, доброй молодецъ, вотъ по этой дороженькѣ, и увидишь въ чистомъ полѣ палаты бѣлокаменныя; въ тѣхъ палатахъ живетъ твоя большая сестра Луна. Только трудно тебѣ взять ее, потому что живетъ съ нею нечистый духъ: приходитъ онъ въ палаты медвѣдемъ, а какъ войдетъ — тотчасъ обора̀чивается человѣкомъ».

Царевичъ простился съ ягою, надѣлъ на себя сапоги-самоходы и пошелъ въ путь. На третій, день увидѣлъ онъ въ чистомъ полѣ бѣлокаменныя палаты, покрылся шляпою-невидимкою и вступилъ въ спальню къ любезной своей сестрицѣ, прекрасной царевнѣ Лунѣ. Въ то время царевна Луна лежала на кровати и опочивала крѣпкимъ сномъ. Царевичъ подошелъ къ кровати, началъ ее будить и скинулъ съ себя шляпу-невидимку; царевна пробудилась: «Кто ты таковъ и зачѣмъ сюда пришелъ?» — «Любезная моя сестрица, прекрасная царевна Луна! — отвѣчалъ царевичъ:—я твой братъ единоутробный, Иванъ-царевичъ; принесъ тебѣ челобитье отъ батюшки твоего царя Ахридея и отъ матушки твоей Дарьи: они вельми по тебѣ и по сестрицѣ Звѣздѣ сокрушаются». Прекрасная царевна Луна тотчасъ вскочила съ постели и во слезахъ начала обнимать царевича; долгое время они цѣловалися, миловалися, а послѣ того царевна сказала: «Любезный мой братецъ! я несказанно рада, что вижу тебя; но опасаюсь, чтобъ не пришелъ Медвѣдь и не съѣлъ бы тебя». — «Не крушись о томъ,—молвилъ ей царевичъ,—я этого не боюсь!»

Скоро поднялся сильный вихрь. Тогда прекрасная царевна сказала царевичу въ великомъ страхѣ: «Любезный братецъ, Иванъ-царевичъ, скоро Медвѣдь прибѣжитъ; спрячься куда-нибудь, не то съѣстъ тебя». «Не бойся!» сказалъ ей царевичъ, потомъ надѣлъ на себя шляпу невидимку и сѣлъ на стулъ. Медвѣдь вошелъ въ комнату и закричалъ человѣчьимъ голосомъ: «Фу-фу-фу! доселева русскаго духу слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынче и здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ».—«Ахъ, мой свѣтъ!—сказала Луна:—тебѣ стыдно о томъ и говорить: откуда здѣсь быть русскому духу? Ты по Руси бѣгаешь, и тамъ русскаго духу набрался; такъ тебѣ и здѣсь то же чудится». «Да не пришелъ ли братъ твой Иванъ-царевичъ?—спросилъ Медвѣдь:—вѣдь онъ давно ужъ родился». — «Я съ роду брата не видѣла, и того, есть ли у меня братъ? — не вѣдаю. А что, если бы братъ пришелъ — вѣдь ты бы съѣлъ его?» «Нѣтъ,—отвѣчалъ Медвѣдь,—я никогда того не сдѣлаю. Вѣдь я знаю, что онъ тебѣ милъ; а по тебѣ и мнѣ милъ». — «Поклянись прежде!» «Изволь; клянусь тебѣ, чѣмъ сама хочешь».—«Когда такъ,—сказала царевна Луна,—то братъ мой здѣсь и сидитъ возлѣ тебя».—«Что ты! какъ же я его не вижу?» сказалъ Медвѣдь, всталъ, ударился о сырую землю и сдѣлался такой молодецъ, что ни вздумать ни взгадать, ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать, и молвилъ: «Иванъ царевичъ! не прячься отъ меня; я для тебя не злодѣй, ничего тебѣ худого не сдѣлаю». Тутъ царевичъ скинулъ съ себя шляпу-невидимку и показался Медвѣдю. Медвѣдь разговаривалъ съ царевичемъ ласково, потчевалъ его всякими кушаньями и напитками. Иванъ царевичъ попробовалъ того-другого и говоритъ Медвѣдю: «Не хочешь ли моего дорожнаго кушанья и моихъ напитковъ отвѣдать?» Развернулъ скатерть-самобранку — и тотчасъ двѣнадцать молодцевъ и двѣнадцать дѣвицъ наставили на ту

скатерть разныхъ кушаньевъ и напитковъ и начали Ивана-царевича, царевну Луну и Медвѣдя потчевать. Медвѣдь удивился такому чудному дѣлу и спрашивалъ у Ивана-царевича: откуда онъ взялъ такую скатерть? Онъ про все ему разсказалъ. Вотъ такимъ-то образомъ жилъ царевичъ у Медвѣдя три мѣсяца, а потомъ собрался въ путь и сталъ спрашивать про меньшую свою сестру царевну Звѣзду: гдѣ она проживаетъ? «Она живетъ не очень далеко,—сказала царевна Луна,—только, братецъ, не чаю, чтобъ ты ее увидалъ, потому что живетъ она съ Морскимъ Чудовищемъ въ мѣдномъ замкѣ, а вокругъ того замка стоитъ стража великая — все водяные черти; они тебя убьютъ до смерти».—«Что дѣлать! хоть самъ помру, а сестрицу увижу». Простился Иванъ-царевичъ съ прекрасною царевною Луною и съ Медвѣдемъ и пошелъ въ путь.

На другой день увидѣлъ онъ мѣдный замокъ, подошелъ къ воротамъ; у воротъ стоятъ два водяныхъ чорта, на плечахъ пушки держатъ, никого въ замокъ не пропускаютъ. «Пропустите меня,—сказалъ царевичъ—вѣдь я нарочно пришелъ всѣхъ васъ съ караула смѣнить». — Нѣтъ, братъ, обманываешь! если хочешь, полѣзай черезъ каменную стѣну, а въ ворота ходить не приказано. Да смотри, полѣзай осторожнѣе: по ту сторону стѣны подведены струны: если чуть-чуть до струны дотронешься, то пойдетъ громъ по всему замку и по морю. Морское Чудовище услышитъ, выйдетъ изъ моря и тебя жива не оставитъ!» Царевичъ ничего не устрашился и полѣзъ въ сапогахъ-самоходахъ черезъ каменную стѣну; не задѣлъ за струны ни рукою ни ногою, только платьемъ слегка зацѣпилъ — и въ ту жъ минуту раздался великій громъ по всему замку. Царевичъ вошелъ съ торопомъ въ палаты, нашелъ прекрасную царевну Звѣзду въ постели и разбудилъ ее отъ крѣпкаго сна. Она проснулась и закричала: «Кто ты и зачѣмъ пришелъ?»—«Любезная сестрица, прекрасная царевна Звѣзда!—отвѣчалъ царевичъ,—я твой братъ родной Иванъ-царевичъ, принесъ тебѣ челобитную отъ батюшки твоего царя Ахридея и отъ матушки твоей царицы Дарьи; они вельми по тебѣ сокрушаются». Прекрасная царевна Звѣзда вскочила съ постели, начала его цѣловать, миловать, и потомъ говоритъ: «Любезный братецъ! спрячься куда-нибудь. Скоро прійдетъ сюда Морское Чудовище, и какъ тебя увидитъ — тотчасъ съѣстъ». — «Не крушись,—молвилъ царевичъ,—я не боюся!» Надѣлъ на себя шляпу-невидимку и сѣлъ на стулъ. Вошелъ Морское Чудовище и закричалъ человѣческимъ голосомъ: «Фу-фу-фу! доселева русскаго духу слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынче и здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ. Кто у тебя, царевна, въ гостяхъ?» — «Ахъ, мой свѣтъ!—отвѣчала царевна Звѣзда:—кому у меня быть? да русской и зайти сюда не можетъ. Самъ ты по Руси бѣгаешь, набрался тамъ русскаго духу, такъ онъ тебѣ и здѣсь чудится!» — «Полно, не пришелъ ли братъ твой Иванъ-царевичъ? вѣдь онъ давно ужъ родился». — «Я сроду ника-

кого брата не видала, и есть ли у меня братъ? — и того не вѣдаю. А что, если бъ Ивану-царевичу случилось зайти сюда, вѣдь ты бы съѣлъ его?» — «Нѣтъ,—отвѣчалъ Чудовище, — я никогда того не сдѣлаю. За что я его съѣмъ? вѣдь онъ мнѣ ничего худого не сдѣлалъ. Знаю и то, что онъ тебѣ милъ; а по тебѣ и мнѣ милъ».—«Нѣтъ, я по тѣхъ поръ не повѣрю, покуда ты клятвы не дашь». — «Изволь! клянусь тебѣ всѣмъ, чѣмъ сама хочешь». — «Когда такъ,—молвила царевна Звѣзда,—то братъ мой здѣсь и сидитъ противъ тебя». — «Что ты врешь?—сказалъ Морское Чудо; — какъ же я его не вижу?» — «Онъ право здѣсь!» отвѣчала Звѣзда. Тогда Чудовище ударился о сырую землю и сталъ такой молодецъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать, и закричалъ: «Иванъ-царевичъ, не прячься! я тебѣ не злодѣй, ничего худого не сдѣлаю и завсегда радъ тебя гостемъ видѣть». Царевичъ скинулъ съ себя шляпу-невидимку и показался Чудовищу. Чудовище разговаривалъ съ нимъ ласково, потчевалъ всякими питьями и кушаньями. Царевичъ попробовалъ того-другого и говоритъ Чудовищу: «Не хочешь ли ты моего дорожнаго кушанья и моихъ напитковъ отвѣдать?» Развернулъ скатерть-самобранку — и тотчасъ двѣнадцать мо̀лодцевъ и двѣнадцать дѣвицъ наставили на ту скатерть разныхъ кушаньевъ и напитковъ и начали Ивана-царевича, царевну Звѣзду и Морское Чудо потчевать. Чудо подивился той скатерти и спрашивалъ у Ивана-царевича: гдѣ онъ взялъ ее? Иванъ-царевичъ обо всемъ ему разсказалъ, и когда они напились и наѣлись, то царевичъ свернулъ свою скатерть, и стали они веселиться, всякими забавами потѣшаться. Прожилъ царевичъ у меньшой сестры своей близъ года. Когда Чудовища не было дома, сталъ онъ говорить царевнѣ Звѣздѣ, чтобъ она ушла съ нимъ къ отцу-къ матери. «Что ты, братецъ!—отвѣчала она: — Морское Чудо нагонитъ насъ, лютой смерти предастъ». — «Какъ же мнѣ тебя и сестру нашу выручить? — «Ежели хочешь меня и сестру нашу выручить, то ступай за тридевять земель, въ тридесятое государство. Тамъ есть широкая рѣка, черезъ рѣку калиновый мостъ, подъ тѣмъ мостомъ живетъ двѣнадцатиглавый змѣй: не пропускаетъ онъ ни коннаго ни пѣшаго, всѣхъ пожираетъ. Кому удастся убить двѣнадцатиглаваго змѣя, за того Царь-дѣвица замужъ выйдетъ; а съ ея помочью можно и меня и сестру выручить». Царевичъ выслушалъ эти рѣчи, простился съ сестрою и пошелъ за тридевять земель.

Онъ надѣлъ сапоги-самоходы и въ три дня поспѣлъ къ калиновому мосту. Зашелъ въ кузницу и велѣлъ ковать себѣ мечъ-кладенецъ и палицу боевую въ сорокъ пудъ; кузнецы сковали ему и мечъ и палицу. Царевичъ заплатилъ за работу и пошелъ къ мо̀сту со змѣемъ биться. Змѣй то̀тчасъ выбѣжалъ, бросился на царевича — хочетъ совсѣмъ проглотить его; но царевичъ пріостерегся, махнулъ палицей и за одинъ разъ отсѣкъ змѣю три головы. Змѣй опять на него бросился,

царевичъ вторично ударилъ палицею и сшибъ шесть головъ. Тутъ змѣй испустилъ изъ себя пламя огненное — хочетъ сжечь царевича; царевичъ быстро увернулся, ударилъ змѣя мечомъ и разсѣкъ его надвое, потомъ наклалъ костеръ дровъ, зажо̀гъ и положилъ всѣ змѣиныя головы и туловище на огонь, а самъ пошелъ черезъ мостъ на другую сторону.

Видитъ онъ — вылетѣло изъ градскихъ воротъ двѣнадцать голубицъ; прилетѣли онѣ къ калиновому мосту, ударились о сырую землю и сдѣлались красными дѣвицами. Раздѣлись красныя дѣвицы до́нага и стали купаться; а царевичъ надѣлъ шляпу-невидимку, любуется на ихъ красоту и ждетъ, что́ послѣ будетъ. Дѣвицы выкупались и одѣлись; Иванъ-царевичъ скинулъ съ себя шляпу, подошелъ къ нимъ, поклонился и сказалъ: «Честныя дѣвицы! скажите мнѣ, кто этимъ царствомъ владѣетъ?» — «Этимъ царствомъ владѣетъ прекрасная Царь-дѣвица; а ты, добрый мо̀лодецъ, какъ сюда зашелъ?» «Я пришелъ черезъ калиновый мостъ,—отвѣчалъ царевичъ,—и по ту сторону убилъ змѣя о двѣнадцати головахъ». Только выговорилъ онъ эти слова, какъ двѣнадцать дѣвицъ подхватили его по̀дъ руки и сказали: «Если ты убилъ двѣнадцатиглаваго змѣя, то долженъ быть нашимъ государемъ!» и повели его къ Царь-дѣвицѣ. Царь-дѣвица вышла встрѣчать царевича, принимала его за бѣлыя руки, сажала за столы дубовые, за скатерти браныя, и разговаривала полюбовно; въ тотъ же день царевичъ на ней и женился.

Прошло нѣсколько дней послѣ свадьбы, началъ царевичъ просить свою супругу, чтобъ освободила его сестеръ, царевенъ Луну и Звѣзду. Царь-дѣвица закричала громкимъ голосомъ: «Приведите ко мнѣ проклятаго духа, что́ сидитъ въ темномъ погребѣ». Приводятъ къ ней того заключенника — ростомъ превеликой, собой страшной! Говоритъ ему Царь-дѣвица: «Достань и принеси сюда царевну Луну да царевну Звѣзду; если сослужишь мнѣ эту службу — на волю тебя выпущу, а не сослужишь— навѣкъ тебя заключу въ темномъ погребѣ». Проклятой духъ тотчасъ помчался буйнымъ вихремъ и въ скоромъ времени принёсъ обѣихъ царевенъ; Царь-дѣвица отпустила его на волю, царевну Луну и царевну Звѣзду отправила къ отцу къ матери, а сама стала жить съ Иваномъ-царевичемъ въ любви и совѣтѣ.

Кромѣ лубочнаго изданія, сказка эта напечатана еще въ «Лѣкарствѣ отъ задумчивости и безсонницы» (Москва, 1819, въ типогр. Рѣшетникова) и отдѣльно въ Москвѣ, 1838 г., Типогр. инст. восточ. языковъ; Н. Полевой передалъ ее въ Иллюстраціи (первый годъ, стр. 87—102), но Медвѣдь въ его спискѣ замѣненъ Лѣснымъ Чудомъ; другой варіантъ см. у Худяк., III, № 108. Въ лубочномъ изданіи царевенъ Луну и Звѣзду похищаютъ баснословный Медвѣдь и Морское Чудо, а освобождаются онѣ по приказу Царь-дѣвицы великаномъ; въ спискѣ г. Худякова похищаютъ ихъ Вихри, а освобожденіе приписывается двѣнадцатиглавому змѣю, спущенному Царь-дѣвицею съ цѣпей. Словацкая сказка (Slov.

poĥadky a povĕsti, стр. 523 — 550) повѣствуетъ о трехъ сестрахъ, выданныхъ замужъ за медвѣдя, орла и огромную рыбу, которые приносятъ своимъ невѣстамъ въ даръ много серебра и золота.

Выдавъ своихъ сестеръ за Орла, Сокола и Ворона, царевичъ идетъ посмотрѣть на ихъ житье-бытье и на пути женится на Марьѣ Моревнѣ, прекрасной королевнѣ, славной своимъ воинственнымъ характеромъ, неописанною красотою и эпитетомъ *Моревна* (дочь моря). Но бракъ царевича съ красавицей непродолжителенъ; Марью Моревну уноситъ змѣй или, по другимъ спискамъ, Кощей Безсмертной, оба равно враждебные сказочнымъ героямъ и одинаково опасные похитители прекрасныхъ царевенъ. Сказка представляетъ ихъ заключенными и скованными: въ запертой комнатѣ дворца они висятъ на желѣзныхъ крюкахъ и цѣпяхъ, и только тогда срываются съ нихъ, когда вдоволь напьются воды. Сорвавшись съ цѣпей, змѣй овладѣваетъ красавицей. Въ хорутанскихъ сказкахъ (стр. 1—5, 24—29) царевичъ женится на воинственной царицѣ вилъ; она совѣтуетъ милому не входить въ запертую комнату, но царевичъ ослушался—и увидѣлъ тамъ старика, изъ устъ котораго выходило пламя. Это былъ огненный царь (то же, что змѣй); онъ попросилъ напиться, и когда царевичъ подалъ ему воды (или вина) — съ старика тотчасъ же слетѣли сковывавшіе его обручи, и освобожденный онъ унесъ царицу вилъ на огненную *гору*: тамъ сидѣла она *въ потокѣ* и ждала избавителя. Въ сербской сказкѣ (Карадж., стр. 24—33) царевичу было запрещено входить въ двѣнадцатой погребъ, но онъ отворяетъ туда двери, видитъ огромную бочку, обитую тремя желѣзными обручами, и слышитъ изъ нея голосъ: «Ради Бога, брате! дай мнѣ чашку воды, я умираю отъ жажды». Царевичъ плеснулъ въ бочку чашку воды—и вслѣдъ за тѣмъ лопнулъ одинъ обручъ; за второю чашкою—лопнулъ другой обручъ, а за третьею—и послѣдній распался; изъ бочки вылетѣлъ змѣй и увлекъ красную дѣвицу въ змѣиный градъ (см. также у Гальтриха, стр. 123—4).—Царевичъ идетъ искать свою жену, унесенную кощеемъ или змѣемъ; ему удается увезти ее изъ заключенія, но кощей или змѣй быстро нагоняетъ ихъ на своемъ славномъ конѣ, отнимаетъ бѣглянку, а добраго молодца убиваетъ. Но горю помогаютъ благотворныя силы природы: въ сказкѣ про Ѳедора Тугарина это Вихрь, Градъ и Громъ, поженившіеся на его родныхъ сестрахъ. Они приносятъ изъ далекихъ таинственныхъ странъ *цѣлющей и живущей* (т.-е. живой) *воды* и оживляютъ его. Въ сказкѣ «Марья Моревна» эту помощь оказываетъ Орелъ, Соколъ и Воронъ. Въ другихъ сказкахъ живую воду тоже приносятъ птицы: *воронъ* (въ сказкѣ объ Иванѣ-царевичѣ и жаръ-птицы); *соколъ* (въ сказкѣ: «Иванъ-Кручина», изд. Бронницына, стр. 73) и *голубь* (Српске народне приповијетке, № 12, стр. 87),—о чемъ см. въ Поэт. Воз., I, стр. 364—7.

Оживленный чудесною водою, герой пробуждается, встаетъ и говоритъ: *Ахъ какъ я долго спалъ! — Заснулъ бы ты навѣки*, если бъ не мы!

отвѣчаютъ его могучіе зятья: указаніе на ту древнѣйшую связь понятій смерти и сна, которая такъ ясно засвидѣтельствована въ греческой и римской миѳологіяхъ (см. Поэт. Воззр., III, стр. 36—42—54). Послѣ того царевичъ рѣшается добыть себѣ такого коня, который былъ бы сильнѣе и быстрѣе змѣинаго, и за трудную службу у бабы-яги ему удается достигнуть своей цѣли. Онъ опять увозитъ Марью Моревну; змѣй бросается въ погоню, но богатырскій конь царевича убиваетъ его ударомъ своего копыта. Объясненіе сказки см. въ Поэт. Воззр., II, стр. 124—9.

96. Иванъ-царевичъ и Бѣлый Полянинъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; у этого царя было три дочери и одинъ сынъ Иванъ-царевичъ. Царь состарѣлся и померъ, а корону принялъ Иванъ-царевичъ. Какъ узнали про то сосѣдскіе короли, сейчасъ собрали несчетныя войска и пошли на него войною. Иванъ-царевичъ не знаетъ, какъ ему быть; приходитъ къ своимъ сестрамъ и спрашиваетъ: «Любезныя мои сестрицы! что мнѣ дѣлать? всѣ короли поднялись на меня войною».—«Ахъ ты, храбрый воинъ! Чего убоялся! Какъ же Бѣлый Полянинъ [1]) воюетъ съ бабой-ягой, золотою ногою, тридцать лѣтъ съ коня не слѣзаетъ, роздыху не знаетъ, а ты, ничего не видя, испугался!» Иванъ царевичъ тотчасъ осѣдлалъ своего добраго коня, надѣлъ на себя збрую ратную, взялъ мечъ-кладенецъ, копье долгомѣрное и плетку шелковую, помолился Богу и выѣхалъ противъ непріятеля, не столько мечемъ бьетъ, сколько конемъ топчетъ; перебилъ все воинство вражее, воротился въ городъ, легъ спать и спалъ трое сутокъ безпробуднымъ сномъ. На четвертыя сутки проснулся, вышелъ на балконъ, глянулъ въ чистое поле—короли больше того войскъ собрали и опять подъ самыя стѣны подступили. Запечалился царевичъ, идетъ къ своимъ сестрамъ: «Ахъ, сестрицы! что мнѣ дѣлать? одну силу истребилъ, другая подъ городомъ стоитъ, пуще прежняго грозитъ».—«Какой же ты воинъ! сутки воевалъ, да трое сутокъ безъ просыпа спалъ. Какъ же Бѣлый Полянинъ воюетъ съ бабой-ягой, золотой ногою, тридцать лѣтъ съ коня не слѣзаетъ, роздыху не знаетъ?» Иванъ-царевичъ побѣжалъ въ бѣлокаменныя конюшни, осѣдлалъ добраго коня богатырскаго, надѣлъ збрую ратную, опоясалъ мечъ-кладенецъ, въ одну руку взялъ копье долгомѣрное, въ другую плетку шелковую, помолился Богу и выѣхалъ противъ непріятеля. Не ясенъ соколъ налетаетъ на стадо гусей, лебедей и на сѣрыхъ утицъ,—нападаетъ Иванъ-царевичъ на войско вражее; не столько самъ бьетъ, сколько конь его топчетъ. Побилъ рать-силу

[1]) *Вар.:* Полякъ-Бѣлой Колпакъ.

великую, воротился домой, легъ спать и спалъ непробуднымъ сномъ шесть сутокъ. На седьмыя сутки проснулся, вышелъ на балконъ, глянулъ въ чистое поле — короли больше того войскъ собрали и опять весь городъ обступили. Идетъ Иванъ царевичъ къ сестрамъ: «Любезныя мои сестрицы! что мнѣ дѣлать? двѣ силы истребилъ, третья подъ стѣнами стоитъ, еще пуще грозитъ». — «Ахъ ты, храбрый воинъ! однѣ сутки воевалъ, да шестеро безъ просыпа спалъ. Какъ же Бѣлый Полянинъ воюетъ съ бабой-ягою, золотой ногою, тридцать лѣтъ, съ коня не слѣзаетъ, роздыху не знаетъ». Горько показалось то царевичу; побѣжалъ онъ въ бѣлокаменныя конюшни, осѣдлалъ своего добраго коня богатырскаго, надѣлъ на себя збрую ратную, опоясалъ мечъ-кладенецъ, въ одну руку взялъ копье долгомѣрное, въ другую плетку шелковую, помолился Богу и выѣхалъ противъ непріятеля. Не ясенъ соколъ налетаетъ на стадо гусей, лебедей и на сѣрыхъ утицъ,—нападаетъ Иванъ-царевичъ на войско вражее; не столько самъ бьетъ, сколько конь его топчетъ. Побилъ рать-силу великую, воротился домой, легъ спать и спалъ непробуднымъ сномъ девять сутокъ. На десятыя сутки проснулся призвалъ всѣхъ министровъ и сенаторовъ: «Господа мои министры и сенаторы! вздумалъ я въ чужія страны ѣхать, на Бѣла Полянина посмотрѣть; прошу васъ судить и рядить, всѣ дѣла разбирать въ правду». Затѣмъ попрощался съ сестрами, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ путь-дорогу. Долго ли, коротко ли—заѣхалъ онъ въ темный лѣсъ; видитъ—избушка стоитъ, въ той избушкѣ старъ человѣкъ живетъ. Иванъ-царевичъ зашелъ къ нему: «Здравствуй, дѣдушка!»—«Здравствуй, русской царевичъ! куда Богъ несетъ?»—«Ищу Бѣлаго Полянина; не знаешь ли, гдѣ онъ?»—«Самъ я не вѣдаю, а вотъ подожди: соберу своихъ вѣрныхъ слугъ и спрошу у нихъ». Старикъ выступилъ на крылечко, заигралъ въ серебряную трубу—и вдругъ начали къ нему со всѣхъ сторонъ птицы слетаться. Налетѣло ихъ видимо-невидимо, черной тучею все небо покрыли. Крикнулъ старъ человѣкъ громкимъ голосомъ, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ: «Слуги мои вѣрные, птицы перелетныя! не видали ль, не слыхали ль чего про Бѣлаго Полянина?»—«Нѣтъ, видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!»—«Ну, Иванъ-царевичъ!—говоритъ старъ человѣкъ:—ступай теперь къ моему старшему брату: можетъ, онъ тебѣ скажетъ. На, возьми клубочекъ, пусти передъ собою; куда клубочекъ покатится, туда и коня управляй». Иванъ-царевичъ сѣлъ на своего добраго коня, покатилъ клубочекъ и поѣхалъ вслѣдъ за нимъ; а лѣсъ все темнѣй да темнѣй. Пріѣзжаетъ царевичъ къ избушкѣ, входитъ въ двери; въ избушкѣ старикъ сидитъ—сѣдой какъ лунь. «Здравствуй, дѣдушка!»—«Здравствуй, руской царевичъ! куда путь держишь?»—«Ищу Бѣлаго Полянина; не знаешь ли, гдѣ онъ?»—«А вотъ погоди: соберу своихъ вѣрныхъ слугъ и спрошу у нихъ». Старикъ выступилъ на крылечко, заигралъ въ серебряную трубу, и вдругъ собрались къ нему со всѣхъ сторонъ разные звѣри.

Крикнулъ имъ громкимъ голосомъ, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ: «Слуги мои вѣрные, звѣри прыскучіе! не видали ль, не слыхали ль чего про Бѣлаго Полянина?»—«Нѣтъ,—отвѣчаютъ звѣри,—видомъ не видали, слыхомъ не слыхали».—«А ну, разсчитайтесь промежъ себя; можетъ—не всѣ пришли». Звѣри разсчитались промежъ себя—нѣтъ кривой волчицы. Старикъ послалъ искать ее; тотчасъ побѣжали гонцы и привели ее. «Сказывай, кривая волчица! не знаешь ли ты Бѣлаго Полянина?»—«Какъ мнѣ его не знать, коли я при немъ завсегда живу: онъ войска побиваетъ, а я мертвымъ трупомъ питаюсь».—«Гдѣ же онъ теперь!»—«Въ чистомъ полѣ, на большомъ курганѣ въ шатрѣ спитъ. Воевалъ онъ съ бабой-ягою, золотой ногою, а послѣ бою залегъ на двѣнадцать сутокъ спать».—«Проводи туда Ивана-царевича». Волчица побѣжала, а вслѣдъ за нею поскакалъ царевичъ. Пріѣзжаетъ онъ къ большому кургану, входитъ въ шатеръ — Бѣлой Полянинъ крѣпкимъ сномъ почиваетъ. «Вотъ сестры мои говорили, что Бѣлой Полянинъ безъ роздыху воюетъ, а онъ на двѣнадцать сутокъ спать залегъ! Не заснуть ли и мнѣ пока?» Подумалъ-подумалъ Иванъ царевичъ и легъ съ нимъ рядомъ. Тутъ прилетѣла въ шатеръ малая птичка, вьется у самаго изголовья и говоритъ таковыя слова: «Встань-пробудись, Бѣлой Полянинъ, и предай злой смерти моего брата Ивана-царевича; не то встанетъ—самъ тебя убьетъ!» Иванъ Царевичъ вскочилъ, поймалъ птичку, оторвалъ ей правую ногу, выбросилъ за шатеръ и опять легъ возлѣ Бѣлаго Полянина. Не успѣлъ заснуть, какъ прилетаетъ другая птичка, вьется у изголовья и говоритъ: «Встань-пробудись, Бѣлой Полянинъ, и предай злой смерти моего брата Ивана-царевича; не то встанетъ—самъ тебя убьетъ!» Иванъ-царевичъ вскочилъ, поймалъ птичку, оторвалъ ей правое крыло, выбросилъ изъ шатра и опять легъ на то же мѣсто. Вслѣдъ за тѣмъ прилетаетъ третья птичка, вьется у изголовья и говоритъ: «Встань-пробудись, Бѣлой Полянинъ, и предай злой смерти брата моего Ивана-царевича; не то онъ встанетъ да тебя убьетъ!» Иванъ-царевичъ вскочилъ, изловилъ ту птичку и оторвалъ ей клювъ; птичку выбросилъ вонъ, а самъ легъ и крѣпко заснулъ. Пришла пора—пробудился Бѣлой Полянинъ, смотритъ—рядомъ съ нимъ незнáмо-какой богатырь лежитъ; схватился за острый мечъ и хотѣлъ было предать его злой смерти да удержался во-время. «Нѣтъ,—думаетъ,—онъ наѣхалъ на меня на соннаго, а меча не хотѣлъ кровавить; не честь не хвала и мнѣ, доброму молодцу, загубить его! Сонной, что мертвой! лучше разбужу его». Разбудилъ Ивана-царевича и спрашиваетъ: «Доброй ли, худой ли человѣкъ! говори: какъ тебя по имени зовутъ и зачѣмъ сюда заѣхалъ?»—Зовутъ меня Иваномъ-царевичемъ, а пріѣхалъ на тебя посмотрѣть, твоей силы попытать».—«Больно смѣлъ ты, царевичъ! безъ спросу въ шатеръ вошелъ, безъ докладу выспался, можно тебя за то смерти предать!»—Эхъ, Бѣлой Полянинъ! не перескочилъ черезъ ровъ, да хвастаешь, подожди, можетъ—споткнешься! У тебя двѣ руки, да и меня мать не съ одной родила».

Сѣли они на своихъ богатырскихъ коней, съѣхались и ударились, да такъ сильно, что ихъ копья вдребезги разлетѣлись добрые кони на колѣни попадали. Иванъ-царевичъ вышибъ изъ сѣдла Бѣлаго Полянина и занесъ надъ нимъ острой мечъ. Взмолился ему Бѣлой Полянинъ: «Не дай мнѣ смерти, дай мнѣ животъ! назовусь твоимъ меньшимъ братомъ, вмѣсто отца почитать буду». Иванъ-царевичъ взялъ его за руку, поднялъ съ земли, поцѣловалъ въ уста и назвалъ его своимъ меньшимъ братомъ: «Слышалъ я, братъ, что ты тридцать лѣтъ съ бабой-ягой, золотой ногой, воюешь; за что у васъ война?»—«Есть у нея дочь-красавица, хочу добыть да жениться».—«Ну,—сказалъ царевичъ,—коли дружбу водить, такъ въ бѣдѣ помогать! поѣдемъ воевать вмѣстѣ». Сѣли на коней, выѣхали въ чистое поле; баба-яга, золотая нога выставила рать-силу несмѣтную. То не ясные соколы налетаютъ на стадо голубиное—напускаются сильномогучіе богатыри на войско вражее! Не столько мечами рубятъ, сколько конями топчутъ; прирубили, притоптали цѣлыя тысячи. Баба-яга наутекъ бросилась, а Иванъ царевичъ за ней вдогонку. Совсѣмъ было нагонять сталъ—какъ вдругъ прибѣжала она къ глубокой пропасти, подняла чугунную доску и скрылась подъ землею. Иванъ-царевичъ и Бѣлый Полянинъ накупили быковъ многое множество, начали ихъ бить, кожи сымать да ремни рѣзать; изъ тѣхъ ремней канатъ свили—да такой длинный, что одинъ конецъ здѣсь, а другой на тотъ свѣтъ достанетъ. Говоритъ царевичъ Бѣлому Полянину: «Опускай меня скорѣй въ пропасть да назадъ каната не вытаскивай, а жди, какъ я за канатъ дерну, тогда и тащи!» Бѣлой Полянинъ опустилъ его въ пропасть на самое дно. Иванъ-царевичъ осмотрѣлся кругомъ и пошелъ искать бабу-ягу. Шелъ-шелъ, смотритъ—за рѣшеткой портные сидятъ. «Что вы дѣлаете?»—«А вотъ что, Иванъ-царевичъ: сидимъ да войско шьемъ для бабы-яги, золотой ноги».—«Какъ же вы шьете?»—«Извѣстно какъ: что кольнешь иглой, то и казакъ съ пикой на лошадь садится, въ строй становится и идетъ войной на Бѣлаго Полянина».—«Эхъ, братцы! скоро вы дѣлаете, да не крѣпко; становитесь-ка въ рядъ, я васъ научу, какъ крѣпче шить». Они тотчасъ выстроились въ одинъ рядъ; а Иванъ-царевичъ какъ махнетъ мечомъ, такъ и полетѣли головы. Побилъ портныхъ и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, смотритъ — за рѣшеткой сапожники сидятъ. «Что вы тутъ дѣлаете?—«Сидимъ да войско готовимъ для бабы-яги, золотой ноги».—«Какъ же вы, братцы, войско готовите?»—«А вотъ какъ: что шиломъ кольнемъ, то и солдатъ съ ружьемъ на коня садится, въ строй становится и идетъ войной на Бѣлаго Полянина [1])»—«Эхъ, ребята! скоро вы дѣлаете да не споро. Становитесь

---

[1]) *Вар.*: Шелъ-шелъ — стоятъ кузницы, въ тѣхъ кузницахъ желѣзо калятъ да молотомъ бьютъ; что ни ударъ молотомъ—то и солдатъ готовъ, съ ружьемъ съ саблею, въ полной походной амуниціи: хоть сейчасъ на войну! Спрашиваетъ Иванъ-царевичъ: «Кузнецы, кузнецы! кому столько войска готовите?»—«Бабѣ-ягѣ, золотой ногѣ; тридцать лѣтъ съ Бѣлымъ Поляниномъ

ка въ рядъ, я васъ получше научу». Вотъ они стали въ рядъ; Иванъ-царевичъ махнулъ мечемъ и полетѣли головы! Побилъ сапожниковъ— и опять въ дорогу. Долго ли, коротко ли,—добрался до большого прекраснаго города; въ томъ городѣ царскіе терема выстроены, въ тѣхъ теремахъ сидитъ дѣвица красоты неописанной. Увидала она въ окно добраго мо́лодца, полюбились ей кудри черные, очи соколиныя, брови соболиныя, ухватки богатырскія; зазвала къ себѣ царевича, разспросила, куда и зачѣмъ идетъ. Онъ ей сказалъ, что ищетъ бабу-ягу, золотую ногу. «Ахъ, Иванъ-царевичъ! вѣдь я ея дочь; она теперь спитъ непробуднымъ сномъ, залегла отдыхать на двѣнадцать сутокъ». Вывела его изъ города и показала дорогу. Иванъ-царевичъ пошелъ къ бабѣ-ягѣ, золотой ногѣ, засталъ ее сонную, ударилъ мечомъ и отрубилъ ей голову. Голова покатилась и промолвила: «Бей еще, Иванъ-царевичъ!»—«Богатырскій ударъ и одинъ хорошъ!» отвѣчалъ царевичъ, воротился въ терема къ красной дѣвицѣ, сѣлъ съ ней за столы дубовые, за скатерти браныя. Наѣлся-напился и сталъ ее спрашивать: «Есть ли въ свѣтѣ сильнѣе меня и краше тебя?»—«Ахъ, Иванъ-царевичъ! что я за красавица! вотъ какъ за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ живетъ у царя-змѣя королевна, такъ то подлинно красота несказанная; она только ноги помыла, а я тою водою умылась». Иванъ-царевичъ взялъ красную дѣвицу за бѣлую руку, привелъ къ тому мѣсту, гдѣ канатъ висѣлъ, и подалъ знакъ Бѣлому Полянину. Тотъ ухватился за канатъ и давай тянуть; тянулъ-тянулъ и вытащилъ царевича съ красной дѣвицей. «Здравствуй, Бѣлой Полянинъ!—сказалъ Иванъ царевичъ:—вотъ тебѣ невѣста; живи-веселись, ни о чемъ не крушись, а я въ змѣиное царство поѣду». Сѣлъ на своего богатырскаго коня, попрощался съ Бѣлымъ Поляниномъ и его невѣстою и поскакалъ за тридевять земель. Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли—скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается,—пріѣхалъ онъ въ царство змѣиное, убилъ царя-змѣя, освободилъ изъ неволи прекрасную королевну и женился на ней; послѣ того воротился домой и сталъ съ молодой женой жить-поживать да добра наживать [1]).

Примѣчаніе. Съ этой сказкою сходно начало малороссійской про королеву Катерину (Малорус. литерат. сборникъ Д. Мордовцова, стр. 370—3). Имя Бѣлаго Полянина встрѣчается и въ сказкѣ № 79. О миѳическихъ кузнецахъ, которые приготовляютъ своими молотами солдатъ

сражается, а все побѣдить не можетъ...» Шелъ-шелъ—стоятъ избы, въ тѣхъ избахъ сидятъ красныя дѣвицы, за ткацкими станами работаютъ: только ударятъ бердомъ—тотчасъ солдатъ и выскочитъ съ ружьемъ, съ саблею въ полной походной амуниціи: хоть сейчасъ на войну!..

[1]) Въ другомъ спискѣ конецъ разсказанъ иначе: Бѣлой Полянинъ вытащилъ на канатѣ красную дѣвицу, побоялся, чтобы Иванъ-царевичъ не отбилъ у него невѣсты, и задумалъ убить его. Иванъ-царевичъ догадливъ былъ, захотѣлъ напередъ испробовать, какова вѣрность Бѣлаго Полянина, взялъ большой камень и привязалъ къ канату. Бѣлой Полянинъ тянулъ-

для бабы-яги, смотри Поэт. Воз., I, стр. 274—77; преданіе объ этихъ кузнецахъ народная фантазія распространила на портныхъ, сапожниковъ и ткачихъ, приготовляющихъ несмѣтныя войска иглою, шиломъ и бердомъ или шпулемъ.

97. Хрустальная гора.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; у царя было три сына. Вотъ дѣти и говорятъ ему: «Милостивой государь батюшка! благослови насъ: мы на охоту поѣдемъ». Отецъ благословилъ, и они поѣхали въ разныя стороны. Малой сынъ ѣздилъ-ѣздилъ и заплутался; выѣзжаетъ на поляну, на полянѣ лежитъ палая лошадь, около этой падали собралось много всякаго звѣря, птицы и гаду. Поднялся соколъ, прилетѣлъ къ царевичу, сѣлъ ему на плечо и говоритъ: «Иванъ-царевичъ! раздѣли намъ эту лошадь: лежитъ она здѣсь тридцать-три года, а мы все споримъ, а какъ подѣлить — не придумаемъ». Царевичъ слѣзъ съ своего добраго коня и раздѣлилъ падаль: звѣрямъ — кости, птицамъ — мясо, кожа — гадамъ, а голова — муравьямъ. «Спасибо, Иванъ-царевичъ!—сказалъ соколъ:—за эту услугу можешь ты обращаться яснымъ соколомъ и муравьемъ всякой разъ, какъ захочешь». Иванъ-царевичъ ударился о сырую землю, сдѣлался яснымъ соколомъ, взвился и полетѣлъ въ тридесятое государство; а того государства больше чѣмъ наполовину втянуло въ хрустальную гору. Прилетѣлъ прямо во дворецъ, оборотился добрымъ молодцемъ, и спрашиваетъ придворную стражу: «Не возьметъ ли вашъ государь меня въ службу къ себѣ?» — «Отчего не взять такого мòлодца!» Вотъ онъ поступилъ къ тому царю на службу и живетъ у него недѣлю, другую и третью. Стала проситься царевна: «Государь мой батюшка! позволь мнѣ съ Иваномъ-царевичемъ на хрустальной горѣ погулять». Царь позволилъ. Сѣли они на добрыхъ коней и поѣхали. Подъѣзжаютъ къ хрустальной горѣ, вдругъ откуда ни возьмись — выскочила золотая коза. Царевичъ погналъ за ней, скакалъ-скакалъ, козы не добылъ, а воротился назадъ — и царевны нѣту! Что дѣлать? какъ къ царю на глаза показаться? Нарядился онъ такимъ древнимъ старичкомъ, чтò и признать нельзя, пришелъ во дворецъ и говоритъ царю: «Ваше величество! найми меня стадо пасти». — «Хорошо, будь пастухомъ; коли прилетитъ змѣй о трехъ головахъ — дай ему три коровы, коли о шести

тянулъ, дотянулъ до половины и обрѣзалъ канатъ—камень упалъ и въ мелкую пыль разлетѣлся. Огромная птица выноситъ Ивана-царевича съ того свѣта (точно такъ же, какъ въ сказкѣ «Норка-звѣрь»). Какъ увидалъ его Бѣлой Полянинъ, крѣпко испугался, палъ къ ногамъ и началъ просить прощенія. «Ну, братъ!—сказалъ Иванъ-царевичъ:—ни за что бъ тебя не простилъ, если бъ не твоя молодая жена. Ее жалко; ради ея и тебя прощаю!» Вслѣдъ за тѣмъ ѣдетъ Иванъ-царевичъ въ змѣиное царство...

головахъ — дай шесть коровъ, а коли о двѣнадцати головахъ — то отсчитывай двѣнадцать коровъ». Иванъ-царевичъ погналъ стадо по горамъ, по доламъ; вдругъ летитъ съ озера змѣй о трехъ головахъ: «Эхъ, Иванъ-царевичъ, за какое ты дѣло взялся? Гдѣ бы сражаться доброму мо̀лодцу, а онъ стадо пасётъ! Ну-ка, — говоритъ, — отгони мнѣ трёхъ коровъ». — «Не жирно ли будетъ?—отвѣчаетъ царевичъ:—я самъ въ суточки ѣмъ по одной уточкѣ, а ты трехъ коровъ захотѣлъ... Нѣтъ тебѣ ни одной!» Змѣй осерчалъ и вмѣсто трехъ захватилъ шесть коровъ. Иванъ-царевичъ тотчасъ обернулся яснымъ соколомъ, снялъ у змѣя три головы и погналъ стадо домой. «Что, дѣдушка,—спрашиваетъ царь:—прилеталъ ли трехглавой змѣй, далъ ли ему трехъ коровъ?» — «Нѣтъ, ваше величество, ни одной не далъ!» На другой день гонитъ царевичъ стадо по горамъ, по доламъ; прилетаетъ съ озера змѣй о шести головахъ и требуетъ шесть коровъ. «Ахъ ты, чудо-юдо обжорливое! я самъ въ суточки ѣмъ по одной уточкѣ, а ты чего захотѣлъ! Не дамъ тебѣ ни единой!» Змѣй осерчалъ, вмѣсто шести захватилъ двѣнадцать коровъ; а царевичъ обратился яснымъ соколомъ бросился на змѣя и снялъ у него шесть головъ. Пригналъ домой стадо; царь и спрашиваетъ: «Что, дѣдушка, прилеталъ ли шестиглавой змѣй, много ли мое стадо поубавилось?» — «Прилетать-то прилеталъ, да ничего нѐ взялъ!» Позднимъ вечеромъ оборотился Иванъ-царевичъ въ муравья и сквозь малую трещинку заползъ въ хрустальную гору: смотритъ — въ хрустальной горѣ сидитъ царевна. «Здравствуй,—говоритъ Иванъ-царевичъ,—какъ ты сюда попала? — «Меня унёсъ змѣй о двѣнадцати головахъ; живетъ онъ на батюшкиномъ озерѣ — въ томъ змѣѣ сундукъ таится, въ сундукѣ — заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ уткѣ — яичко, въ яичкѣ — сѣмечко; коли ты убьешь его да достанешь это сѣмечко, въ тѣ поры можно хрустальную гору извести и меня избавить». Иванъ-царевичъ вылѣзъ изъ той норы, снарядился пастухомъ и погналъ стадо. Вдругъ прилетаетъ змѣй о двѣнадцати головахъ: «Эхъ! Иванъ-царевичъ! не за свое ты дѣло взялся; чѣмъ бы тебѣ, доброму мо̀лодцу, сражаться, а ты стадо пасёшь... Ну-ка, отсчитай мнѣ двѣнадцать коровъ!» — «Жирно будетъ! я самъ въ суточки ѣмъ по одной уточкѣ; а ты чего захотѣлъ!» Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иванъ-царевичъ побѣдилъ змѣя о двѣнадцати головахъ, разрѣзалъ его туловище и на правой сторонѣ нашелъ сундукъ; въ сундукѣ — заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ уткѣ — яйцо, въ яйцѣ — сѣмечко. Взялъ онъ сѣмечко, зажо́гъ и поднёсъ къ хрустальной горѣ — гора скоро растаяла. Иванъ-царевичъ вывелъ оттуда царевну и привёзъ ее къ отцу; отецъ возрадовался и говоритъ царевичу: «Будь ты моимъ зятемъ!» Тутъ ихъ и обвѣнчали; на той свадьбѣ и я былъ, медъ-пиво пилъ, по бородѣ текло, въ ротъ не попало.

Примѣчаніе. Сходныя сказки смотри въ Narodne pripovijedke Валявца, стр. 127—8; 154—7; въ собраніи Вольфа, стр. 82—90, и въ Zeitschrift für D. M. II, стр. 384—5.

98. Бухтанъ Бухтановичъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ живалъ-бывалъ нѣкто Бухтанъ Бухтановичъ; у Бухтана Бухтановича была выстроена среди поля печь на столбахъ. Онъ лежитъ на печи по полу-локоть въ тараканьемъ молокѣ. Приходила къ ёму лисица и говорила: «Бухтанъ Бухтановичъ! хошь ли, я тебя женю у царя на дочери?» — «Что ты, лйска!» — «Есть ли у тебя сколько-нибудь денегъ?» — «Да есть всего одинъ пятакъ».—«Подай и тотъ сюда!» Лисица пошла, размѣняла пятакъ на мелкія деньги — на копейки, денежки и полушки, пошла къ царю и говоритъ: «Царь, вольной человѣкъ! дай четверикà, — у Бухтана Бухтановича деньги смѣрять». Онъ говоритъ: «Возьми». Она принесла домой; деньгу, копейку запихала за обручъ и отнесла къ царю и говоритъ: «Царь, вольной человѣкъ! четверикá мало; дай полмѣры — деньги у Бухтана Бухтановича смѣрять». — «Возьми». Она взяла, принесла домой; деньгу, копейку запихала за обручъ и отнесла къ царю: «Царь, вольный человѣкъ! полмѣры мало, дай мѣру». — «Возьми мѣру». Она взяла, принесла домой и остальное отъ пятака запихала за обручьё и отнесла къ царю. Царь говоритъ: «Смѣряла ли, лиска?» Лиска сказала: «Всё вцѣлѣ [1]). Ну, царь, вольный человѣкъ! я пришла къ тебѣ за добрымъ дѣломъ: отдай дочь свою за Бухтана Бухтановича». — «Ну, ладно, покажи же ты мнѣ жениха» [2]). Она побѣгла домой. «Бухтанъ Бухтано-

---

[1]) Цѣло. [2]) *Варіантъ 1-й:* Въ одной деревнѣ была-жила вдова, у нея былъ сынъ Ванька Голой. Жили они въ большой бѣдности: изба на бокъ свалилась; окно худымъ сарафанишкомъ затыкалось; ни сѣней ни двора— кругомъ чисто! Пошелъ сынъ въ городъ работы искать, денегъ наживать; жилъ тамъ годъ и два и выжилъ десять рублей. Нѣтъ , думаетъ, отъ работы не будешь богатъ, а развѣ горбатъ! Воротился домой и говоритъ матери: «Поди къ богатому мужику, проси четверикъ, а станетъ спрашивать,—зачѣмъ,—скажи: деньги мѣрять». Пришла баба къ богатому мужику и проситъ четверика: сынъ де пріѣхалъ изъ города, такъ деньги надо смѣрять. «Возьми». Приноситъ домой; Ванька Голой и началъ побрякивать десятью рублями. А богатому мужику не терпится, пошелъ подслушать. Баба увидала его и спрашиваетъ у сына: «Что, сколько четвериковъ?» А онъ говоритъ: «Двадцать». Только богатой мужикъ воротился домой, Ванька Голой будь догадливъ, позасунулъ въ четверикъ за обручи пятачковъ да гривенничковъ и отнесъ къ нему. Посмотрѣлъ мужикъ на свой четверикъ, какъ увидѣлъ серебро—и думаетъ себѣ: «И впрямь онъ деньги мѣрялъ!» На другой день Ванька Голой посылаетъ свою мать: «Поди, сватай за меня дочь у богатаго мужика». Пошла сватать, а мужикъ тому и радъ; веселымъ пиркомъ да за свадебку! Взялъ Ванька большое приданое и сталъ жить-поживать съ своею молодою женою въ богачествѣ, и теперь живутъ да хлѣбъ жуютъ. Я у нихъ на свадьбѣ былъ, медъ-вино пилъ; дали мнѣ блинъ, что̀ три года гнилъ, а кто-то былъ смѣлъ, выхватилъ да съѣлъ.

Варіантъ 2-й: Жилъ себѣ купецъ, у него былъ сынъ. Вотъ отецъ померъ, а сынъ остался одинъ, прогулялъ все имѣніе и задумалъ жениться.

вичъ! есть ли у тебя како-нибудь платьё? надѣвай». Бухтанъ Бухтановичъ оболокся [1]) и пошелъ съ лисою къ царю. Идутъ по ряду, и привелось имъ итти по мостику — грязной такой! Лиска пихнула его, и Бухтанъ Бухтановичъ ввалился [2]) въ грязь. Она прибѣгла къ нему: «Что ты, что ты, Бухтанъ Бухтановичъ?» А сама грязью-то всего его замарала. «Постой же, Бухтанъ Бухтановичъ! я къ царю сбѣгаю». Лиска прибѣгла къ царю и говоритъ: «Царь, вольный человѣкъ! мы шли съ Бухтаномъ Бухтановичемъ по мостику — мостикъ скверный такой! — мы какъ-то не постереглись, ввалились; Бухтанъ Бухтановичъ весь замарался; итти-то нехорошо въ городъ; нѣтъ ли у тебя платья ижидёнова?» [3])— «На! возьми». Лиска побѣгла. Прибѣгла. «Бухтанъ Бухтановичъ, на — переболокись [4]) да пойдемъ». Пришли къ царю. У царя было уже налàжено [5]) на столъ. Бухтанъ Бухтановичъ никуда не глядитъ, какъ на себя, — отъ роду не видалъ онъ такого платья! Царь и моргнулъ лискѣ: «Лиска, что̀ это Бухтанъ Бухтановичъ-то никуда не глядитъ, какъ на себя?» — «Царь, вольный человѣкъ! ему стыдно кажи́тъся, что на немъ эко платьё; Бухтанъ Бухтановичъ эково платья-то о́тъ роду не нашивалъ дряннова. Царь, вольный человѣкъ! дай ему платьё-то, которое носишь ты въ Пасху». — А сама и шепнула Бухтану Бухтановичу: «Не гляди на себя!» Бухтанъ Бухтановичъ опять глядитъ — некуды што, на стулъ: стулъ былъ вызолоченный. Царь шепнулъ лискѣ: «Лиска, что̀ это Бухтанъ Бухтановичъ никуды не глядитъ, что на стулъ?» — «Царь, вольный человѣкъ! у ихъ этово стулья-та по банямъ много». Царь хлопнулъ стулъ за̀ дверь. Лиска шепнула Бухтану Бухтановичу; «Не гляди въ одно мѣсто, гляди туды да инуды» [6]). Ну, тутъ стали толковать о добромъ дѣлѣ, о сватаньѣ. Ну, свадьбу сыграли; долго ли у царя? ни пива̀ варить, ни вина курить — всё готово. Бухтану Бухтановичу три корабля нагрузили и поѣхали домой на корабляхъ. Ѣдутъ домой: Бухтанъ Бухтановичъ ѣдетъ на корабляхъ съ жонкою, а лиска по̀ берегу бѣжитъ. Бухтанъ Бухтановичъ увидѣлъ свою печь и скрычалъ: «Лиска, лиска! эводе моя-то печь!» — «Молчи, Бухтанъ Бухтановичъ, стыдно!» Бухтанъ Бухтановичъ ѣдетъ, а лиска напередъ бѣжитъ по̀ берегу; прибѣгла напередъ, вызнялась на уго́ръ [7]): стоитъ на угорѣ домъ

Пошелъ онъ на базаръ, накушилъ горшковъ, поразбивалъ на черепки и наколотилъ полный погребъ. Недалеко жилъ другой купецъ, у него была дочь-красавица. Приходитъ къ нему купеческой сынъ и проситъ: «Дай, пожалуй, четверика».—«На что тебѣ?»—«Да купилъ овса, такъ за̀ ночь хочу перемѣрить». — «Бери», говоритъ купецъ, а самъ думаетъ: «Что такое хочетъ онъ ночью мѣрить, дай разузнаю!» И пошелъ подслушивать, а купеческій сынъ сидитъ въ погребѣ, да черепки пересыпаетъ. «Ишь гремитъ,—думаетъ купецъ. Вѣрь послѣ людямъ: сказываютъ, что промотался, а онъ по ночамъ деньги мѣряетъ». На утро купеческій сынъ набилъ въ щели четверика мелкихъ денегъ съ рубль серебра, понесъ и отдалъ купцу. Потомъ заслалъ къ нему сваху и женился на его дочери, да и сталъ жить припѣваючи. [1]) Одѣлся. [2]) Свалился. [3]) Ежедневнаго. [4]) Переодѣнься. [5]) Приготовлено. [6]) И туда и сюда. [7]) Поднялась на гору

каменный пребольшущій, и царство явилось преогромное. Она въ избу— нѣту никовò въ избѣ, забѣгла въ палату — въ большомъ углу лежитъ-протянулся Змѣй Змѣевичъ, сидитъ на печномъ столбѣ Воронъ Вороновичъ, сидитъ на престолѣ Кокотъ Кокотовичъ [1]). Лиска говоритъ: «Што вы тутъ сидите! царь идетъ съ огнемъ, царица съ маланьёй [2]), сожгутъ и спалятъ васъ». — «Лиска! куда мы?» — «Кокотъ Кокотовичъ, поди ты въ бочку!» Лиска заперла въ бочку Кокота Кокотовича. «Воронъ Вороновичъ, поди ты въ ступу, давай!» [3]) Ворона Вороновича въ ступу заперла; Змѣя Змѣевича въ солому завертѣла и вынесла на улку [4]). Корабли пришли. Лиска приказала въ воду свезти всѣхъ ихъ; казаки [5]) сейчасъ свезли въ воду. Бухтанъ Бухтановичъ въ тотъ домъ всё житейское свое перевёзъ; тамъ жилъ-поживалъ, добра наживалъ, царилъ-властвовалъ, да тамъ и животъ скончалъ.

(Записана въ Шенкурскомъ уѣздѣ, Архангельской губ., г. Борисовымъ).

99. Козьма Скоробогатый.

Жилъ-проживалъ Кузинька, одинъ-одинёшенекъ въ темномъ лѣсу; у него былъ худой домишко, да одинъ пѣтушекъ да пять курочекъ. Къ этому Кузинькѣ повадилась ходить лисичка; пошелъ онъ разъ на охоту, и только изъ дому, а лисичка какъ тутъ; прибѣжала, заколола одну курочку, изжарила и скушала. Воротился Кузинька, хвать — нѣтъ курочки! и думаетъ: вѣрно коршунъ утащилъ. На другой день пошелъ опять на охоту. Попадается ему навстрѣчу лисичка и спрашиваетъ: «Куда, Кузинька, идешь?» — «На охоту, лисичка!» — «Ну, прощай!» и тотчасъ же побѣжала къ нему въ избу, заколола курочку, изжарила и скушала. Пришелъ домой Кузинька, хватился курочки — нѣту! Пало ему въ догадку: «Ужъ не лисичка ли кушаетъ моихъ курочекъ?» Вотъ на третій день онъ крѣпко-нàкрѣпко заколотилъ у себя въ избѣ окна и двери, а самъ пустился на промыселъ. Неоткуль взялась лисичка и спрашиваетъ: «Куда идешь, Кузинька?» — «На охоту, лисичка!» Лисичка тутъ же и побѣжала къ дому Кузиньки, а онъ поворотилъ да вслѣдъ за нею. Прибѣжала лисичка, обошла кругомъ избу, видитъ: окна и двери заколочены крѣпко-нàкрѣпко, — какъ попасть въ избу? Взяла да и спустилась въ трубу. Тутъ Кузинька и поймалъ лисичку. «Ба!—говоритъ,—вотъ какой воръ ко мнѣ жалуетъ. Постой-ка, сударушка, я тебя теперь живу изъ рукъ не выпущу!» Лисичка стала просить Кузиньку: «Не убивай меня! я тебя сдѣлаю Козьмою Скоробогатымъ, только изжарь для меня одну курочку съ маслечкомъ пожирнѣе». Кузинька со-

---

[1]) Кочетъ Кочетовичъ? [2]) Молніей. [3]) «Давай» употребляется въ Шенкурскомъ уѣздѣ почти въ каждой рѣчи: давай-иди туда-то, давай-сдѣлай то-то; давай возьми у ёво. [4]) Улицу. [5]) Работники, слуги.

гласился, а лисанька, накушавшись такого жирнаго обѣда, побѣжала на царскіе заповѣдные луга и стала на тѣхъ заповѣдныхъ лугахъ кататься. Бѣжитъ волкъ и говоритъ: «Эхъ ты, проклятая лиса! гдѣ такъ жирно обтрескалась?» [1]) — «Ахъ, любезный волченёкъ-куманёкъ! вѣдь я была у царя на пиру. Неужели тебя, куманёкъ, не звали? А насъ тамъ было всякихъ звѣрей, куницъ, соболей, видимо-невидимо!» Волкъ и проситъ: «Лисанька, не сведешь ли и меня къ царю на обѣдъ?» Лисичка обѣщалась и велѣла собрать сорокъ сорокóвъ сѣрыхъ волковъ и привести съ собою. Волкъ согналъ сорокъ сорокóвъ сѣрыхъ волковъ. Лиса повела ихъ къ царю; какъ привела, сейчасъ же вошла въ бѣлокаменныя палаты и поклонилась царю сóрокомъ сорокóвъ сѣрыхъ волковъ отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь весьма тому обрадовался, приказалъ всѣхъ волковъ загнать въ ограду и запереть нáкрѣпко. А лисичка бросилась къ Кузинькѣ: прибѣжала, велѣла зажарить еще одну курочку; пообѣдала сытно и пустилась на заповѣдные луга и стала кататься по травѣ. Бѣжитъ медвѣдь мимо, увидалъ лисаньку и говоритъ: «Экъ, вѣдь ты, проклятая хвостомеля, какъ обтрескалась!» Она отвѣчаетъ: «Я была у царя въ гостяхъ; насъ тамъ было всякихъ разныхъ звѣрей, куницъ, соболей, видимо-невидимо, да и теперь еще остались—пируютъ волки. Ты знаешь, любезный куманекъ, какіе они объѣдалы! по сю пору все обѣдаютъ». Мишка и проситъ: «Лисанька! не сведешь ли и меня на царскій обѣдъ?» Лисичка согласилась и велѣла ему собрать сорокъ сорокóвъ черныхъ медвѣдей: «Для одного тебя царь де и безпокоиться не захочетъ». Мишка собралъ сорокъ сороковъ черныхъ медвѣдей. Лиса повела ихъ къ царю; привела и поклонилась ему сóрокомъ сорокóвъ черныхъ медвѣдей отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь тому и радъ, приказалъ загнать ихъ и запереть нáкрѣпко. А лисичка отправилась къ Кузинькѣ; прибѣжала и велѣла зажарить послѣднюю курочку съ пѣтушкомъ. Кузинька не пожалѣлъ, зажарилъ ей послѣднюю курочку съ пѣтушкомъ; лисичка скушала на здоровье и пустилась на заповѣдные луга и стала валяться по зеленой травѣ. Бѣжитъ мимо соболь съ куницей и спрашиваетъ: «Экъ ты, лукавая лиса! гдѣ такъ жирно накушалась?»—«Ахъ вы, соболь и куница! я у царя въ превеликомъ почетѣ. У него нынче пиръ и обѣдъ на всякихъ звѣрей: я что-то порадѣла, таки много жирнаго поѣла; а что̀ звѣрей на обѣдѣ-то было,—видимо-невидимо! только васъ тамъ и не доставало. Вы сами знаете волковъ, какъ они завистливы, будто сроду жирнаго не ѣдали, о сю пору трескаютъ у царя! А про косолапаго Мишку и говорить нечего: онъ потуль ѣстъ, что чуть дышитъ!» Соболь и куница стали лису упрашивать: «Кумушка, своди ты насъ къ царю: мы хоть посмотримъ». Лиса согласилась и велѣла имъ согнать къ себѣ сорокъ сорокóвъ соболей и кукуницъ. Согнали; лиса привела ихъ во дворецъ и поклонилась царю

[1]) Объѣлась.

сорокомъ сороковъ соболей и куницъ отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь не можетъ надивиться богатству Козьмы Скоробогатаго, съ радостью принялъ даръ и приказалъ всѣхъ звѣрей перебить и поснимать съ нихъ шкуры.

На другой день лисичка опять прибѣжала къ царю и говоритъ: «Ваше царское величество! Козьма Скоробогатый приказалъ тебѣ низко кланяться и попросить пудовки [1]): нужно размѣривать серебряны деньги. Свои-то пудовки всѣ запростаны [2]) у него золотомъ». Царь безъ отказу далъ лисѣ пудовку. Она прибѣжала къ Кузинькѣ и велѣла мѣрить пудовкою песокъ, чтобы высвѣтлить у ней бочокъ. Какъ высвѣтлило, она заткнула въ зауторы [3]) сколько-то мелкихъ денегъ и понесла назадъ къ царю. Пришла и стала сватать у него прекрасную царевну за Козьму Скоробогатаго. Царь не отказываетъ, велитъ Кузьмѣ совсѣмъ изготовиться и пріѣзжать. Поѣхалъ Кузинька къ царю, а лисичка забѣжала впередъ и подрядила работниковъ подпилить мостикъ. Кузинька только-что въѣхалъ на мостикъ—мостикъ вмѣстѣ съ нимъ и рушился въ воду. Лисичка стала кричать: «Ахти! пропалъ Козьма Скоробогатой!» Царь услышалъ и тотчасъ же послалъ людей перехватить Кузьму. Вотъ они перехватили его, переодѣли въ нарядное платье и привели къ царю. Обвѣнчался онъ на царевнѣ [4]) и живетъ у царя не-

---

[1]) Четверика. [2]) Заняты, наполнены. [3]) Уторъ—вырѣзка по внутренней поверхности четверика, около края, въ которую вставляется ребро дна. [4]) *Варіантъ:* Былъ-жилъ мужикъ съ бабой, у нихъ былъ одинъ сынъ, да и тотъ не въ полномъ разумѣ. «Мужъ-муженекъ!—говоритъ баба,—въ нашемъ сынѣ мало толку будетъ; давай отдѣлимъ его, пускай живетъ самъ по себѣ». Вотъ и отдѣлили его, дали ему одну худую лошаденку да пѣтуха. Сѣлъ дуракъ на клячу, взялъ пѣтуха и поѣхалъ въ чистое поле; ѣхалъ долго ли, коротко ли,—и пріѣхалъ въ лѣсъ. Видитъ: стоитъ въ лѣсу глиняная избушка; входитъ туда, а въ избушкѣ пусто — нѣтъ никого! Вотъ пустилъ онъ лошадь въ лѣсъ, а самъ забрался въ избушку и лежитъ себѣ голодный на печкѣ. Гдѣ ни взялася лисица, вбѣжала въ избу и говоритъ: «Здравствуй, дядюшка! какъ тебя зовутъ? скажешь — буду знать, какъ величать».—«Люди зовутъ: Никита Македонской».—«Ну, Никита Македонской! подари мнѣ пѣтуха, я тебѣ невѣсту высватаю». Онъ немного думалъ, слѣзъ съ печи, зарѣзалъ пѣтуха, ощипалъ и отдалъ лисицѣ: «На, кушай, лисанька! на здоровье». — «Спасибо, Никита Македонской! Есть царь Огонь и царица Грозная Маланья (молнія), у нихъ дочь — прекрасная царевна; я её за тебя высватаю».—«Кто за меня бѣднаго пойдетъ?»—«Молчи, не твоя забота». И побѣжала лисица къ царю Огню и царицѣ Маланьѣ. «Здорово, лиса! что хорошенькаго скажешь?»—«Здорово! пришла свахою. У васъ есть невѣста, у меня женихъ молодецъ, Никита Македонской-царевичъ».—«Гдѣ же онъ? что самъ не пріѣхалъ?»—«Ему нельзя: онъ одинъ на своемъ царствѣ».—«Что же онъ подѣлываетъ?»—«Да всё за звѣрями охотится». — «Ну, пускай пришлетъ намъ семьдесятъ зайцевъ; тогда повѣримъ тебѣ». Лисица пустилась въ лѣсъ; попадается ей косой заяцъ: «Гдѣ была, лиса?»—«На обѣдѣ у царя Огня и царицы Маланьи».—«Не слыхала ль чего про насъ, зайцевъ?»—«Какъ же, слышала: про васъ завтра будетъ у царя съ царицей большой обѣдъ.

дѣлю и двѣ. «Ну,—говоритъ царь,—пойдемъ теперь, любезный зять, къ тебѣ въ гости». Кузьмѣ дѣлать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поѣхали. А лисичка отправилась впередъ. Бѣжала-бѣжала, глядитъ: пастухи пасутъ стадо овецъ; она спрашиваетъ ихъ: «Пастухи, пастухи! чье это стадо пасете?» Пастухи отвѣчаютъ: «Стадо царя Змiулана». Лисичка начала ихъ учить: «Сказывайте всѣмъ, что это стадо Козьмы Скоробогатаго, а не Змiулана царя; а то ѣдутъ царь Огонь да царица Маланьйца; коли не скажете имъ, что стадо Козьмы Скоробогатаго,—они всѣхъ васъ и съ овцами-то сожгутъ и спалятъ». Пастухи видятъ, что дѣло неминучее, надо слушаться, — и обѣщаются всякому сказывать про Кузьму Скоробогатаго, какъ лиса учила. А лисичка пустилась впередъ: видитъ—пастухи стерегутъ свиней, и спрашиваетъ: «Пастухи, пастухи! чье стадо пасете?» — «Царя Змiулана». — «Сказывайте, что стадо это Козьмы Скоробогатаго, а то ѣдутъ царь Огонь и царица Маланьйца; они всѣхъ васъ сожгутъ и спалятъ, коли станете поминать царя Змiулана». Пастухи согласились. Лиса опять побѣжала впередъ; добѣгаетъ до коровьяго стада царя Змiулана, потомъ до конскаго стада и велитъ пастухамъ сказывать, что эти стада Козьмы Скоробогатаго, о царѣ же Змiуланѣ ничего не говорить. Добѣгаетъ лиса и до стада верблюжьяго. «Пастухи, пастухи! чье стадо пасете?»—«Царя Змiулана». Лиса строго запретила имъ ска-

---

Соберитесь гуртомъ семьдесятъ зайцевъ, я васъ завтра туда проведу». Заяцъ бросился созывать своихъ товарищей; созвалъ. «Ну, лиса, веди!» Лиса привела ихъ къ царю, поставила рядкомъ и говоритъ: «Царь Огонь и царица Грозная Маланья! нареченный зять прислалъ вамъ въ подарокъ семьдесятъ зайцевъ». Ну, ихъ забрали и заперли въ клѣть. Царь и говоритъ лисѣ: «Коли нареченный зять прислалъ зайцевъ, пусть пришлетъ еще семьдесятъ волковъ». Лисица опять побѣжала въ лѣсъ; попадается ей навстрѣчу сѣрой волкъ. «Здорово, лиса!»—«Здорово, куманёкъ!»—«Гдѣ ты была?»—«На обѣдѣ у царя Огня и царицы Маланьи».—«Не слыхала ль чего про насъ, волковъ?»—«Какъ же, слышала; про васъ завтра будетъ у царя и царицы большой обѣдъ. Собери семьдесятъ волковъ, я васъ туда проведу». Волкъ побѣжалъ скликать своихъ товарищей, скликалъ и прямо къ лисѣ. «Ну, лиса, веди насъ!» Лиса привела къ царю, построила ихъ рядкомъ и говоритъ: «Царь Огонь и царица Грозная Маланья! извольте принять: нареченный зять прислалъ вамъ подарокъ».—«Ну, спасибо». Сейчасъ ихъ забрали и заперли въ сарай. «Скажи нареченному зятю: коли онъ прислалъ волковъ, то пусть пришлетъ еще семьдесятъ медвѣдей». Лисица ударилась въ лѣсъ; попадается ей навстрѣчу медвѣдь: «Куда, лиса, ходила?»—«Была въ гостяхъ на обѣдѣ у царя Огня и царицы Маланьи».—«Не слыхала ль чего про насъ, медвѣдей?»—«Какъ же, слышала: про васъ завтра будетъ у царя и царицы большой обѣдъ. Соберитесь семьдесятъ медвѣдей, я васъ проведу». Косолапый медвѣдь поплелся скликать своихъ товарищей, накликалъ — и къ лисицѣ: «Ну, веди насъ, лиса!» Привела ихъ лисица, построила рядкомъ и говоритъ: «Царь Огонь и царица Грозная Маланья! нареченный зять прислалъ вамъ подарокъ». — «Спасибо! пускай нареченный зять Никита Македонской пріѣдетъ самъ къ намъ: мы на него поглядимъ, а онъ на невѣсту посмотритъ».

зывать о царѣ Зміуланѣ, а велѣла говорить, что это стадо Козьмы Скоробогатаго; а то царь Огонь и царица Маланьѝца сожгутъ и спалятъ все стадо! Лисанька опять побѣжала впередъ, прибѣгаетъ въ царство царя Зміулана и прямо въ бѣлокаменныя палаты. «Что скажешь, лисанька?»—«Ну, царь Зміуланъ! теперь-то надо скоро-нàскоро спрятаться. Ѣдетъ грозный царь Огонь и царица Маланьица, все жгутъ и палятъ. Стада твои и съ пастухами прижгли: сначала овечье, потомъ свиное, а тутъ коровье и конское. Я не стала мѣшкать, пустилась къ тебѣ сказать и чуть отъ дыма не задохлась!» Царь Зміуланъ закручинился-запечалился: «Ахъ, лисанька! куда же я подѣваюсь?»—«Есть въ твоемъ саду старой заповѣдной дубъ, средина вся повыгнила; бѣги и схоронись въ дупло, пока они мимо не проѣдутъ». Царь Зміуланъ вмигъ собрался и по-сказанному, какъ по-писанному, сдѣлалъ такъ, какъ лиса научила. А Козьма Скоробогатой ѣдетъ себѣ да ѣдетъ съ женою и тестемъ. Доѣзжаютъ они до стада овечьяго. Молодая княгиня и спрашиваетъ: «Пастушки́, пастушки́! чье стадо пасете?»—«Козьмы Скоробогатаго», отвѣчаютъ пастухи. Царь тому и радъ: «Ну, любезный зять! много же у тебя овецъ». Ѣдутъ они дальше, доѣзжаютъ до стада свиного. «Пастушки, пастушки»! спрашиваетъ молодая княгиня: «чье стадо пасете?«—«Козьмы Скоробогатаго».—«Ну, любезный зять! много же у

Лисица распрощалась и пустилась къ глиняной избушкѣ, гдѣ Никита Македонской на печи ничкомъ лежалъ. Прибѣжала и говоритъ: «Что лежишь? Царь Огонь и царица Грозная Маланья́ зовутъ тебя въ гости; поѣдемъ, станемъ свадьбу играть».—«Ахъ, лиса, какъ я поѣду? мнѣ обуться не во что».—«Ничего, запрягай свою лошадь. Какъ поѣдешь черезъ городъ, я пробѣгу мимо лавокъ; купцы и приказчики бросятся за мною, а ты, смотри, не плошай! Кушаки, шапки и разную одёжу изъ лавокъ хватай, да захвати кстати и пилу». Поѣхалъ Никита городомъ, а лиса ужъ около лавокъ; всѣ купцы и приказчики выбѣжали да за нею, а Никита Македонской беретъ изъ лавокъ, что надо, да грузитъ телѣжонку: и одёжу добылъ, и пилу спроворилъ одноручную. Выѣхалъ за городъ и видитъ, что лиса давно его дожидаетъ. Поѣхали. Попался на пути на дорогѣ мостикъ. «Пили мостъ!», говоритъ лиса. Никита Македонской и ну стараться, подпилилъ столбы; мостъ и рухнулъ. «Раздѣвайся донага да кидай всю одёжу въ воду-то, а самъ катайся по песку». Сказала лиса и побѣжала къ царю и царицѣ: «Ахъ!—говоритъ,—несчастье случилось».—«Какое несчастье?» спрашиваетъ царь. «Да мосты не крѣпки въ вашемъ царствѣ; нареченный зять вашъ Никита Македонской ѣхалъ къ вамъ въ гости, а мостъ и подломился; люди его всѣ потонули, да и самъ онъ еле живъ». Поскакали къ мосту; смотрятъ: Никита Македонской голой валяется въ песку. Подняли его, одѣли въ царское платье, посадили въ карету и повезли во дворецъ. Вотъ пиркомъ да за свадебку; у царя не пиво варить, не вино курить, обвѣнчали Никиту на царевнѣ и стали пить-ѣсть и прохлаждаться. Нагулялись досыта. Молодая княгиня и говоритъ: «Ну, Никита Македонской! Пора къ тебѣ ѣхать, посмотрѣть твое царство...» (Продолженіе сказки такое же, какъ и о Козьмѣ Скоробогатомъ. Вмѣсто выраженій: царь Огонь и царица Грозная Молнія — ставятъ иногда Грома-батьку и Молнію-матку).

тебя свиней». Ѣдутъ они все дальше и дальше; тутъ пасется стадо коровье, тамъ конское, а тамъ и верблюжье. Спросятъ у пастуховъ: «Чье стадо пасете?» Они знай себѣ отвѣчаютъ одно: «Козьмы Скоробогатаго». Вотъ пріѣхали къ царскому дворцу; лисанька встрѣчаетъ и вводитъ ихъ въ палаты бѣлокаменныя. Царь вошелъ и задивился: столь хорошо было убрано! Давай пировать, пить, ѣсть и веселиться! Живутъ они день, живутъ и недѣлю. «Ну, Кузинька!—говоритъ лисанька:—перестань гулять, надо дѣло исправлять. Ступай съ тестемъ въ зеленый садъ; въ томъ саду стоитъ старой дубъ, а въ томъ дубѣ сидитъ царь Зміуланъ — отъ васъ спрятался. Разстрѣляйте дерево на мелкія части!» Тогда Кузинька по сказанному, какъ по-писанному, пошелъ вмѣстѣ съ тестемъ въ зеленый садъ, и стали они въ тотъ дубъ стрѣлять и убили царя Зміулана до смерти. Козьма Скоробогатой воцарился въ томъ государствѣ, и сталъ онъ съ царевною жить да поживать и теперь живутъ—хлѣбъ жуютъ. Лисаньку всякой день угощали они курочками, и она до тѣхъ поръ у нихъ гостила, докуда всѣхъ куръ не испакостила [1]).

Примѣчаніе къ сказ. 98—99. Сказка о Бухтанѣ Бухтановичѣ была напечатана въ Москвитянинѣ 1844, I, стр. 122—4. См. варіанты у Худякова, III, № 98; Рудченко, I, № 18; II, № 5 и 6; Глинск., III, 161—175; въ «Деревенской забавной старушкѣ, по вечерамъ разсказывающей простонародныя веселыя сказочки» (М., 1804)—сказка подъ заглавіемъ: «О лисицѣ и дуракѣ». Подобная сказка извѣстна у болгаръ (см. Матеріалы для изучен. народн. словесн., стр. 15—16) и нѣмцевъ (Норвеж. сказки, I, № 28; Гальтрихъ, № 13: «Der Federkönig»). Содержаніе нѣмецкой сказки таково: Разъ эта чета бѣдныхъ людей работала въ полѣ, и ихъ малое дитя висѣло въ люлькѣ на четырехъ кольяхъ. Вдругъ явилась изъ лѣсу дикая кошка (вмѣсто нашей лисицы), ухватила ребенка и унесла въ свою пещеру. Она не сдѣлала ему никакого вреда, но заботливо за нимъ ухаживала; приносила ему трàвы, коренья, земляннику, такъ что ребёнокъ не зналъ ни въ чемъ нужды. Онъ выросъ въ пещерѣ, и когда сталъ большой, кошка ему сказала: «Теперь ты долженъ жениться на королевской дочери».—«Но я совсѣмъ нагъ; какъ я пойду къ королю».—«Оставь мнѣ заботы, я тебѣ добуду платье». Дикая кошка побѣжала въ лѣсъ, взяла серебряную дудочку, заиграла—и тотчасъ явилось къ ней множество всякихъ птицъ и звѣрей. Она взяла отъ каждой птицы по перу, приготовила платье, и отдала мальчику; потомъ она выбрала наиболѣе красивыя и цвѣтистыя перья, сдѣлала плащъ, который блестѣлъ, точно звѣздное небо, и также отдала ему: «Ступай теперь къ королю—эти звѣри за тобой побѣгутъ, и скажи ему: государь! пернатый король посылаетъ тебѣ подарокъ». Королю понравился даръ, и онъ высказалъ: «Какъ бы любо мнѣ было, еслибъ

[1]) Извела (переѣла).

этотъ столь богатый государь взялъ мою дочь за себя!»—«Пернатый король самъ желаетъ этого и черезъ три дня явится на свадьбу», отвѣчалъ мальчикъ. Свадьба была сыграна, тесть съ зятемъ и дочерью ѣдутъ къ молодому въ гости; а кошка бѣжитъ впередъ и велитъ пастухамъ по дорогѣ говорить, что всѣ ихъ стада принадлежатъ пернатому королю, а не то—грозитъ зацарапать ихъ когтями. Пріѣхалъ король съ зятемъ въ богатой замокъ волшебника (въ норвежск. редакціи—Тролля); сѣли они за столъ, а кошка стала у воротъ на стражѣ. Только колдунъ явился, она къ нему: «Скажи мнѣ,—говоритъ,—справедливо ли, что ты великой волшебникъ? О тебѣ ходитъ слухъ, что ты можешь превращаться и въ большихъ и въ малыхъ звѣрей».—«Это для меня пустякъ!» отвѣчалъ колдунъ и превратился въ льва. Кошка испугалась и прыснула на крышу. «Хорошо,—закричала она,—но можешь ли ты обратиться маленькимъ звѣрькомъ—мышью? Это едва ли ты сдѣлаешь!» Колдунъ превратился въ мышь; въ ту же минуту кошка спрыгнула съ крыши и прямо на мышь — разорвала ее. Потомъ она вызвала своего питомца и сказала: «Я больше тебѣ не нужна, — и стада и замокъ твои! Возьми свой мечъ и отруби мнѣ голову». Онъ послушался, и какъ только голова была отрублена,—тотчасъ вмѣсто кошки явилась дѣвица несказанной красоты; король плѣнился ею и взялъ ее за себя замужъ.

100. Емеля-дуракъ.

а. Въ нѣкоторой деревнѣ жилъ мужикъ, и у него было три сына, два было умныхъ, а третій дуракъ, котораго звали Емельяномъ. И какъ жилъ отецъ ихъ долгое время, то и пришелъ въ глубокую старость; призвалъ къ себѣ сыновьевъ и говорилъ имъ: «Любезныя дѣти! я чувствую, что вамъ со мною не долго жить; оставляю вамъ домъ и скотину, которые вы раздѣлите на части ровно; также оставляю вамъ денегъ на каждаго по сту рублевъ». Послѣ того вскорѣ отецъ ихъ умеръ, и дѣти, похороня его честно, жили благополучно. Потомъ вздумали Емельяновы братья ѣхать въ городъ торговать на тѣ триста рублевъ, которые имъ отказаны были ихъ отцомъ, и говорили они дураку Емельяну: «Послушай, дуракъ! мы поѣдемъ въ городъ, возьмемъ съ собой и твои сто рублевъ; а когда выторгуемъ, то барышъ пополамъ и купимъ тебѣ красной кафтанъ, красную шапку и красные сапоги. А ты останься дома; ежели что тебя заставятъ сдѣлать наши жены, а твои невѣстки (ибо они были женаты), то ты сдѣлай». Дуракъ, желая получить обѣщанные красной кафтанъ, красную шапку и красные сапоги, отвѣчалъ братьямъ, что онъ будетъ дѣлать все, что̀ его заставятъ. Послѣ того братья его поѣхали въ городъ, а дуракъ остался дома и жилъ съ своими невѣстками.

Потомъ, спустя нѣсколько времени, въ одинъ день, когда было зимнее время и былъ жестокой морозъ, тогда говорили ему невѣстки,

чтобъ онъ сходилъ за водою. Но дуракъ, лежа на печи, сказалъ: «Да, а вы-то что?» Невѣстки закричали на него: «Какъ, дуракъ, мы то что? Вить ты видишь, какой морозъ, что и мущинѣ въ пору итти!» Но онъ говорилъ: «Я лѣнюсь!» Невѣстки опять на него закричали: «Какъ лѣнишься? вѣдь ты захочешь же ѣсть, а когда не будетъ воды, то и сварить ничего нельзя». Притомъ сказали: «Добро жъ, мы скажемъ своимъ мужьямъ, когда они пріѣдутъ, что хотя и купятъ красный они кафтанъ и все, но чтобъ тебѣ ничего не давали»—что̀ слыша, дуракъ, и желая получить красной кафтанъ и шапку, принужденъ былъ иттить, слѣзъ съ печи и началъ обуваться и одѣваться. И какъ совсѣмъ одѣлся, взялъ съ собою вёдры и топоръ, пошелъ на̀ рѣку, ибо ихъ деревня была подлѣ самой рѣки; и какъ пришелъ на̀ рѣку, то и началъ прорубать пролубь и прорубилъ чрезвычайно большую. Потомъ почерпнулъ въ вёдры воды и поставилъ ихъ на льду, а самъ стоялъ подлѣ пролуби и смотрѣлъ въ воду. Въ то самое время увидѣлъ дуракъ, что плавала въ той пролуби пребольшая щука; а Емеля, сколько ни былъ глупъ, однакоже пожелалъ ту щуку поймать и для того сталъ понемножку подходить; подошелъ къ ней близко, ухватилъ вдругъ ее рукою, вытащилъ изъ воды, и положивъ за пазуху, хотѣлъ итти домой. Но щука говорила ему: «Что ты, дуракъ! на что ты меня поймалъ?»—«Какъ на что?—говорилъ онъ,—я тебя отнесу домой и велю невѣсткамъ сварить».—«Нѣтъ, дуракъ, не носи ты меня домой; отпусти ты меня опять въ воду; я тебя за то сдѣлаю человѣкомъ богатымъ». Но дуракъ ей не вѣрилъ и хотѣлъ итти домой. Щука, видя, что дуракъ ея не отпускаетъ, говорила: «Слушай, дуракъ, пусти жъ ты меня въ воду; я тебѣ сдѣлаю то, чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанію исполнится». Дуракъ, слыша сіе, весьма обрадовался, ибо онъ былъ чрезвычайно лѣнивъ, и думалъ самъ себѣ: «Когда щука сдѣлаетъ такъ, что чего я ни пожелаю—все будетъ готово, то я уже работать ничего не буду!» Говорилъ онъ щукѣ: «Я тебя отпущу, только ты сдѣлай то, что обѣщаешь!» На что отвѣчала щука: «Ты прежде пусти меня въ воду, а я обѣщаніе свое исполню». Но дуракъ говорилъ ей, чтобъ она прежде свое обѣщаніе исполнила, а потомъ онъ ее отпуститъ. Щука видя, что онъ не хочетъ ее пускать въ воду, говорила: «Ежели ты желаешь, чтобъ я тебѣ сказала, какъ сдѣлать—чего ни пожелаешь, то надобно, чтобы ты теперь же сказалъ, чего хочешь?» Дуракъ говорилъ ей: «Я хочу, чтобъ мои ведры съ водою сами пошли на̀ гору (ибо деревня та была на горѣ), и чтобъ вода не расплескалась». Щука тотчасъ ему говорила: «Ничего, не расплещется! только помни слова, которыя я стану сказывать; вотъ въ чемъ тѣ слова состоятъ: «по щучьему велѣнію, а по моему прошенью, ступайте, вёдры, сами на̀ гору!» Дуракъ послѣ ея говорилъ: «По щучьему велѣнію, а по моему прошенію, ступайте, вёдры, сами на̀ гору!»—и тотчасъ вёдры и съ коромысломъ пошли сами на̀ гору. Емеля видя сіе, весьма удивился; потомъ говорилъ щукѣ: «Все ли такъ будетъ?» На что щука от-

вѣчала, что «все то будетъ, чего только пожелаешь; не забудь только тѣ слова, которыя я тебѣ сказывала». Послѣ того пустилъ онъ щуку въ воду, а самъ пошелъ за вёдрами. Сосѣди его, видя (то), удивлялись и говорили межъ собою: «Что это дуракъ дѣлаетъ? вёдры съ водою идутъ сами, а онъ идетъ за ними». Но Емеля, не говоря ничего съ ними, пришелъ домой; вёдры взошли въ избу и стали на лавку, а дуракъ взлѣзъ на печь.

Потомъ, спустя нѣсколько времени, говорили ему опять невѣстки: «Емеля, что ты лежишь? ты бы пошелъ—дровъ нарубилъ». Но дуракъ говорилъ: «Да, а вы-то что?»—«Какъ мы что?—вскричали на него невѣстки,—вѣдь та(е)перь зима, и ежели ты не пойдешь рубить дровъ, такъ тебѣ жъ будетъ холодно».—«Я лѣнюсь!» говорилъ дуракъ. «Какъ лѣнишься? говорили ему невѣстки: «Вѣдь ты же озябнешь». Притомъ онѣ говорили: «Ежели ты не пойдешь рубить дровъ, такъ мы скажемъ своимъ мужьямъ, чтобъ они тебѣ не давали ни краснаго кафтана, ни красной шапки, ни красныхъ сапоговъ». Дуракъ, желая получить красной кафтанъ, шапку и сапоги, принужденъ былъ нарубить дровъ; но какъ онъ былъ чрезвычайно лѣнивъ и не хотѣлось ему слѣзать съ печи, то говорилъ потихоньку, на печи лёжа, сіи слова: «По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ну-ка, топоръ, поди наруби дровъ, а вы, дрова, сами въ избу идитя(е) и въ печь кладитесь!» Топоръ откуда ни взялся—выскочилъ на дворъ и началъ рубить, а дрова сами въ избу шли и въ печь клались, что̀ видя, его невѣстки весьма удивились Емельяновой хитрости. Итакъ, каждой день, когда только дураку велятъ нарубить дровъ, то топоръ и нарубитъ. И жилъ онъ съ невѣстками нѣсколько времени; потомъ невѣстки говорили ему: «Емеля, теперича нѣту дровъ у насъ; съѣзди въ лѣсъ и наруби». Дуракъ имъ говорилъ: «Да, а вы-то что?»—«Какъ мы что?—отвѣчали невѣстки:—вѣдь лѣсъ далеча и теперь зима, такъ холодно ѣхать намъ въ лѣсъ за дровами». Но дуракъ имъ говорилъ: «Я лѣнюсь!»—«Какъ лѣнишься?—говорили ему невѣстки:—вѣдь тебѣ же будетъ холодно; а ежели ты не пойдешь, то когда пріѣдутъ твои братья, а наши мужья, то мы не велимъ имъ ничего тебѣ давать: ни кафтана краснаго, ни шапки красной, ни сапогъ красныхъ». Дуракъ, желая получить красной кафтанъ, красную шапку и красные сапоги, принужденъ былъ ѣхать въ лѣсъ за дровами, и вставъ, слѣзъ съ печи и началъ скорѣе обуваться и одѣваться.

И какъ совсѣмъ одѣлся, то вышелъ на дворъ и вытащилъ изъ-подъ навѣсу [1]) сани, взялъ съ собою веревку и топоръ, сѣлъ въ сани и говорилъ своимъ невѣсткамъ отворять вороты. Невѣстки, видя, что онъ ѣдетъ въ саняхъ да безъ лошади, ибо дуракъ лошади не запрягалъ, говорили ему: «Что ты, Емеля, сѣлъ въ сани, а лошади не запрегъ?» Но онъ говорилъ, что лошади ему не надо, а только чтобъ отворили ему

[1]) *Вар.*: Изъ сарая.

вороты. Невѣстки отворили ему вороты, а дуракъ, сидя въ саняхъ, говорилъ: «По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ну-тка, сани, ступайтя(е) въ лѣсъ!» Послѣ сихъ словъ сани тотчасъ поѣхали со двора, что̀ видя, живущіе въ той деревнѣ мужики удивлялись, что Емеля ѣхалъ въ саняхъ и безъ лошади, и такъ шибко: хотя бы пара лошадей была запряжена, то нельзя бы шибче ѣхать! И какъ надобно было дураку ѣхать въ лѣсъ черезъ городъ, то и поѣхалъ онъ по оному городу; но какъ не зналъ, что надобно кричать для того, чтобы не передавить народу, то онъ ѣхалъ и не кричалъ, чтобъ посторонились, и передавилъ множество народу, и хотя за нимъ гнались, однако догнать его не могли.

Емеля уѣхалъ изъ города, а пріѣхавъ къ лѣсу, остановился и вылѣзъ изъ своихъ саней и говорилъ: «По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ну-тка, топоръ, руби-ка дрова, а вы, полѣнья, сами кладитесь въ сани и вяжитесь!» Лишь только сказалъ дуракъ сіи слова, топоръ началъ рубить дрова, а полѣнья сами клались въ сани и веревкой вязались. Послѣ того, какъ нарубилъ онъ дровъ, велѣлъ еще топору вырубить одну дубинку. Какъ топоръ вырубилъ, то онъ сѣлъ на̀ возъ и говорилъ: «Ну-ка, по щучьему велѣнью, а по моему прошенью, поѣзжайте, сани, домой сами». Тотчасъ и поѣхали они весьма шибко, и какъ подъѣхалъ онъ къ тому городу, въ которомъ онъ уже передавилъ много народу, тамъ уже дожидались его, чтобъ поймать; и какъ въѣхалъ въ городъ, то его поймали и стали тащить съ возу долой, притомъ начали его бить. Дуракъ, видя, что его тащутъ и бьютъ, потихоньку сказалъ сіи слова: «По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ну-ка, дубинка, отломай-ка имъ руки и ноги». Въ тотъ часъ выскочила дубинка и начала всѣхъ бить. И какъ народъ бросился бѣжать, дуракъ поѣхалъ изъ городу домой [1]), а дубинка, когда всѣхъ перебила, то покатилась вслѣдъ за нимъ же. И какъ пріѣхалъ Емеля домой, то и влѣзъ на̀ печь.

Послѣ того, какъ онъ уѣхалъ изъ города, стали поговаривать о немъ вездѣ — не столько о томъ, что онъ передавилъ множество народу, сколько удивлялись тому, что онъ ѣхалъ въ саняхъ безъ лошади. Мало-по-малу рѣчи сіи дошли до самаго короля. Какъ король услышалъ, то чрезвычайно захотѣлъ его видѣть и для того послалъ одного офицера и далъ ему нѣсколько солдатъ, чтобъ его сыскать. Посланной отъ короля офицеръ поѣхалъ немедленно изъ города и напалъ на ту дорогу, по которой ѣздилъ дуракъ въ лѣсъ. И какъ пріѣхалъ офицеръ въ ту деревню, гдѣ жилъ Емеля, то призвалъ къ себѣ старосту и сказалъ ему: «Я присланъ отъ короля за вашимъ дуракомъ, чтобы взять его, привести къ королю». Староста тотчасъ показалъ тотъ дворъ, гдѣ жилъ Емеля, и офицеръ взошелъ въ избу и спрашивалъ: «Гдѣ дуракъ?» А онъ лёжа на печи, отвѣчалъ: «На что тебѣ?» — «Какъ на что? одѣвайся

[1]) *Вар.*: Въ свою деревню.

скорѣй: я повезу тебя къ королю». Но Емеля говорилъ: «А что мнѣ тамъ дѣлать?» Офицеръ на него разсердился за неучтивыя слова и ударилъ его по щекѣ. Дуракъ, видя, что его бьютъ, сказалъ потихоньку: «По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ну-ка дубинка, отломай-ка имъ руки и ноги!» Дубинка тотчасъ выскочила и начала ихъ бить и перебила всѣхъ — какъ офицера, такъ и солдатъ. Офицеръ принужденъ былъ ѣхать назадъ; и какъ пріѣхалъ въ городъ, то и доложили, что дуракъ всѣхъ перебилъ. Король весьмъ удивился и не вѣрилъ тому, чтобы могъ онъ всѣхъ перебить; однако выбралъ король умнаго человѣка, котораго послалъ съ тѣмъ, чтобы, какъ только возможно, привёзъ дурака — хоть обманомъ.

Посланный отъ короля поѣхалъ, и какъ пріѣхалъ въ ту деревню, гдѣ жилъ Емеля, то призвалъ къ себѣ старосту и говорилъ ему: «Я присланъ отъ короля за вашимъ дуракомъ, чтобъ его привезть; а ты призови мнѣ тѣхъ, съ кѣмъ онъ живетъ». Староста тотчасъ побѣжалъ и привелъ его невѣстокъ. Посланной отъ короля спрашивалъ ихъ: «Что дуракъ любитъ?» Невѣстки ему отвѣчали: «Милостивой государь нашъ! дуракъ любитъ: ежели станешь просить неотступно о чемъ, онъ откажетъ разъ и другой, а въ третій уже не откажетъ и сдѣлаетъ; не любитъ онъ того, кто съ нимъ грубо поступаетъ». Посланной отъ короля отпустилъ ихъ и не велѣлъ сказывать Емелѣ, что онъ призывалъ ихъ къ себѣ. Послѣ того накупилъ изюму, чернослива и винныхъ ягодъ, пошелъ къ дураку, и какъ пришелъ въ избу, то, подойдя къ печи, говорилъ: «Что ты, Емеля, лежишь на печи?» и даетъ ему изюму, чернослива и винныхъ ягодъ, и проситъ: «Поѣдемъ Емеля, къ королю со мною; я тебя отвезу». Но дуракъ говорилъ: «Мнѣ и тутъ тепло!» ибо онъ ничего, кромѣ тепла, не любилъ. А посланной началъ его просить: «Пожалуйста, Емеля, поѣдемъ; тамъ тебѣ будетъ хорошо!» Дуракъ говорилъ: «Я лѣнюсь!» Посланный сталъ просить его. «Пожалуйста; поѣдемъ; тамъ тебѣ король велитъ сшить красной кафтанъ, красную шапку и красные сапоги». Дуракъ, услыша, что красной кафтанъ велятъ ему сшить, ежели поѣдетъ, говорилъ: «Поѣзжай же ты впередъ, а я за тобой буду». Посланной не сталъ ему болѣе докучать, отошелъ отъ него и спрашивалъ тихонько у его невѣстокъ: «Не обманываетъ ли меня дуракъ?» Но онѣ увѣряли, что онъ не обманетъ. Посланной поѣхалъ назадъ, а дуракъ послѣ его полежалъ еще на печи и говорилъ: «Охъ, какъ мнѣ не хочется къ королю ѣхать; но такъ ужъ и быть!» Потомъ говорилъ: «Ну-ка, по щучьему велѣнью, а по моему прошенью, поѣзжайка, печь, прямо въ городъ!» Тотчасъ же изба затрещала и печь вонъ пошла изъ избы, а какъ сошла со двора, то и поѣхала печь столь шибко, что и догнать нельзя; и онъ догналъ еще на дорогѣ того посланнаго, который за нимъ ѣздилъ, а во дворецъ съ нимъ пріѣхалъ.

Какъ король увидѣлъ, что пріѣхалъ дуракъ, то и вошелъ со всѣми своими министрами его смотрѣть и, видя, что Емеля пріѣхалъ на печи,

ничего не говорилъ; потомъ спрашивалъ его король: «Для чего ты столько передавилъ народу, какъ ѣздилъ за дровами въ лѣсъ?» Но Емеля говорилъ: «Я чѣмъ виноватъ! для чего они не посторонились?» И въ то время подошла къ окошку королевская дочь и смотрѣла на дурака, а Емеля нечаянно взглянулъ на то окошко, въ которое она смотрѣла, и видя дуракъ ее весьма прекрасною — говорилъ тихонько: «Кабы, по щучьему велѣнью, а по моему прошенью, влюбилась эдакая красавица въ меня!» Лишь только сіи слова выговорилъ, королевская дочь посмотрѣла на него и влюбилась. А дуракъ послѣ того сказалъ: «Ну-ка, по щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ступай-ка, печь, домой!» Тотчасъ поѣхала печь домой, и пріѣхавши, опять стала на прежнемъ мѣстѣ.

Емеля жилъ послѣ того нѣсколько времени благополучно; но въ городѣ у короля происходило другое, ибо по дураковымъ словамъ королевская дочь влюбилась и стала просить отца своего, чтобъ выдалъ ее за дурака замужъ. Король за то весьма разсердился на дурака, и не зналъ, какъ его взять. Въ то время доложили королю министры, чтобъ послать того офицера, который прежде ѣздилъ за Емелей и не умѣлъ его взять; за вину его король, по ихъ совѣту, приказалъ представить того офицера. Какъ офицеръ предъ нимъ предсталъ, тогда король говорилъ ему: «Слушай, другъ мой, я тебя прежде посылалъ за дуракомъ, но ты его не привезъ; за вину твою посылаю тебя въ другой разъ, чтобъ ты привезъ непремѣнно его; ежели привезешь, то будешь награжденъ, а ежели не привезешь, то будешь наказанъ». Офицеръ выслушалъ короля и поѣхалъ немедленно за дуракомъ, а какъ пріѣхалъ въ ту деревню, то призвалъ старосту и говорилъ ему: «Вотъ тебѣ деньги, купи все, что надобно завтра къ обѣду, и позови Емелю, и какъ будетъ онъ къ тебѣ обѣдать, то пой его до́пьяна, пока спать ляжетъ». Староста зналъ, что онъ пріѣхалъ отъ короля, принужденъ былъ его послушаться, искупилъ все то и позвалъ дурака. Какъ Емеля сказалъ, что будетъ, то офицеръ его дожидался съ великою радостію. На другой день пришелъ дуракъ; староста началъ его поить и напоилъ его до́пьяна, такъ что Емеля легъ спать. Офицеръ, видя, что онъ спитъ, тотчасъ связалъ его и приказалъ подать кибитку, и какъ подали, то и положили дурака; потомъ сѣлъ и офицеръ въ кибитку и повезъ его въ городъ. И какъ подъѣхалъ онъ къ городу, то и повезъ его прямо во дворецъ. Министры доложили королю о пріѣздѣ того офицера. И какъ скоро король услышалъ, то немедленно приказалъ принести большую бочку, и чтобъ набиты были (на ней) желѣзные обручи. Тотчасъ была сдѣлана и принесена оная бочка къ королю. Король, видя, что все готово, приказалъ посадить въ ту бочку свою дочь и дурака и велѣлъ ихъ засмолить; а какъ ихъ посадили въ бочку и засмолили, то король при себѣ жъ велѣлъ пустить ту бочку въ море. И по его приказанію, немедленно ее пустили, и король возвратился въ свой городъ.

А бочка, пущенная по́ морю, плыла нѣсколько часовъ; дуракъ все то время спалъ, а какъ проснулся и, видя, что темно, спрашивалъ самъ у себя: «Гдѣ я?» ибо думалъ, что онъ одинъ. Принцесса ему говорила: «Ты, Емеля, въ бочкѣ, да и я съ тобою посажена». — «А ты кто?» спросилъ дуракъ. «Я — королевская дочь», отвѣчала она и разсказала ему, за что она посажена съ нимъ вмѣстѣ въ бочку; потомъ просила его, чтобъ онъ освободилъ себя и ее изъ бочки. Но онъ говорилъ: «Мнѣ и тутъ тепло!» — «Сдѣлай милость,—говорила принцесса,—сжалься на мои слезы: избавь меня и себя изъ этой бочки». — «Какъ же не такъ,— говорилъ Емеля,—я лѣнюсь!» Принцесса опять начала его просить: «Сдѣлай милость, Емеля, избавь меня изъ этой бочки и не дай мнѣ умереть». Дуракъ, будучи тронутъ ея просьбою и слезами, сказалъ ей: «Хорошо, я для тебя это сдѣлаю». Послѣ того говорилъ потихоньку: «По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, выкинь-ка ты, море, эту бочку, въ которой мы сидимъ, на берегъ — на сухое мѣсто, только чтобъ поближе къ нашему государству; а ты, бочка, какъ на сухомъ мѣстѣ будешь, то сама расшибися!» Только успѣлъ дуракъ выговорить эти слова, какъ море начало волноваться и въ тотъ часъ выкинуло бочку на берегъ — на сухое мѣсто, а бочка сама разсыпалась. Емеля всталъ и пошелъ съ принцессою по тому мѣсту, куда ихъ выкинуло, и увидѣлъ дуракъ, что они были на весьма прекрасномъ островѣ, на которомъ было премножество разныхъ деревьевъ со всякими плодами. Принцесса, все то видя, весьма радовалась, что они на такомъ прекрасномъ островѣ; а послѣ того говорила: «Что жъ, Емеля, гдѣ мы будемъ жить? ибо нѣтъ здѣсь и шалаша». Но дуракъ говорилъ: «Вотъ ты ужъ многаго требуешь!» — «Сдѣлай милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домикъ,—говорила принцесса,—чтобы можно было намъ гдѣ во время дождя укрыться!» ибо принцеса знала, что онъ все можетъ сдѣлать, ежели захочетъ. Но дуракъ сказалъ: «Я лѣнюсь!» Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронутъ ея просьбой, принужденъ былъ для нея то сдѣлать; онъ отошелъ отъ нея и говорилъ: «По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, будь среди этого острова дворецъ лучше королевскаго, и чтобъ отъ моего дворца и до королевскаго былъ хрустальный мостъ, а во дворцѣ чтобы были разнаго званія люди». И лишь успѣлъ выговорить сіи слова, то въ ту жъ минуту и появился преогромной дворецъ и хрустальной мостъ. Дуракъ взошелъ съ принцессою во дворецъ и увидѣлъ, что въ покояхъ весьма богатое было убранство и множество людей какъ лакеевъ, такъ и всякихъ разнощиковъ, которые ожидали отъ дурака повелѣнія. Дуракъ, видя, что всѣ люди — какъ люди, а онъ одинъ былъ нехорошъ и глупъ, захотѣлъ сдѣлаться получше, и для того говорилъ: «По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, кабы я сдѣлался такой молодецъ, чтобъ мнѣ не было подобнаго, чтобъ былъ и чрезвычайно умѣнъ!» И лишь успѣлъ выговорить, то въ ту же минуту сдѣлался такъ прекрасенъ, а притомъ и умѣнъ, что всѣ удивлялись.

Послѣ того послалъ Емеля изъ своихъ слугъ къ королю, чтобъ звать его къ себѣ и со всѣми министрами. Посланной отъ Емели поѣхалъ къ королю по тому хрустальному мосту, которой сдѣлалъ дуракъ; и какъ пріѣхалъ во дворецъ, то министры представили его предъ короля, и посланной отъ Емели говорилъ: «Милостивой государь! я присланъ отъ моего господина съ покорностью просить васъ къ нему кушать». Король спрашивалъ: «Кто таковъ твой господинъ?» Но посланной отвѣчалъ: «Я не могу вамъ сказать про него (ибо дуракъ ему сказывать не велѣлъ про себя, кто онъ таковъ); о моемъ господинѣ ничего неизвѣстно; а когда вы будете кушать у него, въ то время и скажетъ о себѣ». Любопытствуя знать, кто прислалъ звать его, король сказалъ посланному, что онъ непремѣнно будетъ. Когда посланной ушелъ, король тотчасъ поѣхалъ вслѣдъ за нимъ со всѣми министрами. Посланной, возвратясь назадъ, сказалъ, что король непремѣнно будетъ, и только сказалъ — а король и ѣдетъ къ дураку по тому мосту хрустальному и съ принцами. И какъ пріѣхалъ король во дворецъ, то Емеля вышелъ навстрѣчу, принималъ его за бѣлыя руки, цѣловалъ во уста сахарныя, ласково вводилъ его въ свой бѣлокаменный дворецъ, сажалъ его за столы дубовые, за скатерти браныя, за кушанья сахарныя, за питья медовыя. За столомъ король и министры пили, ѣли и веселились; а какъ встали изъ-за стола и сѣли по мѣстамъ, то дуракъ говорилъ королю: «Милостивой государь! узнаёте ли вы меня, кто я таковъ?» И какъ Емеля былъ въ то время въ пребогатомъ платьѣ, а притомъ лицомъ былъ весьма прекрасенъ, то и нельзя было узнать его, почему король и говорилъ, что не знаетъ. Но дуракъ говорилъ: «Помните ли, милостивой государь, какъ дуракъ къ вамъ пріѣзжалъ на печи во дворецъ, и вы его и съ дочерью, засмоля въ бочку, пустили въ море? Итакъ, узнайте теперь меня, что я — тотъ самой Емеля!» Король, видя его предъ собою, весьма испугался и не зналъ, что дѣлать; а дуракъ въ то время пошелъ за его дочерью и привелъ ее предъ короля. Король, увидя дочь свою, весьма обрадовался и говорилъ дураку: «Я передъ тобой весьма виноватъ и за то отдаю за тебя въ замужество дочь мою». Дуракъ, слыша сіе, съ покорностію благодарилъ короля, и какъ у Емели все было готово къ свадьбѣ, то въ тотъ же день праздновали ее съ великолѣпіемъ. А на другой день дуракъ сдѣлалъ великолѣпный пиръ для всѣхъ министровъ, а для простого народу выставлены были чаны съ разными напитками [1]). И какъ веселье отошло, то король отдавалъ ему свое королевство, но онъ не захотѣлъ. Послѣ того король поѣхалъ въ свое королевство, а дуракъ остался въ своемъ дворцѣ и жилъ благополучно.

(Напечатана съ лубочнаго изданія.)

---

[1]) *Вар.*: Винами.

b. Жили три брата, два-то умныхъ, а третій дуракъ; умные братья поѣхали въ нижніе города товаровъ закупать и говорятъ дураку: «Ну, смотри, дуракъ! слушай нашихъ женъ и почитай такъ, какъ родныхъ матерей: мы тебѣ купимъ сапоги красные и кафтанъ красный и рубашку красную». Дуракъ сказалъ имъ: «Ладно, буду почитать». Они отдали дураку приказаніе, а сами поѣхали въ нижніе города; а дуракъ легъ на печь и лежитъ. Невѣстки говорятъ ему: «Что же ты, дуракъ! братья велѣли тебѣ насъ почитать и за это хотѣли тебѣ по подарку привезть, а ты на печи лежишь, ничего не работаешь; сходи хоть за водой». Дуракъ взялъ вёдра и пошелъ за водой; зачерпнулъ воды, и попала ему щука въ ведро. Дуракъ и говоритъ: «Слава Богу! теперь я наварю хоть этой щуки, самъ наѣмся, а невѣсткамъ не дамъ; я на нихъ сердитъ!» Говоритъ ему щука человѣческимъ голосомъ: «Не ѣшь, дуракъ, меня; пусти опять въ воду, счастливъ будешь!» Дуракъ спрашиваетъ: «Какое жъ отъ тебя счастье?» — «А вотъ какое счастье: что̀ скажешь, то и будетъ! Вотъ скажи: по щучьему велѣнью, по моему прошенью, ступайте, вёдра, сами домой и поставьтесь на мѣсто». Какъ только дуракъ сказалъ это, вёдра тотчасъ пошли сами домой и поставились на мѣсто. Невѣстки глядятъ и дивуются: «Что онъ за дуракъ!» говорятъ: «Вишь какой хитрой, что̀ у него вёдра сами домой пришли и поставились на свое мѣсто!» Дуракъ пришелъ и лёгъ на печку; невѣстки стали опять говорить ему: «Что жъ ты, дуракъ, улегся на печку! дровъ нѣтъ, ступай за дровами». Дуракъ взялъ два топора, сѣлъ въ сани, лошади не запрёгъ. «По щучьему,—говоритъ,—велѣнью, по моему прошенью, катитесь, сани, въ лѣсъ!» Сани покатились скоро да шибко, словно кто подгоняетъ ихъ. Надо было дураку ѣхать мимо города, и онъ безъ лошади столько придавилъ народу, что ужасъ! Тутъ всѣ закричали: «Держи его! лови его!» однако не поймали. Дуракъ въѣхалъ въ лѣсъ, вышелъ изъ саней, сѣлъ на колодину и сказалъ: «Одинъ топоръ руби съ корня, другой дрова коли!» Вотъ дрова нарубились и наклались въ сани. Дуракъ говоритъ: «Ну, одинъ топоръ! теперь поди и сруби мнѣ кукову [1]), чтобъ было чѣмъ носило поднять». Топоръ пошелъ и срубилъ ему кукову; кукова пришла, на возъ легла. Дуракъ сѣлъ и поѣхалъ; ѣдетъ мимо города, въ городѣ народъ собрался, давно его караулитъ. Тутъ дурака поймали, начали одерживать да пощипывать; дуракъ и говоритъ: «По щучьему велѣнью, по моему прошенью, ступай, кукова, похлопочи-ка!» Вскочила кукова и пошла ломать, колотить и прибила народу многое множество: люди, словно снопы, такъ наземь и сыплются! Отдѣлался отъ нихъ дуракъ и пріѣхалъ домой, дрова сложилъ, а самъ на̀ печь сѣлъ. Вотъ горожане стали бить на него челомъ и донесли королю: «Такъ-де его не взять, надобно обманомъ залучить, а

[1]) Палка или дубинка, у которой одинъ конецъ загнутъ и закругленъ наподобіе шара.

всего лучше обѣщать ему красную рубаху, красной кафтанъ и красные сапоги». Пришли за дуракомъ королевскіе гонцы: «Ступай,— говорятъ,— къ королю: онъ тебѣ дастъ красные сапоги, красной кафтанъ и красную рубаху». Вотъ дуракъ и сказалъ: «По щучьему велѣнью, по моему прошенью, печка, ступай къ королю!» Самъ сѣлъ на̀ печь, печка и пошла. Пріѣхалъ дуракъ къ королю. Король ужъ хотѣлъ казнить его, да у того короля была дочь, и больно понравился ей дуракъ; стала она отца просить, чтобы отдалъ ее за дурака замужъ. Отецъ разсердился, обвѣнчалъ ихъ и велѣлъ посадить обоихъ въ бочку, засмолить и пустить на̀ воду. Такъ и сдѣлано.

Долгое время плыла бочка по́ морю; стала жена дурака просить: «Сдѣлай такъ, чтобы насъ на̀ берегъ выкинуло». Дуракъ сказалъ: «По щучьему велѣнью, по моему прошенью — выкинь эту бочку на берегъ и разорви ее!» Вышли они изъ бочки; жена опять стала дурака просить, чтобы онъ построилъ какую-нибудь избушку. Дуракъ сказалъ: «По щучьему велѣнью, по моему прошенью—постройся мраморной дворецъ, и чтобы этотъ дворецъ былъ какъ разъ напротивъ королевскаго дворца!» Сейчасъ все исполнилось; король увидалъ поутру новой дворецъ и послалъ узнать, кто такой въ немъ живетъ. Какъ только узналъ, что тамъ живетъ его дочь, въ ту жъ минуту потребовалъ ее съ мужемъ къ себѣ. Они пріѣхали; король ихъ простилъ, и стали вмѣстѣ жить-поживать да добра наживать.

(Записана въ Новгородской губ.)

101. По щучьему велѣнью.

Жилъ-былъ бѣдной мужичокъ; сколько онъ ни трудился, сколько ни работалъ — все нѣтъ ничего! «Эхъ,— думаетъ самъ съ собой,— доля моя горькая! всѣ дни за хозяйствомъ убиваюсь, а того и смотри — придется съ голоду помирать; а вотъ сосѣдъ мой всю жизнь на боку лежитъ — и что же? — хозяйство большое, барыши сами въ карманъ плывутъ. Видно, я Богу не угодилъ; стану я съ утра до вечера молиться, авось Господь и смилуется». Началъ онъ Богу молиться; по цѣлымъ днямъ голодаетъ, а все молится. Наступилъ Свѣтлой праздникъ, ударили къ заутренѣ. Бѣдной думаетъ: «Всѣ люди станутъ разгавливаться, а у меня ни куска нѣту! Пойду, хоть воды принесу — ужо̀ вмѣсто щей похлебаю». Взялъ ведёрку, пошелъ къ колодцу и только закинулъ въ воду — вдругъ попалась ему въ ведёрку большущая щука. Обрадовался мужикъ: «Вотъ и я съ праздникомъ! наварю ухи и въ сласть пообѣдаю». Говоритъ ему щука человѣчьимъ голосомъ: «Отпусти меня, доброй человѣкъ, на волю; я тебя счастливымъ сдѣлаю: чего душа твоя пожелаетъ, все у тебя будетъ! Только скажи: по щучьему велѣнью, по Божьему благословенью, явись то-то и то-то — сейчасъ явится!» Убогой бросилъ щуку въ коло-

децъ, пришелъ въ избу, и сѣлъ за столъ и говоритъ: «По щучьему велѣнью, по Божьему благословенью, будь столъ накрытъ и обѣдъ готовъ!» Вдругъ откуда что̀ взялось — появились на столѣ всякія кушанья и напитки: хоть царя угощай — такъ не стыдно будетъ! Убогой перекрестился: «Слава тебѣ, Господи! есть чѣмъ разговѣться». Пошелъ въ церковь, отстоялъ заутреню и обѣдню, воротился и сталъ разгавливаться; закусилъ-выпилъ, вышелъ за ворота и сѣлъ на лавочку. На ту пору вздумала царевна по улицамъ прогуляться, идетъ съ своими няньками и мамками и ради праздничка Христова раздаетъ бѣднымъ милостину; всѣмъ подала, а про этого мужичка и позабыла. Вотъ онъ и говоритъ про себя: «По щучьему велѣнью, по Божьему благословенію пусть царевна плодъ понесетъ и родитъ себѣ сына!» По тому слову царевна въ ту жъ минуту забрюхатѣла и черезъ девять мѣсяцевъ родила сына. Началъ ее царь допрашивать: «Признавайся, — говоритъ, — съ кѣмъ согрѣшила!» А царевна плачетъ и всячески клянется, что ни съ кѣмъ не грѣшила: «И сама не вѣдаю, за что меня Господь покаралъ!» Сколько царь ни допытывался, ничего не узналъ. Межъ тѣмъ мальчикъ не по днямъ, а по часамъ растетъ; черезъ недѣлю ужъ говорить сталъ. Царь созвалъ со всего царства бояръ и думныхъ людей, показываетъ ихъ мальчику: не признаетъ ли онъ кого за отца? Нѣтъ, мальчикъ молчитъ, никого отцомъ не обзываетъ. Приказалъ царь нянькамъ и мамкамъ нести его по всѣмъ дворамъ, по всѣмъ улицамъ и казать всякаго чина людямъ и женатымъ и холостымъ. Няньки и мамки понесли ребёнка по всѣмъ дворамъ, по всѣмъ улицамъ; ходили-ходили, онъ все молчитъ. Подошли, наконецъ, къ избушкѣ бѣднаго мужика; какъ только увидалъ мальчикъ того мужика, сейчасъ потянулся къ нему ручонками и закричалъ: «Тятя, тятя!» Доложили про то государю, привели во дворецъ убогаго; царь сталъ его допрашивать: «Признавайся по чистой по совѣсти — твой это ребёнокъ?» — «Нѣтъ, Божій!» Царь разгнѣвался, обвѣнчалъ убогаго на царевнѣ, а послѣ вѣнца приказалъ посадить ихъ вмѣстѣ съ ребёнкомъ въ большую бочку, засмолить смолою и пустить въ открытое море. Вотъ поплыла бочка по̀ морю, понесли ее буйные вѣтры и прибили къ далекому берегу. Слышитъ убогой, что вода подъ ними не колышется, и говоритъ таково слово: «По щучьему велѣнью, по Божьему благословенью, распадись, бочка, на сухомъ мѣстѣ!» Бочка развалилася; вылѣзли они на сухое мѣсто и пошли — куда глаза глядятъ. Шли-шли, шли-шли, ѣсть-пить нечего, царевна совсѣмъ отощала, едва ноги переставляетъ. «Что,—спрашиваетъ убогой,—знаешь теперь, какова жажда и голодъ?» — «Знаю!» отвѣчаетъ царевна. «Вотъ такъ-то и бѣдные мучатся; а ты не хотѣла мнѣ вѣрить на Христовъ день и милостинки подать!» Потомъ говоритъ убогой: «По щучьему велѣнью, по Божьему благословенью — стань здѣсь богатой дворецъ, — чтобъ лучше во всемъ свѣтѣ не было! и съ садами, и съ прудами, и со всякими пристройками». Только вымолвилъ — явился богатой дворецъ: выбѣ-

гаютъ изъ дворца слуги вѣрные, берутъ ихъ по̀дъ руки, ведутъ въ палаты бѣлокаменныя и сажаютъ за столы дубовые, за скатерти браныя. Чудно въ палатахъ убрано, изукрашено; на столахъ всего наготовлено: и вина, и сласти, и кушанья. Убогой и царевна напились, наѣлись, отдохнули и пошли въ садъ гулять. «Всѣмъ бы здѣсь хорошо,—говоритъ царевна,—только жаль, что нѣтъ никакой птицы на нашихъ прудахъ».— «Подожди, будетъ и птица!» отвѣчалъ убогой, и тотчасъ вымолвилъ: «По щучьему велѣнью, по Божьему благословенью—пусть плаваютъ на этомъ прудѣ двѣнадцать утокъ, тринадцатой селезень, — у всѣхъ бы у нихъ одно перо было золотое, другое серебряное, да былъ бы у селезня чубъ на головкѣ брилліантовый!» Глядь — плывутъ по водѣ двѣнадцать утокъ и селезень — одно перо золотое, другое серебряное; на головкѣ у селезня чубъ брилліантовый. Вотъ такъ-то живетъ царевна съ своимъ мужемъ безъ горя-печали, а сынъ ея растетъ да растетъ; выросъ большой, почуялъ въ себѣ силу великую и сталъ у отца у матери проситься поѣхать по бѣлу свѣту да поискать себѣ невѣсты. Они его отпустили: «Ступай, сынокъ, съ Богомъ!» Онъ осѣдлалъ богатырскаго коня, сѣлъ и поѣхалъ въ путь-дорогу. Попадается ему навстрѣчу старая старуха: «Здравствуй, русской царевичъ, куда ѣхать изволишь?» — «Ѣду, бабушка, невѣсты искать, а гдѣ искать — и самъ не вѣдаю». — «Постой, я тебѣ скажу, дитятко! поѣзжай ты за̀ море въ тридесятое королевство; тамъ есть королевна — такая красавица, что̀ весь свѣтъ изъѣздишь, а лучше ея нигдѣ не сыщешь!» Доброй мо́лодецъ поблагодарилъ старуху, пріѣхалъ къ пристани, нанялъ корабль и поплылъ въ тридесятое королевство. Долго ли, коротко ли плылъ онъ по морю, — скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, — пріѣзжаетъ въ то королевство, явился къ тамошнему королю и сталъ за его дочь свататься. Говоритъ ему король: «Не ты одинъ за мою дочь сватаешься, есть у насъ еще женихъ—сильномогучій богатырь; коли ему отказать, онъ все мое государство разоритъ».—«А мнѣ откажешь, я разорю!»—«Что ты! лучше помѣряйся съ нимъ силою: кто изъ васъ побѣдитъ, за того и дочь отдамъ». — «Ладно! созывай всѣхъ царей и царевичей, королей и королевичей на честно̀й бой поглядѣть, на свадьбѣ погулять». Тотчасъ посланы были гонцы въ разныя стороны, и года не прошло, какъ собралось со всѣхъ окрестныхъ земель цари и царевичи, короли и королевичи; пріѣхалъ и тотъ царь, что̀ свою родную дочь въ бочку засмолилъ да въ море пустилъ. Въ назначенный день вышли богатыри на смертный бой; бились-бились, отъ ихъ ударовъ земля стонала, лѣса преклонялись, рѣки волновались; сынъ царевны осилилъ своего сопротивника,—снѣсъ съ него буйную голову. Подбѣжали тутъ королевскіе бояре, взяли добраго молодца подъ руку и повели во дворецъ; на другой день обвѣнчался онъ съ королевною, а какъ отпировали свадьбу, сталъ звать всѣхъ царей и царевичей, королей и королевичей въ гости къ своему отцу-къ матери. Поднялись всѣ разомъ, снарядили корабли

и поплыли по́ морю. Царевна со своимъ мужемъ встрѣтили гостей съ честію, и начались опять пиры да веселье. Цари и царевичи, короли и королевичи смотрятъ на дорецъ, на сады и дивуются: такого богатства нигдѣ не видано! А больше всего показались имъ утки и селезень: за одну утку можно полцарства дать! Отпировали гости и вздумали домой ѣхать; не успѣли они до пристани добраться, какъ бѣгутъ за ними скорые гонцы: «Нашъ де хозяинъ проситъ васъ назадъ воротиться,—хочетъ съ вами тайной совѣтъ держать». Цари и царевичи, короли и королевичи воротились назадъ; выступилъ къ нимъ хозяинъ и сталъ говорить: «Развѣ эдакъ добрые люди дѣлаютъ? вѣдь у меня утка пропала! Окромя васъ некому взять».—«Что ты взводишь напраслину?—отвѣчаютъ ему цари и царевичи, короли и королевичи:—это дѣло непригожее! Сейчасъ обыщи всѣхъ! если найдешь у кого утку, дѣлай съ нимъ, что̀ самъ знаешь; а если не сыщешь, твоя голова долой!»—«Хорошо, я согласенъ!» сказалъ хозяинъ, пошелъ по ряду и сталъ ихъ обыскивать; какъ скоро дошла очередь до царевнина отца, онъ потихоньку и вымолвилъ: «По щучьему велѣнью, по́ Божьему благословенью, пусть у этого царя подъ полой кафтана будетъ утка привязана!» Взялъ-приподнялъ кафтанъ, а подъ полой какъ есть привязана утка—одно перо золотое, другое серебряное. Тутъ всѣ прочіе цари и царевичи, короли и королевичи громко засмѣялись: «Ха-ха-ха! вотъ каково! ужъ цари воровать начали!» Царевнинъ отецъ всѣми святыми клянется, что воровать у него и на мысляхъ не было; а какъ къ нему утка попала—того и самъ не вѣдаетъ. «Разсказывай! у тебя нашли, стало-быть, ты одинъ и виноватъ». Тутъ вышла царевна, бросилась къ отцу и призналась, что она та самая его дочь, которую выдалъ онъ за убогаго замужъ и посадилъ въ смоляную бочку: «Батюшка! ты не вѣрилъ тогда моимъ словамъ, а вотъ теперь на себѣ спозналъ, что можно быть безъ вины виноватымъ». Разсказала ему, какъ и что было, и послѣ того они всѣ вмѣстѣ жить поживать, добра наживать, а лиха избывать.

Примѣчаніе къ сказк. 100 — 101. Сказка объ Емелѣ дуракѣ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ сѣрыхъ изданіяхъ (наприм., Русскія сказки, Москва, 1787 г., въ типогр. Пономарева) и въ литературной передѣлкѣ Даля (Повѣсти, сказки и разск. казака Луганскаго, II, стр. 415); польскій текстъ см. у Глинск., I, 195 — 207 и въ Slovanska čitanka, стр. 112—7. Она основана на загадочномъ преданіи о чудесной щукѣ; пойманная Емелею-дуракомъ, щука эта въ уплату за свое освобожденіе надѣляетъ его такимъ даромъ: стòитъ только ему сказать: «По моему прошенью, по щучьему велѣнью, будь то и то!» — и сейчасъ все исполнится [1]). Такой сверхъестественный даръ невольно заставляетъ вспомнить сказку о золотой рыбкѣ, исполняющей различныя желанія старика, который из-

[1]) Славянск. нар. разсказы, стр. 10: щука за свое освобожденіе научила мужика понимать собачій языкъ.

ловилъ ее въ сѣти и потомъ отпустилъ въ море (№№ 39, 158 и 162, *а*); по всему вѣроятію, обѣ сказки возникли изъ одного общаго источника, и золотая рыбка едва ли не тождественна съ чудесною щукой. Святочная подблюдная пѣсня говоритъ о щукѣ «серебряной, позолоченой», и по народному убѣжденію пѣсня эта сулитъ *богатство*. Очевидно, наша сказочная рыба родственна съ скандинавскимъ карликомъ Андвари, который въ образѣ щуки поселился въ глубокомъ потокѣ и хранилъ тамъ великое сокровище. Указанное родство преданій подтверждается свидѣтельствомъ нѣмецкой сказки, тождественной съ русскою о Емелѣ-дуракѣ (Zeitschrift für Deut. Mythol. und Sittenkunde, I, стр. 38 — 40); вмѣсто щуки здѣсь выведенъ карликъ — klein grau Männlein. Однажды бѣдный мальчикъ, свинопасъ, стоялъ у колодца, размачивалъ черствый кусокъ хлѣба и завтракалъ. Является къ нему сѣдой карликъ и проситъ хлѣба; у мальчика было доброе сердце, онъ охотно исполнилъ просьбу карлика и потомъ всякой разъ дѣлилъ съ нимъ свой скудный запасъ. Въ уплату за то карликъ наградилъ его чуднымъ даромъ: все, о чемъ онъ подумаетъ или чего пожелаетъ, сейчасъ же должно исполниться. (См. Поэт. Воззр., II, стр. 158 — 9.)

Варіантъ, напечатанный нами подъ № 101, сходенъ съ сербскою редакціей (см. Матер. для изучен. народ. словесн., стр. 20 — 22) и интересенъ тѣмъ легендарнымъ оттѣнкомъ, какой приданъ сказкѣ позднѣе, подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній: чудесная щука попадается убогому на первый день Святой недѣли, и даръ, которымъ она надѣляетъ его, есть воздаяніе за его набожность, молитвы и нищету. Въ тотъ же день праздника сидѣлъ убогой передъ воротами своей избушки; проходила мимо царевна, не захотѣла подать ему милостыни; желая научить ее состраданію къ бѣднымъ, онъ вымолвилъ: «По щучьему велѣнью, по божьему благословенью, пускай царевна плодъ понесётъ и сына родитъ!» Отъ тѣхъ словъ забеременѣла царевна и родила сына. Царь хотѣлъ допытаться, кто былъ отцомъ ребёнка, и приказываетъ носить его по всему городу: не признаетъ ли онъ самъ отца? Увидя убогаго, малютка протянулъ къ нему ручонки и закричалъ: «Тятя! тятя!» Потомъ слѣдуетъ заключеніе убогаго, царевны и ея сына въ въ бочку; бочку кидаютъ въ море, и такъ далѣе. Сходная съ этимъ нѣмецкая сказка, начало которой приведено выше, повѣствуетъ: свинопасъ, отправленный отцомъ въ городъ, увидѣлъ тамъ царевну (она сидѣла въ своей свѣтлицѣ передъ окномъ) и привѣтствовалъ ее добрымъ днемъ. Царевна засмѣялась надъ нимъ, и огорченный пастухъ пожелалъ: «О, чтобъ ты забеременѣла!» Въ ту же минуту царевна зачала и въ извѣстный срокъ родила мальчика съ золотымъ яблокомъ въ рукѣ. Царь разгнѣвался на дочь, и, желая узнать отца ребёнка, онъ, по совѣтамъ цыганки, собралъ въ дворцовую залу холостыхъ со всего своего царства: въ кого кинетъ ребёнокъ золотое яблоко, тотъ и виновникъ безчестія. Мальчикъ бросилъ яблоко въ свинопаса; тотчасъ его схватили

и вмѣстѣ съ царевною посадили на старый корабль и пустили въ море. Изъ разговора съ царевною свинопасъ догадался, какимъ даромъ наградилъ его карликъ; пожелалъ себѣ ума, красоты и военныхъ кораблей, воротился на родину и женился на царевнѣ (сличи Рудченко, II, № 26; Ганъ, I, № 8; Ungarische Volksmärch. Штира, № 16). Подобная же сказка у хорутанъ отличается нѣкоторыми любопытными особенностями (см. сборн. Валявца, стр. 233 — 4): Были-жили мужъ да жена, у нихъ была дочь. Сватали ее люди, да отецъ отдавать не хотѣлъ; досадно то показалось дѣвицѣ, и стала она говорить отцу: «Зачѣмъ меня держишь? я хочу замужъ!» — «Подожди, на ту зиму прійдетъ за тобою *врагъ* (vrag — нечистый), ему и отдамъ тебя». На другую зиму пришелъ врагъ, женился на дѣвицѣ и прижилъ съ нею троихъ дѣтей. Однажды, отпуская жену въ отцовскій домъ, онъ взялъ одного ребёнка, разорвалъ его надвое и оставилъ себѣ половину. Этому бѣдному ребёнку, у котораго осталась одна рука и одна нога, дано было имя Polovajek. Разъ какъ-то дѣдъ его пошелъ ловить рыбу; слѣдомъ за нимъ увязался и Polovanjek, онъ взялъ торбу и поймалъ въ нее рыбу. «Пусти меня! сказала рыба: а коли тебѣ что̀ понадобится, говори: Bog daj onu ribicu, koju sem ja vlovil i nasad sem pustil, da bi to i to bilo!» Polovanjek отпустилъ рыбу, и съ той поры все дѣлалось по его желанію. Ворочаясь домой, онъ усмотрѣлъ на другой сторонѣ моря столичный городъ, дворецъ и у окна апрекрасную царевну и выразилъ желаніе: «Da bi cesarovi kčeri veliko črevo naraslo». Царь ищетъ виновника, дѣлаетъ золотой шаръ и созываетъ къ себѣ народъ; брошенный шаръ катится къ Половаднику, и царевна выходитъ за него замужъ.

102. Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жаръ-птицѣ и о сѣромъ волкѣ.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ: былъ-жилъ царь, по имени Выславъ Андроновичъ. У него было три сына-царевича: первой — Дмитрій-царевичъ, другой—Василій-царевичъ, а третій — Иванъ-царевичъ. У того царя Выслава Андроновича былъ садъ такой богатой, что̀ ни въ которомъ государствѣ лучше того не было; въ томъ саду росли разныя дорогія деревья съ плодами и безъ плодовъ, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблони росли яблочки все золотыя. Повадилась къ царю Выславу въ садъ летать жаръ-птица; на ней перья золотыя, а глаза восточному хрусталю подобны. Летала она въ тотъ садъ каждую оночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала съ нея золотыя яблочки и опять улетала. Царь Выславъ Андроновичъ весьма крушился о той яблонѣ, что̀ жаръ-птица много яблокъ съ нея сорвала; почему призвалъ къ себѣ трехъ своихъ сыновей и сказалъ имъ: «Дѣти мои любезные! кто изъ васъ

можетъ поймать въ моемъ саду жаръ-птицу? кто изловитъ ее живую, тому еще при жизни моей отдамъ половину царства, а по смерти и все». Тогда дѣти его царевичи возопили единогласно: «Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! мы съ великою радостью будемъ стараться поймать жаръ-птицу живую».

На первую ночь пошелъ караулить въ садъ Димитрій-царевичъ и, усѣвшись подъ ту яблонь, съ которой жаръ-птица яблочки срывала, заснулъ и не слыхалъ, какъ та жаръ-птица прилетала и яблокъ весьма много ощипала. Поутру царь Выславъ Андроновичъ призвалъ къ себѣ своего сына Дмитрія-царевича и спросилъ: «Что, сынъ мой любезной, видѣлъ ли ты жаръ-птицу или нѣтъ»? Онъ родителю своему отвѣчалъ: «Нѣтъ, милостивый государь-батюшка! она эту ночь не прилетала». На другую ночь пошелъ въ садъ караулить жаръ-птицу Василій-царевичъ. Онъ сѣлъ подъ ту же яблонь и, сидя часъ и другой ночи, заснулъ такъ крѣпко, что не слыхалъ, какъ жаръ-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Выславъ призвалъ его къ себѣ и спрашивалъ: «Что, сынъ мой любезной, видѣлъ ли ты жаръ-птицу или нѣтъ?» — «Милостивый государь-батюшка! она эту ночь не прилетала».

На третью ночь пошелъ въ садъ караулить Иванъ-царевичъ и сѣлъ подъ ту же яблонь; сидитъ онъ часъ, другой и третій — вдругъ освѣтило весь садъ такъ, какъ бы онъ многими огнями освѣщенъ былъ: прилетѣла жаръ-птица, сѣла на яблоню и начала щипать яблочки. Иванъ-царевичъ подкрался къ ней такъ искусно, что́ ухватилъ ее за хвостъ; однако не могъ ее удержать: жаръ-птица вырвалась и полетѣла, и осталось у Ивана-царевича въ рукѣ только одно перо изъ хвоста, за которое онъ весьма крѣпко держался. Поутру, лишь только царь Выславъ отъ сна пробудился, Иванъ-царевичъ пошелъ къ нему и отдалъ ему пёрышко жаръ-птицы. Царь Выславъ весьма былъ обрадованъ, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать отъ жаръ-птицы. Это перо было такъ чудно и свѣтло, что ежели принесть его въ темную горницу, то оно такъ сіяло, какъ бы въ томъ покоѣ было зажжено великое множество свѣчъ. Царь Выславъ положилъ то пёрышко въ свой кабинетъ, какъ такую вещь, которая должна вѣчно храниться. Съ тѣхъ поръ жаръ-птица не летала уже въ садъ.

Царь Выславъ опять призвалъ къ себѣ дѣтей своихъ и говорилъ имъ: «Дѣти мои любезныя! поѣзжайте, я даю вамъ благословеніе, отыщите жаръ-птицу и привезите ко мнѣ живую; а что прежде я обѣщалъ, то, конечно, получитъ тотъ, кто жаръ-птицу ко мнѣ привезетъ». Димитрій и Василій-царевичи начали имѣть злобу на меньшого своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жаръ-птицы изъ хвоста перо; взяли они у отца своего благословеніе и поѣхали двое отыскивать жаръ-птицу. А Иванъ-царевичъ также началъ у родителя своего просить на то благословенія. Царь Выславъ сказалъ ему: «Сынъ мой любезной, чадо мое милое! ты еще молодъ и къ такому дальнему и

трудному пути непривыченъ; зачѣмъ тебѣ отъ меня отлучаться? Вѣдь братья твои и такъ поѣхали. Ну, ежели и ты отъ меня ѣдешь, и вы всѣ трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу по́дъ Богомъ; ежели во время отлучки вашей Господь Богъ отыметъ мою жизнь, то кто вмѣсто меня будетъ управлять моимъ царствомъ? Тогда можетъ сдѣлаться бунтъ или несогласіе между нашимъ народомъ, а унять будетъ некому; или непріятель подъ наши области подступитъ, а управлять войсками нашими будетъ некому». Однако сколько царь Выславъ ни старался удерживать Ивана-царевича, но никакъ не могъ не отпустить его, по его неотступной просьбѣ. Иванъ-царевичъ взялъ у родителя своего благословеніе, выбралъ себѣ коня и поѣхалъ въ путь — и ѣхалъ, самъ не зная, куды ѣдетъ.

Ѣдучи путемъ-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, — скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается, — наконецъ, пріѣхалъ онъ въ чистое поле, въ зеленые луга. А въ чистомъ полѣ стоитъ столбъ, а на столбу написаны эти слова: «Кто поѣдетъ отъ столба сего прямо, тотъ будетъ голоденъ и холоденъ; кто поѣдетъ въ правую сторону, тотъ будетъ здравъ и живъ, а конь его будетъ мёртвъ; а кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ самъ будетъ убитъ, а конь его живъ и здравъ останется». Иванъ-царевичъ прочелъ эту надпись и поѣхалъ въ правую сторону, держа на умѣ: хотя конь его и убитъ будетъ, зато самъ живъ останется и со временемъ можетъ достать себѣ другого коня. Онъ ѣхалъ день, другой и третій — вдругъ вышелъ ему навстрѣчу пребольшой сѣрой волкъ, и сказалъ: «Охъ, ты гой еси младой юноша, Иванъ-царевичъ! Вѣдь ты читалъ на столбѣ написано, что конь твой будетъ мертвъ, такъ зачѣмъ сюда ѣдешь?» Волкъ вымолвилъ эти слова, разорвалъ коня Ивана-царевича на́-двое и пошелъ прочь въ сторону.

Иванъ-царевичъ вельми сокрушался по своемъ конѣ, заплакалъ горько и пошелъ пѣшій. Онъ шелъ цѣлой день и усталъ несказанно, и только что хотѣлъ присѣсть отдохнуть, вдругъ нагналъ его сѣрый волкъ и сказалъ ему: «Жаль мнѣ тебя, Иванъ-царевичъ, что ты пѣшь изнурился; жаль мнѣ и того, что я заѣлъ твоего добраго коня. Добро! садись на меня, на сѣраго волка, и скажи, куда тебя везти и зачѣмъ?» Иванъ-царевичъ сказалъ сѣрому волку, куды ему ѣхать надобно; и сѣрый волкъ помчался съ нимъ пуще коня, и черезъ нѣкоторое время какъ разъ ночью привёзъ Ивана-царевича къ каменной стѣнѣ негораздо высокой, остановился и сказалъ: «Ну, Иванъ-царевичъ! слѣзай съ меня, съ сѣраго волка, и полѣзай черезъ эту каменную стѣну; тутъ, за стѣною, садъ, а въ томъ саду жаръ-птица сидитъ въ золотой клѣткѣ. Ты жаръ-птицу возьми, а золотую клѣтку не трогай: ежели клѣтку возьмешь, то тебѣ оттуда не уйти будетъ: тебя тотчасъ поймаютъ!» Иванъ-царевичъ перелѣзъ черезъ каменную стѣну въ садъ, увидѣлъ жаръ-птицу въ золотой клѣткѣ и очень на нее прельстился. Вынулъ птицу изъ клѣтки

и пошелъ назадъ, да потомъ одумался и сказалъ самъ себѣ: «Что я взялъ жаръ-птицу безъ клѣтки, куда я ее посажу?» Воротился, и лишь только снялъ золотую клѣтку — то вдругъ пошелъ стукъ и громъ по всему саду, ибо къ той золотой клѣткѣ были струны проведены. Караульные тотчасъ проснулись, прибѣжали въ садъ, поймали Ивана-царевича съ жаръ-птицею и привели къ своему царю, котораго звали Долматомъ. Царь Долматъ весьма разгнѣвался на Ивана-царевича и вскричалъ на него громкимъ и сердитымъ голосомъ: «Какъ не стыдно тебѣ, младой юноша, воровать! Да кто ты таковъ, и которыя земли, и какого отца сынъ, и какъ тебя по имени зовутъ?» Иванъ-царевичъ ему молвилъ: «Я есмь изъ царства Выславова, сынъ царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иванъ-царевичемъ. Твоя жаръ-птица повадилась къ намъ летать въ садъ по всякую ночь и срывала съ любимой отца моего яблони золотыя яблочки и почти все дерево испортила; для того послалъ меня мой родитель, чтобъ сыскать жаръ-птицу и къ нему привезть». — «О ты, младой юноша, Иванъ-царевичъ!—молвилъ царь Долматъ.—Пригоже ли такъ дѣлать, какъ ты сдѣлалъ? Ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ жаръ-птицу честью отдалъ; а теперь хорошо ли будетъ, когда я разошлю во всѣ государства о тебѣ объявить, какъ ты въ моемъ государствѣ нечестно поступилъ? Однако, слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужишь мнѣ службу: съѣздишь за тридесять земель, въ тридесятое государство и достанешь мнѣ отъ царя Афрона коня златогриваго, то я тебя въ твоей винѣ прощу и жаръ-птицу тебѣ съ великою честью отдамъ; а ежели не сослужишь этой службы, то дамъ о тебѣ знать во всѣ государства, что ты нечестной воръ». Иванъ-царевичъ пошелъ отъ царя Долмата въ великой печали, обѣщая ему достать коня златогриваго.

Пришелъ онъ къ сѣрому волку и разсказалъ ему обо всемъ, что царь Долматъ говорилъ. «Охъ, ты гой еси младой юноша, Иванъ-царевичъ!—молвилъ ему сѣрый волкъ:—для чего ты слова моего не слушался и взялъ золотую клѣтку?» — «Виноватъ я передъ тобой», сказалъ волку Иванъ-царевичъ. — «Добро, быть такъ!» молвилъ сѣрый волкъ. «Садись на меня, на сѣраго волка: я тебя свезу, куды тебѣ надобно». Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину; а волкъ побѣжалъ такъ скоро, аки стрѣла, и бѣжалъ онъ долго ли, коротко ли, наконецъ, прибѣжалъ въ государство царя Афрона ночью. И пришедчи къ бѣлокаменнымъ царскимъ конюшнямъ, сѣрый волкъ Ивану-царевичу сказалъ: «Ступай, Иванъ-царевичъ, въ эти бѣлокаменныя конюшни (теперь караульные конюхи всѣ крѣпко спятъ!) и бери ты коня златогриваго. Только тутъ на стѣнѣ виситъ золотая узда, ты ея не бери, а то худо тебѣ будетъ». Иванъ-царевичъ, вступая въ бѣлокаменныя конюшни, взялъ коня и пошелъ было назадъ; но увидѣлъ на стѣнѣ золотую узду и такъ на нее прельстился, что снялъ ее съ гвоздя, и только-что снялъ, какъ вдругъ пошелъ громъ и шумъ по всѣмъ конюшнямъ, потому что къ той

уздѣ были струны приведены. Караульные конюхи тотчасъ проснулись, прибѣжали, Ивана-царевича поймали и повели къ царю Афрону. Царь Афронъ началъ его спрашивать: «Охъ, ты гой еси, младой юноша! скажи мнѣ, изъ котораго ты государства, и котораго отца сынъ, и какъ тебя по имени зовутъ?» На то отвѣчалъ ему Иванъ-царевичъ: «Я самъ изъ царства Выславова, сынъ царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иваномъ-царевичемъ».—«Охъ ты, младой юноша, Иванъ-царевичъ!—сказалъ ему царь Афронъ:—честнаго ли рыцаря это дѣло, которое ты сдѣлалъ? Ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ коня златогриваго съ честью отдалъ. А теперь хорошо ли тебѣ будетъ, когда я разошлю во всѣ государства объявить, какъ ты нечестно въ моемъ государствѣ поступилъ? Однако, слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужишь мнѣ службу и съѣздишь за тридевять земель, въ тридесятое государство и достанешь мнѣ королеву Елену Прекрасную, въ которую я давно и душою и сердцемъ влюбился, а достать не могу, то я тебѣ эту вину прощу и коня златогриваго съ золотою уздою честно отдамъ. А ежели этой службы мнѣ не сослужишь, то я о тебѣ дамъ знать во всѣ государства, что ты нечестный воръ, и пропишу все, какъ ты въ моемъ государствѣ дурно сдѣлалъ». Тогда Иванъ-царевичъ обѣщался царю Афрону королеву Елену Прекрасную достать, а самъ пошелъ изъ палатъ его и горько заплакалъ.

Пришелъ къ сѣрому волку и разсказалъ все, что съ нимъ случилося. «Охъ ты, гой еси, младой юноша, Иванъ-царевичъ!—молвилъ ему сѣрый волкъ:—для чего ты слова моего не послушался и взялъ золотую узду?» «Виноватъ я предъ тобою,—сказалъ сѣрому волку Иванъ-царевичъ. «Добро, быть такъ!» продолжалъ сѣрый волкъ. «Садись на меня, на сѣраго волка: я тебя свезу, куда тебѣ надобно». Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину, а волкъ побѣжалъ такъ скоро, какъ стрѣла, и бѣжалъ онъ, какъ бы въ сказкѣ сказать, не долгое время и, наконецъ, прибѣжалъ въ государство королевны Елены Прекрасной. И пришедчи къ золотой рѣшоткѣ, которая окружала чудесный садъ, волкъ сказалъ Ивану-царевичу: «Ну, Иванъ-царевичъ, слѣзай теперь съ меня, съ сѣраго волка, и ступай назадъ по той же дорогѣ, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня въ чистомъ полѣ подъ зеленымъ дубомъ». Иванъ-царевичъ пошелъ, куда ему велѣно. Сѣрой же волкъ сѣлъ близъ той золотой рѣшотки и дожидался, покуда пойдетъ прогуляться въ садъ королевна Елена Прекрасная. Къ вечеру, когда солнышко стало гораздо опущаться къ западу, почему и въ воздухѣ было не очень жарко, королевна Елена Прекрасная пошла въ садъ прогуливаться со своими нянюшками и съ придворными барынями. Когда она вошла въ садъ и подходила къ тому мѣсту, гдѣ сѣрой волкъ сидѣлъ за рѣшоткой, — вдругъ сѣрой волкъ перескочилъ черезъ рѣшотку въ садъ и ухватилъ королевну Елену Прекрасную, перескочилъ назадъ и побѣжалъ съ нею что̀ есть силы-мочи. Прибѣжалъ въ чистое поле подъ зеленый дубъ, гдѣ его Иванъ-царевичъ

дожидался, и сказалъ ему: «Иванъ-царевичъ! садись поскорѣе на меня, на сѣраго волка». Иванъ-царевичъ сѣлъ на него, а сѣрый волкъ помчался ихъ обоихъ къ государству царя Афрона. Няньки и мамки и всѣ боярыни придворныя, которыя гуляли въ саду съ прекрасною Еленою, побѣжали тотчасъ во дворецъ и послали въ погоню, чтобъ догнать сѣраго волка; однако, сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назадъ.

Иванъ-царевичъ, сидя на сѣромъ волкѣ вмѣстѣ съ прекрасною королевною Еленою, возлюбилъ ее сердцемъ, а она—Иванъ-царевича; и когда сѣрой волкъ прибѣжалъ въ государство царя Афрона и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королевну Елену во дворецъ и отдать царю, тогда царевичъ весьма запечалился и началъ слезно плакать. Сѣрой волкъ спросилъ его: «О чемъ ты плачешь, Иванъ-царевичъ?» На то ему Иванъ-царевичъ отвѣчалъ: «Другъ мой, сѣрой волкъ! какъ мнѣ, доброму мо́лодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцемъ возлюбилъ прекрасную королевну Елену, а теперь долженъ отдать ее царю Афрону за коня златогриваго; а ежели ея не отдамъ, то царь Афронъ обезчеститъ меня во всѣхъ государствахъ». — «Служилъ я тебѣ много, Иванъ-царевичъ,—сказалъ сѣрой волкъ;—сослужу и эту службу. Слушай, Иванъ-царевичъ: я сдѣлаюсь прекрасной королевной Еленой, и ты меня отведи къ царю Афрону и возьми коня златогриваго; онъ меня почтетъ за настоящую королевну. И когда ты сядешь на коня златогриваго и уѣдешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона въ чистое поле погулять; и какъ онъ меня отпуститъ съ нянюшками и съ матушками и со всѣми придворными боярынями, и буду я съ ними въ чистомъ полѣ, тогда ты меня вспомяни — и я опять у тебя буду». Сѣрой волкъ вымолвилъ эти рѣчи, ударился о сыру-землю и сталъ прекрасною королевною Еленою, такъ что никакъ и узнать нельзя, чтобъ то не она была. Иванъ-царевичъ взялъ сѣраго волка, пошелъ во дворецъ къ царю Афрону, а прекрасной королевнѣ Еленѣ велѣлъ дожидаться за городомъ. Когда Иванъ-царевичъ пришелъ къ царю Афрону съ мнимою Еленою Прекрасною, то царь вельми возрадовался въ сердцѣ своемъ, что получилъ такое сокровище, котораго онъ давно желалъ. Онъ принялъ ложную королеву, а коня златогриваго вручилъ Ивану-царевичу. Иванъ-царевичъ сѣлъ на того коня и выѣхалъ за городъ, посадилъ съ собою Елену Прекрасную и поѣхалъ, держа путь къ государству Долмата. Сѣрой же волкъ живетъ у царя Афрона день, другой и третій вмѣсто прекрасной королевны Елены, а на четвертый день пришелъ къ царю Афрону проситься въ чистомъ полѣ погулять, чтобъ разбить тоску-печаль лютую. Какъ взговорилъ ему царь Афронъ: «Ахъ, прекрасная моя королевна, Елена! я для тебя все сдѣлаю, отпущу тебя въ чистое поле погулять». И тотчасъ же приказалъ нянюшкамъ и мамушкамъ и всѣмъ придворнымъ боярынямъ съ прекрасною королевною итти въ чистое поле гулять.

Иванъ же царевичъ ѣхалъ путемъ-дорогою съ Еленою Прекрасною, разговаривалъ съ нею и забылъ было про сѣраго волка; да потомъ вспомнилъ: «Ахъ, гдѣ-то мой сѣрой волкъ?» Вдругъ откуда ни взялся—сталъ онъ передъ Иваномъ-царевичемъ и сказалъ ему: «Садись, Иванъ-царевичъ, на меня, на сѣраго волка, а прекрасная королевна пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ». Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка, и поѣхали они въ государство царя Долмата. Ѣхали они долго ли, коротко ли, и, доѣхавъ до того государства, за три версты отъ города остановились. Иванъ-царевичъ началъ просить сѣраго волка: «Слушай ты, другъ мой любезный, сѣрый волкъ! сослужилъ мнѣ много службъ, — сослужи мнѣ и послѣднюю; а служба твоя будетъ вотъ какая: не можешь ли ты оборотиться въ коня златогриваго на мѣсто этого, потому что съ этимъ златогривымъ конемъ мнѣ разстаться не хочется». Вдругъ сѣрой волкъ ударился о сырую землю — и сталъ конемъ златогривымъ; Иванъ-царевичъ, оставя прекрасную королевну Елену въ зеленомъ лугу, сѣлъ на сѣраго волка и поѣхалъ во дворецъ къ царю Долмату. И какъ скоро туда пріѣхалъ, царь Долматъ увидѣлъ Ивана-царевича, что ѣдетъ онъ на конѣ златогривомъ, весьма обрадовался, тотчасъ вышелъ изъ палатъ своихъ, встрѣтилъ царевича на широкомъ дворѣ, поцѣловалъ его во уста сахарныя, взялъ его за правую руку и повелъ въ палаты бѣлокаменныя. Царь Долматъ для такой радости велѣлъ сотворить пиръ, и они сѣли за столы дубовые, за скатерти браныя; пили, ѣли, забавлялися и веселилися ровно два дня, а на третій день царь Долматъ вручилъ Ивану-царевичу жаръ-птицу съ золотою клѣткою. Царевичъ взялъ жаръ-птицу, пошелъ за городъ, сѣлъ на коня златогриваго вмѣстѣ съ прекрасной королевной Еленою и поѣхалъ въ свое отечество, въ государство царя Выслава Андроновича. Царь же Долматъ вздумалъ на другой день своего коня златогриваго объѣздить въ чистомъ полѣ; велѣлъ его осѣдлать, потомъ сѣлъ на него и поѣхалъ въ чистое поле; и лишь только разъярилъ коня, какъ онъ сбросилъ съ себя царя Долмата и, оборотясь попрежнему въ сѣраго волка, побѣжалъ и нагналъ Ивана-царевича. «Иванъ-царевичъ!—сказалъ онъ:—садись на меня, на сѣраго волка, королевна Елена Прекрасная пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ». Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка, и поѣхали они въ путь. Какъ скоро довезъ сѣрой волкъ Ивана-царевича до тѣхъ мѣстъ, гдѣ его коня разорвалъ, онъ остановился и сказалъ: «Ну, Иванъ-царевичъ! послужилъ я тебѣ довольно вѣрою и правдою. Вотъ на семъ мѣстѣ разорвалъ я твоего коня надвое, до этого мѣста и довезъ тебя. Слѣзай съ меня, съ сѣраго волка, — теперь есть у тебя конь златогривый, такъ ты сядь на него и поѣзжай, куда тебѣ надобно; а я тебѣ больше не слуга». Сѣрой волкъ вымолвилъ эти слова и побѣжалъ въ сторону; а Иванъ-царевичъ заплакалъ горько по сѣромъ волкѣ и поѣхалъ въ путь свой съ прекрасной королевною.

Долго ли, коротко ли ѣхалъ онъ съ прекрасною королевною Еленою на конѣ златогривомъ и, не доѣхавъ до своего государства за двадцать

верстъ, остановился, слѣзъ съ коня и вмѣстѣ съ прекрасною королевною лёгъ отдохнуть отъ солнечнаго зною подъ деревомъ; коня златогриваго привязалъ къ тому же дереву, а клѣтку съ жаръ-птицею поставилъ подлѣ себя. Лёжа на мягкой травѣ и ведя разговоры полюбовные, они крѣпко уснули. Въ то самое время братья Ивана-царевича Дмитрій и Василій-царевичи, ѣздя по разнымъ государствамъ и не найдя жаръ-птицы, возвращались въ свое отечество съ порожними руками; нечаянно наѣхали они на своего соннаго брата Ивана-царевича съ прекрасною королевною Еленою. Увидя на травѣ коня златогриваго и жаръ-птицу въ золотой клѣткѣ, весьма на нихъ прельстилися и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до́ смерти. Дмитрій-царевичъ вынулъ изъ ножо́нъ мечъ свой, закололъ Ивана-царевича и изрубилъ его на мелкія части; потомъ разбудилъ прекрасную королевну Елену и началъ ее спрашивать: «Прекрасная дѣвица, котораго ты государства, и какого отца дочь, и какъ тебя по имени звать?» Прекрасная королевна Елена, увидя Ивана-царевича мертваго, крѣпко испугалася, стала плакать горькими слезами и во слезахъ говорила: «Я королевна Елена прекрасная, а досталъ меня Иванъ-царевичъ, котораго вы злой смерти предали. Вы тогда бъ были добрые рыцари, если бъ выѣхали съ нимъ въ чистое поле да живого побѣдили; а то убили соннаго, и тѣмъ какую себѣ похвалу получите? Сонный человѣкъ — что́ мертвой!» Тогда Дмитрій-царевичъ приложилъ свой мечъ къ сердцу прекрасной королевны Елены, и сказалъ ей: «Слушай, Елена Прекрасная! ты теперь въ нашихъ рукахъ; мы повеземъ тебя къ нашему батюшкѣ, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жаръ-птицу, и коня златогриваго. Ежели этого не скажешь, сейчасъ тебя смерти предадимъ!» Прекрасная королевна Елена, испугавшись смерти, обѣщалась имъ и клялась всею святынею, что будетъ говорить такъ, какъ ей велѣно. Тогда Дмитрій-царевичъ съ Васильемъ-царевичемъ начали метать жеребей, кому достанется прекрасная королевна Елена и кому конь златогривый. И жеребей палъ, что прекрасная королевна должна достаться Василью царевичу, а конь златогривый Дмитрію-царевичу. Тогда Василій-царевичъ взялъ прекрасную королевну Елену, посадилъ на своего добраго коня, а Дмитрій-царевичъ сѣлъ на коня златогриваго и взялъ жаръ-птицу, чтобы вручить ее родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поѣхали въ путь.

Иванъ-царевичъ лежалъ мертвъ на томъ мѣстѣ ровно тридцать дней, и въ то время набѣжалъ на него сѣрой волкъ и узналъ по духу Ивана-царевича. Захотѣлъ помочь ему — оживить, да не зналъ, какъ это сдѣлать. Въ то самое время увидѣлъ сѣрой волкъ одного во́рона и двухъ воронятъ, которые летали надъ трупомъ и хотѣли спуститься на землю и наѣсться мяса Ивана-царевича. Сѣрой волкъ спрятался за кустъ, и какъ скоро воронята спустились на землю и начали ѣсть тѣло Ивана-царевича, онъ выскочилъ изъ-за куста, схватилъ одного воронёнка и хотѣлъ было разорвать его на́двое. Тогда во́ронъ спустился на землю,

сѣлъ поодаль отъ сѣраго волка и сказалъ ему: «Охъ ты гой еси, сѣрой волкъ! не трогай моего младаго дѣтища; вѣдь онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ».—«Слушай, воронъ вороновичъ,—молвилъ сѣрой волкъ,—я твоего дѣтища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мнѣ сослужишь службу: слетаешь за тридевять земель, въ тридесятое государство и принесешь мнѣ мертвой и живой воды». На то воронъ вороновичъ сказалъ сѣрому волку: «Я тебѣ службу эту сослужу, только не тронь ничѣмъ моего сына». Выговоря эти слова, воронъ полетѣлъ и скоро скрылся изъ виду. На третій день воронъ прилетѣлъ и принёсъ съ собою два пузырька: въ одномъ — живая вода, въ другомъ — мертвая, и отдалъ тѣ пузырьки сѣрому волку. Сѣрой волкъ взялъ пузырьки, разорвалъ воронёнка надвое, спрыснулъ его мертвой водою — и тотъ вороненокъ сросся; спрыснулъ живой водою — воронёнокъ встрепенулся и полетѣлъ. Потомъ сѣрой волкъ спрыснулъ Ивана-царевича мертвою водою — его тѣло срослося, спрыснулъ живою водою — Иванъ-царевичъ всталъ и промолвилъ: «Ахъ, куды какъ я долго спалъ!» На то сказалъ ему сѣрой волкъ: «Да, Иванъ-царевичъ, спать бы тебѣ вѣчно, кабы не я: вѣдь тебя братья твои изрубили и прекрасную королевну Елену и коня златогриваго, а жаръ-птицу увезли со собою. Теперь поспѣшай, какъ можно скорѣе, въ свое отечество: братъ твой Василій-царевичъ женится сегодня на твоей невѣстѣ — на прекрасной королевнѣ Еленѣ. А чтобъ тебѣ поскорѣе туда поспѣть, садись лучше на меня, на сѣраго волка: я тебя на себѣ донесу». Иванъ царевичъ сѣлъ на сѣраго волка; волкъ побѣжалъ съ нимъ въ государство царя Выслава Андроновича, и долго ли, коротко ли — прибѣжалъ къ городу.

Иванъ-царевичъ слѣзъ съ сѣраго волка, пошелъ въ городъ и, пришедчи во дворецъ, засталъ, что братъ его Василій-царевичъ женится на прекрасной королевнѣ Еленѣ: воротился съ нею отъ вѣнца и сидитъ за столомъ. Иванъ-царевичъ вошелъ въ палаты, и какъ скоро Елена Прекрасная увидала его, тотчасъ выскочила изъ-за стола, начала цѣловать его въ уста сахарныя и закричала: «Вотъ мой любезный женихъ Иванъ-царевичъ, а не тотъ злодѣй, который за столомъ сидитъ!» Тогда царь Выславъ Андроновичъ всталъ съ мѣста и началъ прекрасную королевну Елену спрашивать: что бы такое то значило, о чемъ она говорила? Елена Прекрасная разсказала ему всю истинную правду, что и какъ было: какъ Иванъ-царевичъ добылъ ее, коня златогриваго и жаръ-птицу, какъ старшіе братья убили его соннаго до смерти и какъ стращали ее, чтобы говорила, будто все это они сдѣлали. Царь Выславъ весьма осердился на Димитрія и Василья-царевичей и посадилъ ихъ въ темницу; а Иванъ-царевичъ женился на прекрасной королевнѣ Еленѣ и началъ съ нею жить дружно, полюбовно, такъ что одинъ безъ другого ниже единой минуты пробыть не могли.

(Напечатана съ лубочнаго изданія.)

103. Жаръ-птица и Василиса-царевна.

а. Въ нѣкоторомъ царствѣ, за тридевять земель — въ тридесятомъ государствѣ жилъ-былъ сильной, могучій царь. У того царя былъ стрѣлецъ-молодецъ, а у стрѣльца молодца конь богатырской. Разъ поѣхалъ стрѣлецъ на своемъ богатырскомъ конѣ въ лѣсъ поохотиться; ѣдетъ онъ дорóгою, ѣдетъ широкою—и наѣхалъ на золотое перо жаръ-птицы: какъ огонь перо свѣтится! Говоритъ ему богатырской конь: «Не бери золотого пера; возьмешь — горе узнаешь!» И раздумался доброй мòлодецъ — поднять перо али нѣтъ? Коли поднять да царю поднести, вѣдь онъ щедро наградитъ; а царская милость кому не дорогà? Не послушался стрѣлецъ своего коня, поднялъ перо жаръ-птицы, привёзъ и подноситъ царю въ даръ. «Спасибо! говоритъ царь: — да ужъ коли ты досталъ перо жаръ-птицы, то достань мнѣ и самую птицу; а не достанешь — мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Стрѣлецъ залился горькими слезами и пошелъ къ своему богатырскому коню. «О чемъ плачешь, хозяинъ?» — «Царь приказалъ жаръ-птицу добыть». — «Я жъ тебѣ говорилъ: не бери пера, горе узнаешь! Ну, да не бойся, не печалься; это еще не бѣда, бѣда впереди! Ступай къ царю, проси, чтобъ къ завтраму сто кулей бѣлоярой пшеницы было по всему чистому полю разбросано». Царь приказалъ разбросать по чистому полю сто кулей бѣлоярой пшеницы. На другой день, на зарѣ, поѣхалъ стрѣлецъ-молодецъ на то поле, пустилъ коня по волѣ гулять, а самъ за дерево спрятался. Вдругъ зашумѣлъ лѣсъ, поднялись волны нà морѣ — летитъ жаръ-птица; прилетѣла, спустилась нáземь и стала клевать пшеницу. Богатырской конь подошелъ къ жаръ-птицѣ, наступилъ на ея крыло копытомъ и крѣпко къ землѣ прижалъ; стрѣлецъ-молодецъ выскочилъ изъ-за дерева, прибѣжалъ, связалъ жаръ-птицу веревками, сѣлъ нà лошадь и поскакалъ во дворецъ. Приноситъ царю жаръ-птицу; царь увидалъ, возрадовался, благодарилъ стрѣльца за службу, жаловалъ его чиномъ и тутъ же задалъ ему другую задачу: «Коли ты сумѣлъ достать жаръ-птицу, такъ достань же мнѣ невѣсту: за тридевять земель, на самомъ краю свѣта, гдѣ восходитъ красное солнышко, есть Василиса-царевна [1]) — ее-то мнѣ и надобно. Достанешь — златомъ-сéребромъ награжу, а не достанешь — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Залился стрѣлецъ горькими слезами, пошелъ къ своему богатырскому коню. «О чемъ плачешь, хозяинъ?» спрашиваетъ конь. «Царь приказалъ добыть ему Василису-царевну». — «Не плачь, не тужи; это еще не бѣда, бѣда впереди! Ступай къ царю, попроси палатку съ золотою маковкой да разныхъ припасовъ и напитковъ на дорогу». Царь далъ ему и припасовъ, и напитковъ, и палатку съ золотою маковкой. Стрѣлецъ-молодецъ сѣлъ на своего богатырскаго коня и поѣхалъ за тридевять земель; долго ли, коротко ли — пріѣзжаетъ онъ на край свѣта, гдѣ красное солнышко

---

[1]) *Вар.* царевна Елена-краса, золотая коса.

изъ синя моря восходитъ. Смотритъ, а по синю морю плыветъ Василиса-царевна въ серебряной лодочкѣ, золотымъ весломъ попихается [1]). Стрѣлецъ-молодецъ пустилъ своего коня въ зеленыхъ лугахъ гулять, свѣжую травку щипать; а самъ разбилъ палатку съ золотой маковкою, разставилъ разныя кушанья и напитки, сѣлъ въ палаткѣ — угощается, Василисы-царевны дожидается. А Василиса-царевна усмотрѣла золотую маковку, приплыла къ берегу, выступила изъ лодочки и любуется на палатку. «Здравствуй, Василиса-царевна!—говоритъ стрѣлецъ:—милости просимъ хлѣба-соли откушать, заморскихъ винъ испробовать». Василиса-царевна вошла въ палатку; начали они ѣсть-пить, веселиться. Выпила царевна стаканъ заморскаго вина, опьянѣла и крѣпкимъ сномъ заснула. Стрѣлецъ-молодецъ крикнулъ своему богатырскому коню, конь прибѣжалъ; тотчасъ снимаетъ стрѣлецъ палатку съ золотой маковкою, садится на богатырскаго коня, беретъ съ собой сонную Василису-царевну и пускается въ путь-дорогу, словно стрѣла изъ лука. Пріѣхалъ къ царю; тотъ увидалъ Василису-царевну, сильно возрадовался, благодарилъ стрѣльца за вѣрную службу, наградилъ его казною великою и пожаловалъ большимъ чиномъ. Василиса-царевна проснулась, узнала, что она далеко-далеко отъ синяго моря, стала плакать, тосковать, совсѣмъ изъ лица перемѣнилась; сколько царь ни уговаривалъ — все понапрасну. Вотъ задумалъ царь на ней жениться, а она говоритъ: «Пусть тотъ, кто меня сюда привёзъ, поѣдетъ къ синему морю; посреди того моря лежитъ большой камень, подъ тѣмъ камнемъ спрятано мое подвѣнечное платье — безъ того платья замужъ не пойду!» Царь тотчасъ за стрѣльцомъ-молодцомъ: «Поѣзжай скорѣй на край свѣта, гдѣ красное солнышко восходитъ; тамъ на синёмъ морѣ лежитъ большой камень, а подъ камнемъ спрятано подвѣнечное платье Василисы-царевны; достань это платье и привези сюда: пришла пора свадьбу играть! Достанешь — больше прежняго награжу, а не достанешь — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Залился стрѣлецъ горькими слезами, пошелъ къ своему богатырскому коню: «Вотъ когда, думаетъ, не миновать смерти!»— «О чемъ плачешь, хозяинъ? спрашиваетъ конь. «Царь велѣлъ со дна моря достать подвѣнечное платье Василисы-царевны». — «А что! говорилъ я тебѣ: не бери золотого пера, горе наживешь! Ну, да не бойся: это еще не бѣда, бѣда впереди! Садись на меня да поѣдемъ къ синю морю». Долго ли, коротко ли — пріѣхалъ стрѣлецъ-молодецъ на край свѣта и остановился у самаго моря; богатырскій конь увидалъ, что большущій морской ракъ по песку ползетъ, и наступилъ ему на шейку своимъ тяжелымъ копытомъ. Возговорилъ морской ракъ: «Не дай мнѣ смерти, а дай живота! что́ тебѣ нужно, все сдѣлаю». Отвѣчалъ ему конь: «Посреди синя моря лежитъ большой камень, подъ тѣмъ камнемъ спрятано подвѣнечное платье Василисы-царевны; достань это платье!» Ракъ крикнулъ громкимъ голосомъ на все синё море; тотчасъ море всколыхалося: сползлись со всѣхъ сторонъ на́ берегъ раки большіе и малые —

[1]) Гребетъ.

тьма тьмущая! Старшóй ракъ отдалъ имъ приказаніе, бросились они въ воду и черезъ часъ времени вытащили со дна моря, изъ-подъ великаго камня, подвѣнечное платье Василисы-царевны. Пріѣзжаетъ стрѣлецъ-молодецъ къ царю, привозитъ царевнино платье; а Василиса-царевна опять заупрямилась: «Не пойду,—говоритъ царю,—за тебя замужъ, пока не велишь ты стрѣльцу-молодцу въ горячей водѣ искупаться». Царь приказалъ налить чугунной котёлъ воды, вскипятить, какъ можно горячѣй, да въ тотъ кипятокъ стрѣльца бросить. Вотъ все готово, вода кипитъ, брызги такъ и летятъ; привели бѣднаго стрѣльца. «Вотъ бѣда, такъ бѣда!—думаетъ онъ.—Ахъ, зачѣмъ я бралъ золотое перо жаръ-птицы? зачѣмъ коня не послушался?» Вспомнилъ про своего богатырскаго коня и говоритъ царю: «Царь-государь! позволь передъ смертью пойти съ конемъ попрощаться». — «Хорошо, ступай попрощайся!» Пришелъ стрѣлецъ къ своему богатырскому коню и слезно плачетъ. «О чемъ плачешь, хозяинъ?» — «Царь велѣлъ въ кипяткѣ искупаться». — «Не бойся, не плачь, живъ будешь!» сказалъ ему конь и нáскоро заговорилъ стрѣльца, чтобы кипятокъ не повредилъ его бѣлому тѣлу. Вернулся стрѣлецъ изъ конюшни; тотчасъ подхватили его рабочіе люди и прямо въ котёлъ; онъ разъ-другой окунулся, выскочилъ изъ котла — и сдѣлался такимъ красавцемъ, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Царь увидалъ, что онъ такимъ красавцемъ сдѣлался, захотѣлъ и самъ искупаться; полѣзъ сдуру въ воду и въ ту жъ минуту обварился. Царя схоронили, а на его мѣсто выбрали стрѣльца-молодца; онъ женился на Василисѣ-царевнѣ и жилъ съ нею долгія лѣта въ любви и согласіи.

b. Жилъ-былъ старикъ со старухою; у нихъ не было дѣтей, а взяли къ себѣ пріемыша. Когда пріемышъ выросъ, то люди сбили его отойти отъ нихъ. Идетъ онъ ни путемъ ни дорóгой, попадается ему старикъ и спрашиваетъ: «Куда идешь, доброй молодецъ?» — «Иду, куда глаза глядятъ, самъ не знаючи; жилъ я у добрыхъ старичковъ въ дѣтяхъ, да меня люди сбили, заставили ихъ покинуть». — «Жаль мнѣ тебя! Вотъ возьми, добрый мóлодецъ, уздечку и ступай къ такому-то озеру; тамъ увидишь дерево, взлѣзь на него и спрячься. Прибѣгутъ семьдесятъ семь кобылицъ, напьются, наѣдятся, наваляются и опять уйдутъ; прибѣжитъ жеребёночикъ — обойди вокругъ его, надѣнь уздечку и поѣзжай куда угодно». Пріемышъ взялъ уздечку и, какъ сказано, обошелъ вокругъ жеребёнка, сѣлъ на него и поѣхалъ. Ѣхалъ онъ много ли, мало ли, далеко ли, коротко ли, и видитъ — на высокой горѣ что-то свѣтлѣется, словно жаръ горитъ; подъѣхалъ туда и усмотрѣлъ чудное перо. Слѣзъ съ жеребёнка, хочетъ перо поднять; говоритъ ему жеребёнокъ: «Не бери этого пера, доброй мóлодецъ; отъ него бѣда тебѣ будетъ!» Доброй мóлодецъ не послушался, взялъ перо и поѣхалъ въ другое царство; пріѣхалъ и нанялся у одного министра въ услуженіе. Царь увидалъ пріемыша, сталъ хвалить его ловкость и проворство: гдѣ нужно было десятерымъ, а онъ одинъ все дѣлаетъ! Министръ и сказываетъ: «А знаете ли, ваше царское величество, какое у него есть перо дивное?»

Царь приказалъ принесть перо — себѣ показать; полюбовался перомъ, и пришелся ему по душѣ пріемышъ — взялъ его къ себѣ и сдѣлалъ министромъ; а жеребёнка на царскую конюшню поставили. Вотъ прочимъ вельможамъ то не показалося: за что де царь его жалуетъ? то холопомъ служилъ, а то въ министры угодилъ. Идетъ мимо ихъ ярыга и спрашиваетъ: «О чемъ, братцы, задумались? хотите, я васъ научу: станьте-ка всѣ вмѣстѣ да носы повѣсьте; царь мимо васъ пройдетъ и спроситъ: о чемъ думаете? аль невзгоду услыхали? а вы отвѣчайте: нѣтъ, ваше величество! дурнаго мы ничего не слыхали, а только слышали, что вашъ молодой министръ похваляется достать этого дивнаго пера птицу». Они такъ и сдѣлали. Царь призываетъ своего молодого министра, сказываетъ, что̀ про него слышалъ, и велитъ достать самую птицу. Доброй мо́лодецъ пришелъ къ жеребенку, палъ ему въ ноги и говоритъ: «Обѣщалъ царю этого пера птицу достать». — «Вотъ, я тебѣ сказывалъ: не бери пера — будетъ бѣда! Ну, да это еще не бѣда, а побѣдка [1]). Поди, скажи царю, чтобъ сдѣлали тебѣ клѣтку — однѣ двери бъ отворялись, а другія затворялись, и чтобъ въ этой клѣткѣ было два ящика — крупнымъ и мелкимъ жемчугомъ насыпаны». Доброй мо̀лодецъ доложилъ царю, и тотчасъ все было исполнено. «Ну—говоритъ жеребёнокъ,—теперь поѣдемъ къ такому-то дереву». Пріемышъ пріѣхалъ на сказанное мѣсто, клѣтку поставилъ на дерево, а самъ въ траву спрятался. Прилетѣла птица, увидала жемчугъ и впорхнула въ клѣтку — дверцы захлопнулись. Пріемышъ взялъ клѣтку, привёзъ и отдаетъ царю: «Вотъ, ваше величество, этого пера птица!» Царь еще больше его возлюбилъ; а вельможи пуще прежняго возненавидѣли, собрались и начали думу думать, какъ бы его извести? Идетъ ярыга и говоритъ тѣмъ вельможамъ: «Хотите, я васъ научу? Сейчасъ мимо васъ пройдетъ царь и спроситъ: какую думу думаете? али что дурного слышали? а вы скажите: слышали мы, что вашъ молодой министръ похваляется высватать въ три мѣсяца ту прекрасную невѣсту, что́ ваше величество тридцать-три года сватали, да не высватали». Царь, слыша такія рѣчи, крѣпко возрадовался, то́тчасъ послалъ за своимъ молодымъ министромъ и приказалъ ему, чтобы непремѣнно высваталъ ему ту прекрасную невѣсту. Тотъ обѣщался; пришелъ къ жеребёнку, палъ ему въ ноги и сталъ просить помочи. Отвѣчаетъ жеребёнокъ: «Говорилъ тебѣ: не бери пера — будетъ бѣда! Ну, да это еще не бѣда, а побѣдка. Поди, скажи царю, чтобъ онъ велѣлъ сдѣлать корабль, обить его краснымъ бархатомъ и нагрузить златомъ-се́ребромъ и разными драгоцѣнными вещами, и чтобъ этотъ корабль и по водѣ плавалъ и по сушѣ ходилъ». Пріемышъ доложилъ царю, и въ короткое время все было исполнено. Сѣлъ онъ въ корабль и жеребёнка съ собою взялъ. Побѣжалъ корабль по̀ суху, поплылъ по́ морю и, наконецъ, присталъ въ государство Царь-дѣвицы. На ту пору Царь-дѣвица собиралась замужъ выходить за какого-то короля; посылаетъ она нянюшекъ и мамушекъ закупать, что́ ей къ

---

[1]) Малая бѣда.

свадьбѣ надо; нянюшки да мамушки увидали корабль, прибѣжали къ Царь-дѣвицѣ и повѣстили, что изъ дальнихъ странъ товары привезены. Царь-дѣвица поѣхала на корабль, заглядѣлась на разныя заморскія рѣдкости, того и не замѣчаетъ, что корабль давнымъ-давно назадъ пошелъ. Опомнилась, да ужъ поздно: «До сихъ поръ, промолвила, ни одинъ человѣкъ обмануть меня не могъ; не знала я никого мудрѣе себя; а вотъ же выискался такой хитрецъ, что́ и меня провелъ!» Привезли ее къ царю; тотъ ее за себя прочитъ, а она говоритъ: «Достань сундукъ съ моими уборами, такъ пойду за тебя». Царь отдалъ приказъ своему молодому министру; молодой министръ выслушалъ, пошелъ къ жеребёнку и разсказалъ ему. Жеребёнокъ говоритъ: «Поди теперь одинъ по такой-то дорогѣ; будешь ты сильно голодать, а что́ попадется навстрѣчу — не моги того ѣсть». Вотъ идетъ пріемышъ доро́гою, попадается ему ракъ. Разобралъ добраго молодца сильный голодъ: «Эхъ, съѣсть бы мнѣ этого рака!» Отвѣчаетъ ракъ: «Не ѣшь меня, добрый мо́лодецъ! въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь». Идетъ дальше, попадается ему щука — на пескѣ валяется: «Развѣ щуку съѣсть?» — «Не ѣшь меня, доброй мо́лодецъ!—отвѣчаетъ щука:—въ нѣкоторое время я тебѣ сама пригожусь». Подходитъ къ рѣкѣ, глядь — ракъ ключи несетъ, щука сундукъ тащитъ. Взялъ онъ ключи и сундукъ и отнёсъ къ царю. Говоритъ тогда Царь-дѣвица: «Сумѣли достать мое приданое, сумѣйте пригнать сюда семьдесятъ-семь кобылицъ моихъ, что́ въ зеленыхъ лугахъ промежъ хрустальныхъ горъ пасутся». Царь приказалъ это дѣло своему молодому министру, а тотъ упалъ въ ноги жеребёнку и сталъ его просить. «Говорилъ я тебѣ: не бери пера—будетъ бѣда!—сказалъ жеребёнокъ:—ну, да это еще не бѣда, а побѣдка. Поди, скажи царю, чтобы велѣлъ конюшню построить — однѣ двери бъ отворялись, а другія затворялись». Какъ сказано, такъ вскорѣ и сдѣлано. Сѣлъ верхомъ доброй мо́лодецъ, поѣхалъ къ тому же дереву, гдѣ прежде жеребёнка добылъ, и спрятался въ траву. Прибѣжали кобылицы, напились-наѣлись и навалялись. «Ну, говоритъ жеребёнокъ: садись скорѣй на меня да погоняй больше, чтобы я что́ есть силы скакалъ; не то кобылицы съѣдятъ насъ!» Выскочилъ жеребёнокъ съ добрымъ молодцемъ и поскакалъ во весь духъ; долго ли, коротко ли скакалъ и прямо въ конюшню влетѣлъ, а кобылицы за нимъ. Только что́ успѣлъ жеребёнокъ въ другія двери выскочить — онѣ и захлопнулись; кобылицы въ конюшнѣ остались. Доложили царю; онъ пошелъ къ Царь-дѣвицѣ, а та отвѣчала: «Тогда за тебя пойду, когда всѣ семьдесятъ-семь кобылицъ будутъ выдоены». Царь приказываетъ своему министру, а онъ опять идетъ къ жеребёнку и слезно молитъ о помочи. «Поди, скажи царю, чтобъ велѣлъ котёлъ сдѣлать, въ который бы ровно семьдесятъ-семь ведеръ входило». Сдѣлали котёлъ; жеребёнокъ говоритъ своему хозяину: «Сними съ меня уздечку; обойди кругомъ конюшни, потомъ смѣло садись подъ каждую кобылицу, дой по ведру и выливай въ котелъ». Доброй мо́лодецъ такъ и сдѣлалъ. Доложили царю, что кобылье молоко надоено; онъ къ Царь-дѣвицѣ, а та отвѣчаетъ: «Вели это молоко вскипятить, да въ немъ и

выкупайся». Царь позвалъ своего молодого министра и приказалъ ему ему то купанье наперёдъ испробовать. Залился добрый мо́лодецъ горькими слезами, пришелъ къ жеребёнку, палъ ему въ ноги. «Теперь, говоритъ, мой конецъ насталъ!» А жеребёнокъ въ отвѣтъ: «Говорилъ я тебѣ: не тронь пера — будетъ бѣда! вотъ она и пришла! Ну, да дѣлать нечего, надо тебя выручать; садись на меня, поѣзжай къ озеру, нарви той самой травы, которую кобылицы ѣдятъ, натопи ея, да тѣмъ отваромъ съ головы до ногъ и облейся». Доброй мо́лодецъ сдѣлалъ все, что ему жеребёнокъ наказалъ, пріѣхалъ, бросился въ кипучее молоко, плаваетъ въ котлѣ, купается — ничего ему не дѣлается [1]). Царь видитъ, что министръ его совсѣмъ здоровъ, расхрабрился и самъ туда жъ бросился, да въ ту жъ минуту и сварился. Царь-дѣвица выступила изъ терема, взяла добраго мо́лодца за̀ руку и сказала. «Вѣдаю я все: не царь, а ты мои слова исполнялъ; я за тебя замужъ иду!» И на другой же день сыграли они знатную свадьбу.

Примѣчаніе къ сказ. 102 — 103. Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жаръ-птицѣ и сѣромъ волкѣ, извѣстная въ лубочномъ изданіи, была напечатана въ «Дѣдушкиныхъ прогулкахъ» (М., 1819, въ типогр. Рѣшетникова); варіанты см. у Худяк., I, № 1, и Рудченко, I, № 54. Она существуетъ и между другими славянами и нѣмцами; въ хорутанскихъ редакціяхъ жаръ-птицу замѣняетъ попугай, о которомъ снилось слѣпому царю, «царю, ako bi mu'do donesel jednoga papagaja pa bi papagaja onda zaklal i želucem oči si namazal, nam bi zdrav postal» (въ сборн. Валявца, стр 141—5); а вмѣсто золотыхъ яблоковъ идетъ рѣчь о покражѣ виноградной лозы, которая на всякой часъ давала по ведру вина (стр. 146 — 8). См. также Србскій лѣтописъ 1860 г., I, стр. 66 — 78; Slov. čitanka, стр. 226; чешскія сказки Малаго, стр. 46 — 71: «Ptàk ohniwàc a liska rysawka»; Walach. Märchen, von Arthur und Albert Schott, № 26: «Das goldene Meermädchen»; Kinder-und Hausmärchen, I, № 57: «Der goldene Vogel»; въ сборникѣ Гальтриха, № 7; «Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 230 — 242: Der Vogel Phönix» (птица фениксъ, заступающая нашу жаръ-птицу; пѣніе ея исцѣляетъ болѣзни); Zeitschrift für D., M., II, стр. 389 — 400: сказка, записанная въ Буковинѣ, въ которой любопытна слѣдующая подробность: когда старшіе братья убили меньшого и забрали себѣ и жаръ-птицу, и чуднаго коня, и царевну, то во все время, пока царевичъ лежалъ мертвый, царевна-красавица не промолвила ни одного словечка и сидѣла во дворцѣ грустная, со слезами на глазахъ; золотой конь стоялъ, печально опустивъ голову, и не ѣлъ корму; жаръ-птица не пѣла своихъ пѣсней, и самая золотая клѣтка потеряла свой блескъ. Но какъ скоро царевичъ, окро-

---

[1]) *Вар.*: Царь-дѣвица приказываетъ согрѣть чанъ молока; какъ только молоко вскипѣло — жеребенокъ разыгрался, подбѣжалъ къ чану, три раза хлебнулъ, добраго мо́лодца туда пихнулъ: искупался добрый мо́лодецъ въ горячемъ молокѣ и сдѣлался такимъ красавцемъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

пленный живою водою, возсталъ отъ смертнаго сна, тотчасъ все измѣнилось, царевна повеселѣла, конь принялся за кормъ, жаръ-птица запѣла, и золотая клѣтка ярко заблистала. — Интересъ сказки сосредоточенъ на томъ, какъ добывалъ Иванъ-царевичъ жаръ-птицу, коня златогриваго и Елену прекрасную; въ этихъ подвигахъ помогаетъ ему сѣрый волкъ, являющійся въ одномъ варіантѣ крылатымъ (см. въ «Дѣдушкиныхъ прогулкахъ» сказку о Любимѣ - царевичѣ и прекрасной царевнѣ, его супружницѣ, и о волкѣ крылатомъ). Сѣрой волкъ быстро переноситъ царевича изъ царства въ царство и потóмъ достаетъ мертвой и живой воды для его оживленія. Ту же роль играетъ волкъ и въ норвежской сказкѣ (II, № 6); въ нѣмецкой же сказкахъ мѣсто его заступаютъ медвѣдь и лисица, которые подъ конецъ разсказа оказываются обращенными въ этихъ звѣрей царевичами. Въ лубочномъ изданіи волкъ превращается въ разные образы и тѣмъ освобождаетъ Ивана-царевича отъ необходимости выдать въ чужія руки златогриваго коня и Елену Прекрасную; въ устахъ народа эта подробность иногда видоизмѣняется, и успѣхъ дѣла приписывается собственной хитрости и удали добраго мóлодца. Когда Иванъ-царевичъ пріѣхалъ къ царю, которому долженъ былъ уступить Елену Прекрасную въ обмѣнъ на злотогриваго коня, онъ пожелалъ съ нею проститься; царь позволилъ, и царевичъ, сидя на златогривомъ конѣ, сталъ прощаться съ красной дѣвицею, ухватилъ ее за бѣлыя руки, мигомъ на сѣдло вскинулъ, ударилъ по лошади — и былъ таковъ: подымался добрый конь выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго и нàскоро изъ глазъ пропадалъ! Пріѣхалъ Иванъ - царевичъ къ другому царю, которому долженъ былъ уступить коня златогриваго въ обмѣнъ на жаръ-птицу, и проситъ позволенія въ послѣдній разъ покататься на томъ конѣ хоть пó двору; царь согласился, а Иванъ-царевичъ взялъ въ руки золотую клѣтку съ жаръ-птицею, сѣлъ на коня, ударилъ его подъ брюхо и опять улетѣлъ. Сказка эта знакома читающей публикѣ по стихотворнымъ передѣлкамъ Жуковскаго и Языкова.

Другая редакція сказки, озаглавленная у насъ: «Жаръ-птица и Василиса-царевна», пользуется не меньшею извѣстностью: см. варіанты у Худяк., III, № 111; въ издан. Эрленвейна, № 8 — «Струкъ (страусъ?)-перо»; Lud Ukraiński Новосельскаго (Марцинковскаго), I, стр. 327 — 338, — «Сказка о царь-птицѣ и о Морской королевѣ». Она встрѣчается и въ Slov. pohàdky, стр. 619 — 633: «O ptàku Ohnivàku a o morske panne», и въ изданіи Bosanski prijateli, I, стр. 114 — 8, и въ хорутанскихъ приповѣдкахъ Валявца, стр. 7 — 12, и въ Deutsche Volksmärchen Гальтриха, № 10 и 20; въ этомъ послѣднемъ сборникѣ богатырскій конь, помогающій королевичу, есть конь солнечный (Sonnenross), восьминогій. Въ малорусскомъ варіантѣ царевичъ, находясь на службѣ у короля, исполняетъ нѣсколько такихъ подвиговъ, о которыхъ ни слова не говорится въ напечатанныхъ нами спискахъ. Морская королевна объявила королю, что до тѣхъ поръ не пойдетъ за него замужъ, пока

не добудутъ ей самогральныхъ гуслей съ моря. Царевичъ досталъ ей самогральныя гусли; тогда она сказала королю: «Не возьму я иначе съ тобой слюбу [1]), какъ съ уговоромъ, чтобы мой свадебный поѣздъ могла видѣть сестра съ моря!» А со стороны моря стала высокая каменная гора и заслонила собою весь видъ. Король приказалъ царевичу разбить эту гору, и тотъ исполняетъ задачу съ помощію богатырскаго коня и рыбы, которой еще прежде оказалъ услугу: конь началъ бить гору копытами, а рыба толкать съ-исподу — и въ короткое время сравняли ее съ земною поверхностью. Затѣмъ, по желанію королевны, царевичъ приводитъ морскихъ (въ хорутанской сказкѣ: вилиныхъ) кобылъ и доитъ ихъ; въ томъ молокѣ купается королевна и дѣлается еще краше и милѣе, а король, окунувшись въ кобылье молоко, тотчасъ же умираетъ. Въ словацкой сказкѣ вмѣсто этого герой долженъ добыть живой и мертвой воды и достаетъ ее съ помощію вóрноновъ; Морская панна заставляетъ стараго короля отрубить доброму мòлодцу голову и потомъ оживляетъ его живою водою, отчего тотъ дѣлается еще сильнѣе и краше. Увлеченный этимъ, и король подставляетъ свою голову подъ острый мечъ, но красавица и не подумала оживить его. Извѣстенъ еще другой малороссійскій варіантъ, сокращено переданный г. Максимовичемъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1856 г., III, стр 100 — 102: сказочный герой (Катигорошекъ) разложилъ на морскомъ берегу много всякаго мелкаго товару, въ томъ числѣ и зеленые черевички (башмачки); прельстилась этими черевичками *Морская пани* красы неописанной, поднялась изъ волнъ, а добрый мòлодецъ изловилъ ее и привезъ въ свой домъ. Въ угоду красавицѣ онъ достаетъ со дна моря съ каменнаго утеса ея завѣтную скрыню, полную жемчуговъ и коралловъ; потомъ пригоняетъ двѣнадцать морскихъ кобылицъ и жеребца и, наконецъ, отправляется за тридевять земель — туда, *гдѣ ночуетъ Солнце*, чтобы развѣдать, отчего оно прежде всходило червоннымъ, а теперь стало блѣдно? Герой пришелъ до господы (дома), гдѣ ночуетъ Солнце, засталъ солнцеву мать и пересказалъ ей, зачѣмъ явился; она посадила его подъ золотое корыто и велѣла прислушиваться. Когда царь-Солнце, обойдя небесный сводъ, воротился нà ночь домой, то мать стала его спрашивать: «Сыне мой! отчего ты прежде восходилъ червоннымъ, а теперь восходишь блѣднымъ?» — Оттого, мати, что прежде при моемъ восходѣ я встрѣчалъ прекрасную Морскую пани, и какъ бывало взгляну на нее, такъ и покраснѣю; а теперь не вижу ее нà морѣ!» Г. Костомаровъ (Славян. миѳологія, стр. 29) передаетъ эпизодъ изъ той же южнорусской сказки о томъ, какъ ѣздилъ Ивась въ теремъ Солнца, построенный надъ синимъ моремъ, и спрашивалъ: зачѣмъ оно три раза въ день перемѣняется? Солнце отвѣчало: «Есть въ морѣ прекрасная Анастасія; когда восхожу я утромъ, она брызгнетъ на меня водою — я

[1]) Брать слюбъ (шлюбъ)—вѣнчаться.

застыжусь и покраснѣю; потóмъ, поднявшись на высоту, я посмотрю на весь Божій свѣтъ — и мнѣ станетъ весело; а вечеромъ, когда захожу, Анастасія снова брызгнетъ на меня морскою волною — и я опять покраснѣю». Сравни со сказкою о Трёмсынѣ, рожденномъ отъ щучьяго пера, который при помощи коня, родившагося отъ лузги той же рыбы, добылъ прекрасную Анастасію; Анастасія, плавая въ ладьѣ пò морю, плескала водой въ влюбленное въ нее Солнце (см. также Глинск., IV, стр. 59 — 84, и въ Народ. славян. разсказахъ Боричевскаго, стр. 108 — 116: «Трое-сыне»). Объясненіе подробностей сказки см. въ Поэт. Воззр., II, стр. 124 — 130).

Общераспространенное сказаніе о яблонѣ, на которой каждую ночь зрѣютъ золотыя яблоки, срываемыя жаръ-птицею, встрѣчается и въ иной обстановкѣ. Въ хорутанской сказкѣ (Narodne pripovjedke Валявца, стр. 31 — 32), вмѣсто жаръ-птицы, каждую ночь являются девять вилъ и рвутъ дорогіе плоды; меньшой сынъ подстерегаетъ ихъ и получаетъ въ подарокъ три золотыхъ яблока. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправляется искать вилъ; одинъ пастухъ объявилъ ему, что въ такомъ-то мѣстѣ вилы купаются въ полдень. Два раза добрый мòлодецъ проспалъ урочное время, а въ третій таки подсмотрѣлъ, какъ онѣ купались. Вилы взяли его къ себѣ въ дупло, держали тамъ девять лѣтъ и кормили его сахарными яствами. То же содержаніе развито въ другихъ хорутанскихъ сказкахъ (стр. 21 — 24, 29 — 30) и въ одной сербской. Въ сербской редакціи (Карадж., № 4) прилетаютъ за яблоками девять золотыхъ павъ. Меньшой изъ трехъ царевичей, отправившись караулить яблоню, поставилъ подъ нею кроватку и лёгъ на постель. Ночью прилетѣли павы; восемь сѣли на дерево, а девятая пала къ царевичу на кровать и превратилась въ красную дѣвицу; съ тѣхъ поръ вдвоёмъ они проводили сладостныя ночи. Однажды подстерегла ихъ колдунья; золотая пава улетѣла и больше не возвращалась. Царевичъ идетъ искать свою невѣсту и приходитъ къ озеру, въ которомъ девять павъ любили купаться. Три дня сряду дожидается онъ ихъ возлѣ озера, сидя на конѣ; но всякой разъ засыпаетъ непробуднымъ сномъ. Прилетая, восемь павъ бросались купаться, а девятая садилась къ царевичу на коня, миловала-обнимала его, но не могла добудиться. Послѣ того павы не являлись уже на озеро; долго-долго странствовалъ царевичъ и, наконецъ, нашелъ городъ золотыхъ павъ и женился на своей невѣстѣ, которая царствовала въ этомъ городѣ. Хорутанскія сказки сохранили болѣе древнія черты преданія: вила прилетаетъ къ юношѣ бѣлой лебедью, оборачивается прекрасною дѣвою, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, съ золотыми косами до земли, и ложится съ нимъ спать на золотомъ ложѣ; отъ блеска ея волосъ вся левада кругомъ освѣщалася. Провѣдала про то мать добраго молодца, взяла ножницы и отрѣзала вилѣ золотыя косы; вотъ почему чудная дѣва покинула своего милаго, и онъ долженъ былъ итти ее отыскивать (см. также Slov. čitanka, стр. 213).

104. Сказка о молодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ.

а. Аминъ царь очень устарѣлъ и глазами абнищалъ [1]), а слыхалъ онъ, што за девять девятинъ, въ десятомъ царствѣ есть садъ съ маладильными яблаками, а въ немъ калодезь съ живою вадою: если съѣсть старику эта яблако, то онъ памаладѣитъ, а вадой этой памазать глаза слѣпцу — онъ будеть видѣть. У царя этаво было три сына. Вотъ онъ посылаетъ старшаво на конѣ верхомъ въ этотъ садъ за яблакомъ и вадой: царю хочетца и маладымъ быть и видѣть. Сынъ сѣлъ на каня и атправился въ далека царства; ѣхалъ-ѣхалъ, пріѣхалъ къ адному сталбу; на этомъ сталбѣ написана три дороги: первая для каня сытна, а самаму галадна, вторая — не быть самаму живому, а третья каню галадна, самаму сытна. Вотъ онъ падумалъ-падумалъ и поѣхалъ по сытнай для себя дорогѣ; ѣхалъ-ѣхалъ, увидалъ въ полѣ хорошей, расхорошей домъ. Онъ подъѣхалъ къ нему, паглядѣлъ-паглядѣлъ, растворилъ ворота, шапки не ламалъ, галавы не скланялъ, на дворъ вскакалъ. Хазяйка этово двора, баба-вдава небóльна стара, маладца къ себѣ звала: «Дабро пажалуй, гость дарагой!» Въ избу ево ввела, за столъ пасадила, всякаво ѣства накрашила и питья медоваго перевдоволь натащила. Вотъ маладецъ нагулялся и свалился спать на лавкѣ. Хазяйка ему гаваритъ: «Не честь маладцу, не хвала удальцу лажитца адному! ляжъ съ маею дочкаю, пріукраснаю Дунею». Онъ таму и радъ. Дуня гаваритъ ему: «Ляжъ ко мнѣ платнѣй, будетъ намъ теплѣй!» Онъ двинулся къ ней и правалился скрозь кровати: тамъ ево заставили малоть сырой ржи, а вылѣзть оттуда не можи (моги)! Атецъ старшаво сына ждалъ-ждалъ и ожиданья потерялъ.

Царь втарова сына атправилъ, штобъ яблако и вады ему даставилъ. Онъ держалъ тотъ же путь и напалъ на ту же участь, какъ и старшей ево братъ. Отъ долгова жданья сыновьёвъ царь бóльна-бóльна зага(о)ревался.

Младшей сынъ началъ прасить у атца пазвален(ь)я ѣхать въ тотъ садъ; а атецъ ни за̀ што не хочетъ ево атпустить и гаваритъ ему: «Горе тебѣ, сынокъ! когда старшіе братья пропали, а ты моладъ какъ вьюноша [2]), ты скорѣе ихъ прападёшь». Но онъ умоляитъ, отцу обѣщаитъ, што онъ пастараитца для атца лучше всякаво маладца. Атецъ думамалъ думалъ и благославилъ ево на ту же дарогу. На пути до вдовина дома съ нимъ случилось все то же, што и съ старшими братьями. Подъѣхалъ онъ ко двару вдовьину, слѣзъ съ каня, пастучалъ у воротъ и спросился начевать. Хазяйка абрадавалась ему, какъ и энтимъ, проситъ ево: «Дабро пожалуй, гость нашъ нежданной!» Пасадила ево

---

[1]) Сталъ плохо видѣть, ослѣпъ. [2]) Юноша.

за столъ, наставила всякаво ѣства и питья, хоть завались! Вотъ онъ панаѣлся, хатѣлъ лажиться на лавкѣ. Хазяйка и гаваритъ: «Не честь маладцу, не хвала удальцу лажиться аднаму! ляжъ съ маей пріукраснаю Дунею». А онъ гаварить: «Нѣтъ, тётушка! праѣзжему челавѣку не годитца такъ, а надо въ го́лавы кулакъ, а по̀дъ бокъ такъ. Если бъ ты, тётушка, баньку мнѣ истопила и съ твоею дочерью въ неё пустила!» Вотъ вдова баню жарко-разжарко натапила и ево съ пріукраснаю Дунею туда правадила. Дуня такая жъ, какь мать, злоехидная была, ввела ево вперёдъ и дверь въ банѣ заперла, а сама въ сѣняхъ покуда стала. Но маладецъ-удалецъ атталкнулъ дверь и Дуню туда вперъ [1]). У нево была три прута: адинъ желѣзный, другой свинцовый, а третій чугунный, и началъ этими прутьями Дуню хвастàть [2]). Ана кричитъ, умаляитъ ево; а онъ гаваритъ: «Скажи, злая Дунька: куда дѣвали маихъ братьевъ?» Ана сказала, што у нихъ въ пот(д)польѣ мелютъ сырую рожь. Онъ пустилъ ея. Пришли въ избу, навязали лѣс(т)ницу на лѣсницу и братьевъ аттуда вывели. Онъ ихъ пустилъ дамой; но имъ стыдно къ атцу паявитца — оттово, што съ Дуней лажились и къ чорту не гадились, и пашли ани брадяжничать по палямъ и по лѣсамъ.

А маладецъ паѣхалъ дальше, ѣхалъ-ѣхалъ, подъѣхалъ къ аднаму двару, вшолъ въ избу: тамъ сидить красна дѣвица, ткётъ утирки [3]), Онъ сказалъ: «Богъ помочь тебѣ, красная дѣвица!» А ана ему: «Спасибо! Што, добрый маладецъ, отъ дѣла лытаишь или дѣла пытаишь?» — «Дѣла пытаю, красна дѣвица!—сказалъ маладецъ:—я ѣду за девять девятинъ, въ десятое царство, въ садъ — за маладильными яблаками и за живой вадой для сваего старава и слѣпова батюшки». Ана ему сказала: «Ну, мудро [4]) тебѣ, мудро-мудро добраться до этова сада; аднака паѣзжай, на дарогѣ живётъ другая моя сестра, заѣзжай къ ней: ана лучше меня знаитъ и тебя научитъ, што дѣлать». Вотъ онъ ѣхалъ-ѣхалъ до другой сестры, даѣхалъ; такъ же, какъ и съ первой, паздоровался, разсказалъ ей абъ себѣ и куда ѣдитъ. Ана велѣла ему аставить сваво каня у ней, а на её(я) двукрыломъ канѣ ѣхать къ её старшей сестрѣ, каторая научитъ, што дѣлать: какъ пабывать въ саду и дастать яблако и вады. Вотъ онъ ѣхалъ-ѣхалъ, пріѣхалъ къ третьей сестрѣ. Эта дала ему сваво каня абъ четырёхъ крыльяхъ и приказала: «Смотри, въ этомъ саду живётъ наша тётка, страшная вѣдьма; кали падъѣдишь къ саду, не же(а)лѣй маво каня, паганяй харашенько, штобъ онъ сразу перелетѣлъ черезъ стѣну; а если онъ зацѣпитъ за стѣну — на стѣнѣ наведены струны съ калакольчиками: струны заструнятъ, калакольчики зазвенятъ, ана праснётца, и ты отъ неё тогда не уѣдишь! У ней есть конь о шести крыльяхъ; ты таму каню у крыльевъ подрѣжь жилки, штобъ ана на нёмъ не дагнала».

---

[1]) Силою втащилъ. [2]) Парить, хлыстать (Опытъ обл. великорус. словаря: «хвостѣть»). [3]) Утирка — полотенце. [4]) Хитро, трудно.

Онъ все такъ и сдѣлалъ. Полетѣлъ черезъ стѣну на сваёмъ канѣ, и конь хвостомъ зацѣпилъ не дюжа [1]) за струну; струны заструнѣли, калакольчики зазвенѣли, но тиха: вѣдьма проснулась, да не разобрала харашо голаса струнъ и калакольчиковъ, апять зѣвнула и уснула. А маладецъ-удалецъ съ маладильнымъ яблакамъ и живой вадой ускакалъ; заѣзжая къ сестрамъ, каней у нихъ перемѣнилъ и на сваёмъ опять памчался въ сваю землю. Поутру рана страшная вѣдьма замѣтила, што въ саду у ней украдена яблако и вада; ана тутъ же сѣла на сваво шестикрылаво каня, даскакала до первой племянницы, спрашиваетъ ее: «Не праѣзжалъ ли тутъ хто?» Племянница сказала: «Праѣхалъ маладецъ-удалецъ, да ужъ давно!» Ана паскакала дальше, спрашиваетъ у другой и третей, тѣ то же ей сказали. Ана ещё паскакала и чуть-чуть не дагнала, но ужъ маладецъ-удалецъ на сваю землю прабрался и её не апасался: сюда она скакать не смѣла, толька на нево пасматрѣла, атъ злости захрипѣла и такъ ему запѣла: «Ну, хорошь ты, воръ-варишка! хараша твая успѣшка! атъ меня успѣлъ ускакать, зато атъ братьевъ тебѣ непремѣнно прапасть!» Такъ ему наваражила и дамой паваратила.

Удалецъ нашъ пріѣзжаетъ въ сваю землю, видитъ: братья ево, брадяги, въ полѣ спятъ. Онъ пустилъ сваво коня, не сталъ ихъ будить, самъ лёгъ окала и уснулъ. Братья праснулись, увидали, што братъ ихъ варатился въ сваю землю, легонько вынули у нево соннаго изъ пазаки [2]) маладильнаё яблако, а ево взяли да бросили въ прапасть. Онъ летѣлъ туда три дня, упалъ въ подземельнае тёмнае царство, гдѣ люди всё дѣлаютъ съ агнёмъ. Вотъ онъ куда ни пайдётъ — всё люди такіе кручинные [3]) и плачутъ. Онъ спрашиваетъ абъ ихъ кручинѣ. Ему сказали, што у царя ихъ адна и есть дочь — пріукрасная царевна Палюша, и ее-то паведутъ завтра къ змѣю на съѣденіе; въ этамъ царствѣ каждый мѣсяцъ даютъ семиглавому змѣю по дѣвицѣ, такъ ужъ и ведётца очередь дѣвицамъ — ужъ такой у нихъ законъ! Нынѣ наступила очередь до царской дочери. Вотъ нашъ маладецъ узналъ харашенька абъ этамъ и пашолъ прямо къ царю, гаваритъ ему. «Я спасу, царь, тваю дочь атъ змѣя, толька ты самъ сдѣлай мнѣ то, о чемъ буду тебя послѣ прасить». Царь абрадавался, абѣщалъ все для нево сдѣлать и выдать за нево замужъ сваю дочь.

Вотъ пришелъ тотъ день: павели пріукрасную царевну Палюшу къ морю, въ трёхстѣнную крѣпость, а съ нею пашолъ удалецъ. Онъ взялъ съ сабою желѣзную палку въ пять пудовъ. Астались тамъ двоя съ царевной ждать змѣя; ждали-ждали, кой о чемъ пакуда погутарили. Онъ ей разсказалъ о сваёмъ пахажденіи и што у нево есть живая вада. Вотъ маладецъ сказалъ пріукраснай царевнѣ Палюши(ѣ): «Паищи покуда у меня въ галавѣ вши (вшей), а кали я усну, и прилетитъ змѣй, то буди меня маей палкаю, а такъ меня не дабудиш(ь)ся!» — и

[1]) Не сильно. [2]) Пазухи. [3]) Печальные.

лёгъ къ ней на калѣни. Ана стала искать у нево въ галавѣ; онъ уснулъ. Прилетѣлъ змѣй, началъ витца надъ царевнаю. Ана стала будить маладца, талкаитъ ево руками, а палкай ударить (какъ онъ велѣлъ) ей жалка; не дабудилась и заплакала, слеза её(я) канула ему на лицо—онъ проснулся и вскрикнулъ: «О, какъ ты меня чѣмъ-то гойна [1]) абажгла!» А змѣй сталъ ужъ спускатца на нихъ. Маладецъ взялъ сваю пятипудавую палку, махнулъ ею — и вдругъ атшибъ змѣю пять галовъ, въ другой махнулъ набтмашъ [2]) — и атшибъ двѣ наслѣднія; сабралъ всѣ эти головы, палажилъ ихъ надъ стѣну, а тулавище бросилъ въ море. Но какой-то балавня [3]) дѣтина видѣлъ все эта и легоничка изъза стѣны падкрался, атсѣкъ маладцу голаву и бросилъ ево въ море, а пріукрасной царевнѣ Палюши(ѣ) велѣлъ сказать атцу её(я), царю, што онъ ее устерёгъ [4]), а если ана такъ не скажетъ, то онъ ее задушитъ. Дѣлать нечево, Палюша паплакала-паплакала, и пашли ани къ атцу, царю.Царь ихъ встрѣлъ [5]). Ана ему сказала, што этатъ дѣтина ев убирёгъ. Царь невись [6]) какъ радъ, тутъ же началъ сбирать свадьбу. Гости наѣхалисъ изъ иныхъ земель: цари, карали да принцы, всѣ пьютъ, гуляютъ и веселятца; адна царевна кручинна, зайдетъ гдѣ падъ сараемъ въ уголокъ и заливается тамъ гарючми слезами о сваёмъ маладцѣ-удальцѣ. Вотъ и вздумала ана папрасить сваво батюшку, штобъ онъ паслалъ ловить въ морѣ рыбу, и сама ана пашла съ рыбаловами къ морю; затянули невадъ, вытащили рыбы и бознать [7]) сколько! Ана паглядѣла и сказала: «Нѣтъ, эта не мая рыба!» Затянули въ другой, вытащили голаву и тулавище маладца-удальца. Палюша скарѣй падбѣжала къ нему, нашла у нево въ пазхи [8]) пузырёкъ съ живой вадой, приставила къ тулавищу голаву, примачила вадой изъ пузырька—онъ и аживѣлъ. Ана ему разсказала, какъ ее хочетъ взять пастылый для неё дѣтина. Удалецъ утѣшилъ ее и велѣлъ итти дамой, а онъ самъ придётъ и знаитъ, штò дѣлать.

Вотъ пришолъ удалецъ въ царску палату; тамъ все гости пьяные — играютъ да пляшутъ. Онъ сказался, што умѣитъ играть [9]) пѣсни на разные галаса. Ему всѣ ради(ы), заставили играть. Онъ заигралъ имъ прежде весёлую какую-то прибасную [10])—гости такъ и растаили, што больна гойна граитъ, дружка-дружкѣ расхвалили ево; а тамъ онъ заигралъ кручинную такую, што всѣ гости заплакали. Вотъ удалецъ спрасилъ царя, хто убирёгъ ево дочь. Царь сказалъ, што этатъ дѣтина. «Ну-ка, царь, пайдемъ къ той крѣпасти и со всѣми гастями тваими; кали онъ достанитъ тамъ змѣиныя голавы, такъ я повѣрю, што онъ спасъ царевну Палюшу». Пришли всѣ къ крѣпасти. Дѣтина тянулъ-тянулъ—и ни адной галавы не вытянулъ, бо́льна ему не подъ мочь [11]).

---

[1]) Пріятно. [2]) Назадъ, въ другую сторону. [3]) Баловень. [4]) Спасъ. [5]) Встрѣтилъ. [6]) Невѣсть. [7]) Богъ знаетъ. [8]) Пазухѣ. [9]) Пѣть. [10]) Т.-е. съ приговорками, прибаутками. [11]) Не подъ силу.

А маладецъ лишь взялся — и вытянулъ. Тутъ и царевна разсказала всю правду, хто ее устерёгъ. Всѣ признали, што удалецъ устерёгъ царёву дочь, а дѣтину привязали каню за хвостъ и размыкали по̀ полю. Царю хочетца, штобъ маладецъ-удалецъ женился на ево дочери; но удалецъ гаваритъ: «Нѣтъ, царь, мнѣ ничево не нада, а только вынеси меня на нашъ бѣлый свѣтъ: я ещё не дакончилъ свой атвѣтъ батюшкѣ, онъ меня теперь съ живою вадой ждетъ, — вѣдь онъ слѣпымъ живётъ». Царь не можетъ пригадать, какъ ево на бѣлый свѣтъ паднять; а дочь не хочетъ разстатца — захатѣла съ нимъ паднятца, гаваритъ сваму атцу, што у нихъ есть птица-колпалица [1]): ана можетъ ихъ туда несть, толька бъ было штò ей въ дорогѣ ѣсть. Вотъ Палюша велѣла для птицы-колпалицы цѣлова быка убить и съ сабой ево запасить [2]). Патомъ прастилась съ падземельнымъ царёмъ, сѣли птицѣ на хребетъ и паневслись на Божій бѣлый свѣтъ. Гдѣ больше птицу кормятъ, тамъ ана рѣще [3]) въ вершки [4]) съ ними паднималась; вотъ всево быка птицѣ и стравили [5]). Дѣлать нечево, баятца, штобъ она не апустила ихъ апять внизъ. Палюша взяла атрѣзала у себя кусокъ ляхи [6]) и птицѣ атдала; а та ихъ какъ разъ разъ на этатъ свѣтъ падняла, и сказала: «Ну, всю дарогу вы меня харашо кармили, но слаще послѣднева кусочка я атрадясь не ядала!» Палюша ей свою ляху развернула, птица ахнула и рыгнула: кусокъ ещё цѣлъ. Маладецъ апять приставилъ ево къ ляхѣ, живой вадицей примачилъ — и царевнѣ ляху исцѣлилъ.

Тутъ пашли они дамой. Атецъ, наше(н)ской [7]) царь, ихъ встрѣлъ, абрадавался невись какъ! Удалецъ видитъ, што атецъ ево атъ таво яблака памаладѣлъ, но все ещё слѣпъ. Онъ тотчасъ помазалъ ему глаза живой вадой. Царь сталъ видѣть; тутъ онъ расцѣловалъ сваво сына-удальца и ево невѣсту изъ тёмнова царства. Удалецъ разсказалъ, какъ братья унесли у нево яблако и бросили его въ подземелье. Братья такъ испугались — инна [8]) въ рѣку покидались! А удалецъ на той царевнѣ Палюшѣ женился и раздиковинную пирушку сдѣлалъ; я тамъ абѣдалъ, мёдъ пилъ, а ужъ какая у нихъ капуста — инна теперь въ ротѣ [9]) пуста!

(Записана въ Тамбовской губ.).

b. Жилъ-былъ царь съ царицею, у него было три сына. Посылаетъ онъ своихъ сыновей розыскать его молодость. Вотъ отправились царевичи въ путь-дорогу, пріѣзжаютъ къ столбу, отъ котораго идутъ три дороги, а на томъ столбѣ написано: вправо итти — молодецъ будетъ сытъ, а конь голоденъ; налѣво итти — молодецъ будетъ голоденъ, а конь сытъ; прямо итти — живому не быть. Старшій царевичъ поѣхалъ

---

[1]) Колпица. [2]) Взять въ запасъ. [3]) Быстрѣе. [4]) Вверхъ. [5]) На кормъ истратили. [6]) Ляжки. [7]) Слово это употреблено для обозначенія царя сего, надземнаго свѣта, въ противоположность царю подземныхъ странъ, о которомъ только-что упоминала сказка. [8]) Ино — что даже. [9]) Во рту.

направо, средній — налѣво, а младшій — прямой дорóгой [1]). Много ли, мало ли ѣхалъ меньшой братъ — попадается ему канава глубокая. Не сталъ долго думать, какъ черезъ нее переѣхать, благословился, нахлыстáлъ коня, перескочилъ на другую сторону и видитъ избушку возлѣ дремучаго лѣса — на курьихъ ножкахъ стоитъ. «Избушка, избушка! оборотись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ». Избушка оборотилась. Входитъ въ нее царевичъ; тамъ сидитъ баба-яга: «Фу-фу!— говоритъ,—доселева русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нониче русской духъ въ виду является, въ уста мечется! Что, доброй мóлодецъ, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?» — «Ахъ ты, старая хрычовка! не ты бы говорила, не я бы слушалъ. Ты прежде меня напой-накорми, да тогда и спрашивай». Она его напоила-накормила, вѣсти выспросила и дала ему своего крылатаго коня: «Поѣзжай, мой батюшка, къ моей середней сестрѣ». Ѣхалъ онъ долго ли, коротко ли — видитъ избушку, входитъ — тамъ баба-яга сидитъ: «Фу-фу!— говоритъ,—доселева русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нониче русской духъ въ виду является, въ уста мечется! Что, доброй мóлодецъ, дѣла пытаешь, иль отъ дѣла лытаешь? — «Эхъ, тётка! напой-накорми, тогда спрашивай». Она напоила-накормила и стала разспрашивать: «Какими судьбами занесло тебя въ эти страны далекія?» — «Отецъ послалъ искать свою молодость». «Ну, возьми на смѣну моего лучшаго коня и поѣзжай къ моей старшей сестрѣ». Царевичъ немедля пускался въ дорогу; долго ли, мало ли ѣхалъ — опять видитъ избушку на курьихъ ножкахъ. «Избушка, избушка! стань ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ». Избушка повернулась; вошелъ — тамъ сидитъ баба-яга: «Фу-фу! доселева русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нониче русской духъ въ виду является, въ уста мечется! Что, доброй мóлодецъ, дѣла пытаешь, иль отъ дѣла лытаешь?» — «Эхъ, старая хрычовка! не накормила, не напоила, да вѣстей спрашиваешь». Баба-яга накормила его-напоила, вѣстей повыспросила и дала ему коня лучше прежнихъ двухъ: «Поѣзжай съ Богомъ! недалеко есть царство, — ты въ ворота не ѣзди, у воротъ львы стерегутъ [2]), а нахлыщи коня хорошенько да прямо черезъ тынъ перемахни, да смотри — за струны не зацѣпи; не то все царство

[1]) *Вар.* Старшіе два брата ѣхали-ѣхали, добрались до огненной рѣки: какъ дальше ѣхать—не вѣдаютъ, разбили въ сторонѣ палатки и стали въ чистомъ полѣ жить, въ гульбѣ время проводить. А младшій братъ заѣхалъ по дорогѣ къ бабѣ-ягѣ; она дала ему полотенце: «Съ нимъ черезъ огненную рѣку переѣдешь; махни полотенцемъ направо — мостъ явится, махни налѣво—мостъ пропадетъ».

[2]) Въ другомъ спискѣ сказано, что кругомъ сада съ моложавыми яблоками и съ ключами живой и мертвой воды змѣй обвился—голова и хвостъ въ одномъ мѣстѣ сошлись. Говоритъ баба-яга царевичу: «Ударь ты этого змѣя по головѣ; отъ того удара богатырскаго онъ будетъ спать трое сутокъ. Въ это время успѣешь все сдѣлать! Да вотъ тебѣ сухой прутикъ; какъ вой-

взволнуется: тогда тебѣ живому не быть! А какъ перемахнешь черезъ тынъ, тотчасъ ступай во дворецъ — въ заднюю комнату, отвори потихоньку дверь и увидишь, какъ спитъ царь-дѣвица; у нея подъ подушкой пузырёкъ съ живой водой спрятанъ. Ты возьми пузырёкъ и назадъ спѣши, на ея красоту не заглядывайся». Царевичъ сдѣлалъ все, какъ учила его баба-яга; только одного не выдержалъ — на дѣвичью красоту позарился... Сталъ на коня садиться — у коня ноги подгибаются, сталъ черезъ тынъ перескакивать — и задѣлъ струну. Вмигъ все царство пробудилося; встала и царь-дѣвица и велѣла коня осѣдлать; а баба-яга ужъ узнала, что̀ съ добрымъ мо́лодцемъ приключилося, и приготовилась къ отвѣту; только успѣла она отпустить царевича, какъ прилетаетъ царь-дѣвица и застаетъ бабу-ягу всю растрёпанную. Говоритъ ей царь-дѣвица: «Какъ смѣла ты допустить такого негодяя до моего царства? онъ у меня былъ, квасъ пилъ да не покрылъ». — «Матушка царь-дѣвица! чай, сама видишь, какъ мои волосы растрёпаны; я съ нимъ долго дралась, да сладить не могла». Двѣ другія бабы-яги то же сказали. Царь-дѣвица бросилась за царевичемъ въ погоню, и только-что хотѣла схватить его — какъ онъ черезъ канаву перепрыгнулъ. Говоритъ ему вслѣдъ царь-дѣвица: «Жди меня черезъ три года, — на кораблѣ пріѣду». Царевичъ отъ радости не видалъ, какъ къ столбу подъѣхалъ и какъ повернулъ отъ него въ лѣвую сторону; пріѣзжаетъ онъ на серебряную гору — на горѣ шатёръ раскинутъ, около шатра конь стоитъ, ѣстъ бѣлоярую пшеницу да пьетъ медовую сытицу, а въ шатрѣ лежитъ доброй мо̀лодецъ — его родной братецъ. Говоритъ ему меньшой царевичъ: «Пойдемъ-ка старшаго брата отыскивать». Осѣдлали лошадей и поѣхали въ правую сторону; подъѣзжаютъ къ золотой горѣ — на горѣ раскинутъ шатёръ, около него конь ѣстъ бѣлоярую пшеницу, пьетъ медовую сытицу, а въ шатрѣ лежитъ доброй мо́лодецъ — ихъ старшій братъ. Они его разбудили и поѣхали всѣ вмѣстѣ къ тому столбу, гдѣ три дороги сходятся; сѣли тутъ отдохнуть. Два старшіе брата стали меньшого разспрашивать: «Нашелъ ты батюшкину молодость?» — «Нашелъ». — «Какъ и гдѣ?» Онъ разсказалъ имъ все, какъ было, прилёгъ на траву и заснулъ. Братья изрубили его на мелкіе куски и разбросали по чистому полю; взяли съ собой пузырёкъ съ живой водою и отправились къ отцу.

Вдругъ прилетаетъ жаръ-птица, собрала всѣ разбросанные куски, склала ихъ, какъ слѣдуетъ быть человѣку; потомъ принесла во рту мертвой воды, вспрыснула — всѣ куски срослися; принесла живой воды, вспрыснула — царевичъ ожилъ,всталъ и говоритъ: «Какъ я долго спалъ!» Отвѣчаетъ жаръ-птица: «Вѣкъ бы тебѣ спать непробуднымъ сномъ,

---

дешь ты въ садъ, сейчасъ бѣги по всѣмъ родникамъ и макай этотъ прутикъ въ воду: въ какомъ родникѣ онъ дастъ листья и цвѣтъ, въ томъ, значитъ, и живая вода течетъ».

если бъ не я!» Царевичъ поблагодарилъ ее и пошелъ домой; отецъ его не взлюбилъ и сослалъ съ глазъ долой; такъ онъ цѣлые три года и шатался по разнымъ угламъ. А какъ прошло три года, приплываетъ на кораблѣ царь-дѣвица и посылаетъ къ царю письмо, чтобы выслалъ къ ней виновника, а коли воспротивится — она выжжетъ и вырубитъ все царство до тла. Царь высылаетъ къ ней старшаго сына; тотъ пошелъ къ кораблю. Увидали его двое мальчиковъ, двое сыновей царь-дѣвицы, и стали спрашивать у своей матушки: «Не этотъ ли нашъ батюшка?» — «Нѣтъ, это вашъ дядюшка». — «Какъ же намъ его встрѣтить?» — «Возьмите по плёткѣ да проводите назадъ». Воротился старшій царевичъ домой, будто несолоно хлѣбалъ! А царь-дѣвица съ тѣми же угрозами требуетъ выдачи виноватаго; высылаетъ царь другого сына — и съ нимъ то же случилося, что́ и съ первымъ. Тутъ приказалъ царь отыскивать меньшого царевича, и какъ скоро его нашли — отецъ сталъ посылать на корабль къ царь дѣвицѣ. А онъ говоритъ: «Тогда пойду, когда до самаго корабля будетъ выстроенъ хрустальный мостъ, а на мосту будетъ много разныхъ яствъ и винъ наставлено». Нечего дѣлать, построили мостъ, наготовили яствъ, припасли винъ и медовъ. Царевичъ собралъ своихъ товарищей и говоритъ: «Идите со мной въ провожатыхъ, ѣшьте и пейте, ничего не жалѣйте!» Вотъ идетъ онъ по́ мосту, а мальчики кричатъ: «Матушка! кто это?» — «Это вашъ батюшка». — «Какъ же намъ его встрѣтить?» — «Возьмите подъ ручки и ведите ко мнѣ». Тутъ они цѣловались, обнимались, миловались; а послѣ поѣхали къ царю и повѣдали ему все, какъ было. Царь старшихъ сыновей со двора согналъ, а съ меньшимъ началъ вмѣстѣ жить-поживать, добра наживать.

С. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ царь; у царя было три сына: два — умные, третій — дуракъ. Какъ-то приснился царю сонъ, будто за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ есть красная дѣвица, у которой съ рукъ и ногъ вода течетъ: кто этой воды изопьетъ, тотъ на тридцать лѣтъ моложе станетъ. А царь былъ очень старъ; призвалъ онъ своихъ дѣтей и думныхъ людей и говорилъ имъ: «Не сумѣетъ ли кто мой сонъ разгадать?» Отвѣчали царю думные люди: «Ваше величество! мы видомъ не видали, а слыхомъ слыхали про такую красную дѣвицу, а какъ до нея дойти — того намъ невѣдомо». Возговорилъ тутъ большой сынъ Дмитрій-царевичъ: «Батюшка! благослови меня на всѣ четыре стороны ѣхать, людей посмотрѣть, себя показать, про красную дѣвицу разыскать». Отецъ далъ ему свое родительское благословеніе: «Бери, говоритъ, казны — сколько хочется и всякаго войска — сколько надобно». Дмитрій-царевичъ взялъ сто тысячъ войска и отправился въ путь-дорогу; ѣдетъ день, ѣдетъ недѣлю, ѣдетъ мѣсяцъ и два и три, у кого ни спроситъ — никто не знаетъ про красную дѣвицу, и заѣхалъ въ такія мѣста пустынныя, что́ только небо да земля. Погналъ коня дальше — и вотъ передъ нимъ гора высокая-высокая — глазами не вскинешь! Кое-какъ взлѣзъ на эту

гору и нашелъ тамъ древняго, сѣдого старика. «Здравствуй, дѣдушка!»— «Здравствуй, доброй мо́лодецъ! что, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?» — «Дѣла пытаю». — «Что жъ тебѣ надо?» — «Да слышалъ я, что за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ есть красная дѣвица — съ рукъ и съ ногъ вода цѣлющая точится: кто этой воды достанетъ да изопьетъ, тотъ тридцатью годами моложе будетъ». — «Ну, братъ, тебѣ туда не доѣхать!»—«Отчего такъ?» — «Оттого, что есть на пути три рѣки широкія, на тѣхъ рѣкахъ три перевоза: на первомъ перевозѣ отсѣкутъ тебѣ правую руку, на второмъ — лѣвую ногу, а на третьемъ голову снимутъ». Дмитрій-царевичъ прикручинился, повѣсилъ буйную голову ниже могучихъ плечъ и думаетъ: «Не то отцову голову, не то свою жалѣть! Ворочусь-ка я назадъ». Спустился съ горы, воротился къ отцу, говоритъ: «Нѣтъ, батюшка, не могъ розыскать: про ту дѣвицу нигдѣ слыхомъ не слыхать!» Сталъ проситься середній сынъ Василій-царевичъ: «Батюшка! благослови меня, можетъ, я розыщу». — «Ступай, сынокъ!» Василій-царевичъ взялъ съ собой войска сто тысячъ и отправился въ путь-дорогу; ѣдетъ день, ѣдетъ недѣлю, ѣдетъ мѣсяцъ и два и три, и заѣхалъ въ такія мѣста пустынныя, что только лѣса да болота. Нашелъ тутъ бабу-ягу, костяную ногу, ж... жилиную. «Здравствуй, баба-яга, костяная нога!» — «Здравствуй, добрый мо́лодецъ! что, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?» — «Дѣла пытаю! Слышалъ я, что за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ есть красная дѣвица—съ рукъ и съ ногъ цѣлющая вода льется». — «Есть, батюшка, есть! только тебѣ туда не доѣхать». — «Отчего такъ?» — «Оттого, что есть на пути три перевоза: на первомъ перевозѣ отсѣкутъ тебѣ правую руку, на второмъ — лѣвую ногу, а на третьемъ — голова долой». Василій царевичъ призадумался: «Не то отцову голову жалѣть, не то свою беречь! Ворочусь-ка я назадъ по добру, по здорову». Воротился и сказалъ отцу: «Нѣтъ, батюшка, не могъ розыскать: про ту дѣвицу нигдѣ слыхомъ не слыхать!» Сталъ проситься меньшой сынъ Иванъ-царевичъ: «Батюшка! благослови, не найду ли я». Отецъ благословилъ: «Ступай, любезный сынъ! бери себѣ войска, и казны — сколько надобно». — «Мнѣ ничего не надо, только дай добраго коня да мечъ-кладенецъ». Сѣлъ Иванъ-царевичъ на коня, взялъ мечъ-кладенецъ и отправился въ путь дорогу; ѣдетъ день, ѣдетъ недѣлю, ѣдетъ мѣсяцъ и два и три, и заѣхалъ въ такія мѣста, что конь его по колѣна въ водѣ, по груди въ травѣ идетъ, а ему, доброму мо́лодцу, ѣсть нечего. Увидалъ избушку на курьихъ ножкахъ, вошелъ туда, а въ избушкѣ сидитъ баба-яга, костяная нога. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! что, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?» — «Какое дѣло! Ѣду въ тридесятое государство: тамъ, говорятъ, есть красная дѣвица — съ рукъ и съ ногъ вода цѣлющая точится». — «Есть, батюшка! хоть видомъ не видала, а слыхомъ слыхала; только тебѣ до ней не добраться». — «Отчего такъ?» — «Оттого, что есть на пути три перевоза:

на первомъ перевозѣ отсѣкутъ тебѣ правую руку, на другомъ — лѣвую ногу, а на третьемъ — голову». — «Ну, бабушка, одна голова не бѣдна! поѣду — что Богъ дастъ». — «Эхъ, Иванъ-царевичъ! лучше назадъ воротись, ты еще младъ юноша — нигдѣ въ опасныхъ мѣстахъ не бывалъ, большихъ страховъ не видалъ». — «Нѣтъ, коли взялся за гужъ — не говори, что не дюжъ!» Попрощался съ бабой-ягою и поѣхалъ дальше; ѣдетъ день, другой и третій — и подъѣзжаетъ къ первому перевозу. Перевозчики на другой сторонѣ спятъ... «Что дѣлать?—думаетъ Иванъ-царевичъ:—если крикну — навѣкъ оглушу, если свистну — перевозъ потоплю». Свистнулъ онъ въ полсвиста; перевозчики тотчасъ вскочили и переправили его черезъ рѣку. «Что вамъ за работу, братцы?»—«Подавай правую руку». — «Ну, рука мнѣ самому надобна!» Махнулъ царевичъ мечомъ направо-налѣво, перебилъ всѣхъ перевозчиковъ, сѣлъ на коня и поскакалъ. На двухъ другихъ перевозахъ точно такъ же отдѣлался. Подъѣзжаетъ къ тридесятому государству; на рубежѣ дикой человѣкъ стоитъ — ростомъ съ лѣсомъ ровенъ, толщиной словно копна большая, въ рукахъ держитъ коренастой дубъ. Говоритъ великанъ Ивану-царевичу: «Куда, червякъ, ѣдешь?» — «Ѣду я въ тридесятое царство, хочу повидать красную дѣвицу, у которой съ рукъ и съ ногъ цѣлющая вода льется». — «Куда тебѣ, коротышкѣ! Я сто лѣтъ стерегу ея царство, не тебѣ чета — пріѣзжали сюда сильно-могучіе богатыри, да и тѣ пали отъ моей крѣпкой руки; а ты что? какъ есть червякъ!» Видитъ царевичъ, что не сладить ему съ великаномъ, и повернулъ въ сторону; шелъ-шелъ — и очутился въ дремучемъ лѣсу. Въ лѣсу стоитъ избушка, а въ избушкѣ стародревняя старуха сидитъ; увидала добраго молодца и говоритъ: «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! зачѣмъ тебя Богъ занесъ?» Онъ разсказалъ ей все безъ утайки; старуха дала ему зелье волшебное да клубочекъ: «Ступай,—говоритъ,— въ чистое поле, разведи костеръ и брось въ огонь это зелье да смотри, самъ за вѣтромъ стань. Отъ этого зелья волшебнаго уснетъ великанъ крѣпкимъ сномъ, ты сруби ему голову, покати клубочекъ и поѣзжай за нимъ слѣдомъ. Клубочекъ доведетъ тебя до тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ красная дѣвица, живетъ она въ большомъ золотомъ дворцѣ и часто выѣзжаетъ съ своимъ войскомъ въ зеленые луга тѣшиться: «девять дней гуляетъ, да потомъ девять дней богатырскимъ сномъ спитъ». Иванъ-царевичъ поблагодарилъ старуху и поѣхалъ въ чистое поле: въ чистомъ полѣ развелъ костеръ и бросилъ въ огонь волшебное зелье. Буйнымъ вѣтромъ потянуло дымъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ настороже дикой человѣкъ; замутилось у него въ очахъ, легъ онъ на сырую землю и крѣпко-крѣпко заснулъ. Иванъ царевичъ отрубилъ ему голову, покатилъ клубочекъ и пустился дальше. Ѣхалъ-ѣхалъ — вонъ уже золотой дворецъ виднѣется; свернулъ съ дороги, коня на траву пустилъ, а самъ въ кусты залѣзъ. Только успѣлъ спрятаться, отъ золотаго дворца пыль столбомъ подымается: выѣзжаетъ красная дѣвица

съ своимъ войскомъ въ зеленые луга тѣшиться. Смотритъ царевичъ — все войско изъ однѣхъ дѣвицъ набрано: та хороша, а та еще лучше! А всѣхъ краше, ненагляднѣе сама царица. Девять дней она въ зеленыхъ лугахъ гуляла, а царевичъ глазъ съ нея не сводилъ — и все не могъ насмотрѣться. На десятой день идетъ онъ въ золотой дворецъ: на пуховой на постелѣ лежитъ красная дѣвица, богатырскимъ сномъ почиваетъ — съ рукъ и съ ногъ цѣлющая вода точится; вмѣстѣ съ нею спитъ и ея войско вѣрное. Иванъ-царевичъ набралъ два пузырька цѣлющей воды; молодецкое сердце не выдержало — смялъ онъ дѣвичью красу, вышелъ изъ дворца, сѣлъ на своего добраго коня и поскакалъ домой. Девять сутокъ спала красная дѣвица, а какъ пробудилась — страшно разгнѣвалась, ногами затопала и зычнымъ голосомъ крикнула: «Какой негодяй здѣсь былъ? мой квасъ пилъ, ничѣмъ не покрылъ». Вскочила на свою быстролетную кобылицу и ударилась въ погоню за Иваномъ-царевичемъ: кобылица бѣжитъ, земля дрожитъ! Догнала добраго молодца, ударила мечомъ и прямо въ грудь угодила. Упалъ царевичъ на сырую землю; ясныя очи закрываются, алая кровь запекается. Глянула на него красная дѣвица, и взяла ее жалость великая; другого такого красавца во всемъ свѣтѣ поискать! Приложила къ его ранѣ свою руку бѣлую, омочила цѣлющей водой — и вдругъ рана заживилася, и всталъ Иванъ-царевичъ здравъ-невредимъ. «Возьмешь меня замужъ за себя?» — «Возьму, красная дѣвица!» — «Ну, поѣзжай домой да жди меня черезъ три года». Иванъ-царевичъ простился съ своей нареченной невѣстою и сталъ путь продолжать. Подъѣзжаетъ къ своему царству, а старшіе братья вездѣ караулы поставили, чтобъ его до отца не допустить. Караулы тотчасъ дали знать, что Иванъ-царевичъ ѣдетъ; старшіе братья встрѣтили его на дорогѣ, напоили до́пьяна, отняли пузырьки съ цѣлющей водою, а его самого въ пропасть бросили. Очутился Иванъ-царевичъ на томъ свѣтѣ... [1]).

d. Жилъ да былъ царь; у царя было три сына: Ѳедоръ, Егоръ да Иванъ; Иванъ былъ не совсѣмъ уменъ. Посылаетъ царь старшаго сына по живую воду, по сладкія моложавыя яблоки; онъ поѣхалъ и доѣзжаетъ до растанья [2]). Тутъ столбъ стоитъ, на столбѣ роспись (надпись): вправо итти — попить да поѣсть, влѣво итти — головушку погубить. Онъ поѣхалъ вправо и пріѣзжаетъ къ дому; заходитъ въ избу, а тутъ дѣвица говоритъ ему: «Ѳедоръ-царевичъ! ложись со мной спать». Онъ легъ, она взяла, да и спихнула его невѣдомо куда. Царь, не дождавшись его долго, другого сына посылаетъ. Этотъ поѣхалъ и до того же мѣста пріѣзжаетъ; входитъ въ избу. Дѣвица и этого также уходила.

---

[1]) Иванъ-царевичъ спасается съ помощью большой птицы, которая выноситъ его на своихъ крыльяхъ съ того свѣта (см. сказку: «Норка-звѣрь»); затѣмъ сказка оканчивается точно такъ же, какъ и въ предыдущемъ спискѣ (подъ буквою b). [2]) Мѣсто, гдѣ дорога раздѣляется и идетъ въ разныя стороны.

Царь посылаетъ третьяго сына: «Поѣзжай ты!» Младшій сынъ поѣхалъ, доѣзжаетъ до того же растанья и говоритъ: «Для отца поѣду голову губить!» — и поѣхалъ влѣво; доѣзжаетъ до избушки, входитъ туда, а въ избушкѣ ягишна (баба-яга) сидитъ за пряслицей, прядетъ шелкову кудельку на золотое веретёнце и говоритъ: «Куда, русска коска, Иванъ-царевичъ, поѣхалъ?» Онъ отвѣчаетъ: «Напой-накорми, тожно (тогда) все разспроси». Она напоила-накормила и спрашиваетъ; онъ говоритъ: «Я поѣхалъ по живую воду, по сладкія моложавыя яблоки — туда, гдѣ живетъ Бѣлая Лебедь Захарьевна». Ягишна говоритъ: «Едва ли достанешь! развѣ я помогу» и даетъ ему своего коня. Онъ сѣлъ и поѣхалъ; доѣзжаетъ до другой сестры ягишны. Взошелъ въ избу, она ему говоритъ: «Фу-фу, русской коски слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ сама на дворъ пришла; куда, Иванъ-царевичъ, поѣхалъ?» Онъ отвѣчаетъ: «Прежде напой-накорми, тожно разспроси». Онъ напоила-накормила его; онъ и говоритъ: «Я поѣхалъ добывать живую воду, сладкія моложавыя яблоки — туда, гдѣ живетъ Бѣлая Лебедь Захарьевна». — Едва ли достанешь!» сказала баба и дала ему своего коня. Царевичъ поѣхалъ до третьей ягишны; входитъ въ избу, та говоритъ: «Фу-фу, русской коски слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, нынѣ русская коска сама на дворъ пришла; куда Иванъ-царевичъ, поѣхалъ?» — Прежде напой-накорми, тожно разспроси». Она напоила-накормила его; онъ и говоритъ: «Я поѣхалъ по живую воду, по сладкія моложавыя яблоки». — «Трудно, царевичъ! едва ли достанешь». Потомъ даетъ ему своего коня, семисотную палицу и наказываетъ: «Когда станешь подъѣзжать къ городу, то ударь коня палицей, чтобы онъ перескочилъ за симу̀» (крѣпостную стѣну). Такъ онъ и сдѣлалъ: перескочилъ за симу, поставилъ своего коня къ столбу и идетъ въ палаты Бѣлой Лебеди Захарьевны. Слуги его не пускаютъ; а онъ сквозь пробивается: «Я,—говоритъ,—Бѣлой Лебеди записку несу». Добился до покоевъ Бѣлой Лебеди Захарьевны; въ то время она крѣпко спала, на пуховой постели разметалася, а живая вода стояла у ней подъ зголовьемъ. Онъ взялъ воды, поцѣловалъ дѣвицу и пошутилъ съ ней негораздо; потомъ, набравши моложавыхъ яблоковъ, поѣхалъ назадъ. Конь его скочилъ черезъ симу̀ и задѣлъ за край. Вдругъ зазвенѣли всѣ колокольчики, всѣ прозвончики, весь городъ пробудился, Бѣлая Лебедь Захарьевна забѣгалась — ту няньку бьетъ, другую колотитъ, кричитъ: «Вставайте! кто-то въ домѣ былъ, воды испилъ, колодезь не закрылъ». Между тѣмъ царевичъ пригналъ къ первой ягишнѣ, перемѣнилъ лошадь; а Лебедь Захарьевна за нимъ гонится, пріѣхала къ той ягишнѣ, у которой царевичъ только что коня смѣнилъ, и спрашиваетъ: «Куда ты ѣздила? у тебя лошадь потна». Та отвѣчаетъ: «Ѣздила въ поле скота выгонять». Иванъ-царевичъ перемѣнилъ у второй ягишны коня; а Лебедь Захарьевна вслѣдъ за нимъ пріѣзжаетъ и говоритъ: «Куда , ягишна, ѣздила? у тебя лошадь потна». — «Я ѣздила въ поле

скота выгонять, оттого у меня и лошадь спотѣла». Иванъ-царевичъ доѣхалъ до послѣдней ягишны, перемѣнилъ лошадь; а Лебедь Захарьевна все гонится, пріѣзжаетъ послѣ него, спрашиваетъ ягишну: «Что у тебя лошадь потна?» Та отвѣчаетъ: «Въ поле ѣздила скота выгонять». Отселя она домой воротилась; а Иванъ-царевичъ поѣхалъ къ братьямъ, Приходитъ къ дому, гдѣ они были; дѣвица выскочила на крыльцо. говоритъ: «Добро пожаловать!» Потомъ зоветъ его спать съ собою. Царевичъ говоритъ: «Напой-накорми, тожно спать клади». Она напоила-накормила и опять говоритъ: «Ложись со мной!» Отвѣчаетъ царевичъ: «Напередъ ты ложись!» Она легла напередъ, онъ ее и спихнулъ: дѣвица полетѣла невѣдомо куда. Иванъ-царевичъ думаетъ: «Ну-ка вскрою эту западню; не тамъ ли мои братья?» Вскрылъ — они тутъ и сидятъ; говоритъ имъ: «Выходите, братья! что вы тутъ дѣлаете? не стыдно ли вамъ?» Собрались и поѣхали всѣ вмѣстѣ домой къ отцу. Вотъ дорогою старшіе братья вздумали убить младшаго. Иванъ-царевичъ узналъ ихъ думу и говоритъ. «Не бейте меня, я вамъ все отдамъ!» Они на то не согласилися, убили его и косточки разбросали по чистому полю. Конь Ивана-царевича собралъ его косточки въ одно мѣсто, вспрыснулъ живою водой, у него коска съ коской, суставчикъ съ суставчикомъ срослися, царевичъ ожилъ и говоритъ: «Долго я спалъ, да скоро всталъ!» Приходитъ къ своему отцу въ чежелкѣ [1]) отецъ, увидавши, говоритъ ему: «Ты куда ходилъ? поди нужныя мѣста очищать». Между тѣмъ выѣзжаетъ Бѣлая Лебедь Захарьевна на заповѣдные луга царскіе и посылаетъ къ царю письмо, чтобы онъ выдалъ ей виноватаго. Царь посылаетъ старшаго сына. Дѣтки Бѣлой Лебеди, завидя его, кричатъ: «Вонъ нашъ батюшка идетъ! чѣмъ мы будемъ его подчивать?» А мать говоритъ: «Нѣтъ, это не отецъ, а дядюшка вашъ; подчуйте его тѣмъ, что у васъ въ рукахъ». А у нихъ было по дубинкѣ, они такъ ему бока навохрили (наколотили), что едва дошелъ до дому. Потомъ царь посылаетъ второго сына, этотъ идетъ, дѣтки обрадовались и кричатъ: «Вонъ нашъ батюшка идетъ!» А мать говоритъ: «Нѣтъ, это вашъ дядюшка». — «Чѣмъ же мы его будемъ подчивать?» — «А что у васъ въ рукахъ, тѣмъ и подчуйте!» Они такъ же ему бока навохрили, какъ и старшему брату. Тожно посылаетъ Бѣлая Лебедь Захарьевна къ царю сказать, чтобы выслалъ виноватаго. Царь, наконецъ, посылаетъ младшаго сына; онъ бредетъ — на немъ лаптишки худые, чежелко худое. Дѣти кричатъ: «Вонъ нищій какой-то идетъ!» А мать говоритъ: «Нѣтъ, это вашъ батюшка». — «Чѣмъ мы будемъ его подчивать?» — «А чѣмъ Богъ послалъ!» Когда Иванъ-царевичъ пришелъ, она надѣла на него хорошую лопоть (одежду), и поѣхали они къ царю. По пріѣздѣ Иванъ-царевичъ разсказалъ отцу свое похожденіе, какъ онъ изъ лоушки (ловушки) братьевъ добылъ, и какъ они убили его. Отецъ раз-

[1]) Чежелко — кафтанъ или полушубокъ, обшитый снаружи холстомъ.

сердился, взялъ ихъ, разжаловалъ и приставилъ къ низкимъ должностямъ, а младшаго сына взялъ къ себѣ въ наслѣдники.

е. Бывало-живало — въ нѣкоторомъ чарствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, у чаря Ефимьяна было три сына первый сынъ — Павелъ, второй сынъ — Ѳедоръ и третій сынъ — Иванъ Запечной. Чарь Ефимьянъ сталъ стариться и, собравъ свою силу, спросилъ: «Кто бы съѣздилъ за молодою и живою водою? я бы тому добро сдѣлалъ». И удумали бара (бояре): «Опрично твоего сына Павла-чаревича некому ѣхать». Чарь даетъ ему тысячу рублей и своего добраго коня. Павель-чаревичъ садится на того добраго коня и стежитъ; немало времени ѣхавъ, попалъ на ростань — на ростанѣ стоитъ дубъ, на дубу подписано: вправо ѣхать — мертвому быть, а влѣво ѣхать — къ Иринѣ-мягкой перинѣ попадешь, спать мягко и хлебать кисель! Ирина-мягкая перина встрѣчаетъ Павла-чаревича: «Поди-тко ты, Павелъ-чаревичъ, разболокайся и разувайся, клади свое цвѣтное платье — хоть тысяча рублей или двѣ будь, ничто твое не утеряется!» Напоила-накормила, на пуховикъ спать повалила: «Ложись къ стѣнкѣ, а я ле(я)гу на крайчикъ!» Она его подъ серёдку подхватила, прошибла имъ полъ, и улетѣлъ онъ въ погребъ, а погребъ тридцать сажóнъ глубины, бросила къ нему куделькы: «Когды научисся пресь (прясть), въ ту пору дамъ тебѣ јись (ѣсть)!» Чарь Ефимьянъ не могъ своего сына дождаться и сталъ собирать опеть свою силу; спрашиваетъ: «Кто бы съѣздилъ по живую и молодую воду? я бы тому добро сдѣлалъ». Думали-подумали бара и возговорили: «Опрично твоего сына Ѳедора-чаревича некому ѣхать». Чарь Ефимьянъ даетъ ему двѣ тысячи рублей и своего добраго коня. Ѳедоръ-чаревичъ садился на того коня, немало времени ѣхалъ, когды попалъ на ту же ростань — на ростанѣ стоитъ дубъ, на дубу подписано: вправо ѣхать — дакъ мертву быть, а влѣво ѣхать — дакъ попасть къ Иринѣ-мягкой перинѣ, спать мягко и хлебать кисель. Ирина-мягкая перина, встрѣчая, мурлычетъ: «Поди-тко ты, Ѳедоръ-чаревичъ, и куды ты, родимой, поѣхалъ? куды тя Богъ понесъ?» Накормила-напоила, на пуховикъ спать повалила: «Ложися къ стѣнкѣ, а я легу на край!» Подхватила его подъ серёдку и прошибла сквозь полъ, онъ валился въ тотъ же демонской погребъ. Чарь Ефимьянъ не могъ дождаться своего сына Ѳедора, сталъ собирать свою силу: «Кто бы съѣздилъ по живую, по молодую воду? я бы тому сдѣлалъ добро». И собранъ былъ большой совѣтъ, на которомъ тоже положили, что опрично твоего сына Ивана-чаревича некому ѣхать. Иванъ-чаревичъ затужилъ и запечалился, приходитъ повечеру къ бабушкѣ-задворенкѣ. Бабушка-задворенка говоритъ: «Что, Иванъ-чаревичъ, затужился и запечалился?» — «Какъ мнѣ не тужить и не печалиться? бачко посылаетъ по живую, по молодую воду, за тридевять земель въ тридесятую землю, за бѣлое море—въ дивье чарство, а нѣтъ у моего батюшка добраго коня». — «Какъ нѣтъ у твоего батюшка добраго коня? есть доброй

конь, запертъ за тремя дверьми, третьи двери ужò копытомъ пробиваетъ! Этотъ конь будетъ тебѣ служить вѣрою и правдою. А караулитъ коня плѣхатый [1]) старикъ; приди, старика по плѣшѣ(и) больно хлопни — отдастъ тебѣ добраго коня». По сказанному, какъ по писанному, схватилъ Иванъ-царевичъ коня подъ поводъ и троижда около себя обернулъ; конь (в)змолился человѣчьимъ гласомъ Ивану-царевичу, что я буду тебѣ служить вѣрою и правдою. У коня этого изъ ушей дымъ валитъ, изъ ноздрей искры сыпются, изо рта пламя пышетъ. Иванъ-царевичъ садится на добра коня, стежитъ его по толстымъ рёбрамъ, и скачетъ конь выше лѣсу стое(я)чаго, ниже облака ходе(я)чаго, горы, рѣки и озера межъ ногъ пропускаетъ, поля-луга хвостомъ устилаетъ. Не мало времени ѣхалъ царевичъ и доѣхалъ до того жъ дубу — стоитъ дубъ на ростанѣ, и подписано на дубу: вправо ѣхать мертву быть, а влѣво ѣхать — къ Иринѣ-мягкой перинѣ попасть, спать мягко и хлебать кисель. Онъ и говоритъ: «Видно, мои братья уѣхали киселя хлебать!» Самъ поѣзжаетъ вправо по живую и по молодую воду; ѣхалъ немало времени, доѣхалъ до бабушки-задворенки. Бабушка-задворенка встрѣчаетъ Ивана-царевича: «Куды ты, бажóной [2]), поѣхалъ?» — «Бабушка-задворенка! напой, накорми, на пуховикъ спать повали, въ головушки сѣдешь и спрашивать станешь». Она его накормила, напоила, спать положила. «Я, говоритъ царевичъ, поѣхалъ по живу и по молодую воду за тридевять земель, въ тридесятую землю — въ дивье чарство». — «Иванъ-царевичъ! не быть тебѣ живому». — «Авось Богъ и пособитъ!» Иванъ-царевичъ поутру встаетъ ранёхонько, умывается бѣлёхонько; бабушка-задворенка накормила его завтрекомъ и даетъ ему коня еще лучше того [3]), и говоритъ: «Полтора часа только караулы

---

[1]) Плѣшивой. [2]) Милой. [3]) *Вар.* Царь собралъ къ себѣ разныхъ королей и королевичей и сильномогучихъ богатырей; сѣли за столы дубовые, за скатерти браныя, ѣли-пили, веселилися. Стали говорить гости хозяину: «Ваше величество!—говорятъ:—старость—не радость, а за тридевять земель въ тридесятомъ государствѣ есть чудный садъ, въ томъ саду яблоня, а на яблонѣ растутъ моложавыя яблоки; кто съѣстъ хоть единое яблочко, тотъ отбудетъ своей старости». Царь посылаетъ за тѣми яблоками двухъ старшихъ сыновей: «Кто изъ васъ достанетъ, тому при жизни половину царства отдамъ, а по смерти сдѣлаю своимъ наслѣдникомъ». Напередъ вызвался ѣхать старшій сынъ; говоритъ ему отецъ: «Выбирай себѣ изъ моихъ лошадей—какая люба будетъ и бери денегъ, сколько надобно; казна моя тебѣ не закрыта!» Поѣхалъ царевичъ, а навстрѣчу ему—отколь ни взялась—идетъ старуха: «Здравствуй, русской царевичъ! куда Богъ несетъ?»—«А тебѣ что за дѣло, старая чертовка?» сказалъ царевичъ и поскакалъ дальше. Старуха перекинулась лютымъ звѣремъ, забѣжала впередъ и перешла ему дорогу. «Нехороша встрѣча, недоброе вѣщаетъ!»—подумалъ царевичъ, повернулъ коня назадъ и воротился въ ближній городъ. То же случилось и съ середнимъ братомъ. Сталъ собираться меньшой Иванъ-царевичъ: «Любезной мой батюшка! не прикажи казнить, прикажи рѣчь говорить».—«Говори, милой сынъ!»—«Благослови въ тридесятое государство ѣхать — моложавыхъ яблоковъ до-

спятъ въ дивьемъ чарствѣ: не зѣвай!» Пріѣхалъ онъ въ то чарство, конь разбѣжался и перескочилъ черезъ каменную стѣну, чаревичъ поставилъ коня къ столбу — къ золочену кольцу — и набралъ воды живыя и молодыя, и подумалъ умомъ: «Времени еще четверть часа нѣтъ, схожу-ка я къ дѣвицѣ — посмотрѣть». И видитъ: спятъ двѣнадцать дѣвицъ, всѣ какъ одна; чарь-дѣвицу потому могъ узнать — спитъ, пышетъ, будто съ дубу листъ бруснетъ [1]). И удумалъ смѣняться съ нею имянными перстенями: ея перстень къ себѣ взялъ, а свой перстень ей отдалъ, и приходитъ къ коню. Конь говоритъ человѣчьимъ языкомъ: «Ой, Иванъ-чаревичъ! мнѣ тебя не увезти; поди на росѣ выкатайся, самоцвѣтное платье выхлопай» [2]). Сдѣлалъ то Иванъ-чаревичъ [3]) и садился на своего добраго коня; конь разбѣжался, перескочилъ черезъ городскую стѣну, да задней ногой за струну задѣлъ; струны запѣли, колокола загудѣли, караулы сбунтовались [4]) — что̀ за муха въ городу была? По времени чарь-цѣвица пробуждается и своихъ карауловъ посылаетъ: «Подите-состижите!» [5]) А онъ впромежъ пріѣзжаетъ къ бабушкѣ-задворенкѣ. «Что, Иванъ-чаревичъ, долго призамѣшкался?» Даетъ ему щетку, кремешокъ, площадку [6]): «Станутъ тебя состигать, ты брось щетку и проговори троижды: стань чаща отъ земли до неба, чтобы конному проѣзда, пѣшому проходу и птицѣ пролёта не было!» Караулы, наѣхавъ на чащу, взадъ воротилися къ кузнецу, топоровъ наковали, прискакали и хотѣли было эту чащу разсѣкать, смотрятъ — нѣтъ ничего: «Морочитъ видно!» — и всё тутъ покинули. Стали опеть сости-

---

стать и братьевъ разыскать».—«Съ Богомъ, поѣзжай!» Иванъ-царевичъ пошелъ въ бѣлокаменныя конюшни и выбралъ себѣ добраго жеребца: на шести верстахъ жеребецъ одинъ разъ ноги перемѣняетъ! Надѣлъ збрую богатырскую, опоясалъ вкругъ себя мечъ-кладенецъ, въ одну руку копье взялъ, а въ другую желѣзной мо̀лотъ въ сорокъ пудъ—тѣмъ молотомъ коня осаживать, чтобъ не занёсъ на край свѣта. Сѣлъ на коня—и ужъ нѣтъ его! Не поймать буйнаго вѣтра во чистомъ полѣ, не нагнать добра молодца! Ѣдетъ царевичъ дорогою, а навстрѣчу ему старуха: «Куда Богъ несетъ?»—«А тебѣ что за дѣло, старая вѣдьма?»—отвѣчалъ Иванъ-царевичъ и поскакалъ было мимо, да чрезъ минуту одумался: «За что я ее выругалъ?» Повернулъ коня, нагналъ старуху и сталъ говорить: «Прости меня, бабушка! съ глупаго разума злое слово молвилось».—«Богъ тебя̀ проститъ! куда ѣдешь?»—«За моложавыми яблоками, отецъ послалъ».—«Ну слушай. я тебя научу...»

[1]) Падаетъ, осыпается. [2]) Выбей. [3]) *Вар.:* Иванъ-царевичъ напустилъ на себя смѣлость, вошелъ въ спаленку царь-дѣвицы, прельстился на ея красоту дѣвичью и сотворилъ съ нею грѣхъ; спитъ царь-дѣвица крѣпкимъ богатырскимъ сномъ и очнуться не можетъ! А Иванъ-царевичъ хочетъ домой ѣхать; подошелъ къ своему доброму коню, говоритъ ему конь человѣческимъ голосомъ: «Не могу поднять тебя, доброй мо̀лодецъ! согрѣшилъ ты съ царь-дѣвицею и сталъ больно тяжелъ...» Царевичъ побѣжалъ къ колодцу, обмылся. Тогда говоритъ ему вѣрной конь: «Хоть теперь и подниму тебя, доброй мо̀лодецъ! а все тяжелъ ты — за одну струну задѣну». [4]) Засуетились, взволновались. [5]) Настигните. [6]) Огниво.

гать; царевичъ кинулъ кремешокъ и проговорилъ троижды: «Стань гора кременная отъ земли до неба, отъ востоку до западу!» Караулы, наѣхавъ на гору, взадъ воротились къ кузнецу, молотовъ наковали, прискакали — нѣтъ ничего: «Морочитъ, окаянной!» Тутъ и молоты пометали. Въ третей разъ, когда стали состигать, бросилъ онъ площадку и проговорилъ троижды: «Расплывись, рѣка огненная!» — и сдѣлалась рѣка, за кою караулы мостъ смостили. Въ ту пору царевичъ далеко уѣхалъ. Не догнавъ за тою промѣшкою, караулы воротились назадъ, а Иванъ-царевичъ пріѣхалъ къ дубу на ростанѣ: «Съѣздить мнѣ-ка къ братьямъ; живы они или нѣтъ?» Пріѣзжаетъ къ Иринѣ-мягкой перинѣ, и встрѣчаетъ Ирина-мягкая перина Ивана-царевича: «Куды,—говоритъ,—поѣхалъ? куды тебя Богъ понесъ? раздѣвайся, разболокайся, свое цвѣтное платье на столъ клади — хоть тысяча, хоть двѣ будь, ничто твое не утеряется!» Напоила-накормила, на пуховикъ спать повалила: «Ложись къ стѣнкѣ!» Онъ говоритъ: «Я не сплю у стѣнки, а сплю на крайчику». Нужно было ей самой у стѣнки лечь; царевичъ ее подхватилъ подъ серёдку и прошибъ сквозь полъ, и улетѣла Ирина-мягкая перина въ погребъ, а онъ опустилъ конецъ веревки, вытащилъ своего брата и сказалъ: «Волочите другъ по дружкѣ всѣхъ и отправляйтесь по домамъ!» Самъ садится на своего добраго коня; доѣхавъ до стараго дубу, спускаетъ коня въ чистое поле кормиться, и ложится спать. Приходитъ къ нему старичокъ и говоритъ: «Ой, Иванъ-царевичъ, тебя убьютъ!» — «Врёшь, старой; згинь съ глазъ!» Старшіе братья, идучи домой, согласились между собою и убили Ивана-царевича, живую и молодую воду отобрали; приходятъ къ своему отцу, и дали ему той воды живыя и моладыя. Онъ испилъ и сталъ лучше старины [1]). Вотъ приходитъ старичокъ къ Ивану-царевичу — только оставалась одна хребетная кость; садится онъ подъ хребетную кость, прилетѣлъ воронъ клевать, онъ ворона захватилъ за ногу и сказалъ: «Черное вороньё! къ этой тушѣ соберите косье (кости); буде не соберёте, то весь родъ вашъ выведу». Черно вороньё заревѣло, стали со всѣхъ сторонъ косье снашивать; старичокъ сталъ складывать костычку къ костычкѣ, косье склалъ, дунулъ — стало тѣло, другожды дунулъ — зашевелился, троижды дунулъ — вскочилъ доброй молодецъ: «Ну, старичокъ! какъ я призаспался». — «Кабы да не я, ты бы все еще спалъ!» Очнулся царевичъ что нагой, и говоритъ старичку: «Одѣнь меня!» Старичокъ дунулъ— онъ и одѣлся. Приходитъ Иванъ-царевичъ въ Ефимьянское царство, нанялся въ царевѣ кружалѣ сороковки [2]) катать, рядилъ за работу себѣ два ведра въ сутки вина зеленаго, и живетъ такъ больно весело немало времени. Царь-дѣвица приходитъ подъ Ефимьянское царство на кораблѣ, состроила мосты калиновые — на три грани испротесанные,

---

[1]) Т.-е. сталъ лучше, чѣмъ былъ въ прежнее время, въ молодости.
[2]) Сороковыя бочки.

по три гвоздя заколоченные; на концахъ были гульбища, по гульбищамъ были пташицы, пѣли-выпѣвали всякими словесами, разными голосами; поверхъ моста краснымъ сукномъ устлано. И пишетъ она чарю Ефимьяну: «Подай виноватаго человѣка!» Чарь посылаетъ своего сына Павла: «Поди съ отвѣтомъ». Онъ разулся и пошелъ босикомъ — надо сукна не замарать; идетъ по́дъ гору. У чарь-дѣвицы было два сына — отъ Ивана-чаревича народилися; говорятъ они: «Вотъ тотъ царевичъ идетъ, что̀ живую воду взялъ!» — «Нѣтъ, не тотъ»! накормите его морскою кашею: не виноватъ— дакъ не ходи!» Взяли его, о корабль хлопонули; Павелъ царевичъ едва съ корабля ушелъ. Вторично пишетъ къ чарю Ефимьяну: «Подай виноватаго человѣка!» Чарь Ефимьянъ посылаетъ другаго сына Ѳедора: этотъ, пойдя, черевички съ ногъ снялъ: «Надоть,—говоритъ,—краснаго сукна не замарать!» Завидя его, чарь-дѣвица тотъ же приказъ отдала накормить морскою кашею: «Не виноватъ — дакъ не ходи»! Едва съ корабля живой ушелъ. И грозно въ-третьяжды пишетъ чарю Ефимьяну: «Чарь Ефимьянъ! подай виноватаго человѣка». Онъ не знаетъ кого послать, затужился, и велѣлъ ярыжкамъ искать вездѣ виноватаго; а Иванъ-чаревичъ, гуляя на кружалѣ, говоритъ: «Видно моя вина, нужна и моя голова! пойдемте со мною, всѣ пропоицы! еще васъ угощу и потѣшу. Во имя мое сукна рвите, пташицъ берите и мосты ломите!» Отъ того подъ горою гамъ сдѣлался; у чарь-дѣвицы дѣти устрашилися и сказали ей, что непріятель подступаетъ. А она въ отвѣтъ: «Какой непріятель! то идётъ вашъ тятька, у него такая ухватка!» Иванъ-чаревичъ пришелъ на корабль, съ чарь-дѣвицею обнялся, въ уста поцѣловался; она корабль отъ берегу отвалила и пошла въ дивье чарство, вышла за него тамъ замужъ, и стали они жить да быть, и теперь живутъ, хлѣбъ жуютъ.

(Сказки подъ буквами d и e записаны въ Архангельской г.).

f. Жилъ царь, у этого царя было три сына; говоритъ царь дѣтямъ своимъ: «Привидѣлось мнѣ во снѣ, что въ нѣкоторомъ царствѣ, за триста земель — въ трехсотенномъ государствѣ, есть Елена Прекрасная, и есть у ней живая и мертвая вода и моложавыя яблоки; не можете ли вы, дѣтки, достать?» Старшіе два сына и говорятъ: «Благослови насъ, батюшка! мы пойдемъ доставать». Онъ ихъ и благословилъ, и пошли они; а третій сынъ восьмилѣтній остался дома. Черезъ два года сталъ и послѣдній сынъ проситься, что «и я поѣду за своими братьями что-нибудь и я имъ помогу». И говоритъ отецъ: «Гдѣ же тебѣ съ молодыхъ лѣтъ итти на чужую сторону?» Потóмъ подумалъ царь и отпустилъ его, и сталъ ему сынъ говорить: «Батюшка! пожалуйте мнѣ лошадку». Царь говоритъ: «Ну, поди выбирай; у меня въ конюшнѣ пятьсотъ лошадей». Онъ пошелъ; которую лошадь ударитъ по крестцу, такъ и съ ногъ долой упадетъ; изъ пятисотъ лошадей не выбралъ ни одной по себѣ лошади, и сказываетъ своему отцу, что «я, батюшка, у тебя не

выбралъ ни одной лошади; теперь пойду въ чистое поле, въ зеленые луга — не выберу ль по себѣ лошади въ табунахъ?» Пошелъ въ чистое поле; долго-долго шелъ, на пустомъ мѣстѣ стоитъ изобка [1]), а въ изобкѣ сидитъ старая старуха. Спрашиваетъ ее Иванъ-царевичъ: «Что, бабушка, не знаешь ли ты гдѣ табуновъ, и нѣтъ ли въ табунахъ хорошихъ лошадей?» Отвѣтъ держитъ старуха: «На что же лучше — у твоего батюшки пятьсотъ лошадей!» Говоритъ Иванъ-царевичъ, что «у моего отца нѣту по мнѣ ни одной лошади». — «Коли такъ, поди же ты, Иванъ-царевичъ: вотъ здѣсь есть село, около села есть гора, на этой горѣ валяется богатырь замѣсто собаки; возьми ты, спросись у поповъ: можно ли похоронить этого богатыря? Есть у богатыря конь за двѣнадцатью дверьми желѣзными, за двѣнадцатью замками мѣдными, на двѣнадцати цѣпяхъ; одинъ мечъ у него четыре человѣка на носилкахъ носятъ». Попы взялись и похоронили этого богатыря; а Иванъ-царевичъ собралъ поминальный столъ и накупилъ всякаго припасу изъ харчеваго, винъ, водокъ, столовъ и стульевъ, ножей и ложекъ. И отобѣдалъ народъ православной; говоритъ Иванъ-царевичъ: «Бери, народъ православной, что̀ кому надобно!» Тотчасъ зачали тащить, что̀ кому надобно и разнесли по домамъ; остался одинъ Иванъ-царевичъ на горѣ и гласитъ ему мертвой богатырь: «Благодарю тебя, младъ Иванъ-царевичъ! что похоронилъ меня въ честности, и дарю тебѣ своего коня; стоитъ онъ въ казенномъ погребѣ за двѣнадцатью дверьми желѣзными, за двѣнадцатью замками мѣдными, на двѣнадцати цѣпяхъ; дарю тебѣ и мечъ и латы мои. Если сможешь, владѣй на здоровье!» Иванъ-царевичъ пошелъ въ казенной погребъ и началъ двери ломать; онъ кулакомъ дверь проломитъ, а лошадь цѣпь перерветъ. Такъ Иванъ-царевичъ всѣ двери переломалъ, а лошадь всѣ цѣпи перервала. И хотѣла эта лошадь на волю уйтить; но Иванъ-царевичъ ухватилъ ее за гриву и говоритъ: «Стой, конь-волчье мясо, сорокаалтынная кляча! кому жъ на васъ ѣздить, какъ не намъ, добрымъ мо̀лодцамъ?» Надѣлъ на коня узду, осѣдлалъ его; на себя наложилъ латы богатырскія, въ правую руку мечъ взялъ и началъ мечомъ помахивать, ровно какъ гусинымъ перомъ. Отправляется онъ въ путь-дорогу; ѣхалъ много ли, мало ли время, всѣ земли проѣхалъ, и попалъ въ трехсотенное государство, гдѣ только лѣсъ да вода. Въ лѣсу тропинка есть—только пѣшему пройти да верхомъ проѣхать; Иванъ-царевичъ пустился по той тропинкѣ и пріѣхалъ къ избушкѣ. Вошелъ въ эту избушку; тамъ живетъ красная дѣвушка. Говоритъ ему дѣвушка: «Куда тебя Богъ несетъ?» Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: «Къ твоей сестрѣ Еленѣ Прекрасной—достать живой и мертвой воды и моложавыхъ яблоковъ да ея портретъ».—«Садись же ты, доброй мо̀лодецъ, на моего летучаго сокола, а своего коня у меня оставь». Сѣлъ онъ на сокола и полетѣлъ. Летѣлъ-летѣлъ, стоитъ еще избушка, вошелъ—въ из-

[1]) Изба.

бушкѣ сидитъ красная дѣвушка. Спрашиваетъ Иванъ-царевичъ: «Какъ бы мнѣ проѣхать къ твоей сестрѣ Еленѣ Прекрасной?» Говоритъ дѣвушка: «Садись на моего сокола, а своего у меня оставь, и прилетишь ты къ ея дому; тамъ стоятъ двѣнадцать церквей, и отъ всякой церкви все шнуры натянуты. Постарайся ты, какъ можно, чтобы живо пролетѣть, за шнуры не зацѣпить». Иванъ-царевичъ прилетѣлъ къ дому Елены Прекрасной; вошелъ въ одну горницу, потомъ въ другую; въ обѣихъ дѣвушки почиваютъ — одна другой краше. Ступилъ въ третью горницу, а тамъ почиваетъ сама Елена Прекрасная, и стоитъ у ней на столѣ живая и мертвая вода и портретъ ея тутъ же; и изъ этой горницы ходъ въ садъ, гдѣ моложавыя яблоки. Иванъ-царевичъ взялъ живую и мертвую воду и портретъ Елены Прекрасной, самоё ее облюбилъ; потомъ вскочилъ въ садъ, сорвалъ пять яблоковъ, завязалъ въ платокъ и вышелъ изъ дому; сѣлъ на сокола и полетѣлъ, да какъ сталъ перелетать черезъ шнуры, и говоритъ самъ себѣ: «Что я за воинъ храброй! дай зацѣплю за шнуры». Зацѣпилъ за шнуры, и во всѣхъ церквахъ колокола зазвонили, и проснулась Елена Прекрасная и говоритъ: «Что такой за невѣжа былъ, квашню раскрылъ и двѣ полушки на смѣхъ положилъ!» Сейчасъ крикнула: «Подавайте моего добраго коня, я его на дорогѣ догоню». А Иванъ-царевичъ прилетѣлъ въ избушку къ Елениной сестрѣ, перемѣнилъ одного сокола на другого и опять впередъ полетѣлъ. Вслѣдъ за нимъ и Елена Прекрасная къ своей сестрѣ пріѣхала, и говоритъ ей: «Для чего вы приставлены? Ничего не видите! Какой-то невѣжа былъ, мою квашню раскрылъ, на покрышкѣ двѣ полушки положилъ». Отвѣчаетъ сестра: «Я сама въ дорогѣ была, своего сокола запарила и здѣсь никого не видала». Елена Прекрасная опять поѣхала догонять Ивана-царевича; а Иванъ-царевичъ пріѣхалъ въ другую изобку и перемѣнилъ сокола на богатырскаго коня. Пріѣзжаетъ Елена Прекрасная къ другой сестрѣ и говоритъ: «Что вы смотрите, для чего вы здѣсь приставлены? У меня какой-то невѣжа былъ, квашню раскрылъ, не покрылъ, на смѣхъ двѣ полушки положилъ». Отвѣчаетъ сестра: «Изволь посмотрѣть моего сокола, весь въ поту. Я сама изъ дороги сейчасъ пріѣхала». Иванъ-царевичъ пріѣхалъ въ третью изобку, и дала ему старуха платочекъ: «Если за тобой будутъ гнаться, то брось этотъ платочекъ». Пріѣзжаетъ къ старухѣ Елена Прекрасная и говоритъ: «Что вы смотрите, для чего вы приставлены? У меня какой-то невѣжа былъ, квашню раскрылъ, не покрылъ, на смѣхъ двѣ полушки положилъ». Отвѣчаетъ старуха: «Я сама сейчасъ изъ дороги пріѣхала». Елена Прекрасная опять погналась въ погонь за Иваномъ-царевичемъ, и какъ стала догонять его, Иванъ-царевичъ бросилъ платочекъ — и сдѣлалось ужасное море, что нельзя ни пройти ни проѣхать. Подъѣхала Елена Прекрасная къ берегу и закричала черезъ море: «Кто такой въ моемъ царствѣ былъ, царь-царевичъ или король-королевичъ?» Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: «Я ни царь ни король, а малолѣтной

царскій сынъ».—«Дожидайся жъ меня!—сказала Елена Прекрасная:—черезъ двѣнадцать лѣтъ я къ тебѣ буду на двѣнадцати корабляхъ». Иванъ-царевичъ повернулъ прочь отъ моря и попалъ другою дорогою — не тамъ, гдѣ прежде ѣхалъ, и прискакалъ къ большому дому; въѣхалъ на дворъ, на дворѣ стоитъ столбъ точеной, у столба прибито кольцо золоченое, привязалъ своего коня къ золоченому кольцу, далъ ему бѣлоярой пшеницы, и пошелъ въ горницу. Сидитъ въ горницѣ красная дѣвица и говоритъ ему: «Неладно, православный, ты сюда попалъ; здѣсь живетъ вѣдьма, летаетъ она по дорогамъ на соколѣ и ловитъ крещеной народъ къ себѣ на мытарства. Я сама заполонена здѣсь двѣнадцатый годъ: если ты возьмешь меня съ собою, то я тебя добру научу: какъ прилетитъ вѣдьма да станетъ класть тебя на кровать, то смотри — къ стѣнкѣ не ложись!» Вотъ прилетѣла вѣдьма и стала его къ стѣнкѣ класть; а онъ къ стѣнкѣ не ложится: «Мнѣ,—говоритъ,—надо выходить къ лошади». Вѣдьма сама легла къ стѣнкѣ, а Иванъ-царевичъ съ краю, да тотчасъ отвинтилъ всѣ три винта — вѣдьма и попала въ погребъ. Взялъ онъ съ собой красну дѣвицу и поѣхалъ; много ли, мало ли мѣста отъѣхалъ — видитъ: на дорогѣ яма, и лежатъ около этой ямы два человѣка. Спрашиваетъ Иванъ-царевичъ: «Что вы за люди и чего дожидаетесь?» — «Ахъ, Иванъ-царевичъ! вѣдь мы твои братья». — «Что жъ вы, братцы, высматривали?» — «Да вотъ здѣсь прекрасная дѣвушка посажена». Сказалъ имъ Иванъ-царевичъ: «Возьмите-ка, братцы, у меня да подержите живую и мертвую воду и моложавыя яблоки, а меня опустите въ эту яму; я вамъ достану оттудова прекрасную дѣвушку. Какъ скоро вы дѣвушку вытащите, опущайте за мной веревку». Тотчасъ опустился Иванъ-царевичъ въ яму, добылъ тамъ прекрасную дѣвушку и прявязалъ ее за веревку. Большіе братья царевичи начали тащить, вытащили дѣвушку и говорятъ: «Не станемъ къ нему опущать веревку; теперь у насъ все есть: живая и мертвая вода, моложавыя яблоки и портретъ Елены Прекрасной и по невѣстѣ на каждаго». Задумали они взять и коня Ивана-царевича; стали его ловить, а конь имъ не дается; такъ и не поймали! Вотъ старшіе братья пошли къ своему отцу домой; а Иванъ-царевичъ въ той ямѣ такъ слезьми и обливается. Ходилъ онъ тамъ много ли, мало ли времени и пришелъ на нижній свѣтъ. Усмотрѣлъ избушку, въ той избушкѣ сидитъ старая старуха, и говоритъ Иванъ-царевичъ: «Нельзя ли какънибудь, бабушка, доставить меня на верхній свѣтъ?» Отвѣчаетъ ему старуха: «Нѣтъ, батюшка Иванъ-царевичъ, нельзя никакъ! Развѣ вотъ какъ: у нашего царя есть три дочери, и берутъ его дочерей змѣямъ на съѣденіе; коли ты царю поможешь, онъ тебя тожъ не оставитъ. Поѣзжай съ Богомъ; я тебѣ дамъ свою лошадь и латы и мечъ». Иванъ-царевичъ осѣдлалъ быстраго коня, надѣлъ на себя чугунныя латы, взялъ въ руки мечъ и поѣхалъ къ тому мѣсту, куда змѣй прилетаетъ. Пріѣхалъ, а тамъ ужъ давно сидитъ царевна на камушкѣ и лютаго змѣя дожи-

дается. Спрашиваетъ ее Иванъ-царевичъ: «Что ты, царевна, здѣсь дожидаешься?» Говоритъ она печально: «Уйди, доброй молодецъ! привезли меня сюда змѣю на съѣденіе». — «А ну, поищи у меня въ головѣ; а какъ только въ морѣ волны заколыхаются, сейчасъ меня разбуди». Легъ къ ней на колѣни и заснулъ. Волны въ морѣ заколыхались, красная дѣвица начала будить Ивана-царевича, и никакъ не можетъ его разбудить. Съ великаго горя капнула у ней слеза изъ глазъ и попала царевичу на щеку; онъ проснулся и говоритъ: «Ахъ, какъ ты меня своей слезой обожгла!» Прилетѣлъ змѣй осьмиглавой поѣдать царскую дочь и говоритъ Ивану-царевичу: «Ты зачѣмъ здѣсь, блоха рубашная?» А Иванъ-царевичъ говоритъ змѣю: «А ты зачѣмъ, гнида головная, крещеной народъ поѣдаешь, а сытъ не бываешь!» — «Я и тебя съѣмъ!» — «Нѣтъ, попробуй прежде съ сильными, могучими плечми побарахтаться». Говоритъ змѣй: «Дѣлай мостъ по̀ морю и пойдемъ съ тобой воевать». — «Экой! вѣдь я крещеной человѣкъ, а ты некрещеной; дѣлай ты мостъ». Змѣй дунулъ, и сдѣлался по̀ морю ледяной мостъ. Поѣхали они воевать. Змѣй разъѣхался и ударилъ Ивана-царевича — только шапку ему съ головы свалилъ; а Иванъ-царевичъ разъѣхался на своемъ богатырскомъ конѣ и ударилъ змѣя — сразу его убилъ. Сейчасъ соскочилъ съ своего коня и положилъ этого змѣя подъ камень; подъѣхалъ къ красной дѣвицѣ прощаться, и дала ему царская дочь на память свое кольцо золотое. Въ то самое время былъ отъ царя посланъ Макарка плѣшивой, косорукой — убрать дочернія косточки, когда змѣй улетитъ. Макарка видѣлъ, какъ Иванъ-царевичъ змѣя убилъ; прибѣжалъ къ царевнѣ и говоритъ: «Скажи своему отцу, что я тебя отъ смерти спасъ; а не то сейчасъ тебя убью!» Она испугалась и сказала: «Хорошо, будь по-твоему!» Пріѣхали во дворецъ; говоритъ царю Макарка: «Я твою дочь спасъ, змѣя убилъ и подъ камень положилъ». Спустя нѣсколько времени присылаетъ другой змѣй къ царю приказъ, чтобы привозилъ свою дочь къ нему на съѣденіе. Макарка говоритъ царю: «Дай мнѣ саблю хорошую, я опять змѣя убью!» И повёзъ онъ другую царскую дочь змѣю на съѣденіе; привёзъ и посадилъ ее на камень, а самъ взлѣзъ на самую высокую сосну. Сидитъ она на камнѣ да слезами обливается; пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ, слѣзъ съ коня, сѣлъ около дѣвушки и говоритъ: «Поищи у меня въ головѣ, а какъ только въ морѣ волны заколыхаются, сейчасъ меня разбуди!» Вотъ заколыхались въ морѣ волны, стала она будить его и не могла добудиться, покуда не капнула ему на щеку горячая слеза. Онъ проснулся и говоритъ: «Какъ ты меня долго не будила!» Прилетѣлъ змѣй десятиглавой и говоритъ Ивану-царевичу: «Что ты, блоха рубашная, поворачиваешься?» А Иванъ царевичъ говоритъ змѣю: «А ты что, гнида головная, сюда пріѣзжаешь да народъ крещеной поѣдаешь?» — «Я и тебя съѣмъ!» — «Нѣтъ, попробуй сперва повоевать со мной!» — «Ну, дѣлай мостъ по̀ морю». — «Я человѣкъ крещеной, а ты некрещеной; дѣлай ты!» — Змѣй только ду-

нулъ, и сдѣлался ледяной мостъ. Вотъ они поѣхали воевать. Змѣй разъѣхался и ударилъ Ивана-царевича — онъ только пошатнулся, сидя на лошади; а Иванъ-царевичъ какъ ударилъ змѣя своимъ мечомъ, такъ и снёсъ ему пять головъ долой; потомъ еще ударилъ — и убилъ змѣя до смерти. Дала ему царевна золотое кольцо; онъ взялъ и уѣхалъ домой къ старушкѣ. Тутъ Макарка плѣшивой, косорукой слѣзъ съ сосны, взялъ свою саблю, объ камень билъ-билъ, до самой ручки изломалъ; пришелъ къ царевнѣ и говоритъ: «Смотри, ты скажи своему отцу, что я тебя отъ смерти спасъ, а не то—убью тебя!» Пріѣхали они во дворецъ, и говоритъ Макарка царю: «Я твою дочку отъ смерти спасъ; вотъ какъ я постарался, всю саблю изломалъ!» Царь обѣщался отдать за него свою младшую дочь замужъ. Потомъ пишетъ двѣнадцатиглавой змѣй, требуетъ царскую дочь на съѣденіе. Макарка повёзъ третью царевну змѣю на съѣденіе, посадилъ ее на камень, а самъ со страстей взлѣзъ выше прежняго на дерево. Царевна сидитъ да горько плачетъ; пріѣзжаетъ къ ней Иванъ-царевичъ и говоритъ: «Поищи у меня въ головѣ, а какъ въ морѣ волны заколыхаются, сейчасъ меня разбуди!» Вотъ волны заколыхалися, стала она будить его; онъ вскочилъ и сѣлъ на своего добраго коня. Прилетѣлъ змѣй о двѣнадцати головъ и говоритъ: «Ты что здѣсь, блоха рубашная, толкаешься?» — «А ты что, гнида головная, сюда прилетаешь, только народъ поѣдаешь?» — «Я и тебя съѣмъ!» — «Нѣтъ, давай-ка могучими богатырскими плечми побарахтаемся». Говоритъ змѣй: «Ты думаешь: моихъ братьевъ убилъ, такъ и меня убьешь. Нѣтъ, братъ, не таковской я!» Вышли они на поле и зачали воевать. Иванъ-царевичъ какъ разъѣхался на своемъ конѣ, такъ змѣю и снёсъ шесть головъ; змѣй и проситъ: «Дай мнѣ отдохнуть!» А лошадь Ивана-царевича говоритъ: «Не давай ни одной минуты отдыхать!» Онъ еще мечомъ ударилъ и убилъ змѣя до смерти. Царевна подарила ему свое золотое кольцо; Иванъ-царевичъ взялъ змѣя, положилъ подъ камень, а самъ къ старухѣ поѣхалъ. Макарка мигомъ слѣзъ съ дерева, взялъ царевну и повелъ къ царю. Царь такъ возрадовался, что и сказать нельзя; благодаритъ Макарку, созываетъ къ себѣ весь народъ православной и съ музыкою и говоритъ: «Кто будетъ играть, тому на радостяхъ много пожалую». Собрался весь народъ и всѣ музыканты; а Иванъ-царевичъ купилъ себѣ трехъалтынную балалайку, пришелъ къ царю въ домъ и такъ заигралъ, что весь міръ-народъ удивился; его балалайка бренчитъ-выговариваетъ: «Дѣвушка, дѣвушка! не забудь же меня на чужой сторонѣ». Стали ему царскія дочери водку подносить; онъ выпилъ у одной царевны и бросилъ въ стаканъ золотое кольцо — то самое, что она подарила; выпилъ у другой — то же сдѣлалъ; выпилъ у третьей, сталъ кольцо вынимать... Тутъ царевны его признали, въ одинъ голосъ закричали: «Вотъ кто насъ избавилъ, а не Макарка плѣшивой!» Макарка заспорилъ, говоритъ, что

«это я всѣхъ змѣевъ убилъ; пойдемте, я вамъ покажу, куда змѣиныя тѣла поклалъ». Пошли смотрѣть; Макарка хотѣлъ камень поднять, силился-силился и не могъ поднять. «Ахъ,—говоритъ,—какъ камень - то сѣлъ!» А Иванъ - царевичъ подошелъ, сейчасъ камень поднялъ и тѣла и головы змѣиныя показалъ. Царь приказалъ Макарку изъ пушекъ разстрѣлять. Тогда Иванъ - царевичъ сталъ царя просить, чтобы доставилъ его на верхній свѣтъ; царь приказалъ позвать птицу - сокола и велѣлъ соколу Ивана - царевича на тотъ свѣтъ доставить. Соколъ говоритъ царю: «Давай мнѣ четыре дощана [1]) говядины, чтобы во всякомъ дощанѣ было сто пудовъ». Царь заготовилъ говядины; соколъ привязалъ къ себѣ четыре дощана говядины, посадилъ на себя Ивана - царевича и полетѣлъ; летѣлъ - летѣлъ, и зачалъ просить ѣсть. Иванъ царевичъ и началъ ему кидать, всю говядину раскидалъ, а онъ опять проситъ; царевичъ зачалъ ему кидать пустые дощаны, покидалъ и тѣ — онъ все проситъ; началъ кидать свое платье, и то раскидалъ, нечего стало бросать больше, а соколъ все-таки проситъ: «Не то,—говоритъ,—на-низъ опущусь!» Иванъ - царевичъ оторвалъ свои икры и бросилъ ему; соколъ съѣлъ и вылетѣлъ съ царевичемъ на верхній свѣтъ; тутъ соколъ кашлянулъ и выкинулъ его икры и платье. Вотъ Иванъ - царевичъ пришелъ къ своему отцу, поздоровался; отецъ и говоритъ: «Что, сынокъ? я тебѣ говорилъ: не ходи! а вотъ старшіе твои братья принесли мнѣ всего: и живой воды и мертвой, и моложавыхъ яблоковъ, и портретъ Елены Прекрасной». Иванъ - царевичъ отвѣчалъ своему отцу: «Что же дѣлать? ихъ счастье!» Прошло двѣнадцать лѣтъ; пріѣзжаетъ Елена Прекрасная по морю на двѣнадцати корабляхъ и два сына съ собой привезла. Какъ только приплыла она, зачала въ пушки палить, и говоритъ: «Подайте мнѣ виноватаго!» Дунула Елена Прекрасная, и сдѣлался отъ ея кораблей и до царскаго дворца хрустальный мостъ. Говоритъ царь своимъ большимъ сыновьямъ: «Ступайте, дѣти! должно - быть, вы виноваты». Вотъ они и пошли по хрустальному мосту; посмотрѣла Елена Прекрасная въ подзорную трубку и говоритъ своимъ дѣтямъ: «Подите, дѣтушки, проводите вы своихъ дядюшекъ въ два прутика желѣзные». Они пошли; какъ зачали ихъ прутьями пороть, только дай Богъ ноги унести! Насилу царевичи до своего дворца дошли. Елена Прекрасная опять зачала изъ пушекъ бить: «Подавайте,—говоритъ,—виноватаго!» Вотъ царь сталъ посылать меньшаго сына: «Должно - быть, это ты, Иванъ-царевичъ, начудилъ!» Иванъ - царевичъ пошелъ по хрустальному мосту; смотритъ Елена Прекрасная въ подзорную трубку и говоритъ: «Подите, дѣтушки, возьмите своего батюшку подъ ручки и ведите сюда съ честью». Послѣ того вышла Елена Прекрасная за Ивана - царевича замужъ, и разсказалъ Иванъ - царевичъ своему отцу: какъ братья опустили его въ яму и какъ взяли у него живую и мертвую воду, мо-

[1]) Большія кадки.

ложавыя яблоки и портретъ Елены Прекрасной. Царь приказалъ ихъ сейчасъ изъ пушекъ убить; вывели ихъ рабовъ Божіихъ въ чистое поле и казнили. А Иванъ-царевичъ сталъ жить съ Еленою Прекрасною.

(Записана въ Зубцовскомъ уѣздѣ, Тверской губ.)

g. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь; у него было три сына: Дмитрій, Иванъ и Василій-царевичи. Отецъ у нихъ ослѣпъ и говорилъ своимъ сыновьямъ: «Дѣти мои возлюбленные! сходите къ Сонькѣ-боготворкѣ [1]) за живой водой и мертвою — мнѣ глаза лѣчить». Старшій и середній сыновья пошли доставать живой и мертвой воды, а младшій сынъ дома остался. Отецъ долго ждалъ своихъ старшихъ сыновей, но никакъ не могъ дождаться, и сталъ говорить младшему: «Сынъ мой любезной! я теперь сталъ старъ и слѣпъ, а твоихъ братьевъ никакъ не могу дождаться». То младшій сынъ Василій-царевичъ сталъ говорить отцу: «Батюшка! благослови меня, я пойду братьевъ искать». Отвѣчалъ на то царь: «Нѣтъ, другъ мой, ты еще молодъ; да притомъ же съ кѣмъ я останусь? Всѣхъ я распустилъ, только ты одинъ у меня остался». — «Ну, батюшка! хоть благословишь, хоть нѣтъ, а я всячески пойду». Отецъ благословилъ его, и онъ отправился во путь-дороженьку отыскивать своихъ братьевъ. Долго ли, коротко ли, приходитъ Василій-царевичъ къ кузницѣ; въ той кузницѣ восемь мастеровъ работаютъ — молодецъ къ молодцу! Василій-царевичъ говоритъ имъ: «Богъ пòмочь, добрые ребята!» — «Добро жаловать, Василій-царевичъ!» — «Скуйте-ка мнѣ, добрые мòлодцы, палицу въ двадцать пудовъ». Мòлодцы стали дуть, ковать, съ лопаты на лопату переваливать, и сковали палицу въ четыре часа. Василій-царевичъ взялъ палицу, вышелъ за кузницу, бросилъ вверхъ и подставилъ мизинецъ — палица пополамъ сломилася; пришелъ въ кузницу и говоритъ: «Нѣтъ, братцы, эта палица мнѣ не по рукѣ! скуйте мнѣ палицу въ сорокъ пудовъ». Мòлодцы стали дуть, ковать, съ лопаты на лопату переваливать, и сковали палицу въ шесть часовъ. Василій-царевичъ вышелъ за кузницу, бросилъ палицу вверхъ и подставилъ колѣно — палица пополамъ переломилася. Онъ приходитъ въ кузницу и опять говоритъ: «Эта палица, братцы, мнѣ не по рукѣ! скуйте мнѣ палицу въ шестьдесятъ пудовъ». Мòлодцы стали дуть, ковать, съ лопаты на лопату переваливать, и сковали палицу въ восемь часовъ. Василій-царевичъ вышелъ за кузницу, бросилъ палицу вверхъ и подставилъ голову — палица только погнулась; пришелъ въ кузницу и говоритъ: «Ну, братцы, палица эта мнѣ по рукѣ!» Выбросилъ деньги за палицу

---

[1]) Игра словъ: имя Сонька, уменьшительное отъ Софья, дано въ сказкѣ красной дѣвицѣ съ умысломъ, потому что она проспала и живую воду и свою дѣвичью честь. Боготворка, кажется, испорченное слово: богатырка.

и пошелъ во путь-дороженьку; шелъ-шелъ, низко ли, высоко ли, близко ли, далеко ли, приходитъ къ мостику. Ходитъ тутъ по́ лугу конь; взялъ Василій-царевичъ разсолилъ воду въ рѣкѣ, сталъ конь пить и до половины не выпилъ. «Нѣтъ,—говоритъ царевичъ,—этотъ конь не по мнѣ!» Пошелъ Василій-царевичъ близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, приходитъ опять къ мостику. Ходитъ по́ лугу другой конь; Василій-царевичъ разсолилъ въ рѣкѣ воду, конь сталъ пить и выпилъ до половины. «Нѣтъ,—говоритъ,—и этотъ конь мнѣ не по плечу!» Пошелъ Василій-царевичъ въ путь-дорожку, шелъ низко ли, высоко ли, близко ли, далеко ли, и опять приходитъ къ мостику. Ходитъ по́ лугу конь необыкновенной красоты, что̀ ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать. Василій-царевичъ взялъ разсолилъ воду въ рѣкѣ, и конь выпилъ всю до̀суха. Ну, этотъ конь ему очень понравился; подбѣжалъ Василій-царевичъ и вскочилъ на него верхомъ. Конь началъ возить его по мхамъ, по болотамъ, хочетъ совсѣмъ свалить; а Василій-царевичъ знай бьетъ его свое палицей. Вотъ конь усмирился и вымолвилъ: «За что, доброй мо̀лодецъ, бьешь меня? чего тебѣ отъ меня хочется?» — «Сослужи мнѣ службу, свези меня къ Сонькѣ-боготворкѣ — достать живой и мертвой воды». Сталъ говорить доброй конь: «Гой еси Василій-царевичъ! дай мнѣ погулять трое сутокъ да три зари вечернихъ, три зари утреннихъ покататься по свѣжей травѣ». Василій-царевичъ отпустилъ коня, а самъ спать лѣгъ, и проспалъ три зари утреннихъ да три зари вечернихъ. Прибѣжалъ конь, сталъ будить его: «Что ты такъ долго спишь, Василій-царевичъ? пора въ дорогу ѣхать». Онъ всталъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ; пріѣзжаетъ къ Сонькѣ-боготворкѣ — надо подняться на сто сажень вверхъ. «Смотри, любезный конь, не зацѣпи копытомъ ни за одну струну!» Конь поднялся, перескочилъ черезъ стѣны, ни одной струны не задѣлъ. Василій-царевичъ слѣзъ съ коня и пошелъ въ домъ; входитъ въ спальную; Сонька-боготворка спитъ крѣпкимъ сномъ. Онъ взялъ-вынулъ изъ-подъ подушки ключи, досталъ воды и живой и мертвой: два пузырька мертвой воды положилъ въ карманъ, а два пузырька живой воды подвязалъ себѣ подъ мышки. Вышелъ на дворъ, сѣлъ на коня и сказалъ: «Любезный конь! поднимись выше, ни за одну струну не зацѣпи, только зацѣпи за послѣднюю». Конь зацѣпилъ за послѣднюю струну — тотчасъ струна забренчала, и колокола зазвенѣли. Сонька-боготворка проснулась и говоритъ: «Какой это невѣжа у меня былъ?» Василій-царевичъ пріѣхалъ къ морю; видитъ, что его братья корабли строютъ, и спрашиваетъ: «Что вы, братцы, здѣсь дѣлаете?» — «Строимъ корабли, чтобы ѣхать за живой водой и мертвою». — «Воротитесь лучше домой! я везу отцу и живой воды и мертвой». Сказалъ это Василій-царевичъ, лѣгъ отдохнуть, да и заснулъ; братья взяли у него изъ кармана два пузырька, а его спихнули въ помойную яму. Прошло два-три часа, Василій-царевичъ проснулся и думаетъ: «Господи! гдѣ я нахожусь?» Увидѣлъ при себѣ свою

палицу и сказалъ: «Ну, слава Богу, еще не совсѣмъ пропалъ!» Взялъ-поставилъ палицу, уперся на неё и выскочилъ вонъ изъ ямы. Пошелъ доброй мо̀лодецъ путемъ-дорогою къ своему царству; между тѣмъ его братья домой пріѣхали и принялись отца мертвой водой вспрыскивать; сколько ни прыскали — нѣтъ толку и на копейку! Старшіе царевичи не знали что̀ и дѣлать. Послѣ того пришелъ меньшой царевичъ, вспрыснулъ отца живой водой — и онъ сталъ видѣть лучше прежняго, началъ благодарить Василія-царевича, и отказалъ ему все свое царство.

(Записана въ Новгородской губ.).

h. На водахъ, на земляхъ, на русскихъ городахъ былъ царь; у него было три сына, послѣдній сынъ Иванъ-царевичъ. При томъ царствѣ была гора, на которую никто не могъ ни сходить ни съѣздить. Слышитъ царь: на горѣ стукъ стучитъ и громъ гремитъ, а отчего? неизвѣстно, и посылаетъ своего перваго сына узнать, отчего на горѣ стукъ стучитъ и громъ гремитъ? Взъѣхалъ первой сынъ только до треть горы и воротился назадъ; пріѣхалъ къ отцу и говоритъ: «Государь мой батюшка! ѣздилъ я по твоему наказу, насилу могъ подняться до треть горы». Спустя нѣсколько времени отправлялъ царь средняго сына, которой доѣхалъ до половины горы, а болѣе не смогъ и воротился назадъ. Потомъ посылаетъ царь меньшаго сына Ивана-царевича. Иванъ-царевичъ выбралъ себѣ на царскихъ конюшняхъ добраго коня, простился съ отцомъ, и въ минуту изъ глазъ скрылся; взъѣхалъ на̀ гору, словно соколъ взлетѣлъ, и увидѣлъ тамъ — дворъ стоѝтъ. Слѣзаетъ Иванъ-царевичъ съ своего добраго коня и входитъ въ избу; сидитъ въ избѣ на стулѣ старая баба-яга и прядетъ тонкой шелкъ. «Здравствуй, старая баба-яга!» говоритъ Иванъ-царевичъ. «Здравствуй, доброй мо́лодецъ! доселева русской кости видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а тепереча сама на дворъ пришла». И стала его спрашивать: какихъ ты родовъ, какихъ городовъ и какого отца сынъ? Отвѣчаетъ ей Иванъ-царевичъ: «Я русскаго царя сынъ Иванъ-царевичъ; ѣду на ваши горы узнать, что за стукъ стучитъ и громъ гремитъ?» Сказала ему баба-яга: «То у насъ на горахъ стукъ стучитъ и громъ гремитъ, что красная краса-черная коса царь-дѣвица катается». — «Далеко ли до той царь-дѣвицы?» спросилъ Иванъ-царевичъ. «Еще два столька, сколько ты проѣхалъ!» сказала баба-яга, напоила его-накормила и спать повалила; а поутру Иванъ-царевичъ вставалъ ранёхонько, простился съ старой ягой-бабой и поѣхалъ впередъ. Ѣхалъ онъ ровно четыре мѣсяца, видитъ — дворъ стоитъ; сошелъ съ своего коня, вошелъ въ избу, а въ избѣ сидитъ старая баба-яга. «Здравствуй, баба-яга!» сказалъ Иванъ-царевичъ. «Здорово, дитятко! далеко ли твой путь? какъ тебя Богъ занёсъ?» Онъ ей все разсказалъ; баба-яга его напоила-накормила и спать повалила, а поутру Иванъ-царевичъ встаетъ ранёхонько, простился съ бабой-ягой и поѣхалъ впередъ. Опять ѣхалъ ровно четыре мѣсяца,

и видитъ — стоитъ дворъ; слѣзаетъ съ своего добраго коня, входитъ въ избу, а въ избѣ сидитъ баба-яга. «Здравствуй, старая баба-яга!» сказалъ Иванъ-царевичъ. «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! Куда тебя Богъ понёсъ?» Онъ ей все разсказалъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ. «Были къ нашей царь-дѣвицѣ многіе цари и царевичи,—сказала баба-яга,—а назадъ въ живыхъ не выѣзжали! У нея кругъ града стѣны высокія, а на стѣнахъ натянуты струны, и ежели ты задѣнешь хоть за одну струну, то вдругъ струны запоютъ, барабаны забьютъ, возмутятся всѣ богатыри и караульные и тебя убьютъ». Выждавши темной ночи, садился Иванъ-царевичъ на своего коня, и скакалъ его доброй конь за стѣны высокія, не задѣвалъ ни за одну струну. Сошелъ Иванъ-царевичъ съ коня, а богатыри и караульные въ то время всѣ спали, и пошелъ прямо въ палаты царскія — въ спальню царь-дѣвицы; царь-дѣвица тожъ спала. Засмотрѣлся доброй мо́лодецъ на ея красоту неописанную, и забывая, что смерть за плечами, сладко поцѣловалъ ее. Вышелъ изъ спальни вонъ, сѣлъ на своего добраго коня и поѣхалъ изъ града вонъ; конь поднялся и задѣлъ за натянутыя струны. Тотчасъ струны запѣли, барабаны загремѣли, богатыри, караульные и вся армія возмутилися, а красная краса-черная коса царь-дѣвица пробудилась и узнала, что кто-то у ней въ спальнѣ былъ, и что отъ того она сдѣлалась беременною. Приказываетъ она заложить карету, беретъ провіанта на цѣлой годъ, и поѣхала вслѣдъ за Иваномъ-царевичемъ. Доѣхала до старой яги-бабы и весьма сердито ей говорила: «Зачѣмъ ты эдакаго человѣка не хватала? Заѣхалъ онъ въ мое царство, осмѣлился ко мнѣ въ спальню зайти да меня цѣловать». Отвѣчаетъ ей баба-яга: «Я этого человѣка сдержать не могла, да и тебѣ едва ль его схватать!» Царь-дѣвица поѣхала дальше достигать и доѣхала до средней яги-бабы: «Для чего ты эдакаго человѣка не держала?» Отвѣчала ей старая баба-яга: «Гдѣ мнѣ, старой бабѣ, добраго мо̀лодца удержать? Да и ты едва ли можешь его догнать!» Опять пустилась въ дорогу царь-дѣвица; не доѣхала немного до старшей бабы-яги и родила сына. Росъ ея сынъ не по годамъ, а по часамъ: у кого трехъ мѣсяцевъ, у нея такой трехъ часовъ; у кого трехъ годовъ, у нея такой трехъ мѣсяцевъ. Пріѣхала до послѣдней яги-бабы и спрашивали: «Почто ты добраго мо̀лодца не хватала?»—«Гдѣ мнѣ, старой бабѣ, добраго мо̀лодца схватить?» Не маня [1]) нисколько, бросилась царь-дѣвица впередъ, доѣхала до горы и увидѣла, что Иванъ-царевичъ спускается въ половинѣ горы, и сама опустилась за нимъ по̀дъ гору. Подъѣзжаетъ подъ его царство — разставляла шатры бѣлые, устилала всю дорогу къ городу сукнами красными, и посылала къ царю посланника съ просьбою: «Кто бы ни былъ изъ его царства, кто въ ночное время зашелъ къ ней въ палаты, чтобы таковаго царь ей выдалъ. Ежели не выдашь, то все твое царство по-

[1]) Не медля.

плѣню, огнемъ сожгу, головнёй покачу». Призываетъ царь своего старшаго сына, посылаетъ его на отвѣтъ къ царь-дѣвицѣ. Пошелъ царевичъ и доходитъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ постланы были сукна красныя, вымываетъ ноги бѣлёхонько и идетъ босикомъ. Увидалъ его сынъ царь-дѣвицы, и говоритъ своей матери: «Вонъ идетъ мой батюшка!» — «Нѣтъ, любезный сынъ! то идетъ твой дядюшка». Какъ скоро старшій царевичъ пришелъ къ царь-дѣвицѣ, она дала ему одну стежь [1]) и вышибла изъ спины два сустава: зачѣмъ де идетъ невинно отвѣчать? На другой день опять потребовала отъ царя виноватаго: царь посылаетъ средняго сына. Царевичъ доходитъ до суконъ красныхъ, скидаетъ съ ногъ сапоги и идетъ босикомъ. Царь-дѣвица дала ему стежь и вышибла изъ спины два сустава. На третій день посылаетъ царь меньшаго своего сына Ивана царевича. Иванъ-царевичъ садится на своего добраго коня, доѣзжаетъ до тѣхъ суконъ красныхъ, и всѣ сукна въ грязь вбиваетъ. Увидалъ его сынъ царь-дѣвицы, и говоритъ своей матери: «Что за дуракъ ѣдетъ!»— «Любезный сынъ! ѣдетъ-то твой батюшка», отвѣчала царь-дѣвица; выходила сама навстрѣчу, брала его за руки бѣлыя, цѣловала его въ уста сахарныя и вела его въ шатры бѣлые, садила за столы дубовые, кормила и поила досыта. Потомъ поѣхали они къ царю и приняли законный бракъ и, побывъ недолгое время въ этомъ царствѣ, отправились на корабляхъ во владѣнье царь-дѣвицы; тамъ они царствовали долго и благополучно.

(Записана въ Архангельской губ.).

Примѣчаніе. Сказка — весьма обильная варіантами (см. у Худяк., II, № 41; въ сборникѣ Эрленвейна, № 28; въ «Дѣдушкиныхъ прогулкахъ» сказку о Любимѣ-царевичѣ); она извѣстна у сербовъ (Матеріалы для изуч. народн. словесности, стр. 27 — 29), хорутанъ (Валявецъ, стр. 148 — 150), моравовъ (сбор. Кульды, II, № 33), литовцевъ (Шлейхеръ, стр. 26 — 34) и нѣмцевъ (Грим., II, № 97; Вольфъ, стр. 54 — 64 и 322 — 5). Живая вода и золотыя молодильныя яблоки выражаютъ одну и ту же идею: они одинаково обновляютъ дряхлаго старика и дѣлаютъ его цвѣтущимъ юношею; больному даютъ крѣпость и здравіе, слѣпому— зрѣніе, мертвому — жизнь, безобразіе превращаютъ въ красоту, безсиліе въ богатырскую мощь (см. №№ 50, 102 и 113 и Поэт. Воз., I, стр. 364 — 7, II, 308 — 17); онѣ хранятся въ странѣ далекой — въ чудесномъ саду — и оберегаются злою вѣдьмою, драконами и великанами. По одному варіанту русской сказки, вокругъ этого сада лежитъ громадный змѣй, сомкнувшись кольцомъ: хвостъ и голова сошлись вмѣстѣ. Въ нашемъ простонародьи существуетъ еще слѣдующій разсказъ о кривой царевнѣ. Весельчакъ - *пьяница* вызвался вылѣчить ея глаза и поѣхалъ въ змѣиное царство: въ томъ царствѣ жили одни змѣи да гады.

[1]) Ударъ.

Кругомъ города лежала большая змѣя, обвившись кольцомъ, такъ что голова съ хвостомъ сходилась. Пьяница воспользовался сномъ исполинской змѣи, сдѣлалъ веревочную лѣстницу съ желѣзными крюками на концѣ, накинулъ лѣстницу на городскую стѣну, забрался въ городъ и посреди его нашелъ *каменъ*, а подъ камнемъ цѣлебную мазь: стоитъ только помазать ею глаза, какъ слѣпота тотчасъ же проходитъ. Взялъ онъ эту мазь, спряталъ подъ мышку, сѣлъ на корабль — и въ море. Пробудилась большая змѣя, погналась за воромъ; плыветъ по̀ морю, а подъ ней вода словно въ котлѣ кипитъ; махнула хвостомъ и разбила корабль вдребезги. Пьяницѣ удалось выплыть на берегъ, онъ вылѣчилъ кривую царевну и получилъ щедрую награду.

Садъ съ моложавыми яблоками и ключомъ живой воды, по свидѣтельству народныхъ сказокъ, находится въ дивьемъ (дѣвичьемъ) государствѣ, гдѣ царствуетъ царь-дѣвица красоты неописанной, силы непомѣрной, и тѣшится вмѣстѣ съ своимъ воинствомъ изъ храбрыхъ дѣвъ богатырскими играми и подвигами. По нѣкоторымъ варіантамъ, живая вода стоитъ у ней въ пузырькѣ подъ изголовьемъ, и тотъ пузырёкъ никогда не опорожняется — сколько ни бери изъ него! А по любопытному указанію одной сказки, живая молодящая вода точится съ ея рукъ и ногъ. Могучая красавица эта живетъ въ золотомъ дворцѣ и напоминаетъ собою жену Браги, прекрасную Идуну, которая владѣла чудесными яблоками, надѣлявшими скандинавскихъ боговъ вѣчною молодостью. Странствованіе въ обѣтованную страну царь-дѣвицы совершается на богатырскомъ конѣ, на крыльяхъ птицы-сокола или (какъ въ сербской редакціи) прямо съ помощію вѣтра, и сопряжено съ разными трудностями. Три гибельные перевоза, упоминаемые въ одномъ изъ русскихъ варіантовъ, встрѣчаются и въ сказкахъ другихъ народовъ (Вольфъ, стр. 46—50; сбор. Валявца, стр. 156; Эрленвейнъ, стр. 54—55).

Глядя на чудную красоту спящей царь-дѣвицы, царевичъ не выдержалъ и подарилъ ее двумя малютками. Сказка объясняетъ этотъ своевольный поступокъ юноши въ формѣ загадки, къ которой обыкновенно прибѣгаетъ народная фантазія въ подобныхъ случаяхъ; сличи съ окончаніемъ сказки № 152, b; въ сборникѣ Валявца, стр. 196, у Вольфа, стр. 216, и съ былиною о Сгаврѣ-бояринѣ — въ томъ мѣстѣ, гдѣ неузнанная Сгавромъ жена такъ открывается своему мужу.

Какъ ты меня не опознываешь?
А доселева мы съ тобой въ свайку игрывали, и проч.

Такія загадочныя выраженія перешли даже въ обрядъ; на свадьбахъ, въ случаѣ нецѣломудренности невѣсты, матери ея подаютъ стаканъ вина, внизу котораго нарочно дѣлаютъ отверстіе и какъ скоро она берется за стаканъ, отверстіе открывается и вино утекаетъ; въ Малороссіи на мать такой невѣсты надѣваютъ хомутъ. Любопытно наивное представленіе, по которому добрый молодецъ, совершивъ грѣхъ,

до того долженъ отяжелѣть, что сильный богатырскій конь не въ состояніи перенести его черезъ стѣну, не зацѣпивъ ногою за протянутыя струны.

Разсказъ о томъ, какъ старшіе царевичи заѣзжаютъ къ Иринѣ-мягкой перинѣ и проваливаются съ ея постели въ глубокіе погреба, нашелъ себѣ мѣсто въ одной изъ пѣсенъ объ Ильѣ-Муромцѣ (Пѣсни Рыбникова, II, стр. 320 — 1); а эпизодъ о томъ, какъ царевны узнаютъ своего избавителя по кольцу, брошенному въ чару съ виномъ (въ варіантѣ подъ буквою f), встрѣчается въ былинѣ про Добрыню Никитича (Пѣсни Рыбн., II, стр. 31 — 32; см. также № 93, *c*, и Ungarische Märchen, стр. 165).

Въ сказкахъ нѣмецкихъ, норвежскихъ и славянскихъ находимъ подобныя же указанія. Въ русской сказкѣ о жаръ-птицѣ, одинаковой съ нѣмецкою: «Der goldene Vogel», упоминаются золотыя яблоки, которыя поѣдала чудесная жаръ-птица. Въ нѣмецкихъ сказкахъ древо жизни (der Baum des Lebens) представляется съ золотыми яблоками; оно растетъ на концѣ свѣта въ чудесномъ саду, за моремъ; воронъ, который, по нашимъ преданьямъ, приноситъ живую и мертвую воду, добываетъ для сказочныхъ героевъ и золотыя яблоки; въ нѣкоторыхъ сказкахъ мѣсто его заступаетъ соколъ, который похищаетъ золотые плоды, неусыпно хранимые вѣдьмою на высокой стеклянной горѣ или въ подземномъ царствѣ; кожица этихъ плодовъ мгновенно заживляетъ раны. Норвежскія сказки говорятъ о лѣсахъ, которыми владѣютъ тролли и въ которыхъ растутъ, цвѣтутъ и приносятъ плоды деревья совершенно мѣдныя, серебряныя и золотыя (Повѣсти и предан. народ. славян. племени, изд Боричевскаго, стр. 20, 107, 111, 136 — 144; Kinder und Hausmärchen, I, стр. 109 — 110, 335 — 345; II, стр. 196, 263; Norweg. Märchen, I, стр. 131 — 5; Ганъ, II, № 70; въ Собраніи старин. рус. сказокъ — сказка о Строевой дочери; Калевала въ очеркѣ Морица Эмана, стр. 53; Извѣст. Акад. наукъ по 2 отдѣл. 1852 г., статья Микуцкаго, стр. 114: преданіе о золотыхъ яблокахъ сохранилось и у литовцевъ). Въ одномъ старинномъ памятникѣ XIV вѣка упомянуто о райскихъ цѣлебныхъ яблокахъ [1]).

Молодецъ-удалецъ, по словамъ напечатанной нами сказки, отправляясь за живою водою и молодильными яблоками, пріѣхалъ на перепутье, гдѣ сходились три дороги: по одной поѣдешь — будешь самъ сытъ, а конь голоденъ, по другой—конь сытъ, а самъ голоденъ, по третьей— не быть живому. Это обычный эпическій пріемъ, который встрѣчается и въ сказкѣ о жаръ-птицѣ и во многихъ другихъ. Въ одной пѣснѣ про Илью-Муромца сказано (Прибавлен. къ Академ. Извѣст., т. IV, стр. 354):

Находилъ старой (Илья) камень,
А на камени подпись была подписана:

---

[1]) Софійск. времен., ч. I, стр. 330—4 (посланіе новгородскаго архіеписк. Василія къ тверскому владыкѣ Ѳеодору).

Кому въ эту дороженьку ѣхать—богату быть,
А во другую поѣхати—женату быть.
А во третью да ѣхать—убиту быть.

Въ сѣрыхъ народныхъ изданіяхъ сказка эта извѣстна подъ заглавіемъ «Сказки о трехъ королевичахъ» (М., 1847): Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ король; у него было три сына: Василій - королевичъ, Ѳедоръ - королевичъ и Иванъ - королевичъ: «Любезныя дѣти!—говорилъ имъ отецъ:—«вы видите, что я старъ; а слышно, что за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ, въ подсолнечномъ государствѣ есть живая и мертвая вода и яблонь, на которой растутъ такія яблоки, что и старому можно отъ нихъ сдѣлаться молодымъ. Какъ бы добыть этой воды и этихъ яблокъ?» Василій - королевичъ приказалъ осѣдлать себѣ коня и поѣхалъ въ путь; ѣхалъ онъ долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается да не скоро дѣло дѣлается, и заѣхалъ въ такія горы и пропасти и лѣса непроходимые, что сталъ опасаться потерять дорогу; воротился назадъ и сказалъ отцу, что подсолнечнаго государства нигдѣ не нашелъ. Поѣхалъ Ѳедоръ - королевичъ, и съ нимъ случилось то же. Тогда вздумалъ попытать счастія меньшой братъ Иванъ - королевичъ; онъ поѣхалъ по новой дорогѣ, ѣхалъ - ѣхалъ, и видитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, а въ избушкѣ баба - яга. Спрашиваетъ его яга - баба: куда ѣдетъ, и волею али неволею? Сколько неволею, отвѣчалъ Иванъ - королевичъ, а вдвое того своею охотою!» и разсказалъ ей, куда и зачѣмъ путь держитъ. Яга-баба дала ему новаго коня и послала къ своей сестрѣ; эта тоже перемѣнила ему коня и послала къ третьей сестрѣ, которая, узнавши въ чемъ дѣло, повела королевича въ конюшню и сказала: «Вотъ тебѣ конь: поѣзжай на этомъ, а своего оставь у меня. А вотъ и дорога, что̀ ведетъ въ государство, въ которомъ есть живая и мертвая вода и моложавыя яблоки. Туда нельзя проѣхать иначе, какъ ночнымъ временемъ. Тамъ увидишь ты высокую стѣну, перескочи ее и поѣзжай прямо къ садовымъ воротамъ, въ саду найдешь яблонь, на которой ростутъ моложавыя яблоки, и подлѣ два колодезя съ живой и мертвою водою. Да какъ поѣдешь назадъ, берегись, чтобы конь твой не зацѣпилъ ни за одну струну изъ тѣхъ, что̀ проведены къ стѣнѣ». Иванъ - королевичъ такъ все и сдѣлалъ; перескочилъ черезъ стѣну и въѣхалъ въ садъ, нарвалъ моложавыхъ яблокъ и налилъ въ склянки живой и мертвой воды, да какъ сталъ ворочаться — не уберёгся: прыгая черезъ стѣну, конь его зацѣпилъ за струны, и отъ того поднялся во всемъ городѣ колокольный звонъ, барабанный бой и пушечная пальба [1]); все встревожилось. Царь - дѣвица, которой принадлежали и моложавыя яблоки и живая и мертвая вода, приказала осѣдлать

[1]) Такой же разсказъ о струнахъ встрѣчаемъ въ сказкахъ о жаръ-птицѣ, объ Иванѣ-царевичѣ и царь-дѣвицѣ и многихъ другихъ.

коня, и тотчасъ же пустилась за Иваномъ-королевичемъ въ погонь; но не догнала. Иванъ-королевичъ бралъ у каждой бабы-яги по свѣжей лошади; а царь-дѣвица, какъ пріѣхала къ первой ягѣ, и стала о немъ спрашивать: не видала ль гдѣ баба-яга такого-то человѣка?— Не видала, отвѣчала яга, а сама стала просить царь-дѣвицу, чтобъ побыла у нея и успокоилась отъ такого дальняго пути. Царь-дѣвица пробыла у яги-бабы цѣлый день и цѣлую ночь; то же случилось и у другихъ двухъ сестеръ яги-бабы. Когда царь-дѣвица стала нагонять Ивана-королевича, онъ въѣхалъ уже въ свое государство. «Счастливъ ты, королевичъ,—сказала царь-дѣвица,—что не попался въ мои руки; но постой, я буду къ тебѣ въ гости!» Иванъ-королевичъ пріѣхалъ домой, вынулъ склянки съ живой и мертвой водою, положилъ на блюдо моложавыя яблоки, и все это поднесъ своему отцу. Король весьма обрадовался, съѣлъ нѣсколько яблокъ и помолодѣлъ. Стали они себѣ жить да веселиться. Разъ вздумалъ король взглянуть въ окошко, и увидѣлъ въ заповѣдномъ своемъ лугу раскинутую палатку; тотчасъ же послалъ онъ освѣдомиться, кто таковъ осмѣлился раскинуть свою палатку въ королевскомъ заповѣдномъ лугу? А въ палаткѣ была царь-дѣвица, и говорила она: «Пріѣхала де я за тѣмъ, чтобъ король выдалъ мнѣ изъ своихъ сыновей виноватаго; а не выдастъ—я весь городъ разорю». Пошелъ къ ней Иванъ-королевичъ. «Что мнѣ съ тобой дѣлать?— сказала она:—коли ты былъ столько смѣлъ, что похитилъ у меня чудесную воду и моложавыя яблоки, то хочу быть твоей женою». Королевичъ женился на царь-дѣвицѣ и поѣхалъ жить въ ея государство.

105. Сивко-бурко.

а. Жилъ-былъ старикъ; у него было три сына, третій-отъ Иванъ-дуракъ, ничево не дѣлалъ; только на печѣ(и) въ углу сидѣлъ да сморкался. Отецъ сталъ умирать и говоритъ: «Дѣти! какъ я умру, вы каждой поочередно ходите на могилу ко мнѣ спать по три ночи»—и умеръ. Старика схоронили. Приходитъ ночь; надо большому брату ночевать на могилѣ, а ему — коё лѣнь, коё боится, онъ и говоритъ малому брату: «Иванъ-дуракъ! поди-ко къ отцу на могилу, ночюй за меня. Ты ничево жо не дѣлашь!» Иванъ-дуракъ собрался, пришолъ на могилу, лежитъ: въ полночь вдрукъ могила разступилась, старикъ выходитъ и спрашиватъ: «Кто тутъ? ты, большой сынъ?» —«Нѣтъ, батюшко! я Иванъ-дуракъ». Старикъ узналъ ево и спрашиваетъ: «Что же большой-отъ сынъ не пришолъ?» — «А онъ меня послалъ, батюшко!»—«Ну, твоё счастьё!» Старикъ свис(т)нулъ-гайкнулъ [1]) богатырскимъ посвистомъ: «Сивко-бурко-вѣшшой [2]) воронко!» Сивко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей искры сыплются, изъ ноздрей дымъ столбомъ. «Вотъ тебѣ,

[1]) Гайкать—кричать, кликать. [2]) Вѣщій.

сынъ мой, доброй конь; а ты, конь, служи ему, какъ мнѣ служилъ». Проговорилъ это старикъ, лёкъ въ могилу. Иванъ-дуракъ погладилъ, поласкалъ сивка и о(т)пустилъ, самъ домой пошолъ. Дома спрашиваютъ братья: «Что, Иванъ-дуракъ, ладно ли ночевалъ?» — «Очонъ ладно, братья!» Другая ночь приходитъ. Средней братъ тоже не идётъ ночевать на могилу и говоритъ: «Иванъ-дуракъ! поди на могилу-то къ батюшк(у), ночуй и за меня.» Иванъ-дуракъ, не говоря ни слова, собрался и покатилъ, пришолъ на могилу, лёкъ, дожидатся полночи. Въ полночь такжо могила раскрылась, отецъ вышолъ, спрашиватъ: «Ты, середней сынъ?» — «Нѣтъ,—говоритъ Иванъ-дуракъ:—я-жо опеть, батюшко!» Старикъ гайкнулъ богатырскимъ голосомъ, свиснулъ молодецкимъ посвистомъ: «Сивка-бурко-вѣшшой воронко!» Бурко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. «Ну, бурко! какъ мнѣ служилъ, такъ служи и сыну моему. Ступай теперь!» Бурко убѣжалъ; старикъ лёкъ въ могилу, а Иванъ-дуракъ пошолъ домой. Братья опеть спрашиваютъ: «Каково, Иванъ-дуракъ, ночевалъ?» — «Очонъ, братья, ладно!» На третью ночь Иванова очередь: онъ не дожидатся наряду, собрался и пошолъ. Лежитъ на могилѣ; въ полночь опеть старикъ вышолъ, ужъ знатъ, что тутъ Иванъ-дуракъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ, свиснулъ молодецкимъ посвистомъ: «Сивко-бурко-вѣшшой воронко!» Воронко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. «Ну, воронко! какъ мнѣ служилъ, такъ и сыну моему служи». Сказалъ это старикъ, простился съ Иваномъ-дуракомъ, легъ въ могилу. Иванъ-дуракъ погладилъ воронка, посмотрѣлъ и о(т)пустилъ, самъ пошолъ домой. Братья опеть спрашиваютъ: «Каково, Иванъ-дуракъ, ночевалъ?» «Очонъ ладно, братья!»

Живутъ; двое братовей рѡбятъ [1]), а Иванъ-дуракъ ничево. Вдругъ отъ царя кличъ: ежели кто сорвётъ царевнинъ [2]) съ дому патретъ чрезъ сколько-то много бревенъ, за тово ее и въ замужъ отдастъ. Братья сбираются посмотрѣть, кто станётъ срывать патретъ; Иванъ-дуракъ сидитъ на печѣ за трубой и баётъ: «Братья! дайте мнѣ каку лошадь, я поѣду посмотрю-жо». — «Э! взъѣлись братья на ево: сиди, дуракъ на печѣ; чево ты поѣдёшь? людей что ли смѣшить?» — Нѣтъ, отъ Ивана-дурака отступу нѣту! братья не могли отбит(ь)ся: «Ну, ты возьми, дуракъ, вонъ трёхногую кобылёнку!» Сами уѣхали. Иванъ-дуракъ за ними же поѣхалъ въ чисто полё, въ широко раздольё: слѣзъ съ кобылёнки, взялъ ее и зарѣзалъ, кожу снялъ, повѣсилъ на поскотину [3]), а мясо бросилъ; самъ свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «Сивко-бурко-вѣшшой воронко!» Сивко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ

---

[1]) Работаютъ. [2]) Портретъ. [3]) Поскотина—городьба вокругъ скотнаго выгона.

ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ одно ушко залѣзъ — напился, наѣлся, въ друго вылѣзъ — одѣлся, молодецъ такой сталъ, что и братьямъ не узнать! сялъ на сивка и поѣхалъ срывать патретъ. Народу было тутъ видимо-невидимо; завидѣли молодца, всѣ начали смотрѣть. Иванъ-дуракъ съ размаху нагналъ, конь ево скочилъ, — и патретъ не досталъ только чрезъ три бревна. Видѣли, откуда пріѣхалъ, а не видали, куда уѣхалъ! Онъ коня отпустилъ, самъ пришолъ домой сялъ на печь. Вдрукъ братья пріѣзжаютъ и сказываютъ жонамъ: «Ну, жоны, какой молодецъ пріѣзжалъ, дакъ мы такова съ роду не видали! Патретъ не досталъ только черезъ три бревна. Видѣли, откуль пріѣхалъ, не видали, куды уѣхалъ! Ишшо опеть пріѣдётъ»... Иванъ-дуракъ сидитъ на печѣ и говоритъ: «Братья! не я ли тутъ былъ?» — «Куда къ чорту тебѣ быть! Сиди, дуракъ, на печѣ да протирай носъ-отъ».

Время идётъ. Отъ царя тотъ жо кличъ. Братья опеть стали собират(ь)ся, а Иванъ-дуракъ и говоритъ: «Братья! дайте мнѣ каку-нибудь лошадь». Они отвѣчаютъ: «Сиди, дуракъ, дома! другу лошадь ты станёшь переводить!» Нѣтъ, отбит(ь)ся не могли, велѣли опеть взять хромую кобылёшку. Иванъ-дуракъ и ту управилъ: закололъ, кожу развѣсилъ на поскотинѣ, а мясо бросилъ; самъ свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «Сивко-бурко-вѣшшой воронко!» Бурко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ право ухо залѣзъ— одѣлся, выскочилъ въ лѣво— молодцомъ сдѣлался, скочилъ на коня, поѣхалъ; патретъ не досталъ только за два бревна. Видѣли, откуда пріѣхалъ, а не видѣли, куда уѣхалъ! Бурка отпустилъ, а самъ пошолъ домой, сялъ на печь, дожидатся братовей. Братья пріѣхали и сказываютъ: «Бабы! тотъ жо молодецъ опеть пріѣзжалъ, да не досталъ патретъ только за два бревна». Иванъ-дуракъ и говоритъ имъ: «Братья, не я ли тутъ былъ?» — «Сиди, дуракъ! гдѣ у чорта былъ!»

Чрезъ немного времени отъ царя опеть кличъ. Братья начали сбират(ь)ся, а Иванъ-дуракъ и проситъ: «Дайте, братья, каку-нибудь лошадь; я съѣзжу, посмотрю жо». — «Сиди, дуракъ, дома! докуда лошадей-то у насъ станёшь переводить?» Нѣтъ, отбит(ь)ся не могли, бились-бились, велѣли взять худую кобылёшку; сами уѣхали. Иванъ-дуракъ и ту управилъ, зарѣзалъ, бросилъ; самъ свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «Сивко-бурко-вѣшшой воронко!» Воронко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ одно ушко залѣзъ — напился, наѣлся, въ друго вылѣзъ — молодцомъ одѣлся, сялъ на коня и поѣхалъ. Какъ только доѣхалъ до царскихъ чертоговъ, патретъ и ширинку [1]) такъ и сорвалъ. Видѣли, откуда пріѣхалъ, а не видѣли, куда уѣхалъ! Онъ также воронка отпустилъ, пошолъ домой,

[1]) Платокъ, полотенце.

сѣлъ на печь, ждётъ братовей. Братья пріѣхали, сказываютъ: «Ну, хозяйки! тотъ жо молодецъ какъ нагналъ севодни, такъ патретъ и сорвалъ». Иванъ-дуракъ сидитъ за трубой и баётъ: «Братья, не я ли тутъ былъ?» — «Сиди, дуракъ! гдѣ ты у чорта былъ!»

Чрезъ немного время царь сдѣлалъ балъ, созываетъ всѣхъ бояръ, воеводъ, кне(я)зей, думныхъ, сенаторовъ, купцовъ, мѣшанъ и хресьянъ [1]). И Ивановы братья поѣхали; Иванъ-дуракъ не отсталъ, сялъ гдѣ-то на печь за трубу, глядитъ, ротъ разинулъ. Царевна потчуётъ гостей, каждому подноситъ пива и смотритъ, не утрется ли кто ширинкой? — тотъ её и женихъ. Только никто не утёрся; а Ивана-дурака не видала, обошла. Гости разошлись. На другой день царь сдѣлалъ другой балъ; опеть виноватова не нашли, кто сорвалъ ширинку. На третій день царевна такжо стала изъ своихъ рукъ подносить гостямъ пиво; всѣхъ обошла, никто не утёрся ширинкой. «Что это?—думаетъ она себѣ:—нѣтъ моево сужонова!» взглянула за трубу и увидѣла тамъ Ивана-дурака: платьишко на нёмъ худоё, весь въ сажѣ, волосы дыбомъ. Она налила стаканъ пива, подноситъ ему, а братья глядятъ и думаютъ: царевна-то и дураку-то подноситъ пива! Иванъ-дуракъ выпилъ да и утёрся ширинкой. Царевна обрадовалась, берётъ ево за руку, ведётъ къ отцу и говоритъ: «Батюшка! вотъ мой сужоной». Братовей тутъ ровно ножомъ по сердцу-то рѣзнуло, думаютъ: «Чево эта царевна! не съ ума ли сошла? дурака ведетъ въ сужоны». Разговоры тутъ коротки: веселымъ пиркомъ да за свадебку. Нашъ Иванъ тутъ сталъ не Иванъ-дуракъ, а Иванъ-царской зять; оправился, очистился, молодецъ-молодцомъ сталъ, не стали люди узнавать! Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу къ отцу.

(Запис. въ Пермской губ., въ Шадринскомъ округѣ, госуд. кр. А. Зыряновымъ).

b. Мы говоримъ, что мы умны, а старики спорятъ: нѣтъ, мы умнѣе васъ были; а сказка сказываетъ, что когда еще наши дѣды не учились и пращуры не родились, а въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ такой старичокъ, который трехъ своихъ сыновъ научилъ грамотѣ и всему книжному. «Ну, дѣтки!—говорилъ онъ имъ: умру я — приходите ко мнѣ на могилу читать». — «Хорошо, хорошо, батюшка!» отвѣчали дѣти.

Старшіе два брата какіе были молодцы: и рослы и дородны! а меньшой Ванюша, какъ недорсточекъ, какъ защипанной утёночекъ, гораздо поплоше. Старикъ отецъ умеръ. Въ ту пору отъ царя пришло извѣстіе, что дочь его Елена-царевна Прекрасная приказала выстроить себѣ храмъ о двѣнадцать столбовъ, о двѣнадцать вѣнцовъ; сядетъ она въ этомъ храмѣ на высокомъ тронѣ и будетъ ждать жениха, удалаго

[1]) Мѣщанъ и крестьянъ.

молодца, который бы на конѣ-летунѣ, съ одного взмаха, поцѣловалъ ее въ губки. Всполошился весь молодой народъ, облизывается, почесывается и раздумываетъ: кому такая честь выпадетъ? «Братья,—говорилъ Ванюша,—отецъ умеръ; кто изъ насъ пойдетъ на могилу читать?»— «А кого охота беретъ, тотъ пускай и идетъ!» отвѣчали братья; Ваня пошелъ. А старшіе знай себѣ коней объѣзжаютъ, кудри завиваютъ, фабрятся, бодрятся родимые... Пришла другая ночь. «Братья! я прочиталъ,—говорилъ Ваня;—ваша очередь, который пойдетъ?»—«А кто охочь, тотъ и читай; а намъ дѣло дѣлать не мѣшай». Сами заломили шапки, гикнули, ахнули, полетѣли, понеслись, загуляли въ чистомъ полѣ! Ванюша опять читалъ; на третью ночь тоже. А братья выѣздили коней, расчесали усы, собираются нынче-завтра пытать свое удальство передъ очами Елены Прекрасной. «Брать ли меньшаго? думаютъ; нѣтъ, куда съ нимъ! онъ и насъ осрамитъ и людей насмѣшитъ; поѣдемъ одни». Поѣхали; а Ванюшѣ очень хотѣлось поглядѣть на Елену-царевну Прекрасную; заплакалъ онъ, больно заплакалъ, и пошелъ на могилу къ отцу. Услышалъ его отецъ въ домовинѣ [1]), вышелъ къ нему, отряхнулъ съ чела сыру землю и говоритъ: «Не тужи, Ваня; я твоему горю пособлю». Тотчасъ старикъ вытянулся, выпрямился, свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ голосомъ, соловейскимъ посвистомъ; откуда ни взялся— конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей, изъ ушей пламя пышетъ; порхонулъ и сталъ передъ старикомъ, какъ вкопаной, и спрашиваетъ: «Что велишь?» Влѣзъ Ваня коню въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, и сдѣлался такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать! Сѣлъ на коня, подбоченился и полетѣлъ, что твой соколъ, прямо къ палатамъ Елены-царевны. Размахнулся, подскочилъ — двухъ вѣнцовъ не досталъ; завился опять, разлетѣлся, скокнулъ — одного вѣнца не досталъ; еще закружился, еще завертѣлся, какъ огонь проскочилъ мимо глазъ, мѣтко нацѣлилъ и прямо въ губки чмокнулъ Елену Прекрасную! «Кто? кто? лови! лови!» — его и слѣдъ простылъ! Прискакалъ на отцову могилу, коня пустилъ въ чистое поле, а самъ въ землю да поклонъ, да проситъ совѣта родительскаго; старикъ и посовѣтовалъ. Домой пришелъ Иванъ, какъ нигдѣ не бывалъ; братья разсказываютъ: гдѣ были, что видѣли; а онъ какъ впервой слышитъ.

На другой день опять сборъ; и бояръ и дворянъ у княжихъ палатъ не окинешь! Поѣхали старшіе братья; пошелъ и меньшой братъ пѣшечкомъ, скромно, смирно, словно не онъ цѣловалъ царевну, и сѣлъ въ дальній уголокъ. Елена-царевна спрашиваетъ жениха, Елена-царевна хочетъ его всему свѣту показать, хочетъ ему полцарства отдать, а женихъ не является! Его ищутъ между боярами, межъ генералами, всѣхъ перебрали — нѣту! А Ваня глядитъ, ухмыляется, улыбается, и ждетъ, что сама невѣста къ нему прійдетъ. «То, говоритъ, я полю-

[1]) Въ гробѣ.

бился ей молодцомъ, теперь она полюби меня въ кафтанѣ простомъ». Встала сама, повела яснымъ окомъ, освѣтила всѣхъ, увидѣла и узнала своего жениха, посадила его съ собой, и скоро съ нимъ обвѣнчались; а онъ-то, Боже мой! какой сталъ умной да смѣлой, а какой красавецъ!.. Сядетъ бывало на коня-летуна, сдвинетъ шапочку, подбоченится— король, настоящій король! вглядишься — и не подумаешь, что былъ когда-то Ванюша.

(Записана въ Курской губ.).

С. Было у бацька три сыны, два разумные, а треци дурень. Разумные гаспадарили [1]), а дурень сядзѣу за пѐчамъ, дый пòпелъ пересыпау. Бацько быу стары, и умираючи сказау сынамъ, кабъ яны три ночи зра(я)ду хадзили надъ магилай каравулиць. На першую ночъ пашоу старшы сынъ и якъ падышла поуначъ — заснуу и ничаго не бачиуши вернууся да дому. На другую ночъ пашоу середульши [2]); и јонъ такъ само ничаго не бачиу и вернуусе. На трецюю ночъ пашоу дурень; јонъ сядзѣу цѣлую ночъ, и у самую поуначъ выскачиу конь, а на томъ кани залатая шарсцинка [3]) и сребная шарсцинка, а уздечка брилянтовая. Јонъ глядзѣу на таго каня, глядзѣу, а послѣ разамъ усхапиуся [4]) дый злавиу. Вырываусь той конь, вырываусь, а послѣ каже чоловѣческимъ голосамъ: «Паничику дурачку! пусци мене; я тебѣ буду у великой пригоздѣ и дагодзѣ, и якъ чаго треба будзе, то свисни на мене — и я заразъ прибѣгу». Дурень пусциу таго каня, дый самъ прышоу да дому.

У дома давѣдаусь, што будзе выхадзиць кралеуна замужъ за таго, хто конно[5]) даскочиць да ёй на треци пѐнтръ [6]). З' усѣхъ станъ народъ зачау сбирацца, и брацья дурня паѣхали паглядзѣць таго дзива, якое будзе у караля. Якъ тольки(о) никаго ужо у доми не было, дурень вышоу на дворъ, свиснуу на каня, и јонъ прибѣгъ з' усѣмъ прибóромъ. Дурень зобрауся дый паѣхау. На дарозѣ јонъ дагнау своихъ брацьёу, выбиу ихъ добра нагайкаю за тое, што яны ягó глумяць [7]), и самъ паѣхау далѣй. Прыѣхаушы на кралеуски дворъ, јенъ убачиу графоу, паноу, мужикоу, жидоу и усякаго народу. Усѣ скакали да кралеуны, и нихто не могъ даскочиць; тольки дурень якъ разагнауся, то ускачиу на перши пѐнтръ. На други дзень изноу пазбирауся народъ, и дурень даскачиу на други пѐнтръ, а на треци дзень якъ скачиу — дакъ даскачиу да самай кралеуны и узяу адъ ёй персцёнакъ [8]). Дурень, узяушы персцёнакъ, паляцѣу на сваемъ кани да дому, пусциу каня и самъ схавауся [9]) за печъ. Брацья, прыѣхаушы да дому, зачали разказваць дурню усё, што тамъ было: якъ нѣяки [10]) панъ биу на дорозѣ за дурня, якъ той самы панъ даскачиу да кралеуны, узяу

---

[1]) Хозяйничали. [2]) Середній. [3]) Шерсть. [4]) Схватился. [5]) На конѣ. верхомъ. [6]) Польск. piętro—жилье, ярусъ, этажъ. [7]) Бранятъ (глумятся) [8]) Перстенекъ. [9]) Спрятался. [10]) Какой-то,

персцёнакъ и уцёкъ [1]). — Аднаго дня сядзяць ты(е) брацья, ажъ прыѣжджае ассессаръ и приказвае, кабъ усѣ, хто есць у доми, узаутра прыходзили на кралеуски дворъ на ра(е)визію. Назаутра пашли усѣ на равизію. Каралеускіе слуги зачали равизаваць усѣхъ, хто тольки быу, и на дурневомъ пальцы знайшли персцёнакъ. Павели таго дурня да кралеускаго палацу [2]), казали [3]) яго абмыць, адзѣць, пре(д)ставиць кралеунѣ; а јонъ якъ зачне кричаць: «Я не хачу вашаго адзеня [4]), я маю свае!» дый вышоу на дворъ, свиснуу на свайго каня, адзѣуся дый прышоу да кралеускаго палацу выбраны [5]), якъ найбагатши(ій) кралевичъ. Кралеуна якъ убачила—дакъ заразъ полюбила яго и вышла замужъ; а король такъ быу радъ, што аддау яму свае кралеуство щэ живучи.

(Записана въ Новогрудскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, М. Дмитріевымъ).

Примѣчаніе. Чудесные кони играютъ весьма видную роль въ народныхъ эпическихъ сказаніяхъ (см. Поэт. Воз., I, стр. 611 — 637). Сказки постоянно говорятъ объ этихъ коняхъ въ такихъ выраженіяхъ: «Конь бѣжитъ — земля дрожитъ, изъ очей искры сыплются, изъ ноздрей дымъ столбомъ, слѣдомъ головешки валятся!» или: «Конь осержается, отъ земли отдѣляется, скачетъ выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго, изъ ноздрей огонь пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ; горы и долы межъ ногъ пропускаетъ, широки раздолья хвостомъ застилаетъ». Такимъ образомъ, сказочные кони представляются летающими по поднебесью и выдыхающими изъ себя пламя. Сверхъ того, сказки упоминаютъ о коняхъ золотогривыхъ и золотохвостыхъ (см. сказки №№ 102 и 106; въ Собран. старин. рус. сказокъ, М., 1830 г. — о Петрѣ-королевичѣ; Kinder-und Hausmärchen, I, стр. 339 и другія) [6]). Въ валахскихъ сказкахъ говорится о лошадяхъ, которыя утоляли жажду виномъ, а голодъ — огнемъ. Вотъ что разсказывается о ихъ быстротѣ: царевна бѣгствомъ спасается отъ дракона. Какъ только усѣлась она на своего коня, чудесное животное поднялось на воздухъ и понеслося съ невѣроятною быстротою вдаль. Черезъ нѣсколько времени говоритъ лошадь: «Милая царевна! оглянись, не примѣтишь ли чего?» Она оглянулась и увидѣла позади себя огромнаго дракона, который уже настигалъ ее. «О, скорѣй, скорѣй! позади насъ драконъ!» закричала царевна. «Какъ хочешь ты, чтобъ я летѣлъ: какъ вѣтеръ или какъ мысль?» спросилъ конь. «Какъ вѣтеръ!» отвѣчала испуганная царевна, и съ скоростью вихря понеслись они по воздуху. Черезъ нѣсколько времени опять говоритъ лошадь: «Оглянись, нѣтъ ли чего?» Царевна оглянулась и опять закричала: «О быстрѣе, быстрѣе! драконъ настигаетъ насъ!»— «Какъ хочешь, чтобы я летѣлъ: какъ вѣтеръ или какъ мысль?» спрашиваетъ конь. «Какъ мысль!» отвѣчала царевна, и въ то жъ мгнове-

---

[1]) Убѣжалъ. [2]) Дворца. [3]) Приказали. [4]) Одежды. [5]) Убранный. [6]) О коняхъ, разсыпающихся золотомъ и серебромъ, смотри сказку № 108.

ніе конь съ царевною опустился въ большой городъ (Шоттъ, № 16 и 17). Чтобы нагляднѣе выставить такую необыкновенную быстроту сказочныхъ коней, народная фантазія надѣлила ихъ крыльями и числомъ ногъ свыше четырехъ. Такъ, въ сказкѣ «О молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ» (№ 104, *а*) говорится о коняхъ дву-, четырехъ- и шестикрылыхъ (см. также сказку о Ѳедорѣ Тугаринѣ, № 95). Изображенія крылатыхъ и пламень выдыхающихъ коней встрѣчаемъ на лубочныхъ картинахъ. Быстрый бѣгъ ихъ уподобляется дуновенію вѣтра, который въ эпическомъ олицетвореніи также представлялся съ крыльями. Болгарскія пословицы говорятъ: «Вѣтъръ го нòси на *бъла кобила*» (Памятн. и образцы народн. языка и словесности, въ III т. Извѣстій Академіи Наукъ, стр. 266 — 7). Въ сказкѣ объ Иванѣ-Кручинѣ (см. сборникъ Броницына) выведены кони: Вѣтеръ и Молнія; нѣмецкія, валахскія и сербскія сказки равно упоминаютъ о лошадяхъ, летающихъ по поднебесью и свободно взбирающихся на крутыя и гладкія, какъ стекло, горы (Kinder-und Hausmärchen, II, № 178; Српске народне припов., № 4, 5 и 40; Объ историч. народн. пѣсняхъ сербовъ, стр. 18). Въ одной былинѣ разсказывается объ Ильѣ-Муромцѣ:

Онь бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ кожу до черна мяса.
Ретивой конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется:
Онъ и скачетъ выше дерева стоячево,
Чутъ пониже облока ходячево.
Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ,
Въ другой скочилъ — колодезь сталъ...
Въ третій скочилъ подъ Черниговъ-градъ [1]).

Литовское преданіе (см. Черты изъ жизни и исторіи литовск. народа, стр. 76 — 77; Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie, zebrał L. Siemieński, стр. 26) запомнило о жеребцѣ исполина Витольфа, по имени *Joджъ* (черный), который перегонялъ самые вѣтры. Голова этого коня служила исполину убѣжищемъ: *однимъ ухомъ онъ входилъ въ нее* и *другимъ выходилъ*. То же дѣлаютъ и богатыри русскихъ сказокъ; влѣзая въ одно ухо своего коня, они наѣдаются тамъ, напиваются,

---

[1]) Въ сказкѣ о Памфилѣ (М., 1847 г.) упоминается конь о семи ногахъ; у Одина былъ конь о восьми ногахъ (Слепниръ).—Въ одной пѣснѣ поется о конѣ: «поскоки его были по пяти верстъ; изъ-подъ копытъ онъ выметывалъ сырой земли по сѣнной копнѣ». (Прибавл. къ Академическимъ Извѣст. по 2-му отдѣл. 1852 г., стр. 116, 148); см. еще Соревноват. просвѣщенія и благотворительности 1823 г., № 24, стр. 10 (Суровецъ-богатырь). Въ богатырскихъ поэмахъ минусинскихъ татаръ (Вѣстн. Геогр. Общ. 1855, № VI) разсказывается о коняхъ, которые несутся какъ стрѣла, пущенная съ лука (и глазами не видно и ушами не слышно!) и которые перескакиваютъ горы и рѣки; отъ топоту ихъ колеблются моря (стр. 198, 212, 219, 223).

переодѣваются, потомъ вылѣзаютъ въ другое ухо такими молодцами, что никто и признать ихъ не можетъ (см. сказку подъ № 106, Norweg. Märchen., I, № 19: здѣсь говорится о быкѣ, въ лѣвомъ ухѣ котораго лежала скатерть-самобранка). Болгарская пѣсня разсказываетъ о юнакѣ, который на своемъ чудесномъ конѣ опередилъ самое солнце (Временн., № XXII, стр. 5 — 10).

Эпическія сказанія, уцѣлѣвшія у различныхъ народовъ, заставляютъ коней и разговаривать человѣческимъ языкомъ, и подавать мудрые совѣты (см. сказку о гусляхъ-самогудахъ въ «Дѣдушкиныхъ прогулкахъ»; Прибавл. къ III т. Академич. Извѣст., стр. 277, и къ IV т. стр. 366; Повѣсти и пред. народовъ славянск. племени, стр. 127 — 9, 182; Kinder-und Hausmärch., II, № 89 и друг.; Walach. Märchen, № 16). Богатырскіе кони русскихъ сказокъ, чуя бѣду, которая грозитъ ихъ хозяину, спотыкаются на ѣздѣ, или горько плачутъ по немъ на конюшнѣ, и стоятъ по щиколки во слезахъ, а иногда въ крови; въ то время, когда богатырь сражается пѣшій и врагъ начинаетъ одолѣвать его, вѣщій конь рвётся съ цѣпей и выбиваетъ копытами глубокую яму. Конь помогаетъ своему господину въ трудныхъ битвахъ съ зміями и въ разныхъ другихъ подвигахъ; онъ даже надѣляетъ его силою, и съ этою цѣлью пихаетъ добраго мо̀лодца задней ногою (№№ 76, 77, 93, 96, 103, 165, *a*; сличи въ сборникѣ Валявца, стр. 122).

Напечатанная въ нашемъ сборникѣ сказка «Сивко-бурко» основана на нравственномъ началѣ, требующемъ полнаго уваженія къ памяти родителей. Это чувство уваженія въ младшемъ братѣ щедро награждается —ему достаются тѣ чудесные кони, съ помощью которыхъ онъ перескакиваетъ черезъ всѣ ограды и получаетъ въ жены прекрасную царевну. Этотъ разсказъ сходенъ съ началомъ сказки, помѣщенной подъ № 106, въ которой добрый мо̀лодецъ успѣваетъ поцѣловать красавицу черезъ двѣнадцать стеколъ (въ другомъ спискѣ черезъ двѣнадцать вѣнцовъ); можно еще указать варіантъ у г. Худякова, II, № 50. Подобныя сказки извѣстны у разныхъ славянскихъ племенъ, у норвежцевъ и венгровъ. Вотъ содержаніе одной норвежской сказки (II, № 7): Жилъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ было двѣнадцать сыновей. Младшій ушелъ изъ дому искать счастья, и когда воротился, то родители его ужъ померли, а братья подѣлили между собой все наслѣдство. «Осталось только двѣнадцать кобылъ, которыхъ мы еще не подѣлили,—сказали ему братья,— хочешь взять ихъ на свою долю?» Тотъ согласился. Всѣ двѣнадцать кобылъ принесли по жеребёнку, но одинъ жеребенокъ былъ больше и лучше всѣхъ. «Славное животное!» сказалъ мо̀лодецъ. «Да, но если ты убьешь остальныхъ жеребятъ, чтобы я одинъ могъ въ теченіе цѣлаго года сосать всѣхъ кобылъ, то я сдѣлаюсь и больше и лучше!» отвѣчалъ жеребёнокъ. Такъ и сдѣлалось. На другой годъ кобылы принесли опять по жеребёнку; мо̀лодецъ убилъ всѣхъ новыхъ жеребятъ, чтобы годовалый могъ попрежнему сосать матокъ. На третій годъ случилось то же.

Когда черезъ годъ послѣ того увидѣлъ мо̀лодецъ своего коня, онъ изумился такъ была лошадь велика и сильна! Онъ сѣлъ на нее и поѣхалъ къ королевскому за́мку. Завистники донесли на него королю, будто онъ похваляется освободить королевну, похищенную троллемъ. Король призвалъ мо̀лодца и приказалъ избавить королевну, а коли не исполнитъ приказа, то погибнетъ смертью. Мо̀лодецъ въ горести пошелъ къ своей доброй лошади. «Что такъ печаленъ?» спросилъ конь. Мо̀лодецъ разсказалъ. «Ничего, я тебѣ помогу», отвѣчалъ конь,—«но прежде надо меня хорошенько подковать». Подковали лошадь, и на подковы ей пошло двадцать фунтовъ желѣза и двѣнадцать стали. Поѣхалъ мо̀лодецъ и прибылъ къ высокой горѣ, которая круто поднималась, какъ стѣна, и была гладка какъ зеркало. При первомъ разбѣгѣ на́ гору конь сдѣлалъ одинъ конецъ, но поскользнулся обѣими передними нагами и съ шумомъ сползъ назадъ. Въ другой разъ онъ взбѣжалъ выше, но опять поскользнулся одной переднею ногою и съ такой силою спустился назадъ, что гора задрожала. Въ третій разъ конь понесся такъ стремительно, что камни полетѣли къ облакамъ, и достигъ вершины. Королевна была спасена; но король задалъ мо̀лодцу другую задачу: уничтожить гору, которая стояла передъ за̀мкомъ и затемняла солнечный свѣтъ. Мо̀лодецъ поѣхалъ на своемъ конѣ на̀ гору, и съ каждымъ шагомъ, который дѣлала необыкновенная лошадь, гора погружалась все ниже и ниже въ землю, пока совершенно не сравнялась съ полемъ». Другая норвежская сказка (II, № 21) еще ближе къ содержанію нашей. Было три брата; былъ у нихъ славный сѣнокосъ, но вотъ повадился кто-то на Иванову ночь, когда трава бываетъ самая сочная, ходить на ихъ лугъ, и на другое утро травы какъ не бывало. Стали братья караулить по очереди; два старшіе ничего не устерегли. Въ свой чередъ пошелъ сторожить младшій братъ (Aschenbrödel). «Гдѣ тебѣ усмотрѣть?—смѣялись надъ нимъ старшіе братья. Ты умѣешь только сидѣть на печѝ да въ золѣ валяться!» Aschenbrödel не отвѣчалъ ни слова и пошелъ на̀ лугъ; пришелъ и сѣлъ сторожить. Прошло нѣсколько времени; слышитъ онъ: застучало, загремѣло такъ, что земля задрожала! Вотъ прибѣжала лошадь, да такая большая да красивая! и стала поѣдать траву. «А! такъ это ты съѣдаешь нашу траву!» сказалъ Aschenbrödel, поймавши лошадь. На другой годъ онъ поймалъ другого коня, еще болѣе сильнаго и красиваго; а на третій годъ — третьяго коня, который былъ и лучше и крѣпче прежнихъ. Въ это время король сдѣлалъ кличъ: кто взъѣдетъ на высокую стеклянную гору, гладкую какъ яйцо и крутую какъ стѣна (gläserne Berg), и тамъ достанетъ съ колѣнъ прекрасной королевны три золотыя яблока, за того королевна выйдетъ замужъ. Много принцовъ и рыцарей искало этой чести, но кони ихъ скользили и не могли подняться на гору и на два локтя. Счастье владѣть прекрасною королевною достается владѣтелю трехъ славныхъ, пойманныхъ имъ коней. — Въ хорутанскомъ сборникѣ Валявца есть двѣ подобныя

сказки, изъ которыхъ въ одной (стр. 38 — 42) вила даетъ доброму мо̀лодцу три узды: мѣдную, серебряную и золотую — только потряси тѣми уздами и тотчасъ явятся кони въ мѣдной, серебряной и золотой оправахъ; на вилиныхъ коняхъ мо̀лодецъ добываетъ себѣ невѣсту. Въ другой сказкѣ (стр. 136 — 141) повѣствуется, какъ одинъ король изловилъ медвѣдя, а королевичъ выпустилъ звѣря и былъ за то прогнанъ отцомъ. Пошелъ королевичъ искать службы и попалъ въ иное государство. Тамошній король заставилъ его пасти зайцевъ и смотрѣть, чтобъ ни одинъ не пропалъ. Погналъ королевичъ свое стадо въ поле — всѣ зайцы разбѣжались. Онъ сѣлъ подъ дерево и заплакалъ; пришелъ медвѣдь: «Чего, сынокъ, плачешь?» и далъ ему дубинку — только ударь по кустамъ, живо зайцы соберутся. Потомъ слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ медьѣдь доставляетъ королевичу славнаго коня и оружіе, какъ молодой королевичъ выѣзжаетъ на этомъ конѣ, получаетъ изъ рукъ прекрасной королевны въ первый разъ перстень, въ другій — вѣнецъ, въ третій— ширинку и женится на ней. Затѣмъ, по собственному желанію медвѣдя, онъ рубитъ ему голову, и тогда звѣрь обращается въ человѣка. это былъ заклятой (околдованный) царь. См. также въ Повѣстяхъ и преданіяхъ народовъ славянскаго племени, изд. Боричевскимъ, венгерскую сказку: «Татошъ» (стр. 127 — 9).

106. Свинка-золотая щетинка, утка-золотыя перушки, золотогривый конь и золоторогій олень.

а. Жилъ старикъ со старухою; у нихъ было три сына: двое умныхъ, третій дуракъ. Старикъ со старухой померли. Передъ смертью отецъ говорилъ: «Дѣти мои любезныя! ходите три ночи на мою могилу сидѣть» Они кинули между собой жеребій; досталось дураку итти. Дуракъ пошелъ на могилу сидѣть; въ полночь выходитъ отецъ и спрашиваетъ: «Кто сидитъ?» — «Я, батюшка, — дуракъ». — Сиди, мое дитятко; Господь съ тобою!» На другую ночь приходится большому брату на могилу, большой братъ проситъ дурака: «Поди, дуракъ, посиди за меня ночку; что̀ хочешь — возьми». — «Да, поди! тамъ мертвецы прыгаютъ»...— «Поди; красные сапоги тебѣ куплю». Дуракъ не могъ отговориться, пошелъ другую ночку сидѣть. Сидитъ на могилкѣ, вдругъ земля раскрывается, выходитъ его отецъ и спрашиваетъ: «Кто сидитъ?» — «Я, батюшка,— дуракъ». — «Сиди, мое дитятко; Господь съ тобою!» На третью ночь надо среднему брату итти; онъ проситъ дурака: «Сдѣлай милость, поди посиди за меня, что̀ хочешь — возьми!» — «Да, поди! первая ночь страшна была, а другая еще страшнѣе: мертвецы кричатъ, дерутся, а меня лихорадка трясетъ!» — «Поди; красную шапку тебѣ куплю». Нечего дѣлать, пошелъ дуракъ и на третью ночь. Сидитъ на могилкѣ, вдругъ земля раскрывается, выходитъ его батюшка и спрашиваетъ: «Кто сидитъ?» — «Я — дуракъ». — «Сиди, мое дитятко; Господь съ тобою!

вотъ тебѣ отъ меня великое благословеніе». И даетъ ему три конскихъ волоса. Дуракъ вышелъ въ заповѣдные луга, прижогъ-припалилъ три волоса и крикнулъ зычнымъ голосомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Бѣжитъ сивка-бурка, вѣщая каурка, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся; въ правое влѣзъ — въ цвѣтно платье нарядился, и сдѣлался такой молодецъ — ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать [1]). Поутру царь кличъ кличетъ: «Кто въ третьемъ этажѣ мою дочь Милолику-царевну съ разлёту на конѣ поцѣлуетъ, за того отдамъ ее замужъ». Старшіе братья сбираются смотрѣть, зовутъ съ собой дурака: «Пойдемъ, дуракъ, съ нами!» — «Нѣтъ, не хочу; я пойду въ поле, возьму кузовъ да набью галокъ — и то собакамъ кормъ!» Вышелъ въ чистое поле, припалилъ три конскіе волоса и закричалъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Бѣжитъ сивка-бурка, вѣщая каурка, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся; въ правое влѣзъ — къ цвѣтно платье нарядился: сдѣлался такой молодецъ, что̀ ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Сѣлъ верхомъ, рукой махнулъ, ногой толкнулъ и понесся; его конь бѣжитъ, земля дрожитъ, горы, долы хвостомъ застилаетъ, пни, колоды промежъ ногъ пускаетъ. Черезъ одинъ этажъ перескакалъ, черезъ два — нѣтъ, и уѣхалъ назадъ. Братья приходятъ домой, дуракъ на полатяхъ лежитъ; говорятъ ему: «Ахъ, дуракъ! что ты не пошелъ съ нами? Какой молодецъ пріѣзжалъ — ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать!» — «Не я ли дуракъ?» — «Да гдѣ тебѣ такого коня достать! утри прежде подъ носомъ-та!» На другое утро старшіе братья сбираются къ царю смотрѣть, зовутъ съ собой дурака: «Пойдемъ, дуракъ, съ нами; вчера пріѣзжалъ хорошъ молодецъ, нынче еще лучше пріѣдетъ!» — «Нѣтъ не хочу; я пойду въ поле, возьму кузовъ, набью галокъ и принесу — и то собакамъ кормъ!» Вышелъ въ чистое поле, припалилъ конскіе волосы: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся; въ правое влѣзъ — въ цвѣтно платье нарядился, сдѣлался такой молодецъ — ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Сѣлъ верхомъ,

[1]) Въ другомъ спискѣ отецъ даетъ дураку въ первую ночь сивку-бурку, во вторую—свинку-золотую щетинку, а въ третью коня златогриваго; съ помощію сивки-бурки дуракъ женится на царевнѣ, а потомъ ему легко уже было исполнить царскія задачи, т.-е. достать свинку-золотую щетинку и златогриваго коня.

рукой махнулъ, ногой толкнулъ, черезъ два этажа перескакалъ, черезъ третій — нѣтъ; воротился назадъ, пустилъ своего коня въ зеленые заповѣдные луга, а самъ пришелъ домой, лёгъ на печи. Братья приходятъ: «Ахъ, дуракъ, что ты не пошелъ съ нами? вчера пріѣзжалъ хорошъ молодецъ, а нынче еще лучше; и гдѣ эта красота родилась?»— «Да не я ли дуракъ былъ?» — «Эхъ, дуракъ дурацкое и говоритъ! гдѣ тебѣ этакой красоты достать, гдѣ тебѣ эдакого коня взять? Знай на печи лежи...» — «Ну, не я, такъ авось завтра узнаете». На третье утро сбираются умные братья къ царю смотрѣть: «Пойдемъ, дуракъ, съ нами; нынче онъ ее поцѣлуетъ». — «Нѣтъ, не хочу; я въ поле пойду, кузовъ возьму, набью галокъ, домой принесу — и то собакамъ кормъ!» Вышелъ въ чистое поле, припалилъ конскіе волосы и закричалъ громкимъ голосомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся; въ правое ушко влѣзъ—въ цвѣтно платье нарядился, и сдѣлался такой молодецъ— ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Сѣлъ верхомъ, рукой махнулъ, ногой толкнулъ, черезъ всѣ три этажа перескакалъ, царскую дочь въ уста поцѣловалъ, а она его золотымъ перстнемъ ударила въ лобъ. Воротился дуракъ назадъ, пустилъ своего добраго коня въ заповѣдные луга, а самъ пришелъ домой, завязалъ голову платкомъ, лёгъ на полати. Братья приходятъ: «Ахъ, дуракъ! тѣ два раза молодцы пріѣзжали, а нынче еще лучше; и гдѣ эдакая красота родилась?»— «Да не я ли дуракъ былъ?» — «Ну, дуракъ дурацкое и орётъ! гдѣ тебѣ эдакой красоты достать?» Дуракъ развязалъ платокъ, всю избу освѣтилъ. Спрашиваютъ его братья: «Гдѣ ты эдакой красоты доставалъ?» — «Гдѣ бы ни было, да досталъ! а вы все не вѣрили; вотъ вамъ и дуракъ!» На другой день царь дѣлаетъ пиръ на весь міръ, приказалъ сзывать во дворецъ и бояръ, и князей, и простыхъ людей, и богатыхъ и нищихъ, и старыхъ и малыхъ; царевна де станетъ выбирать своего нареченнаго жениха. Умные братья сбираются къ царю на обѣдъ; дуракъ завязалъ голову тряпицею и говоритъ имъ: «Теперь хоть не зовите меня, я и самъ пойду». Пришелъ дуракъ въ царскіе чертоги и забился за печку. Вотъ царевна обноситъ всѣхъ виномъ, жениха выбираетъ, а царь за ней слѣдомъ ходитъ. Всѣхъ обнесла, глянула за печку и увидала дурака: у него голова тряпицей завязана, по лицу слюни да сопли текутъ. Вывела его Милолика-царевна, утерла платкомъ, поцѣловала и говоритъ: «Государь батюшка! вотъ мой суженой». Видитъ царь, что женихъ нашелся; хоть дуракъ, а дѣлать нечего — царское слово законъ! и сейчасъ же приказалъ обвѣнчать ихъ. У царя извѣстное дѣло — ни пиво варить, ни вино курить; живо свадьбу справили.

У того царя было два зятя, дуракъ сталъ третій. Одинъ разъ призываетъ онъ своихъ умныхъ зятьевъ и говоритъ таково слово: «Зятья

мои умные, зятья разумные! сослужите мнѣ службу, какую я вамъ велю: есть въ степи уточка-золотыя пёрушки; нельзя ли ее достать мнѣ?» Велѣлъ осѣдлать имъ добрыхъ коней и ѣхать за уточкою. Дуракъ услыхалъ и сталъ просить: «А мнѣ, батюшка, дай хоть водовозницу». Далъ ему царь шолудивую лошадёнку; онъ сѣлъ на нее верхомъ, къ лошадиной головѣ задомъ, къ лошадиному заду передомъ, взялъ хвостъ въ зубы, погоняетъ ладонями по бедрамъ: «Но, но, собачье мясо!» Выѣхалъ въ чистое поле, ухватилъ клячу за хвостъ, содралъ съ нее шкуру и закричалъ: «Эй! слетайтесь, галки, карги [1]) и сороки! вотъ вамъ батюшка корму прислалъ». Налетѣли галки, карги и сороки и съѣли все мясо; а дуракъ зоветъ сивку-бурку: «Стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; дуракъ влѣзъ въ лѣвое ушко — напился, наѣлся, въ правое влѣзъ — въ цвѣтно платье нарядился и сталъ молодецъ. Добылъ утку-золотыя пёрушки, раскинулъ шатёръ, самъ въ шатрѣ сидитъ; а возлѣ уточка ходитъ. Наѣхали на него умные зятья, спрашиваютъ: «Кто, кто въ шатрѣ? коли старъ старичокъ — будь намъ дѣдушка, коли среднихъ лѣтъ — будь намъ дядюшка!» Отвѣчаетъ дуракъ: «Въ вашу по́ру — братецъ вамъ». — «А что, братецъ, продаешь уточку-золотыя пёрушки?» — «Нѣтъ, она не продажная, а завѣтная».— «А сколько завѣту?» — «Съ правой руки по мизинцу». Отрѣзали по мизинцу съ правой руки и отдали дураку; онъ въ карманъ положилъ Пріѣхали зятья домой, полегли спать; царь съ царицею ходятъ да слушаютъ, что зятья говорятъ. Одинъ говоритъ женѣ: «Тише, руку мнѣ развередила!» Другой говоритъ: «Охъ, больно! рука болитъ». Поутру царь призываетъ къ себѣ умныхъ зятьевъ: «Зятья мои умные, зятья разумные! сослужите мнѣ службу, какую велю: ходитъ въ степи свинка-золотая щетинка съ двѣнадцатью поросятами; достаньте мнѣ ее» [2]). Приказалъ осѣдлать имъ добрыхъ коней; а дураку опять далъ шолудивую водовозницу. Дуракъ выѣхалъ въ чистое поле, ухватилъ клячу за хвостъ, содралъ шкуру: «Эй! слетайтесь, галки, карги и сороки! вамъ царь корму прислалъ». Слетѣлись галки, карги и сороки и расклевали все мясо. Дуракъ вызвалъ сивку-бурку, вѣщую каурку, добылъ свинку-золотую щетинку съ двѣнадцатью поросятами, и раскинулъ шатёръ; самъ въ шатрѣ сидитъ, свинка около ходитъ. Наѣхали умные зятья: «Кто, кто въ шатрѣ? коли старъ старичокъ — будь намъ дѣдушка, коли среднихъ лѣтъ — будь намъ дядюшка». — «Въ вашу по́ру— братецъ вамъ». — «Это твоя свинка-золотая щетинка?» — «Моя». — «Продай намъ ее; что возьмешь?» — «Не продажная, а завѣтная». — «Сколько завѣту?» — «Съ ноги по пальцу». Отрѣзали съ ноги по пальцу, отдали дураку и взяли свинку-золотую щетинку съ двѣнадцатью поросятами.

---

[1]) Воро́ны. [2]) Въ другихъ варіантахъ царь приказываетъ, вмѣсто свинки, добыть корову или козу-золотые рога.

На утро призываетъ царь своихъ умныхъ зятьевъ, приказываетъ имъ: «Зятья мои умные, зятья разумные! сослужите мнѣ службу, какую велю: ходитъ въ степи кобыла золотогривая съ двѣнадцатью жеребятами, нельзя ли достать ее?» — «Можно, батюшка!» Приказалъ царь осѣдлать имъ добрыхъ коней, а дураку опять далъ шолудивую водовозницу. Сѣлъ онъ къ лошадиной головѣ задомъ, къ лошадиному заду передомъ, взялъ въ зубы хвостъ, ладонями погоняетъ; умные зятья надъ нимъ смѣются. Выѣхалъ дуракъ въ чистое поле, ухватилъ клячу за хвостъ, содралъ шкуру: «Эй! слетайтесь, галки, карги и сороки! вотъ вамъ батюшка корму прислалъ». Слетѣлись галки, карги и сороки и поклевали все мясо. Тутъ закричалъ дуракъ громкимъ голосомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся, въ правое влѣзъ — въ цвѣтно платье нарядился и сталъ молодецъ. «Надо, говоритъ, добыть кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами». Отвѣчаетъ ему сивка-бурка, вѣщая каурка: «Прежнія задачи были ребячьи, а это дѣло трудное! возьми съ собой три прута мѣдныхъ, три прута желѣзныхъ и три оловянныхъ; станетъ за мною кобылица по горамъ, по доламъ гоняться, пріустанетъ и упадетъ наземь; въ это время не плошай, садись на нее и бей промежъ ушей всѣми девятью прутьями, пока на мелкія части изломаются; развѣ тогда покоришь ты кобылицу златогривую». Сказано — сдѣлано; добылъ дуракъ кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами и раскинулъ шатёръ; самъ въ шатрѣ сидитъ, кобылица къ столбу привязана. Наѣхали умные зятья, спрашиваютъ: «Кто, кто въ шатрѣ? коли старъ-старичокъ — будь намъ дѣдушка, коли среднихъ лѣтъ — будь намъ дядюшка». — «Въ вашу пору молодецъ — братецъ вамъ». — «Что, братецъ, твоя кобыла къ столбу привязана?» — «Моя». — «Продай намъ». — «Не продажная, а завѣтная». — «А сколько завѣту?» — «Изъ спины по ремню». Вотъ умные зятья жались-жались и согласились, дуракъ вырѣзалъ у нихъ по ремню изъ спины и положилъ въ карманъ, а имъ отдалъ кобылицу съ двѣнадцатью жеребятами. На другой день сбираетъ царь пиръ-пировать, всѣ сошлись. Дуракъ вынулъ изъ кармана отрѣзанные пальцы и ремни, и говоритъ: «Вотъ это — уточка-золотыя пёрушки, вотъ это — свинка-золотая щетинка, а вотъ это — кобылица золотогривая съ двѣнадцатью жеребятами!» — «Что ты бредишь, дуракъ?» спрашиваетъ его царь, а онъ въ отвѣтъ: «Государь-батюшка, прикажи-ка умнымъ зятьямъ перчатки съ рукъ снять». Сняли они перчатки: на правыхъ рукахъ мизинцовъ нѣтъ. «Это я съ нихъ по пальцу взялъ за уточку-золотыя пёрушки», говоритъ дуракъ; приложилъ отрѣзанныя пальцы на старыя мѣста — они вдругъ приросли и зажили. «Сними, батюшка, съ умныхъ зятьевъ сапоги». Сняли съ нихъ сапоги — и на ногахъ не хватаетъ по пальцу. «Это я съ нихъ взялъ за свинку-

золотую щетинку съ двѣнадцатью поросятами». Приложилъ къ ногамъ отрѣзанные пальцы — вмигъ приросли и зажили. «Батюшка, сними съ нихъ сорочки». Сняли сорочки, у обоихъ зятьевъ изъ спины по ремню вырѣзано. «Это я съ нихъ взялъ за кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами». Приложилъ тѣ ремни на старыя мѣста — они приросли къ спинамъ и зажили. «Теперь,—говоритъ дуракъ,—прикажи, батюшка, коляску заложить». Заложили коляску, сѣли и поѣхали въ чистое поле. Дуракъ прижогъ, припалилъ три конскіе волоса и крикнулъ громкимъ голосомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ, прибѣжалъ и сталъ какъ вкопаный. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся, въ правое влѣзъ — въ цвѣтное платье нарядился, и сдѣлался такой молодецъ—ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать! Съ того времени жилъ онъ съ своей женою по-царски, ѣздилъ въ коляскѣ, пиры задавалъ; на тѣхъ пирахъ и я бывалъ, медъ-вино пивалъ; сколько ни пилъ — только усы обмочилъ!

(Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго).

b. Жилъ-былъ царь, у него была дочь царевна Неоцѣненная Красота, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Царь сдѣлалъ кличъ по всѣмъ городамъ: кто поцѣлуетъ царевну черезъ двѣнадцать стёколъ, тотъ какого бы роду ни былъ, возьмётъ царевну себѣ въ жены и получитъ за нею полцарства. А въ этомъ царствѣ жилъ купецъ; у него было три сына: два—старшій и середній — умные, а третій, меньшой — дуракъ. Вотъ старшіе братья и говорятъ: «Мы, батюшка, поѣдемъ добывать царевну». — «Поѣзжайте съ Богомъ!» говоритъ купецъ. Взяли они себѣ что̀ ни самыхъ лучшихъ лошадей и стали собираться въ путь-дорогу, а дуракъ тоже себѣ собирается. «Куда тебѣ, дураку, ѣхать!—говорятъ братья.—Гдѣ тебѣ поцѣловать царевну!» и всячески надъ нимъ смѣются. Поѣхали они, а дуракъ вслѣдъ потащился на худой, паршивой лошадёнкѣ. Выѣхалъ въ поле, да какъ крикнетъ зычнымъ голосомъ: «Гой ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою». Откуда ни взялся отличной конь, бѣжитъ — земля дрожитъ. Дуракъ влѣзъ ему въ одно ушко, въ другое вылѣзъ, и сдѣлался такой молодецъ да красавецъ, что и не видывано, и не слыхивано! Сѣлъ на коня, пріѣхалъ къ царскому дворцу, какъ разлетится — такъ шесть стёколъ и разбилъ. Всѣ такъ и ахнули, кричатъ: «Кто таковъ? ловите его, держите!» а его и слѣдъ простылъ. Уѣхалъ себѣ въ поле, опять влѣзъ своему коню въ одно ушко, въ другое вылѣзъ, и сталъ такой же дуракъ, каковъ былъ прежде; сѣлъ на клячу, пріѣхалъ домой и лёгъ на печкѣ. Воротились и братья, разсказываютъ: «Вотъ, батюшка, былъ молодецъ, такъ молодецъ! шесть стёколъ за разъ пробилъ!» А дуракъ съ печки кричитъ: «Братцы! а

братцы! не я ли это былъ?»—«Куды тебѣ, дураку! тебѣ ли добыть царевну! ты ея ногтя не стоишь».

На другой день братья опять собрались ѣхать къ царскому дворцу, а дуракъ тоже себѣ собирается. «Ты зачѣмъ, дуракъ?—смѣются братья, Недоставало тебя тамъ, что ли?» А дуракъ выѣхалъ опять на паршивой, ледащей лошадёнкѣ въ поле и крикнулъ зычнымъ голосомъ: «Гой ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою». Конь бѣжитъ, земля дрожитъ. Опять влѣзъ коню въ одно ушко, въ другое вылѣзъ, и сдѣлался такой молодецъ да красавецъ, что и не видывано и не слыхивано. Разлетѣлся на царскомъ дворѣ, такъ всѣ двѣнадцать стеколъ и разбилъ и поцѣловалъ царевну Неоцѣненную Красоту, а она ему прямо въ лобъ клеймо и приложила. Всѣ такъ и ахнули, кричатъ: «Кто таковъ? ловите его, держите!» а его и слѣдъ простылъ. Уѣхалъ себѣ въ поле, опять влѣзъ своему коню въ одно ушко, въ другое вылѣзъ, и сталъ такой же дуракъ, каковъ былъ прежде. Пріѣхалъ домой, завязалъ свой лобъ тряпицею, притворился, что голова болитъ, и лёгъ на печку. Воротились и братья, и разсказываютъ: «Ахъ, батюшка, вотъ былъ молодецъ, такъ молодецъ! за разъ пробилъ всѣ двѣнадцать стёколъ и поцѣловалъ царевну». А дуракъ съ печи отзывается: «Братцы! а братцы! не я ли это былъ?»—«Куда тебѣ, дураку!»

Царевна тѣмъ времячкомъ думаетъ: «Кто бы таковъ былъ ея женихъ» приходитъ къ царю и говоритъ: «Батюшка, позволь мнѣ собрать всѣхъ царевичей и королевичей, дворянъ и купцовъ и всякихъ крестьянъ на пиръ-на бесѣду и поискать, кто меня поцѣловалъ». Царь дозволилъ. Вотъ собрался весь крещеный міръ; царевна сама всѣхъ обходитъ, сама всѣхъ виномъ угощаетъ да высматриваетъ, не примѣтитъ ли у кого на лбу клейма. Обошла ужъ всѣхъ и подъ конецъ стала подносить вино дураку. «А что это у тебя завязано?» спрашиваетъ царевна. «Такъ, ничего! голова болитъ», отвѣчаетъ дуракъ. «Ну-ка, развяжи!» Дуракъ развязалъ голову; царевна узнала клеймо и обмерла. Царь и говоритъ ей: «Теперь уже этого слова измѣнить нельзя; такъ тому и быть, будь ему женою». Перевѣнчали дурака съ царевною; она горько-горько плачетъ, а другія двѣ царевны, ея сёстры, что повыходили замужъ за царевичей, смѣются надъ нею: «Вотъ вышла за дурака!»

Разъ царь призываетъ своихъ зятьёвъ и говоритъ имъ: «Любезные мои зятья! я прослышалъ, что въ эдакомъ-то царствѣ, въ эдакомъ-то государствѣ есть диковинка: свинка-золотая щетинка. Нельзя ли ее какимъ образомъ добыть? Постарайтесь-ка!» Вотъ двое умныхъ-то зятьёвъ осѣдлали себѣ самыхъ что ни на есть отличныхъ лошадей, сѣли и поѣхали. «Ну, что жъ,—говоритъ царь дураку,—и ты поѣзжай». Дуракъ взялъ съ конюшни что ни есть самую послѣднюю клячу и поѣхалъ слѣдомъ за царевичами; выѣхалъ въ поле, закричалъ зычнымъ голосомъ:

«Гой ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою». Откуда ни взялся чудесной конь, такъ и храпитъ, копытомъ землю роетъ. Дуракъ влѣзъ ему въ одно ушко, въ другое вылѣзъ; откуда ни выскочили — стали передъ нимъ два молодца и спрашиваютъ: «Чего хочешь, чего изволишь?» — «Чтобъ была здѣсь разбита палатка, въ палаткѣ кроватка, а возлѣ гуляла бы свинка-золотая щетинка». Все это явилось въ одну минуту: раскинулась палатка, въ палаткѣ кроватка, на кроваткѣ разлёгся дуракъ да такимъ молодцомъ, что никому не признать его! а свинка-золотая щетинка гуляетъ возлѣ по́ лугу. Другіе зятья ѣздили-ѣздили, нигдѣ не видали свинки-золотой щетинки, и ворочаются ужъ домой; подъѣзжаютъ къ палаткѣ и видятъ диковинку. «Ахъ, вотъ гдѣ ходитъ-гуляетъ свинка-золотая щетинка! Поѣдемъ, говорятъ, что̀ ни дать — дадимъ, а ужъ купимъ свинку-золотую щетинку да угодимъ нашему тестю». Подъѣхали къ палаткѣ и поздоровались. Дуракъ спрашиваетъ: «Чего вы ѣздите, чего ищете?» — «Не продашь ли намъ свинку-золотую щетинку? мы давно ее ищемъ». «Нѣтъ, не продажная; себѣ нужна».—«Что хошь возьми, только продай!» — и даютъ они за свинку тысячу, и двѣ, и три тысячи, и больше. Дуракъ не соглашается: «Не возьму и ста тысячъ!» — «Пожалуста уступи; возьми, что хочешь». — «Ну, коли она вамъ очень надобна, я, пожалуй, отдамъ и недорого возьму: съ ноги по мизинцу». Вотъ они подумали-подумали, сняли сапоги и отрѣзали съ ноги по мизинцу. Дуракъ взялъ пальцы и спряталъ къ себѣ, а свинку-золотую щетинку отдалъ. Зятья пріѣзжаютъ домой и приводятъ съ собою свинку-золотую щетинку; царь отъ радости не знаетъ, какъ ихъ назвать, гдѣ посадить и чѣмъ угостить. «Не видали ли гдѣ дурака?» спрашиваетъ ихъ царь. — «Видомъ не видали, слыхомъ не слыхали»! А дуракъ влѣзъ коню въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, и сталъ такой же дуракъ, каковъ былъ прежде; убилъ свою клячу, содралъ съ нея кожу и надѣлъ на себя, потомъ наловилъ сорокъ, воро̀нъ, галокъ да воробьевъ, нацѣплялъ кругомъ на себя и пошелъ домой. Пришелъ во дворецъ и распустилъ всѣхъ своихъ птицъ: онѣ разлетѣлись по разнымъ сторонамъ и побили почитай всѣ окна. Царевна Неоцѣненная Красота какъ увидѣла это, такъ и залилася слезами, а сестры ея такъ и хохочутъ: «Наши мужья привезли свинку - золотую щетинку, а твой-то дуракъ, посмотри - ка, посмотри, какимъ уродомъ нарядился!» А царь закричалъ на дурака: «Это что за неучъ?» Ну, хорошо.

Въ другой разъ царь призвалъ своихъ зятьевъ и говоритъ имъ: «Любезные мои зятья! я прослышалъ, что въ эдакомъ-то царствѣ, въ эдакомъ - то государствѣ есть диковинка: олень золоторогой, золотохвостой. Нельзя ли его коимъ образомъ достать?» — «Можно, ваше царское величество». Вотъ двое умныхъ - то зятьевъ осѣдлали себѣ что̀ ни самыхъ лучшихъ лошадей и поѣхали. «Ну, что жъ,—говоритъ царь дураку,—поѣзжай и ты». Дуракъ взялъ съ конюшни что̀ ни есть самую

послѣднюю клячу и поѣхалъ слѣдомъ за умными зятьями. Выѣхалъ въ поле, закричалъ зычнымъ голосомъ: «Гой ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою». Откуда ни взялся чудесной конь, такъ и храпитъ, копытомъ землю роетъ. Вотъ онъ влѣзъ ему въ одно ушко, вылѣзъ въ другое; откуда ни выскочили — стали передъ нимъ два молодца и спрашиваютъ: «Чего хочешь, чего изволишь?» — «Чтобъ была здѣсь разбита палатка, въ палаткѣ кроватка, а возлѣ гулялъ олень золоторогой, золотохвостой». Въ ту жъ минуту раскинулась палатка, въ палаткѣ кроватка, на кроваткѣ разлѣгся дуракъ, да такимъ красавцемъ, что̀ и не признаешь! а возлѣ гуляетъ по̀ лугу олень золоторогой, золотохвостой. Умные зятья ѣздили-ѣздили, нигдѣ не видали такого оленя, и ворочаются домой; стали подъѣзжать къ палаткѣ и видятъ диковинку. «Вотъ гдѣ гуляетъ-та олень золоторогой, золотохвостой! Поѣдемъ, говорятъ; что́ ни дать — дадимъ, а ужъ купимъ этого оленя, да угодимъ тестю». Подъѣхали, поздоровались. Дуракъ спрашиваетъ: «Чего вы ѣздите, чего ищете?» — «Не продашь ли намъ оленя золоторогаго, золотохвостаго?»—«Нѣтъ, не продажный? себѣ надобенъ». — «Что хошь возьми, да продай!» и даютъ за оленя тысячу и двѣ, и три тысячи, и больше. Дуракъ и слышать не хочетъ, не беретъ денегъ: «А коли вамъ полюбился мой олень, я, пожалуй, за него недорого возьму: съ руки по мизинцу». Вотъ они подумали-подумали и согласились, сняли перчатки и отрѣзали съ руки по мизинцу. Дуракъ спряталъ пальцы къ себѣ, а оленя отдалъ. Пріѣзжаютъ зятья домой и приводятъ оленя золоторогаго, золотохвостаго; царь отъ радости не знаетъ, какъ ихъ назвать, гдѣ посадить и чѣмъ угостить. «Не видали ль гдѣ дурака?» спросилъ царь. «Видомъ не видали,—говорятъ зятья,—слыхомъ не слыхали!» А дуракъ влѣзъ опять коню въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, и сталъ такимъ же, каковъ былъ прежде. Убилъ свою клячу, содралъ съ нея кожу и надѣлъ на себя, наловилъ послѣ галокъ, воро̀нъ, сорокъ, воробьевъ, нацѣпялъ ихъ кругомъ себя и пошелъ домой. Опять приходитъ во дворецъ и пустилъ птицъ въ разныя стороны. Жена его, царевна, такъ и зарыдала, а сестры ея смѣются: «Наши мужья привели оленя-золоторогаго, золотохвостаго, а твой-то дуракъ — посмотри-ка, посмотри!..» Царь на дурака закричалъ: «Что за неучъ такой!» а умнымъ зятьямъ полцарства отдалъ.

Въ третій разъ призываетъ царь своихъ зятьевъ и говоритъ: «Ну, любезные мои зятья! отдамъ я вамъ и все мое царство, коли вы добудете мнѣ коня золотогриваго, золотохвостаго, о которомъ прослышалъ я, что есть въ эдакомъ-то царствѣ, въ эдакомъ-то государствѣ». Вотъ двое умныхъ-то зятьевъ осѣдлали себѣ попрежнему что̀ ни есть самыхъ лучшихъ лошадей и поѣхали въ путь-дорогу. Царь посылаетъ и дурака: «Ну, что жъ? поѣзжай и ты». Дуракъ взялъ съ конюшни самую послѣднюю клячу и поѣхалъ слѣдомъ за умными; выѣхалъ въ поле и закричалъ зычнымъ голосомъ: «Гой ты, сивка-бурка, вѣщая

каурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою». Откуда ни взялся чудесной конь, такъ и храпитъ, копытомъ землю роетъ. Вотъ влѣзъ онъ ему въ одно ушко, въ другое вылѣзъ — и сдѣлался такимъ красавцемъ, что̀ и признать его никому не въ мочь! Вдругъ откуда ни выскочили — стали передъ нимъ два молодца и спрашиваютъ: «Чего хочешь, чего изволишь?» — «Чтобъ была здѣсь разбита палатка, въ палаткѣ кроватка, а возлѣ гулялъ бы конь, золотогривой, золотохвостой». Тотчасъ раскинулась палатка, въ палаткѣ кроватка, на кроваткѣ разлёгся дуракъ, а возлѣ гуляетъ по̀ лугу конь золотогривой, золотохвостой. Умные зятья ѣздили-ѣздили, нигдѣ не видали такого коня, и ворочаются домой; стали подъѣзжать къ палаткѣ и видятъ такую диковинку. «Вотъ гдѣ ходитъ - гуляетъ конь золотогривой, золотохвостой! Поѣдемъ, говорятъ: что ни дать — дадимъ, а ужъ купимъ коня золотогриваго, золотохвостаго да угодимъ тестю». Подъѣхали, поздоровались. Дуракъ говоритъ: «Чего вы ѣздите, чего ищете?» — «Продай намъ коня золотогриваго, золотохвостаго».—«Нѣтъ, не продажный; самому нуженъ». — «Что хошь возьми, только продай!» и даютъ ему за коня тысячу, и двѣ, и три тысячи, и больше. «Не возьму и сотни тысячъ!» говоритъ дуракъ. «Пожалуста, уступи, возьми, что знаешь». — «Ну, коли вамъ очень надо, я, пожалуй, отдамъ и недорого возьму: дайте со спины по ремню вырѣзать». Вотъ они думали-думали, мялись-мялись, и коня-то очень хочется, и себя-то жалко, и рѣшились, наконецъ: раздѣлись, сняли съ себя рубашки; дуракъ вырѣзалъ у нихъ изъ спины по ремню, взялъ и спряталъ ремни къ себѣ, а имъ отдалъ коня. Пріѣзжаютъ зятья домой и приводятъ съ собой коня золотогриваго, золотохвостаго; царь отъ радости не знаетъ, какъ ихъ назвать, гдѣ посадить и чѣмъ угостить, и отдалъ имъ и остальную половину своего царства. А дуракъ опять влѣзъ коню въ одно ушко, вылѣзъ въ другое и сталъ такимъ же, каковъ былъ прежде, опять убилъ свою клячу, содралъ съ нея кожу и надѣлъ на себя, наловилъ галокъ, сорокъ, ворóнъ, воробьевъ и нацѣплялъ ихъ вокругъ себя. Пришелъ во дворецъ и распустилъ птицъ по сторонамъ: онѣ разлетѣлись и побили почитай всѣ окна. Царевна-то, его жена, плачетъ, а сестра ея такъ и смѣются. «Наши мужья привели коня золотогриваго, золотохвостаго; а твой-то дуракъ, посмотри-ка, посмотри, какимъ уродомъ идетъ!» Закричалъ царь на дурака: «Что это за неучъ такой! я тебя велю разстрѣли(я)ть». А дуракъ спрашиваетъ: «Чѣмъ-то будешь меня жаловать?» — «За что тебя, дурака, жаловать-то!» — «Да коли пойдетъ на правду, я добылъ тебѣ и свинку - золотую щетинку, и оленя золоторогаго, и коня золотогриваго». — «А чѣмъ докажешь?» спрашиваетъ царь. Дуракъ говоритъ: «Вели, государь, снять своимъ зятьямъ сапоги - то». Зятья начали переминаться, не хотятъ снимать сапоговъ. «Снимите сапоги!—заставляетъ царь.—Тутъ еще нѣтъ вины». Сняли сапоги; царь смотритъ: нѣтъ у нихъ на ногахъ по пальцу.

«Вотъ ихніе пальцы!» говоритъ дуракъ. «Прикажите теперь снять имъ перчатки». Сняли перчатки, и в рукахъ нѣтъ по пальцу. «Вотъ они!» говоритъ дуракъ. «Прикажите-ка теперь снять имъ рубашки». Царь видитъ, что дѣло идетъ на правду, велѣлъ имъ раздѣваться. Сняли рубашки, видитъ царь: у каждаго вырѣзано изъ спины по ремню, шириною пальца въ два. «Вотъ эти ремни!» говоритъ дуракъ, и разсказываетъ все, какъ было. Царь не зналъ, какъ его угостить и какъ пожаловать; отдалъ ему все царство, а другихъ зятьевъ за то, что обманывали, велѣлъ разстрѣли(я)ть. Дуракъ вышелъ въ поле, закричалъ зычнымъ голосомъ: «Гой ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою». Конь бѣжитъ, земля дрожитъ. Дуракъ влѣзъ въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, сдѣлался молодцомъ да красавцемъ, воротился домой и сталъ съ своею царевною жить да поживать, да добра наживать.

(Записана въ Бобровскомъ уѣздѣ, Воронежской губ.).

С. Живъ колись на свитѣ старе́нькій панокъ вдовецъ и мавъ у себе трёхъ сынивъ: двохъ розумныхъ, а третёго дурня; и дурень усе́ було сидить у грубѣ [1]) и мне въ попелѣ пузыри. Якъ же прійшла пора батькови умирати, то винъ, зозвавши до себе усѣхъ, заповѣдавъ, щобъ вони дѣ jого поховаютъ [2]) — приходили по очереди три ночи зряду каждый особне до jого на могилу: старшій на першу ничь, середульшій на другу, а дурень на третю. И послѣ якъ уме́ръ, вони jого поховали и одпоминали; то дурень, дождавшись темной ночи, вылизъ изъ грубы, и побачивши, що у бративъ повни хаты гостей, пьютъ та бенкетуютъ [3]), спитавъ старшого: чи пиде винъ на могилу до батька? и почувши, якъ сказавъ той: не хо́чу, — побривъ самъ, никому не сказавши, до могилы и сивъ изъ боку коло еjи. У саму-жъ глупу [4]) ничь земля на могилѣ разступилась и батько, вылизши наверхъ зъ ямы, спитавъ: «А хто тутъ сидить?» Якъ же почувъ, що обизвався дурень и розсказавъ, що старшій казавъ: ити не хо́чу; то винъ отдаючи jому уздечку веливъ, щобъ коли jому буде яка нужда, або чого треба — то потрясъ бы уздечкою, и до jого прибижить заразъ чорный кинь; тогда влизъ бы jому у праве ухо, а у ливе вылизъ, и загадувавъ коню чого jому треба. А самъ полизъ упять у яму, и могила затулилась [5]). Тогди дурень, узявши уздечку, вернувся до дому и полизъ у грубу спати. На другій же день почувши, що гости у бративъ бенкетуютъ, и дождавшись ничи знайшовъ середульшаго и спитавъ: чи пиде винъ до батька на могилу? но якъ сказавъ и сей, ще не хо́чу, то винъ побривъ самъ и сивъ на тимъ же мѣсцѣ коло могилы. У саму-жъ глуху ничь

---

[1]) На печи. [2]) Похоронятъ.
[3]) Пируютъ. [4]) Въ глухую (словарь Чужбинскаго, стр. 73).
[5]) Закрылась, затворилась.

земля на могилѣ розступилась, батько зъ ямы вылизъ наверхъ, и узнавши, що сидить дурень, а середульшій сказавъ: не хо̀чу, то винъ, отдавши јому и другу уздечку, тоже веливъ: якъ треба колись буде, щобъ винъ потрясъ уздечкою, и заразъ прибижить до јого рыжій кинь; то винъ щобъ улизъ јому у праве ухо, а у ливе вылизъ и загадувавъ коню чого јому треба. Самъ сховався у яму, земля зтулилась, а дурень, вернувшись до дому, полизъ у грубу спати. Проснувшись же на третій день почувъ, що усе гости бенкетуютъ, и дождавшись ничи, пишовъ на могилу, якъ тильки гаразъ смеркло, и сивъ у тимъ же самимъ мѣсцѣ коло могилы. Земля разступилась, батько зъ ямы вылизъ и побачивши, що сидить дурень, отдавъ јому и третью уздечку, и розказавъ, що коли јому чого буде треба, то щобъ потрясъ јию — и тоди вже прибижить до јого кинь сивый; щобъ влизъ јому у праве ухо, а у ливе вылизъ, и загадувавъ, чого буде треба. Попрощавсь зъ дурнемъ, не звеливъ вже до могилы приходити, полизъ у яму. Земля зтулилась, и дурень, зъ уздечкою вернувшись до дому, полизъ у грубу спати.

У те жъ саме время царь тіи земельки, дѣ живъ дурень зъ брата̀ми, мавши у себе одну дочку - дивку, построивъ теремъ, чи стовпъ каменный превысокій, и разославъ по царству бумаги, що хто зъ молодцивъ достане тамъ дочку јого, за то̀го отдастъ еји и усе царство зъ нею. И назначивъ для того три дня, коли хто схоче зъ царивъ и панивъ и усякаго народу, зъјизжатись и сходитись. То до бративъ дурневыхъ зъјихалось богато молодцивъ, и брати вже туда убирались сами и ко́ней убирали; дурень попросивъ, щобъ узяли и јого хочь подивитись, но уси вони осміявши јого покинули дома. Дакъ винъ, узявши перву уздечку и выйшовши за царину [1]) у поле далеченько, якъ потрясъ уздечкою, то заразъ прибигъ до јого чорный якъ галка кинь и поспитавъ: «Чого треба?» а в(у)знавши звеливъ лизти у праве ухо, а у ливе вылазить. И якъ зробивъ се дурень, то самъ себе не пизнавъ въ дорогій одежѣ — дуже хорошій зробився! А кинь јого поспитавъ: «Чи бѣгти по земли, чи пиднятись ви(ы)ще? [2]) скочивши разъ, полетивъ якъ птиця, и долетивши до царивны, мимо еји промчався. Тутъ народъ наробивъ крику, щобъ ловити; но винъ якъ птиця тильки мелькнувъ, отбигъ у поле, знявъ зъ коня узду, самъ перемѣнився, прійшовъ до дому и полизъ у грубу. Якъ же прійихали браты и навезли гостей до себѣ, то тильки и мови [3]) було, що про тее чудо. На другій же день упять народъ збирався, и до бративъ зајихали товариство и вже готовились јихать, такъ и дурень попрохавсь, щобы взяли јого хочь подивитись. Но вони надъ нимъ насміявшись поїихали. Тогди дурень узявши другу уздечку, выйшовъ у поле далеченько, потрясъ уздечкою— и заразъ прибигъ до јого рыжій кинь и поспитавъ: «Чого треба?» а

---

[1]) Огорожа кругомъ деревни. [2]) Выше. [3]) Рѣчи.

взнавши звеливъ влизти у праве ухо, а ливе вылизти. И якъ зробивъ тее дурень, то ставъ ще въ богатчій одежѣ и кращій [1]), нижъ [2]) первый разъ. И звеливъ кóню нести јого отъ земли высоко. Кинь якъ скочивъ разъ, то дурень и не вглядивъ, коли ставъ коло царивны и еји минувъ; прибигши жъ у поле почувъ, що народъ кричавъ ловить, но вже пизно. Винъ съ коня уздечку знявъ, самъ перемѣнився пишовъ до дому и полизъ у грубу. Браты прійихали зъ гостями и усе розказували те чудо. А на третій день упять народъ тудажъ збирався; до бративъ зајихало товариство, и вже зъ двора выјизжали, тогди и дурень, узявши третю уздечку, выйшовъ у поле, потрясъ уздечкою—и заразъ прибигъ до јого кинь сивый, и взнавши, для чого винъ званый, звеливъ пролизти у обое уха. А якъ дурень тее зробивъ, то явився ще въ богатчій одежѣ и кращій одъ первыхъ двохъ разивъ, и звеливъ нести јого одъ земли высоко. Кинь якъ скочивъ разъ — долетивъ до царивны; дурень зорвавъ у ніи изъ шіи платочокъ, а вона вдарила јого у лобъ перстнемъ — напечаталась печатка. Народъ кричавъ, кричавъ, що ловить; но винъ пролетивъ, зъ коня уздечку знявъ у полѣ, самъ перемѣнився, прійшовъ до дому и улизъ у грубу; а печатка на лобѣ осталася вично.

На другій же день послався царь усихъ оглядати, у кого на лобѣ осталась печатка. Пòсланци, обійшовши зкризь [3]) и усихъ оглядивши, привернули и до бративъ, и не знайшовши ни на одному печатки, выволокли дурня зъ грубы за ноги, и якъ углядѝли на јого лобѣ печатку — полякались [4]): узявши зъ собою дурня, повели до царя и царь, щобъ не измѣнять слова, звеливъ попамъ јого зъ дочкòю звѣнчати, и давъ имъ, щобъ вони жили, особу хатину. А самъ объявивъ, що хто приведе до јого козу, на которій золотà та сребна шерсть, тому вручить царство. Зобралѳсь богато розного народу и по усихъ дорогахъ и стежкахъ розъихались козы шукаты. Такъ и дурень упросивъ жинку, щобъ выпросила и јому у царя яку - нибудь шкапу [5]). А якъ вона зъ слёзами выпросила водовоза, то винъ узявши зъ собою перву уздечку и сивши на шкапу задомъ до головы, а очима до хвоста, узявъ у зубы хвистъ и погоняючи долонею, выјихавъ у поле, а тамъ вставши узявъ за хвистъ, смыкнувъ [6]) и стягъ шкуру, стерво покинувъ собакамъ, а самъ потрясъ уздечкою, и якъ прибигъ до јого чорный кинь, то винъ розказавши, чого треба и взнавши одъ јого, дѣ коза ходить, пролизъ кризь уха, перемѣнився зовсимъ и сивши на коня заразъ козу піймавъ, привьязавъ до стремена и вернувся назадъ потихеньку. Недалеко жъ одъјихавши зустрѝвъ [7]) одного изъ тихъ, що поjихали козу шукаты, и той ставъ просить, щобъ винъ узявъ що хоче и козу јому оддавъ. Такъ дурень стребовавъ изъ правой руки отъ крайнёго пал(ь)ця урѣзать одинъ суставъ, и той согласився; такъ винъ козу отдавъ, а суставъ заховавъ у кишеню.

---

[1]) Красивѣе. [2]) Нежели. [3]) Вездѣ. [4]) Лякать—пугать.
[5]) Клячу. [6]) Дернулъ. [7]) Встрѣтилъ.

И якъ розъjихались, то дурень узду зъ коня знявъ и прiйшовъ до дому, а той якъ прививъ до царя козу, то царь зготувавъ обидъ, скликавъ народъ и объявивъ, що хто ще приведе до jого дикого кабана въ золотѣ та въ среблѣ, то той и царство получить. На другой день зобрався народъ, и уси въ розны стороны разъjихались кабана шукаты. И дурень упять намигся [1]) на жинку, щобъ и jому выпросила у царя шкапу. И та якъ зъ плачемъ выпросила, то винъ упять выjихавши у поле зтягъ шкуру, покинувъ стерво у поле, а самъ потрясъ другою уздечкою. И якъ прибигъ кинь рыжiй, то винъ розказавши, чого треба, и почувши одъ jого: дѣ кабанъ ходить, пролизъ у обое уха, перемѣнився, сивъ на коня и заразъ пiймавъ кабана, привьязавъ у пояса и вернувся назадъ. Недалеко жъ отъjихавши устривъ упять того, що козу купивъ, и якъ ставъ винъ прохаты, щобъ и кабана jому оддавъ, то дурень потребовавъ, щобъ на правiй же руцѣ давъ одрѣзать другого пал(ь)ця першiй суставъ; и той согласився. Винъ урѣзавъ суставъ, заховавъ у кишеню, оддавъ кабана, а самъ одъjихавши знявъ уздечку, коня пустивъ и вернувся до дому. Якъ же той прививъ кабана, то царь звеливъ готувати обидъ, усихъ скликавъ и сказавъ, що хто йще приведе у послiдній разъ кобылу въ золотѣ та въ среблѣ, то той вже получить и царство. На третiй день зобрався народъ и уси розъjихались въ разныи мѣста кобылу шукаты. Такъ и дурень на жинку намигся, щобъ jому выпросила шевлюгу [2]). Вона пишла до царя, и хочь той не хотивъ давати за те, що двое вже пропало, но уваживши на слёзы давъ; а сей выjихавши у поле также зтягъ шкуру, стерво покинувъ собакамъ, а самъ узявъ третью уздечку и потрясъ. И якъ прибигъ кинь сивый и дурень jому разсказавъ, чого треба, а кинь объявивъ, що кобыла теперь зъ нимъ паслась у полѣ; то винъ, пролизши у обое ухо, перемѣнився, на коня сивъ, заразъ кобылу пiймавъ и вернувся назадъ. Не дojизжаючи до дому, зустривъ упять того жъ человика и за кобылу зторговався, щобъ на тiй же руцѣ урѣзать третего пал(ь)ця першiй суставъ. И якъ урѣзавъ, сховавъ суставъ у кишеню, самъ одъjихавъ, зъ коня узду знявъ и вернувся до дому. А якъ привели кобылу, то царь звеливъ готувати обидъ, поззывавъ народъ, и сидя за столомъ объявивъ, що завтра вручае царство тому, хто пiймавъ козу, кабана *и* кобылу. Тогди дурень объявивъ, що усе половивъ винъ и попродавъ за суставы на правiй руцѣ изъ палцивъ, и вынявши поклавъ на тарелку суставы, а тому звеливъ, щобъ показавъ руку. Тогди народъ здивувався, царь и jого жинка зрадувались, повставали одъ обида, вышли уси на дви(о)ръ, а дурень потрясъ усими трёма уздечками — прибигли уси три кони; винъ лазивъ до усихъ у обое уха и перемѣнявся такъ, що изъ хорошаго зробився кращимъ, а изъ кращаго эще кращимъ, на коняхъ летавъ по-

---

[1]) Напустился на жену, присталъ къ ней.

[2]) Клячу.

верхъ хатъ и лѣсивъ. Коней винъ не пустивъ у поле, а поставивъ зъ кобылою, кабаномъ и козою у стаднѣ [1]). Самъ зробився царемъ, вій-шòвъ жить у царськи будинки [2]), бративъ зробивъ панами; Богъ послалъ жинци двохъ близнюкивъ дитокъ; надъ батькомъ выстроивъ церковъ, що-дня [3]) його поминае, самъ пье горилку зъ барѝльця [4]), и я прихопився [5]), тай соби напився — по бородѣ текло, а въ ротѣ не було!

Примѣчаніе. Здѣсь соединены въ одно два особенные разсказа: первый — о добываніи красавицы-невѣсты при помощи чудесныхъ коней, второй — о пріисканіи диковинныхъ животныхъ: свинки-золотой щетинки, золотоперой утки, золоторогаго оленя и золотогриваго коня (объ этихъ диковинныхъ животныхъ см. Поэт. Воз., I, гл. 10 и 12). Варіантъ этой сказки напечатанъ подъ заглавіемъ: «О Иванушкѣ-дурачкѣ въ изданіи «Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы или 2-я часть настоящихъ русскихъ сказокъ, М., 1819 г.» и отдѣльно въ Москвѣ 1838 и 1847 годовъ.

Былъ-жилъ старикъ, у него было три сына: двое умныхъ, а третій Иванушка-дурачокъ. Умирая, отецъ приказалъ имъ три ночи сряду ходить по очереди на его могилу и ночевать тамъ. Когда умеръ старикъ и его похоронили, большому брату не захотѣлось итти на отцовскую могилу. «Дай дураку пирогъ [6]),—сказалъ онъ своей женѣ,—пусть пойдетъ за меня, ночуетъ на могилѣ». Дуракъ взялъ пирогъ, положилъ на плечо дубину и пошелъ на отцовскую могилу. Въ самую полночь вдругъ свалился съ могилы камень, земля раскрылась, всталъ старикъ (онъ былъ колдунъ) [7]) и спросилъ: «Кто пришелъ ночевать?» — «Я, батюшка, твой сынъ-дуракъ». — «Ну, дуракъ, коли ты пришелъ, подарю тебѣ за то подарокъ». Послѣ того старикъ свистнулъ-гаркнулъ богатырскимъ посвистомъ, молодецкимъ покрикомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!» Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ, а изъ ноздрей пламя пышетъ; и какъ прибѣжалъ, то и сталъ передъ старикомъ какъ вкопаной. «Вотъ тебѣ конь,—сказалъ отецъ,—владѣй по смерть свою»; потомъ показалъ ему весь приборъ: копье, палицу боевую и мечъ-кладенецъ, и какъ скоро пропѣли пѣтухи — свалился въ могилу. Поутру пошелъ дуракъ домой. «Что тебѣ привидѣлось ночью?» спрашивали его братья. «Ничего,—отвѣчалъ онъ,—я проспалъ до разсвѣта». На другую и на третью ночь опять ходилъ дуракъ на отцовскую могилу, и оба раза случилось то же. Въ это время одинъ царь велѣлъ отвесть лобное мѣсто и на томъ мѣстѣ поставить двѣнадцать вѣнцовъ и кликать кличъ: кто пере-

---

[1]) Въ конюшнѣ. [2]) Большой домъ, дворецъ. [3]) Ежедневно. [4]) Барило—боченокъ. [5]) Примкнулъ, присталъ. [6]) По другому списку дуракъ получаетъ старые онучи и лапти, беретъ краюшку хлѣба и отправляется на могилу.

[7]) Что колдуны по смерти могутъ вставать изъ могилъ — это повѣрье, общеее многимъ народамъ.

скочитъ на конѣ всѣ двѣнадцать вѣнцовъ, тотъ получитъ въ жены прекрасную царевну [1]). Стали собираться короли и королевичи, цари и царевичи и сильные могучіе богатыри; поѣхали и братья Иванушки-дурачка. «Братцы, возьмите и меня съ собою!» сказалъ Иванушка-дурачокъ. «Куда тебя, дурака, нелёгкая несётъ!—закричали братья:— оставайся дома да лежи на печи». Только они уѣхали, дуракъ слѣзъ съ печи, и говоритъ своимъ невѣсткамъ: «Дайте мнѣ лукошко, я хоть въ лѣсъ пойду да грибовъ наберу». Невѣстки дали ему лукошко; дуракъ пошелъ въ чистое поле, положилъ лукошко подъ кустикъ, а самъ свистнулъ молодецкимъ посвистомъ, гаркнулъ богатырскимъ покрикомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Прибѣжалъ конь и сталъ какъ вкопаной. Дуракъ въ одно ушко коню влѣзъ, напился тамъ, наѣлся, хорошенько нарядился, а въ другое вылѣзъ и сталъ такой молодецъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Сѣлъ на коня и поѣхалъ прямо къ городу; нагналъ своихъ братьевъ, поровнялся и началъ ихъ бить плетью, чтобъ посторонились и дали ему дорогу. И какъ пріѣхалъ къ лобному мѣсту, ударилъ коня по крутымъ бедрамъ. Его конь осержается, отъ земли отдѣляется, выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго, и перепрыгнулъ шесть вѣнцовъ. Тутъ закричали: «Держи, держи!» Но Иванушка поворотилъ назадъ, ускакалъ въ чистое поле, влѣзъ своему коню въ одно ушко, разрядился, вылѣзъ въ другое, и сталъ попрежнему дуракъ дуракомъ. Взялъ свое лукошко, пошелъ по лѣсу, набралъ мухоморовъ и всякихъ грибовъ, что̀ никуды не годятся, и принесъ домой. Невѣстки разсердились. «Что ты, дуракъ,— говорили онѣ,—развѣ тебѣ одному ѣсть эти грибы!» А дуракъ сказалъ: «Вотъ еще! поди, набери грибовъ, да и то не угодишь». Воротились домой братья и стали разсказывать о молодцѣ, что̀ нагналъ ихъ доро́гою, да такой озорникъ — больно прибилъ за то, что они не посторонились. Дуракъ, сидя на печи, говорилъ: «Полно, не я ли васъ билъ, братцы!» — «Что ты врешь, дуракъ!» закричали на него братья. Въ другой разъ Иванушка-дурачокъ перепрыгнулъ на своемъ конѣ десять вѣнцовъ, а въ третій разъ и всѣ двѣнадцать вѣнцовъ; царевна въ ту жъ минуту влѣпила ему въ лобъ алмазную звѣзду, а сама закричала: «Держи, лови, лови его!» Но дуракъ ускакалъ. Завязалъ себѣ голову тряпицею и засѣлъ на печи. Царь велѣлъ всѣмъ собираться къ себѣ на пиръ, и какъ собрались, стала царевна обносить всѣхъ напитками; подошла къ дураку и спросила: «Что у тебя лобъ-то завязанъ?» — «Ходилъ я,—говоритъ дуракъ,—въ лѣсъ за грибами, упалъ да зашибся». Царевна развязала тряпицу, и вдругъ освѣтилась вся палата. Дуракъ

---

[1]) По другому списку: кто достанетъ до окна, у котораго сидитъ царевна, поцѣлуетъ ее и помѣняется съ нею перстнемъ, за того она выйдетъ замужъ; а высота покоевъ до окна была двѣнадцать вѣнцовъ.

женился на царевнѣ. — Послѣ того услышалъ царь, что въ его заповѣдныхъ лугахъ бѣгаетъ олень золоторогой, и приказываетъ зятьямъ своимъ поймать его. Иванушка-дурачокъ взялъ вмѣсто добраго коня коростовую кобылу, сѣлъ на нее задомъ къ головѣ, а передомъ къ хвосту, взялся за хвостъ и поѣхалъ съ царскаго двора; выѣхалъ въ чистое поле, содралъ съ лошади кожу, повѣсилъ на шестъ, а самъ закричалъ: «Сбѣгайтесь, сѣрые волки! слетайтесь, сороки, вороны! вотъ вамъ гостинецъ отъ царя». Свистнулъ и призвалъ сивку-бурку; клалъ на коня сѣдельцо черкасское, двѣнадцать подпругъ шолку шемаханскаго: шолкъ не рвется, булатъ не трется, аравитское золото въ грязи не ржавѣетъ; поскакалъ какъ птица, и добылъ оленя золоторогаго. Послѣ того добылъ дуракъ свинку-золотую щетинку съ двѣнадцать юпоросятами, и вѣтку съ золотой сосны, что̀ растетъ за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, въ подсолнечномъ государствѣ, а вѣтки на ней серебряныя, и на тѣхъ вѣткахъ сидятъ птицы райскія, поютъ пѣсни царскія; да подлѣ сосны стоятъ два колодца съ живою водою и мертвою. По другому списку, вмѣсто оленя добываетъ Иванушка-дурачокъ кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами, а вмѣсто вѣтки съ золотой сосны — яблонь съ золотыми и серебряными плодами и листьями, которая также растетъ за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, въ заповѣдномъ лугу, и весь лугъ освѣщаетъ, какъ красное солнышко [1]). — См. также въ Труд. Курск. Стат. Комит., I, стр. 527 — 9; Глинск., I, 43 — 72.

107. Волшебный конь.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ со старухою, и за всю ихъ бытность не было у нихъ дѣтей. Вздумалось имъ, что вотъ де лѣта ихъ древнія, скоро помирать надо, а наслѣдника Господь не далъ, и стали они Богу молиться, чтобы сотворилъ имъ дѣтище на поминъ души. Положилъ старикъ завѣтъ: «Коли родитъ старуха дѣтище, въ ту пору кто ни попадется первой навстрѣчу, того и возьму кумомъ». Черезъ сколько-то времени забрюхатѣла старуха и родила сына. Старикъ обрадовался, собрался и пошелъ искать кума; только за ворота, а навстрѣчу ему катитъ коляска, четвернёй запряжена; въ коляскѣ государь сидитъ. Старикъ не знавалъ государя, принялъ его за боярина, остановился и давай кланяться. «Что тебѣ, старичокъ, надобно?» спрашиваетъ государь. «Да прошу твою милость, не во гнѣвъ будь сказано: окрести моего новорожденнаго сынка». — «Аль у тебя нѣтъ никого на деревнѣ знакомыхъ?» — «Есть

[1]) Эта сказка была передѣлана г. Бодянскимъ въ изданіи его «Наськы Украиньски казкы, запорозьця Иська Матырынкы» (Казка про дурня да его коня-срибна шерстынка, золота шерстынка). Въ сербской сказкѣ (стр. 110) упоминается о чорномъ ягнёнкѣ съ золотыми рогами.

у меня много знакомыхъ, много пріятелей, да брать въ кумовья не годится, потому что такой завѣтъ положѐнъ: кто первой встрѣтится, того и просить».—«Хорошо,—говоритъ государь,—вотъ тебѣ сто рублевъ на крестины; завтра я самъ буду». На другой день пріѣхалъ онъ къ старику; тотчасъ позвали попа, окрестили младенца и нарекли ему имя Иванъ. Началъ этотъ Иванъ расти не по годамъ, а по часамъ — какъ пшеничное тѣсто на опарѣ подымается; и приходитъ ему каждой мѣсяцъ по почтѣ по сту рублевъ царскаго жалованья. Прошло десять лѣтъ, выросъ онъ большой и почуялъ въ себѣ силу непомѣрную. Въ то самое время вздумалъ про него государь: есть де у меня крестникъ, а каковъ онъ — не вѣдаю; пожелалъ его лично видѣть и тотчасъ послалъ приказъ, чтобы Иванъ - крестьянскій сынъ, не медля нимало, предсталъ предъ его очи свѣтлыя. Сталъ старикъ собирать его въ дорогу, вынулъ деньги и говоритъ: «На-ка тебѣ сто рублевъ, ступай въ городъ на конную, купи себѣ лошадь; а то путь дальной — пѣшкомъ не уйдешь». Иванъ пошелъ въ городъ, и попадается ему на дорогѣ старъ-человѣкъ. «Здравствуй, Иванъ - крестьянской сынъ! куда путь держишь?» Отвѣчаетъ доброй мо́лодецъ: «Иду, дѣдушка, въ городъ, хочу купить себѣ лошадь». — «Ну, такъ слушай меня, коли хочешь счастливъ быть. Какъ прійдешь на конную, будетъ тамъ одинъ мужичокъ лошадь продавать крѣпко-худую, паршивую; ты ее и выбери, и сколько бъ ни запросилъ съ тебя хозяинъ — давай, не торгуйся! А какъ купишь, приведи ее домой и паси въ зеленыхъ лугахъ двѣнадцать вечеровъ и двѣнадцать утровъ по росамъ — тогда ты ее узнаешь!» Иванъ поблагодарилъ старика за науку и пошелъ въ городъ; приходитъ на конную, глядь — стоитъ мужичокъ и держитъ за узду худую, паршивую лошадёнку. «Продаешь коня?» — «Продаю». — «А что просишь?» — «Да безъ торгу сто рублевъ». Иванъ — крестьянской сынъ вынулъ сто рублевъ, о̀тдалъ мужику, взялъ лошадь и повелъ ко двору. Приводитъ домой, отецъ глянулъ и рукой махнулъ: «Пропащія деньги!» — «Подожди, батюшка! авось на мое счастье лошадка поправится». Сталъ Иванъ водить свою лошадь каждое утро и каждый вечеръ въ зеленые луга на пастбище, и вотъ какъ прошло двѣнадцать зорь утреннихъ да двѣнадцать зорь вечернихъ — сдѣлалась его лошадь такая сильная, крѣпкая да красивая, что ни вздумать, ни взгадать, развѣ въ сказкѣ сказать, и такая разумная — что̀ только Иванъ на умѣ помыслитъ, а она ужъ вѣдаетъ. Тогда Иванъ-крестьянской сынъ справилъ себѣ збрую богатырскую, осѣдлалъ своего добраго коня, простился съ отцомъ, съ матерью и поѣхалъ въ столичной городъ къ царю-государю. Ѣхалъ онъ близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ли, очутился у государева дворца, соскочилъ на̀земь, привязалъ богатырскаго коня за кольцо къ дубовому столбу и велѣлъ доложить царю про свой пріѣздъ. Царь приказалъ его не задерживать, пропустить въ палаты безъ всякой задирки. Иванъ вошелъ въ царскіе покои,помо-

лился на святыя иконы, поклонился царю и вымолвилъ: «Здравія желаю, ваше величество!» — «Здравствуй, крестникъ!» отвѣчалъ государь, посадилъ его за столъ, началъ угощать всякими напитками и закусками, а самъ на него смотритъ-дивуется: славной молодецъ — и лицомъ красивъ, и умомъ смышлёнъ, и ростомъ взялъ; никто не подумаетъ, что ему десять лѣтъ, всякой двадцать дастъ да еще съ хвостикомъ! «По всему видно,—думаетъ царь,—что въ этомъ крестникѣ далъ мнѣ Господь не простого воина, а сильномогучаго богатыря». И пожаловалъ его царь офицерскимъ чиномъ и велѣлъ при себѣ служить.

Иванъ-крестьянской сынъ взялся за службу со всею охотою, ни отъ какого труда не отказывается, за правду грудью стоитъ; полюбилъ его за то государь пуще всѣхъ своихъ генераловъ и министровъ, и никому изъ нихъ не сталъ довѣрять такъ много, какъ своему крестнику. Озлобились на Ивана генералы и министры, и стали совѣтъ держать, какъ бы оговорить его передъ самимъ государемъ. Вотъ какъ-то созвалъ царь къ себѣ знатныхъ и близкихъ людей на обѣдъ; какъ усѣлись всѣ за столъ, онъ и говоритъ: «Слушайте, господа генералы и министры! какъ вы думаете о моемъ крестникѣ?» — «Да что сказать, ваше величество! мы отъ него не видали ни худого, ни хорошаго; одно дурно — больно хвастливъ уродился. Ужъ не разъ отъ него слыхивали, что въ такомъ-то королевствѣ, за тридевять земель, выстроенъ большой мраморной дворецъ, а кругомъ превысокая ограда поставлена — не пробраться туда ни пѣшему, ни конному! Въ томъ дворцѣ живетъ Настасья-прекрасная королевна. Никому ея не добыть, а онъ, Иванъ, похваляется ее достать, за себя замужъ взять». Царь выслушалъ этотъ оговоръ, приказалъ позвать своего крестника, и сталъ ему сказывать: «Что жъ ты генераламъ да министрамъ похваляешься, что можешь достать Настасью-королевну, а мнѣ про то ничего не докладываешь? — «Помилуйте, ваше величество! — отвѣчаетъ Иванъ-крестьянской сынъ,— мнѣ того и во снѣ не снилося». — «Теперь поздно отпираться; у меня коли похвалился, такъ и дѣло сдѣлай; а не сдѣлаешь — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Запечалился Иванъ-крестьянской сынъ, повѣсилъ свою головушку ниже могучихъ плечъ, и пошелъ къ своему доброму коню. Возговоритъ ему конь человѣческимъ голосомъ: «Что, хозяинъ, кручинишься, а мнѣ правды не сказываешь?» — «Ахъ, мой доброй конь! отчего мнѣ веселому быть? Оговорило меня начальство передъ самимъ государемъ, будто я могу добыть и взять за себя замужъ Настасью-прекрасную королевну. Царь и велѣлъ мнѣ это дѣло исполнить, а не то хочетъ рубить голову». — «Не тужи, хозяинъ! молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренѣе. Мы это дѣло обдѣлаемъ; только попроси у царя побольше денегъ, чтобы не скучать намъ дорогою, было бы вдоволь и поѣсть, и попить, что захочется». Иванъ переночевалъ ночь, всталъ поутру, явился къ государю и сталъ просить

на походъ золотой казны. Царь приказалъ выдать ему, сколько надобно. Вотъ доброй молодецъ взялъ казну, надѣлъ на своего коня збрую богатырскую, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ путь-дорогу.

Близко ли, далеко ли; скоро ли, коротко ли, заѣхалъ онъ за тридевять земель, въ тридесятое королевство, и остановился у мраморнаго дворца; кругомъ дворца стѣны высокія, ни воротъ, ни дверей не видно; какъ за ограду попасть? Говоритъ Ивану его доброй конь: «Подождемъ до вечера! какъ только стемнѣетъ — оборочусь я сизокрылымъ орломъ и перенесусь съ тобой черезъ стѣну. Въ то время прекрасная королевна будетъ спать на своей мягкой постели; ты войди къ ней прямо въ спальню, возьми ее потихохоньку на̀ руки и неси смѣло». Вотъ хорошо, дождались они вечера; какъ только стемнѣло, ударился конь о сырую землю, оборотился сизокрылымъ орломъ, и говоритъ: «Время намъ свое дѣло дѣлать; смотри, не давай маху!» Иванъ-крестьянской сынъ сѣлъ на орла; орелъ поднялся въ поднебесье, перелетѣлъ черезъ стѣну и поставилъ Ивана на широкомъ дворѣ. Пошелъ доброй молодецъ въ палаты, смотритъ — вездѣ тихо, вся прислуга спитъ глубокимъ сномъ; онъ въ спальню — на кроваткѣ лежитъ Настасья-прекрасная королевна, разметала во снѣ покровы богатые, одѣяла соболіи. Засмотрѣлся доброй молодецъ на̀ ея красоту неописанную, на ея тѣло бѣлое, отуманила его любовь горячая, не выдержалъ и поцѣловалъ королевну въ уста сахарныя. Отъ того пробудилась красная дѣвица и съ испугу закричала громкимъ голосомъ; на ея голосъ поднялись, прибѣжали слуги вѣрные, поймали Ивана-крестьянскаго сына и связали ему руки и ноги на̀крѣпко. Королевна приказала его въ темницу посадить и давать ему въ день по стакану воды да по фунту чернаго хлѣба. Сидитъ Иванъ въ крѣпкой темницѣ и думаетъ думу невеселую: «Вѣрно, здѣсь мнѣ положить свою буйную голову!» А его доброй богатырской конь ударился о́земь и сдѣлался малою птичкою, влетѣлъ къ нему въ разбитое окошечко и говоритъ: «Ну, хозяинъ! слушайся: завтра я выломлю двери и тебя ослобоню; ты спрячься въ саду за такимъ-то кустомъ; тамъ будетъ гулять Настасья-прекрасная королевна, а я обернусь бѣднымъ старикомъ и стану просить у ней милостыни; смотри жъ, не зѣвай! не то худо будетъ». Иванъ повеселѣлъ, птичка улетѣла. На другой день бросился богатырскій конь къ темницѣ и выбилъ дверь копытами; Иванъ-крестьянской сынъ выбѣжалъ въ садъ и сталъ за зеленымъ кустикомъ. Вышла погулять по̀ саду прекрасная королевна, только поровнялась супротивъ кустика — какъ подошелъ къ ней бѣдной старичокъ, кланяется и проситъ со слезами святой милостыни. Пока красная дѣвица вынимала кошелекъ съ деньгами, выскочилъ Иванъ-крестьянской сынъ, ухватилъ ее въ охапку, зажалъ ей ротъ таково крѣпко, что нельзя и малаго голосу подать. Въ тотъ же мигъ обернулся старикъ сизокрылымъ орломъ, взвился съ королевною и добрымъ молодцемъ высоко-высоко, перелетѣлъ черезъ ограду, опустился на землю

и сдѣлался попрежнему богатырскимъ конемъ. Иванъ-крестьяской сынъ сѣлъ на коня, и Настасью-королевну съ собой посадилъ; говоритъ ей: «Что, прекрасная королевна, теперь не запрешь меня въ темницу?» Отвѣчаетъ прекрасная королевна: «Видно, мнѣ судьба быть твоею; дѣлай со мной, что самъ знаешь!»

Вотъ ѣдутъ они путемъ-дорогою; близко ли, далеко ль; скоро ли, коротко ль, пріѣзжаютъ на большой зеленой лугъ. На томъ лугу стоятъ два великана, другъ дружку кулаками потчуютъ; избились-исколотились до крови, а ни одинъ другого осилить не можетъ; возлѣ нихъ лежатъ на травѣ помело да клюка. «Послушайте, братцы,—спрашиваетъ ихъ Иванъ-крестьянской сынъ,—за что вы деретесь?» Великаны перестали драться и говорятъ ему: «Мы оба — родные братья; померъ у насъ отецъ, и осталось послѣ него всего-навсего имѣнія — вотъ это помело да клюка; стали мы дѣлиться, да и поссорились: каждому вишь хочется все себѣ забрать! Ну, мы и рѣшились драться не на животъ, на смерть; кто въ живыхъ останется — тотъ обѣ вещи получитъ». — «А давно вы спорите?» — «Да вотъ ужъ три года, какъ другъ дружку колотимъ, а толку все не добьемся!» — «Эхъ вы! есть изъ-за чего смертнымъ боемъ драться. Велика ли корысть — помело да клюка!» — «Не говори, братъ, чего не вѣдаешь! Съ этимъ помеломъ да съ клюкою хоть какую силу побѣдить можно. Сколько бъ непріятель войска ни выставилъ, смѣло выѣзжай навстрѣчу: гдѣ махнешь помеломъ — тамъ будетъ улица, а перемахнешь — такъ и съ переулочкомъ. А клюка тоже надобна: сколько бъ ни захватилъ ею войска — все въ плѣнъ заберешь!»—«Да, вещи хорошія,—думаетъ Иванъ,—пожалуй, пригодились бы и мнѣ. Ну, братцы! говоритъ, хотите — я раздѣлю васъ поровну». — «Раздѣли, доброй человѣкъ!» Иванъ-крестьянской сынъ слѣзъ съ своего богатырскаго коня, набралъ горсть мелкаго песку, завелъ великановъ въ лѣсъ и разсѣялъ тотъ песокъ на всѣ на четыре стороны. «Вотъ, говоритъ, собирайте песокъ; у кого больше будетъ, тому и клюка и помело достанется». Великаны бросились собирать песокъ, а Иванъ тѣмъ временемъ схватилъ и клюку и помело, сѣлъ на коня — и поминай какъ звали! Долго ли, коротко ли — подъѣзжаетъ онъ къ своему государству и видитъ, что его крестнаго отца постигла бѣда немалая: все царство повоевано, около стольнаго города стоитъ рать-сила несмѣтная, грозитъ все огнемъ пожечь, самого царя злой смерти предать. Иванъ-крестьянской сынъ оставилъ королевну въ ближнемъ лѣсочкѣ а самъ полетѣлъ на войско вражее: гдѣ помеломъ махнетъ — тамъ, улица, гдѣ перемахнетъ — тамъ съ переулочкомъ! Въ короткое время перебилъ цѣлыя сотни, цѣлыя тысячи; а что отъ смерти уцѣлѣло, то зацѣпилъ клюкою и живьемъ приволокъ въ стольной городъ. Царь встрѣтилъ его съ радостью, приказалъ въ барабаны бить, въ трубы трубить и пожаловалъ генеральскимъ чиномъ и несчетной казною. Тутъ Иванъ-крестьянской сынъ вспомнилъ про Настасью-прекрасную

королевну, отпросился на время и привёзъ ее прямо во дворецъ. Похвалилъ его царь за удаль богатырскую, велѣлъ ему домъ готовить да свадьбу справлять. Женился Иванъ-крестьянской сынъ на прекрасной королевнѣ, отпировалъ свадьбу богатую и сталъ себѣ жить не тужить. Вотъ вамъ сказка, а мнѣ бубликовъ связка.

108. Конь, скатерть и рожокъ.

Жила-была старуха, у ней былъ сынъ дуракъ. Вотъ однажды нашолъ дуракъ три гороховыхъ зерна, пошолъ за село и посѣялъ ихъ тамъ. Когда горохъ взошолъ, сталъ онъ его караулить, приходитъ разъ на горохъ и увидалъ, что сидитъ на немъ журавль и клюетъ. Дуракъ подкрался и поймалъ журавля. «О! говоритъ, я тебя убью!» А журавль говоритъ ему: «Нѣтъ, не бей меня; я тебѣ гостинчикъ дамъ». — «Давай!» сказалъ дуракъ — и журавль далъ ему коня, говоря: «Если тебѣ захочется денегъ, скажи этому коню: стой! а какъ наберешь денегъ, скажи: но!» Вотъ дуракъ взялъ коня, сталъ садиться на него и сказалъ: стой! Конь и разсыпался въ серебро [1]). Дуракъ захохоталъ; потомъ сказалъ: но! и серебро обратилось въ коня. Распростился дуракъ съ журавлёмъ и повёлъ коня домой, взвёлъ на дворъ и прямо привёлъ его къ матери въ избу, привёлъ и даетъ ей строгой приказъ: «Матушка! не говори: стой! говори: но!» — а самъ тутъ же ушелъ на горохъ. Мать была долго въ раздумьи: «Для чего говорилъ онъ мнѣ такія слова? Дай скажу стой!» и сказала. Вотъ конь и разсыпался въ серебро. У старухи глаза разгорѣлись; поспѣшно начала она собирать деньги въ свою коробью, и какъ удовольствовалась — сказала: но!

Межъ тѣмъ дуракъ опять засталъ на своемъ горохѣ журавля, поймалъ его и грозилъ ему смертью. Но журавль сказалъ: «Не бей меня! я тебѣ гостинку дамъ» — и далъ ему скатерть: «Вотъ какъ захочешь ты ѣсть, скажи: развернись! а какъ поѣшь, скажи: сверни сь!» Дуракъ тутъ же сдѣлалъ опытъ, сказалъ: развернись! Скатерть развернулась. Онъ наѣлся-напился и говоритъ: свернись! Скатерть свернулась. Онъ взялъ ее и понёсъ домой: «Вотъ смотри, матушка, не говори этой скатерти: развернись! а говори: свернись!» А самъ дуракъ опять пошолъ на горохъ. Мать и съ скатертью сдѣлала то же, что̀ съ конёмъ; сказала: развернись и начала гулять, ѣсть и пить все, что было на скатерти; потомъ сказала: свернись! Скатерть и свернулась.

Дуракъ опять поймалъ на горохѣ журавля, который далъ ему въ гостинецъ рожокъ и, поднимаясь отъ него кверху, сказалъ: «Дуракъ, скажи: изъ рожка!» Дуракъ на свою бѣду и сказалъ это самое

---

[1]) Въ другихъ спискахъ выводится конь, который испражняется деньгами.

слово; вдругъ изъ рожка выскочили два молодца съ дубинами и начали утюжить дурака, и до того утюжили, что онъ бѣдный съ ногъ свалился. Журавль сверху закричалъ: въ р о ж о к ъ ! — и молодцы спрятались. Вотъ дуракъ пришелъ къ матери и говоритъ: «Матушка! не говори: и з ъ р о ж к а ! а говори: въ р о ж о к ъ !» Мать, какъ вышелъ дуракъ къ сосѣдямъ, заперла дверь на крючокъ и сказала: и з ъ р о ж к а ! Сейчасъ выскочили два молодца съ дубинами и начали утюжить старуху, она кричитъ во все горло. Дуракъ услыхалъ крикъ, бѣжитъ со всѣхъ ногъ, прибѣгъ, хвать — дверь на крючкѣ; онъ и закричалъ: в ъ р о ж о к ъ ! в ъ р о ж о к ъ ! Старуха, опомнившись отъ побоевъ, отперла дураку дверь. Дуракъ взошолъ и сказалъ: «То-то, матушка! я тебѣ сказывалъ — не говори такъ-то!»

Вотъ дуракъ вздумалъ задать пиръ, и созываетъ господъ и бояръ. Только они собрались и посѣлись, дуракъ и приводитъ въ избу коня и говоритъ: «с т о й, добрый конь!» Конь разсыпался въ серебро. Гости удивились и почали грабить себѣ деньги да прятать по карманамъ. Дуракъ сказалъ: н о ! — и конь опять явился, только безъ хвоста. Видитъ дуракъ, что время гостей подчивать, вынулъ скатерть и сказалъ: р а з в е р н и с ь ! Вдругъ развернулась скатерть, и на ней всякихъ закусокъ и напитковъ наставлено великое множество. Гости начали пить, гулять и веселиться. Какъ всѣ удовольствовались, дуракъ сказалъ: с в е р н и с ь ! — и скатерть свернулась. Гости стали зѣвать и съ насмѣшкой говорить: «Покажи намъ, дуракъ, еще что-нибудь!» — «Изволь,—сказалъ дуракъ,—«для васъ можно!» и приноситъ рожокъ. Гости прямо и закричали: изъ р о ж к а ! Откуда ни взялись два молодца съ дубинками, начали колотить ихъ изо всей мочи, и до того били, что гости принуждены были отдать украденныя деньги, а сами разбѣжались. А дуракъ съ матерью, конемъ, скатертью и рожкомъ стали жить да поживать, да больше добра наживать.

(Записана въ Тамбовской губ.).

109. Двое изъ сумы.

Жилъ старикъ съ старухой. Вотъ старуха на старика всегда бранится, что ни день — то помяломъ, то рогачомъ [1]) отваляетъ его: старику отъ старухи житья вовсе нѣтъ! и пошолъ онъ въ поле, взялъ съ собою тенеты и постановилъ ихъ. И помалъ [2]) онъ журавля, и говоритъ ему: «Будь мнѣ сыномъ! я тебя отня(е)су своей старухѣ, авось она не будетъ теперь на меня ворчать». Журавль ему отвѣчаетъ: «Батюшка! пойдемъ со мною въ домъ» [3]). Вотъ онъ и пошолъ къ нему въ домъ.

---

[1]) Ухватомъ. [2]) Поймалъ. [3]) Въ «Собраніи старинныхъ русск. сказокъ» это мѣсто изложено обстоятельнѣе: «Старикъ выскочилъ изъ-за куста, и, подходя ближе къ тенетамъ, говорилъ самъ себѣ: ну, слава Богу! теперь ста-

Пришли; журавль взялъ со стѣны сумку и говоритъ: двое изъ сумы! [1]) Вотъ сейчасъ вылѣзли изъ сумы два молодца, стали становить столы дубовые, слать скатерти шелковыя, подавать ѣствы и питья разныя. Старикъ видитъ такую сладость, что съ роду никогда не видывалъ, и обрадовался оченно. Журавль и говоритъ ему: «Возьми эту суму себѣ и неси своей старухѣ». Вотъ онъ взялъ и пошолъ; шолъ путемъ дальнимъ и зашолъ къ кумѣ ночевать, у кумѣ(ы) было три дочери. Собрали ему поужинать, чѣмъ Богъ послалъ. Онъ ѣстъ-не ѣстъ и говоритъ кумѣ: «Плоха твоя ѣда!» — «Какая есть, батюшка!» отвѣчала кума. Вотъ онъ и говоритъ: «Соби(е)ри свою ѣду-та» — а которая была у него сума, той говоритъ, какъ приказывалъ ему журавль: двое изъ сумы! Въ ту жъ минуту двое изъ сумы вылѣзли, зачали становить столы дубовые, слать скатерти шелковыя, подавать ѣствы и питья разныя. Кума съ дочерьми своими удивилась, задумала унесть у старика эту суму, и говоритъ дочерямъ: «Подите, истопите баньку; можетъ, куманекъ попарится въ банькѣ-то». Вотъ только онъ вышелъ въ баню-то, а кума сейчасъ приказала своимъ дочерямъ сшить точно такую же суму, какая у старика; онѣ сшили — и положили свою сумку старику, а его суму себѣ взяли. Старикъ вышелъ изъ бани, взялъ обмѣненную суму и весело пошолъ въ домъ свой къ старухѣ; приходитъ ко двору и кричитъ громкимъ голосомъ: «Старуха, старуха! встрѣчай меня съ журавлемъ-сыномъ». Старуха глядитъ на него быстро и ворчитъ промежъ себя: «Поди-ка ты, старый кобель! я тебя отваляю рогачомъ». А старикъ свои слова говоритъ: «Старуха, встрѣчай меня съ журавлемъ-сыномъ». Вшолъ въ избу старикъ, повѣсилъ суму на крючокъ и кричитъ: «Двое изъ сумы!» Изъ сумы нѣтъ никого. Вотъ онъ въ другой разъ: «Двое изъ сумы!» Изъ сумы опять нѣтъ никого. Старуха видитъ, что онъ говоритъ бознать [2]) что, ухватила помяло мокро, и ну старика гвоздить [3]).

Старикъ испугался, заплакалъ и пошолъ опять въ поле. Отколь не взялси(я) прежній журавль, видитъ его несчастье и говоритъ: «Пойдемъ, батюшка, опять ко мнѣ въ домъ». Вотъ онъ и пошолъ. У журавля опять сума виситъ такая же. «Двое изъ сумы!» сказалъ журавль. Двое изъ сумы вылѣзли и поставили такой обѣдъ, какъ и прежніе. «Возьми себѣ эту суму», говоритъ журавль старику. Вотъ онъ взялъ суму и пошолъ; шолъ-шолъ по дорогѣ, и захотѣлось ему поѣсть, и говоритъ онъ, какъ приказывалъ журавль: «Двое изъ сумы!» Двое изъ сумы вы-

---

руха на меня не будетъ ворчать; я ей принесу журавля, котораго убьемъ, наварimъ, нажаримъ и вмѣстѣ съѣдимъ. Журавль, услыша сіе, возговорилъ старику человѣческимъ голосомъ: «Почтенный старикъ! не носи ты меня домой и не бей, но выпусти изъ тенетъ и дай мнѣ свободу; будь ты мнѣ отцомъ, а я тебѣ буду сынъ». Старикъ отпустилъ журавля, но старуха разсердилась за то на него, прибила и прогнала со двора. Старикъ идетъ къ журавлю и получаетъ суму и т. дал.—

[1]) *Вар.* изъ торбы. [2]) Т.-е. Богъ знаетъ. [3]) Крѣпко бить.

лѣзли — такіе молодцы, съ большими калдашами [1]), и начали его бить, приговаривая: «Не заходи къ кумѣ, не парься въ банѣ!» — и до тѣхъ поръ били старика, пока онъ не выговорилъ кое-какъ: «Двое въ суму!» Какъ только изговорилъ эти слова, двое въ суму и спрятались. Вотъ старикъ взялъ суму и пошолъ; пришолъ къ той же кумѣ, повѣсилъ суму на крючокъ и говоритъ кумѣ: «Истопи мнѣ баньку». Она истопила. Старикъ пошолъ въ баню: парится — не парится, только время проводитъ. Кума созвала своихъ дочерей, усадила за столъ — захотѣлось ей поѣсть — и говоритъ: «Двое изъ сумы!» Двое изъ сумы вылѣзли съ большими калдашами и ну куму бить, приговаривая: «Отдай старикову суму!» Били, били... вотъ она и говоритъ большой дочери. «Поди, кликни кума изъ бани; скажи, что двое совсѣмъ меня прибили».—«Я ща [2]) не испарился» [3])! отвѣчаетъ старикъ. А они все больше ее бьютъ, приговаривая. «Отдай старикову суму!» Вотъ кума послала другую дочь: «Скорѣе вели куманьку итти въ избу». Онъ отвѣчаетъ: «Я ща голову не мылъ». Она и третью посылаетъ. «Я ща не купался», говоритъ старикъ. Терпѣнья нѣтъ кумѣ! велѣла принесть украденную суму. Вотъ старикъ вышелъ изъ бани, увидалъ свою прежнюю суму и говоритъ: «Двое въ суму!» Двое въ суму съ калдашами и ушли.

Вотъ старикъ взялъ обѣ сумы — и сердиту, и хорошу, и пошолъ домой. Подходитъ ко двору и кричитъ старухѣ: «Встрѣчай меня съ журавлемъ-сыномъ». Она на него быстро глядитъ: «Поди-ка ты домой-то, я тебя отваляю». Взошелъ въ избу старикъ, зоветъ старуху. «Садись за столъ», и говоритъ: «Двое изъ сумы!» Двое изъ сумы вылѣзли, наставили и пить и ѣсть. Старуха наѣлась-напилась и похвалила старика: «Ну, старикъ! я теперь бить тебя не стану». Старикъ, наѣвшись, вышелъ на дворъ, хорошую суму вынесъ въ клѣть, а сердитую повѣсилъ на крючокъ; а самъ по двору ходитъ — не ходитъ, только время проводитъ. Захотѣлось старухѣ еще выпить, и говоритъ она стариковы слова. «Двое изъ сумы»! Вотъ вылѣзли двое изъ сумы съ большими калдашами и начали бить старуху; до тѣхъ поръ били, что у ней мочи не стало! Кличетъ старика: «Старикъ, старикъ! поди въ избу; меня двое прибили!» А онъ ходитъ — не ходитъ, только посмѣивается да поговариваетъ: «Они тебѣ зададутъ!» Двое еще больше бьютъ старуху и приговариваютъ: «Не бей старика! не бей старика!» Наконецъ старикъ сжалился надъ старухою, вошолъ въ избу и сказалъ: «Двое въ суму!» Двое въ суму и и спрятались. Съ тѣхъ поръ старикъ со старухою стали жить такъ хорошо, такъ дружно, что старикъ вездѣ ею похваляется, тѣмъ и сказка кончается.

(Записана въ слободѣ Казачьей, Тамбовской губ.).

Примѣчаніе къ сказ. 108 — 109. Подобныя сказки существуютъ у разныхъ народовъ — хотя съ нѣкоторыми отмѣнами въ обстановкѣ

---

[1]) Колдай—палка съ шишкою на одномъ концѣ. [2]) Еще. [3]) Не выпарился.

и подробностяхъ, но вездѣ съ сохраненіемъ однѣхъ и тѣхъ же основъ содержанія,—знакъ, что имъ должно приписать весьма древнее происхожденіе. Въ спискѣ подъ № 108 являются тѣ чародѣйныя диковинки, которыя именно и составляютъ неотъемлемое достояніе сказочнаго міра и къ которымъ народная фантазія такъ часто любитъ возвращаться въ своихъ разсказахъ: конь, разсыпающійся серебромъ и золотомъ, скатерть-самобранка или самовертка, мгновенно надѣляющая своего владѣтеля всякими ѣствами и питьями (она упоминается и въ сказкахъ: Иванъ-царевичъ и Марѳа-царевна, № 68: о сильномъ, храбромъ, непобѣдимомъ богатырѣ Иванѣ-царевичѣ и о прекрасной супругѣ его царь-дѣвицѣ, и въ другихъ), и рожокъ, откуда по желанію выскакиваютъ два сильныхъ и драчливыхъ молодца. Вмѣсто скатерти-самобранки и рожка въ спискѣ подъ № 109 встрѣчаемъ двѣ сумы, изъ которыхъ выскакиваютъ *двое;* изъ первой сумы *двое* накрываютъ столъ съ роскошными ѣствами и питьями, а изъ другой являются съ дубинами и потчуютъ ударами. Съ тѣми же подробностями сказка эта была напечатана въ изданіи: «Собраніе старинныхъ русскихъ сказокъ» (Москва, 1830 г.) подъ заглавіемъ: «О старикѣ и сынѣ его журавлѣ». Журавль надѣляетъ своего названнаго отца диковинными сумками. Г. Худяковъ сообщилъ два варіанта (II, N 48 и 49): въ одномъ изъ нихъ вмѣсто журавля выставленъ куликъ, а вмѣсто молодцовъ съ дубинками—щипцы; только скажи: «Щипцы изъ коробки!» — они тотчасъ выскочатъ и начнутъ щипать. Сличая другія редакціи этой сказки, столь распространенной у разныхъ народовъ, мы встрѣчаемся съ миѳическими дѣятелями, отъ которыхъ и получаются чудесныя сумки и другія диковинки сказочнаго эпоса. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя любопытное вниманіе изданіе сказки: Смирный мужикъ и драчливая жена.

Мужичокъ нѣкій жилъ съ своею женою въ великой скудости. Онъ былъ такъ смиренъ, какъ теленокъ, а жена его такъ зла, какъ змѣя лютая; она мужа своего всегда ругала и била за самую малую бездѣлицу. Въ нѣкое время злая жена выпросила у сосѣда на одинъ хлѣбецъ ржи и послала своего мужа, чтобы пошелъ онъ къ мельнику смолоть рожь. Мельникъ пустилъ его, ради бѣдности, на свою мельницу и далъ ему смолоть рожь. Смоловши, пошелъ мужикъ домой. Вдругъ сдѣлался такой сильный вѣтеръ, что въ одну минуту сдунулъ всю муку изъ чашки, въ которой несъ ее мужикъ. Пришелъ мужикъ домой и сказалъ о томъ своей женѣ; а жена, услыша то, начала его бранить и бить немилосердно и била до тѣхъ поръ, пока устала, а потомъ стала посылать его къ Вѣтру, который развѣялъ у него муку, чтобы взять съ Вѣтра за муку деньги или столько же муки, сколько въ чашкѣ было [1]). Мужикъ,

[1]) Въ старинную повѣсть о царѣ Соломонѣ занесенъ разсказъ о бабѣ, которая жаловалась Соломону на вѣтеръ, разсыпавшій у нея муку (Лѣтописи рус. литерат. и древн., т. IV, стр. 147).

претерпѣвъ отъ жены своей толикіе побои, пошелъ заплакавши изъ своего дома, и шелъ не зная куда; зашелъ онъ въ дремучій лѣсъ и ходилъ по тому лѣсу дремучему. Попалась ему навстрѣчу старуха и спросила мужика: «Добрый человѣкъ! куда идешь, куда путь держишь? какъ тебя занесло въ сію сторонушку? Вѣдь сюда мало птица залетаетъ и рѣдко звѣрь забѣгаетъ».—«Матушка-старушка,—отвѣчалъ онъ,—завела меня сюда неволя. Ходилъ я на мельницу рожь молоть и, смоловши, высыпалъ муку въ чашку и пошелъ домой; на ту пору вдругъ подулъ такой сильный вѣтеръ, что всю муку изъ чашки сдунулъ. Я пришелъ домой безъ муки и сказалъ о томъ своей женѣ; а она прибила меня и послала къ Вѣтру, чтобъ онъ отдалъ мою муку или заплатилъ за нее деньгими. Теперь же я хожу, ищу Вѣтра и не знаю, гдѣ его найтить. «Поди за мною,—сказала ему старуха,—я мать Вѣтрова, но у меня ихъ четыре сына: первый — Вѣтерь Восточный, второй — Полуденный, третій — Западный, а четвертый — Полуночный. Такъ скажи же мнѣ теперь, который Вѣтеръ раздулъ муку?» — «Полуденный, матушка!» молвилъ мужикъ.

Старуха повела старика въ лѣсъ далѣе и привела его въ небольшую хижину и сказала: «Вотъ, мужичокъ, я здѣсь живу. Полѣзай же ты на печь и окутайся хорошенько, какъ можно; мои дѣти скоро будутъ».—«Для чего же мнѣ кутаться?» спросилъ мужикъ.—«Для того,—сказала старуха,—что сынъ мой Полуночный Вѣтръ очень холоденъ; онъ зазнобитъ тебя скоро». Послѣ того старухины дѣти стали собираться. Когда пришелъ Полуденный Вѣтеръ, то старуха, кивнувъ съ печи мужика, стала говорить своему сыну: «Сынъ мой любезный, Полуденный Вѣтерочекъ! на тебя есть жалоба. Зачѣмъ ты бѣдныхъ людей обижаешь? Ты у этого мужика муку развѣялъ, которую онъ нёсъ въ чашкѣ; теперь заплати ему за муку хоть деньгами или чѣмъ хочешь». — «Хорошо, матушка,—сказалъ ей Вѣтеръ,—я ему заплачу за муку». Вѣтеръ крикнулъ къ себѣ мужика и сказалъ ему: «Слушай, мужичокъ! возьми себѣ эту коробочку; въ ней все есть, что только вздумаешь. И когда тебѣ что захочется: денегъ ли, хлѣба ли, кушанья ли, питья ли какого. скота ли, или что тебѣ вздумается — то скажи только: коробочка, дай мнѣ вотъ то и то-то! Она тотчасъ тебѣ и дастъ. Поди же теперь домой; вотъ тебѣ платёжъ за твою муку». Мужикъ, поклонясь Вѣтру и поблагодаривъ его за коробочку, пошелъ домой. Когда онъ принёсъ коробочку домой, то отдалъ ее своей женѣ и сказалъ: «Вотъ тебѣ, жена, коробочка! въ ней все есть, что тебѣ надобно, только лишь попроси у нея». Жена, взявъ коробочку, сказала: «Коробочка! дай мнѣ хорошей муки на хлѣбы». Коробочка тотчасъ ей дала, сколько надобно было. Она попросила у коробочки еще кое-что, а коробочка все ей давала въ ту же минуту. Черезъ нѣсколько дней случилось мимо мужиковой избы ѣхать знатному помѣщику. Увидѣвши его, жена мужикова тотчасъ сказала своему мужу: «Поди и зови его къ себѣ въ гости, а

ежели не зазовешь его къ себѣ въ гости, то я прибью тебя до полусмерти». Мужикъ, убоясь побой отъ жены своей, пошелъ звать дворянина къ себѣ на пиръ; а жена его въ то время набрала у коробочки всякаго кушанья и напитковъ и, собравъ на столъ, сѣла подъ окномъ; сложивши руки, дожидалась она къ себѣ въ домъ пришествія дворянина, котораго мужикъ нагналъ на дорогѣ и сталъ звать къ себѣ на пиръ. Удивясь такому зову, онъ лишь смѣялся, и не хотя къ нему ѣхать, приказалъ своимъ людямъ, которые при немъ были, ѣхать къ мужику и послѣ разсказать, какъ онъ угоститъ ихъ. Люди поѣхали къ мужику въ гости и, пріѣхавъ туда, весьма удивились, что судя по хижинѣ — должно быть ему весьма бѣднымъ человѣкомъ, а по кушанью, которое поставлено на столѣ, знатнымъ господиномъ. Кушанья и напитковъ было поставлено на столѣ великое множество. Они сѣли за столъ, пили и ѣли и прохлаждались, и примѣтили, что мужикова жена — въ чемъ имѣла надобность, то просила у коробочки, и коробочка ей все то давала. Не выходя изъ избы, они послали одного изъ товарищей, чтобъ заказалъ сдѣлать точно такую же коробочку въ самое короткое время, которую бы немедленно принести къ нимъ такъ, чтобы ни мужикъ ни жена его того не примѣтили. Посланный побѣжалъ тотчасъ и велѣлъ сдѣлать такую же коробочку, и какъ ее принесли, то гости сіи взяли тихонько мужикову коробочку, а свою поставили на ея мѣсто, потомъ всѣ поѣхали отъ мужика и разсказали, какъ мужикъ ихъ потчивалъ. Жена же мужикова въ тотъ день къ вечеру и выбросила всѣ кушанья вонъ — затѣмъ, чтобы на другой день наварить свѣжаго. На утро пришла къ коробочкѣ и стала у нея просить того, что̀ ей было надобно и видя, что коробочка ничего больше ей не даетъ, призвала своего мужа и сказала: «Старый хрычъ! какую ты принёсъ мнѣ коробочку? она, видно, служила намъ только на время. Поди опять къ Вѣтру и проси у него, чтобъ отдалъ нашу муку, а не то такъ я прибью тебя до смерти!»

Бѣдный мужикъ пошелъ опять къ Вѣтру, и пришедши къ старухѣ, его матери, жаловался на свою жену. Старуха сказала ему: «Подожди моего сына; онъ скоро будетъ». Вскорѣ пришелъ Полуденный Вѣтеръ, и мужикъ началъ ему жаловаться на свою жену, а Вѣтеръ ему сказалъ: «Жаль мнѣ тебя, старика, что жена у тебя такъ зла; однако я тебѣ въ томъ помогу, и жена бить тебя больше не станетъ. Возьми эту бочку, и когда придешь домой, а жена твоя будетъ тебя бить, то стань позади бочки и скажи: пятеро изъ бочки, бейте мою жену! а когда они ее поколотятъ довольно, то скажи: пятеро опять въ бочку!» Мужикъ, поклонясь Вѣтру, пошелъ домой, и пришедши, сказалъ женѣ: «Вотъ тебѣ, жена, вмѣсто коробочки бочка!» Жена осердилась на своего мужа и сказала: «Что мнѣ въ твоей бочкѣ? для чего не принёсъ муки!» — и выговоря сіи слова, ухватила ухватъ и хотѣла бить своего мужа. Мужикъ тотчасъ сталъ за бочку и сказалъ: «Пятеро изъ бочки,

бейте мою жену хорошенько!» Вдругъ выскочили изъ бочки пять молодцовъ и стали бить мужикову жену. Мужикъ, видя, что поколотили ее довольно, и она стала просить его, чтобъ помиловалъ ее, сказалъ: «Пятеро опять въ бочку!» Съ тѣхъ поръ жена его стала посмирнѣе. Потомъ мужикъ сталъ помышлять о своей коробочкѣ и началъ подозрѣвать гостей своихъ, не подмѣнили ль они его коробочки. Онъ началъ совѣтовать со своею женою о томъ, какъ бы имъ опять достать свою коробочку. Жена ему на то сказала: «Когда теперь у тебя есть такая диковинная бочка, что можешь ты не только съ однимъ человѣкомъ, но даже и съ великими тысячами управляться, то поди вызови дворянина на поединокъ и требуй, чтобы онъ велѣлъ отдать тебѣ коробочку». Мужикъ принялъ сіе за хорошій совѣтъ, пошелъ къ дворянину и, пришедши къ нему, сталъ вызывать его на поединокъ. Онъ же, смѣяся мужицкому дурачеству, не хотѣлъ ему въ томъ отказать, а вздумалъ надъ нимъ посмѣяться, и для того приказалъ мужику выйти въ поле. Мужикъ взялъ свою бочку, и пошелъ и дожидался господина, который собралъ съ собою много людей и поѣхалъ къ мужику, и какъ скоро къ нему подъѣхалъ, то приказалъ служителямъ, чтобъ его будто шуткой хорошенько поколотили. Мужикъ видя, что надъ нимъ смѣются, да уже и бить стали, осердился на дворянина и на его людей и молвилъ: «Эй, баринъ! вели отдать мою коробочку, а не то худо всѣмъ будетъ!» Но видя, что бить его не перестаютъ, онъ закричалъ: «По пяти на каждаго изъ бочки, бейте хорошенько!» Тотчасъ выскочили изъ бочки на каждаго человѣка по пяти молодцовъ и стали бить всѣхъ немилостиво. Дворянинъ, убоясь, чтобъ его не убили, закричалъ во весь голосъ: «Мужичокъ! перестань бить, я велю отдать твою коробочку». Мужикъ, услышавъ то, закричалъ: «Эй, эй, молодцы! ступайте всѣ въ бочку!» Тотчасъ всѣ молодцы перестали бить и ушли въ бочку. Дворянинъ же приказалъ своимъ людямъ отдать коробочку, что̀ по повелѣнію его и учинено. А мужикъ, взявъ свою коробочку, принесъ домой и сталъ жить съ своею женою въ великомъ удовольствіи и тишинѣ.

Вѣтры олицетворены въ этой сказкѣ въ живыхъ человѣческихъ образахъ и, соотвѣтственно четыремъ сторонамъ свѣта, представляются четырьмя братьями. Въ заговорахъ упоминается даже семь братьевъ буйныхъ вѣтровъ (Библотека для Чтен. 1848 г., № IX, статья Гуляева. стр. 48). Та же сказка, въ малороссійской редакціи, вмѣсто матери выводитъ *вѣтрова батька*, къ которому мужикъ идетъ жаловаться: «Твій сынъ выбивъ у мене просо!» (Костомар., Славянск. миѳол., стр. 111; Молодикъ, 1843 г., ч. II, стр. 129). Такія сказочныя олицетворенія вѣтровъ — памятникъ отдаленной языческой старины. См. Поэт. Воззр., I, стр. 310 — 315.

Въ памятникахъ народной литературы другихъ индоевропейскихъ племенъ олицетворенія вѣтровъ очень обыкновенны. Иліада и Одиссея

передали намъ нѣсколько поэтическихъ преданій древности объ Эолѣ и подвластныхъ ему вѣтрахъ. Въ норвежской сказкѣ: «Soria-Moria Schloss» (Norweg. Märchen, I, № 27) герой разсказа идетъ искать этотъ таинственный замокъ, куда скрылась его милая царевна; онъ обращается съ просьбою къ Мѣсяцу указать ему путь-дорогу, но Мѣсяцъ не зналъ, гдѣ лежитъ замокъ, и не могъ помочь страннику.—«Подожди, сказала ему одна старуха: скоро придетъ Западной Вѣтеръ (Westwind); онъ, навѣрно, знаетъ дорогу въ замокъ, ибо дуетъ въ каждой уголъ». Пришелъ Западной Вѣтеръ и подулъ такъ, что хижина заскрипѣла. «Западный Вѣтеръ! Западный Вѣтеръ!—закричала старуха.—Знаешь ли ты дорогу въ Soria-Moria-Schloss? Здѣсь есть одинъ, желающій туда отправиться». — «Да, я знаю, и теперь же долженъ итти туда,—отвѣчалъ Вѣтеръ,—если онъ быстръ на ногу, то можетъ пуститься со мною въ путь». Сказочный герой надѣлъ семимильные сапоги, пошелъ вмѣстѣ съ Западнымъ Вѣтромъ черезъ горы и долы, и счастливо добрался до замка. Другая норвежская сказка (II, № 11) развиваетъ то же содержаніе съ болѣе поэтическими подробностями: жена царевича идетъ искать своего милаго, удалившагося въ далекой замокъ, что́ лежитъ на востокъ отъ солнца и на западъ отъ мѣсяца. Она пріѣхала къ Восточному Вѣтру, и спрашиваетъ его о дорогѣ въ загадочный замокъ. «Я не могу указать тебѣ этой дороги,—сказалъ Восточной Вѣтеръ,—ибо такъ далеко не дую, но хочешь — донесу тебя къ моему брату, Западному Вѣтру, онъ будетъ посильнѣе меня. Садись на мою спину!» Но и Западной Вѣтеръ не вѣдалъ дороги въ завѣтную сторону; на своей спинѣ понесъ онъ странницу къ Южному Вѣтру, а этотъ послѣдній къ Сѣверному Вѣтру, который былъ старшимъ и сильнѣйшимъ изъ всѣхъ четырехъ братьевъ: коли онъ не укажетъ дороги, тогда и искать нечего! Прибыли къ Сѣверному Вѣтру; онъ былъ столько дикъ и безпокоенъ, что еще издали обдалъ приближающихся холодомъ и снѣгомъ. На вопросъ о замкѣ, онъ отвѣчалъ: «Да, я знаю, гдѣ онъ лежитъ; разъ какъ-то донёсъ я туда осиновый листъ, но такъ утомился, что потомъ не въ силахъ былъ дуть цѣлый день. Если хочешь,—прибавилъ онъ странницѣ,—я готовъ нести тебя, пока буду въ силахъ». Рано на другое утро проснулся Сѣверный Вѣтеръ, подулъ съ необычайною силой и быстро понесся впередъ по воздуху, вмѣстѣ съ женою царевича. Поднялась страшная буря, цѣлыя деревни и лѣса были исторгнуты, и когда Вѣтеръ достигъ великаго моря, то въ водныхъ безднахъ потонули корабли. Несясь надъ водою дальше, Сѣверный Вѣтеръ становился все слабѣе и слабѣе, и наконецъ такъ утомился, что не могъ больше вѣять и сталъ опускаться ниже и ниже; уже волны морскія стали ударяться по его пяткамъ. Но земля была близко: Сѣверный Вѣтеръ собралъ послѣднія силы и донесся на берегъ, прямо къ завѣтному замку. Послѣ того онъ такъ ослабѣлъ, что долженъ былъ нѣсколько дней отдыхать, чтобъ собраться съ силами на возвратный путь. Подоб-

ныя же указанія находимъ въ Kinder-und Hausmärchen, II, № 88; Zeitschrift Вольфа, I, стр. 311, и Српске приповијетке, № 10, стр. 72.

Съ сказкою о «смирномъ мужикѣ и драчливой женѣ» и съ напечатанными въ нашемъ сборникѣ подъ №№ 108 и 109 сходны: a) норвежская сказка (I, № 7) о мужикѣ, который за развѣянную муку получаетъ отъ Сѣвернаго Вѣтра Tuch deck dich, козла (вмѣсто коня, разсыпающагося серебромъ и золотомъ) и палку, которая сама бьетъ; b) нѣмецкая (Kinder-und Hausmärchen, I, стр. 211): «Tischchen deck dich, Goldesel und Knuppel aus dem Sack»; c) литовская (въ изданіи Шлейхера, стр. 105 — 8); d) сербская (въ сборникѣ Николича — см. Матеріалы для изученія народн. словесности, изд. Худякова, стр. 18 — 20), въ которой св. Савва даетъ мѣшокъ, всегда полный жита, неисчерпаемый кошелекъ съ дукатами и дубинку; e) хорутанская (у Валявца, стр. 171 — 4); f) кашубская — въ Slov. čitanka, стр. 97 — 100; g) чешская (Малый, см. Библ. забавн. чтенія, связка 12-я, стр. 39 — 46; h) польская — Глинск., I, 243 — 254, IV, 117 — 133; i) малорусскія — Рудченко, II, № 31 — 32: здѣсь говорится о торбѣ, изъ которой выскакиваетъ убійственный *молотокъ;* k) въ сборникахъ Боричевскаго сказки: «Бездольный» (Слав. народн. разсказы, стр. 131) и «Подарокъ чародѣя» (Повѣсти и предан. нар. слав. племени, стр. 117), въ которыхъ упоминаются овца, разсыпающаяся червонцами, и кій-бій; l) въ греческихъ сказкахъ Гана, I, 43; M) въ собраніи валахскихъ сказокъ: «Три чудесныхъ дара» (№ 20): здѣсь встрѣчается оселъ, выбрасывающій изъ себя блестящіе дукаты; наконецъ n) въ изданіи: «Der Pentamerone oder das Märchen aller Märchen» сказки: «Der wilde Mann» (I, № 1) и «Die Monate» (II, № 42). Содержаніе хорутанской сказки такое: Были два брата: богатой и бѣдной. Бѣдной помогалъ богатому въ работѣ и разъ попросилъ у него для своихъ дѣтей кусокъ мяса. Богатой отрѣзалъ ему кусокъ, подалъ и сказалъ: «Возьми и ступай къ чорту!» Бѣдной въ самомъ дѣлѣ отправился искать чорта, шелъ-шелъ и пришелъ къ перевозу. Перевозчикъ разспросилъ его, куда и зачѣмъ идетъ, и потомъ сказалъ: «Смотри же, принесешь ты чорту мясо, онъ будетъ этому очень радъ, а ты взамѣнъ проси у него черную курицу; да кстати узнай, могу ли я избавиться отъ этого перевоза?» Бѣдной такъ и сдѣлалъ: узналъ, какъ избавиться перевозчику отъ своей трудной обязанности, и получилъ черную курицу, которая могла выбрасывать изъ себя деньги (koja nosi cekine kad ju gdo pritisne). На возвратномъ пути онъ зашелъ въ гостиницу, гдѣ у него подмѣнили диковинную курицу простою. Бѣдной воротился къ чорту и получилъ отъ него скатерть-хлѣбосолку (stolnjak — kad buš gladen, prestri ga na stol i reci: daj mi mesa, gibanice vina), но и скатерть обмѣнили въ гостиницѣ. Опять воротился къ чорту; въ этотъ разъ чортъ подарилъ ему клюку, iz koje moze šest regimentov soldatov iziti. Съ помощью клюки онъ добылъ назадъ и диковинную курицу и скатерть-хлѣбосолку. Вер-

нувшись домой, онъ натискалъ изъ курицы полный уголъ денегъ и послалъ просить у богатаго брата мѣрки, чтобы перемѣрить ихъ; тотъ сталъ выспрашивать, откуда у него взялись деньги. «Чортъ мнѣ за мясо заплатилъ». Богатой тотчасъ же взялъ цѣлой край мяса и отправился къ чорту: дошелъ до перевоза. Тутъ перевозчикъ далъ ему въ руки весло и сказалъ: «Налягъ!» Съ той поры и остался онъ на перевозѣ. Это сказаніе о перевозчикѣ повторяется и въ легендѣ о Маркѣ Богатомъ [1]). Интересна итальянская сказка о Мѣсяцахъ. Было, разсказываетъ она, два брата — богатой и бѣдной. Бѣднякъ, оставленный безъ помощи своимъ братомъ, пошелъ искать своего счастія; на пути остановился онъ въ одной гостиницѣ, въ которой грѣлись у огня двѣнадцать молодцовъ, и сѣлъ подлѣ нихъ, дрожа отъ холода. Одинъ изъ двѣнадцати незнакомцевъ, мрачный и суровый по виду, спросилъ пришельца: — «Что ты думаешь о тепершнемъ времени года?» — «Что думаю? — отвѣчалъ этотъ — я думаю, что всѣ мѣсяцы года исполняютъ свое дѣло; но мы сами, не зная — чего намъ желается, хотимъ давать законы небу и не разсуждаемъ о томъ, что́ намъ полезно или вредно; когда бываетъ вѣтрено и идетъ дождь — мы желаемъ жаркаго солнца, а въ августѣ просимъ тучъ: нисколько не думая, что отъ того можетъ погибнуть жатва». — Ты разсуждаешь, какъ Соломонъ; но нельзя же не признаться, что настоящій мѣсяцъ мартъ своимъ холодомъ, дождемъ снѣгомъ, вѣтрами и туманомъ причиняетъ намъ много печали».—«Ты говоришь только о непріятныхъ качествахъ этого мѣсяца,—отвѣчалъ бѣднякъ,—а не говоришь о той пользѣ, какую приноситъ онъ, приводя съ собою весну». Незнакомецъ съ радостью выслушалъ такой отвѣтъ, ибо это былъ самъ Мѣсяцъ Мартъ съ одиннадцатью своими братьями, и подарилъ благоразумному гостю красивый ящичекъ. «Если ты откроешь этотъ ящикъ, — сказалъ Мѣсяцъ, — то найдешь въ немъ все, что только пожелаешь». Бѣднякъ взялъ подарокъ, возвратился домой и скоро такъ разбогатѣлъ, что братъ его почувствовалъ всю горечь зависти и рѣшилъ итти въ тотъ же путь, какимъ достигъ своего счастья прежній безпомощный бѣднякъ. Онъ зашелъ въ ту же гостиницу, но въ разговорѣ съ Мѣсяцемъ Мартомъ разбранилъ погоду и самого его послалъ къ чорту. Мѣсяцъ Мартъ подарилъ ему молотильный цѣпъ. «Всякій разъ, какъ пожелаешь чего, — замѣтилъ Мѣсяцъ, — скажи только: цѣпъ! дай мнѣ сотню». Цѣпъ, разумѣется, порядкомъ отколотилъ этого неосторож-

---

[1]) Подобную же сказку смотри въ изданіи Westslawischer Märchenschatz, стр. 104—7, и въ сборникѣ Кульды, I, № 14, гдѣ говорится о красномъ пѣтухѣ—который если закричитъ, то изъ клюва его падаютъ дукаты, и въ сборникѣ Гальтриха, № 29, чортова бабушка даетъ бѣдному волосъ съ головы чорта; этотъ волосъ, какъ скоро бѣдной принесъ его домой, вдругъ сдѣлался такимъ огромнымъ, какъ шестъ, и оказался весь изъ чистаго золота.

наго искателя приключеній при первой же пробѣ [1]). Съ олицетворенными мѣсяцами встрѣчаемся мы и въ слѣдующей превосходной словацкой сказкѣ (Slov, pohadky a povesti od B. Nemčove, стр. 296 — 306; Westslawischer Märchenschatz, стр. 20 — 26):

Была мать, у ней было двѣ дочери: одна родная, а другая падчерица. Собственную дочь она очень любила, а падчерицу просто не могла видѣть, потому что послѣдняя, Марушка, была гораздо красивѣе, чѣмъ ея Голена. Добрая Марушка не знала о своей красотѣ и не могла объяснить себѣ, почему мать такъ злилась, какъ скоро она попадалась ей на глаза. Она должна была отправлять всѣ работы: убирать комнаты, варить, мыть, шить, прясть, ткать, приносить траву и заботиться о коровѣ; а Голена только наряжалась и оставалась постоянно въ праздности. Марушка трудилась охотно и терпѣливо, словно овечка, переносила ругательства и проклятія мачихи и сестры. Но это не помогало; день ото дня онѣ становились злѣе, потому что чѣмъ далѣе, тѣмъ Марушка дѣлалась прекраснѣе, а Голена дурнѣе. Вздумалось матери: зачѣмъ я должна терпѣть красивую падчерицу, если моя родная дочь далеко не красавица? Прійдутъ парни свататься, Марушка станетъ имъ нравиться, они не захотятъ Голены». Съ той минуты мачиха съ дочкою искали случая, какъ бы извести бѣдную Марушку; мучили ее голодомъ, били ее, но она все терпѣла и день ото дня становилась прекраснѣе. Однажды — это было въ серединѣ зимы — захотѣлось Голенѣ имѣть фіалки: «Ступай, Марушка, принеси мнѣ изъ лѣсу пучокъ фіалокъ! я хочу заткнуть цвѣты за поясъ и обонять ихъ запахъ». — «Ахъ, Боже! что тебѣ вздумалось, милая сестрица? Я никогда не слыхала, чтобы фіалки росли между снѣгами», отвѣчала бѣдная дѣвушка. «Ты смѣешь спорить, негодная тварь, жаба! когда я приказываю. Если ты не пойдешь въ лѣсъ и не принесешь фіалокъ, то я убью тебя до смерти», угрожала Голена. Мачиха схватила Марушку, вытолкнула ее вонъ и заперла за нею двери. Горько плача, пошла дѣвица въ лѣсъ. Снѣгъ лежалъ глубоко, нигдѣ не видать было слѣдовъ ноги. Долго блуждала бѣдная; она чувствовала и холодъ, и голодъ, и молила Бога, чтобы онъ взялъ ее лучше со свѣта. Замѣтивъ вдали огонь, она пошла на его блескъ и поднялась на вершину горы. На той горѣ пылалъ большой костеръ, а кругомъ огня на двѣнадцати камняхъ сидѣли двѣнадцать мужей: трое — старые, съ сѣдыми бородами, трое — немного помоложе, еще трое — возмужалыхъ лѣтъ, и наконецъ трое — самые юные и кра-

---

[1]) Здѣсь олицетворены мѣсяцы, а въ сказкѣ, переданной Далемъ: «о Морозѣ Снѣговичѣ и о другихъ родныхъ его братьяхъ»,—морозы (Повѣсти, сказки и разсказы казаза Луганскаго, т. III, стр. 448); см. также сказку (отзывающуюся, впрочемъ, сочиненіемъ) о семи страшныхъ Морозахъ, родныхъ братьяхъ, и о мужикахъ-колотырникахъ и о бабахъ-колотырницахъ и еще о московскихъ баламутахъ (М., 1833). То же олицетвореніе встрѣчаемъ въ лубочной картинѣ: «Похожденія о носѣ и о сильномъ Морозѣ.

сивые. Они молчали и тихо смотрѣли на огонь. Это были двѣнадцать Мѣсяцевъ. Ледяной Мѣсяцъ (декабрь) сидѣлъ всѣхъ выше на первомъ мѣстѣ; волосы и борода его были бѣлы, какъ снѣгъ; въ рукахъ держалъ онъ жезлъ. Нѣсколько времени Марушка стояла въ изумленіи, но потомъ собралась съ духомъ, приблизилась и стала просить: «Добрые люди! позвольте мнѣ обогрѣться у огня; я вся дрожу отъ холода!» Ледяной Мѣсяцъ кивнулъ головой и спросилъ: «Какъ ты, дѣвица, сюда зашла? и чего ищешь?» — «Я ищу фіалокъ», отвѣчала Марушка. «Теперь не время искать фіалокъ! вездѣ снѣгъ лежитъ», сказалъ Ледяной Мѣсяцъ. «Я сама это хорошо знаю,—отвѣчала печально Марушка.— Но моя мачиха и сестра Голена приказали мнѣ принести лѣсныхъ фіалокъ; если я не принесу, онѣ убьютъ меня до смерти. Государи-пастухи, умоляю васъ, укажите, не могу ли я гдѣ-нибудь отыскать фіалокъ?» Тогда Ледяной Мѣсяцъ поднялся, подошелъ къ самому юному Мѣсяцу, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «Братецъ Мартъ! сядь на первое мѣсто». Мѣсяцъ Мартъ занялъ мѣсто выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ тотъ же мигъ огонь запылалъ сильнѣе, снѣгъ началъ таять, на вѣткахъ стали показываться почки, подъ деревьями зазеленѣла трава, цвѣты пустили свои ростки—и вотъ наступила весна. Межъ кустарникомъ зацвѣли фіалки — ихъ было такъ много, такъ много, словно кто голубой коверъ разостлалъ. «Скорѣй, Марушка, рви!» сказалъ Мѣсяцъ Мартъ. Марушка съ радостью набрала большой букетъ, поблагодарила двѣнадцать мѣсяцевъ и поспѣшила домой. Какъ удивились Голена и мачиха, когда увидѣли, что Марушка несетъ имъ букетъ фіалокъ; отворили ей двери, она вошла и запахъ разлился по всему дому. «Гдѣ ты ихъ набрала?» спросила сердито Голена. «На высокой горѣ, тамъ ихъ много растетъ подъ кустами». Голена взяла цвѣты, заткнула за поясъ, нюхала сама и матери давала нюхать, а сестрѣ ни разу не промолвила: «Понюхай и ты!» Въ другой разъ Голена и мачиха послали Марушку за земляникой. Падчерица опять приходитъ къ мѣсяцамъ и встрѣчаетъ у нихъ тотъ же радушный пріемъ. Узнавши, въ чемъ дѣло, Ледяной Мѣсяцъ всталъ съ камня, подошелъ къ тому Мѣсяцу, что̀ сидѣлъ какъ разъ противъ него, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «Братецъ Іюнь! сядь на первое мѣсто». Прекрасный Мѣсяцъ Іюнь сѣлъ выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ тотъ же мигъ пламя поднялось высоко, снѣгъ быстро растаялъ, земля одѣлась травою, деревья листьями, птицы начали свои пѣсни, разнообразные цвѣты зацвѣли въ лѣсу, и вотъ наступило лѣто. Въ травѣ замелькали бѣленькія звѣздочки, словно кто ихъ нарочно насѣялъ; быстро, на глазахъ, эти бѣлыя звѣздочки переходятъ въ землянику, и тотчасъ же созрѣваютъ ягоды. Не успѣла Марушка оглянуться, какъ ихъ много-много высыпало на зеленомъ лугу, будто кто обагрилъ его каплями крови. Марушка набрала земляники и отнесла Голенѣ; та кушала ягоды и матери давала полакомиться, но ни разу не сказала Марушкѣ:

«Покушай и ты, сестрица!» Въ третій разъ захотѣлось Голенѣ красныхъ яблочковъ и она прогнала Марушку за яблоками. По глубокому снѣгу пришла бѣдняжка къ Мѣсяцамъ. Ледяной Мѣсяцъ передалъ свою власть брату Сентябрю. Сентябрь сѣлъ на первое мѣсто, махнулъ жезломъ поверхъ костра — огонь запылалъ ярче, снѣгъ пропалъ, и вскорѣ природа приняла грустный осенній видъ; листья падали съ деревьевъ одинъ за другимъ, и свѣжій вѣтеръ гналъ ихъ туда и сюда по сухой, пожелтѣлой травѣ. Марушка уже не видѣла разнообразныхъ цвѣтовъ, зато нашла яблоню съ сочными плодами. «Скорѣй тряси, Марушка!» сказалъ Сентябрь Мѣсяцъ. Она потрясла — упало одно красное яблочко, потрясла еще — упало другое. «Скорѣй теперь домой!» сказалъ ей Сентябрь; дѣвушка послушалась и принесла домой два яблока. Удивилась Голена, удивилась и мачиха. Гдѣ ты ихъ сорвала?» — «На высокой горѣ; тамъ ихъ еще много осталось».—«Зачѣмъ же ты не принесла больше?» закричала со злобой Голена. «Вѣрно сама дорогой поѣла?» — «Ахъ, милая сестрица! я ни одного яблочка не попробовала. Я потрясла дерево разъ — упало одно яблочко, потрясла еще — упало другое; а больше трусить мнѣ не позволили, приказали домой итти».—«Чтобъ тебя громомъ убило!» кляла Марушку Голена, и хотѣла бить ее. Бѣдняжка заплакала и убѣжала на кухню. Голена принялась за яблоко, и оно показалось ей необыкновенно вкуснымъ. Съѣла, и говоритъ матери: «Дай-ка мою шубу, я сама пойду въ лѣсъ; а то эта негодная тварь, пожалуй, опять все съѣстъ дорогою. Я обтрясу всѣ яблоки, хоть позволятъ, хоть нѣтъ — все равно!» Накинула шубу, платокъ на голову, и пошла изъ дома. Снѣгъ лежалъ глубокой; нигдѣ не видно было слѣдовъ ноги человѣческой. Долго она блуждала, наконецъ, пришла къ Мѣсяцамъ; не спрашивая ни у кого позволенія, Голена прямо подошла къ костру и стала грѣть свои руки. «Чего ты ищешь? Зачѣмъ сюда пришла?» строго спросилъ Ледяной Мѣсяцъ. «А ты что за спросъ, старой дуракъ! зачѣмъ тебѣ знать, куда я иду?» отвѣчала Голена и повернула въ лѣсъ. Ледяной Мѣсяцъ наморщилъ лобъ и поднялъ жезлъ надъ головою: въ тотъ же мигъ огонь сталъ горѣть слабѣе, небо помрачилось, снѣгъ повалилъ такими хлопьями, словно кто перину вытрясалъ; по лѣсу засвисталъ рѣзкой, все-оцѣпеняющій вѣтеръ. На одинъ шагъ передъ собою уже Голена ни зги не видала; она вязла въ снѣгу, проклинала Марушку и чувствовала, что члены ея коченѣютъ. Поджидая ее домой, мать смотрѣла въ окно, выбѣгала за ворота; но часы проходили одинъ за другимъ, а Голены не было. «Вѣрно, яблоки ей такъ понравились, что она отстать отъ нихъ не можетъ», подумала мать. «Пойду-ка я сама, посмотрю». Тотчасъ надѣла шубу, платокъ на голову, и пустилась искать дочку. Между тѣмъ время шло да шло; Марушка приготовила кушанье, убрала корову, а мачиха и Голена не ворочалась. «Гдѣ онѣ остаются такъ долго?» думала Марушка и усѣлась за прялку. Уже пряжа готова, на дворѣ смеркалось, а ихъ все нѣтъ. «Ахъ, Боже

мой! что съ ними приключилося?» сказала добрая дѣвушка; посмотрѣла въ окно — небо сіяло звѣздами, земля блистала снѣгомъ, но изъ людей никого не было видно; печально закрыла она окошко, перекрестилась, прочитала «Отче нашъ» за мачиху и сестру, и легла спать. На другой день ждала ихъ Марушка къ завтраку, и ждала къ обѣду, но напрасно — обѣ онѣ замерзли въ лѣсу. (Сличи съ началомъ сказки, напечатанной въ сборникѣ Валявца, стр. 221 — 2). Такъ глубоко проникнута жизнью природы чистая неподдѣльная народная поэзія! она слышитъ, какъ прозябаютъ травы, какъ шелестятъ лепестки распускающагося цвѣтка, и сочувственно отзывается на каждое, повидимому, незамѣтное и едва уловимое проявленіе жизненныхъ силъ. Другія словацкія сказки (ibidem, стр. 19—20) разсказываютъ о бѣднякѣ, который отъ зимняго холода вздумалъ итти на *стеклянную гору*, гдѣ всегда горитъ огонь и гдѣ можно согрѣться. На той горѣ увидѣлъ онъ большой пылавшій костеръ, и вокругъ него 12 мужей: это были слуги царя времени (sluhove kràla nad časem); въ теченіе года они 12 разъ мѣнялись своими мѣстами, и каждый въ свою очередь занималъ первое мѣсто. Они дозволили бѣдняку обогрѣться и на прощаньи подарили ему мѣшокъ горячихъ угольевъ, которые потомъ всѣ обратились въ золото. Очевидно, что стеклянная гора есть небо, а костеръ, вокругъ котораго возсѣдаютъ мѣсяцы, — символъ солнца, которое свѣтитъ то ярче (лѣтомъ), то блѣднѣе (зимою), и вмѣстѣ съ тѣмъ то животворнѣе, то слабѣе вліяютъ на производительность земли (см. Поэт. Воз., III, стр. 266 — 70 и 663 — 70). Двѣнадцать мѣсяцевъ заступаютъ здѣсь мѣсто тѣхъ болѣе древнихъ миѳическихъ олицетвореній, какія соединялись съ представленіемъ четырехъ временъ года. Валахская сказка о такъ называемыхъ *дняхъ старыхъ бабъ* (№ 6) прямо выводитъ дѣйствующимъ лицомъ весну. Въ русскихъ сказкахъ является иногда олицетворенный морозъ, т.-е. зима; съ нимъ же мы встрѣчаемся и въ одномъ изъ варіантовъ разбираемой нами сказки: посѣялъ мужикъ дикушу (гречу); она взошла, зазеленѣла. Разъ какъ-то вышелъ мужикъ поутру въ поле, глядь — дикуша прибита, примята. «Какой это злодѣй натворилъ!» Воротился домой, разсказалъ про свою бѣду женѣ; а она его въ толчки: «Это, говоритъ, Морозъ натворилъ; ступай-найди его и взыщи убытки!» Мужикъ пошелъ въ лѣсъ и запутался, туда-сюда — выбрался кое-какъ на незнакомую тропинку. Эта тропинка привела его къ ледяной избушкѣ — стоитъ избушка, вся снѣгомъ усыпана, сосульками убрана. Постучался въ дверь; вылѣзаетъ оттудова старикъ — весь бѣлой. Это былъ Морозъ; онъ даритъ мужику сначала скатерть-самобранку, а потомъ дубинку-самобой, и развитіе разсказа совершается обыкновеннымъ путемъ, какъ и въ другихъ спискахъ.

Есть еще другой варіантъ, интересный особенно потому, что въ немъ выведена *Судьба*. Жило-было два брата: старшій — богатой, да злой, меньшой — работящій, да бѣдной. Что ни дѣлалъ бѣднякъ, все

ему не удавалось. Вотъ онъ вздумалъ и пошелъ искать свою Долю; долго ли, коротко ли — нашелъ ее въ полѣ: лежитъ себѣ Доля, прохлаждается! Сталъ ее бить плетью, а самъ приговариваетъ: «Ахъ ты! Доля лѣнивая! у другихъ людей Доли ночь не спятъ, все для своихъ хозяевъ труждаются; а ты и днемъ ничего не дѣлаешь. По твоей милости мнѣ скоро и съ женой и съ дѣтками придется умирать съ голоду!»— «Полно, перестань драться! отвѣчаетъ ему Доля; вотъ тебѣ лубочный кузовокъ — только раскрой, будетъ что и попить и поѣсть тебѣ». Мужикъ пришелъ домой, раскрылъ кузовокъ, а тамъ — чего только душа желаетъ! Старшій братъ прослышалъ про то, пришелъ и отнялъ у него диковинку силою. Отправился бѣднякъ опять къ Долѣ, она ему дала золотой кузовокъ. Вышелъ онъ на дорогу, не захотѣлъ долго откладывать и тотчасъ открылъ золотой кузовокъ — какъ выскочили оттуда молодцы съ дубинками и давай его бить. Больно прибили, и спрятались въ кузовъ. «Ну,—думаетъ мужикъ,—этотъ кузовокъ не накормитъ-не напоитъ, а больше здоровья отыметъ! Не хочу его и брать-то съ собою!» Бросилъ золотой кузовъ на дорогѣ и пустился въ путь; прошелъ съ версту, оглянулся назадъ, — а кузовъ у него за плечами виситъ. Испугался мужикъ, сбросилъ его долой и побѣжалъ во всю прыть; бѣжитъ, ажно задыхается! Оглянулся назадъ, — а кузовъ опять за плечами... Нечего дѣлать, принесъ его домой. Старшій братъ польстился на золотой кузовокъ, пришелъ мѣняться: «Я тебѣ, говоритъ, отдамъ лубочный кузовокъ, а ты подавай сюда золотой». Помѣнялся, да потомъ долго-долго помнилъ эту неудачную мѣну.

Чудесной дубинкѣ въ нѣкоторыхъ сказкахъ придана сила, поражающая цѣлыя войска; въ одной редакціи она замѣнена *топоромъ-саморубомъ*, который, будучи брошенъ изъ рукъ своего владѣльца, рубитъ по его приказу непріятельскіе полки и строитъ города и корабли [1]). Этотъ топоръ-саморубъ напоминаетъ намъ всесокрушающій молотъ Тора. О значеніи топора-саморуба и сумы см. Поэт. Воззр., I, стр. 274 — 77. Одна нѣмецкая сказка говоритъ о солдатскомъ ранцѣ, ударяя въ который можно вызвать какое угодно войско, и о рожкѣ, при звукахъ котораго распадаются всякія укрѣпленія. Норвежскія сказки вспоминаютъ не только о скатерти-самобранкѣ, но еще о кранѣ, изъ котораго льются, по желанію, самые дорогіе напитки, и о мельницѣ, которая мелетъ все, что̀ ей прикажешь (Kinder-und Hausmärchen, I, № 54, 81; II, № 92, 97; Norweg. Märchen, I, № 19, 24; II, №, 8, 20; Ungarische Märchen, стр. 54).

---

[1]) «Сказка о шляпѣ-невидимкѣ, скатерти-самобранкѣ и топорѣ-саморубѣ» въ Собран. русск. народныхъ сказокъ (М., 1820); диковинки эти достаются сказочному герою отъ лѣшихъ.

110. Пѣтухъ и жорновцы [1]).

Жилъ да былъ себѣ старикъ со старухою, бѣдные-бѣдные! Хлѣба-то у нихъ не было; вотъ они поѣхали въ лѣсъ, набрали жолудей, привезли домой и начали ѣсть. Долго ли, коротко ли они ѣли, только старуха уронила одинъ жолудь въ подполье. Пустилъ жолудь ростокъ и въ небольшое время доросъ до полу. Старуха запримѣтила и говоритъ: «Старикъ! надобно полъ-та прорубить; пускай дубъ растетъ выше; какъ вырастетъ, не станемъ въ лѣсъ за жолудями ѣздить, станемъ въ избѣ рвать». Старикъ прорубилъ полъ; деревцо росло-росло и выросло до потолка. Старикъ разобралъ и потолокъ, а послѣ и крышу снялъ; дерево все растетъ да растетъ, и доросло до самаго неба. Не стало у старика со старухой жолудей, взялъ онъ мѣшокъ и полѣзъ на дубъ. Лѣзъ-лѣзъ и взобрался на небо [2]). Ходилъ-ходилъ по небу, увидалъ: сидитъ кочетокъ-золотой гребенёкъ, маслена головка и стоятъ жорновцы. Вотъ старикъ-атъ долго не думалъ, захватилъ съ собою и кочетка и жорновцы и спустился въ избу. Спустился и говоритъ: «Какъ намъ, старуха, быть, что намъ ѣсть?»—«Постой,—молвила старуха,—я попробую жорновцы». Взяла жорновцы и стала молоть: анъ блинъ да пирогъ, блинъ да пирогъ! что̀ ни повернетъ — все блинъ да пирогъ!... и накормила старика.

Ѣхалъ мимо какой-то баринъ, и заѣхалъ къ старику со старушкой въ хату. «Нѣтъ ли, спрашиваетъ, чего-нибудь поѣсть?» Старуха говоритъ: «Чего тебѣ, родимой, дать поѣсть, развѣ блинковъ?» Взяла жорновцы и намолола: нападали блинки да пирожки. Проѣзжій поѣлъ и говоритъ: «Продай мнѣ, бабушка, твои жорновцы».—Нѣтъ,—говоритъ старушка,—продать нельзя». Онъ взялъ да и укралъ у ней жорновцы. Какъ увѣдали старикъ со старушкою, что украдены жорновцы, стали горе горевать. «Постой,—говоритъ кочетокъ-золотой гребенёкъ,—я полечу, догоню!» Прилетѣлъ онъ къ боярскимъ хоромамъ, сѣлъ на ворота и кричитъ: «кукуреку! бояринъ, бояринъ, отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ, отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Какъ услыхалъ баринъ, сейчасъ приказываетъ: «Эй, малой! возьми брось его въ воду». Поймали кочетка, бросили въ колодезь; онъ сталъ приговаривать: «Носикъ, носикъ! пей воду; ротикъ, ротикъ! пей воду» — и вышилъ всю воду. Вышилъ всю воду и полетѣлъ къ боярскимъ хоромамъ; усѣлся на балконъ и опять кричитъ: «кукуреку! бояринъ, бояринъ, отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ, отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Баринъ велѣлъ

---

[1]) Ручная мельница.

[2]) *Варіантъ:* Жили себѣ дѣдъ да баба. Разъ ѣли они горохъ, и уронили подъ полъ одну горошину. Стала она расти, росла-росла и выросла до самаго потолка. Дѣдъ разобралъ крышу и потолокъ; а горошина взялась расти до самаго неба. Полѣзъ дѣдъ на небо.

повару бросить его въ горячую печь. Поймали кочетка, бросили въ горячую печь — прямо въ огонь; онъ и сталъ приговаривать: «Носикъ, носикъ! лей воду; ротикъ, ротикъ! лей воду» — и залилъ весь жаръ въ печи. Вспорхнулъ, влетѣлъ въ боярскую горницу и опять кричитъ: «Кукуреку, бояринъ, бояринъ, отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ, отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Гости услыхали это и побѣгли изъ дома, а хозяинъ побѣгъ догонять ихъ; кочетокъ-золотой гребенёкъ схватилъ жорновцы и улетѣлъ съ ними къ старику и старухѣ.

(Записана въ Воронежскомъ уѣздѣ).

(Примѣчаніе. См. въ Staročeske powesti, zpewy, slawnosti, hry, sbyceąe a nàpewy, собралъ S. Sumlork, II. стр. 462 — 4: Pohàdka o zlatem mlejnku; здѣсь находится въ стеклянномъ замкѣ мельница, которая мелетъ деньги — дукаты; потомъ упоминаются: ранецъ, изъ котораго, если стукнуть въ него — выходитъ войско, столъ, скатерть-самобранка.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

71. Три царства: мѣдное, серебряное и золотое 3
72. Фролка-сидень 19
73. Норка-звѣрь 22
74. Пакатигорошекъ 32
75. Иванъ Попяловъ 52
76. Буря богатырь Иванъ-коровій сынъ 54
77. Иванъ Быковичъ 69
78. Иванъ-крестьянской сынъ и мужичекъ-самъ съ перстъ, усы на семь верстъ. 78
79. Иванъ Сученко и Бѣлой Полянинъ 82
80. Зорька, Вечорка и Полуночка 88
81. Медвѣдко, Усыня, Горыня и Дубыня богатыри 92
82. Надзей паповъ унукъ 102
83. Летучій корабль 106
84. Семь Семіоновъ 115
85. Никита Кожемяка 128
86. Змѣй и Цыганъ 131
87. Батракъ 134
88. Шабарша 137
89. Иванко Медвѣдко 139
90. Солдатъ избавляетъ царевну 147
91. Бѣглой солдатъ и чортъ 151
92. Два Ивана-солдатскихъ сына 154
93. Кощей безсмертный 165
94. Марья Моревна 188
95. Ѳедоръ Тугаринъ и Анастасія Прекрасная 195
96. Иванъ-царевичъ и Бѣлый Полянинъ 208
97. Хрустальная гора 213
98. Бухтанъ Бухтановичъ 215
99. Кузьма Скоробогатый 217
100. Емеля-дуракъ 223
101. По щучьему велѣнію 232
102. Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жаръ-птицѣ и о сѣромъ волкѣ . . . 237
103. Жаръ-птица и Василиса-царевна 246
104. Сказка о молодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблок. и живой водѣ . 255
105. Сивко-бурко 287
106. Свинка-золотая щетинка, утка-золотыя перушки, золоторогій олень и золотогривый конь 297
107. Волшебный конь 313
108. Конь, скатерть и рожокъ 318
109. Двое изъ сумы 319
110. Пѣтухъ и жорновцы 334

2007053986